

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

12

ИСТОРИЧЕСКАЯ
И ШЛЯПОТЪКЪЯ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

1879.

№ 10. Октябрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

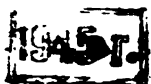
ВЪ ТИПОГРАФИИ Ф. СУЩИНСКАГО.
Визаринский каналъ, 168.

1879

7035
570

СОДЕРЖАНИЕ № 10.

- 1 Престолъ и монастырь.
  - 2 За живою изгородью.
  - 3 Пугачевскій бунтъ.
  - 4 Библиографическій указатель.
  - 5 Матеріалы, замѣтки и новости.
  - 6 Основныя эпохи въ исторіи Англій.
-

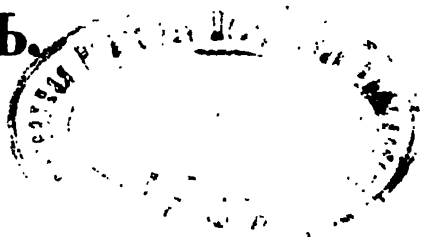

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИЖНОТЪБЯ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ.

1879.

№ 10. Октябрь.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Ф. СУЩИНСКАГО.

Екатерининский каналъ 168.

1879

изгородью (вандейская война), ист. пов. Витта; Семинаристъ Богословскаго; Новгородскія Былины Авенариуса; ученаго содержанія—Флоренція въ XIV в., ист.-вул. очеркъ Красноперова; Очеркъ Провансальской поэзіи любви, Деларю; Описаніе Московіи по реляціямъ Карлейля, Павловскаго; Арсеній архіеп. Элассонскій, Оглоблина; Пугачевскій бунтъ по Кастеру, Деларю; Индусы и Будда, Новоселова; Сервантесъ, покойн. проф. Селина; Тюремный вопросъ, Никитина; Основныя эпохи въ исторіи Англій, Павлова и мн. друг., не считая мелкихъ статей. Въ будущемъ же году (редакція предполагаетъ увеличить объемъ книгъ) будутъ помѣщены, кромѣ многихъ другихъ, слѣдующія произведенія: Царскій выборъ ист. пов. Политовскаго, Тѣни Прошлаго (Биронъ и Волинскій) хроника-романъ Шубарскаго, (псевдонимъ) автора «Престоль и Монастырь», Аттѣа по Дункеру, матеріалы для русской исторіи XVIII в., Послѣдніе Стюарты, нѣсколько переводовъ лучшихъ иностранныхъ историческихкихъ сочиненій и др.

Цѣна годовому изданію 6 руб. 50 к., съ перес. 8 руб. Подписка принимается въ редакціи (Бол. Садовая д. 121 кв. 12) и въ книж. магазинѣ Я. Исакова, гос. дв. № 24. Иногородные благоволятъ адресовать въ Петербургъ, въ Редакцію журнала «Историческая Библіотека» (Бол. Садовая д. 121).

Г.г. Подписчики текущаго года получаютъ всѣ вышедшіе номера.

ПРЕСТОЛЪ и МОНАСТЫРЬ.

(1689 г.).

ГЛАВА XII.

На другой день любимый дядька Ивана Алексѣевича бояринъ князь Петръ Ивановичъ, пріѣхавшій въ Москву, вручилъ старшему царю собственноручное письмо Петра, въ которомъ тотъ просилъ его уполномочить на перемѣщеніе и назначеніе судей, кромѣ этого боярину поручено было словесно испросить у царя Ивана разрѣшеніе на самостоятельныя распоряженія въ Троицѣ по розыскному дѣлу.

Захирѣвшій Иванъ Алексѣевичъ не противорѣчилъ и охотно предоставилъ младшему брату полную самостоятельность.

Петровская партія увидѣла себя развязанной, единовластной и первымъ дѣломъ поспѣшила укрѣпить подъ собою почву. Тотчасъ, по полученіи согласія старшаго царя, изъ Троицкаго монастыря вышелъ царскій указъ, исключавшій имя царевны-правительницы изъ всѣхъ актовъ, гдѣ оно упоминалось рядомъ съ именами обоихъ государей. Но этого было мало. Пока Софья Алексѣевна жила въ Кремлѣ и пользовалась свободой, она могла

собраться съ силами и при удобномъ случаѣ объявить отъ себя рѣшительную протестацію, опираясь на всегда существующую партію недовольныхъ. Рѣшено было удалить царевну, запереть ее въ монастырь, а захваченныхъ ея преданныхъ слугъ—казнить.

Для исполненія первой задачи, какъ самой щекотливой въ виду неминуемаго противодѣйствія со стороны царевны, посланъ былъ въ Москву все тотъ же князь Иванъ Борисовичъ, выказавшій въ это смутное время столько находчивости и стойкости, а исполненіемъ второй, т. е. развязкой съ приверженцами правительницы, заботились всѣ собравшіеся въ Троицѣ сторонники Петра.

Но эти сторонники несоставляли собою плотной однородной массы, пронизанной единымъ направленіемъ и преслѣдуемой одними интересами, напротивъ, ихъ соединяло только одно противодѣйствіе правительницѣ, не симпатичной имъ по пренебреженію ею стариннаго боярскаго значенія. Поэтому, по уничтоженіи этого связующаго интереса, изъ этихъ сторонниковъ тотчасъ же выработались особая партія: Нарышкинская, Лопухинская, иноземская и друг. съ ихъ личными интересами. Какъ непрочно было единодушіе сторонниковъ Петра, можно видѣть изъ ссоры, возникшей на первыхъ же порахъ, по поводу Василья Васильевича.

Тѣсная дружба связывала двоюродныхъ братьевъ Василья Васильевича и Бориса Алексѣевича, не смотря на разность нѣкоторыхъ взглядовъ и на положеніе ихъ въ противоположныхъ лагерахъ. Дружба эта не прекратилась съ паденіемъ правительства Софьи, и нерѣдко гонцы съ искренними дружескими письмами переѣзжали изъ Троицы въ Медвѣдково и обратно. Да еслибъ даже и не было такихъ короткихъ отношеній, одна принадлежность ихъ въ одному вѣрному, святости кровнаго союза заставила бы ихъ принимать горячее участіе другъ въ другѣ. Борисъ Алексѣичъ съ жаромъ защищалъ передъ Петромъ своего брата и успѣлъ таки избавить его отъ всякихъ распро-

совѣ и допросовѣ, пыточныхъ и непыточныхъ, по оговору Шакловитаго.

Съ другой стороны заклятыми врагами оберегателя явились сама царица Наталья Кирилловна, ея братъ и невѣстка съ родственниками. Старая царица, постоянно видѣвшая въ падчерицѣ въ себѣ упорное недоброжелательство, естественно приписывала это чуждому вліянію и въ особенности вліянію Василья Васильича. Вытерпѣвъ столько мученій, Наталья Кирилловна видѣла въ князѣ главнаго виновника своихъ страданій. Очерствѣлая и сухая, она жила только двумя чувствами: любовью къ сыну и ненавистью къ оберегателю. Понятно, что при такомъ настроеніи Наталья Кирилловна придавала особую цѣну оговорамъ Шакловитаго и употребляла все свое вліяніе на сына къ обвиненію и гибели Голицына.

Между такими двумя противоположными совѣтами, молодой царь выбралъ середину и, конечно, не удовлетворилъ ни ту, ни другую сторону.

9 сентября утромъ князя Василья Васильича позвали съ посада въ монастырь. Не получая извѣстій отъ брата, онъ обрадовался этому зову и взялъ съ собой объяснительную записку въ 17 статьяхъ, но его къ царю не допустили. Думный дьякъ, остановивъ его у дворцоваго крыльца, громко передъ многочисленной толпой народа прочиталъ ему царскій указъ, которымъ они, Голицыны, отецъ и сынъ, лишались боярскаго званія и ссылались, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, въ Каргополь. Все имущество ихъ конфисковалось на государя. О показаніяхъ Шакловитаго относительно подстрекательства къ убійству Натальи Кирилловны и относительно сбора стрѣльцовъ въ указѣ не упоминалось ни слова.

Въ такомъ положеніи, въ какомъ находился Василій Васильичъ, его не могъ удивить или поразить подобный приговоръ, и самъ онъ отнесся къ нему почти безропотно.

Исполненіемъ приговора торопились; быстро снарядили все семейство Голицыныхъ и подъ присмотромъ пристава Бредина съ стрѣльцами отправили въ путь.

Но если безропотно отнесся въ своей участи самъ Василій Васильичъ, то не такъ равнодушно узнали о такомъ приговорѣ его враги. Старой царицѣ наказаніе показалось слишкомъ ничтожнымъ въ сравненіи съ тѣмъ зломъ, которое она вынесла. И вотъ подъ ея вліаніемъ, бывшіе въ Троицѣ дворяне на другой же день составили челобитную къ царю Петру, въ которой просили его пытать Шакловитаго на площади всенародно для подробнаго раскрытія участія въ замыслахъ царевны всѣхъ сообщниковъ. Это незванное вмѣшательство не могло понравиться молодому государю, и онъ приказалъ объявить челобитчикамъ приказаніе впередъ не мѣшаться не въ свое дѣло и что онъ показанія Шакловитаго находитъ достаточными.

Окружающіе замолкли, но старая царица не остановилась. Сдержавъ себя на первое время, она и по ея совѣту молодая жена не упустили въ послѣдствіи никакого случая возбудить Петра противъ Голицына и наконецъ достигли отчасти своей цѣли.

Черезъ нѣсколько дней посланъ былъ стольникъ Скрабинъ съ порученіемъ догнать опальныхъ Голицыныхъ и объявить имъ новое распоряженіе. Скрабинъ догналъ ихъ уже въ Ярославлѣ, отобралъ по допроснымъ пунктамъ отвѣты противъ показаній Шакловитаго и подъ надежной охраной пятидесяти стрѣльцовъ повезъ уже не въ Каргополь, а въ Яренскъ, тогда бѣдную зырянскую деревушку *) не болѣе, какъ изъ 30 дворовъ, въ 700 верстахъ отъ Вологды.

Вопросъ о судьбѣ Голицыныхъ кончился, но борьба, возникшая по поводу ихъ между Борисомъ Алексѣевичемъ и Нарышкинскою партіей, проявилась потомъ по другому поводу при иной обстановкѣ.

За исключеніемъ Голицыныхъ, участь остальныхъ

---

*) Впослѣдствіи Василій Васильевичъ, со всѣмъ семействомъ своимъ, перевезенъ былъ изъ Яренска въ Пустозерскъ, а оттуда въ Пинежскій волокъ, гдѣ и умеръ въ старости, забытый всѣми.

преданныхъ лицъ царевны подлежала суду боярскому и не вызывала затрудненій. По боярскому приговору 11 сентября изъ арестованныхъ: овольничій Шакловитый, стрѣleckіе пятидесятники Обросимъ Петровъ, Кузьма Черный, пачисотенный Иванъ Муромцевъ, полковникъ Семень Рязановъ и стрѣлецъ Дементій Лаврентьевъ были приговорены къ смертной казни, а остальные—къ нещадному наказанію кнутомъ и къ ссылке въ Сибирь. Кромѣ того, изъ сотрудниковъ князя Василья его ратный товарищъ, Сѣвскій воевода, Леонтій Романовичъ Неплюевъ былъ лишень чести, званія, всего имѣнія и осужденъ къ вѣчной ссылке въ Пустозерскъ. Другой сотрудникъ Змѣевъ сосланъ на житье въ его Костромское имѣніе. Только Думный дворянинъ Косоговъ и Думный дьякъ Украинцевъ не были наказаны и оставлены на прежнихъ мѣстахъ.

Счастливыи поворотъ обстоятельствъ расположилъ въ милосердію молодого царя, тогда еще не очерствѣлаго и не раздраженнаго смѣлою стойкостью противной партіи. По разсказу Гордона, съ которымъ одинаково говорятъ и другіе современные очевидцы, Петръ высказывалъ намѣреніе пощадить жизнь всѣхъ обвиненныхъ, и только по усиленнымъ убѣжденіямъ патріарха согласился на смертную казнь главныхъ трехъ преступниковъ: Шакловитато, Петрова и Чернаго. Такимъ образомъ и на этотъ разъ церковь не измѣнила своимъ традиціямъ, какъ вѣрнаго охранителя самодержавной власти.

Приговоръ былъ исполненъ 12 сентября на открытомъ мѣстѣ передъ монастыремъ у Московской дороги, при многочисленномъ стеченіи народа.

Послѣдніе три дня Федора Леонтыча не тревожили допросами, и объ немъ какъ будто забыли. Еще болѣе захудѣлъ онъ за это время. Послѣ лукулловскаго обѣда у князя Троекурова снова наступили долгіе голодные дни, такъ какъ кусокъ чернаго сахарузлаго хлѣба и кружка какой-то желтоватой вонючей воды не могли приходиться

по вкусу желуду, привышему къ сочнымъ боярскимъ яствамъ.

Вотъ и третій день прошелъ, а меня не токма пытать, а не спрашиваютъ, думалъ заключенный, полулежа или полусидя на связѣ соломы въ своемъ совершенно почти темномъ ящикѣ-каморѣ, грязномъ и вонючемъ, безъ скамьи и стола, не дошла-ли царевна у Ивана Алексѣича моего освобожденія. Царевнѣ, вѣдь, безъ меня не жить... Развѣ заболѣла съ испуга и горя... Ужъ не умерла-ли? Нѣтъ... тогда и царь здѣсь не жилъ-бы, уѣхалъ-бы въ Москву... Чаю, скоро придуть за мной...

Дѣйствительно за Ѳеодоромъ Леонтьичемъ скоро пришли освободить, и пришла даже цѣлая команда. Только чудно это освобожденіе: лица у пришедшихъ серьезныя и мрачныя, подняли такъ грубо, не такъ какъ стрѣлцаго начальника, руки связали, вывели изъ тюрмы, но повели не къ дворцу, а вонъ изъ монастыря. На дорогѣ присоединились еще такія же команды съ Обросьвой, Кузьмой, Дементьемъ, Ивашкой и Семеномъ Разановымъ. Прошли монастырскій дворъ и вышли изъ ограды на площадь. Народу тѣма кипитъ и все толкается около какого-то возвышающагося помоста, на которомъ прохаживается странный человѣкъ. Догадался наконецъ Ѳеодоръ Леонтьичъ за какимъ дѣломъ привели ихъ... остановился... уперся... Грубые толчки заставили однакожь все приближаться и приближаться къ рововому мѣсту. Вотъ оно что... казнитъ... какъ-то туманно пробѣжало по мозгу. Да не острастка-ли?..

Вотъ подошли они вплоть къ помосту. Думный дьякъ прочиталъ смертный приговоръ, смысла котораго Ѳеодоръ Леонтьичъ даже и не понялъ, такъ въ головѣ все слилось и затуманилось. Слышать... это-то, какъ будто голосъ Оброськи, причитаешь, плачешь, каешься передъ православными, крестится и проситъ въ чемъ-то прощенія... Зачѣмъ онъ убивается? вѣдь это такъ... случается, и положить вонъ туда на плаху, а потомъ и снять и отпустить на свободу на всѣ четыре стороны. Съ дикими, безумно-

расширенными глазами поднялся машинально Ѳеодоръ Леонтьичъ на помость, безсознательно по привычкѣ сотворилъ правой рукой крестное знаменіе, не почувствовалъ, какъ самъ-ли онъ наклонился или другіе наклонили низко... низко... такъ, что голова веснулась плахи... Вотъ сейчасъ прочтутъ приговоръ и поднимутъ... но не сошелъ Ѳеодоръ Леонтьичъ, а только красивая голова его скатилась съ помоста.

Вслѣдъ за головой стрѣлцаго начальника скатились головы Обросима Петрова и Кузьмы Чернаго.

Съ полковникомъ Рязановымъ, Муромцевымъ и Лаврентьевымъ поступлено было иначе. Ихъ тоже вводили на помость, тоже клали головы на плахи, но тотчасъ же поднимали и раздѣвъ укладывали ничкомъ... Другой человекъ явился съ ремненнымъ вѣшломъ и... билъ нещадно. Подняли ихъ безчувственныхъ, вырѣзали языки и отнесли... Куда?.. для отправки на вѣчное житье въ Сибирь.

Не менѣе тяжкая доля постигла и другихъ преданныхъ лицъ царевны. Преподобный монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ, предвидя неминуемую развязку, тотчасъ по приѣздѣ въ Кремль полковника Нечаева, убѣжалъ, вмѣстѣ съ Никитой Гладкимъ, изъ Москвы въ монастырское село Микулино (въ 7 верстахъ отъ Москвы) въ другу своему разстригъ попу Григорію, а оттуда побѣжали въ Польшу. Пробираясь по Смоленской дорогѣ, они остановились на вѣсколько дней отдохнуть въ Бизювовомъ монастырѣ, близъ Дорогобужа, у стараго знакомца своего игумена Вареоломея. Здѣсь-то и захватилъ ихъ Дорогобужскій воевода Борисъ Суворовъ, извѣщенный послушникомъ отца Вареоломея. Медвѣдева и Гладкаго доставили въ Троицкій монастырь спустя два дня послѣ казни Шапловитаго.

Начались новые допросы. Медвѣдевъ показалъ, что онъ зналъ о намѣреніи царевны вѣнчаться царскимъ вѣнцомъ, что дѣйствительно подписывалъ къ ея портрету полный титулъ и вирши, что слышалъ отъ Шапловитаго

намеки на убійство царицы Натальи Кирилловны въ такихъ выраженіяхъ: «если бы ее (Натальи Кирилловны) не было, у государыни царевны съ братомъ было-бы совѣтно», но затѣмъ отрезся отъ всякаго соучастія въ преступныхъ замыслахъ. Точно также и на вторичномъ допросѣ подъ ударами внута, послѣ разстриженія и отлученія отъ церкви, онъ ничего новаго не высказалъ.

Богѣ податливымъ оказался другъ его Никита Гладкій. Какъ на первомъ допросѣ, такъ и на второмъ поды пыткой, онъ сознавался, и во всемъ показывая согласно съ показаніями Обросима Петрова, плакалъ и кричалъ:

— Во всемъ виновата царевна Софья Алексѣевна, взыщеть на ней Господь Богъ за нашу кровь!

Обоихъ ихъ тогда же приговорили въ смертной казни, но приговоръ былъ исполненъ только надъ однимъ Гладкимъ; Медвѣдева же, вѣроятно по ходатайству патриарха, заключили въ келью Троицкаго монастыря, гдѣ и подвергнули его увѣщаніямъ архимандрита Новоспасскаго монастыря Игнатія и ученаго грека Лихуды Софронія. Потомъ, уже ночи черезъ полтора года, когда захваченъ былъ одинъ изъ главныхъ сообщниковъ Шакловитаго Алексѣй Стрижевъ и открыты были тѣсныя сношенія Сильвестра съ чародѣемъ полякомъ Силинымъ, Медвѣдева снова допрашивали поды страшной пыткой «огнемъ и желѣзомъ» и наконецъ казнили смертью 11-го февраля 1691 года.

Безустанно работали заплечные мастера, полосуя тѣла и отрубая головы приверженцевъ правительницы, и никого почти въ живыхъ не осталось.

Иванъ Борисовичъ пріѣхалъ въ Москву съ порученіемъ выжить царевну изъ кремлевскихъ палатъ и водворить ее въ Новодѣвичій монастырь. Не легкое было это порученіе. На убѣжденія расчитывать было трудно,

а на насиліе онъ не былъ уполномоченъ, да и старшій царь Иванъ едва-ли бы согласился. Оставалось только надѣяться на настойчивость, да на то, что правительница наконецъ сама убѣдится на невозможность дальнѣйшаго своего пребыванія въ Кремлѣ.

Первое возбужденіе, выказанное правительницей въ первый день новаго года, по случаю пріѣзда полковника Нечаева, смѣнилось упадкомъ силъ—апатіей. Совершеннымъ автоматомъ прожила она послѣдующіе дни, дни буйства стрѣльцовъ, взятія Шаковитаго и всѣхъ ея приближенныхъ. Да и не было вокругъ нея ничего, что могло бы пробудить упавшую энергію. Вѣсти, доходившія до нея, были крайне неутѣшительны. Постельница ея, Арина Федоровна Оглобина, водившая большое и короткое знакомство въ стрѣлецкихъ слободахъ, каждый день передавала ей все, что узнавала отъ стрѣльчихъ, мужья которыхъ были въ Троицкомъ монастырѣ. Оглобина послѣдовательно рассказывала царевнѣ свѣдѣнія о допросахъ Шаковитаго, Обросима Петрова и другихъ, объ ихъ показаніяхъ и наконецъ объ ихъ казни.

Какъ повліяла на нее смерть Федора Леонтьича?

Странное дѣло. Самая тѣсная связь соединяла ее съ Шаковитымъ, а между тѣмъ она отнеслась къ его смерти почти равнодушно; ее даже болѣе поразила участь Петрова, Чермнаго и Рязанова. Но еще съ большимъ интересомъ, съ большимъ сердечнымъ участіемъ слѣдила она за борьбой, начавшейся о судьбѣ Голицыныхъ.

Царевнѣ минуло тридцать два года, а она еще никого не любила. Девять лѣтъ тому назадъ поддавшись вліянію обольстительной рѣчи Голицына, она отдалась ему, серьезно привязалась и думала выдти за него замужъ, но разница въ годахъ и взглядахъ скоро провела между ними рѣзкую разъединяющую черту. Молодой, живой умъ, жаждущій дѣятельности, подѣлиться избыткомъ своихъ силъ для счастья другихъ, не могъ сродниться съ постояннымъ холоднымъ расчетомъ, съ математическими выкладками житейской опытности князя, и

она отошла отъ него, но все-таки сохраняла къ нему преданность и уваженіе къ его уму, дарованіямъ и обширному образованію. Но отсутствіе въ Крымскомъ походѣ... Подвернулся худородный красавецъ. Заговорило животное чувство, потребность самви, и царевна допустила его къ себѣ, не разсмотрѣвъ на сколько подходит онъ къ ней по духовному развитію. И вотъ въ странномъ положеніи очутилась она. Тѣломъ принадлежала она ему, но чѣмъ ближе и чаще становились отношенія, тѣмъ дальше она уходила отъ него. Скудоуміе и эгоизмъ худороднаго все яснѣе и яснѣе рисовались въ ея глазахъ, и въ послѣднее время у ней явилось какое-то отвращеніе къ нему. Иногда пыталась она наложить на его образъ лучшія краски, обмануть и оправдать себя, поставить его на высоту, но и эти самыя усилія все болѣе отдаляли.

Царевна старалась забытья въ трудахъ, отдаваясь дѣлу правленія, но сердце женское присасывается ко всему, живетъ и вѣчно работаетъ. По неимѣнію субъекта для любви, оно присасывается къ чувству ненависти... Любовь и ненависть — по сущности одинаковы; какъ-то, такъ и другое приноситъ страстное увлеченіе.

Съ ребяческихъ лѣтъ жизнь поставила царевну въ непріязненныя отношенія къ мачихѣ, и эти отношенія естественно перешли, подъ вліяніемъ сложившихся обстоятельствъ, въ ненависть. Старая царица и молодой царевна ненавидѣли другъ друга, и это перешло къ ихъ приближеннымъ, думающимъ, живущимъ ихъ головой. Вотъ почему у всѣхъ старыхъ стрѣльцовъ и у Шабло-витаго постоянно одна мысль *принять старую царицу мѣдвѣдицу*, а не ея сына, тогда какъ весь политическій интересъ долженъ бы сосредоточиваться на немъ.

Ненависть противъ Петра у царевны развилась уже впоследствии, послѣ смерти старой царицы, отъ униженія, лишенія власти и личного оскорбленія.

Когда апатическое состояніе духа послѣ первыхъ чиселъ сентября у царевны миновало, и она трезво оглянула свое положеніе, оно представилось ей мрачнымъ,

но не безнадежнымъ. Правда, она лишилась почти всѣхъ преданныхъ, то засѣченныхъ, то обезглавленныхъ, но въ средѣ старыхъ стрѣльцовъ имя ея пользовалось симпатіей и всегда выговаривалось съ глубокой благодарностью. Эта симпатія не могла не относиться подозрительно ко всѣмъ новымъ порядкамъ, а при случаѣ могла превратиться и въ открытое неудовольствіе. Надобно было наблюдать и выжидать благопріятнаго момента, отстраняясь на время отъ всякаго участія. Но наблюдать въ Кремлѣ, гдѣ на виду каждый шагъ, гдѣ сотни глазъ слѣдятъ за каждымъ движеніемъ, въ дѣйствительности оказывалось невозможнымъ. Самымъ лучшимъ, удобнымъ мѣстомъ въ этомъ отношеніи представлялся монастырь, гдѣ подъ наружнымъ отреченіемъ отъ мірскихъ интересовъ, въ тѣ времена именно и сосредоточивались мірскіе вопросы. Изъ монастырей велись самыя дѣятельныя переговоры съ стрѣлецкими слободами и ни откуда столько, какъ изъ монастырей, не бѣгали за различными снадобьями въ разнымъ волдунамъ и знахарамъ.

Увидѣвъ лучшій для себя выходъ изъ настоящаго затруднительнаго положенія только въ переѣздѣ въ монастырь не въ качествѣ постриженной монахини, отрешившейся отъ міра, но какъ живущей на повоѣ, царевна не имѣла ничего противъ выбора Новодевичьяго монастыря. Напротивъ того, еслибы ей самой предоставлено было право выбора, то она остановилась бы именно на этомъ монастырѣ, гдѣ весь штатъ былъ ей хорошо знакомъ, гдѣ у ней было столько благодарныхъ и преданныхъ.

Софья Алексѣевна послала сказать боярину Ивану Борисовичу о своемъ согласіи исполнить требованіе брата. Обрадованный князь, рассыпаясь въ изъявленіяхъ благодарности и преданности, сталъ торопить отъѣздомъ.

Начались безконечныя хлопоты и сборы къ переѣзду, такъ какъ царевна брала съ собой всю почти домашнюю обиходность и свой служебный штатъ.

Наконецъ въ одно прекрасное утро царская колы-

мага увезла Софью изъ терема въ Новодѣвичій... Грустно было царевнѣ прощаться съ своимъ теремомъ, гдѣ, правда, мало видѣла она счастья, но гдѣ каждая мелочь въ минувшемъ по воспоминаніямъ отливалась счастіемъ. Грустно ей было разставаться съ сестрами Екатериной Алексѣевной и Марею Алексѣевной, въ особенности съ послѣдней, съ которой она была болѣе дружна. Екатерина и Марея общали навѣщать не рѣдко, а Марея успѣла въ тихомолку дать обѣщаніе извѣщать рѣшительно обо всемъ.

ГЛАВА XIII.

Софья Алексѣевна въ монастырѣ. Безконечной цѣпью потянулось время, день за днемъ, однообразно до утомленія, до изступленія... Въ первое время царевнѣ какъ будто даже нравилась эта невозмутимая тишина, это отрѣшеніе отъ прошлаго, но потомъ нервное возбужденіе пробудилось и потребность дѣятельности заговорила снова. Съ напряженнымъ вниманіемъ стала слѣдить она за дѣйствіями новаго правительства; частенько постельницы ея Ульяна Калужкина, Авдотья Григорьева или Вѣра Васютинская бѣгали въ знакомымъ имъ стрѣльчикамъ, тщательно собирая и передавая ей всѣ вѣсти. Нерѣдко навѣщала ее и царевна Марея Алексѣевна, а еще чаще пересылала она ей всѣ новости въ *страницы*. Да и кромѣ этихъ источниковъ, царевна могла сама лично разузнавать о настроеніи умовъ отъ многочисленныхъ богомольцевъ, беспрепятственно допускаемыхъ въ монастырь во время праздниковъ и крестныхъ ходовъ, въ которыхъ и она сама почти всегда участвовала. Правда, для наблюденія за ней постоянно находилась на монастырскомъ дворѣ дежурная стража, но эта стража, ничего не подозрѣвавшая и не предполагавшая, отправляла обязанности свои безопасно. Всѣ были увѣрены въ твердости новаго

правительства и въ совершенной невозможности какой-либо попытки со стороны царевны.

И дѣйствительно, въ первое время всякая попытка была невозможной. Новое правительство обезпечило себя рѣшительными и энергическими мѣрами. Почти всѣ преданные царевнѣ, занимавшіе высшіе должности, были удалены и замѣнены преданными людьми со стороны Петра *). Рѣдкій день проходилъ безъ печальной новости для царевны, то о ссылахъ, то объ опалахъ сотрудниковъ быстро таявшей ея партіи. Новое правительство окружило себя вѣрными слугами и въ первое время руководилось взглядомъ большинства.

Все русское общество того времени, за исключеніемъ князей Голицыныхъ и весьма немногихъ образованныхъ людей, съ ненавистью смотрѣло на все болѣе и болѣе усиливающійся наплывъ иностранцевъ. Народъ съ презрѣніемъ относился къ вѣрѣ, обычаямъ и наряду иностранцевъ и при всякомъ удобномъ случаѣ осыпалъ ихъ насмѣшками и оскорбленіями. Прудъ на Покровѣ, гдѣ строились при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ дома иностранцевъ, носилъ прозвище поганого, а слобода нѣмец-

---

*) Приказъ Посольскій, въ которомъ, кромѣ дипломатическихъ сношеній, сосредоточивались дѣла по управленію Малороссіей, слободскими полками, Новгородомъ, Смоленскомъ, Галичемъ, Устюгомъ, Пермью, монастырями, нѣмецкой слободой, Приказы Судный Владимірскій, Челобитный, Иноземный, Рейтарный и Пушкарскій, бывшіе въ завѣдываніи Василя Васильевича Голицына, переданы были въ управленіе: Посольскій — Льву Кирилловичу Нарышкину, Иноземный, Пушкарскій и Рейтарскій къ князю Ѳеодору Семеновичу Урусову, Владимірскій Судный и Челобитный къ князю Михаилу Григорьевичу Ромодановскому, Приказъ Стрѣлецкій Ѳедора Леонтьича Шакловитаго поступилъ въ завѣдываніе князя Троекурова, Приказы большой казны и большого прихода, бывшіе въ завѣдываніи окольного Алексея Ивановича Ржевскаго перешли къ боярину князю Петру Ивановичу Прозоровскому и т. д. Только самый главный дѣятель въ переворотѣ удовольствовался сравнительно незначительной частью: князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ получилъ въ управленіе одинъ Приказъ Казанскаго дворца.

вая кукуя. Нѣмецъ! Нѣмецъ! Шишъ на Кукуѣ! кричали уличные мальчишки и лавочники при проходѣ иностранца, осыпая его нарядное платье пылью и грязью. Дики казались народу иноземные обычаи, не понималъ онъ, какъ на примѣръ можно ѣсть траву (салатъ), какъ какой-нибудь коровѣ. Да и не одинъ простой народъ относился такимъ образомъ къ иностранцамъ. Духовенство, передовое сословіе по образованію, съ озлобленіемъ смотрѣло на приливъ иностранцевъ, въ особенности на дозволеніе строить имъ свои храмы, не одобряло тайно и явно мѣръ правительства къ сближенію съ чуждыми государствами.

Кротовъ и смиренъ сердцемъ былъ патріархъ Іоакимъ, но и онъ въ завѣщаніи своемъ говоритъ: «молю ихъ царское пресвѣтлое величество и предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ заповѣдваю, да возбранятъ проклятымъ еретикамъ иновѣрцамъ начальствовать... надъ служивыми людьми, но да велятъ отставить ихъ враговъ христіанскихъ все совершенно, потому что иновѣрцы съ нами, православными христіанами въ вѣрѣ не единомысленны, въ преданіяхъ отеческихъ несогласны, церкви матери нашей чужды, какая же можетъ быть польза отъ нихъ, проклятыхъ еретиковъ?.. Дивлюся я, далѣе пишетъ Іоакимъ, царскимъ палатнымъ совѣтникамъ и правителямъ, которые бывали въ чужихъ краяхъ на посольствахъ: развѣ не видѣли они, что въ каждомъ государствѣ есть свои нравы, обычаи, одежды, что людямъ иной вѣры тамъ никакихъ достоинствъ не даютъ... А здѣсь чего и не бывало, то еретикамъ дозволено»...

Въ виду такого склада русскаго общества, царевна въ цивилизующемъ дѣлѣ дѣйствовала чрезвычайно осторожно. Точно также, какъ и отецъ ея, она покровительствовала иностранцамъ, вызывала ихъ, дозволяла французскимъ эмигрантамъ, притесненнымъ Людовикомъ XIV, свободный пріѣздъ въ Россію по всѣмъ рубежамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ строго охраняла религиозное чувство народа. Такъ при первой попыткѣ фанатива лютеранина Квирина Куль-

мана, она поспѣшила прекратить его пропаганду, подвергнуть его самому аресту, потомъ розыску и наконецъ утвердила его смертный приговоръ.

Можно ли было ожидать такой же осторожности отъ впечатлительной, увлекающейся натуры Петра? Семнадцатилѣтній царь сошелся съ нѣмцами; веселая слободская жизнь нѣмцевъ понравилась ему. Тамъ бывали пиры, танцевальныя вечера, маскарады, тамъ много пили, тамъ допускалось свободное обращеніе съ женщинами и не трудно было предвидѣть, что страстный юноша весь отдастся этой новой жизни и потребуетъ такой жизни отъ всего русскаго народа.

И стала разсчитывать царица на неизбѣжныя промахи новаго правительства. Темными ночами, на монастырскомъ ложѣ и въ храмѣ, среди церковной службы, отдававшей въ ея ухахъ только одними звуками, постоянно задавался въ умѣ одинъ вопросъ: когда наступитъ это время, когда общее раздраженіе вызоветъ ее опять къ прежней дѣятельности?

Но прошелъ долгій годъ, прошелъ и другой, а расчеты не сбывались. Около Петра стояли люди, имѣвшіе на него вліяніе и жившіе одинаковою жизнью съ массою: царица Наталья Кирилловна и еще не надоѣвшая молодая жена. По настоянію матери, тотчасъ же по окончаніи борьбы брата съ сестрой, черезъ девять мѣсяцевъ послѣ приглашенія эмигрантовъ французовъ протестантскаго вѣроисповѣданія, вышелъ новый указъ, запрещавшій уже переѣздъ въ Россію иностранцевъ, безъ предварительнаго отобранія отъ нихъ различныхъ подробныхъ свѣдѣній и безъ разрѣшенія пропуска изъ Москвы. Въ такомъ же смыслѣ, согласномъ съ мнѣніемъ русскаго большинства, разрѣшенъ былъ и вопросъ о выборѣ патріарха. Старый Іоакимъ умеръ 17 марта 1690 г. Въ преемники ему соборъ въ іюлѣ представилъ государю трехъ кандидатовъ: Адріана митрополита Казанскаго, Никиту архіепископа Коломенскаго и Викентія архіепископа Троице-Сергіевой Лавры. Но кромѣ этихъ кандидатовъ нѣкоторые

іерархи, особенно высшіе, указывали на Маркелла архіепископа Псковскаго. Государь, помимо кандидатовъ соборныхъ, желалъ назначить Маркелла, человѣка образованнаго, уступчиваго и неотнотившагося враждебно въ иностранцамъ, но тѣмъ не менѣе противъ своего желанія, по настояніямъ Натальи Кирилловны, 22 августа 1690 г. выбралъ Адріана Казанскаго, друга Іоакима, раздѣлявшаго всѣ взгляды и убѣжденія покойнаго.

Въ дворцѣ проявилось двойное направленіе. Какъ частный человѣкъ, Петръ любилъ втнуть съ иноземцами, панибратствовалъ съ ними, но въ официальныхъ сферахъ иностранцы совершенно ступевывались. Не только радные нѣмцы, но даже генералы и полковники не допускались въ дворецъ, когда духовенство, бояре, военные и торговые люди чествовались въ дни высоторжественные чарвою водки изъ царскихъ рукъ. Небыло исключенія даже для самого Гордона, и разъ явившись по приглашенію въ царскому столу (по случаю рожденія наследника Алексѣя Петровича 28 февраля 1690 г.), даже онъ долженъ былъ—удалиться.

Всѣ эти новости, своевременно доходившія въ Новодѣвичій монастырь, приводили царевну въ тяжкое раздумье. Неужели она ошиблась въ расчетѣ? Неужели ей вѣчно сидѣть въ этихъ ненавистныхъ монастырскихъ стѣнахъ? Уныніе начинало подтачивать здоровье, явилось сомнѣніе въ самой себѣ, въ своихъ силахъ, нерѣшительность, упадокъ энергіи и мужества.

Между тѣмъ расчеты царевны были вѣрны. Только дѣйствительность шла медленнѣе нетерпѣливыхъ ожиданій. Вліяніе Натальи Кирилловны, по мѣрѣ развитія государственной дѣятельности молодаго царя, его постоянныхъ мыканій по разнымъ частямъ государства, естественно слабѣло, а красивая молодая жена все больше и больше наскучивала своими вѣчными слезливыми сантиментами.

Прошло еще три года. Будничная монастырская жизнь съ ея ежедневными сплетнями и лукавыми интри-

гами все тѣснѣе и тѣснѣе охватывала царевну, незамѣтно и исподоволь увлекая ее въ тину своихъ мелкихъ интересовъ. Сестры по прежнему навѣщали ее часто, а въ особенности Марѳа, но и отъ нихъ тоже передавались такія же сплетни, расходившіяся отъ стрѣльчихъ, женъ и вдовъ, являвшихся къ царевнамъ по прикормкамъ и платившихъ за даровой кормъ разнообразными новостями, большей части доморощеннаго творчества *). Передавалось болѣе или менѣе таинственно, подъ большимъ секретомъ на ухо, безъ свидѣтелей, о томъ, что царь Петръ совсѣмъ спился съ круга, что онъ и двуетъ и ночуетъ у проклятыхъ нѣмцевъ, измаялъ всѣхъ потѣшными играми да походами и что во всѣхъ-то тѣхъ походахъ вся тягость падаетъ на бѣдныхъ стрѣльцовъ, которыхъ царь видимо не любитъ и при всякомъ случаѣ унижаетъ передъ своими любимыми потѣшными, что стрѣльцы ропшутъ на такую несправедливость.

Выслушивала всѣ эти вѣсти царевна безучастно, пропуская ихъ мимо ушей; узнала она и испытала на сколько можно имъ вѣрить.

Однажды въ двадцатыхъ числахъ января, вставши отъ послѣ обѣденнаго отдыха, царевна умѣстилась за своимъ обычнымъ вышиваніемъ, въ поджиданіи вечерней службы. Не успѣла она сдѣлать и нѣсколькихъ стежковъ, какъ

---

*) Въ дни поминовенія по усопшимъ близкимъ лицамъ не только въ царскомъ домѣ, но даже у всѣхъ сколько нибудь достаточныхъ семействъ, строго соблюдался обычай кормить нищихъ и убогихъ. Изъ вѣдомости о кормкѣ нищихъ въ 207 году видно, что царица Марѳа Матвѣевна по Федорѣ Алексѣевичѣ кормила по 300 человекъ пять разъ въ году, царевна Татьяна Михайловна девять разъ въ годъ по 220 человекъ, младшія царевны четыре раза въ годъ по 200 человекъ. Угощеніе состояло въ мясоѣдѣ изъ студени, языковъ говядячьихъ, полотковъ гусиныхъ, ветчины, куръ въ кашѣ, изъ караваевъ, пироговъ съ говядиною и съ яйцами, въ постъ изъ икры армянской, соленой бѣлужины, теши, снятковъ, изъ короваевъ съ рыбой и пироговъ съ кашей. Кромѣ яствъ угощались и виномъ, медомъ цыженнымъ и пивомъ ячнымъ.

въ коридорѣ передъ бельей слышалось торопливое движеніе, и въ комнату вошла постельница.

— Матушка-государыня, торопилась она высказаться, сестрица Марѳа Алексѣевна изволила пожаловать.

— Сестрица Марѳа? апатично переспросила царевна. Кажись, она недавно была, добавила она, какъ будто говоря сама съ собой.

— Голубушка, Сонюшка, а я къ тебѣ съ важнымъ, заговорила Марѳа Алексѣевна, только что показавшись въ дверяхъ.

Марѳа Алексѣевна была 42-хъ лѣтъ, слѣдовательно старше Софьи пятью годами, но выглядывала моложавѣе. Голубенькіе глаза ея добродушно смотрѣли изъ подъ свѣтло-русыхъ бровей, голосъ отливался чистымъ звукомъ, а въ движеніяхъ высказывалась еще бойкость сохранившихся силъ.

— Рада тебѣ матушка-государыня сестрица, Марѳа Алексѣевна, милости просимъ, отвѣчала царевна, не забывая величанья полнымъ именемъ, какъ требовали того строго соблюдаемые обычаи отношеній младшихъ сестеръ къ старшимъ. Впрочемъ только въ этомъ величаньи и заключалось все преимущество Марѳы Алексѣевны; во всѣхъ же прочихъ отношеніяхъ она сама сознавала превосходство младшей сестры, искренно любила ее и безропотно исполняла ее волю.

— Какъ здравіе твое, государыня сестрица, не забыла освѣдомиться Софья Алексѣевна, соблюдая весь этикетъ того времени, обязывающій непременно прежде всего ради уваженія, особенно къ старшимъ, освѣдомляться о здоровьи.

— Слава Господу Богу, по святымъ молитвамъ матери Дорофеи и твоимъ, Сонюшка-голубушка, проговорила Марѳа Алексѣевна, усаживаясь въ глубокое кресло подлѣ сестры, а я къ тебѣ съ вѣстами, да еще съ какими!

— Не родила-ли Улянка опять двойню? съ едва замѣтной усмѣшкой спросила Софья, принимаясь снова за вышиванье.

— И... мать моя, что ты! Неужто каждый мѣсяцъ будетъ носить по двойнѣ? Совсѣмъ не-то... Переполохъ у насъ тамъ страшный. Сама царица Наталья Кирилловна недужить.

— Недужить? Да, вѣдь, она часто недужить... оправится.

— Нѣтъ, голубушка, видно не оправится ей. Нечаетъ встать. Утромъ призывала къ себѣ отца патриарха и брата Ивана прощаться. Все уговаривала брата Ивана и сына жить въ любви и согласіи, за одно, не идти другъ противъ друга, а отца Адриана просила не оставлять ихъ своими совѣтами и молитвами. Такъ, слышно, говорила все жалостливо... рѣвой разливалась...

— Нечего было жалобиться-то, холодно отозвалась Софья, братецъ Иванъ и такъ изъ воли сына не выйдетъ. Была я, со мной былъ дружень, теперь верхъ взялъ Нарышкинецъ—будетъ съ нимъ за одно.

— На брата Ивана не жался, голубушка, ты, вѣдь, знаешь каковъ онъ былъ съ измалства... добродушно старалась оправдать брата Марѳа Алексѣвна.

— Я и не жалюся, сестрица, а такъ къ слову пришлось: нечего было разливаться-то. А что сыночекъ съ милой... сестренькой-то жалѣетъ мать?

— Какъ не жалѣть! Плачутъ оба... А пуще ихъ плачеть Авдотья... разливается...

— Что-жь ей, сестрица, разливаться? Не мать родная.

— Эхъ голубушка, не мать родная, а дороже Наталья для нее матери родной. Только и жила Авдотья за свекровью. Пропадетъ теперь она.

— Неужто, сестрица, правда, что говорятъ...?

— Кто ихъ знаетъ. Ихнія же постельницы болтаютъ. Больно ужъ любятъ они другъ друга... братецъ съ сестрицей. Оба они такіе пригожіе да огневые. Онъ, почитай, каждый день пьянъ, отъ одной зари до другой все съ басурянами—еретивами. Чаю что и грѣхомъ-то не считаетъ.

— И у нѣмцевъ, сестрица, это грѣхомъ прозывается.

— У еретиковъ-то? У еретиковъ, голубушка, ни въ чемъ грѣха нѣтъ. Анна рассказывала мнѣ,—а ей передавала стрѣльчиха, что жила лѣтось у одного нѣмца въ слободѣ,—такія страсти... такія...

Не успѣла, однакожь, высказать Марѳа Алексѣевна какія видѣла страсти у нѣмца стрѣльчиха, какъ въ это время колоколъ ударилъ къ вечерней службѣ.

— Прощай, голубушка, тебѣ въ церковь, а мнѣ домой пора.

— Навѣщайте, сестрица, меня горемычную заключенницу. Только и отрады мнѣ, какъ вы прїѣдете. Всѣ почти меня забыли. Царицы и тетушка Татьяна Михайловна никогда не навѣстятъ, видно боятся. Вотъ вы, да Еватерина не забываете, говорила Софья Алексѣевна, провожая старшую сестру.

Вечерняя служба шла по уставу. На своемъ обыкновенномъ мѣстѣ стояла царевна Софья Алексѣевна, по обыновенію земные и поясные поклоны клала она, не слыша ни одного слова изъ молитвенныхъ гѣснопѣній. Что мнѣ теперь въ смерти мачихи! какая польза? Еслибъ нѣсколько лѣтъ назадъ... не стоялабъ я здѣсь, какъ въ тюрьмѣ. А все она... всему причиной она! Изстрада-лась я отъ нея всю свою жизнь. Должна бы радоваться, если ее не будетъ, а мнѣ теперь какъ-то все равно. Точно обтерпѣлось.... видно можно привыкнуть и къ тюрьмѣ.. и къ неволѣ... Какъ-то поведетъ себя Петръ... уды не будетъ... понесется пожалуй... можетъ и голову сломить.

Въ послѣдніе годы разстроенное здоровье царицы Натальи Кирилловны замѣтно ухудшилось, но такъ какъ болѣзненные припадки проходили и царица какъ будто совершенно оправлялась, то и на припадокъ, случившійся съ ней 20 января 1694 г. почти никто не обратилъ особеннаго вниманія, и даже самъ Петръ не отмѣнилъ назначеннаго имъ на 25 января похода. Но еще наканунѣ царица почувствовала себя очень дурно; а призван-

ный докторъ объявилъ положеніе ея безнадежнымъ. 25 января утромъ въ восемь часовъ она скончалась послѣ пятидневной болѣзни на 42 году своей жизни.

Похороны происходили, по обычаю того времени, на другой день съ приличными обрядами въ Московскомъ Вознесенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.

Въ продолженіи трехъ сутокъ сынъ горевалъ и то-сковалъ, но уже вечеръ четвертаго дня провелъ съ *компаніей* у Лефорта..., а утромъ слѣдующаго дня уже отправилъ въ Архангельскъ къ графу Федору Матвѣевичу Апраксину собственноручное письмо, въ которомъ дѣлалъ подробныя распоряженія о заготовленіи лѣса, желѣза и другихъ матеріаловъ для постройки малаго корабля «яко Ной отъ бѣды мало отдохнувъ и о невозвратномъ оставя, о живомъ пишу».

ГЛАВА ХІV.

Съ кончиной старой царицы-матери спали съ Петра послѣдніе пути старой русской жизни. Съ неудержимой силой страстной нервной природы онъ отдался юнымъ заморскимъ друзьямъ своимъ, съ ними веселился, пилъ и курилъ, отъ нихъ учился, съ ними совѣтывался, какъ перекрестить и у себя точно также, какъ тамъ жилось у нихъ на западѣ. Увлеченный сначала только свободой развитой жизни запада, беззаботной веселостью товарищей-иностранцевъ, этихъ юркихъ искателей счастья и приключеній, онъ пошелъ дальше и скоро увидѣлъ необходимость единенія съ западомъ, необходимость пересадки къ себѣ всего, что было выработано не безъ тяжкаго труда жизнью нашихъ западныхъ сосѣдей. Онъ понималъ, что пересадка совершалась и прежде, только тихо и медленно; новое растеніе хирѣло, гложнуло отъ домашнихъ сорныхъ травъ, и онъ въ избыткѣ физическихъ силъ своихъ почувствовалъ возможность вдругъ

однимъ махомъ и очистить почву и выростить цѣлое дерево.

Потѣшныя походы, въ которыхъ участвовали стрѣльцы—представители стараго строя, и новые полки, обученные иностранцами, походы на Бѣлое море уже готовляли средства къ далеко непотѣшному походу подъ Азовъ.

Неудаченъ былъ первый походъ подъ Азовъ; много погубилось народу, но онъ выяснилъ наши слабыя стороны, на что надобно было обратить вниманіе. И вотъ только-что кончился этотъ походъ, какъ стали приготовляться къ новому туда же; начались громадныя работы по сооружеию флота.

Съ удивленіемъ смотрѣлъ на новые замыслы единокровнаго брата другой соправитель, царь Иванъ Алексѣевичъ, можетъ быть сомнѣвался и не довѣрялъ, но не вмѣшивался и не противорѣчилъ ни единымъ словомъ. Какъ ни слабо было умственное развитіе царя Ивана, но онъ сознавалъ, что братъ идетъ не новой дорогой, но той же, какой шли и дѣдъ и отецъ его и сестра Софья, только поступъ брата иная, поступъ сильнаго нервнаго человѣка.

Особенно сдружились братья послѣ смерти Натальи Кирилловны, какъ будто предчувствовали скорую вѣчную разлуку. Ровно черезъ два года послѣ смерти старой царицы въ январѣ же (29 числа) въ 10 часовъ утра Иванъ Алексѣевичъ умеръ скоропостижно, 30 лѣтъ, оставивъ вдову Прасковью Федоровну, изъ дома Салтыковыхъ, и трехъ дочерей: Катерину, Анну и Прасковью *).

Смерть Ивана Алексѣевича, кромѣ личнаго горя, не принесла никакой переменны. Давно ужъ и старая русская партія и царевна Софья перестали смотрѣть на

---

*) Эти дочери посредственно или непосредственно играли важную роль въ русской исторіи. Кромѣ нихъ у Ивана Алексѣевича были еще двѣ дочери, но тѣ умерли въ младенствѣ.

него, какъ на опору, самостоятельно дѣйствующую и способную къ борьбѣ.

Да и некогда было горевать Петру, дѣятельному работнику, занятому отъ зари до зари. Весною этого же года онъ создавалъ флотиліи, необходимыя для осады приморскихъ турецкихъ крѣпостей, а съ началомъ лѣта началась вторичная осада Азова, подъ непосредственнымъ его начальствомъ. На этотъ разъ походъ увѣнчался успѣхомъ, Азовъ былъ взятъ и 30 сентября 1696 г. побѣдоносная армія удостоилась триумфальнаго входа въ столицу.

Этотъ первый успѣхъ, какъ плодъ преобразовательныхъ начинаній, еще болѣе убѣдилъ Петра въ необходимости полнаго преобразованія и въ возможности достигнуть этого силою своей воли. Проекты различныхъ реформъ тысячами зародились въ его головѣ: не доставало только способныхъ исполнителей. Поэтому покончивъ съ военными дѣйствіями, онъ принялся за влоачиваніе просвѣщенія и на первый разъ для изученія морскаго дѣла «многое число благородныхъ послалъ въ Голландію и инныя государства учиться архитектуры и управленія корабельнаго».

Итакъ русскіе бояре отправились учиться за границу. Въ числѣ этихъ избранныхъ (50 комнатныхъ стольниковъ и спальниковъ) находились дѣти первыхъ русскихъ фамилій: Долгорукихъ, Голицыныхъ, Толстыхъ, Прозоровскихъ и т. д. Но этого мало: съ электрической быстротой облетѣло Москву извѣстіе, что государь самъ въ свитѣ своего посла, любимца Лефорта, ѣдитъ за границу.

Такія вѣсти поразили всѣхъ и встревожили: теперь дѣло не касалось только до забавъ потѣшныхъ царя, а забиралось въ интересы каждаго. Разумѣется болѣе всѣхъ встревожилась старая русская партія, видѣвшая въ чужихъ краяхъ страны богомерзкія, разсадникъ всякаго зла и гибель всего православія царства русскаго. Вспомнилось доброе, старое время, вспомнилось правленіе

Софьи, и скоро неудовольствіе выразилось составленіемъ заговора.

Въ двадцатыхъ числахъ февраля послы собрались въ путь, и Лефорть въ своемъ домѣ 23 февраля давалъ послѣдній увеселительный вечеръ съ танцами и музыкой. Беззаботно веселился молодой государь въ кругу своихъ компанейцевъ; объемистая чарка не разъ обошла ужъ пирующихъ съ пожеланіями счастливаго пути и скорого возвращенія, когда къ общему изумленію неожиданное обстоятельство остановило отъѣздъ на нѣсколько времени. Вдругъ среди пира отзываютъ Петра въ другую комнату, подъ предлогомъ весьма важнаго дѣла. Въ этой комнатѣ два стрѣльца Стремяннаго полка Канищева пятидесятники Ларіонъ Елизарьевъ и Григорій Силинъ рассказываютъ ему объ умыслѣ полковника и думнаго дворянина Ивана Даниловича Цыклера убить его, для чего будто-бы и подговариваетъ стрѣльцовъ зазечь домъ и на пожарѣ совершить преступленіе.

Не смутившись, Петръ тотчасъ распорядился послать капитана гвардіи Лопухина собрать солдатъ и явиться съ ними въ дому Цыклера, боярина Льва Кирилловича Нарышкина послалъ съ извѣтчиками въ Преображенское для отобранія допросовъ, а самъ съ нѣкоторыми приближенными поѣхалъ лично арестовать преступниковъ.

Въ домѣ Цыклера онъ засталъ всѣхъ соучастниковъ заговора: овольничаго Алексѣя Соковнина, стольника Федора Пушкина, стрѣльца Филиппова, стрѣльца Рожина, казака Лукьянова и, арестовавъ всѣхъ, отправилъ въ Преображенское. Изъ допросовъ извѣтчиковъ между тѣмъ обнаружилось: изъ рѣчей Елизарьева, что будто полковникъ Цыклеръ выпрашивалъ — смироли въ стрѣльцевыхъ полкахъ, испытывалъ кто будетъ государемъ, если что случится съ государемъ за моремъ, намекая притомъ, что тщится государыня изъ Дѣвичьяго монастыря. По показанію другаго извѣтчика Григорія Силина, Цыклеръ обвинялся еще болѣе положительно: будто Цыклеръ говорилъ: „извѣстно государю, что у него Ивана (Цык-

лера) жена и дочь хороши и хотѣлъ государь въ нему быть и надъ женою его и надъ дочерью учинить блудное дѣло, и въ то число онъ, Иванъ, его государя изрѣжетъ ножей въ пять.»

На эти обвиненія и улики Цыклеръ сначала не признавался, но послѣ пытки сталъ ссылаться и обвинять Соковнина, будто именно тотъ выпрашивалъ у него, что дѣлается въ стрѣльцехъ полкахъ, въ такихъ выраженіяхъ: «гдѣ они б..... дѣти передѣвались. Знать спятъ. Гдѣ они пропали? мочно имъ государя убить, потому что ѣздитъ онъ одинъ, и на пожарѣ бываетъ малолюдствомъ, и около посольскаго дома ѣздитъ одиночествомъ. Что они спятъ, по се число ничего не учинять?» И подобныя выраженія объ убійствѣ государя и о стрѣльцахъ Соковнинъ повторялъ въ каждый пріѣздъ къ нему Цыклера *).

Соковнинъ послѣ 10 ударовъ повинился и обвинилъ зятя своего Федора Пушкина, будто тотъ говорилъ ему такія слова: «погубилъ государь насъ всѣхъ и мочно его за то убить.» Кромѣ этихъ словъ будто Федоръ Пушкинъ еще жаловался на посылку дѣтей за море учиться, да еще на гнѣвъ государя къ отцу его.

Кромѣ данныхъ показаній, полковникъ Цыклеръ сознался, какъ въ подговорѣ имъ стрѣльцовъ Василія Фя-

---

*) Во всѣхъ современныхъ свидѣтельствахъ причины заговора Соковнина и Цыклера высказываются неясно, но они видны при внимательномъ рассмотрѣніи характеровъ и положеній главныхъ виновниковъ. Алексій Соковнинъ, братъ знаменитыхъ раскольниковъ Морозовой и Урусовой, самъ считался ревностнымъ раскольниковъ Кашитиновой секты. Поэтому нововведенія Петра, сближеніе его съ иноземными еретиками, назначенная поѣздка царя за границу, а главное назначеніе въ посылку за границу его двухъ сыновей не могли не возбудить его къ преступленію, которое, по своимъ убѣжденіямъ, онъ находилъ святымъ дѣломъ. Что же касается до Цыклера, то этотъ товарищъ Милославскаго и Хованскаго считалъ себя обиженнымъ за открытіе замысловъ царевны Софьи и Шакловитаго ничтожной наградою—званіемъ думнаго дворянина и Верхотурскимъ воеводствомъ. Притомъ же Петръ, помня его участіе въ первомъ стрѣльцкомъ бунтѣ, постоянно показывалъ ему пренебреженіе и холодность.

лишкова и Ѳедора Рожина убить государя, такъ и въ подготовкѣ поднять на смуту Донскихъ казаковъ.

По окончаніи розыска, веденнаго самимъ Петромъ, назначенъ былъ надъ обвиняемыми судъ изъ бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ, который, по выслушаніи уликъ и пыточныхъ рѣчей, приговорилъ: Алексѣя Собова и Ивана Цыклера четвертовать, а Ѳедору Пушкину, двумъ стрѣльцамъ Филипову и Рожину, а также и казаку Лукьянову отсѣчь головы.

Казнь совершилась 4 марта при самой ужасной обстановкѣ...

Припомнились Петру дѣтскія впечатлѣнія перваго стрѣлцаго бунта, угнѣтенія матери, интриги Ивана Михайловича Милославскаго и подъ вліаніемъ этихъ-то впечатлѣній онъ приказалъ вырыть за 12 лѣтъ передъ этимъ похороненное въ трапезѣ церкви Св. Николая столпника (что на Покровкѣ) тѣло Милославскаго, привезти его на телѣгѣ, запряженной шестью чудскими свиньями въ Преображенское и поставить въ открытомъ гробѣ подъ плахой, на которой должна была совершиться казнь *).

Отсѣкались руки и ноги Собова и Цыклера, затѣмъ головы, какъ ихъ, такъ и остальныхъ трехъ преступниковъ, лилась кровь и потокомъ поливала трупъ Ивана Михайловича....

Но этимъ еще не кончилось. Четвертаго же марта выстроенъ былъ на Красной площади каменный столбъ съ вдѣланными въ него пятью шпичами. По совершеніи казни въ Преображенскомъ, трупы были перевезены на площадь, головы воткнуты на шпичахъ, а тѣла разбросаны кругомъ столба. И долго, въ продолженіи нѣсколь-

---

*) По разсказу Матвѣева трупъ Милославскаго, по вскрытіи гроба, оказался въ неестественномъ состояніи: голова свгнла и уменьшилась до величины ручнаго кулака, борода выросла и покрывала всю грудь, животъ надутъ, какъ-бы тимпанъ, руки и ноги въ совершенной дѣлности, а покрывавшій тѣло камчатный бѣлый саванъ только пожелтѣлъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ сырости.

кихъ мѣсцевъ, торчали эти головы на шпичахъ, а разлагающіеся трупы заражали воздухъ.

Это былъ прощальный привѣтъ Москвѣ отъ Петра передъ отъѣздомъ его въ чужіе края.

Неизбѣгли опалы и родственники казненныхъ. Всѣ они были разосланы по отдаленнымъ городамъ, причемъ нѣкоторые были лишены чести и званій. Заодно ужъ ссылка поразила и родственниковъ молодой царицы Лопухиныхъ. Ѳедоръ Абрамовичъ, отецъ царицы Евдокии, сосланъ въ Тотму, а дяди ея Василій и Сергій Абрамовичи, первый въ Саратовъ, а второй въ Вязму. Но за какія вины сосланы были они, про это зналъ только Петръ...

Участія царевны Софьи Алексѣевны въ заговорѣ убить государя розсывное дѣло не обнаружило, но тѣмъ не менѣе одно ужъ упоминаніе имени сестры, какъ претендательницы на престолъ въ случаѣ смерти государя, навлекло на нее подозрѣніе и возбуждало стихнувшую вражду. Не желая оставлять царевнѣ и малѣйшей возможности воспользоваться его отсутствіемъ, Петръ приказалъ усилить караулы (не менѣе ста человѣкъ), подѣ начальствомъ полковника и двухъ капитановъ, строго охранять и днемъ и ночью всѣ монастырскіе входы и не пропускать туда никого постороннихъ, даже нищихъ и богомольцевъ.

ГЛАВА XV.

- Стрѣльцы къ Москвѣ пришли.
- Что будетъ имъ?
- Велѣно рубить.
- Жаль мнѣ ихъ, бѣдныхъ!

Переписывались между собой царевны Марѳа Алексѣевна и Софья записками, спрятанными въ страищѣ, въ хлѣбахъ, пирогахъ или рукодѣльи. Да и кромѣ этихъ лаковническихъ извѣстій, Софья Алексѣевна имѣла самья

полныя, подробныя свѣдѣнія обо всемъ, что дѣлалось въ Москвѣ и даже о томъ, чего вовсе не дѣлалось, но могло дѣлаться въ плодовитомъ воображеніи стрѣльчихъ и комнатныхъ постельницъ, отъ карлицы Марѣи Алексѣевны, приносящей стряпню къ заключенной царевнѣ въ Новодѣвичій монастырь.

Первыя числа апрѣля 1698 года. Истекаетъ великій постъ и въ монастырѣ дѣлаются приготовленія къ встрѣчѣ свѣтлаго праздника. Правда, не прежнія эти приготовленія. Бывало въ вербное воскресенье и во всю страстную седмицу народу въ монастырѣ видимо-невидимо: и богомольцевъ и заказчиковъ разныхъ обновъ, вышиваній и изукрашенныхъ вербъ, а теперь пусто, ни модельщиковъ ни вищихъ на обширномъ монастырскомъ дворѣ, по которому изрѣдка пробѣжить только какая нибудь послушница за приказаніемъ къ матери игуменьи, или къ казначеѣ. Постороннихъ никого, у воротъ стоятъ вѣршіе караулы царскаго войска и не пропускаютъ почти никого, развѣ ужъ по особому разрѣшенію влязя Михаила Григорьевича Ромадановскаго. Но и здѣсь, какъ и вездѣ и во всѣхъ репрессивныхъ мѣрахъ, страдаютъ только невинные, а кому нужно... тѣ изобрѣтутъ дорогу...

Утомленная продолжительной утренней службой воротилась царевна Софья въ свою келью. Отъ весенняго ли утренняго воздуха, отъ внутренняго ли волненія, или отъ болѣзненнаго нервнаго настроенія, но, не смотря на утомленіе долгаго стоянія, Софья Алексѣевна выглядывала не по прежнему. Розовый румянецъ густо застылъ на щекахъ, начинавшихъ тускнѣть, полуопущенные, какъ и подобаетъ монастырѣ, глаза, по временамъ, бодро и весело оглядываютъ кругомъ, порой какая-то странная усмѣшка пробѣжить по сжатымъ губамъ. Царевнѣ 42-й годъ. Состарѣвшаяся въ послѣднее время вдругъ на нѣсколько лѣтъ, она теперь снова какъ-будто помолодѣла, и какъ-будто тверже стала ея походка.

Быстро сбросивъ и откинувъ въ уголъ свое покрывало и верхнее платье, царевна осмотрѣлась и, удосто-

вѣрясь, что въ сосѣдней комнатѣ нѣтъ никого, опустилась въ кресло, стоявшее передъ ея рабочимъ столикомъ, на которомъ въ беспорядкѣ лежали ея вышиванье и нѣсколько книгъ. Съ неудовольствіемъ оттолкнувъ свѣсившуюся со стола швейную работу, она поставила на столъ оба локтя, оперевъ на руки поднятую голову. Вся фигура ея была—нетерпѣніе.

За нею слѣдомъ вошло въ комнату, вовлекая немного на правую ножку, маленькое, худенькое существо, съ ребячьимъ тѣломъ и съ несоразмѣрно развитой головой—карлица Марѳы Алексѣевны, Дуня. При всемъ безобразіи своемъ карлица не была непріятна; напротивъ, въ самомъ безобразіи сказывалась симпатичная миловидность. Разноцвѣтные глаза—одинъ глазъ голубоватосѣрый, другой карій—смотрѣли такъ смышлено, лубаво, но вмѣстѣ съ тѣмъ и такъ привѣтливо, широкій ротъ, чуть не до ушей, съ толстыми губами, складывался въ постоянную добродушную улыбку. Со всѣми была она въ дружбѣ; на что ужъ былъ злющъ лохматый песь Солтанъ, не пропускавшій безъ ворчанья никого изъ прохожихъ, и тотъ, при каждомъ выходѣ Дуни на задворокъ, важно подходилъ къ ней, становился на заднія лапы, вскидывалъ переднія къ ней на плечи и лизалъ морщинистый лобъ. И всѣ любили ее, начиная съ прачки и оканчивая царевной Марѳой Алексѣевной; всѣ, и постельницы, и сѣнныя дѣвушки постоянно повѣряли ей секреты, тайныя походенія; всѣ пользовались ея услугами, и никому никогда не измѣняла она.

Войдя въ комнату, карлица набожно помолилась передъ иконами, отвѣсила земной поклонъ царевнѣ и, поцаловавъ ея руку, стала у рабочаго стола, смиренно сложивъ калачикомъ маленькія ручки.

— Заждалась я тебя, Дуня, измучилась совсѣмъ. Что у васъ тамъ дѣлается на Верху? закидывала вопросамъ царевна.

— Чему дѣлаться-то, матушка государыня, авромя

дурнаго... ничего. Нонѣ времена... и... и... протянула
 карлица, въ поясненіе повачавъ головой.

— Что *тотъ-то*? Все нѣтъ отъ него писемъ, Дуня?

— Ничего нѣтъ, матушка, ни строчки. Вотъ ужъ
 сколько времени словно камень въ воду—сами потѣш-
 ные дивуются. Слышно, говоръ такой въ народѣ идетъ,
 будто кончился... И царство бы ему небесное, пусть бы
 вселилъ его въ селенія праведныхъ... и здѣсь много на-
 куралесиль. Вотъ хоть и нонѣ. Уѣхалъ жъ еретикамъ,
 прости ему Господи, бросилъ все, а потѣшныя вѣзмъ
 орудуютъ. На дняхъ, Федоровна, барская барыня при
 княгини Прасковьи Ивановны Ромадановской,—а какъ бы
 ей не знать, аль солгать,—при мнѣ сказывала стрѣль-
 чихъ Артарской, будто бояре хотѣли не то удушить, не
 то украсть ребенка царевича и платье на него ужъ
 другое надѣли, да царица провѣдала и не допустила.
 Такъ бояре и царицу-то по щекамъ били. Ну слыхан-
 ное ли такое дѣло? Не такъ было при тебѣ, государыня
 матушка, когда ты державствовала... И жалѣютъ-то тебя
 теперь какъ...!!

— Жалѣютъ, Дуняша? Кто? Стрѣльцы? А не сами-ль
 они меня выдали? Я-ли ихъ не жаловала?

— Все неразуміе наше, государыня, одно. Теперь
 спохватились... И плачутся же они какъ по тебѣ! Вѣдь
 намъ все извѣстно. Стрѣльчихи не токма на кормбахъ,
 а и въ будни завсегда у нашихъ постельницъ... гово-
 рять вѣдь...

— Что они рассказываютъ? На что больше жалуются?

— На все, государыня, житья имъ нѣтъ. Государь
 какъ связался съ нѣмцами, совсѣмъ перемѣнился, звѣ-
 ремъ смотреть на нихъ... Какъ только принялъ дер-
 жавство, такъ и пошелъ курить. Помнишь, бывало
 при тебѣ стрѣльцамъ былъ споквой, служба не тяж-
 кая, пришелъ съ караула лежи себѣ аль торгуй, а
 у него какой покой! Нонѣ походъ, завтра походъ,
 то крѣпости ему рой, то баталіи производи, а вмѣсто
 спасибо одни насмѣшки да униженія. Вездѣ, вишь,

нѣмцы берутъ верхъ, а нашихъ бьютъ да срамятъ. Вонъ подь Азовъ подь Турку пошли и тамъ отъ нѣмцевъ житья не было. Нѣмецъ поведеть подкопъ будто подь крѣпость, а въ самъ дѣлѣ нашихъ православныхъ взорветъ. На штурму, гдѣ больше бьютъ, туда и посылали стрѣльцовъ. Больно ихъ, говорятъ, много легло подь Азовомъ. А какъ взяли Азовъ, ну, думаютъ стрѣльцы, теперь отдохнемъ дома въ матушкѣ Москвѣ, анъ нѣмцы и тутъ удружили. Всѣхъ, какъ есть всѣхъ разослали: кого подь Азовомъ оставили на тяжкую работу, кого въ обереженъе отъ турка иль поляка по рубежамъ отослали, въ Москвѣ какъ есть ни одного стрѣльца, только одни потѣшныя да солдатскіе. Ну сама посуди, государыня, каково имъ? Сами на чужой сторонѣ голодуютъ, извелись, а въ Москвѣ ихъ жены, безъ мужей, дѣти безъ отцевъ совсѣмъ обнищали, оборвались всѣ, только и живутъ милостыней Христа ради. Ничто отъ хорошаго житья прибѣгли они сюда!

— Сколько, Дуняша, прибѣжало?

— Сотни двѣ, матушка, да они и всѣ готовы сбѣжать...

— Что они гадаютъ, Дуняша, на чемъ рѣшили?

— Рѣшили, государыня, привести опять тебя на державство. Моленіе, вѣдь, свое они тебѣ передали?

— Передали, Дуня, и я грамотку имъ отъ себя послала. Переслала имъ сестрица?

— Какъ-же, государыня, передала. При мнѣ матушка Марѣя Алѣксѣевна послала постельницу Клушину съ грамоткой къ стрѣльчичѣ Анюткѣ Никитиной, чтобъ та передала Васкѣ Тумѣ. При мнѣ и наказывала ей строго настрого. «Письмо я тебѣ отдаю, призывала царевна, повѣря тебѣ, а буде пронесется, тебя же распытаютъ, а мнѣ, вѣдь, oprичъ монастыря, ничего не будетъ! И передала Никитина письмецо Тумѣ, я доподлинно знаю, передала на дворншкѣ его у Арбата, у явленнаго Николы.

— Спасибо сестрицѣ Марѣѣ Алѣксѣевнѣ, не забы-

ваетъ она меня заключенную, съ чувствомъ проговорила царевна, задумавшись.

— Какъ можно забывать, отозвалась словоохотливая карлица. Помнить твою добродѣтель, какъ ты была въ державствѣ. Да и другія твои сестрицы, Марія, Екатерина и Федосья, тоже не забываютъ. Бывало нѣтъ имъ отъ тебя ни въ чемъ отказу, чего только душенька пожелаетъ. Ну, а теперъ нѣтъ... не то... не подступиться... скупъ. Можетъ и дасть... какой Монсовой...

— Не всѣ помнятъ, Дуняша. Вотъ царицы, тоже отъ меня дурнаго не видали, а забыли: рѣдко, рѣдко, когда навѣстятъ. Можетъ—боятся.

— Боятся, родная, повѣрь слову, боятся. Да и то сказать: Марѳа Матвѣевна и Прасковья Федоровна не плоть, вѣдь, твоя, а свойственники...

Царевна, казалось, не слушала словъ Дуни. Она, видимо, обдумывала и соображала.

— Долго пробудутъ, Дуняша, здѣсь стрѣльцы?

— Ужъ этого не знаю, матушка государыня. Не хотять они вовсе отсюда уходить-то. Боаре было имъ велѣли воротиться въ полки и сроку дали до 3 апрѣля да куда... и слушать не хотять. Пришли намеднись въ Ивану Борисычу да таковой гвалтъ подняли! Князь попытался захватить главныхъ вожаковъ, да товарищи отбили. А потомъ приходили въ свой приказъ, безчинствовали, ругали начальство срамословными словами. Народъ, ты сама знаешь, какой, буйный; слышно, еретики—боаре трясма трясутся.

Это послѣднее извѣстіе, казалось, больше всего было по душѣ царевнѣ. Стрѣльцы пробудились. Старый духъ начинаетъ говорить въ нихъ, а къ чему можетъ повести этотъ духъ, она знаетъ по опыту. И не боится она грозной смуты, она чувствуетъ еще въ себѣ силу, твердую и надежную, способную управлять массой по своему желанію. Напротивъ, ей ненавистны были слабость и отсутствіе эпергїи, ее погубившія.

Между тѣмъ Дуняша все продолжала болтать, но

вдругъ голосъ ея понизился почти до шепота, почти не слышнаго въ двухъ шагахъ.

— Вотъ что еще, матушка государыня, я хотѣла тебѣ доложить. Стрѣльцы, что теперь въ Москвѣ, задумали сдѣлать подкопъ подъ монастырь и подкопомъ-то вывести тебя. Какъ ты изволишь на это? *).

Царевна задумалась, но быстро сообразивъ всѣ шансы успѣха и неудачи, рѣшилась, не колеблясь, отклонить.

— Нѣтъ, Дуна, передай имъ... скажи, что я этого не хочу. Ихъ здѣсь мало и ихъ задавятъ. Напрасно только кровь будетъ литься... Послѣ, когда они всѣ будутъ готовы, тогда... Тогда я возьму державство. А теперь, Дуна, передай Тумѣ или Проскуракову письмо мое. Сама передай имъ, или черезъ Никитину, или черезъ Оеимку Кондратьеву Артарскую, только смотри бережно, чтобъ безвременно не пронеслось... Сама знаешь-какое дѣло. Сестрица правду говорила... запытають. И передай имъ съ великою клятвою, чтобъ въ случаѣ чего не годнаго, письмо бы сожгли и въ руки бы сопротивниковъ не доставалось никакъ.

— На меня надежна будь, царевна. Ништо стрѣльчихи сболтають, а у меня хоть жилы тани, не выдамъ. Что мнѣ... помирать все едино надо... радостей-то мало было мнѣ на вѣку, а какія и были, такъ всѣ отъ тебя да отъ сестрицы твоей, говорила карица необычнымъ своимъ веселымъ голосомъ.

Въ письмѣ Софья писала: „извѣстно мнѣ учинилось, что вашихъ полковъ приходило къ Москвѣ малое число, а вамъ бы быть къ Москвѣ всѣмъ четыремъ полкамъ и

---

*) По свидѣтельству Штелина, стрѣльцы будто-бы дѣйствительно подкопались подъ монастырь къ покоямъ царевны, заложили полъ и вывели было ее этимъ ходомъ, но были захвачены при исполненіи и, послѣ упорной схватки съ караульными солдатами, переловлены, и потомъ казнены. Это извѣстіе, впрочемъ, неподтверждается никакими другими свидѣтельствами и по всей вѣроятности должно, какъ основанное только на слухѣ о предположеніяхъ стрѣльцовъ.

стать подъ Дѣвичьимъ монастыремъ таборомъ, и бить челомъ мнѣ идти къ Москвѣ противъ прежняго на державство, а еслибы солдаты, кои стоятъ у монастыря, къ Москвѣ отпустить не стали, и съ ними бы управиться, ихъ побить и къ Москвѣ быть, а кто бъ не сталъ пускаться съ людьми своими или съ солдаты, и вамъ бы чинить съ ними бой“.

Карлица ушла, а царевна, улыбаясь весело незримому будущему, какъ бывало улыбалась въ годы своей силы, принялась обдумывать и соображать. И казался возможнымъ ей этотъ возвратъ прошедшаго, но только теперь надѣленная опытомъ, она уже будетъ дѣйствовать иначе. Она знаетъ теперь цѣну людямъ... Гдѣ-то теперь Васенька? Получилъ-ли онъ мое письмо?

Уѣзжая за границу, Петръ сознавалъ, что оставляетъ за собой массу недовольныхъ, въ главѣ которыхъ стояли стрѣльцы. Примкнувши къ его сторонѣ по чувству законности и отчасти по нерасположенію къ надмѣнному выскочкѣ Шакловитому, стрѣльцы вскорѣ же почувствовали на себѣ перемѣну правительства. Петръ создавалъ новое войско на новыхъ началахъ и потому, естественно, смотрѣлъ на стрѣльцовъ, какъ на такое наслѣдіе старины, отъ котораго необходимо какимъ бы то ни было способомъ избавиться. Начались постоянныя униженія и оскорбленія. Стрѣльцы выносили, находя утѣшеніе въ своемъ общественномъ и семейномъ положеніи, занимаясь торговыми прибытками и хозяйствомъ. Скоро нескончаемыми походами уничтожились фактически и эти дорогія для нихъ привилегіи.

Послѣ покоренія Азова, задумавъ путешествіе за границу, Петръ рѣшилъ не оставлять въ Москвѣ ни одного стрѣлцаго полка, а потому остававшихся тамъ стрѣльцовъ отправилъ отчасти на южныя украины для обереженія отъ крымцевъ, отчасти въ Азовъ для сооруженія крѣпостей, а слѣдовавшіе къ возвращенію въ Москву на смѣну четыре полка, уже начавшіе это возвращеніе, рас-

порядился отправить прямо съ дороги на западныя границы для наблюденія за польскими дѣлами.

Можно представить отчаяніе стрѣльцовъ этихъ четырехъ полковъ (Чубарова, Колзакова, Чернаго и Гундертмарка), надѣявшихся видѣться въ Москвѣ съ своими женами и дѣтьми, а вмѣсто того отправляемыхъ на неопредѣленное время къ западнымъ границамъ. Они повинувались, но съ неудовольствіемъ и ропотомъ. Нѣкоторые стрѣльцы самовольно винули полки и явились въ Москвѣ, гдѣ у нихъ, естественно, родилось желаніе ввести опять на державство Софью, всегда къ нимъ благоволившую, вмѣсто передавагося еретикамъ государя, можетъ быть въ настоящее время ужъ и умершаго, судя по долгому неполученію отъ него писемъ.

Встревоженные такимъ своеволіемъ и явнымъ ослушаніемъ, бояре-правители приказали имъ вернуться къ полкамъ и назначили срокъ. Вѣгледцы не послушались, но выгнанные силою потѣшными полками изъ Москвы, они хотъ и отправились къ квартирамъ своихъ полковъ въ Великіе Луки, но съ твердымъ намѣреніемъ убѣдить и своихъ товарищей къ явному возмущенію. При томъ трудно имъ было оставаться равнодушными, когда получались черезъ женъ ихъ изъ Москвы положительныя предостереженія.

«Теперь вамъ худо, писала, наиримѣрь, Софья, а впередъ еще будетъ хуже. Ступайте къ Москвѣ, чего вы стали. Про государя ничего не слышно»...

Случай представился скоро. Начальствовавшій надъ дворянскими рейтарскими и солдатскими полками на Литовской границѣ, князь Михаилъ Юрьевичъ Ромодановскій получилъ распоряженіе: по прибытіи четырехъ стрѣлечьихъ полковъ, свои войска распустить, самому приѣхать въ Москву, стрѣльцовъ расквартировать по крайнимъ городамъ, а прибывшихъ въ полки изъ Москвы бѣглыхъ отобрать и сослать на вѣчное житье по Малороссійскимъ городамъ.

При объявленіи въ полкахъ этого распоряженія,

стрѣльцы, сочувствующіе и вполне раздѣлявшіе желанія и намѣренія своихъ товарищей—воротившихся бѣглецовъ, явно отказались ихъ выдать, отказались расходиться по назначеннымъ расквартированіямъ, а вмѣсто того въ полномъ составѣ, оставивъ своихъ полковниковъ и капитановъ, выбравъ вмѣсто нихъ для полевого управленія изъ десятниковъ и рядовыхъ, двинулись черезъ Зубцовъ къ Волоколамску.

Поли спѣшили въ походѣ, предполагая захватить въ Москвѣ бояръ врасплохъ неприготовленными, а въ томъ случаѣ, если это предположеніе не удастся, и они встрѣтятъ высланные противъ нихъ боевые отряды, то рѣшили, обойдя Москву, занять Серпуховъ или Тулу и оттуда разослать призывы присоединиться къ нимъ во всѣ стрѣлцкія квартиры въ Выгородъ, Сѣвскъ, Азовъ и другіе города. Число мятежниковъ во всѣхъ четырехъ полкахъ не превышало 2200 человекъ, и съ этими-то силами они мечтали о возможности занять Москву, смутить чернь, перебить бояръ-нѣмцевъ, провозгласить по прежнему царевну, а царя, если онъ не умеръ, въ государство не допускать.

Первый слухъ о возмущеніи и о походѣ стрѣльцовъ достигнулъ Москвы 10 іюня, а на другой день явились туда отставленные отъ возмущившихся полковъ капитаны. Бояре-правители собрались на совѣтъ, на которомъ рѣшили отправить противъ бунтовщиковъ воеводу Шеина, поручивъ ему стрѣльцовъ въ Москву «для прелести и возмущенія» не допускать, а возвратитъ ихъ на назначенныя квартиры. Въ помощь къ воеводѣ назначили генераль-поручиковъ Гордона, у котораго подъ командою было по 500 человекъ отъ полковъ Преображенскаго, Семеновскаго, Лефортова и Бутырскаго, и князя Кольцова-Масальскаго, начальствовавшаго надъ ратными людьми изъ отставныхъ, подъячихъ, конюшенныхъ и придворныхъ служителей. Всего въ отрядѣ Шеина находилось не менѣе 3700 человекъ съ 25 пушками.

Сдѣлавъ смотръ на Ходынкѣ назначенному отряду,

Шейнъ выступилъ изъ Москвы 16 іюня по направленію къ Тушину, куда и прибылъ на другой день. Здѣсь получилось первое положительное извѣстіе о близости стрѣльцовъ и о намѣреніи ихъ занять Воскресенскій монастырь. Вслѣдствіе этого извѣстія, передовой отрядъ, подъ начальствомъ генерала Гордона, двинулся впередъ и передъ вечеромъ занялъ выгодную позицію на холмахъ близъ монастырской слободы Рогожи. Отъ холмовъ впереди ихъ лежало ровное луговое пространство, составлявшее лѣвый берегъ рѣки Истры.

Тѣмъ же вечеромъ, послѣ захода солнца, показались отъ деревни Сычевки Передовыя толпы стрѣльцовъ. Эти толпы, и постепенно слѣдовавшія за ними, стали перебираться черезъ рѣку въ бродъ, занимать лугъ, находившійся внизу холмовъ, чѣмъ ясно и выказали намѣреніе овладѣть Московской дорогой. Замѣтивъ это, Гордонъ поставилъ на дорогѣ два полка, а другимъ двумъ полкамъ велѣлъ, обойдя слободу, занять дефилеи.

Тотчасъ же по переправѣ черезъ Истру начались переговоры, и стрѣльцы прислали воеводѣ извѣстное письмо, въ которомъ они высказывали причины и цѣль похода. Изъ этого письма видно, что служба ихъ, дѣйствительно, была не легкая *)

---

*) Вотъ содержаніе этого письма: „Въ 204 году были они на службѣ ноцъ Азовомъ, и Азовъ ваятъ; а они оставлены съ жеребья зимовать. И живучи въ немъ, всякую нужду терпѣли; и служили по всякой вѣрности, и Азовъ и всякія городовыя крѣпости основали вновь, и дѣлали зимою и лѣтомъ непрестанно. Въ 205 году велѣно ихъ отпустить къ Москвѣ, и они нумезную и оружейную казну отъ Азова вверхъ Дономъ отвезли до Воронежа, 200 бударъ, работою своею, не покладывая рукъ; а шли 10 недѣль..... и голодъ и холодъ и всякую нужду терпѣли; а для ностоевъ давано было имъ на полки дворовъ малое число, и стояли на дворѣ челоуки по стъ и по полторага; а на повкупу хлѣба давано имъ мѣсячнаго верну по 10 алтынъ 4 деньги, и того не ставало и на двѣ недѣли, не годило что на мѣсяцъ, и многіе скитались по міру. И переведени на Великия-Луки, и стояли недѣль съ 13; и для проворженія многіе изъ нихъ просились по міру, и ихъ не отпускали; а которые ходили, и тѣ, многіе, баты батоги. И пришли съ Луки въ Торонецъ. А служили всѣ тѣ походи

Въ отвѣтъ на это извѣстное письмо воевода Шенгъ рѣшилъ послать къ стрѣльцамъ генерала Гордона объявить, что если они возвратятся къ назначеннымъ имъ расквартированіямъ, выдадутъ 145 человекъ бѣглецовъ, бывшихъ въ Москвѣ, а также зачинщиковъ и подстрекателей, то государь проститъ ихъ и приважетъ выдать имъ жалованье и провіантъ.

На другой день утромъ 18-го іюня съ отвѣтомъ воеводы Гордонъ поѣхалъ къ стрѣльцамъ. Его обступила беспорядочная толпа. Но вмѣсто хладнокровнаго обсуждения и переговоровъ, стрѣльцы кричали одно: «умремъ, а будемъ въ Москвѣ!» ●

— Подумайте, говорилъ имъ Гордонъ, переговорите въ каждомъ полку отдѣльно.

— Нечего намъ говорить, кричали они, у всѣхъ насъ одна дума быть въ Москвѣ.

Видя бесполезность дальнѣйшихъ убѣжденій, Гордонъ уѣхалъ, назначивъ имъ срокъ четверть часа, по истеченіи которыхъ пощады не будетъ.

Стрѣльцы стали приготовляться къ битвѣ; священ-

однимъ подъемомъ, и отъ того оскудали и должны неоплатно. И изъ Торонца воеводѣ (М. Ю. Ромодановскому) велѣно идти къ Москвѣ, а ратныхъ, конныхъ и пѣшихъ людей велѣно распустить по домамъ; а имъ велѣно идти по городамъ на Вязу, на Вязму, на Ржеву-Володимерову, въ Дорогобужъ, и стоять до указа. И воевода поѣхалъ къ Москвѣ, Новгородскій полкъ вывелъ, не сказавъ указа о роспускѣ; а ихъ велѣлъ вывести на разныя дороги по полку и велѣлъ у нихъ брать ружье и всякую полковую казну и знамена, и велѣлъ коннымъ обступя ихъ вокругъ, рубить. И они, того убоясь, въ указанна мѣста не пошли; а идутъ къ Москвѣ, чтобы напрасно не умереть, а не для Московскаго разворенья, или какого смертнаго убійства и междоусобія и бунту. А если они на Москвѣ съ женами и дѣтьми свидѣтся хотя малое число, и какъ позоветь какой воинскій случай неприятельскихъ людей, а имъ велѣтъ быть на службѣ, и они со усердіемъ служить ради. А на которыхъ лошадяхъ вели они пушки, свинець, порохъ и полковые всякіе припасы, и тѣ лошади пристали, а тѣ припасы везутъ они на себя; а по городамъ и въ селѣхъ и въ деревняхъ подводъ подѣ ту казну не бирали и никакого грабительства и обидъ не чинили. А съ севъ отновѣдью послали они для того, чтобъ напраснаго кровопролитія не было.“

ники по полкамъ служили молебны о побѣдѣ. Все было нестройно, безпорядочно и шумно. Общій говоръ покрывалъ одинъ крикъ: «нostonимъ, братцы, что Богъ ни пошлетъ». Нѣкоторые пытались было провраться въ полки Шейна для подговора, но попытки оказались неудачными.

Между тѣмъ и въ царскомъ войскѣ начались передвиженія. Большой полкъ выстроился полувругомъ, въ срединѣ котораго противъ стрѣльцовъ находились пѣхота и артиллерія, конница заняла лѣвый флангъ до рѣки Истры, сильный отрядъ занималъ дефилеи по дорогѣ.

Прошло болѣе назначенныхъ четверти часа. Воевода приказалъ начать пальбу и для перваго раза безъ прицѣла въ непріятели. Раздался выстрѣлъ изъ 25 орудій, но ядра пролетѣли надъ головами стрѣльцовъ. Эта безвредность еще болѣе ободрила ихъ, и они съ своей стороны открыли пушечную (изъ 2-хъ орудій) и ружейную пальбу. Въ царскомъ войскѣ пало нѣсколько человекъ. Тогда артиллерійскій полковникъ Граге понизилъ орудія, навелъ ихъ и далъ второй залпъ: у стрѣльцовъ упало много убитыми и ранеными. Они бросились къ дефилеямъ, но встрѣченные тамъ Лефортовымъ полкомъ, а во флангъ Бутырцами, бросились назадъ. Раздался третій залпъ. Въ отчаяннѣе съ крикомъ: «пойдемъ, братцы, на проломъ,» стрѣльцы ринулись было на пѣхоту, но ихъ встрѣтилъ четвертый залпъ. Стрѣльцы смѣшались: одни кинулись бѣжать, другіе стали просить пощады.

Вся битва продолжалась не болѣе часа. Въ войскѣ Шейна опасно ранено было не болѣе четырехъ человекъ, у стрѣльцовъ же убито 15 и ранено 37. Войска заняли лагерь матажниковъ и принялись ловить разбѣжавшихся въ паническомъ страхѣ стрѣльцовъ. Почти всѣ они были въ тотъ же день переловлены и разсажены по крѣпкимъ мѣстамъ Воскресенскаго монастыря.

Велѣдъ затѣмъ начался розыскъ. Одинъ за другимъ подходили стрѣльцы, въ составѣ своихъ полковъ, къ разрядному шатру, гдѣ производилась имъ перебивка по

полевыми спискамъ, дѣлались отгѣтки и гдѣ допрашивались: кто были выбраные вмѣсто выгнанныхъ начальниковъ, кто были бѣглецы въ Москву съ Великихъ-Луей и кто были главными заводчиками. При первомъ распросѣ обливованныхъ бѣглецовъ оказалось 162 чело-вѣка, и ими-то принялся розыскивать воевода пыткой и огнемъ.

Главныхъ подстрекателей къ бунту розыскано при допросахъ до 56 чело-вѣкъ, все изъ Великолуцкихъ бѣглецовъ. О причинахъ мятежа подстрекатели, равно какъ и всѣ прочіе, показали одно: хлѣбный недородъ и голодъ. Что же касается до цѣли, то они желали, произведя въ Москвѣ бунтъ, убить изъ бояръ Тихона Никитича Стрѣшнева и Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго за отягощеніе службой, Ивана Борисовича Троекурова за недодачу имъ хлѣбнаго и денежнаго жалованья.

Вотъ все, до чего доискался воевода Шеннъ пытками и огнемъ. Ни одинъ изъ стрѣльцовъ подъ ужасными муками не заикнулся о письмахъ царевны; напротивъ того, всѣ твердили одно: никакихъ присылокъ съ Москвы не было, ничего о нихъ не знали и не слышали. Правда, что нѣкоторые изъ нихъ проговорились, будто на общемъ совѣщаніи еще въ Волоколамскѣ было предположено, по приходѣ въ Москву, стать близь Дѣвичьяго монастыря, но это естественно объяснялось близостью этой мѣстности къ ихъ слободамъ.

Розыскное дѣло воевода представилъ въ Москву, и бояре приговорили: всѣхъ Великолуцкихъ повѣсить, обливованныхъ бунтовщиковъ (140 чел.) наказать кнутомъ и сослать въ ссылку, нѣкоторыхъ, какъ особенно подозрительныхъ, закованныхъ въ кандалы, содержать въ тюрьмѣ для дальнѣйшаго розыска, а остальныхъ (1965 чел.) разослать въ володеахъ по тюрьмамъ ближайшихъ городовъ и монастырей.

2 іюля совершилась казнь. Изъ 281 чело-вѣка (такъ какъ впоследствии къ бывшимъ 162 чел. розыскалось

еще 119 чел.) пощажены только 26 чел. по малолѣтству, да 9 по одобренію полками.

Близъ монастыря, у мѣста служенія Богу милости и правды, на возвышенномъ мѣстѣ, откуда глазъ обнималъ безпредѣльное пространство, соорудился странный дѣлъ человѣческаго насажденія — лѣсъ висѣлицъ. И то на каждую висѣлицу приходилось по три, а иногда даже и по пяти жертвъ. Молча, съ изнуренными, болѣвненными лицами отъ розыскныхъ пытокъ и голодочнаго содержанія подходили одинъ за другимъ жертвы къ роковымъ столбамъ, вкрестились и надѣвали сами на себя петли.....

ГЛАВА XVI.

Бунтъ кончился. Бояре ожили, повеселѣли и съ довольнымъ самоуслажденіемъ ждали себѣ милостиваго слова, но не милостивое слово сказалось имъ.

Донесеніе отъ бояръ о походѣ стрѣльцовъ на Москву царь получилъ въ Вѣнѣ только 17 іюля. Торопливо покончивъ со всѣми посольскими церемоніями, онъ 19 іюля послалъ за почтовыми лошадьми и въ четвертомъ часу по полудни, въ сопровожденіи небольшого числа приближенныхъ, въ пяти коляскахъ поскакалъ въ Россію. Но въ то время дороги были не нынѣшнія, далеко не подходили къ движенію человѣческой мысли. Послѣ самыхъ утомительныхъ перевѣздовъ и днемъ и ночью, онъ только черезъ пять сутокъ могъ доѣхать до Бракова. Здѣсь онъ получилъ второе донесеніе о пораженіи стрѣльцовъ и усмиреніи бунта.

Торопиться ужъ не было необходимости, и потому дальнѣйшее возвращеніе производилось съ расстановками, ночлегами, съ различными увеселеніями у богатыхъ польскихъ пановъ; только вечеромъ 25 августа государь вѣхалъ въ Москву. По пріѣздѣ Петръ развезъ своихъ товарищей по домамъ, а самъ отправился въ свое Преображенское. Не отдыхая отъ дороги, а стяхнувъ толь-

ею плотно засѣвшую на кафтанѣ пыль, онъ тотчасъ поѣхалъ въ городъ, гдѣ побывалъ у нѣсколькихъ бояръ, а затѣмъ провелъ вечеръ въ нѣмецкой слободѣ у красавицы Монсъ. Разбитная и ловкая нѣмецкая мѣщаночка Аннушка сзумѣла встрѣтить царя по европейски.

— О mein Gott! mein Gott! какъ я рада! выговаривали розовыя губки Аннушки, а зазывные голубенькіе глазки говорили еще больше.... И просидѣлъ Петръ у нея вплоть до ночи, не вспомнивъ ни разу, что не далеко, тамъ, на Верху ждала его, нояи болѣя сердцемъ нѣбогда милая, но ужъ давно опостылая Авдотья.

Простившись съ нѣмцами и сорвавъ горячій поцалуй съ влажныхъ губокъ Аннушки, царь отправился ночевать, но не въ Кремль, не къ женѣ, а на свою холостую квартиру въ Преображенскомъ, гдѣ изъ всѣхъ царевенъ жила одна только родная сестра Петра — Наталья Алексѣевна.

Мгновенно облетѣла Москву вѣсть о прїѣздѣ царя, и раннимъ утромъ слѣдующаго дня собрались въ Преображенскомъ поздравить съ благополучнымъ прїѣздомъ всѣ приближенные къ двору знатные и незнатные, бояре и нѣмцы-ремесленники. На всѣхъ русскихъ лицахъ черезъ напускную сановитость такъ и сквозилъ тревожный вопросъ: что-то будетъ? что привезъ онъ оттуда изъ за моря, отъ басурмановъ? Какъ-то встрѣтитъ онъ послѣ полторагодоваго отсутствія?

Встрѣтилъ государь всѣхъ милостиво и привѣтливо, рассказывалъ о заморскихъ чудесахъ, о свиданіяхъ съ вѣнчанными особами, о дружбѣ своей съ королемъ Польскимъ, подходилъ къ каждому, обнималъ, цаловалъ въ голову, но въ тоже время ловко забиралъ лѣвой рукой овладистую боярскую бороду, а правой отстригалъ ее прочь. Только и уцѣлѣли бороды, что у Тихона Никитича Стрѣшнева да престарѣлаго Михаила Алегуевича Черкасскаго. Не спаслись отъ оскверненія ни воевода Шенинъ, ни самъ вesarь Ромодановскій. А давно-ли послѣдній не вѣрилъ возможности такого оскверненія,

давно-ли онъ, когда услыхалъ, что Головинъ являлся въ Вѣнскому двору съ обритою бородою и въ нѣмецкомъ платьѣ, невѣрилъ, даже сплюнулъ и выразился: «не вѣрю, не дойдетъ Головинъ до такого безумія».

Русскому народу въ то время бритье бородъ казалось безуміемъ и ужаснымъ богохульствомъ. Недавно еще преемникъ Іоакима патріархъ Адріанъ обещался къ народу съ посланіемъ: «О пребеззаконники! Ужели вы считаете красотою, писалъ онъ, брить бороды и оставлять одни усы? Но таѣ сотворены Богомъ не человѣки, а коты и псы. Ужели хотите уподобиться свотамъ безсмысленнымъ, или смѣшаться съ еретиками, которые въ такую глубину пали, что не только простые и благородные, но и монахи стригутъ бороды и усы, и отъ того видятся подобны пификамъ или обезьянамъ... Брадобритіе не только есть безобразіе и безчестіе, но и грѣхъ смертный: провлято бо сіе *блудозрѣльщиное неистовство*». Въ заключеніе ревнивый пастырь угрожаетъ: «Люди православныя! не приемотрите сего злодѣйскаго знаменія, но гнушайтесь имъ, какъ нѣкою мерзостію: ибо нераскаившимся брадобрійцамъ входъ въ церкви возбраненъ и причастія св. Таинъ они лишены. Если кто изъ нихъ умретъ, нераскаився, неподобаеъ надъ тѣмъ быть ни христіанскому погребенію, ни въ церковныхъ молитвахъ поминаенію. И живъ смѣ, противляйся закону Божию, гдѣ станетъ онъ на страшномъ судѣ, — съ праведными, украшенными брадою, или съ еретиками брадобрійцами — сами рассудите.»

Но не боялся Петръ ломки ни народныхъ убѣжденій, ни народныхъ обычаевъ.

Въ день новолѣтія (1 сентября 1698 г.) у генералиссимуса Шеина былъ пиръ на весь міръ. Многое на этомъ пирѣ отзывалось стариной, многіе еще были напимѣръ въ бородахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣяло и новизной: рядомъ съ боярами въ обширныхъ покояхъ хозяина толкались ремесленники, нѣмцы и матросы. Царь веселился, подчивалъ изъ собственныхъ ручекъ яблoвами,

предлагалъ, при пушечныхъ запахахъ, тостъ за тостомъ, а между тѣмъ любимый шутъ Тургеневъ, при взрывахъ хохота и при острой шуткѣ, ловко отмахивалъ бороды то у того, то у другаго изъ недогадливыхъ.

Потомъ дня черезъ три задалъ пиръ и любимецъ царя Лефортъ, пиръ совсѣмъ съ европейской обстановкой. Бородачей вовсе небыло, и всѣ русскіе въ новыхъ кафтаныхъ смотрѣли какими-то странными нѣмцами. Премѣла музыка, гости были съ фамиліями т. е. женами и дочерьми, — танцовали. Петръ надѣлъ для параднаго тапцовальнаго вечера своего любимца свое самое нарядное платье, которое, по бережливости своей, надѣвалъ очень рѣдко: суконный французскій кафтанъ васильковаго цвѣта, обложенный лентами съ обшивными пуговицами, на красной подкладѣ, камзолъ волнистый на тафтяной подкладѣ съ блестящими мѣдными пуговицами и наконецъ бархатные панталоны, обхваченные шелковыми чулками. Царственный обликъ и стройный станъ были безукоризненно прекрасны.

Отличалась и Аннушка Монсъ. Въ танцахъ еще замѣтнѣе выдѣлялись ея стройная, граціозная фигура, гибкій станъ и роскошныя формы, глаза казались выразительнѣе, то стыдливо потупляясь, то вскидываясь вызывающимъ соблазномъ. Аннушка не чета была нашимъ русскимъ неуклюжимъ красавицамъ; свобода оброщенія давно научила ее всѣмъ хитрымъ приѣмамъ великаго искусства нравиться. Молодой царь не могъ оторвать отъ нее страстныхъ глазъ.

— Здорова ли наша великая государыня? Какъ рады вы и она увидѣться послѣ такой долгой разлуки? говорила она, въ тоже время пожимая своей маленькой ручкой руку красавца гиганта-царя.

Напоминаніе было кинута ловко и вовремя. Сдвинулись густыя брови, въ глазахъ блеснулъ злобный огонекъ, и передернуло лицо у государя. Надо кончить... кончить однимъ разомъ, подумалъ онъ.

И онъ дѣйствительно кончилъ разомъ. Призвавъ жею

свою въ домъ почтмейстера Винюса, куда самъ прїѣхалъ для этого свиданія, онъ долго старался сначала убѣдить ее въ невозможности совмѣстной супружеской жизни при отсутствїи любви, при различїи характеровъ и убѣжденїй, потомъ пытался угрозами вынудить согласіе, но Евдокія владѣла не малою долей отрицательнаго мужества. На всѣ убѣжденія, на всѣ угрозы она или молчала, или отвѣчала односложнымъ нѣтъ. Такъ свиданіе ничѣмъ и не кончилось, но оно еще болѣе укрѣпило рѣшимость Петра.

Вскорѣ послѣ этого свиданія царица Наталья Алексѣевна прїѣхала въ Кремлевскій дворецъ и увезла къ себѣ въ Преображенское восьмилѣтняго племянника Алексѣя, а налуганную ошеломленную мать въ простой каретѣ, безъ всякой свиты, отвезли въ Суздальскій Покровскій дѣвичій монастырь... гдѣ потомъ черезъ десять мѣсяцевъ и была пострижена подъ именемъ инокини Елены.

Впрочемъ роковая судьба царицы Евдокїи стала неизбѣжна помимо вліянія царицы сестры Натальи и вліянія обольстительной красоты бойкой нѣмецкой мѣщаночки Аннушки. Петру все претяло въ Евдокїю, начиная съ наружности и оканчивая убѣжденїями. Если онъ и любилъ ее въ первые мѣсяцы, а можетъ быть даже и годы, то это было животное влеченіе страсти. По удовлетворенїи этихъ порывовъ, ему эти отношенія становились еще непрїятнѣе, въ особенности же когда новыя возрѣвїя становились насущною потребностью. Напрасно молодая женщина не понимая разлады между собою и мужемъ, старалась привлечь его къ себѣ непрерывными призывами, ласковыми рѣчами и упреками, отъ этихъ упрековъ и ласкъ мужу становилось еще тошнѣе, и еще дальше онъ уходилъ отъ нея *). Чтобъ удержать

*) Изъ сохранившихся писемъ царицы Евдокїи Федоровны къ Петру отчасти можно видѣть постепенность охлажденія супружескихъ отношеній. Такъ въ 1689 г. она пишетъ; «Лапушка мой, здравствуй на множество лѣтъ. Да милости у тебя прому какъ ты позволишь ли мнѣ къ тебѣ бѣть... И ты покалуй о томъ, лапушка мой, отпиши. Заскѣмъ писави женишка

его надобно было самой идти по его дорогѣ, сдѣлаться частью его самого, его стремлений и видовъ, но на это она была неспособна.

Выросшая въ старинной русской семьѣ, въ которой свято хранились всѣ отцовскія преданья, она видѣла въ дѣйствіяхъ мужа только одну разнузданность гуляки. Она пыталась отвлечь, привязать къ себѣ, и когда это не удалось, сама стала въ оппозиціонную сторону, правда, не дѣйствующую, но упорно страдательную и безмолвно все осуждающую. Такая оппозиція болѣе всего должна была раздражать до крайности страстную натуру Петра, для котораго борьба была жизнь.

Брачныя узы становились царю невыносимыми, и онъ задумалъ разорвать ихъ. Для разрыва въ русской жизни XVII в.—было только одно средство: постриженіе опостылѣвшей супруги. Къ этому средству прибѣгнулъ и царь. Въ письмахъ изъ Лондона къ Л. К. Нарышкину, Т. Н. Стрѣшневу и духовнику жены, онъ поручалъ настойчиво уговаривать царицу къ добровольному постриженію. Объ этомъ же онъ писалъ и Ромодановскому, прося его помогать Стрѣшневу: «пожалуй сдѣлай то, о чемъ тебѣ станеть говорить Тихонъ Нивитичъ».

Но ни совѣты, ни убѣжденія не имѣли вліянія на лимфатическую, упорную натуру царицы. Она поддалась только физической силѣ.

Повончивъ съ брадобритіемъ и женой, Петръ принялся за стрѣльцовъ. При первомъ обзорѣ розыскаго дѣла, произведеннаго Шениномъ подъ Воскресенскимъ монастыремъ, онъ замѣтилъ недостатокъ энергіи слѣдователей, слабость и нерѣшительность, а отсюда и неудовлетворительность результатовъ.

твоя Душка челомъ бьетъ». А черезъ нѣтъ въ 1694 году въ ея письмахъ проглядываетъ удержанность: «прежрожайшему моему государю радость царю Петру Алексѣевичу». О ланушкѣ и тому подобныхъ прозваніяхъ, въ которыхъ неволью выливается женское чувство, нѣтъ и помину.

— Я допрошу, сказалъ онъ Гордону, просмотрѣвъ дѣло, постороже вашего.

Схваченные послѣ битвы подь Воскресенскимъ монастыремъ стрѣльцы, въ числѣ 1714 человекъ, содержались по тюрьмамъ и тайникамъ городовъ и монастырей, окружающихъ Москву. И изъ этихъ-то мѣстъ, по распоряженію Иноземнаго Приказа, съ половины сентября потянулись по Московской дорогѣ болѣе или менѣе значительныя партіи володнниковъ-стрѣльцовъ, подь прикрытіемъ отрядовъ солдатскихъ полковъ. По мѣрѣ прибытія партій размѣщались по тайникамъ монастырей Симонова, Новоспасаго, Андреева, Донскаго и Покровскаго, заковывались и приковывались къ стѣнамъ. Скоро этихъ помѣщеній оказалось недостаточно: стали размѣщать по окрестнымъ селамъ Ивановскомъ, Мытищамъ, Растокинѣ, Нивольскомъ, Черкизовѣ и другихъ.

Главнымъ мѣстомъ производства новаго розыска назначено было село Преображенское съ его четырнадцатью *) застѣнками, состоящими подь вѣдѣніемъ ближнихъ къ Петру людей **), но главныхъ преступниковъ допрашивалъ самъ царь, взявшій на себя общее руководство всѣмъ производствомъ. Слѣдствіе началось 17 сентября, въ день именины царевны и казни князей Хованскихъ. И началась ежедневная работа во всѣхъ застѣнкахъ, неустанная, кровавая работа. Работали по 8 часовъ въ сутки, допрашивалось въ день по 16 человекъ, сначала по одиночкѣ, потомъ на очныхъ ставкахъ и наконецъ съ пыткой подь дыбой и огнемъ.

*) По свидѣтельству же Желабужскаго застѣнковъ было двадцать.

***) Начальниками застѣнковъ были: князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій, князь Михаилъ Алегуковичъ Черкасскій, князь Владиміръ Дмитріевичъ Долгорукій, князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ, князь Борисъ Алексѣевичъ Голлицынь, Алексій Семеновичъ Шенинь, Тихонъ Никитичъ Стрѣшевцъ, князь Михаилъ Григорьевичъ Ромодановскій, князь Юрій Федоровичъ Щербатый, Иванъ Ивановичъ Головинъ, князь Петръ Лукичъ Львовъ, Федоръ Юрьевичъ Ромодановскій, Никита Моисеевичъ Зотовъ и Семенъ Ивановичъ Языковъ.

Первыя показанія получились тѣже, что и подъ Воскресенскимъ монастыремъ, но затѣмъ, при дальнѣйшемъ ходѣ, подъ жестовой *Петровской* пыткой, открылись и новыя обстоятельства. Открылось, что стрѣльцкіе полки шли прямо къ Новодѣвичьему монастырю съ цѣлью вывести оттуда царевну Софью и возвести ее снова на престолъ, отерлись пересылки бывшей правительницы съ стрѣльцами черезъ стрѣльчихъ и дворцовыхъ прислужницъ, при живомъ участіи царевны Марѣи, и наконецъ отерлась посылка къ возмущившимся полкамъ воззванія Софьи. Самыя успѣшныя показанія получались при допросахъ Ивана Борисовича, который не уставалъ въ усердіи и жегъ стрѣльцовъ, каждаго по два и по три раза, а самыя неудовлетворительныя въ допросахъ Бориса Алексѣевича, которому не было открыто ни одного новаго обстоятельства.

Узнавъ объ участіи царевенъ, Петръ призвалъ къ допросу нищихъ и стрѣльчихъ Артарскую, Маврутку Логунову, Степановну Марью, сестру Тумы стрѣльчиху Прасковью Савельеву Пахалину и прислужницъ Марѣи и Софьи кормилицу вдову Марѣю Вяземскую, дѣвицъ Вѣру Васютинскую, Авдотью Григорьеву, Ульяну Калужкину, княжну Авдотью Касаткину и послѣ *пристрастно съ подѣжомъ* ихъ допроса, самъ наконецъ допрашивалъ и обѣихъ сестеръ.

Трусливая Марѣя Алексѣевна при первомъ вопросѣ Петра, пріѣхавшаго къ ней въ село Покровское, рассказала о своихъ посѣщеніяхъ Новодѣвичьяго монастыря, разговорахъ съ сестрой по передачѣ послѣдней извѣстій о стрѣльцкихъ смутахъ и предположеніяхъ возвести ее снова на престолъ, но заперлась совершенно въ передачѣ отъ сестры писемъ и на всѣ улики постельницы Анны Калужкиной твердила одно: а больше этого ничего знать не знаю, вѣдать не вѣдаю.

Еще меньшая удача ожидала Петра у царевны Софьи,

ясно понимавшей всю невыгоду сознанія и видѣвшей въ немъ себя вѣрную гибель. Запугать царевну было трудно, а еще труднѣе сбить и залутать вопросами.

— Писемъ *), о которыхъ болтаютъ стрѣльцы подъ огнемъ въ свое оправданіе, я неписывала и не посылала, говорила она утвердительно, а пришли они къ Москвѣ и рѣшились звать ее по прежнему на правительство, то это не вслѣдствіе моихъ писемъ, которыхъ не было, а знатно потому, что я съ 190 году была въ правительствѣ.

Въ послѣднихъ числахъ сентября кончился розыскъ первыхъ партій стрѣльцовъ, доставленныхъ изъ близъ лежащихъ къ Москвѣ мѣстностей и размѣщенныхъ около Преображенскаго. Въ этихъ партіяхъ считалось до 341 человека.

Начался судъ скорый — но справедливый ли? Охватившее Петра злобное чувство, какъ вообще у всѣхъ нервныхъ натуръ, отъ вида крови и страданій раздражалось, кипѣло и выливалось изъ предѣловъ: оно требовало крови, крови и крови. Составился приговоръ: 40 человекъ, изъ главныхъ преступниковъ, оставлено живыхъ для уликъ при послѣдующихъ розыскахъ, 100 человекъ малолѣтнихъ, отъ 15—20 лѣтъ, наказаны кнутомъ, заклеяены и сосланы, а остальные 201 человекъ присуждены къ смертной казни: къ обезглавленію, колесованію и повѣшенію.

Слухъ о предстоящихъ казняхъ въ такихъ громадныхъ размѣрахъ распространился по городу. Патриархъ Адрианъ, по обычному печалованію пастырей, поднявъ икону Богоматери и отправился съ ней въ Преображенское просить милосердія.

— Убирайся и поставь икону на мѣсто, закричалъ

---

*) Писемъ этихъ не сохранилось и, по всей вѣроятности, они были уничтожены преданными стрѣльцами тотчасъ же послѣ Воскресенской битвы.

ему раздраженный царь, я не меньше тебя почитаю Бога и Его святую Матерь, но я знаю свой долг... Наказывать злые умыслы и охранять народъ — богоугодное дѣло.

Государь забылъ, что любовь и милосердіе соединяють царя съ народомъ, а жестокость, а тѣмъ болѣе несправедливость, лишаетъ его силы и преданности народной.

Патріархъ ушелъ.

Утромъ 30 сентября изъ села Преображенскаго двинулась длинная процессія: подъ охраной трехъ полковъ мѣрно подвигался къ Бѣлому городу рядъ телѣгъ, въ которыхъ сидѣли по двое стрѣльцовъ, осужденныхъ, съ зажженными въ рукахъ восковыми свѣчами. За телѣгами бѣжали съ отчаяннымъ воплемъ матери, жены и дѣти. У Повровскихъ воротъ поѣздъ остановился; его окружала огромная толпа зрителей, въ средѣ которыхъ видны были иностранные послы и резиденты. За поѣздомъ вскорѣ пріѣхалъ верхомъ и самъ царь, окруженный свитой приближенныхъ, въ числѣ которыхъ находились: Лефорть, генералъ Карповичъ, Автомонъ Головинъ, князь М. Н. Львовъ, князь Ю. О. Щербатый, С. И. Языковъ, Л. И. Головинъ и другіе.

По пріѣздѣ царя, дьякъ прочиталъ осужденнымъ смертный приговоръ, въ которомъ, по изложеніи вины преступниковъ, состоящей въ умыслѣ придти къ Москвѣ, учинить въ ней бунтъ, бояръ и нѣмцевъ побить, нѣмецкую слободу разворить и чернь возмутить, говорилось: «и за то ваше воровство великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ указалъ — казнить смертію.»

Для исполненія приговора стрѣльцовъ развезли по мѣстамъ, гдѣ устроены были для нихъ висѣлицы. 112 человекъ было повѣшено у 70 воротъ кругомъ Бѣлаго города, 36 чел. у трехъ воротъ Замоскворѣчья, 48 чел. у сѣвѣжныхъ избъ возмутившихся полковъ — оставалось пя-

теро (Плѣшивый, Глотовъ, Жюченко, Гонецъ и Долгій), которымъ предстояла особая честь....

Насмотрѣвшись на послѣднія конвульсии повѣшенныхъ у Покровскихъ воротъ, государь возвратился въ Преображенское. Тамъ, передъ дворцемъ, устроенъ былъ помостъ, приготовлена плаха и лежала сѣкира, но заплечнаго мастера небыло. Государю захотѣлось попробовать свою силу, потѣшиться надъ живымъ человѣческимъ мясомъ...

Обрадовались было оставшіеся пять стрѣльцовъ, не видя палача. Не зная за собой никакой вины, кромѣ невольнаго, почти безсознательнаго участія въ дѣйствіяхъ товарищей, они убѣдили себя въ прощеніи. Да въ чемъ же мы виноваты? спрашивали они себя. Что хотѣли сестру царя на державство? Такъ она и прежде съ нимъ державствовала, а его небыло больше года.... Сами наибольшіе начальники говорили будто онъ и умеръ... боярамъ, извѣстно, хотѣлось самимъ. Развѣ мало они насъ и голодомъ и холодомъ изводили.

Между тѣмъ какъ радовались и обнадеживались стрѣльцы, царь съ новымъ любимцемъ своимъ Алексашей и свитой сходилъ съ крыльца прямо къ устроенному помосту. Съ довольной улыбкой подошелъ онъ къ плахѣ, поднялъ тяжелую сѣкиру какъ перушко и ловко взмахнулъ ею нѣсколько разъ.

Стали поочередно подводить обезумѣвшихъ стрѣльцовъ, каждаго изъ нихъ старательно укладывали на плаху, и каждому изъ нихъ гигантская рука, не дрогнувъ, наносила смертельный ударъ. Дѣйствительно, рука была твердая — при каждомъ взмахѣ голова мгновенно съ прыжкомъ отскакивала съ помоста....

Съ другаго дня начались новыя розыски съ другими партіями, прибывшими послѣ первыхъ изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ. Въ этихъ новыхъ партіяхъ числилось до 856 человекъ; допросы ихъ продолжались около двухъ недѣль. По боярскому приговору, утвержденному государемъ, всѣ они были приговорены къ смертной каз-

ни, за исключеніемъ только 93, прощенныхъ по малолѣтству и 14 изъ главныхъ руководителей, оставленныхъ для новыхъ розысковъ. Казнено было:

11 Октября . . .	144	челов.
12 » . . .	205	»
13 » . . .	141	»
17 » . . .	109	»
18 » . . .	65	»
19 » . . .	106	»
21 » . . .	2	»

всего 772 челов.

Виды казней разнообразились: висѣлицы, обозглавленія и колесованія, съ нѣкоторыми утонченностями. Вѣшали по всему Земляному городу у всѣхъ воротъ, точно также, какъ у всѣхъ воротъ Бѣлаго города. Севозъ-зубцы городскихъ стѣнъ пропущены были бревны, закрѣпленные внутри, на концахъ которыхъ и висѣли несчастные. Вѣшаніе назначалось для всѣхъ рядовыхъ обвиненныхъ, для болѣе же виновныхъ опредѣлялось колесованіе. Одинъ изъ современниковъ (Желябужскій) передаетъ ужасныя подробности: « .... А пуще воров и заводчиковъ: у нихъ за ихъ воровство ломаны руки и ноги колесами. И тѣ колеса воткнуты были на Красной площади на колья, и тѣ стрѣльцы за свое воровство ломаны живые, положены были на тѣ колеса, и живы были на тѣхъ колесахъ не много не сутки, и на тѣхъ колесахъ стонали и охали. И по указу великаго государя, одинъ изъ нихъ застрѣленъ изъ фюзей; а застрѣлилъ его Преображенскій сержантъ Александръ Меньщиковъ. А вопы, которые съ тѣми стрѣльцами были у нихъ въ тѣхъ полкахъ, одинъ передъ Туинскою избою повѣшенъ, а другому отсѣчена голова и воткнута на колъ, а тѣло его положено было на колесо также, что и стрѣльцы».

Для личной же забавы государя и его двора отдѣля-

лись особые отряды стрѣльцовъ, числомъ въ 109 человекъ, которые и приводились въ Преображенское. Здѣсь приближенные царя упражнялись въ искусствѣ рубить головы. Князь Ромодановскій отрубилъ головы четыремъ стрѣльцамъ, Александръ Меншиковъ двадцати, Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, по приказанію царя, тоже рубилъ голову одному стрѣльцу, но рубилъ не ловко, за что и получилъ строгій выговоръ отъ царя, наблюдавшаго это зрѣлище.

И царевна Софья Алексѣевна не была забыта: передъ ея вельями повѣшено было 195 человекъ, изъ которыхъ тремъ, висѣвшимъ передъ самыми ея окнами, вложены были въ руки челобитныя, согласно ихъ повзаніямъ о письмахъ царевны. И долго, цѣлые пять мѣсяцевъ держались эти челобитныя передъ окнами Софьи, цѣлые пять мѣсяцевъ трупы не убирались ни съ городскихъ стѣнъ, ни съ площадей, цѣлые пять мѣсяцевъ собаки и вороны пользовались роскошнымъ столомъ изъ человѣчьяго мяса. Трупный запахъ заражалъ воздухъ, билъ въ носъ проходившимъ и проникалъ въ жилища.

Послѣ казни стрѣльцовъ, вдовы ихъ высылались изъ Москвы... и шли они по дешевой цѣнѣ... разбирали ихъ по деревнямъ всякихъ чиновъ люди.....

Какъ перенесла это тяжелое время бывшая правительница, что переживала она — никто не зналъ. Сосредоточилась она въ самой себѣ и никому не говорила ни слова. По цѣлымъ часамъ сидѣла она въ глубинѣ кельи передъ столомъ неподвижно, упорно наблюдая за качавшимися отъ вѣтра трупами стрѣльцовъ съ челобитными, да за воронами, садившимися то на голову, то на плечи висѣльниковъ и выбравшихъ себѣ лакомые куски. Казалось она не замѣчала ничего вокругъ себя, не замѣчала, что при ней уже больше нѣтъ ея постельницъ, что вмѣсто ихъ какая—то суровая монахиня, молчавшая или говорившая сухимъ голосомъ, какъ будто въ насмѣшку, о благодати Божіей, не замѣчала, какъ все перемѣнилось въ отношеніи къ ней, какъ

отстраняются отъ нея, какъ отъ зараженной. Одна, одна... и всегда одна, ходила она по прежнему въ церковь.. но не молиться, а... проливать.

Не замѣтила она наконецъ и того, какъ черезъ нѣсколько дней пришли въ ней настоятельница съ сестрами и повели ее въ церковь, какъ поставили ее зачѣмъ-то по срединѣ, какъ что-то говорили, читали и пѣли, какъ сдѣлалась она наконецъ инокиней Сусанной. Нѣтъ теперь больше поворота на другую дорогу. Все кончено.

Софья Алексѣевна прожила еще почти шесть лѣтъ и умерла, унеся съ собой свои послѣднія думы.

Ш—б—скій.

ЗА ЖИВОЙ ИЗГОРОДЬЮ.

Вандейская война.

(1793—1794).

Быль вечеръ; ночныя тѣни окружали деревню; высокія деревья живыхъ изгородей, безъ вѣтвей, торчали своими почернѣвшими стволами и безлиственными вершинами надъ кустами остролиста и орѣха; тишина долины изрѣдка только прерывалась лаемъ собакъ, перекликавшихся въ сосѣднихъ фермахъ. На порогѣ одной изъ этихъ фермъ молодая дѣвушка, наклонясь въ полуотворенную дверь, внимательно прислушивалась къ отдаленнымъ звукамъ, стараясь проникнуть въ ночную темь.

— Они не идутъ, она сказала, оборачиваясь, а между тѣмъ поздно. Господи Боже мой, что они тамъ дѣлали?

— Я могу тебѣ сказать, что они ничего не дѣлали, я ручаюсь—они не брали жеребьевъ, отвѣчала пожилая женщина, какъ видно болѣзненная, лежа въ глубинѣ комнаты на большой постелѣ съ зелеными занавѣсками. Больная женщина съ трудомъ приподнялась, опираясь локтемъ.

— Вотъ! вскричала молодая дѣвушка, переступивъ за порогъ, куда звуки доходили яснѣе, вдали слышны

какіе-то голоса, а сквозь деревья изгородей блеститъ иногда свѣтъ отъ фонарей.

— Это они, продолжала она, теперь они говорятъ громко. Вся наша деревенская молодежь вмѣстѣ; вѣроятно они не всѣ придутъ сюда, и Жакъ съ Пьеромъ успѣютъ намъ все рассказать, прежде чѣмъ улягутся спать.

— Приготовь хлѣбъ и налей для нихъ кружку вина.

— Зачѣмъ? Вѣроятно они ужинали въ Брессюэйрѣ.

— Дѣлай то, что велятъ, строго замѣтила больная мать.

Скромный ужинъ былъ вскорѣ приготовленъ на столѣ.

Больная оправилась и оперлась на подушки; два багровыя пятна отцвѣтили ея впалыя щеки, жгучія глаза съ лихорадочнымъ блескомъ упорно остановились на двери; она ждала. Марта продолжала наблюдать за дверью.

— Вотъ они входятъ въ Шанъ-Меле, говорила дѣвушка, я вижу свѣтъ; они поютъ хоромъ, я узнаю голосъ Пьера, ихъ теперь впрочемъ не такъ много, только одна здѣшняя молодежь, видно изъ Обьера и Ешоброяля пошли домой; они остановились у дорожнаго креста. Они больше не поютъ... они сейчасъ будутъ здѣсь. Дѣвушка вошла, оставивъ позади себя полуотворенную дверь.

Десять или двѣнадцать молодыхъ людей слѣдомъ за ней вошли въ избу. Впереди находились двое сыновей больной хозяйки.

— Что вы тамъ дѣляли? спросила мать, пытливо оглядывая ихъ.

— Немного, отвѣчалъ Жакъ, бросивъ на столъ свою шляпу съ широкими полями; поговорили, вотъ и все.

— Вы не брали жеребій?

— Нѣтъ, насъ собирали только для разъясненій. Вчера, говорятъ, былъ шумъ въ сторонѣ Шоле, но въ Брессюэйрѣ все тихо.

— Да сегодня... проговорила мать, не сводя глазъ съ сыновей.

Марта рѣзала хлѣбъ и казалась смущенной.

— Много было въ городѣ? наконецъ спросила дѣвушка.

— Да всѣ, городскіе и вся молодежь сосѣднихъ приходовъ. Въ намъ были ласовы; былъ тамъ еще одинъ драгунъ, и братъ непріязненно взглянулъ на сестру, онъ съ большимъ участіемъ спрашивалъ обо всѣхъ насъ. Въ своей новой формѣ, чертъ возьми, видный молодецъ!

— А! да, сынъ Гади, бакалейщикъ, прибавилъ одинъ изъ молодыхъ людей, у его отца славная водка.

Марта потупила глаза. Молча и пѣтливо посмотрѣла на нее мать и затѣмъ обратилась къ сыновьямъ.

— Когда назначено собраніе?

— 14 марта, отвѣчалъ отрывисто Жакъ.

— На чемъ рѣшать?

— Я ничего не знаю, но я не буду брать жеребья— мнѣ запретилъ нашъ духовникъ.

— И я не буду, и я не буду! повторяли всѣ молодые люди, горячася другъ передъ другомъ.

Больная съ усиленіемъ поднялась въ постелѣ.

— Пьеръ и Жакъ, сказала она, протягивая къ нимъ руки, если вы когда нибудь возьмете жеребій, если когда нибудь коснетесь ружья изъ повиновенія тѣмъ, которые лишили насъ нашихъ священниковъ, которые сдѣлали насъ явчниками, которые заставляютъ насъ умирать безъ причащенія и отпущенія грѣховъ, то вы будете прокляты мной, вашей умирающей матерью. Помните это, вы всѣ, и ея жгучій взглядъ упорно остановился на молодой дѣвушкѣ.

— Успокойтесь, матушка, отвѣтили сыновья, если мы возьмемъ ружье, такъ для совершенно другой цѣли; не бойтесь, вы во время будете имѣть духовника.

— Жакъ! всеричала дѣвушка, оттолкнувъ братьевъ и пробѣжавъ мимо ужинавшей за столомъ молодежи, развѣ ты не видишь, какъ дурно матушкѣ?

Больная, дѣйствительно, упала на подушки; возбужденіе истощило ее, и она впала въ обморокъ.

— Гдѣ сегодня священникъ? спрашивали молодые

люди, вѣроятно онъ на фермѣ Геретъ? вѣдь тамъ онъ обыкновенно прачется.

— Я иду туда, вызвался одинъ здоровый, молодой парень, до сихъ поръ упорно молчавшій, но постоянно наблюдавшій украдкой за Мартой.

Всѣ крестьяне вышли за нимъ; молодая дѣвушка съ скорбью въ глазахъ и смертельнымъ холодомъ въ сердцѣ старалась привести въ чувство больную мать; проклятіе, казалось, таготѣло надъ ней. Жакъ и Пьеръ смотрѣли на все съ тою тупою беспомощностью, которая обыкновенно характеризуетъ въ такихъ случаяхъ поселянъ. Это блѣдное лицо, эти члены, цѣпѣнущіе смертельнымъ холодомъ, вливали въ нихъ полное чувство непримиримой мести.

Жакъ поднялъ руку къ кресту.

— Я клянусь, сказалъ онъ, моимъ крещеніемъ, принять оружіе только для защиты нашихъ добрыхъ священниковъ, нашихъ сосѣдей. Пусть матушка отираетъ слезы и дастъ намъ свое благословеніе.

— И я тоже, прибавилъ Пьеръ.

Въ это время больная отерла глаза.

— Я думала все кончено, она прошептала, ушли за духовникомъ?

Вошелъ священникъ. Къ неожиданному счастью Жозефъ-Брюно, обходя всѣ потайные углы, скоро встрѣтилъ прежняго священника прихода Сентъ-Обана, незадолго замѣненнаго новымъ, давшимъ клятву по требованію національнаго собранія. Новый духовникъ занималъ пресвитерство и отправлялъ службу, но между тѣмъ все окружное населеніе удалялось въ лѣса, гдѣ удаленный тайно исполнялъ богослуженіе.

Священникъ, входя, поднялъ руку.

Да будетъ миръ дому этому! сказалъ онъ. Потомъ осмотрѣвъ больную, началъ читать молитвы.

Молодые люди преклонили колѣни; Марта лежала у подножія креста.

Умирающая получила послѣднее напутствованіе, и

тихое спокойствіе разливалось по ея лицу; она почти не говорила, но еще понимала, и внимательный взгляд ея слѣдилъ за дѣтми. Марта встала подлѣ нея; а оба брата въ глубинѣ комнаты, съ шляпами въ рукѣ, тихо разговаривали съ священникомъ. Послѣдній говорилъ:

— Да, отняли пушку, сожгли всѣ дѣловыя бумаги округа, захватили казначейство.... говорятъ, тамъ поднялись всѣ.

— Какъ жаль! Они далеко отсюда, вскричалъ Жавъ; въ возбужденіи забывая состояніе матери; но если у насъ не поднимутся, то присоединюсь къ нимъ; нельзя забывать того, что сдѣлали съ нами; вотъ ужъ два года, какъ васъ, достопочтенный отецъ, выгнали изъ пресвитерства.

Священникъ протянулъ руку съ достоинствомъ власти и смиренія.

— Не думайте о моихъ оскорбленіяхъ, дѣти мои, сказалъ онъ, Господь нашъ заботится о своихъ служителяхъ, но никогда не принимайте участія въ войнѣ нечестивой на сторонѣ убійцъ вашего короля.

Пьеръ бросилъ взглядъ на постель, гдѣ его мать бѣлѣе покрывающаго ее одѣла отдыхала на подушкахъ, взоромъ слѣдя за дѣтми.

— Я увѣренъ, что она думаетъ о дядѣ Жанѣ, сказалъ онъ тихимъ, но торжественнымъ голосомъ. Когда она такъ смотритъ, я знаю—она видитъ его у дверей фермы Труссоля, убитаго двадцатью двумя ударами; ему кричали сдаться, но онъ умеръ, повторяя: не отдамъ моего Бога! Наша мать никогда не забываетъ этого.

— И я тоже, подтвердилъ священникъ, съ почтеніемъ наклоняя голову; бѣдный Жанъ! онъ не отрекался отъ Бога.

Умирающая подняла отяжелѣвшую руку, ея губы нервно передернулись; дѣти подошли ближе.

— Поступайте какъ Жанъ, сказала она, и я васъ благословляю.

Она закрыла глаза, священникъ на колѣняхъ прочелъ

отходную. Марта, опустивъ вѣки умершей, тихо рыдала у постели; оба сына поднялись съ колѣнъ.

— Я пойду завтра въ Клиссонъ повидаться съ Ганри, сказалъ Жакъ.

— Я тоже иду съ тобою, отовался Пьеръ.

Священникъ посмотрѣлъ часы.

— Мнѣ пора, сказалъ онъ, возвратиться на ферму Гереть, такъ какъ на разсвѣтъ надобно отправлять богослуженіе, придете вы, дѣти мои?

— Намъ не по дорогѣ, замѣтилъ Жакъ въ нерѣшимости.

Марта освѣдомилась о днѣ похоронъ.

— Въ среду? отвѣчалъ священникъ, съ вопросомъ посмотрѣвъ на братьевъ.

— Да, отвѣчали они, мы теперь пойдѣмъ въ Ганри, какъ это желала покойная, а между тѣмъ Марта здѣсь позаботится обо всемъ.

Молодая дѣвушка задрожала. «Поступайте какъ Жанъ» сказала ей мать, умирая; проклятіе ей будетъ тяготѣть надъ каждымъ, отпадшимъ отъ ихъ убѣжденій. Марта упала на колѣни, закрывъ руками лицо, и горячо молилась, когда удалился священникъ, въ сопровожденіи обоихъ братьевъ.

II.

Призывъ трехсотъ тысячъ человекъ, назначенный національнымъ конвентомъ, возбудилъ общее волненіе въ замкахъ и въ хижинахъ. Въ провинціяхъ Пуату и Анжу жило многочисленное дворянство, изъ котораго одна часть эмигрировала, а другая, покинувъ дворъ или армию, укрылась въ деревняхъ въ среду имъ преданныхъ и вполне раздѣлявшихъ ихъ убѣжденія поселянъ. За то небольшіе и малонаселенные города этихъ провинцій подчинились вліянію революціи, и республиканцы въ нихъ составляли большинство; молодые люди безпрекословно подвергались кон-

скрипцій, увлекались тѣмъ воинственнымъ жаромъ, который какъ буря пронесся по всей Франціи, увлекая или къ границамъ для защиты родной земли или за границу. Конечно отправлявшіеся не всѣ одобряли совершившіяся событія. Многие изъ нихъ ничего непонимали, подчинялись только террору, господствовавшему въ Парижѣ и распространившемуся по всѣмъ провинціямъ, но чувство національной чести было возбуждено: то была Франція, требовавшая ихъ защиты. Предоставленные самимъ себѣ, поселяне Пуату и Анжу, вѣроятно, повиновались бы подобно другимъ и направили бы противъ иностранцевъ свой патріотическій порывъ, такъ энергически проявившійся противъ самой же республики, но къ несчастію имъ нанесли смертный ударъ. Ихъ лишили священниковъ, которыхъ они любили, которымъ они вѣрили и вмѣсто ихъ дали новыхъ, имъ неизвѣстныхъ, преданныхъ республикѣ и начавшихъ проповѣданіе нечестія. Чувство религиозное, самое могущественное въ этомъ честномъ и мирномъ населеніи, возмутилось противъ новаго правительства. Процессъ и смерть короля возбуждали ихъ ярость; они были взволнованы и раздражены; подъ вліяніемъ неудовольствія и протестующаго чувства начались религиозные крестные ходы, пріобрѣвшіе потомъ особенное значеніе. Все населеніе приходовъ отправлялось къ мѣстамъ особенно чтимымъ съ зажженными свѣчами и крестомъ впереди; тѣ же приходы, въ которыхъ поставлены были новые священники республики (*intrus*), тѣ приходы носили крестъ, закрытый вуалью. Однажды начальство сосѣдняго городка распорядилось разогнать толпу, собравшуюся къ богослуженію въ одному изъ изгнанныхъ священниковъ, тогда крестьяне схватили свои массивныя дубины и съ жаромъ заявили свою готовность умереть, защищая своихъ уважаемыхъ святыхъ отцовъ.

Таково было состояніе умовъ, когда населеніе Пуату и Анжу получило распоряженіе о конскрипціи. Поселяне поспѣшили переговорить съ своими бывшими священниками, и тѣ, разумѣется, повсемѣстно подали совѣтъ непо-

виноваться требованіямъ республики. Это мѣніе вполнѣ согласовалось и съ интересами земледѣльцевъ, естественно смутившихся при одной мысли лишиться молодыхъ людей, иногда единственную поддержку въ семействѣ. Рѣшили не допускать конскрипціи. Отказъ возбуждалъ принужденіе и насиліе. Въ мѣстностяхъ Пуату и Анжу населеніе уже возстало, когда Жанъ и Пьеръ 12 марта 1793 г. съ разсвѣтомъ дня направились по дорогѣ въ замокъ Клиссонъ къ Ганри де Рошжаклену, сыну иль владѣтеля, возвратившемуся къ нимъ изъ Парижа, вмѣстѣ съ кузеномъ и другомъ маркизомъ де Лескюромъ, послѣ убійства 16 августа.

Клиссонъ расположенъ въ самой живописной мѣстности, на вершинѣ скалы, окруженной громаднымъ лѣсомъ; воды, падая каскадами, привѣтливо журчатъ при первыхъ лучахъ солнца; тишина еще господствуетъ въ обширныхъ дворахъ замка, и незамѣтно никакихъ приготовленій къ охотѣ, обычному удовольствію владѣльцевъ Пуату; нѣсколько конюховъ, позевывая и потирая руки, показываются изъ конюшенъ; видно, что тревога не проникла еще въ среду домашнихъ обитателей замка Клиссонъ. Они жили беззаботно на краю пропасти.

Служители спали, но не спали господа. Лампы, горѣвшія всю ночь, бросали слабый свѣтъ въ обширномъ салонѣ, гдѣ всѣ гости и хозяева замка, безпокойные и смущенные, одѣтые какъ на канунѣ вечеромъ, собрались вмѣстѣ. Маркизъ де Лескюръ, стоя у камина, молча съ спокойною важностью, характеризующую его, слушалъ кузена своего Ганри.

— Невозможно, съ живостью говоритъ молодой человекъ, я не пойду на конскрипцію, я не могу биться ни съ эмигрантами, въ числѣ которыхъ мой отецъ, ни съ крестьянами нашихъ приходоу, если они возстанутъ, какъ говорить; лучше умереть.

— И ты правъ, отвѣчалъ Лескюръ, безчестно биться съ друзьями, но я — начальникъ національной гвардіи, что сдѣлаю я, когда позовутъ меня съ моими людьми?

— Ты откажешься, вскричалъ Рошжакленъ, а я вмѣстѣ съ тобой. Лескюръ пожалъ руку друга. У угла камина сидѣла г. Дониссанъ, мать маркизы Лескюръ; она съ особеннымъ вниманіемъ слушала разговоръ обоихъ кузеновъ.

— Вы оба одного мнѣнія, сказала она, повышая голосъ, какъ будто резюмируя весь разговоръ, лучше умереть, чѣмъ обезчестить себя: это рѣшено, и я одобряю эту честную рѣшительность. Потомъ прислонясь къ спинкѣ своего кресла и конвульсивно сжимая руки, она прибавила: и такъ должно умереть.

Маркиза Лескюръ съ любовью смотрѣла на мать. Въ это время слуга отворилъ дверь и тотчасъ же отступилъ назадъ, въ изумленіи увидѣвъ все общество, соединившимся въ такой ранній часъ въ салонѣ, который онъ, проходя въ комнаты Рошжаклена, рассчитывалъ найти пустыми.

— Тамъ внизу два молодца изъ Сентъ-Обена желаютъ переговорить съ г. Ганри, доложилъ онъ.

— Позовите ихъ сюда, распорядился Лескюръ, а мы господа, будемъ благоразумны, никто не долженъ подозрѣвать нашего ночнаго совѣта.

Какъ и Пьеръ вошли, смущенно повертывая въ рукахъ свои шляпы. Они рассчитывали видѣть только Г. Ганри. Послѣдній пошелъ къ нимъ на встрѣчу.

— Какъ здоровье вашей матушки? спросилъ онъ Жава.

Крестьянинъ поднялъ голову.

— Она умерла сегодня ночью, угрюмо проговорилъ Жавъ.

— Какъ, и вы здѣсь?

Марта съ ней, отвѣчалъ Пьеръ.

— Умирая она сказала намъ: поступайте какъ Жанъ, нашъ дядя, который былъ убитъ два года тому назадъ въ Еснабруанѣ, какъ вамъ извѣстно, г. Ганри. Такъ какъ молодежь изъ Сентъ-Флорана, и Шоле рѣшила скорѣе взять дубины и ружья, чѣмъ брать жеребья, то мы и пришли къ вамъ спросить, что намъ дѣлать? Неужели,

господинъ, въ Дюрбильтерѣ говорили правду, будто вы пойдете въ воскресенье записаться въ милицію Боэзма, когда ваши крестьяне возьмутся за оружіе?

— Идите съ нами, г. Ганри, вся окрестность будетъ вамъ повиноваться.

Ганри обернулся и бросилъ торжествующій взглядъ на своего бузена, потомъ, протягивая руку обоимъ крестьянамъ, сказалъ:

— Я пойду съ вами.... и теперь же, если вы хотите, тольео прикажу приготовить лошадь.

— Не торопитесь, господинъ Ганри, съ живостью перебилъ Жакъ, — вы прямо попадетесь патрулямъ синихъ, на пути сюда мы встрѣтили двухъ изъ Бресскюэйра; вѣдь они очень хорошо еще помнятъ нашъ урокъ, у насъ хоть не было ни ружей, ни пороха, однако мы все захватили. Нѣтъ, господинъ Ганри, надо ѣхать окольными проселочными дорогами, но ѣхать сейчасъ же, такъ какъ должно сдѣлать шесть лѣ до Дюрбельера. Сюда мы шли совершенно прямо, но теперь мы такъ не поидемъ, иначе вы будете арестованы.

Лескюръ подошелъ къ своему другу.

— Я пойду съ тобой, сказалъ онъ съ увлеченіемъ, къ которому, казалось, не былъ способенъ, — я не могу оставаться здѣсь.

Жена Лескюра, молчаливая до сихъ поръ, быстро встала и подошла къ мужу; она была молоденькая и прелестная женщина; ея голубыя глаза и близорукость придавали ей видъ пугливой скромности.

— Вы не пойдете, сказала она тихо, взявъ мужа за руку; — какъ вы насъ здѣсь однихъ оставите?

Муж смотрѣлъ на нее съ безпокойствомъ и нерѣшительностью.

— Конечно невозможно, вскричалъ Ганри, — твое положеніе совершенно иное: ты не принужденъ вербоваться, твои крестьяне не возмущались, мы не знаемъ даже ни цѣли, ни размѣра возстанія. Я лично узнаю — есть ли что нибудь въ этомъ серьезнаго, и если, дѣйствительно, оно

имѣть важное значеніе, то ты можешь присоединиться послѣ, теперь же это было бы безумно.

Лескюръ не отвѣчалъ, но въ его взглядѣ выразились сдержанный порывъ и сильная внутренняя борьба. Жена все еще держала его руку, а гости замка окружили Ганри Рошжаклена; недавно каждый изъ нихъ такъ твердо рѣшался на открытое сопротивленіе, но теперь... въ моментъ дѣйствія, каждый сталъ колебаться.

— Если вы пойдете, Ганри, съ вашими крестьянами, сказала г-жа Десессартъ, дочь стариннаго друга Лескюра, то не скомпрометируете-ли вы этимъ всѣхъ насъ, живущихъ у вашего очага, — придутъ изъ Брессюэйра и всѣхъ насъ заберутъ въ тюрьму.

Ганри смутился и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Лескюра.

— Я былъ бы въ отчаяніи навлечъ на тебя такіа неприятели, сказалъ онъ, — но такъ какъ я у тебя, то сдѣлаю все, что ты желаешь.

— Иди, рѣшилъ Лескюръ, — честь и твои убѣжденія тебя зовутъ. Въ несчастію я не могу идти съ тобою, но не бойся, тюрьма не должна мѣшать тебѣ исполнять обязанность.

— О! я приду тебя освободить! вскричалъ Ганри. Глаза его загорѣлись, гибкій и тонкій станъ выпрямился, онъ казался героемъ, предназначеннымъ къ великимъ подвигамъ.

— Ступайте, мои друзья, я вашъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ обоимъ крестьянамъ, нѣмымъ зрителямъ этой сцены.

— Одно время я думалъ, что мы уйдемъ безъ Ганри, говорилъ Жакъ, сходя съ большой каменной лѣстницы.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Пьеръ, — я сейчасъ же по глазамъ его видѣлъ согласіе. Я надѣюсь однако, что онъ дастъ намъ время перекусить что нибудь на кухнѣ.

Начались новыя настоятельныя попытки удержать Рошжаклена; въ замкѣ Клиссонъ много было женщинъ и стариковъ, которыхъ видъ предстоящей и неминуемой

опасности приводилъ въ отчаяніе, но Ганри оставался, хоть и смущеннымъ, но твердымъ и рѣшительнымъ.

— Все кончено, господа, сказалъ наконецъ Лескюръ, — отъѣздъ рѣшенъ, и я васъ прошу объ этомъ не говорить больше. За тѣмъ для послѣднихъ переговоровъ онъ отвѣлъ своего кузена къ окну.

Уваженіе къ хозяину заставило всѣхъ замолчать, но въ это время вдругъ поднялся въ углу кавалеръ де-Сивре.

— Я пойду съ Ганри! закричалъ онъ съ отчаянной торопливостью.

— Какъ! вы! удивилась маркиза Лескюръ, едва удерживаясь отъ взрыва хохота, — но вѣдь васъ арестуютъ.

— Напротивъ, я не хочу быть арестованнымъ съ вами, отвѣчалъ кавалеръ съ ужасомъ, — если я пойду съ Ганри, я спасусь.

— А я думала, что вы хотите идти съ Ганри на борьбу, лукаво настаивала маркиза.

— Совсѣмъ нѣтъ, я хочу убѣжать и спрятаться.

— Но Ганри заподозрѣвъ, онъ извѣстенъ и его будутъ преслѣдовать. Если онъ будетъ съ вами, вы его задержите, онъ не въ состояніи будетъ при случаѣ перепрыгнуть изгородей или рва, вы его погубите и погубите сами себя.

Ну, а если въ случаѣ опасности онъ спасется, а меня оставить? раздумчиво спрашивалъ вполголоса напуганный кавалеръ.

— Не считаете ли вы меня такимъ же трусомъ, какъ сами, отвѣчалъ Ганри, выходя изъ амбразуры окна, — мы или погибнемъ или спасемся вмѣстѣ.

— Онъ меня защититъ, вскричалъ кавалеръ съ увлеченіемъ, — онъ меня защититъ! и цѣлуя руки Ганри, онъ оборотился къ Лескюру съ умоляющимъ видомъ: — позвольте мнѣ бѣжать, самъ Богъ вложилъ мнѣ это желаніе и далъ возможность.

Лескюръ съ трудомъ срывалъ отвращеніе.

— Какъ вамъ угодно, сказалъ онъ отрывисто и сухо, еще одно слово Ганри.

Комедія смѣшалась съ драмой. Кавалеръ, дрожа, но торжествуя, запрыгалъ вслѣдъ за Ганри и обоими крестьянами. Послѣдній звукъ, долетѣвшій до оконъ замка, былъ звукъ его голоса, раздавшійся за игородью:—онъ меня защититъ, Ганри меня защититъ!

III.

Между тѣмъ какъ Рошжакленъ проходилъ страну съ своими вожатыми, единодушное возстаніе крестьянъ распространялось и организовалось. Толпа молодыхъ людей, съ торжествомъ и пѣснями возвращаясь изъ Сенъ-Флорана, проходила мимо дома Жака Кателино, извозчика перетобита.

— Дома ты, Жакъ? кричали они, отворяя дверь.

— Здѣсь, и Кателино вышелъ изъ за печки, гдѣ мѣсилъ тѣсто для домашнихъ хлѣбовъ; его руки были обнажены и покрыты мукой, широкій передникъ покрывалъ грудь.

— Зачѣмъ вы здѣсь такъ поздно?

— Мы возвращаемся съ вербовки не одни, а съ пушкой, отбѣчали они, смѣясь и разсказывая только-что случившіяся происшествія.—Еслибъ ты видѣлъ, какъ хорошо горѣли дѣла и всѣ бумаги нашего округа, было бы тебѣ на чемъ испечь хлѣбы.

Жакъ Кателино не смѣялся, онъ отвязывалъ передникъ и вытеръ руки.

— Гдѣ мое платье? спросилъ онъ у жены. Потомъ обращаясь къ молодымъ людямъ, опьянѣвшимъ отъ торжества,—вы сами не знаете, что вы сдѣлали, сказалъ онъ,—вы навлекли на всю нашу окрестность вару самую ужасную: однихъ разстрѣляютъ, другихъ соплютъ въ рейнскимъ границамъ, сожгутъ наши дома и убьютъ нашихъ священниковъ. Но теперь не время разсуждать;

настало время стойко отстаивать и сдѣлать все, что въ нашихъ силахъ; за наши порядки и религію.

Извозчикъ выпрямился, его кроткій и задумчивый взглядъ возмужавилъ; онъ прямо посматрѣлъ на своихъ изумленныхъ и пристыженныхъ молодыхъ товарищей. На 10 лѣ въ окрестности Жака Кателино называли святымъ Анжу.

— Прощай, Жанна, сказала онъ, бросая послѣдній взглядъ на свою хижину, — я иду съ ними.

Жанна не отвѣчала, только вѣроче прижала къ груди свое послѣднее дитя, двое старшихъ прижались къ ея платью.

— Да будетъ Богъ съ тобою, да поможетъ онъ тебѣ! сказала Кателино въ полголоса, быстро выходя изъ хижины, какъ будто не ругаясь за свою рѣшимость.

При имени Жака Кателино вся окрестная молодежь поднялась массами. Подобное же движеніе организовалось подъ предводительствомъ Штофле, главнаго егеря въ имѣніи Молевриера. Вскорѣ оба эти отряда соединились. Крестьяне были вооружены дубинами, очень небольшая часть ружьями, впрочемъ безъ запасовъ и пороха, нѣкоторые топорами и косами. Съ такимъ отрядомъ Штофле пошелъ на Шоле; Кателино атаковалъ Жале и Шенилье, которые ему и сдались. Общій ужасъ господствовалъ въ Шоле; женщины и дѣти не осмѣливались показаться изъ домовъ. Незадолго до этихъ событій какой-то человекъ, одѣтый въ широкое и длинное платье, съ обнаженными головой и ногами, съ поднятымъ въ одной рукѣ крестомъ, увѣнчанымъ терновымъ вѣнкомъ, пробѣгалъ по всѣмъ городскимъ улицамъ. Нѣсколько разъ пытались его арестовать, но всякій разъ онъ исчезалъ въ закоулкахъ неизвѣстныхъ жандармамъ, и затѣмъ снова раздавался его пророческій голосъ:

— Добрые граждане, отдавайте скорѣй ваше оружіе, иначе городъ вашъ будетъ истребленъ огнемъ и мечемъ!

— Необходимо нужно захватить его, сказалъ про-

куроръ синдикъ, давая знавъ двумъ жандармамъ въ то время, какъ пророкъ, удвоивъа крики и потрясая четками приглашалъ населеніе обратиться въ молитвъ. Всѣ трое бросились на него, оба жандарма схватили за плечо. Новый пророкъ съ живостью обернулся и, не давая времени прокурору начать свои допросы, громко закричалъ: Двадцать тысячъ человекъ идутъ на васъ, я посланъ Богомъ для спасенія народа.

Его заключили въ тюрьму, но его слова поселили общее смущеніе. Городское начальство распорядилось собраніемъ національной гвардіи. Ходили неопредѣленные слухи о сборищахъ въ деревняхъ, но какъ производство конскрипціи прошло спойно, то городскія власти, обѣщавшія земледѣльцамъ не отсылать далеко ихъ дѣтей, считали уже всѣ окрестные приходы вполне усвоенными. Вдругъ воззваніе христіанской арміи (знаменитое имя, принятое крестьянами) разрушило всѣ надежды. Это воззваніе преклоняло городъ къ сдачѣ, обѣщало гражданамъ спокойствіе и безопасность ихъ имуществу.

Энтузіазмъ республиканскій ровнялся возбужденію религиозному; прокуроръ — синдикъ, прочитавъ прокламацію, подписанную Штофле, обратился къ собравшимся вокругъ его должностнымъ лицамъ и національной гвардіи:

— Нечего разсуждать, когда непріятель у нашихъ воротъ, республиканцы идутъ вездѣ, куда зоветъ ихъ опасность; впередъ на измѣнниковъ! за мной! и онъ приказалъ остановить отрядъ Штофле, приближавшійся къ городу.

Повиновались, но воодушевленіе было далеко не общее; жители Шоле имѣли въ деревняхъ близкихъ родственниковъ и друзей, они опасались встрѣтиться съ ними въ рядахъ возставшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ надѣялись на ихъ помощь, еслибъ городъ попалъ въ руки поселенъ. Разумѣется со стороны такихъ лицъ сопротивленіе было слабое. Напрасно прокуроръ съ отважностью, достойною его имени (Полиньявъ), подвергалъ себя всѣмъ опасно-

стамъ въ главѣ своихъ войскъ, христіанская армія все болѣе и болѣе тѣснила ряды національной гвардіи и вскорѣ вошла въ стѣны Шоле. Замокъ еще держался, въ этой мѣстности сраженіе сдѣлалось болѣе упорнымъ, но когда большая часть должностныхъ лицъ погибла, должны были капитулировать. Плѣнниковъ размѣстили на дворѣ Окружнаго Управленія и площадяхъ подъ надежной стражей. Самъ Штофле, опасаясь, чтобъ крестьяне не отпустили плѣнниковъ-гражданъ, лично наблюдалъ за исполненіемъ своихъ распоряженій.

Была ночь, огни горѣли во всѣхъ улицахъ, но сторонамъ которыхъ крестьяне размѣстились на ночлегъ; только небольшая часть изъ нихъ разошлась по домамъ. Начальники отрядовъ, собравшись въ загѣ сандива, разсуждали о судьбѣ плѣнниковъ, которыхъ одного за другимъ приводили для допросовъ.

— Должно нанести ударъ, говорилъ Штофле, съ грубыми и рѣзкими чертами, выразавшими звѣрское торжество. Когда узнають, что значить намъ сопротивляться, намъ будутъ отворяться всѣ городскія ворота при первомъ требованіи.

Кателіно небыло; священники, сопровождавшіе Штофле, не имѣли на него такого же вліянія, какъ на крестьянъ, онъ былъ окруженъ тѣми несчастными первыми двигателями возстанія, которыхъ впоследствии замѣнили дворяне; одинъ изъ нихъ, подъ именемъ Си—су, сильно поддерживалъ мнѣніе Штофле.

— Да, да, уьемъ всѣхъ и разграбимъ дома! Для войны нужны деньги, а ихъ мы найдемъ въ вошельбахъ горожанъ.

При этихъ словахъ Си—су поднялся какой-то, одѣтый мельникомъ, съ длиннымъ хлыстомъ въ рукѣ и въ шляпѣ съ широкими полями. Онъ обнажилъ свою голову, и всѣ узнали въ немъ священника, бѣжавшаго изъ Бароньера, осѣдственнаго прихода съ Шоле.

— Если будутъ говорить о воровствѣ и грабежахъ, то я теперь же оставляю армію и даю ей мое проклятіе,

вскричал онъ, я отнимаю отъ нее названіе христіанскоѣ, такъ вась она незаслуживаетъ еѣ богѣ.

Штофле опустилъ голову; два или три начальнииа поддержали слова священника; Си—су скрылся въ толпѣ товарищей.

— Посмотрите! сказалъ священникъ, приближался къ огню комнаты.

Начинался день, плѣнники были собраны на дворѣ, холодный дождь ихъ леденилъ до костей; ихъ связанные руки, ихъ блѣдныя лица возбуждали состраданіе крестьянъ. Зная, что начальники рѣшаютъ вопросъ о жизни или смерти плѣнниковъ, не осмѣливаясь нарушить данныхъ приказаній, крестьяне воины, хотя и не отпускали плѣнниковъ по домамъ, хотя образовали изъ себя кругомъ двора надежный караулъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, стоя на колѣняхъ и совершая утреннія молитвы, просили у Бога спасенія жизни плѣнниковъ.

— Они просятъ милости за своихъ враговъ у Отца милосерднаго, сказалъ священникъ, строго осматривая начальниковъ, наставлявшихъ на необходимости примѣра.

Всѣ были тронуты. Въ это же время слышались крики у городскихъ воротъ.

— Бошанъ! кричали женщины и дѣти Шоле.

— Маренъ! говорили сосѣдніе крестьяне.

Начальники пошли къ нему на встрѣчу, Штофле пожалъ плечами, Си—су и подобные ему исчезли, священникъ изъ Бароньера первый побѣжалъ къ прибывшимъ.

— Самъ Богъ посылаетъ вась, маренъ, вскричалъ онъ, для спасенія плѣнниковъ, которыхъ эти господа хотѣли расстрѣлять.

— Расстрѣлять плѣнниковъ! Бошанъ обвелъ всѣхъ бывшихъ тутъ своимъ твердымъ и спокойнымъ взглядомъ, освернѣвъ съ самаго начала войны руки, посвященныя службѣ Бога и короля! Вы не подумали объ этомъ, мои друзья! Будетъ ли благословеніе Божіе на вашемъ оружіи? Наше предиріятіе трудно, мы не можемъ надѣяться на славу, войны гражданскія не даютъ ее,—но мы идемъ

во имя Бога и для защиты его; Онъ дастъ намъ силу и побѣду; вѣчная награда насъ ожидаетъ за временные труды, и мы должны сберечь себя отъ преступленій! не удаляйте же отъ себя милосердіе Божіе. Шоле итакъ намъ стоитъ довольно крови, не будемъ же проливать ее бесполезно. Пусть обходятся съ плѣнниками человѣчно и пусть безопасно они удалятся. Вѣдь вы желаете этого, товарищи? прибавилъ онъ, обращаясь къ начальникамъ, которые находились въ главѣ своихъ отрядовъ. Эти послѣдніе невольню подчинились не столько его высокому сану, сколько невольному вліянію превосходства сердца.

— Всѣ, отвѣчалъ Штофле, и крики благодарности національной гвардіи смѣшались съ радостнымъ увлеченіемъ крестьянъ. Фанатики-республиканцы не кричали, они не благодарили, они съ мрачнымъ видомъ проходили мимо отрядовъ возставшихъ, но на нихъ никто не обращалъ вниманія. Кателино еще не прибылъ къ воротамъ Шоле.

IV.

Возстаніе приближалось къ Пуату, и жители замка Клиссонъ съ безпокойствомъ ожидали дня раздачи жеребьевъ. Но все еще было тихо: люди Лескюра поутру ходили въ городъ, крестьяне оставались сповойными; священникъ въ Босмѣ говорилъ проповѣдь, и окрестные приходы не обнаруживали еще замѣтныхъ признаковъ волненія, такъ какъ они небыли лишены своего священника, къ которому имѣли довѣріе и не были принуждены удалиться въ лѣса и скалы. Лескюръ по окончаніи службы возвратился въ замокъ, гдѣ гостей оставалось немного; нѣкоторые не одобряли и находили слишкомъ опаснымъ поступокъ Ганри Рошжаклена, нѣкоторые отправились раздѣлить его участь, а нѣкоторые пошли искать болѣе безопаснаго убѣжища. Въ Клиссонѣ оставались только женщины и старики, ихъ немощность и старость удерживали Лескюра.

Возвращались изъ Боевмы; три молодыя дѣвушки впереди своей матери разговаривали и смѣялись между собой; старшая Марья Боже казалась серьезнѣе.

— Если мы принуждены будемъ бѣжать, сказала она, куда мы спрячемся?

— Мы не убѣжимъ, отвѣчала съ живостью Целестина, самая младшая изъ нихъ, мы пойдѣмъ съ христіанской арміей, мы будемъ заботиться о раненыхъ, готовить пищу солдатамъ; я достану себѣ бѣлый поварской передникъ, и какъ онъ будетъ ко мнѣ идти!

— А матушка? спросила старшая.

— Матушка останется съ Луизой въ походномъ лазаретѣ; она будетъ утѣшать несчастныхъ, а Луиза будетъ чинить изорванныя платья.

— А батюшка? когда мы поѣдимъ къ нему?

— Зачѣмъ батюшка уѣхалъ? прошептала Целестина, но изъ уваженія, не позволившимъ ей совершенно громко выразить свои мысли, она сказала только: когда мы уничтожимъ синихъ и возстановимъ короля на тронѣ, батюшка возвратится во Францію, и мы будемъ всѣ счастливы.

Маркизъ Лескюръ стоялъ на крыльцѣ.

— Васъ ждутъ къ завтраку, онъ сказалъ, улыбаясь. Снонфуженныя молодыя дѣвушки бросились бѣжать, какъ испуганныя лани и скоро изчезли въ сѣняхъ. Лескюръ пошелъ за ними.

Бѣдныя дѣти! какъ оставить ихъ безъ покровительства? и онъ вздохнулъ.

Сѣли за столъ и беззаботно разговаривали.

— Мнѣ почти стыдно за нашихъ людей, спокойно бравшихъ сегодня жеребья въ милицію, когда Ганри въ походѣ съ крестьянами, сказала маркиза Лескюръ.

— Они не имѣютъ личнаго раздраженія, спокойно отвѣчалъ ей мужъ, люди никогда не берутъ участія въ возмущеніяхъ, пока ихъ совѣсть не принудитъ.

— О! еслибы я сказала только одно слово Жермену

и Флорану, у нихъ заговорила бы совѣсть, настаивала маркиза.

— То есть ты передала бы имъ свои убѣжденія, замѣтилъ мужъ, очевидно подъ вліяніемъ безпокойства и грусти. Онъ посматривалъ неопредѣленно въ окно, какъ вдругъ его глаза остановились, онъ привсталъ, потомъ снова опустился, тихо проговоривъ «сейчасъ».

— Что вы видѣли, мой другъ, вскричала его жена, сидѣвшая противъ него и замѣтившая его движеніе, но не замѣтившая переменъ въ лицѣ, не желаете ли вы чего нибудь?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Лескюръ, продолжая смотрѣть въ окно. Въ это время въ столовую вбѣжалъ камердинеръ.

— Замокъ окруженъ, господинъ маркизъ, вскричалъ онъ, дрожа, насъ пришли арестовать.

— Хорошо, сказалъ Лескюръ, вставая, пусть меня возьмутъ, я готовъ. Я надѣюсь, что дѣло ограничится этимъ, и онъ вышелъ съ своей женой къ жандармамъ. Ихъ было не болѣе двадцати, и они съ удивленіемъ осматривали толпу стариковъ, женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ, дрожавшихъ и тѣснившихся у сѣнныхъ дверей.

— Кажется эти граждане не очень опасны республикѣ, говорили между собою солдаты; сержантъ подошелъ къ маркизу Лескюру и подаль ему открытое предписаніе.

— По приказанію прокурора синдика, гражданинъ Лескюръ и гражданка его жена, также и всѣ подозрительныя лица, которыя будутъ находиться въ Клиссонѣ, должны быть арестованы и отведены въ Брессюэйръ во имя безопасности республики.

Лескюръ слегка пожалъ плечами.

— Я вашъ, сказалъ онъ, но что могли сдѣлать эти женщины и дѣти?

Маркиза Лескюръ сжала руку мужа.

— Куда вы пойдете, туда и я пойду, сказала она вполголоса.

— Я знаю, и улыбка нѣжности освѣтила на одно

мгновеніе серьезное лицо маркиза, но твои родные, твои дочь?

— Ребенокъ въ безопасности у своей кормилицы, а моя матушка, и она обернулась къ г-жѣ Донисанъ, сходившей въ это время съ крыльца.

— Я иду съ моей дочерью, отвѣчала та громко.

Маркиза Лескюръ оставила мужа и подбѣжала къ матери.

— Нѣтъ, оставайтесь здѣсь, заклинаю васъ.... о васъ неупоминается въ приказѣ, батюшка будетъ оберегать замокъ и защищать оставшихся.

— Твой отецъ? мать показала на Донисана, стоявшаго подлѣ своего зятя и на Бернарда де Мариньи своего кузена; всѣ объявили готовность раздѣлить участь Лескюра.

Жандармъ подошелъ:

— Во всякомъ случаѣ гражданка можетъ быть свободна, аеть объ арестѣ говорить только: «всѣ подозрительныя лица».

— Вы хотите лишить меня удовольствія жертвовать для моей дочери, отвѣчала г-жа Донисанъ нѣжнымъ и спокойнымъ тономъ. Жандармъ не отвѣчалъ.

У нее глаза блестятъ какъ алмазы, проворчалъ онъ, возвращаясь и смѣшиваясь въ группѣ товарищей.

Такъ какъ мѣсяцъ тому назадъ всѣ лошади были отобраны реквизиціей для службы республики, то въ карету запрягли быковъ. Однако ряды гостей замка значительно прорѣдѣли; нѣкоторые удалились подъ предлогомъ болѣзни, другіе переодѣлись въ платье простодуиновъ. Г-жа Боже съ дочерьми въ нерѣшительности стояли въ углу.

— Подозрительны ли эти маленькія гражданки? спрашивалъ жандармъ; сержантъ не рѣшался опредѣлить, онъ не былъ туземецъ и лично не зналъ никого. Недовѣряя ареста Лескюра мѣстной бригадѣ Брессюэйрской, для исполненія этого распоряженія въ продолженіи 10

дней ожидали прибытія новаго подрѣвленія, призваннаго для усмиренія мятежниковъ.

— Я съ вами, сказала г-жа Боже, вдругъ рѣшившись и подходя къ Лескюрь; съ вами мы будемъ въ большей безопасности, чѣмъ въ Клиссонѣ; можетъ быть придуть грабить, а вы знаете, прибавила она тихо, я не имѣю въ мірѣ кровли, которую я могла бы назвать своей.

— Дессесартъ остается здѣсь, шепотомъ сказала Лескюрь, онъ переодѣтъ, я его сейчасъ видѣла въ кухнѣ въ бумажномъ колпакѣ и бѣломъ платьѣ повара.

Г-жа Боже едва удержала улыбку.

— Я лучше желала бы видѣть себя подъ покровительствомъ Лескюря, чѣмъ повара.

Къ ней подошли ея дочери.

— Мы пойдемъ въ тюрьму, сказала Целестина сестрамъ, вотъ вамъ и начало заключеній. Ганри придетъ насъ освободить, онъ обѣщалъ.

— Бѣдныя дѣти, тихо шептала мать.

— Они будутъ подъ моею защитой, вывзвался де Мариньи.

— Въ карету господа, сказалъ Лескюрь. Такъ, г-жа Боже, вы съ нами? прибавилъ онъ.

— Кто же будетъ покровительствовать моимъ дѣтямъ? спросила она, съ глазами полными слезъ.

— Хороша протекція—протекція плѣнника, отозвался тотъ едва слышно.

Всѣ вошли въ экипажъ, и тяжелая карета, въ сопровожденіи двадцати жандармовъ, тихо двинулась по дорогѣ въ Брессюэйръ. Сержантъ обнажилъ саблю и присоединился къ отряду.

— Граждане, сказалъ онъ, я надѣюсь, что вы всѣ засвидѣтствуете о покорности, съ которою повиновались, и о приѣмѣ, который мы получили.

Всѣ жандармы единодушно одобрили; еще не раздражались страсти гражданской войны.

V.

Патріоты Брессюэйра не считали себя въ безопасности; ходили неопредѣленные слухи о возмущеніи всѣхъ приходоу, о взятіи Шоле, Сень-Флорана и Шепильи; всѣ были на готовѣ, женщины прятали свое серебро, бѣлье и лучшія платья.

— Говорятъ, однакожь, въ Шоле не грабили, увѣрили болѣе смѣлые.

— Да, но за то въ Сень-Флоранѣ все сожгли, возражали другіе.

— Бумаги округа... это еще небольшая важность! И всѣ смѣялись, за исключеніемъ муниципальныхъ офицеровъ, сохранявшихъ невозмутимое достоинство.

Несовсѣмъ спокойное начальство собралось въ городскомъ домѣ округа, въ ожиданіи прибытія жандармовъ, посланныхъ въ Клиссонъ, до сихъ поръ еще неворотившихся.

— Если тамъ сборъ мятежниковъ, высказывали нѣкоторые, то патріотовъ слишкомъ мало для сопротивленія. Говорятъ, Гаври предводительствуетъ своими крестьянами.

— Ба! дитя! презрительно отозвался сапожникъ, немѣвній чести доставлять своей работы Ропшаклену.

— Самъ маркизъ эмигрировалъ, а это вѣрно его сынъ, говорилъ другой сапожникъ — соперникъ, поставлявшій свои издѣлія въ замокъ Дюрбэльеръ. При словѣ маркиза все начальство обернулось къ нему съ неудовольствіемъ, и несчастный сапожникъ, растерявшійся и сконфуженный, подъ предлогомъ болѣзни поспѣшилъ выдти изъ совѣта.

— Аристократъ, его должно отиѣтить, сказалъ многозначительно соперникъ ушедшаго, всѣ одобрительно подтвердили. Жандармы все еще невозращались.

Они были однакожь въ дорогѣ; послѣ сытнаго обѣда въ Клиссонѣ патріоты медленно приближались къ Брессюэйру. Жители, услышавъ наконецъ тяжелые шаги бы-

вовъ и стужъ кареты, вышли изъ города на встрѣчу картежа. Толпа изъ людей подозрительной наружности, почти всѣ пришельцы съ другихъ сторонъ, кричали хриплыми голосами:

— Долой аристократовъ!

Увлеченные примѣромъ, волонтеры повторили тотъ же крикъ. Сержантъ бросился на нихъ съ обнаженной саблей.

— Замолчите ли вы, глупцы? закричалъ онъ; еслибъ всѣ граждане походили на нихъ, то республика не была бы въ опасности.

— Отвезите насъ въ управленіе, сказалъ Лескюръ, наклоняясь къ дверцамъ кареты.

При звукѣ этого голоса, толпа почтительно разступилась, на столько имя Лескюра уважалось во всемъ окологдѣ. Карета остановилась у дверей городского дома. Сержантъ отправился съ докладомъ объ исполненіи порученія.

— Куда препроводить плѣнныхъ? спросилъ онъ.

— Въ крѣпость на Север! сказалъ сапожникъ.

Много лицъ провожалось въ этотъ маленькій замокъ, нѣкогда принадлежавшій Дюлесси-Морни, и оттуда не возвращалось. Стража отличалась особеннымъ патриотизмомъ, и ее обвиняли не въ одномъ убійствѣ. Храбрый сержантъ смутился, онъ принималъ живое участіе въ своихъ плѣнникахъ.

— Позвольте отправить ихъ обратно въ Клиссонъ и дайте имъ провожатыхъ, а беру на себя это дѣло, сказалъ онъ.

— Вино, какъ кажется, хорошо въ Клиссонѣ, замѣтилъ сапожникъ, насмѣшливо улыбаясь.

Жандармъ осматривалъ его ногъ до головы, онъ не былъ туземцемъ и не былъ знакомъ съ составомъ управленія.

— Видѣлъ ли ты хоть случайно, что такое честный человекъ? спросилъ онъ съ полнымъ презрѣніемъ.

Сапожникъ побагровѣлъ отъ ярости, но никто не обратилъ на него никакого вниманія.

— Клиссонъ слишкомъ удаленъ и его легко захватить, Воезма тоже не безопасна, сказалъ прокуроръ синдикъ, лучше оставить ихъ здѣсь.

— Такъ пусть имъ назначутъ городъ для тюрьмы, сказалъ сержантъ; въ каретѣ шесть женщинъ и трое мужчинъ, исключая рослой брюнетки, самовольно усѣвшейся на кучерскомъ мѣстѣ; ее не арестовывали, и она припласть въ барышахъ.

Всѣ засмѣялись; сержантъ вышелъ распорядиться размѣщеніемъ плѣнныхъ.

Въ его отсутствіе карету, заботливо охраняемую отрядомъ, окружила толпа; одинъ муниципальный офицеръ, одѣтый въ прекрасную новую форму, протолкался сквозь толпу и подошелъ къ каретѣ.

— Если начальство будетъ согласно, то я берусь охранять плѣнныхъ у себя, сказалъ онъ громко.

Маркиза Лескюръ на него посмотрѣла съ удивленіемъ и безпокойствомъ — былъ ли то другъ или врагъ? Она обратилась къ Агафьи, своей горничной и своей молочной сестрѣ, той самой рослой брюнеткѣ, которая, не желая разставаться, сама съ большимъ трудомъ усѣлась на кучерскомъ мѣстѣ, между кучеромъ и г. де Мариньи.

Это Гади, бокалейщикъ, г-жа маркиза, отвѣчала она въ полголоса.

— Мы не располагаемъ сами собой, сказалъ Лескюръ, иначе мы сейчасъ же воспользовались бы вашимъ гостепріимствомъ, г. Гади.

Муниципальный офицеръ былъ въ полномъ восхищеніи услышать свое имя изъ устъ маркиза.

— Однакожъ, я желаю говорить въ управленіи, наставлялъ между тѣмъ Лескюръ, я незнаю за что меня арестовали и требую процесса.

— Я также требую моего процесса, ворчала Целестина, смѣясь; сестра толкала ее локтемъ, желая заставить ее замолчать.

Появился сержантъ.

— Я не могъ получить разрѣшенія отвезти васъ

назадъ въ Клиссонъ, гражданинъ, сказалъ онъ, обращаясь къ маркизу Лескюрь, но вы можете жить въ городѣ, гдѣ пожелаете, васъ не поведутъ въ тюрьму.

— Такъ мы пойдемъ въ г. Гади, съ радостью отозвалась маркиза, онъ сейчасъ былъ здѣсь, и я думаю намъ будетъ у него удобно.

Она смѣялась, мужъ посмотрѣлъ на нее съ грустью.

— Будь внимательна къ своимъ словамъ, сказалъ онъ тихо, проходя подлѣ нее, чтобъ выйти изъ кареты и войти въ городской домъ.

Молодая женщина покраснѣла; она искала глазами храбраго бакалейщика, но онъ ужъ исчезъ; человекъ рослый, крѣпкій и молодой съ открытыми глазами, густыми и вудрявыми волосами, стоялъ на его мѣстѣ.

— Батюшка воротился къ себѣ для приготовленія квартиры, сказалъ онъ, улыбаясь, а я покажу дорогу кучеру. И четверо воловъ снова повлекли карету къ дому муниципальнаго офицера.

Между тѣмъ полная суматоха господствовала въ маленькомъ домѣ Гади; бакалейщикъ прибѣжалъ, едва переводя духъ.

— Маркизь и его дамы будутъ здѣсь жить, закричалъ онъ, вбѣгая въ лавку, гдѣ находились только его жена и дочери, такъ какъ всѣ мастеровые были на площади около кареты, надобно сейчасъ же приготовить комнаты наверху.

Жена его поднялась съ опущенными руками и полуоткрытымъ отъ удивленія ртомъ.

— Маркизь? повторила она лѣниво.

— Да, маркизь и его дамы, тамъ ихъ шесть въ каретѣ... я ихъ не знаю, неисключая даже и самую маркизу, но я ее видѣлъ у обѣдни въ Боесмѣ... въ древнія времена, прибавилъ онъ опомнясь. Катерина, Марья, скорѣй, скорѣй торопитесь!

Катерина засмѣялась, наклонясь къ сестрѣ.

— Я увѣрена, Жанъ посовѣтовалъ батюшкѣ, онъ только и думаетъ какъ бы угодить благороднымъ и свя-

щеникамъ по милости Марты, и она побѣжала отворять окна двухъ маленькихъ комнатъ, заботливо сохраняемыхъ для родныхъ, прїѣзжавшихъ издалеба, или для негоціантовъ, имѣвшихъ дѣла съ Гади и остававшихся въ Брессюэйрѣ по своимъ торговымъ отношеніямъ.

Едва успѣли отряхнуть индѣйскія занавѣски фіолетоваго цвѣта съ букетами и набросить на постель покрывало желтаго сатина, принадлежавшее покойной бабушкѣ, по рассказамъ г-жи Гади своимъ дочерямъ, какъ у дверей остановилась карета. Дониссанъ вышелъ первый предложить руку дамамъ; Гади быстро ввелъ ихъ въ домъ и безцеремонно толкнулъ въ комнату позади лавки; городскіе зѣваки, слѣдовавшіе за каретой, начали наполнять небольшой магазинъ. Бакалейщикъ обратился къ нимъ, заперевъ за плѣшниками двери:

— Граждане желаютъ чего нибудь?

— Табаку на су, важно отвѣчалъ одинъ патриотъ.

— А я желалъ бы видѣть аристократовъ, сказалъ другой съ нахальствомъ.

— У меня нѣтъ аристократовъ, внушительно отозвался Гади, у меня только плѣшники, за безопасность которыхъ я отвѣчаю.

Рѣшительный тонъ храбраго бакалейщика, широкія плечи его сына передъ дверью плѣшниковъ и невольное чувство уваженія къ дворянамъ, котораго время еще не успѣло изгладить, заставило толпу удалиться; лавка опустѣла, оставалось только два или три покупателя. Молодая дѣвушка съ опущенными глазами спрашивала кусокъ мыла; при звукѣ этого голоса молодой Гади быстро подошелъ къ ней. Марта (это была она) подняла на него взглядъ умоляющій, но твердый.

— Я желала васъ видѣть еще разъ... послѣдній, прошептала она и, заплативъ за свою покупку, быстро вышла изъ лавки. Мгновеніе спустя она уже исчезла въ узкихъ улицахъ города; за ней въ нѣкоторомъ разстояніи слѣдилъ Жанъ Гади, желая вѣроятно распросить ее въ открытомъ полѣ.

Целестина Боже отдернула уголь занавѣски, закрывавшей стеклянную дверь.

— Вотъ вошелъ и нашъ драгунъ, говорила она шепотомъ сестрѣ, а вотъ въ лавкѣ маленькая крестьянка, прелестная какъ мадонна. Какъ жаль... за широкими плечами драгуна нельзя ее хорошенько рассмотреть. Можеть быть драгунъ знакомъ съ молодой дѣвушкой?

— Да замолчи ты, Целестина, уговаривала сестра, ты сама не знаешь, что болтаешь.

— Напротивъ я знаю очень хорошо, что говорю, настаивала молоденькая вѣтренница, но теперь никого нѣтъ въ лавкѣ; неужели насъ вѣчно будутъ держать здѣсь, насъ въ этомъ ящикѣ восемь, а когда воротится маркизъ будетъ девять.

— Мы очень счастливы быть здѣсь, вмѣсто крѣпости на Севрѣ, сказала г-жа Дониссанъ, услыжавъ болтовню Целестины.

Дѣвушка покраснѣла; дочь незначительнаго деревенскаго дворянина, она чувствовала глубокое уваженіе къ знатной дамѣ, воспитанной при дворѣ дочери Людовика XV и къ важной добротѣ которой примѣшивалось такъ много внушительнаго достоинства.

— Я никогда не прошу себѣ того, что вы здѣсь, матушка, съ живостью говорила маркиза Лескюръ, не въ лѣтахъ вашихъ и батюшки испытывать приключенія нашего времени.

— Ты развѣ находишь, что смерть стала бы мнѣ менѣе горькой вдали отъ тебя? спросила г-жа Дониссанъ, опираясь рукою на плечо дочери. Та вмѣсто отвѣта поцѣдовала руку.

Катерина и Марья сошли въ лавку, раскраснѣвшись отъ усталости и едва переводя духъ.

— На верху все готово, сказали они своему отцу, и тотъ тотчасъ же бросился отворить двери комнаты пгѣнниковъ. Добрыя дѣвушки съ ужасомъ отступили, увидѣвъ выходящими изъ маленькой ванурки одна послѣ другой шесть дамъ.

— Да вѣдь тамъ только двѣ кровати! съ недоумѣніемъ говорила Марья своей сестрѣ.

— Устроится, не безпокойся, отвѣчала Катерина, пожимая плечами, они должны быть счастливы имѣть постели; сколько патриотовъ спать на соломѣ.

Женихъ Катерины находился въ рейнской арміи, и она была болѣе яростной республиканкой, чѣмъ всѣ остальные въ семействѣ.

Плѣнники входили по лѣстницѣ; Гади показывалъ имъ дорогу. Одна изъ комнатъ, убранная двумя постелями и обширнѣе другой, предназначалась дамамъ, три дворянина должны были занимать вторую. Когда они вошли всѣ въ эти тѣсныя комнаты, самъ добрый бакалейщикъ замѣтно смутился.

— Я немогу ничего предложить вамъ лучше, здѣсь не такъ хорошо, какъ въ Клиссонѣ, сказавъ онъ, какъ бы извиняясь.

— Клиссонъ для насъ небезопасенъ, съ живостью замѣтила маркиза, а здѣсь мы нашли гостепріимство и безопасность.

Гади поклонился чуть не до земли; послѣ такихъ словъ, еслибы надобно было умереть, онъ и тогда не выдалъ бы маркизу.

Целестина подошла къ ову; бакалейщикъ быстро подошелъ къ ней.

— Одно слово только, милостивыя госпожи, прежде, чѣмъ я васъ оставляю. Не показывайтесь и старайтесь быть сколько возможно менѣе замѣченными, пусть забудутъ васъ, если возможно: это самое вѣрное средство васъ спасти; мы съ своей стороны сдѣлаемъ все, что возможно, и онъ вышелъ.

Г-жа Боже опустила на стулъ въ полномъ отчаяніи, но маркиза Лексюръ напротивъ, хладнокровно убрала свои перчатки, платокъ и вѣеръ.

— Я сейчасъ приберу комнату по моему вкусу, сказала она съ веселымъ видомъ, такъ какъ она будетъ, можетъ быть, нашимъ убѣжищемъ въ продолженіи нѣсколь-

в ихъ дней, то намъ должно постараться, по возможности, устроиться. Батюшка, не желаете ли вы увести г. де Мариньи къ себѣ, намъ будетъ удобнѣе однимъ женщи- намъ.

— Ты просто насъ выгоняешь, сказала Дониссанъ, улыбаясь.

— Совсѣмъ нѣтъ, намъ только теперь надобно больше простора. Ока начала убирать постели; оба дворянина ушли.

— Намъ бы нужна третья постель, сказала Лес- юрь, принявшая на себя всѣ хлопоты по хозяйству: одна для Боже и Марьи, другая для Целестины и Лувзы, наконецъ для меня и матушки, не считая мат- раса для Агафьи въ углу.

— Пусть маркиза обо мнѣ не беспокоится, сказала добрая служанка, я могу лечь въ коридорѣ позади лавки, вмѣстѣ съ Гади.

— Ну такъ за дѣло; не мѣшайте же мнѣ никто начать мое новое ремесло плѣтницы и приготовить са- мой постели. Только, Агафья, я не смогу одна поднять матрасъ, нѣтъ, нѣтъ не бери весь, подними только уголь.

Полу-смѣясь, полу-плача, Агафья подняла матрасы, лежавшіе на каждой постели такъ, чтобъ образовать третью постель. Она приготовила, а маркиза важно раз- стилала покрывала.

— Ты не умѣешь готовить постели, замѣтила ея мать.

— А вотъ вы увидите, только не мѣшайте. И она заботливо покрыла простыню, не сдѣлавъ ни одной склад- ки, затѣмъ положила наволоки, покрывало и проч., ка- залось все было такъ, но постель все-таки имѣла стран- ный видъ. Съ безпокойствомъ замѣтила это молодая жен- щина и съ особенною тщательностью продолжала разгла- живать покрывала.

— Отчего это какъ то не такъ, спрашивала она, а я все хорошо дѣлала?

Г-жа Доннссанъ смѣялась, три сестры не умѣли помочь дѣлу, Агафья подошла и подняла покрывала.

— Маркиза забыла положить подклады, замѣтила она съ важностью.

— Ахъ, это правда! вскричала она, съ отчаяннымъ видомъ опускаясь въ кресло. Агафья, я попрошу тебя поправить; я не смогу больше, я думала такъ легко приготовить постели!

VI.

Плѣнники устраивались въ тѣсныхъ каморкахъ, такъ великодушно предложеннымъ муниципальнымъ офицеромъ, а Жанъ Гади догонялъ Марту въ небольшой долинь, не далеко отъ города. Молодая дѣвушка, чувствуя за собою преслѣдованіе, шла скоро. Она нисколько не желала бѣжать отъ Жана, напротивъ ей даже необходимо было видѣть его еще разъ, объяснить ему-почему она не могла уже съ нимъ болѣе видѣться, но тѣмъ не мѣнѣе она спѣшила оставить городъ, скрыться отъ взоромъ, которые ей казалось преслѣдовали ее. Впрочемъ торопясь, она тѣмъ самымъ приближала время свиданія, столько желаемого и такъ страшнаго для нея. Наконецъ уставъ, она остановилась, почти задохнувшись, и сѣла для отдыха на придорожномъ камнѣ, — Жанъ стоялъ передъ ней.

— Марта!

Она встала, ея колѣни дрожали отъ слабости, но теперь при звукѣ его голоса, она почувствовала себя твердой. Мучительный часъ борьбы насталъ, и Богъ услышалъ неустанную молитву бѣдной дѣвушки.

— Марта! повторилъ молодой человѣкъ, зачѣмъ ты приходила къ намъ и потомъ бѣжала, не сказавъ никому ни слова, какъ какая нибудь испуганная овца.

— Я знала, что ты пойдешь за мной, сказала Марта.

въ полголоса. Я пришла тебя видѣть какъ друга еще одинъ разъ.

— Въ послѣдній разъ! вскричалъ онъ, ты не любишь меня больше, ты думаешь о другомъ? Пусть онъ побережется! Если кто бы онъ ни былъ подойдетъ къ тебѣ только на сто шаговъ нашептывать и соблазнять, такъ ручаюсь, что онъ не скажетъ еще въ другой разъ...

— Я думаю только о тебѣ, отвѣчала Марта съ невозмутимой кротостью вандейскихъ женщинъ, можетъ ли быть иначе, когда я твоя невѣста! Но, Жанъ, все кончено, Богъ сталъ между тобой и мной. Мы никогда не обвѣнчаемся.

— Пусть будетъ проклять... яростно закричалъ Жанъ, но не вончиль, рука Марты зажала ему ротъ.

— Молчи, сказала она сурово, я хочу оставить себѣ возможность просить за твою душу.

— И ты приходишь говорить, что твой Богъ или скорбѣй твои священники стали между тобой и мной, и ты хочешь, чтобъ я ихъ не проклиналъ, вскричалъ Жанъ въ необузданномъ порывѣ злобы, вотъ рабство, отъ котораго республика насъ освободила, мы не обязаны никому отдавать отчета, мы дѣлаемъ то, что желаемъ!

— А кто помогаетъ вамъ дѣлать то, что вы обязаны и чего вы не желаете, спросила вандейка съ глазами, возбужденными борьбой, съ скрещенными на груди руками, какъ будто оберегая послѣднее сокровище, оставшееся ей, ея надежды и религіозную вѣру.

— Кто тебѣ запретилъ быть моею? продолжалъ Жанъ, не отвѣчая на трудный вопросъ невѣсты. Скажи мнѣ сейчасъ же? И гдѣ бы онъ ни былъ, я раздавлю его у своихъ ногъ.

— Та, которая велѣла мнѣ разстаться съ тобой, повоится ужъ двѣ недѣли въ землѣ, отвѣчала Марта торжественно и со скорбью. За два часа до смерти матушка проклѣла всѣхъ, принявшихъ сторону людей, лишившихъ насъ священниковъ и заставившихъ насъ умирать безъ покаянія. Она на меня смотрѣла; я сознавала, что она

говорила обо мнѣ; и закрывая ей глаза, повторяя послѣднія молитвы объ успокоеніи души христіанской, я поклялась ей повиноваться.

Жанъ смутился. Уваженіе къ мертвымъ, внушаемое съ самаго ранняго дѣтства всѣмъ жителямъ Пуату, крестьянамъ и горожанамъ, невольно заставляло Жана смотрѣть на обѣщаніе невѣсты, какъ на нѣчто священное. Но не безслѣдными также оставались и философскія доктрины, распространенныя по всей Франціи въ книгахъ и журналахъ, подрывавшія начала религіозныя и идеи моральныя. Конечно этимъ общимъ броженіемъ новыхъ ученій и потокомъ страстей увлеклись къ невѣрію и къ безсознательному исповѣданію религіи разума только души, обладавшія убѣжденіями шаткими и неопредѣленными, вѣрою по преданію.

Горечь потери превозмогла, и Жанъ съ злобой обратился къ Мартѣ.

— Съ которыхъ поръ живые приносятся въ жертву мертвымъ? спросилъ онъ глухимъ голосомъ. Не говорятъ ли твои священники, что мужъ долженъ оставить родителей, друзей и прилѣпиться къ женѣ, не относится ли это также и къ женѣ?

Молодая дѣвушка въ изнеможеніи опустила на колѣни; силы ея истощались; она надѣялась было, что Жанъ тотчасъ же раздѣлитъ ея убѣжденія и безропотно повернется неизбѣжному несчастію; она подняла на него взоръ, полный сворбной тоски.

— Я не жена твоя, Жанъ, священникъ не далъ намъ своего благословенія и не дастъ его никогда; матушка меня проклянетъ изъ могилы.

— Вѣдь твоя мать умерла! вскричалъ Жанъ. Ярость затмила его чистую совѣсть.

Марта быстро приподнялась.

— Нѣтъ, она живетъ, проговорила она, она насъ слышитъ, насъ видитъ—я въ этомъ увѣрена; она возвращается каждую ночь съ тѣхъ поръ, какъ ее сложили въ землю, я вижу, какъ она входитъ въ домъ; я одна...

она меня оберегаетъ, какъ бывало прежде. Если бы я ей не повиновалась, я бы никогда болѣе не увидѣла ее или увидѣла бы недовольной съ рукой угрожающей, съ глазами блестящими какъ огонь, какъ тогда, когда она высказывала свое проклятіе. Теперь же она сидитъ подлѣ меня, она беретъ меня на свои колѣни, какъ она дѣлывала нѣкогда, когда я была маленькой. И я плачу... днемъ я ее не вижу.

Жанъ смотрѣлъ на молодую дѣвушку съ безпокойствомъ и состраданіемъ.

— Ты больна? спросилъ онъ.

— Я не знаю... у меня иногда лихорадка и потомъ съ ухода Жака и Пьера къ Ганри я всегда одна, ночи такія долгія и потомъ... я боюсь.

Жанъ подошелъ къ Мартѣ, желая привлечь ее въ свои объятія; она оттолкнула его.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты не вѣришь въ Бога, ты не ходишь въ обѣдни. Матушка была права, я не могу быть твоей женой, ты меня приведешь въ аду.

Она дрожала всѣми членами.

— Ты будешь свободна, я не буду стѣснять тебя въ твоихъ убѣжденіяхъ, сказалъ онъ съ гордостью, республиканцы не насилуютъ совѣсти, и еслибы ты не пожелала ходить на богослуженіе въ дѣса, то каждый день отправляется служба въ церквахъ Брессюэйра.

— Беззаконниками, отвѣчала Марта съ презрѣніемъ, невѣрующими въ нашего святѣйшаго отца папу!

Жанъ презрительно засмѣялся.

— Да, мы не желаемъ ни папы, ни короля.

Марта встала, она прижала свою убогую шаль на груди, какъ будто защищаясь отъ холода.

— А мои братья бьются за Бога и короля!.. прощай Жанъ!

— На этихъ дняхъ я приду въ Гранжвертъ и возьму тебя противъ твоей воли, говорилъ онъ подъ увлеченіемъ страсти, да я не знаю, что помѣшало бы мнѣ сдѣлать это и теперь, сейчасъ.

И онъ бросился къ ней.

— Ты для этого еще довольно честный человекъ, сказала она, прямо смотря на него. Можетъ быть черезъ годъ, когда ты сдѣлаешься вполне республиканцемъ, но тогда... я буду въ землѣ, прибавила она едва слышно.

Она подняла свою корзину; необорачиваясь и не оглядываясь, твердымъ шагомъ пошла она по дорогѣ въ Сентъ-обенъ. Вдругъ умоляющій голосъ послышался въ ея ухахъ.

— Ты меня любишь еще? спрашивалъ Жанъ.

— Всегда, отвѣчала она, колеблясь.

— Тогда надобно только ждать!

И перескакивая изгородь, отдѣлявшую узкую скрещенную дорогу отъ хлѣбнаго поля, онъ исчезъ изъ глазъ молодой дѣвушки. Она остановилась на мгновение, не сводя глазъ съ того мѣста, гдѣ видѣла его въ послѣдній разъ.

— Прости, прошптала она, все кончено.

И она продолжала дорогу, повторяя молитвы.

VII.

Погруженная въ свои печальныя думы и подъ вліяніемъ только что принесенной жертвы, вопроса всей ея жизни, Марта во всю дорогу въ Сентъ-обенъ горячо молилась за Жана, отвернувшася отъ Баса, по который все таки былъ такъ дорогъ ея сердцу. Она не слышала неопредѣленнаго, отдаленнаго шума, становившася съ каждымъ мгновениемъ все сильнѣе и явственнѣе. Она шла безсознательно, неподнимая головы, инстинктивно обходя всѣ камни и неровности извиистой тропинки. Вдругъ она съ ужасомъ дрогнула, чужая рука легла на ея плечо. Неужели Жанъ преслѣдовалъ ее, неужели снова начинать тяжелую борьбу? Къ счастью это былъ не онъ, а деревенскій идиотъ Ружо, названный по имени вола, неволью спасаго печальное начало его

жизни. Однажды волею Ружо, проводя плугъ по бороздѣ пашни, вдругъ остановился, несмотря на чувствительныя понужденія хозяина. Оказалось, что онъ не хотѣлъ наступить на новорожденное дитя, брошенное въ полѣ. Бѣднаго малютку приняли и воспитали; мать Марты въ особенности объ немъ заботилась. Дитя росло, но вмѣстѣ съ ростомъ обнаруживался и его идиотизмъ. Онъ шатался изъ дома въ домъ, принимаемый повсюду съ обычнымъ деликатнымъ состраданіемъ къ тѣмъ, которыхъ Творецъ освободилъ отъ тяжести и чести отвѣтственности. Но въ Гранжъ-верть онъ останавливался обыкновенно на болѣе продолжительное время, и къ его очагу онъ возвращался чаще. Однажѣ Марта его не видѣла со смерти матери. Теперь необыкновенное воодушевленіе отражалось во всѣхъ чертахъ идиота.

— Они тамъ, враги нашего Бога, говорилъ онъ своимъ непонятнымъ выговоромъ, который впрочемъ Марта привыкла понимать легко, ихъ тамъ много, они шумятъ, но Ганри спрятался позади изгороди, Жанъ тоже, они готовятъ ружья... съ другой стороны падаютъ... пуфъ! и они больше неподнимутся!

Марта задрожала отъ такого страннаго и неяснаго описанія борьбы. Что если Жанъ находится въ числѣ враговъ, если онъ падетъ отъ руки Жака! Она бросилась впередъ.

— Можно ли пройти домой? спросила она Ружо, бѣжавшаго за ней.

— О! тамъ нѣтъ никакой опасности. И идиотъ улыбался, показывая свои бѣлые зубы. Ганри хорошо спрятался подъ упавшими листьями позади изгороди, около маленькаго лужка, сзади къ нему никто не подойдетъ, а его берегу.

— Зачѣмъ же ты пришелъ сюда? Марта побѣжала. Ея воображенію представилась опасность, которой подвергались ея братья и Ганри, еслибъ враги открыли тропинку, огибавшую маленькій лужокъ. Она хотѣла бы туда бѣжать, быть между ними, знать, что тамъ дѣла-

жось. Наконецъ она достигла безпрепятственно своей фермы. Послышался звукъ ружейнаго удара, потомъ другой, два удара постоянно слѣдовали одинъ за другимъ, но отвѣта не было.

— Ганри и Жакъ одни стрѣляютъ? спросила Марта въ изумленіи.

— Да, но ихъ невидно, отвѣчалъ идіотъ съ взрывомъ жохота. Тамъ двѣсти синихъ.

Послышалось большое смятеніе на лужкѣ. Ружейные удары вдругъ прекратились. Республиканцы, не желая болѣе терять товарищей, невидя даже врага, побѣжали къ болѣе возвышенной мѣстности.

— Они бѣгутъ, друзья мои, вскричалъ Ганри, теперь пора!

— Да здравствуетъ король! вскричали крестьяне, скрытые въ чащѣ лѣса, перескакивая изгороди. Каждый стволъ дерева сдѣлался человѣкомъ; синіе увидѣли себя окруженными, они думали имѣть дѣло только съ нѣсколькими искусными стрѣлками, а между тѣмъ имѣли противъ себя армію. Небольшой отрядъ смѣшался и бѣжалъ. Ганри, въ головѣ своихъ крестьянъ, преслѣдовалъ на пространствѣ одной лѣ. Не стрѣляли больше; раненные преслѣдуемые падали и умирали на дорогѣ безъ помощи. Крестьяне подобрали ружья, брошенные непріателемъ, и Ганри вечеромъ вошелъ въ Дюрбельеръ, въ сопровожденіи двухъ небольшихъ пушекъ, также оставленныхъ на дорогѣ; крестьяне торжествовали.

Пьеръ и Жакъ, подъ полнымъ обаяніемъ радости, воротились въ Гранжъ-верть.

— Когда Ганри вчера разбитый и отброшенный съ Тифажа, отчаявался и горѣвалъ, думалъ ли онъ какъ будетъ счастливъ сегодня! говорилъ Пьеръ.

— Мы ему это предсказывали. Завтра присоединятся къ намъ всѣ приходы, и тогда будетъ съ нами по крайней мѣрѣ до 10 тысячъ человѣкъ. Вся молодежь хотѣла собраться въ просекѣ Буа-брюле, а оттуда мы пойдемъ

къ Брессюэйру за маркизомъ, пока ему неотрубили голову. Синіе узнаютъ умѣемъ ли мы стрѣлять!

Марта опиралась рукою о столъ.

— Маркизь и маркиза Лескюръ живутъ тамъ хорошо, сказала она голосомъ, которому напрасно старалась придать твердость, съ ними обходятся вѣжливо.

Жакъ обернулся; онъ внимательно посмотрѣлъ на сестру.

— Почему ты знаешь? спросилъ онъ грубымъ голосомъ.

— Я была въ городѣ купить мыло, отвѣчала она, не опуская глазъ.

— И вѣрно видѣться съ Жаномъ? закричалъ Жакъ, вставая и сжимая кулаки, — послѣ того, что говорила умирающая мать!

Марта недвинулась.

— Я сказала Жану, что я его больше не увижу.

Братъ смутился.

— Въ добрый часъ, проворчалъ онъ.

— У его отца живетъ г. маркизь, продолжала Марта.

— За это пощадимъ его домъ, отвѣчалъ улыбаясь

Шерь.

Марта осталась довольной, она получила все, чего желала.

VIII.

Тогда какъ Ганри Рошжакленъ, послѣ своего неожиданнаго торжества надъ республиканцами, шелъ на соединеніе съ арміей Анжу, пораженной и разстроенной подъ начальствомъ Бошана и Кателино, населеніе Брессюэйра волновалось. Послѣ извѣстій о сраженіи въ Сентъ-обенѣ, маркизь Лескюръ рассчитывалъ на прямой походъ кузена на Брессюэйръ, а потому каждый день, проведенный въ бездѣйствіи, при томительномъ ожиданіи и боязни его друзей, ему казался цѣлымъ вѣкомъ. Постоянно

оставаясь въ углу своей тѣсной каморки, съ опущенной на руки головой, онъ повидимому казался спокойнымъ, но необходима была вся сила души, вся поддержка религіи безропотно выносить долге плѣнъ и праздность. Дониссанъ, старшій по лѣтамъ, болѣе спокойный и менѣе заинтересованный личными отношеніями дѣятелей борьбы, приготовлялся однакожь принять въ ней личное участіе. Онъ изучалъ карту мѣстности, добытую имъ съ огромнымъ трудомъ, на которой по указаніямъ маркиза и Агафы означалъ всѣ дороги и тропинки, незнакомыя ему, но извѣстныя его товарищамъ съ ранняго дѣтства. Де Мариньи выходилъ и приходилъ изъ одной комнаты въ другую, безпрестанно стѣсня дамъ, г-жа Дониссанъ вазала, читала тихонько молитвы или утѣшала плачущую г-жу Боже. Маркиза Лескюръ и три молодыя дѣвушки роптали на медленность друзей.

— Я не понимаю Ганри, говорила маркиза, онъ дождется того, что насъ здѣсь убьютъ прежде его прибытія. По словамъ Гади сегодня вечеромъ ожидаютъ Марсельцевъ... а страшно боюсь.

Дѣйствительно вечеромъ прибыли Марсельцы; этотъ корпусъ волонтеровъ уже участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, и ихъ воинственный видъ, когда они входили въ городъ при свѣтѣ факеловъ, заставлялъ задрожать нашихъ плѣнниковъ. Они проходили подъ окнами бакалейщика съ пѣсню марсельезы; ихъ платье, покрытое пылью, загорѣлыя лица, взоръ смѣлый и бодрый давали имъ наружность войска, закаленного въ продолжительныхъ походахъ.

— Въ нашемъ отечествѣ солдаты выходятъ изъ земли, сказалъ Дониссанъ, разсматривая маршъ отряда, не далѣе 6 мѣсяцевъ эти напредмѣръ были или за плугомъ, или за конторкой. Къ счастью генералы не образуются такъ легко. Тѣ, которыми располагаетъ здѣсь республика, не слишкомъ видны въ военномъ дѣлѣ.

— Не говорите такъ, батюшка, съ живостью заговорила улыбаясь Лескюръ, иначе вы лишите чести

ихъ побѣдить; впрочемъ и мы имѣемъ тоже импровизированныхъ генераловъ.

Вдругъ ужасное смятеніе поразило ихъ слухъ. Марсельцы, сложивъ оружіе, съ яростью потребовали прежде всего выдачи имъ плѣнныхъ. Г-жа Дониссанъ встала и взяла молитвенникъ.

— Вотъ часъ намъ умереть, мои дѣти, сказала она, будемъ же просить Бога.

— Нѣтъ, говорила маркиза Лескюръ, Богъ не захочетъ смерти, возставшихъ за Его дѣло.

— Марсельцы незнаютъ гдѣ мы, спокойной замѣтила Целестина, подходя къ группѣ знатныхъ лицъ, какъ она ихъ называла всегда, а я увѣрена Гади намъ не измѣнить.

— Весь городъ знаетъ, что мы сдѣсь, проговорила ея мать сквозь рыданія. Де Мариньи все время наблюдалъ въ окно, приподнявъ немного занавѣску.

— Вотъ плѣнники, говорилъ онъ глухимъ голосомъ, ихъ одиннадцать, столько же, сколько и насъ; я очень желалъ бы къ нимъ присоединиться... крестьяне.... вотъ меръ... онъ въ формѣ.... что-то говорить убѣдительно и горячо.... спорить съ Марсельцами... Вотъ генераль Кетино... Хорошъ генераль, не можетъ заставить повиноваться своихъ же солдатъ.... армія взялась за оружіе.... меръ раздражень... ахъ, его схватываютъ и уносятъ.... Марсельцы смѣются надъ правительствомъ... бѣдные плѣнники.... они на колѣняхъ... Ахъ, какой ужасъ! и онъ уронилъ занавѣску.

Слабый крикъ послышался со стороны площади. Да здравствуетъ король! кричали плѣнники, имъ отвѣчали ударами сабель. Де Мариньи былъ внѣ себя, онъ схватилъ оружіе и хотѣлъ броситься внизъ разможить голову начальнику Марсельцевъ.

— Вѣдь я буду же убитъ послѣ! говорилъ онъ, развѣ не все равно—сегодня или завтра.

Напрасно ему представляли объ опасности, которую онъ навлекалъ на своихъ товарищей плѣна, онъ ничего

не слушалъ; приступы гнѣва, которымъ онъ былъ иногда подверженъ, его совершенно ослѣпляли. Онъ уже выходилъ, когда его взглядъ упалъ на небольшую группу дѣвицъ Боже. Цѣлестина, почти также возбужденная, какъ и де-Мариньи, говорила громко:

— Оставьте его одного, онъ эгоистъ! ему все равно, погибнемъ мы или нѣтъ; хорошо.... такъ мы всѣ умремъ.

Марья ее удерживала одной рукой, а другою поддерживала сестру Луизу, упавшую безъ чувствъ. Де Мариньи опомнился и остановился. Трупы плѣнниковъ было убраны, слѣды крови исчезли; пристыженные и смущенные жители Бресскоѣбра старались изгладить всякое воспоминаніе объ убійствѣ. Они трепетали при мысли и возмездіи, но Марсельцы господствовали надъ пораженнымъ населеніемъ. Каждую ночь тюрьмы наполнялись арестованными по подозрѣнію; меръ, защищавшій плѣнниковъ, былъ заключенъ первымъ. Муниципальная форма Гади и патриотическое усердіе его сына, послѣ разрыва съ Мартой всей душой отдавагося республикѣ, спасали еще маленькій домикъ на площади Спасителя.

— Если Ганри не поспѣшитъ, онъ больше не увидитъ насъ, повторяла Целестина. И всѣ думали тоже, хотя и невысказывали громко.

Было 1-е мая. Маркиза Лексюръ, стоя у окна, безсознательно посматривала на листья, развертывающіяся на вѣтвяхъ каштановъ, окружающихъ площадь, она мечтала объ узенькой маленькой зеленой тропинкѣ къ хижинѣ Магдалины, кормилицы своего ребенка въ Боесмѣ. Целестина стояла подлѣ нее.

— Вотъ генераль верхомъ, вдругъ проговорила она, съ нимъ отрядъ войска, онъ выходитъ изъ города, что такое случилось?

И стоя на колѣняхъ подъ вліаніемъ любопытства, полуотворивъ окно, Целестина высунула свою прелестную русую головку въ тѣсную раму. Жители бѣжали на площадь.

Внизу говорили о непріятельской колонѣ, замѣченной

на западѣ, о которой генераль получилъ положительное извѣстіе. Разбойники шли на Аржантонъ: если они его возьмутъ, мы, говорили горожане, потеряны!

Генераль скавалъ голопомъ съ пасмурнымъ видомъ, молча и кусая усы; въ рядахъ солдаты смѣялись.

— Больше ничего, какъ напугалъ крестьянинъ съ возомъ! говорилъ одинъ изъ солдатъ, входя въ ряды.

— Настоящихъ-то разбойниковъ они еще не видѣли, говорили другіе серьезно.

Тревога между тѣмъ росла, безъ ясной и положительной причины, но она уже овладѣвала солдатами.

— Мы здѣсь какъ въ мышеловеѣ, говорили они, и намъ отольется жестокость Марсельцевъ.

Наступила ночь, глухой шумъ царствовалъ во всѣхъ улицахъ, съ поля доносился неопредѣленный говоръ. Плѣнники не ложились всю ночь; одна Целестина спала на своей постелѣ, не раздѣваясь; г-жа Дониссанъ нѣжно обняла свою дочь, и обѣ тихо молились.

Разсвѣтало. Съвозъ запертыя ставни пробивалось нѣсколько солнечныхъ лучей, и въ эти отверстія Лескюръ внимательно наблюдалъ за движеніями отряда, собиравшагося на площади.

— Солдаты несутъ съ собою сумки, значить, они отступаютъ, говорилъ онъ.

— Тогда прежде, чѣмъ выступить, они разстрѣляютъ всѣхъ плѣнниковъ, вскричалъ де Мариньи съ мрачнымъ видомъ.

— Вѣрно они получили извѣстіе изъ арміи, продолжалъ Лескюръ, глаза котораго заблестѣли радостью. Ганри не обманулъ насъ, Богъ намъ покровительствуетъ.

— Затворите плотнѣе ставни, господа, замѣтилъ Дониссанъ, а то вы привлечете на себя общее вниманіе.

Целестина проснулась, она встала на колѣни подлѣ маркизы Лескюръ, и всѣ вмѣстѣ повторили утреннія молитвы.

Каждый разъ, какъ группа солдатъ останавливалась передъ дверью, они останавливались въ молитвахъ.

— Вотъ, говорили они дрожа, но группа продолжала путь, и молитва снова продолжалась.

Тяжелые шаги раздались по лѣстницѣ, послышался легкій стукъ въ двери и вошелъ Гади.

— Городъ очищенъ и вы свободны, господа, сказалъ онъ, теперь я прошу у васъ убѣжища въ Клиссонѣ; роялисты, вѣроятно, отомстятъ за смерть плѣнниковъ и все погубятъ огнемъ и мечемъ.

— Никому не сдѣлають зла, сказалъ Лескюръ, вставая.

Де Мариньи тотчасъ принялъ на себя начальническій тонъ:

— Армія христіанская поступаетъ по христіански. Гади почесалъ себѣ за ухомъ:

— Я слышалъ, что въ Шоле Бошанъ, хоть съ большимъ трудомъ, а все таки остановилъ грабежъ. Говорятъ, разбойники, извините, господа, ихъ вообще такъ называютъ, слушаются благородныхъ и уважаютъ замѣн...

— Я очень радъ васъ принять въ Клиссонѣ, да я и обязанъ вамъ гостепріимствомъ, сказалъ Лескюръ, но я не знаю будетъ ли это вамъ полезно.

Жители Брессюэйра думали также, какъ и Гади; лавка не могла помѣстить всѣхъ, явившихся съ мольбою объ убѣжищѣ въ Клиссонѣ. Агафья отправилась приготовляться къ отъѣзду. Лескюръ вышли безъ шума, Целестина хотѣла было бѣжать за ними, но сестра Марья ее удержала.

Оставь ихъ. Они, сказала она, желаютъ одни войти въ свой домъ, который они не думали ужъ болѣе видѣть. И маленькая вѣтренница, смѣясь и краснѣя, спряталась позади успокоившейся матери.

IX.

Замокъ Клиссонъ наполнился патриотами, искавшими тамъ себѣ убѣжища; дворъ загромождался телегами съ имуществомъ жителей Брессюэйра, но роялисты пере-

мѣнили направленіе, оставивъ совершенно покинутый Брессюэйръ въ сторонѣ.

— Я имъ завладѣю первый, сказалъ маркизъ своей женѣ, прежде чѣмъ синіе возвратятся. Я сейчасъ отправлю приказаніе крестьянамъ; зачѣмъ они остаются безъ дѣла и безъ предводителя?

— Вы правы, вскричала она, я иду сейчасъ же приготовить кокарды.

И смѣясь какъ дитя, она побѣжала къ себѣ въ комнату, увлекая за собою де Мариньи и кавалера Дессесара. Мужчины готовили оружіе, а молодая женщина разрѣзала на кокарды свое шелковое платье, въ которомъ нѣбогда выѣзжала при дворѣ.

Затворили дверь, такъ какъ опасались противодѣйствія и замѣчавій г-жи Дониссанъ. Наконецъ кокарды готовы, часъ сбора всѣхъ окрестныхъ крестьянъ приближался; надобно было ѣхать. Лескюръ вошелъ къ своей тещѣ.

— Распоряженія сдѣланы, сказалъ онъ, вы можете выѣхать въ Шатильонъ подъ надежнымъ прикрытіемъ и взять съ собою всѣхъ дамъ.

— Но если патриоты возвратятся въ Брессюэйръ, что сдѣлается съ нами? вскричала она.

— Завтра на разсвѣтѣ я завладѣю Брессюэйромъ, отвѣчалъ онъ, и радость торжества освѣтила его взглядъ, въ эту ночь сорокъ приходовъ встанутъ по моему приказанію.

Г-жа Дониссанъ въ отчаяніи опустила въ кресло.

— Мы пропали, прошептала она, вы поступаете легкомысленно, вы не знаете, гдѣ роялисты и республиканцы, вы будете захвачены и разбиты съ вашимъ незначительнымъ отрядомъ прежде, чѣмъ вамъ могли бы подать помощь.

Лескюръ спокойно выслушалъ.

— Если бы каждый такъ думалъ, то небыло бы нивогда роялистской арміи. Я немогу оставаться въ че-

тырехъ стѣнахъ, когда мои друзья сражаются, и онъ вышелъ.

Маркиза Лескюръ стояла у окна въ свой комнатѣ, слѣдя за облаками пыли въ той сторонѣ, гдѣ скрылись мужъ и де Мариньи; вдругъ она услышала на дворѣ шумъ, гдѣ собраны были патриоты Брессюэйра съ ихъ имуществомъ. Сознавая себя обязанной охранять свой замокъ, она побѣжала туда. Толпа женщинъ окружала одного гражданина блѣднаго, смущеннаго, покрытаго пылью.

— Они тамъ, говорилъ онъ, они входили въ то время, какъ я уѣзжалъ изъ города.

Маркиза подошла.

— Кто? спросила она.

— Разбойники, они овладѣли Брессюэйромъ, и теперь можетъ быть все въ пламени.

Въ это время одинъ ремесленникъ вошелъ на дворъ. Онъ подошелъ прямо къ маркизѣ, едва удерживающей порывы радости.

— Милостивая госпожа, сказалъ онъ, когда я отправился за имуществомъ этихъ господъ на своихъ быкахъ и телѣгахъ, разбойники входили въ городъ; они у меня все отняли, а когда я имъ сказалъ, что исполняю ваши приказанія, то они обѣщали все возвратить, если я только привезу приказаніе, написанное вашей рукою.

Въ это время Лескюръ прискакалъ голопомъ, его жена бросилась на встрѣчу.

— Вы правду говорили, что разбойники любятъ благородныхъ, сказалъ онъ, обращаясь къ Брессюэйрцамъ, я сейчасъ возьму моихъ быковъ и привезу ваше имущество; оставайтесь здѣсь спокойно.

Лескюръ уѣхалъ, а жена его снова осталась одна; для большей безопасности она рѣшилась запереть патриотовъ въ отдаленную залу, опасаясь, чтобъ роялистская армія, прибывъ безъ Рошжаклена, не обнаружила бы неудовольствія, встрѣтивъ у нея столько республиканцевъ. Она отдавала еще приказаніе, какъ услышала отда-

ленный топот лошадей. Одна, нетребуя въ себѣ никого, она сбѣжала на дворъ. Изъ опасенія, чтобы люди ея не высказали чегонибудь неосторожнаго, она запретила имъ показываться.

Да здравствуетъ король! раздавалось въ отдаленіи. Молодая женщина отправилась на встрѣчу.

— Ганри! вскричала она, когда тотъ соскочилъ съ лошади; Лескюръ, де-Мариньи и двое или трое другихъ лицъ были съ нимъ. При этихъ крикахъ всѣ жители замка сошли на дворъ, слуги забыли приказаніе, всѣ кричали единодушно: да здравствуетъ король!

— Вотъ видите, я васъ освободилъ! повторялъ Рошжакленъ, съ увлеченіемъ восторга.

Патріоты Брессюэйра услышали суматоху и предположили, что наконецъ пришелъ ихъ послѣдній часъ. Одинъ изъ нихъ тихонько отворилъ дверь.

— Это госпожа, сказалъ онъ, окружена своими людьми, разбойниковъ не видно.

Болѣе смѣлые вышли и бросились на колѣни передъ Лескюромъ.

— Вамъ не сдѣлали никакого зла въ Брессюэйрѣ, повторяли они.

— Напротивъ, поступали со мной очень хорошо, отвѣчалъ Лескюръ, поднимая Гади, вотъ человекъ, воторому я обязанъ жизнью.

Ганри Рошжакленъ, обнявъ добраго бакалейщика, гордаго отъ такой чести, проговорилъ, улыбаясь:

— Эти господа поступили очень умно, скрывшись отъ разбойниковъ въ домъ ихъ начальника.

— Совсѣмъ нѣтъ, ты—начальникъ, сказалъ Лескюръ.

— Ну ты будешь имъ завтра, настаивалъ Ганри, я только солдатъ, умѣю биться, вотъ и все.

Вошли въ замокъ. Лескюръ съ пріятливымъ достоинствомъ опирался рукою на плечо своего молодого кузена.

— Я желалъ бы знать, что ты говорилъ крестьянамъ, когда они собрались къ тебѣ изъ всѣхъ приходо́въ, го-

ворять ихъ набралось до 10 тысячъ, послѣ дѣла оберскаго, правда-ли?

— Десяти тысячъ не было, но ихъ было много, они имѣли четыре небольшихъ пушки, но только по три заряда на каждую. Мы нашли еще немного пороха въ Брессюэйрѣ, такъ что теперь у насъ по 12 зарядовъ на каждую пушку, и мы богаты. Я имъ тогда сказалъ: друзья мои, я только неопытный молодой человѣкъ; но если-бы мой отецъ былъ здѣсь, то вы вѣрно довѣрились бы ему. Что же касается до меня, то я не трусь и постараюсь быть достойнымъ вами командовать. Если я пойду впередъ, идите за мной, если я отступлю, убейте меня, если я умру, отомстите за меня. Они всѣ закричали: да здравствуетъ король! и мы отправились.

— Знаешь ли, Ганри, ты герой, сказалъ Лескюръ, отирая глаза.

— Должно быть! и Ганри отъ души смѣялся любезности своего вужена. Однако, если мы возстановимъ короля на престолѣ, думаешь ли ты, что онъ мнѣ въ награду дастъ гусарскій полкъ? Эта моя единственная мечта.

— А я лучше желалъ бы французскую гвардію, съ важностью сказалъ Лескюръ, но это будетъ можетъ быть слышеюмъ много для меня; мы увидимъ, теперь же намъ надобно только биться.

Г-жа Дониссанъ помирилась съ возстаніемъ, которое началось, по ея мнѣнію, такъ благополучно.

— Теперь обязанность каждаго дворянина взяться за оружіе, повторяла она.

— То, что мы и дѣлаемъ, я надѣюсь, отвѣчалъ Ганри, теперь образовались отряды повсюду, крестьяне поднялись со всѣхъ сторонъ, Шаретъ идетъ на Нижнюю Пуату, Бошанъ и Ельбе недалеко съ Кателино и Штофлетомъ, Рокранъ въ Монтегю, Лиро близъ Нанта, скоро не будетъ ни одного прихода не на походѣ, и всѣ они нашли себѣ начальниковъ.

— Всѣ эти начальники согласуются-ли между собою въ

движеніяхъ? спросилъ Дониссанъ, который одинъ имѣлъ нѣкоторое понятіе о военныхъ дѣйствіяхъ.

Ганри покраснѣлъ.

— До настоящаго времени нѣтъ, отвѣчалъ онъ; мы всѣ составляемъ великую армію, и онъ съ гордостью выпрямился, мы дѣйствуемъ отдѣльно, но въ послѣдствіи, безъ всякаго сомнѣнія, всѣ отдѣльные Корпуса будутъ согласоваться между собою и тогда, тогда мы безъ труда раздавимъ республиканцевъ, которые дѣйствуютъ также, могу васъ увѣрить, безъ всякой связи. Говорятъ, ихъ генералы спорятъ другъ съ другомъ, также какъ и ихъ достойные представители въ Конвентѣ.

— Да возрадуется король! закричала маркиза Лескюръ въ порывѣ энтузіазма, потомъ обратилась къ своему мужу, вы меня повезете въ Брессюэйръ, не такъ-ли? Онъ колебался.

— Непремѣнно, непременно! я хочу вѣхать туда съ триумфомъ. Матушка, не должны ли мы быть въ главной квартирѣ? и она съ умоляющимъ видомъ глядѣла на мать.

Съ другой стороны и г-жѣ Боже нужно было удерживать Целестину въ замкѣ, куда она привезла своихъ дочерей. Когда всѣ собрались въ гостиной, молоденькая вѣтрянница незамѣтно проскользнула въ военный совѣтъ, какъ она выражалась. Она подошла къ маркизѣ.

— Возьмите меня съ собою, умоляла она, я умѣю ѣздить верхомъ. Если вамъ угодно, я буду вашимъ адъютантомъ.

Лескюръ посадила ее подлѣ себя, стараясь по возможности ее успокоить, но общее возбуденіе совершенно овладѣло Целестиной: я хочу непременно срубить деревья слободы въ Брессюэйръ, повторяла она, именно то дерево, которое было подъ нашими окнами на площади.

Г-жа Боже подошла къ группѣ и увела молодую дѣвушку. Воодушевленіе увлекло всѣхъ, и отъѣздъ былъ рѣшенъ.

— Синие, синие! въ оружію! вдругъ закричали на дворѣ.
Предводители побѣжали туда.

— Кто этотъ молодой человекъ, въ свитѣ Ганри, спросила г-жа Дониссанъ у своей дочери, которая подошла къ окну, узнать о причинѣ шума.

— Это Форитьеръ, сынъ башмачника въ Поммере, воспитанникъ Дотенье, онъ прекрасный офицеръ и Ганри отзывается о немъ съ самой прекрасной стороны. Мы имѣемъ теперь полную армію, матушка.

— Такъ и должно, отвѣчала г-жа Дониссанъ торжественно, — весь народъ, дворяне, крестьяне и буржуазія должны возстановить короля на тронѣ, такъ какъ всѣ провожали его отца, дворяне даже вели его на эшафотъ.

Она еще продолжала говорить, но дочь едва слушала.

— Что такое сдѣлалось съ нашими людьми и жителями Брессюэйра? Синихъ вѣжета нигдѣ нѣтъ, что тамъ дѣлаетъ Ганри?

И сбѣжавъ на дворъ, она подошла прямо къ крестьянамъ, которые съ обнаженными саблями выходили изъ надворныхъ строеній.

— Они мнѣ сказали: здравствуй гражданинъ, кричалъ одинъ изъ служителей, а я сказала: здѣсь нѣтъ гражданъ, да здравствуетъ король! Это бунтовщики!

Бѣдные граждане, пришедшіе искать убѣжища въ Клиссонѣ, бросались на колѣни и съ умоляющимъ видомъ протягивали руки къ крестьянамъ, но послѣдніе ничего не хотѣли понимать. Наконецъ маркиза Лескюръ узнала Пьера Гуро, бывшаго въ Клиссонѣ у Ганри Рошжаклена.

— Именемъ вашей матери, закричала она, — пощадите этихъ несчастныхъ людей, не сдѣлавшихъ вамъ никакого зла.

— Моя мать умерла, но вѣрно она мнѣ сказала бы тоже, отвѣчалъ Пьеръ, бросившись на защиту Брессюэйрцевъ, но послѣдніе еще больше удвоили крики, воображивъ въ этомъ движеніи угрозу для своей жизни.

Наконецъ воротился изъ рекогносцировки воеругъ

замка Ганри Рошжаакленъ, и онъ успокоилъ крестьянъ. Маркиза приказала Пьеру увести гражданъ на кухню, куда они и ушли, оставивъ свои форменныя платья и коварды. Но прежде чѣмъ ихъ проводить, вандейцы заставили ихъ кричать «да здравствуетъ король» и бѣдные граждане повторяли этотъ крикъ всей силой своихъ легкихъ.

— Такое заявленіе ужъ слишкомъ трогательно, говорила Лескюръ, входя въ залу, — еслибъ я увидѣла такую чувствительную благодарность, я не старалась бы спасать патриотовъ, но пора хватъ, матушка, мы оставляемъ Клиссонъ въ рукахъ Брессюэйрцевъ, и она смѣялась какъ дитя, полное радости и надеждъ.

— Вы меня проводите до перекрестка въ Боѣсму, откуда я пойду съ Агафьей къ Магдалинѣ обнять своего ребенка.

— Развѣ ты не возьмешь его въ Брессюэйръ, спросила мать.

— Нѣтъ, ему будетъ лучше въ деревнѣ, и Магдалинѣ будетъ удобнѣе у себя, чѣмъ возлѣ меня. Кромѣ того, и ея голосъ сдѣлался серьезень, — я хочу свободно слѣдовать за моимъ мужемъ въ сраженіяхъ, въ тюрьмѣ и въ смерти, ребенокъ могъ бы связывать меня, а въ Боѣсмѣ онъ въ полной безопасности. И она вышла, подавивъ глубокій вздохъ.

(Окончаніе будетъ).

ПУГАЧЕВСКІЙ БУНТЪ

(По сочиненію Бастера *Histoire de Cathrine II.* *)

Въ 1774-мъ году страшная гроза начинается собираться въ самыхъ отдаленныхъ провинціяхъ Россійской Имперіи. Гроза эта гремѣла, расширялась и угрожала поколебать тронъ Екатерины II.—Гоеударыня своими нововведеніями и частыми войнами возбудила противъ себя многіе слои Русскаго общества:

---

*) Сочиненіе это, состоящее изъ 4-хъ небольшихъ томовъ, содержитъ въ себѣ описаніе всѣхъ событій царствованія императрицы Екатерины II. Оно издано въ Парижѣ въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія и составляетъ въ настоящее время библиографическую рѣдкость. Авторъ долгое время жилъ въ Россіи и состоялъ при Испанскомъ посольствѣ. Большинство фактовъ сообщаетъ онъ какъ очевидецъ, или же передаетъ такъ, какъ слышалъ отъ очевидцевъ. Особенно подробныя свѣдѣнія сообщаются въ этомъ сочиненіи о домашней жизни императрицы и о праздникахъ и пиршествахъ, ею устраиваемыхъ. Къ концу книги приложена „Картина Россіи въ географическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніи.—Не смотря на выражаемое авторомъ желаніе быть вполне безпристрастнымъ, онъ какъ сторонникъ Франціи, не можетъ скрыть чувства досады противъ императрицы за ея враждебное отношеніе къ французской республикѣ. Это не мѣшаетъ ему однако восхвалять необычайный умъ, энергію и административныя способности государыни.—Предлагаемое теперь описаніе Пугачевского бунта содержитъ въ себѣ нѣсколько весьма интересныхъ фактовъ, до настоящаго времени у насъ еще не обнаруженныхъ.

дворянство считало себя оскорбленнымъ надмѣнностью и свое волиемъ временщиковъ; духовенство не могло скрыть своего негодованія за то, что его лишили многихъ привилегій, которыми оно прежде пользовалось; народъ ропталъ на сдѣланные на него новые налоги; крестьяне, наконецъ, приходили въ отчаяніе вслѣдствіе того, что у нихъ отнимали сыновей для пополненія войскъ, сильно пострадавшихъ отъ битвъ съ Турками и страшной чумы. Донскіе казаки первые подали сигналъ къ возстанію. Во главѣ ихъ сталъ человѣкъ, которому, по ихъ легковѣрїю и по распространившемуся среди ихъ духа недовольства, удалось побудить къ возстанію нѣсколько губерній. Еслибы онъ сумѣлъ только воспользоваться своими первыми успѣхами, то, быть можетъ, ему бы удалось совершенно измѣнить весь строй русской государственной жизни.

Но, прежде чѣмъ приступить къ изложенію самаго событія, слѣдуетъ ознакомиться съ причинами, побудившими этого человѣка принять на себя ту смѣлую роль, которую онъ и разыгралъ.—Нижнее духовенство никакъ не могло простить императрицѣ того, что она не возвратила ему отторгнутыхъ у него церковныхъ имѣній. Оно рѣшилось прибѣгнуть къ обману, въ которомъ видѣло средство мести. Съ этою цѣлью стало оно пускать въ народъ слухи о томъ, будто-бы Петръ III вовсе не умеръ, и что вскорѣ онъ торжественно явится и потребуетъ отъ государыни возвращенія ему отнятой у него власти и трона. И въ самомъ дѣлѣ въ Воронежской губерніи появился лже-Петръ; это былъ воронежскій сапожникъ. Его, впрочемъ, вскорѣ схватили, признали обманщикомъ и казнили (1767 г.). Нѣсколько лѣтъ спустя (1770 г.) въ деревнѣ Копенѣ, на границѣ съ Крымомъ, появился нѣкій Чернышевъ, бѣжавшій изъ полка рядовой, и вздумалъ тоже выдавать себя за покойнаго императора. Священники привлекли на его сторону массу простаго народа и уже готовились короновать его въ одной изъ церквей, какъ вдругъ одинъ русскій полковникъ, увѣдомленный о томъ, что Чернышовъ бунтуетъ народъ, захватилъ его и велѣлъ отсѣчь ему голову.

Въ Черногорин, платившей дань султану, одинъ лекаръ,

по имени Стефано, воспользовался энтузіазмомъ, который вселило въ православныхъ жителяхъ Турціи имя Россіи, выдалъ себя за Петра III. Духовенство стало на его сторону и возбудило возстаніе, которое однако вскорѣ было подавлено яничарами. Стефано бѣжалъ и этимъ только спасся отъ казни, которою не избѣжали прочіе самозванцы.

Четвертый обманщикъ появился въ Уфимской губерніи. Крѣпостной князя Воронцова, онъ бѣжалъ изъ имѣнія своего господина, поселился среди казаковъ и присоединился къ отряду, отправленному въ 1772-мъ году на соединеніе съ русской арміей. Когда они прибыли на одну изъ стоянокъ, расположенныхъ въ степи между Дономъ и Волгою; онъ собралъ вокругъ себя всѣхъ своихъ товарищей и торжественно объявилъ имъ, что онъ Петръ III. Глупая и необразованная толпа ему повѣрила, провозгласила еѣ императоромъ и поклялась умереть за него. Онъ тотчасъ-же назначалъ изъ среди своей шайки министровъ и генераловъ и уже собирался надѣть корону съ такою увѣренностью, какъ будто бы онъ уже стоитъ во главѣ государства и имѣетъ въ своемъ распоряженіи огромное войско. Царство его было не продолжительное. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ провозглашенія новаго императора, одинъ русскій офицеръ явился на мѣсто происшествія, схватилъ самозванца за волосы, велѣлъ его связать и отправилъ въ Царицынъ, гдѣ его посадили въ тюрьму. Нѣсколько солдатъ и жителей Царицына, возбужденные монахами, сдѣлали было попытку освободить обманщика; но полковникъ Цыплятовъ (Ziplotoff), бывшій комендантомъ крѣпости, вмѣстѣ со своимъ гарнизономъ, нѣсколькими ружейными выстрѣлами разогналъ взбунтовавшуюся толпу. Самозванецъ былъ приговоренъ къ казни и умеръ подъ ударами кнута.

Въ томъ же году одинъ изъ Иркутскихъ ссыльныхъ попытался подражать четыремъ помянутымъ выше обманщикамъ, но подвергся одинаковой съ ними участи. Всѣ эти трагикомическіе фарсы были только прелюдией тѣхъ кровавыхъ сценъ, которыхъ приготовлялъ болѣе искусный мошенникъ.

Емельянъ (Емелька), Пугачевъ былъ сынъ казака. Онъ родился въ Симовейскѣ (Simowe'isk), деревнѣ, расположенной на

берегу Дона. Онъ сначала служилъ рядовымъ кавалерпестомъ въ войскѣ, отправленномъ императрицею Елизаветою въ 1756-мъ году противъ Прусскаго короля. Вслѣдъ за тѣмъ (въ 1769-мъ) участвовалъ онъ въ походѣ противъ Турокъ и, подъ начальствомъ генерала Панина, сражался при взятіи Бендеръ. Послѣ взятія этого города сталъ онъ проситься въ отставку, но получилъ отказъ. Тогда онъ бѣжалъ въ Польшу, гдѣ нашель пріютъ въ православномъ монастырѣ. Здѣсь часто бесѣдовалъ онъ съ братіей о своихъ походахъ и приключеніяхъ. Однажды онъ имъ разсказалъ, что во время его службы, подъ начальствомъ Панина, одинъ русскій офицеръ, пристально посмотрѣвши на него, сказалъ: „Еслибы мой государь Петръ III не умеръ, то я бы, смотри на тебя, подумалъ, что вижу его.“—Монахи, казалось, не обратили на этотъ разсказъ никакого вниманія, но черезъ нѣсколько дней одинъ изъ братіи, котораго Пугачевъ только въ первый разъ видѣлъ, посмотрѣвши на него воскликнулъ: «Не государя-ли Петра III я передъ собою вижу?!...» Тогда всѣ монахи стали уговаривать Пугачева сдѣлаться самозванцемъ и въ этомъ скорѣ его уговорили.—Когда Пугачевъ былъ достаточно подготовленъ монахами для того, чтобы явиться достойнымъ орудіемъ ихъ обмана, они отпустили его отъ себя и направили въ городъ Дубрянку, гдѣ онъ провелъ нѣсколько дней. Отсюда пробрался онъ въ Малороссію и поселился среди раскольниковъ. Боясь, чтобы его здѣсь не узнали и не представили въ руки властей, какъ дезертера, онъ бѣжалъ отсюда тайно къ Донскимъ казакамъ и скорѣ, некимъ не узнааннымъ, достигъ должности адъютанта при гетманѣ Ефремовѣ. Но и здѣсь пробылъ онъ не долго и бѣжалъ на берега рѣки Явка, которая, по приказанію императрицы Екатерины, переименована была въ Уралъ, какъ и Яицкія горы—въ Уральскія.

Здѣсь Пугачевъ сообщилъ многимъ казакамъ о своемъ намѣреніи составить шайку и предлагалъ имъ вмѣстѣ удалиться въ Кавказскія горы, гдѣ онъ сулилъ имъ хорошій пріемъ и значительную поддержку. Никто еще не зналъ о томъ, что онъ уже рѣшился принять на себя имя Петра III; но такъ какъ всѣмъ уже было извѣстно, что онъ возмущаетъ народъ,

то власти его задержали и отправили въ Казань для преда-
чнн суда. Губернаторъ этого города отнесся довольно небреж-
но къ процессу этого бунтовщика. Пугачева въ тсмницѣ ча-
сто посѣщали разные попы, которымъ, безъ сомнѣнн, былъ
жвѣственъ его секретъ. Они доставили ему денегъ, при по-
мощи которыхъ онъ подкунилъ тюремныхъ стражей и бѣ-
жалъ. Тотчасъ же розыскалъ онъ нѣкоторыхъ изъ прежнихъ
своихъ сотоварищей, спустился съ ними внизъ по Волгѣ до
устья Иргиза, поднялся вверхъ по этой рѣкѣ и проникъ
въ степи. Тутъ съ каждымъ днемъ стала все болѣе и болѣе
увеличиваться его шайка. Когда ему показалось, что число
его приверженцевъ довольно значительно, тогда онъ всена-
родно объявилъ имъ, что онъ Петръ III, чудеснымъ обра-
зомъ спасшійся отъ убійцъ.

Между тѣмъ среди Яицкихъ казаковъ уже вспыхнуло воз-
мущеніе, поводомъ которому послужили слѣдующія обстоятель-
ства: генераль-прокуроръ Сената, князь Вяземскій, человекъ
крайне ограниченнаго ума, лишилъ казаковъ большей части
ихъ настищъ и принудилъ ихъ продать множество скота.
Вслѣдъ за тѣмъ министръ Захарій Чернышевъ уменьшилъ
ихъ и безъ того ничтожное жалованье, а депутатовъ, явив-
шихся въ Петербургъ съ жалобой, велѣлъ подвергнуть нака-
занію палками. Послѣ этого съ нихъ потребовали рекрутъ
для образованія, въ концѣ 1771-го г., полка гусаръ. Они по-
являлись безпрекословно; но, когда этимъ рекрутамъ пред-
ложено было обрнть бороды, то они на отрѣзъ всѣ отказа-
лись. Генераль Траубенбергъ, по происхожденію ливонецъ,
бывшій въ это время въ Яицѣ, приказалъ ихъ силою обрнть
на площади. Жители Яицка, считавшіе бритье бороды свято-
татствомъ, пришли въ негодование, взяли за оружіе, убили
Траубенберга и многихъ его офицеровъ. Въ началѣ слѣдую-
щаго года генераль Фрейманъ, изъ нѣмцевъ, прибылъ въ
Яицъ для возстановленія тамъ порядка и жестоко наказалъ
всѣхъ руководителей бунта. Эта строгость, впрочемъ, не умень-
шила, а скорѣе увеличила духъ недовольства и побудила ка-
заковъ къ мщенію.

Пугачевъ, зная о расположеніи умовъ въ Яицѣ и желая

этимъ воспользоваться, тайно туда прокрался и легко приобрѣлъ себѣ многихъ сторонниковъ. Монахи уже заранѣе распустили тамъ слухъ, что вскорѣ долженъ появиться новый императоръ; народъ, недовольный правительствомъ и солдатами, сталъ явно выражать надежду на то, что этотъ ожидаемый государь освободитъ его отъ испытываемыхъ до этого времени притѣсненій. Въ Яицѣхъ узналъ Пугачевъ о томъ, что еще нѣсколько казацкихъ селеній возмущились и что часть изъ нихъ удалилась въ болота. Тотчасъ же поспѣшилъ онъ къ нимъ. Розыскавши нѣкоторыхъ изъ нихъ, собравшихся на рыболовство, объявилъ онъ имъ, что онъ Петръ III и сказалъ: злодѣи, лишившіе меня престола и страшящіеся моего возвращенія, умысленно распустили ложный слухъ о моей смерти, я принужденъ былъ переодѣться казакомъ, служить нѣкоторое время въ войскѣ моихъ ненавистниковъ и, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, бѣжалъ къ правобѣрнымъ, которымъ и открылся. Узнавши о томъ, что храброе Яицкое казачество рѣшилось освободиться отъ ига похитительницы престола, явился къ вамъ съ предложеніемъ вмѣстѣ двинуться на защиту своихъ правъ.»

Казаки тотчасъ же приняли его сторону и, уже заранѣе подготовленные монахами къ появленію среди нихъ императора, который будетъ поддерживать старую религію, они повѣрили всему, что имъ говорилъ Пугачевъ, признали его царемъ Петромъ III, поклялись ему возстановить его на престолѣ и жертвовать за него своею жизнью. Пугачевъ, ставши во главѣ казаковъ, своихъ прежнихъ приверженцевъ и множества новыхъ, которые стеклись къ нему со всѣхъ сторонъ, наалъ на колоніи, не давно основанныя императрицей на берегахъ Иргиза. Онъ нуждался въ ихъ оружіи и лошадяхъ. Ему удалось добыть и то и другое, но самихъ колоній, ихъ жителей онъ не тронулъ, а дѣйствовалъ первое время съ необыкновенной умѣренностью, отъ которой, впрочемъ, вскорѣ отказался и перешелъ къ самой ужасной жестокости. Имѣя подъ своимъ начальствомъ до 14,000 воиновъ, подступилъ онъ къ воротамъ Яицка и послалъ коменданту приказъ сдать ему го-

родъ. Приказъ этотъ былъ подписанъ именемъ Петра III.— Комендантъ отказался повиноваться. Пугачевъ пошелъ на приступъ, но былъ отбитъ. Видя, что силою онъ не можетъ взять крѣпость, онъ рѣшился ее блокировать и голодомъ принудить жителей къ сдачѣ. Однако и это не имѣло успѣха: гарнизонъ, принужденный питаться кониной и разваренными кожами, упорствовалъ въ своемъ рѣшеніи ни за что не сдаваться и не допустилъ къ этому жителей города, которые было задумали отворить Пугачеву ворота. Тергѣнне гарнизона было вознаграждено: сильный русскій отрядъ подоспѣлъ во время для нихъ спасенія. Пугачевъ послѣ этой неудачи обратился противъ Илецкихъ колоній и овладѣлъ двумя крѣпостями, которыя ихъ защищали. Фортъ «Татищево» оказалъ болѣе сопротивленія, но такъ какъ эта крѣпость была деревянная, то Пугачеву удалось ее поджечь и принудить гарнизонъ къ бѣгству.

Оренбургскій губернаторъ, извѣщенный объ успѣхахъ бунтовщика, выслалъ противъ него отрядъ подъ предводительствомъ полковника Бюлова. Этотъ послѣдній позволилъ Пугачеву застигнуть себя въ распахъ въ узкомъ ущельи и сдался безъ битвы. Пугачевъ велѣлъ его убить, а тѣхъ изъ солдатъ, которые не согласились признать его императоромъ, оставилъ у себя плѣнниками. Генералъ Чернышевъ, высланный вслѣдъ за Бюловымъ, потерпѣлъ ту же участь. Усиливши свое войско отчасти насильственнымъ, отчасти добровольнымъ наборомъ, бунтовщикъ осадилъ городъ Оренбургъ. Губернаторъ этого города ослабилъ себя высылкой противъ Пугачева двухъ отрядовъ; къ тому же солдаты, оставшіеся при немъ, не были въ состояніи отстоять города. Такимъ образомъ Оренбургу угрожала неминуемая гибель, если бы на его выручку не явился гарнизонъ изъ Красноярска. Эти храбрые воины пробились сквозь ряды непріятелей и вошли въ Оренбургъ.

Слухъ о побѣдахъ Пугачева быстро распространился и привлекъ къ нему множество новыхъ приверженцевъ. Цѣлыя орды явились подъ его знамена. Башкиры, кочевой народъ живущій въ предѣлахъ Россіи и таготящійся своимъ игомъ, предложили свои услуги самозванцу и доставили ему много

войновъ. Примѣру башкиръ послѣдовали вскорѣ киргизы, а вслѣдъ за этими перешли на сторону Пугачева и буджакскіе татары, которые были переселены императрицею на берега Волги послѣ взятія Бендеръ и не могли никакъ помириться съ этимъ переселеніемъ. Возстаніе быстро росло и распространилось. Крестьяне, работавшіе въ мѣдныхъ рудникахъ и на заводахъ въ Уральскихъ горахъ, тоже взялись за оружіе.

Пугачевъ сильно стѣснилъ Оренбургъ. Между тѣмъ какъ часть его войска занимала траншеи, другая овладѣла мѣдною монетою, хранившеюся въ рудникахъ, и перелила ее въ пушки и ядра, обращенныя противъ города. Нѣсколько мѣсяцевъ продолжалась осада, во время которой Пугачевъ предавался страшному разврату и жестокости. Городъ былъ доведенъ до крайности. Цѣна на пудъ муки достигала 140 рублей. Жители стали тогда обращать въ желе-образную массу кожи животныхъ, высушивали это желе, и за тѣмъ обращали его въ порошокъ, изъ котораго, съ небольшою примѣсью муки, пекли хлѣбъ.

Войско бунтовщиковъ стало такъ многочисленно, что полки, высланные противъ нихъ изъ Казани, едва могли удержаться въ занятыхъ ими горныхъ проходахъ, расположенныхъ на пути между Казанью и Оренбургомъ. Во время зимы 10,000 калмыковъ, возмущившихся въ окрестностяхъ Ставрополя, убили начальствовавшего ими бригадира Вегезака и присоединились къ арміи Пугачева. Но, что еще болѣе усилило армію бунтовщика, такъ это большое число поляковъ, которыхъ императрица сослала на поселеніе въ Сибирь и которые теперь бѣжали оттуда подъ знамена самозванца.—Гордясь своими успѣхами, Пугачевъ опустошилъ всѣ окрестности Оренбурга. Одинъ только городокъ Уфа отбилъ его приступъ. Поручивши осаду этого города одному изъ своихъ сообщниковъ, Пугачевъ отправился съ главными силами противъ Екатеринбургa, гдѣ, какъ ему было извѣстно, хранилось около милліона рублей мѣдной монетой, недавно отчеканенной. Только случай спасъ этотъ городъ. Когда уже Пугачевъ подступалъ къ городу и намѣревался брать его приступомъ, то до него дошелъ ложный слухъ, будто-бы сильное русское войско под-

выгаётся на защиту города. Онъ повѣрилъ этому и приостановилъ военныя дѣйствія, что дало возможность всѣмъ гарнизонамъ, разсѣяннмъ на границахъ Сибири, стаянуться къ Екатеринбургу и отстоять его.

Въ самомъ началѣ возстанія Пугачевъ, вѣрный урокамъ подольскихъ монаховъ и старообрядческихъ поповъ, старался казаться умѣреннымъ и благочестивымъ; онъ носилъ монашескую одежду, раздавалъ благословеніе народу и увѣрялъ, что для себя лично онъ ничего не желаетъ и вся цѣль его дѣятельности состоитъ въ томъ, чтобы посадить на престолъ своего сына, великаго князя Павла Петровича; самъ же онъ высказывалъ намѣреніе, по достиженіи цѣли, удалиться въ монастырь и окончить жизнь среди братіи, которая пріютила его послѣ чудеснаго спасенія отъ смерти. Такой образъ дѣйствія привлекалъ къ нему очень многихъ, а разныя другія средства доставляли ему побѣды, имъ одерживаемыя.

Онъ искусно пользовался тѣми преимуществами, которые ему доставляли знаніе страны и неосторожность или слабость русскихъ офицеровъ. Онъ превращалъ опустошеніе какой нибудь мѣстности лишь для того, чтобы пріняться за осаду города, а тотчасъ же по взятіи его летѣлъ снова на сраженіе въ открытомъ полѣ.—Но этотъ человекъ, который такъ быстро восторжествовалъ надъ невгодами жизни, не счужалъ пользоваться милостью фортуны. Успѣхъ сдѣлалъ его самовадѣяннымъ; онъ вообразилъ себѣ, что ему не можетъ представиться препятствія, котораго бы онъ не могъ легко преодолѣть. Онъ пересталъ быть воздержнымъ, предался своимъ бровожаднымъ и свотскимъ вистинитамъ, далъ остынуть энтузіазму своихъ приверженцевъ, представляя въ то же время врагамъ своимъ полную возможность справиться отъ пораженій и приготовить въ рѣшительной побѣдѣ, и безумно остановился на полъ-пути.

Духъ возстанія распространился до самой Москвы. Фельд-маршалъ Румянцевъ не имѣлъ возможности ослабить своего войска, отдѣливши часть его на защиту столицы, которая

всего на всего имѣла для своей охраны ничтожный гарнизонъ, состоявшій изъ 600 человекъ.

Пугачевъ не сумѣлъ даже воспользоваться выгодами своего положенія въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ ему удалось стать побѣдителемъ. Большую часть зимы употребилъ онъ на бесполезную осаду Оренбурга и Яицка. Подъ Оренбургомъ, по его приказанію, отрубили головы всѣмъ русскимъ офицерамъ и дворянамъ, которыхъ захватывали въ плѣнъ и приводили къ нему его отряды. Онъ ихъ погубилъ до 3-хъ тысячъ. Онъ даже не щадилъ ихъ женъ и дѣтей. Цѣлыя семейства были вырваны. Онъ желалъ, по собственному его выраженію, пролить до послѣдней капли кровь высокогнѣрнаго и жестокаго русскаго дворянства. Но, вслѣдствіе странной противоположности, избывая дворянъ, онъ въ тоже время жаловалъ своимъ приближеннымъ фамиліи главнѣйшихъ дворянскихъ родовъ и знаки разныхъ орденовъ.

Пренебреженіемъ, оказаннымъ нѣкоторымъ предразсудкамъ, ревностнымъ послѣдователемъ которыхъ онъ сначала являлся, охладилъ къ себѣ Пугачевъ многихъ изъ своихъ приверженцевъ. Несмотря на то, что онъ уже нѣсколько лѣтъ былъ женатъ на Софьѣ, дочери одного казака, и имѣлъ отъ нея 3-хъ дѣтей, не побоялся онъ вторично вступить въ Яицкѣ въ бракъ съ одной проституткой и отпраздновалъ свою свадьбу вакханаліями, достойными избранной имъ подруги.

Екатерина II, испуганная возрастающими размѣрами бунта, грозившаго поколебать ея престолъ, употребила всѣ усилія на то, чтобы приостановить его дальнѣйшее развитіе. Она отозвала генерала Вибикова съ границъ Турціи, поставила его во главѣ значительной арміи и дала приказаніе двинуться противъ самозванца. Въ тоже время велѣла она обнародовать въ Петербургѣ и другихъ городахъ государства слѣдующій манифестъ: «Мы, Екатерина II, Божіею Милостію Императрица всея Руси и т. д., доводимъ до свѣдѣнія всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ, что Мы съ величайшимъ негодованіемъ и чрезвычайнымъ прискорбіемъ узнали, что какой-то бѣглый съ Дона казакъ, по имени Емельянъ Пугачевъ, проски-

тавились нѣкоторое время въ Польшѣ, собралъ недавно въ Оренбургской губерніи, въ окрестностяхъ Иргиза, толпу бродягъ ему подобныхъ, что онъ совершаетъ тамъ возмутительныя насилія, лишая, самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, жителей ихъ владѣній и даже жизни; а чтобы привлечь въ свою шайву, состоявшую первоначально изъ однихъ бродягъ, людей, которыхъ онъ встрѣчаетъ, а въ особенности несчастныхъ патриотовъ, легковѣріе которыхъ онъ обманываетъ, онъ имѣлъ дерзость принять на себя имя покойнаго Императора Петра III. Было бы здѣсь лишнимъ доказывать всю нелѣпость подобной выдумки, которая для людей здравомыслящихъ не можетъ имѣть и тѣни правдоподобія, потому что, благодаря благодати Божіей, уже давно миновали тѣ вѣка, когда російское государство было погружено въ мракъ невѣжества и когда Гришка Отрепьевъ, ихъ послѣдователи и многіе другіе измѣнники отечества пользовались грубыми и отвратительными вымыслами, чтобы вооружить брата противъ брата и гражданина противъ гражданина. Съ этихъ временъ, о которыхъ тяжело и вспоминать, всѣ истинные патриоты вкушали плоды общественнаго спокойствія и дрожали при одномъ имени какихъ либо смуть. Однимъ словомъ, нѣтъ ни одного человѣка, достойнаго носить имя русскаго, котораго бы невозмущала дерзкая ложь, посредствомъ которой Пугачевъ думаетъ обманывать ихъ и завлекать людей невѣжественныхъ и легковѣрныхъ, обѣщая освободить отъ узъ покорности и послушанія ихъ законной государственнѣ, какъ будто Создатель міра такъ устроилъ общества людей, что они могутъ обходиться безъ непосредственной власти государя надъ народомъ. Но, такъ какъ дерзость этого низкаго отверженца человѣческаго рода имѣетъ вредное вліяніе на губерніи, сосѣднія съ Оренбургской; такъ какъ слухъ о звѣрствахъ ихъ совершенныхъ можетъ напугать людей, привыкшихъ представлять себѣ несчаствіе другихъ, готовымъ обрушиться на нихъ самихъ, и такъ какъ Мы неутомимо заботимся о спокойствіи нашихъ вѣрнопопдаанныхъ,—то Мы имъ объявляемъ настоящимъ Манифестомъ, что Мы уже приняли, не медля, всѣ необходимыя для прекращенія воз-

станія мѣры; а, чтобы уничтожить окончательно честолюбивые замыслы Пугачева и истребить шайку разбойниковъ, которые были на столько дерзки, что напали на маленькіе отряды войскъ, разбѣянные въ тѣхъ мѣстностяхъ, и убили офицеровъ, захваченныхъ ими въ плѣнъ, Мы послали туда съ достаточнымъ количествомъ войска генерала Александра Вибикова, главнокомандующаго нашей арміей и маіора нашего кавалергардскаго полка.

Итакъ, Мы не сомнѣваемся нисколько въ счастливомъ успѣхѣ принятыхъ нами мѣръ и льстимъ себя надеждой, что вскорѣ будетъ восстановлено общественное спокойствіе и злодѣи, которые разоряютъ часть Оренбургской губерніи, вскорѣ будутъ разбѣяны. Мы, впрочемъ, увѣрены, что наши вѣрно-подданные съ отвращеніемъ отнесутся къ вымыслу бунтовщика, какъ лишенному всякаго правдоподобія, и съумѣютъ противустать ухищреніямъ людей злонамѣренныхъ, которые ищутъ и находятъ выгоду въ увлеченіи людей слабыхъ и легковѣрныхъ и которые не могутъ насытить своей алчности иначе, какъ грабежемъ и пролитіемъ невинной крови.

«Мы также полагаемъ, что всякій истинный сынъ отечества не перестанетъ исполнять своихъ обязанностей, способствовать поддержанію общественного порядка и спокойствія, избѣгать соблазна увлеченія и останется въ предѣлахъ послушанія, должнаго законной государыни. И такъ, всѣ наши вѣрно-подданные могутъ отогнать отъ себя всякій страхъ и могутъ жить въ полной безопасности, потому что мы прилагаемъ къ этому всѣ наши заботы и основываемъ нашу славу на сохраненіи ихъ имущества и на общемъ благосостояніи».

Указъ этотъ былъ обнародованъ 23 декабря 1773 года. Вслѣдъ за нимъ было выпущено три новыхъ, которые извѣщали о выступленіи въ походъ Вибикова. Въ одномъ изъ нихъ народъ предупреждался въ томъ, чтобы впредь всѣ позировались только узаконеніямъ, подписаннымъ собственноручно императрицей. Въ другомъ приглашались всѣ бѣглецы, особенно Донскіе и Ящкіе казаки, возвратиться подъ знамена государыни, при чемъ имъ, если они вернутся раньше 1 апрѣля

слѣдующаго года, обѣщалась полная амнистія. Наконецъ въ третьемъ Пугачевъ объявлялся измѣнникомъ и обѣщалась награда въ 100,000 рублей тому, кто его убьетъ.

Какъ видно изъ предыдущаго, императрица была серьезно встревожена возстаніемъ, а между тѣмъ она была на столько сдержана, что наружно не высказывала никакой боязни и въ нѣкоторыхъ изъ своихъ частныхъ писемъ подшучивала надъ бунтомъ. Она даже обзывала самозванца «маркизомъ Пугачевымъ».

Со своей стороны и Пугачевъ не скупился на распространіе всевозможныхъ манифестовъ, подъ которыми всегда подписывался именемъ Петра III. Въ одномъ изъ этихъ манифестовъ объявлялъ онъ свободу всѣмъ крестьянамъ. Онъ также велѣлъ вычеканить рублевники съ его изображеніемъ и надписью: «Петръ III, императоръ всея Руси», а на оборотѣ: «Redivivus et ultor».

Между тѣмъ генераль Вибиковъ прибылъ въ Казань. Извѣщенный о томъ, что бунтовщики овладѣли Самарой, онъ отправилъ часть своего войска для изгнанія ихъ оттуда. Осада длилась не долго. Бунтовщики покинули городъ, оставивши русскимъ войскамъ 8 пушекъ и 200 челоувѣкъ плѣнныхъ.

Казанское дворянство было собрано, и генераль Вибиковъ предложилъ ему присоединиться къ арміи императрицы, чтобы скорѣе подавить возстаніе. Все дворянство было уже заранѣе къ этому предрасположено, такъ какъ ему въ этомъ случаѣ приходилось защищать собственное дѣло. Его примѣру послѣдовало дворянство Симбирское, Пензенское и нѣкоторыхъ другихъ губервій. Полки, ими немедленно сформированные, значительно увеличили силы Вибикова. Императрица написала тогда этому генералу, «что она не только съ благодарностью видитъ ревность, столь великодушно выказанную дворянствомъ, согласившимся пожертвовать для общаго блага своимъ достояніемъ; но также, чтобы блистательнѣе выразить свое благоволеніе, она высказываетъ свое желаніе сдѣлаться членомъ Казанскаго дворянства и гражданкою города Казани.»

Девятаго января полковникъ Гриневъ одержалъ первую

значительную побѣду при Алексѣевѣ. Послѣ упорнаго сопротивленія бунтовщики оставили поле битвы и потеряли три орудія. Нѣсколько дней спустя они снова сдѣлали нападеніе на Гринева во время его движенія впередъ, но еще разъ были разбиты. Нѣкоторые другіе лейтенанты Бибикова также одержали верхъ надъ различными шайками татаръ. Не смотря на это, число и дерзость бунтовщиковъ съ каждымъ днемъ казались все болѣе и болѣе возрастающими. Они сбѣгались со всѣхъ концовъ восточной Россіи и производили грабежи на пространствахъ болѣе 600 кв. миль.

Самъ генералъ Бибиковъ двинулся, наконецъ, во главѣ 35-тысячной арміи и принудилъ Пугачева снять осаду Оренбурга, гдѣ уже сильно начиналъ чувствоваться голодъ. Бунтовщики удалились въ окрестности Татищева. Бибиковъ послалъ въ погоню за ними генералъ-маіора князя Голицына съ довольно значительнымъ отрядомъ. Князь Голицынъ напалъ на Пугачева, храбро сражался съ нимъ, но не одержалъ никакого рѣшительнаго успѣха. Онъ замѣтилъ, что звѣрскою неустрашимостью бунтовщиковъ руководили офицеры, которые пріобрѣли свѣдѣнія въ военномъ дѣлѣ далеко не въ степяхъ Башкиріи или палаткахъ калмыковъ. Увѣряютъ даже, что между ними находилъ братъ знаменитого Сулавскаго, генерала Барской конфедераціи. Впрочемъ и нѣкоторые изъ атамановъ казацкихъ, какъ напр. Антисовъ и Утевъ, были настолько же умны, на сколько храбры.

Отступивши передъ княземъ Голицынымъ, Пугачевъ вдругъ повернулъ въ сторону и устремился на Бибикова, кто ни оставилъ при себѣ лишь незначительный отрядъ. Битва была кровопролитна. Бибиковъ былъ разбитъ. Распространено было слухъ, что онъ палъ на полѣ сраженія, но это оказалось несправедливымъ: онъ умеръ въ своей палаткѣ нѣсколько дней спустя.

Князь Голицынъ горѣлъ нетерпѣніемъ отомстить Пугачеву за пораженіе Бибикова. Онъ снова напалъ на него близъ Каргула (Cargoula), въ 12 миляхъ отъ Оренбурга, разбилъ

и расѣялъ бунтовщиковъ. Въ этой битвѣ Пугачевъ сражался безъ отдыха въ продолженіи 6 часовъ, но, видя, что всѣ его покинули, обратился въ бѣгство и спасся въ Уральскихъ горахъ. Его приверженцы вскорѣ къ нему тамъ присоединились, и онъ опять появился во главѣ огромнаго войска. Онъ овладѣлъ многими мѣстечками, лежащими къ востоку отъ горъ, и предалъ пламени тѣ изъ нихъ, которыя оказали ему какое нибудь сопротивленіе. Русскій корпусъ напалъ на него и принудилъ снова бѣжать въ неприступныя мѣстности. Тогда только Пугачевъ убѣдился въ томъ, что единственное, остающееся ему дѣлать, это—попытаться поправить свое готовое погибнуть дѣло какимъ нибудь блистательнымъ подвигомъ. Вдругъ спускается онъ съ вершинъ Урала и быстро направляется на Казань, оставляя повсюду на своемъ пути слѣды своей жестокости. Какъ только появился онъ въ виду Казани, такъ тотчасъ же сжегъ предмѣстья этого города. Генералъ-майоръ Павелъ Потемкинъ, двоюродный братъ князя Потемкина, бывшій въ то время Казанскимъ губернаторомъ, могъ бы легко противостоять Пугачеву и не допустить сожженія города, но онъ счелъ лучшимъ запереться въ крѣпости, гдѣ бунтовщики его осадили и на вѣрное бы принудили къ сдачѣ, еслибы полковникъ Михельсонъ не подоспѣлъ на ихъ выручку. Пугачевъ не осмѣлился даже дожидаться прихода Михельсона. Едва услышалъ онъ о его приближеніи, какъ тотчасъ же снялъ осаду и обратился въ бѣгство. Но Михельсонъ погнался за нимъ, настигъ, тѣснилъ въ теченіи 3-хъ дней, принудилъ къ сраженію и, послѣ долгой и кровопролитной сѣчи, поразилъ на-голову.

Пугачевъ пересталъ защищаться только тогда, когда при немъ осталось всего только 300 человекъ казаковъ. Съ этой толпой, отвага и вѣрность которой были извѣстны самозванцу и давали ему надежду на возможность исправить проигранное дѣло, ринулся онъ во всю прыть, дереплыгъ Волгу и скрылся въ степи.

Это новое пораженіе должно бы было, казалось, обезкуражить всѣхъ, желавшихъ до этого времени присоединиться къ бунтовщику. Однако вокругъ Пугачева вскорѣ снова собрались

цѣлыя толпы казаковъ, калмыкъ, башкиръ и крестьянъ, которыхъ одна заманчивая перспектива свободы и желаніе вырваться изъ подъ гнета помѣщиковъ заставили покинуть свои сельскія работы и схватиться за оружіе. Гордясь многочисленностью своего войска, которое, казалось, возростало по мѣрѣ того, какъ русскія пушки его уничтожали, Пугачевъ рѣшился пойти прямо на Москву, гдѣ его тайные приверженцы все еще продолжали поддерживать духъ агитаціи; народъ ожидать его тамъ, какъ освободителя. — Но уже было поздно. Въ то самое время, когда Пугачевъ собирался выступить въ походъ, онъ узналъ, что Россія заключила уже миръ съ Турціей. Боясь тогда встрѣтиться со всѣми военными силами государя, состоявшими подъ начальствомъ знаменитаго Румянцева, онъ рѣшился обратить свое оружіе въ другую сторону.

Извѣщенный о томъ, что нѣсколькихъ небольшихъ русскихъ отрядовъ было расположено на берегахъ Волги, спустился онъ внизъ по этой рѣкѣ, невзначай напалъ на русскіе и разбилъ ихъ. Вслѣдъ за тѣмъ взялъ онъ приступомъ двѣ или три маленькихъ крѣпости, въ числѣ которыхъ былъ и городъ Саратовъ. Камендантъ этого города, зная напередъ участь, которая ему готовится, если онъ попадетса въ плѣнъ, воспользовался тѣмъ временемъ, когда побѣдители предались грабежу, и спасся бѣгствомъ съ пятидесятью только человѣками гарнизона. Городъ Дмитревскъ достался въ руки Пугачева вслѣдствіе измѣны. Онъ велѣлъ посадить на колъ коменданта.

Когда Пугачевъ находился въ Дмитревскѣ, ему сообщили, что астрономъ Ловиць, членъ Петербургской Академіи наукъ работалъ неподалеку надъ изысканіемъ мѣстности для проведенія предполагаемаго между Дономъ и Волгою канала. Тотчасъ же приказалъ онъ привести къ себѣ ученаго, и когда тотъ явился къ нему, то онъ велѣлъ его поднять на копьѣ, чтобы онъ очутился, по выраженію самозванца, по ближе къ звѣздамъ; вслѣдъ за тѣмъ сдѣлалъ онъ распоряженіе зарубить его. Но всѣ эти жестокости должны были имѣть свой предѣлъ. Величайшія звѣрства Пугачева ободряли Екатерину, такъ какъ она въ нихъ видѣла залогъ скорого успѣха.

Избавившись отъ заботъ, которыя ей доставляла война съ Турціей, государыня отдала приказъ послать противъ бунтовщика новыя войска и поручила главное начальство надъ ними генералу Панину, прославившемуся взятіемъ Бендеръ. Съ той минуты, когда Григорій Орловъ, послѣ первой своей опалы, снова вернулся ко двору и получилъ прежнее свое вліяніе на дѣла государства, его ненависть къ министру Панину перешла и на брата этого послѣдняго, что и было причиною оставленія нѣкоторое время въ бездѣйствіи одного изъ лучшихъ русскихъ полеводцевъ того времени. Нужда ли въ немъ, или же снова возродившееся расположеніе къ его брату заставили наконецъ императрицу снова вспомнить о Панинѣ и отправить его противъ Пугачева. Самозванецъ въ это время осаждалъ Царицынъ и готовилъ ему ту же участь, которая постигла Саратовъ; но онъ принужденъ былъ снять осаду. Панинъ отправилъ отрядъ на помощь къ Михельсону, который, получивши поддержаніе, отрѣзалъ шедшіе къ Пугачеву обозы съ провіантомъ, заморилъ его войско голодомъ и напалъ на него въ то самое время, когда оно, затрудняемое въ своемъ движеніи множествомъ телѣгъ съ багажемъ и женщинами, вступило въ небольшое горное ущелье, думая бѣгствомъ спастись отъ враговъ. Не смотря на всю невыгоду своего положенія, бунтовщики не хотѣли сдаваться. Множество ихъ было убито на мѣстѣ, а множество другихъ погибло въ пропастьхъ и между скалъ, гдѣ они искали спасенія.

Пугачевъ покинулъ поле битвы только тогда, когда у него уже не осталось никакихъ средствъ для защиты. Онъ еще разъ переплылъ Волгу, вслѣдъ за тѣмъ переправился черезъ степь, простирающуюся между этой рѣкой и рѣкой Уфой, и очутился почти въ той же мѣстности, въ которой онъ поднялъ въ самомъ началѣ знамя возстанія. Многие изъ его друзей раямскани его и здѣсь, но голодъ, утомленіе и отчаяніе заставили вскорѣ многихъ изъ нихъ покинуть его. Не смотря на это, онъ еще долго могъ бы беспокоить государство, еслибы на помощь русскимъ войскамъ не подоспѣла помощь.

Антисовъ, одинъ изъ приближенныхъ Пугачева и одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ казацкихъ атамановъ, былъ взятъ

въ плѣнъ. Имъ постарались воспользоваться для усмиренія казаковъ. Его, вмѣсто наказанія, осыпали подарками и обѣщаніями еще большихъ наградъ, если онъ увѣритъ своихъ соотечественниковъ въ томъ, что обычай выдавать казакамъ жалованье за охрану границъ государства будетъ тотчасъ же восстановленъ, какъ только они положатъ оружіе. Выдача этого жалованья была пріостановлена только вслѣдствіе издержекъ, которыхъ потребовала война съ Турціей; и это было одною изъ причинъ недовольства казаковъ.

Въ то время, какъ Антисовъ велъ переговоры со своими, трое другихъ казаковъ, тоже подкупленныхъ, рѣшили выдать Пугачева. Всѣ трое до этого времени вѣрно служили ему и приобрѣли полное его довѣріе. Одинъ изъ нихъ, по имени Твороговъ, былъ изъ Ильца; двое другихъ, Черлоковъ и Оедуловъ, были изъ числа первыхъ приверженцевъ самозванца въ Яицѣхъ. Находясь однажды на единѣ съ Пугачевымъ, они вздумали прибѣгнуть къ хитрости. — «Такъ какъ мы со всѣхъ сторонъ стѣснены врагами, сказалъ Твороговъ, обращаясь къ Пугачеву, то, какъ мнѣ кажется, единственное, что намъ остается дѣлать — это сдатьсь подъ условіемъ помилованія» Мысль о сдачѣ возмутима Пугачева. Онъ не отвѣчалъ, но выхватилъ свой кинжалъ и намѣревался тотчасъ же поразить труса, осмѣлившагося подать ему подобный совѣтъ. Трое казаковъ зорко слѣдили за всѣми его движеніями. Они бросились на него, обезоружили его и, скрутивши ему назадъ руки, немедленно повезли его въ станъ генералъ-маіора Самарова, который уже поджидалъ ихъ. Самаровъ препроводилъ Пугачева въ Симбирскъ. Генералъ Панинъ приказалъ запереть его въ желѣзную клітку и повести въ Москву, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ главнѣйшихъ его соумышленниковъ.

Какъ только императрица узнала о томъ, что Пугачевъ уже содержится въ Московской тюрьмѣ, тотчасъ же назначила она особую комиссію, которой, вмѣстѣ съ сенатомъ, было поручено производство слѣдствія и суда надъ самозванцемъ. Въ то же время позаботилась она о томъ, чтобы отдать приказаніе ограничиться однимъ его сознаніемъ въ преступленіи, не подвергая его допросу и не требуя отъ него выдачи

соучастниковъ. Государыня опасалась, чтобы признанія виновнаго не заставили ее привлечь къ суду и ответственности слишкомъ много лицъ, что могло бы, пожалуй, послужить поводомъ къ новымъ смутамъ.

Приговоръ суда надъ Пугачевымъ гласилъ, что ему предварительно отрубятъ руки и ноги, покажутъ ихъ народу, а вслѣдъ за тѣмъ будутъ его живаго четвертовать. Однако онъ не былъ подвергнутъ этой жестокой казни. Говорятъ, что особый приказъ императрицы избавилъ его отъ этого. Другіе же утверждаютъ, что это было дѣломъ палача, который будто бы за неточное исполненіе приказанія былъ вскорѣ послѣ этого высѣченъ кнутомъ, лишенъ куска языка и сосланъ въ Сибирь. Какъ бы то ни было, но Пугачеву сначала отрубили голову, а потомъ разрубили его тѣло на части, которыя выставили на показъ въ разныхъ концахъ города. Пятерымъ изъ главныхъ его сообщниковъ также отрубили головы. Другіе были наказаны кнутомъ и сосланы въ Сибирь.—Таковъ былъ конецъ возстанія, которое въ теченіе долгаго времени подвергало опасности власть и даже жизнь императрицы Екатерины и повлекло за собою разрушеніе многихъ городовъ и болѣе 250 деревень, прекращеніе на время Сибирской торговли, приостановленіе работъ въ Оренбургскихъ рудникахъ и стояло жизни нѣсколькимъ тысячамъ жителей.

О. Деларю.

Библиографическій указатель.

Древняя и Новая Россія. 1879 г. (книги за январь, февраль, мартъ и апрѣль).

Обыкновенно принято видѣть въ литературѣ выраженіе современнаго общества, его направленія и потребностей, — если это такъ, то можно было бы придти къ весьма утѣшительному выводу, что наше общество въ переживаемый моментъ вполне проникнуто сознаниемъ необходимости знать во всей тонкости свое болѣе или менѣе отдаленное прошедшее, выводить изъ него законы своего развитія и выяснить предстоящія задачи. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на бѣдность вообще нашей литературы, у насъ четыре органа историческихъ знаній, изъ которыхъ три (Русскій Архивъ, Русская Старина, Древняя и Новая Россія) посвящены исключительно или матеріаламъ, или трудамъ по русской исторіи и одинъ (Историческая Библіотека) преимущественно. Кромѣ того, нѣтъ почти ни одного журнала, толстаго или тонкаго, иллюстрированнаго или неиллюстрированнаго, въ которомъ бы не трактовался какой нибудь вопросъ изъ русской исторіи, или не помѣщался бы русскій историческій романъ или повѣсть. Но, увы, эта роскошь едва-ли не призракъ, едва-ли не порожденіе того страннаго духа двойственности и противорѣчія, который скрывается у насъ вездѣ и во всемъ...

Историческихъ журналовъ обиліе, но соотвѣтственно обиль-

но-ли число читателей? Могутъ-ли редакціи этихъ журналовъ, за исключеніемъ, можетъ быть, одного, похвалиться благосостояніемъ своихъ дѣлъ? Едва-ли. На вопросъ завѣдывающимъ общественными бібліотеками—читаются ли историческіе журналы?—получается неутѣшительный, почти отрицательный отвѣтъ. Спрашиваютъ, обыкновенно отвѣчаютъ они, но только одни историческіе романы или повѣсти, а сколько-нибудь серьезныя историческіе трактаты, какъ бы ни было интересно ихъ содержаніе, какъ бы популярно ни было ихъ изложеніе, стоятъ на полкахъ бібліотекъ во всей ихъ дѣвственной чистотѣ и непорочности.

Отчего же у васъ такое легкое отношеніе къ дѣлу, которое, казалось, должно было бы быть такъ близко каждаму образованному? Отчего-же такое равнодушіе къ своему родному, равнодушіе, необъяснимое при интеллигентной народной силѣ и серьезности задачи? Отвѣтъ на это недоумѣніе находимъ въ передовой статьѣ Древней и Новой Россіи (1879 г. январь), подъ загадочнымъ заглавіемъ: «безъ исторіи и преданій» г. Стоюнина.

Имя г. Стоюнина давно извѣстно нашему интеллигентному обществу по его трудамъ, отличающимся логичностью выводовъ и правдивостью убѣжденій. Эти же качества мы надѣялись встрѣтить и въ этой его новой статьѣ, которая, хотя не больше, какъ замѣтка, но по важности сути, заслуживаетъ серьезнаго вниманія.

Предиславъ въ своей замѣткѣ общій взглядъ на важность историческихъ знаній, провозносящихъ изъ всего прожитаго, историческій приговоръ для будущаго, авторъ говоритъ: «вывода историческіе законы развитія, исторія провѣряетъ ими и жизнь, ближайшую къ намъ, а слѣдовательно могла бы доводить свое дѣло до послѣдняго момента и тѣмъ освѣщать нашъ собственный путь къ дальнѣйшимъ цѣлямъ». По мнѣнію автора, примѣненіе историческихъ законовъ и опредѣленіе историческаго пути могутъ приводить къ попыткамъ сознательнаго выдѣленія задачи настоящаго времени, что и дѣлается въ нѣкоторыхъ европейскихъ литературахъ, гдѣ наука и жизнь идутъ вмѣстѣ.

Опредѣливъ такимъ образомъ свое основное положеніе, авторъ обращается затѣмъ къ рассмотрѣнію положенія нашей русской исторической науки и видитъ въ ней отсталость отъ настоящей жизни, отсталость до такой степени рѣзкую, что какъ будто-бы не было и нѣтъ никакой связи между нашими прошедшимъ и настоящимъ.

Грань составляетъ восемнадцатый вѣкъ. До этого времени мы имѣемъ нѣсколько замѣчательныхъ историческихъ трудовъ, дающихъ той жизни почти полное освѣщеніе, но съ наступленіемъ XVIII в. намъ извѣстны только внѣшнія событія, объективныя исторіи различныхъ учрежденій, а изъ внутренней жизни только нѣкоторыя свѣдѣнія, отрывочныя, неполныя, искаженныя и покрытыя тайной *). Отъ этого невѣдѣнія у насъ и нѣтъ тѣсной связи между нами и нашими отцами и дѣдами: «мы не знаемъ основательно, какъ продолжаемъ ихъ жизнь, какія задачи и какъ рѣшали они, къ чему они стремились по своимъ идеаламъ, какъ они выработали эти идеалы, какую борьбу вели за нихъ, что ихъ удовлетворяло въ жизни и отъ чего они хотѣли отдѣлаться. Мы видимъ за собою тьму, но не видимъ свѣта передъ собою, намъ хотѣлось бы, чтобы вспыхнулъ какой нибудь огонекъ, освѣтилъ бы нашу дорогу, и идемъ ощупью; намъ кажется будто мы вносимъ свои новые идеалы въ жизнь и не знаемъ, чѣмъ они лучше прежнихъ. Мы не можемъ оглянуться назадъ, чтобы по пройденному историческому пути сообразить какъ идти впередъ. Опыты жизни вашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ намъ чужды, мы дѣлаемъ свои собственныя, и часто ошибочныя, неудачныя, потому что не знаемъ ошибокъ и неудачъ прежнихъ временъ.»

Очертивъ нѣсколькими штрихами отсталость русской исторіи отъ общественной жизни, авторъ говоритъ дагѣе о нашемъ общемъ равнодушіи къ сохранившемуся еще памятникамъ минушаго, раскинутымъ въ различныхъ краяхъ въ разнообразныхъ формахъ. Сколько у насъ неизслѣдованныхъ кур-

---

*) Редакція Исторической Библиотеки предполагаетъ въ будущемъ году помѣстить рядъ статей изъ русской исторіи XVIII в.

гановъ, остатковъ отъ прежнихъ построекъ, до которыхъ наша археологія еще не коснулась, которые могли бы намъ отвѣтить, можетъ быть, драгоценнымъ указаніемъ. Авторъ описываетъ свою попытку познакомиться съ памятниками Новгородской губерніи и свое разочарованіе. Въ указанныхъ ему развалинахъ дома Маремъ посадницы онъ нашелъ — *кузницу!* А при осмотрѣ сельскаго дома нашего поэта Г. Р. Державина въ имѣніи Званка онъ не могъ добиться ровно никакихъ свѣдѣній, кромѣ развѣ только того, что покойный былъ вельможа, дѣйствительный тайный совѣтникъ и что жена покойнаго поэта считается строгой хозяйкой. Не могъ даже сообщить никакихъ подробностей о сельской жизни знаменитаго поэта древній старикъ, дѣлившій съ Гаврилой Романовичемъ время отдохновенія, а теперь доживающій свой вѣкъ въ Хутынскомъ монастырѣ *).

Отъ такого холоднаго пренебреженія наши историческія преданія, наши памятники исчезаютъ безслѣдно, и мы такимъ

---

*) Авторъ не говоритъ, въ которомъ именно году онъ былъ въ Званкѣ, но если въ пятидесятыхъ годахъ, то сдержанность и подозрительность мѣстнаго священника, показывавшаго ему домъ, объясняется отчасти разными предположеніями духовнаго вѣдомства относительно всего имѣнія Званки. Дѣло въ томъ, что въ 1839 г., спустя 23 года послѣ кончины покойнаго Гаврилы Романовича, жена его Дарья Алексѣевна Державина составила духовное завѣщаніе, по которому ея благопріобрѣтенное имѣніе, село Званка, въ полномъ составѣ и капиталомъ въ 150 тысячъ руб. ас., передавалось въ духовное вѣдомство, для устройства тамъ женскаго монастыря и училища для дѣвицъ, съ наименованіемъ послѣдняго Державинскимъ. Когда же, согласно воли завѣщательницы, душеприкащикъ ея сенаторъ Бороздинъ въ 1844 г. обратился въ Святѣйшій Синодъ съ ходатайствомъ о дозволеніи на учрежденіе въ селѣ Званкѣ женскаго монастыря и при немъ училища для бѣдныхъ дѣвицъ, то Св. Синодъ составилъ другое предположеніе о продажѣ всего имѣнія Званки, съ назначеніемъ капиталовъ, какъ полученнаго отъ продажи, такъ и завѣщеннаго, на вспомошествованіе всѣмъ Новгородскимъ монастырямъ. Такъ какъ на этотъ послѣдній проектъ не согласились наследники покойнаго, то въ 1866 г. открытъ въ усадьбѣ Званка женскій монастырь съ училищемъ для дѣвицъ духовнаго званія, — спустя пятьдесятъ лѣтъ послѣ смерти Державина.

образомъ въ настоящее время остаемся въ печальномъ положеніи «*безъ исторіи и безъ преданій*».

Но отчего же, наконецъ, такое неестественное явленіе у народа живущаго, дѣйствующаго, владѣющаго интеллигентными силами? Вопросъ этотъ слишкомъ серьезенъ для того, чтобы разъ поставленный, могъ быть оставленъ безъ особеннаго вниманія или рѣшенъ легкомысленно.

Авторъ отсталость нашей исторической науки отъ жизни видитъ въ скудости образовательныхъ силъ, воспитавшихъ наше поколѣніе. Для объясненія онъ обращается къ своимъ т. е. нашимъ студенческимъ временамъ и указываетъ на совершенный недостатокъ такихъ авторитетныхъ преподавателей, которые руководили бы юношество въ его пытливости знать истину. На лекціяхъ получались только свѣдѣнія о фактахъ, отчасти неполныя, не освѣщенный взглядомъ исторической критики, отчасти покрытыя таинственнымъ покровомъ. Для дополненія знанія и раскрытія истины юношество принуждено было бросаться на такъ называемыя запрещенныя книги и на рассказы, таинственно передаваемые въ семейныхъ кружкахъ и разъясняющіе то, что скрывали педагоги. «Лица принявшія на себя надзоръ за воспитаніемъ юношества, говоритъ авторъ, упустили изъ виду одно: они не думали, что вообще преданія имѣютъ важную педагогическую силу въ развитіи общественнаго чувства, и что устранить ихъ невозможно никакими официальными надзорами и распоряженіями. Если же эти преданія оторваны отъ литературы и окружаются тайнами, то самая лучшая воспитательная ихъ сила, связывающая съ официальной сферой, развивающая гражданское чувство возбуждающая къ полезной общественной дѣятельности, значительно ослабляется и напротивъ усиливается та сторона, которая развиваетъ недоувѣріе ко всему официальному и равнодушіе къ общественному дѣлу».

Мы охотно соглашаемся съ авторомъ; мало того, мы находимъ даже его картину печальнаго положенія учащейся молодежи блѣдною. Авторъ воспитывался въ столичномъ университетѣ, гдѣ болѣе средствъ, гдѣ живѣе и доступнѣе обмѣвъ идей, гдѣ наконецъ существовали императорская публичная

библиотека и множество другихъ частныхъ, общественныхъ и казенныхъ библиотекъ, но несравненно тяжеле было положеніе насъ, получавшихъ образованіе въ провинціальномъ университетѣ. Повѣрить ли теперь юный читатель, что въ сороковыхъ годахъ въ юридическомъ факультетѣ изгнана была вовсе теорія, что большинство лекцій профессоровъ (какъ напр. покойнаго П. С. Сергѣева въ Казанскомъ университетѣ) состояло только въ монотонномъ перечитываніи имъ отъ слова до слова статей изъ свода законовъ, безъ всякихъ обобщеній, безъ всякаго освѣщенія теоретическимъ взглядомъ. Библиотекъ (опять въ той же Казани) почти вовсе не было; правда, были одна или двѣ общественныя библиотеки, но они всѣ состояли изъ произведеній исключительно беллетристической литературы, преимущественно переводной; фундаментальная библиотека университета считалась для студентовъ почти совершенно недоступной, такъ какъ для полученія оттуда книги требовалось ручательство профессора и то для какого нибудь одного сочиненія, а библиотека студенческая оказывалась крайне скудной. Къ этому еще надобно прибавить изолированность отъ общества учащейся молодежи, хотя далеко не въ такой степени, какъ это къ несчастію установилось въ послѣднее время. Вслѣдствіе вліянія всѣхъ этихъ причинъ значительная часть нашего образованнаго поколѣнія и вышла на свѣтъ безъ стремленія къ историческому анализу, а только съ жаждой или къ наживѣ, или къ кутежамъ.

Но говоря это, мы очень далеки отъ мысли видѣть въ несчастномъ положеніи учившагося поколѣнія единственное основаніе очутиться «безъ исторіи и безъ преданій». Намъ кажется основаніе лежитъ гораздо глубже.

Съ XVIII в. начался въ нашей исторіи крутой поворотъ, характеризующійся измѣненіемъ многихъ бытовыхъ формъ. Эти измѣненныя формы, какъ привлеченныя извнѣ, оставались чужды народному духу, и со введеніемъ ихъ наша историческая жизнь пошла, если можно такъ выразиться, раздвоенной: на слой верхній, западный, европейски скроенный и слой нижній, народный, въ которомъ дѣйствовали свои обычаи и убѣжденія. Интересовъ общихъ почти не было; дѣй-

ствовали интересы партій. Русскому народу оставались чужды и Бироны и Минихи и Брауншвейгскіе, отъ которыхъ онъ видѣлъ только зло, но переносилъ это зло терпѣливо, убѣжденный въ его временности. Отъ этого дѣятельность, подвиги и страданія этихъ тогдашнихъ вожаковъ для народа имѣли только характеръ занимательности, незадѣвающей его существа, и таинственныя сказанія о нихъ... могли привлекать только юное впечатлительное воображеніе. Съ теченіемъ времени заимствованныя формы должны перерабатываться согласно національнаго духа и народнаго чувства..

Руководясь этой исходной точкой зрѣнія, намъ кажется, что было бы основательнѣе взять поднятый вопросъ шире, чѣмъ сдѣлалъ это г. Стоюнинъ. Слишкомъ наивно доказывать, что народъ не интересуется преданіями потому, что профессора не читали лекцій о томъ-то. Вообще грустно видѣть, когда въ такомъ сборникѣ, какъ Древняя и Новая Россія, трактуется подобный вопросъ талантливимъ писателемъ черезъ чуръ легко. Есть вопросы, которыхъ едва ли не лучше во все не поднимать, чѣмъ относиться къ нимъ поверхностно.

Современная политика Англіи и Тройственный союзъ Н. Н. Фирсова.

Пользуясь недавно изданными дипломатическими матеріалами—перепиской герцога Веллингтона и исповѣдью Лорда Стратфорда де Редклифа (*Recollections of the Revival of greek Independence By lord Stratford de Redcliff*), авторъ изображаетъ намъ политяву въ слѣдующихъ чертахъ. Послѣ вѣковыхъ войнъ съ Франціей, стремившейся противодѣйствовать Англіи, какъ на континентѣ, такъ и въ колоніяхъ, и кончившихся паденіемъ Наполеона 1, государственные люди Англіи обратили особенное вниманіе на возникавшее могущество Россіи, угрожавшее ихъ интересамъ въ Турціи и Индіи. Съ тѣхъ-то именно поръ политика всѣхъ англійскихъ дипломатовъ, безъ исключенія, какъ тори, такъ и либераловъ, имѣла постоянно одну цѣль: ограниченіе вліянія Россіи, преимущественно дип-

ломатическимъ путемъ, избѣгая открытой войны. Такъ поступали они во время войны за независимость Греціи, ту же имѣли идею при заключеніи Тройственнаго союза (Англіи, Франціи и Россіи съ цѣлью гарантированія этой независимости), также продолжали въ Крымскую войну и въ послѣднее время въ русско-турецкую войну 1877 г. и въ войну Афганскую.

Вотъ основное положеніе автора, проведенное имъ въ своей статьѣ, правда, не лишенной нѣкотораго интереса, но и не выдающейся ни основательнымъ знаніемъ международныхъ отношеній, ни вѣрнымъ анализомъ, ни историческимъ взглядомъ, ни ясностью изложенія. Новаго въ статьѣ, или вѣрнѣе замѣткѣ, рѣшительно ничего нѣтъ и она скорѣе походитъ на газетное обозрѣніе, чѣмъ на ученый трактатъ въ историческомъ органѣ.

Неизданныя письма Н. В. Гоголя, съ предисловіемъ *Ө. М. Уманца*.

Писемъ этихъ всего 9, — изъ нихъ восемь, адресованныя къ А. М. Маркевичу, не имѣютъ ровно никакого значенія и одно къ А. С. Данилевскому весьма содержательное. Предисловіе г. Уманца нисколько не выясняетъ загадочной личности знаменитаго писателя, но сами письма не излишни, какъ и всякая подробность изъ жизни покойнаго Николая Васильевича. Авторъ предисловія, бросивъ нѣсколько штриховъ, впрочемъ безъ біографическихъ датъ, на интеллектуальное развитіе автора мертвыхъ душъ, называетъ его человекомъ гениальнымъ, понаторѣвшимся въ обществѣ и *маужь* (?), но ни въ какомъ случаѣ не „образованнымъ“ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Далѣе авторъ предисловія высказываетъ, что на развитіе таланта Гоголя, или, правильнѣе, на его паденіе имѣли вліяніе три обстоятельства: недостатокъ солиднаго образованія, случайное столкновеніе съ людьми, у которыхъ онъ ничѣмъ не могъ позаимствоваться и отупляющее дѣйствіе общественной среды.

Съ такимъ приговоромъ нельзя согласиться, имѣя въ виду педагогическую дѣятельность Гоголя (занятіе имъ профессорской кафедры въ Петербургскомъ университетѣ въ 1834 г.), соединявшую его съ интеллигентными силами того времени и

его постоянныя заграничныя поѣздки. Вообще авторъ предпословія отличается мнѣніями въ общихъ чертахъ, которыя нѣсколько не удовлетворяютъ читателя и которыя специально не относятся къ изданнымъ письмамъ. Пытливому читателю интересно было бы прочитать анализъ помѣщенного письма Гоголя (Юн. 1843 г.) къ А. С. Данилевскому, заглянуть въ душу корреспондента, что чувствовалъ онъ въ то время, подъ какимъ вліяніемъ находился. Г. Уманецъ не говоритъ объ этомъ почти ни слова, а между тѣмъ нельзя пожаловаться на недостатокъ данныхъ для анализа. Намъ извѣстно напримѣръ, что около времени писанія письма къ А. С. Данилевскому (1843 г.), послѣ изданія перваго тома Мертвыхъ душъ, у Гоголя проявляется еще болѣе рѣзко мистическое направленіе, еще болѣе разгорается внутреннее недовольство собой, постоянная тревога, заставлявшая его безпокойно кочевать по бѣлому свѣту.

Въ первыхъ мѣсяцахъ 1843 г. Гоголь жилъ въ Римѣ, осматривалъ всѣ достопримѣчательности вѣчнаго города, любовался до самозабвенія вѣчно-юными, вѣчно-прекрасными произведеніями искусства. Затѣмъ къ веснѣ, съ оживленіемъ окрестностей, онъ дѣлалъ поѣздки въ Компанію, но особенно любилъ Ponte Numentano и Aqua Accitosa, гдѣ обыкновенно ложился на спину и молчалъ. — Зачѣмъ говорить? Тутъ надобно дышать, дышать, втягивать этотъ живительный воздухъ и *благодарить Бога, что столько прекраснаго на свѣтѣ*, обыкновенно отвѣчалъ онъ на докучливыя вопросы. Тутъ же въ Римѣ на страстной недѣлѣ Гоголь говѣлъ и въ немъ замѣтно было особенное *религіозное настроеніе*. Въ храмѣ онъ обыкновенно становился въ отдаленіи отъ другихъ и до такой степени погружался въ молитву, что не замѣчалъ кругомъ никого и ничего. Изъ Рима Гоголь уѣхалъ (май, іюнь) въ Эмсъ повидаться съ Жуковскимъ, а оттуда въ Бадень, гдѣ любилъ шататься по гостинницамъ и по публичнымъ собраніямъ, наблюдая пріѣзжихъ, но избѣгая всякихъ привязанностей. — Я чувствую, писалъ онъ около этого времени одному изъ своихъ друзей, какъ начинаю привязываться къ семейству С***, а этого не слѣдуетъ, *не должно связывать себя*

никакими узами. Но обо всемъ предшествующемъ авторъ неупоминаетъ ни слова.

Если бы г. Уманецъ поглубже занялся психологическимъ анализомъ этого періода жизни Гоголя, то тогда и изданное имъ письмо къ А. С. Данилевскому получило бы должное освѣщеніе, безъ чего статья, за исключеніемъ, разумѣется самихъ писемъ, не имѣетъ никакого значенія. Въ началѣ статьи помѣщена коротенькая биографійка Сварковскаго помѣщика (Черниговской губерніи) Александра Михайловича Маркевича, за которую нельзя не поблагодарить душевно г. Уманца. Среди нашихъ ежедневныхъ извѣстій объ общественной разнузданности и постоянной погони за наживой, отрадно отдохнуть хоть на вѣсколькихъ строкахъ биографіи свѣтлой личности.

Самый существенный вкладъ въ январскую книжку Древ. и Нов. Россіи составляетъ, безспорно, биографическій очеркъ проф. Д. А. Корсакова: князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукой (фаворитъ и оберъ-камергеръ императора Петра II-го).

Для составленія очерка авторъ воспользовался почти всеми изданными и неизданными у насъ матеріалами по этому предмету, и надобно отдать справедливость — воспользовался добросовѣстно. Объективная сторона вообще, по нашему убѣжденію, обработана превосходно, но психологическаго анализа встрѣчается мало и это малое — не совсѣмъ вѣрно. Точно также, по нашему мнѣнію, невѣренъ и основной взглядъ автора на значеніе жизни князя Ивана.

Почтенный профессоръ, не признавая и самъ въ князѣ Иванѣ Алексѣевѣ Долгорукомъ государственнаго дѣятеля, видя, однакожь, въ немъ отраженіе того времени и той среды, въ которой князь жилъ, характеристику той эпохи. Это, кажется, не совсѣмъ вѣрно. Князь Иванъ не былъ лицомъ дѣйствующимъ, не принадлежалъ собственно самъ ни къ какой партіи, не проявлялъ никакого стремленія, оставался чуждымъ современнымъ конъюнктурамъ, которыми характеризовался верхній слой тогдашняго общества. Князь Иванъ былъ просто напросто молодой беззаботный весельчакъ, красавецъ, симпатичный, съ добрымъ сердцемъ, котораго не могла испортить и жажда удовольствій. Такихъ людей встрѣчается

много во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, и если онъ выдѣлился, то единственно по поразительному драматизму своей судьбы и по обстановкѣ.

Для доказательства припомнимъ въ нѣсколькихъ словахъ главныя черты его замѣчательной біографіи.

Князь Иванъ, старшій сынъ князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго, жилъ и получилъ воспитаніе въ Варшавѣ, сначала въ домѣ дѣда Григорья Федоровича Долгорукаго, бывшаго русскимъ посланникомъ при Польскомъ дворѣ, а потомъ въ домѣ дяди Сергѣя Григорьевича, замѣнившего отца по должности посланника. Въ Варшавѣ князь Иванъ пробылъ до пятнадцатилѣтняго своего возраста, и самъ авторъ, уважаемый профессоръ, сознается въ громадномъ вліяніи жизни тогдашняго польскаго общества, жаднаго къ свѣтскимъ удовольствіямъ, къ любовнымъ интригамъ и къ кутежамъ на впечатлительную душу юноши. Данное направленіе отразилось въ жизни князя въ Петербургѣ, а слѣдовательно его можно считать такимъ же представителемъ жизни польской, какъ и русской.

Въ 1723 году князь Иванъ воротился въ Петербургъ, а черезъ два года, при воцареніи Екаторины I-й, назначенъ былъ гофъ-юнкеромъ къ сыну несчастнаго Алексѣя Петровича Петру, будущему наслѣднику престола, а при царствовавшей императрицѣ «незнаемаго нѣкъмъ». Семнадцатилѣтній гофъ-юнкеръ и десятилѣтній Петръ сдружились. Да иначе и не могло быть при отношеніяхъ веселаго, забавнаго, симпатичнаго юноши съ ребенкомъ привязчивымъ, впечатлительнымъ, не видѣвшимъ ласки и привязанности ни отъ кого, кромѣ своего гофъ-юнкера. Александръ Даниловичъ, всемогущій князь Ижорскій, замѣтилъ, но къ своему несчастью уже слишкомъ поздно, опасность для себя отъ этой привязанности и поспѣшилъ отослать князя Ивана въ какой-то отдаленный армейскій полкъ поручикомъ.

Ссылка продолжалась не долго и съ воцареніемъ Петра II князь Иванъ явился при дворѣ всемогущимъ фаворитомъ. Первое послѣдствіе новой перемѣны почувствовали къ горю семья Меншиковыхъ, сосланная въ сентябрѣ 1728 г. въ Ве-

резовъ, и въ радости—семья Долгорукихъ. Прегній любимецъ Иванъ сдѣлался оберъ-камергеромъ, майоромъ гвардіи и награжденъ вдругъ двумя орденами Александра Невскаго и Андрея Первозваннаго. Новая веселая, беззаботная жизнь охватила ребенка—государя и развила въ немъ чувственную сторону. Ребенокъ тринадцати лѣтъ заразъ влюбился и въ тетку свою Елизавету Петровну царевну и въ княжну Долгорукую Екатерину, сестру любимаца, и готовъ былъ влюбиться въ каждую молоденькую хорошенькую дѣвушку.

Какимъ ни былъ безпутнымъ гулякой князь Иванъ, но онъ былъ честенъ и искренно любилъ своего государя—ребенка. Онъ понялъ, что постоянные кутежи погубятъ ребяческія силы и ужъ во всякомъ случаѣ не дадутъ той нравственной высоты, на которой долженъ стоять государь. Подъ вліяніемъ такого честнаго отношенія, онъ сталъ напоминать государю объ ученіи, о нравственномъ долгѣ, сталъ удаляться отъ него, безпутничать и безшабашничать съ товарищами отдѣльно, совершенно устранивъ отъ участія ребенка. Но на сколько былъ честенъ сынъ, то на столько же не честенъ отецъ, князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукой, и если бы непременно требовалось отыскать въ сварливой и недружной семьѣ Долгоруковыхъ представителя среды, то конечно такимъ представителемъ скорѣе може тъ быть самъ отецъ, князь Алексѣй. Этотъ, не обладая ни обширнымъ умомъ, ни добросовѣстностью, весь пропитанный до мозга костей «конъюнктурами» всѣми возможными средствами стремился къ упроченію высокаго положенія своей партіи, къ *занятію перваго мѣста*. Теперь вѣсто сына принялся отецъ за дѣло рязвращенія ребенка, за упроченіе надъ нимъ своего вліянія. Съ этою цѣлью князь Алексѣй Григорьевичъ сталъ постоянно увозить ребенка въ свою подмосковную деревню Горенки на довольно продолжительное время, подъ видомъ охоты, гдѣ и сводилъ его съ своей дочерью Екатериной. И онъ успѣлъ. 30 ноября 1729 года состоялось обрученіе Петра II съ Екатериной, а вслѣдъ за нимъ другое обрученіе князя Ивана, задумавшаго наконецъ остепениться, съ дочерью покойнаго фельдмаршала Шереметева Натальей Борисовной.

Между тѣмъ судьба приготовила для семейства Долгорукихъ тяжкое время. 6 января 1730 года Петръ II заболѣлъ и въ нѣсколько дней болѣзнь приняла размѣры, лишавшіе всякой надежды на выздоровленіе. Тогда-то, въ виду отчаяннаго положенія, князь Алексѣй Григорьевичъ съ близкими своими родичами придумалъ въ случаѣ смерти императора, по не имѣнію прямого наслѣдника, возвести на престолъ свою дочь нарѣченную государыню—невѣсту Екатерину. Съ распоряженіемъ и объявленіемъ объ этомъ составлено было отъ имени больного государя духовное завѣщаніе въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ семейнымъ совѣтомъ поручено было князю Ивану уговорить государя подписать, а другой экземпляръ тогда же подписать подложно князь Иванъ, умѣвшій поразительно сходно подписываться подъ руку государя, на тотъ конецъ еслибы не удалось уговорить императора подписать первый экземпляръ.

Князь Иванъ, какъ онъ говорилъ впоследствии, подписывалъ безъ созванія и даже не читая (ему было тогда 22 года) и такому показанію можно довѣрять, такъ какъ онъ самъ не могъ имѣть особеннаго желанія видѣть на престолѣ сестру Екатерину, съ которою никогда не былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Оба экземпляра духовной князь Иванъ взялъ себѣ, но, не сдѣлавъ изъ нихъ никакого употребленія, уничтожилъ 20 января, когда рѣшено было избраніе въ преемники императору герцогини Курляндской Анна Иоанновна.

Вотъ все, въ чемъ заключалось участіе князя Ивана на политическомъ поприщѣ, и мы видимъ, что эта дѣятельность при совершенной своеобразности своей никакимъ образомъ не можетъ выражать собою придворнаго типа того времени. Мы не можемъ видѣть въ жизни собственно самого князя Ивана типа его времени и среды, хотя согласны, что изучая жизнь подобныхъ людей, изучаемъ современную имъ эпоху и среду, такъ какъ каждая отдѣльная личность — часть цѣлаго.

О дальнѣйшей трагической судьбѣ князя Ивана мы скажемъ для дополненія только два слова. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ восшествія на престолъ Анны Иоанновны, состоялись указы: 9 апрѣля о высылкѣ князя Алексѣя Григорья-

вича съ дѣтьми въ ихъ дальнѣйшія деревни, 15 мая объ отобраніи у нихъ кавалерій и камергерскаго ключа, а наконецъ 12 іюня о ссылкѣ въ Березовъ. Сибирская жизнь князя Ивана подробно описана авторомъ, но она, представляя высокій психологическій интересъ, не имѣетъ особенно важнаго историческаго значенія. Скажемъ только, что въ Березовѣ князь Иванъ снова выказался прежнимъ гулякой и кутилой, что окончательно и погубило его.

Пируя на кутежахъ у мѣстныхъ обывателей и караульныхъ офицеровъ, онъ часто рѣзко и непечатными словами выражался объ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, о чемъ наконецъ и было донесено начальству однимъ изъ отвергнутыхъ и оскорбленныхъ обожателей «разрушенной государыни — невѣсты» Екатерины подъячимъ Тишинымъ. По этому доносу князя Ивана перевезли сначала въ Тобольскъ, а потомъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ и допрашивали о составленіи подложной духовной и о зловредительныхъ выраженіяхъ про императрицу, съ мучительными пытками.

Князь Иванъ колесованъ 3 ноября 1739 года въ окрестностяхъ Новгорода.

Матеріалы, замѣтки и новости.

Возникновеніе «Божьяго мира» въ западной Европѣ и его историческое значеніе.

Учрежденіе «Божьяго мира» представляетъ собою одно изъ отрадныхъ и свѣтлыхъ явленій средневѣковой исторіи, отличавшейся вообще грубымъ деспотизмомъ и невѣжествомъ;— это былъ протестъ людей благомыслящихъ отъ лица церкви противъ господствовавшихъ всюду анархій и насилія, протестъ въ защиту угнетенныхъ и безпомощныхъ. Явившись въ одну изъ самыхъ мрачныхъ эпохъ средневѣковой исторіи (X—XII в.), учрежденіе это служило единственнымъ отпоромъ тому злу, которое бичевало тогдашнее общество и являлось какъ-бы провозвѣстникомъ новой исторіи порядка и мира.

Возникновеніе Божьяго мира обусловливалось политико—общественнымъ строемъ тогдашней западной Европы, а потому, чтобы вполне понять его, необходимо сначала коснуться самаго этого строя. Строй этотъ характеризуется общимъ названіемъ феодализма, соединявшаго въ себѣ величайшее единство съ величайшею дробностію. Вся западная Европа, съ одной стороны, имѣла во главѣ одного императора, съ другой—каждый незначительный владѣтель замка пользовалъ-

ся всѣми правами верховнаго властителя. Такая двойственность въ политическомъ строѣ поддерживалась и вытекала изъ двойственности элементовъ западно-европейскаго общества. Преданія римской имперіи и духъ католицизма поддерживали единство, а различіе расъ, обособленность мѣстныхъ интересовъ, зависѣвшая отъ отсутствія общей цивилизаци, требовали отдѣльной и самостоятельной жизни для каждаго уголка земли. Карлъ великій, объединивши подъ своею властію западную Европу, доставилъ тѣмъ торжество римскимъ и католическимъ идеямъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не могъ не удовлетворить и различію расъ, раздѣливъ имперію между своими сыновьями. Конечно, это дѣленіе на области сначала имѣло характеръ административнаго дѣленія, но потомъ, при слабыхъ преемникахъ Карла в., оно повело къ распаденію монархіи и къ образованію цѣлаго ряда самостоятельныхъ государствъ и государей, связанныхъ между собою часто внѣшнею, такъ называемою вассальною зависимостію. Высшую степень этихъ подраздѣленій составляли королевства, за тѣмъ слѣдовали герцогства, графства и баронства. Центральная власть все болѣе и болѣе слабѣла, съуживалась въ своихъ правахъ и переходила въ руки феодальныхъ владѣтелей, пока наконецъ не сдѣлалась ихъ наследственною собственностію. Феодальные владѣтели становятся такими же самостоятельными государями, какъ король и самъ императоръ, только власть ихъ распространяется на меньшія пространства земли: въ ихъ рукахъ была военная сила—главная основа политическаго могущества, сборъ податей и укрѣпленные замки. При такой обособленности и независимости феодаловъ, преслѣдовавшихъ лишь свои личные интересы, общая связь между ними необходимо должна была быть слабою, едва чувствовалась и легко разрывалась. Не признавая надъ собою центральной верховной власти, феодалы не признавали въ своихъ владѣніяхъ и высшей законодательной власти, которая могла—бы урядить ихъ отношенія и рѣшать ихъ споры на основаніи началъ законности и правды. Капитуляріи Карла простого въ IX в. были послѣднимъ проявленіемъ дѣятельности центральной законодательной власти;

съ этого времени не было болѣе общихъ законовъ, ни гражданскихъ, ни политическихъ. Ясно, что подобный строй могъ только вести къ анархіи и насилию. Каждый феодалъ, обиженный другимъ, могъ искать правды только оружіемъ, и это считалось вполне справедливымъ и законнымъ. Здѣсь-то и скрывается причина тѣхъ постоянныхъ войнъ, которыя свирѣпствовали во всѣхъ углахъ феодальной Европы и были величайшимъ бѣдствіемъ своего времени. Право частной войны становится законною принадлежностію верховной власти каждаго феодала, и частныя войны дѣлаются обычнымъ явленіемъ этой мрачной эпохи. Понятно, что подобныя войны феодаловъ между собою, одной провинціи съ другою, города съ городомъ, замка съ замкомъ, деревни съ деревней, подрывали въ самомъ корнѣ благосостояніе земледѣльца, уничтожали всякую промышленность и торговлю и весьма вредно вліяли на нравственное состояніе общества. Скоро войны сдѣлались не только средствомъ для обезпеченія себя и своей собственности, но и средствомъ для обогащенія на чужой счетъ. Феодалы занялись открытымъ грабежомъ и разбоемъ по дорогамъ. Такимъ образомъ, сила, бывшая единственнымъ источникомъ права, стала сама поирать его и перешла въ грубое насилие. Никто не могъ считать себя безопаснымъ въ эту пору анархіи и своеволія, особенно тотъ, кто своимъ богатствомъ возбуждалъ алчность сильныхъ. Даже церкви и церковныя имущества нерѣдко дѣлались добычею грабителей—феодаловъ. Вотъ какъ рисуется одинъ изъ современниковъ картину тогдашняго общественнаго состоянія: «Имперія была добычею смятеній и несклончаемыхъ междоусобій. Только и слышно было о грабежахъ, совершенныхъ на большихъ дорогахъ. Пожары были безчисленны, и войны свирѣпствовали всюду, возбуждаемыя единственно ненасытною жадностію. Кратко сказать, жадные феодалы не уважали никакой собственности и предавались грабежу съ необузданною смѣлостію.» *)

---

*) Изъ хроникъ монаха Рикера во II т. исторіи ср. вѣковъ Стасюлевича, 625 стр.

Центральная власть по своей слабости и крайней ограниченности своего вліянія на феодаловъ не могла положить предѣлъ анархіи и насилію. Нельзя было ожидать этого и со стороны народной массы, потому что она находилась или въ полномъ рабствѣ у феодаловъ, или въ поземельной зависимости отъ нихъ; при томъ же масса никогда не можетъ дѣйствовать сама по себѣ, безъ руководителя. Только со стороны церкви и ея представителей обнаружился протестъ противъ общественной безурядицы и явилась попытка ограничить своеволие феодаловъ. Церковь, въ лицѣ своихъ представителей, была другою силою времени на равнѣ съ феодализмомъ. Духовенство имѣло значеніе не только въ своей области, но и въ свѣтской, принимало участіе даже въ феодальномъ укладѣ и владѣло само помѣстьями. Церковь была представительницею единства, порядка и законности, а потому разладица общественной жизни, деспотизмъ и насиліе феодаловъ, опустошительныя войны и грабежи должны были вызвать открытый протестъ съ ея стороны. Но кромѣ противорѣчія понятіямъ и принципамъ церкви, средневѣковый строй затрогивалъ и внѣшній бытъ ея — поземельную собственность и имуществва, дѣлавшіяся не рѣдко добычею алчныхъ феодаловъ.— Въ силу всего этого протестъ со стороны церкви и ея представителей необходимо долженъ былъ обнаружиться, и онъ дѣйствительно скоро обнаружился. Сначала это былъ протестъ только отдѣльныхъ личностей, на которыхъ феодальный строй производилъ особенно тяжкое впечатлѣніе и пробуждалъ въ ихъ душѣ желаніе лучшаго. Увлеченные этой идеей лучшаго, они стремились возвѣстить ее міру и содѣйствовать возстановленію на землѣ мира и тишины путемъ проповѣди. Проповѣдь ихъ имѣла иногда успѣхъ въ средѣ даже феодаловъ и нѣкоторыхъ обратила на путь истинный. Но понятно, что усилія отдѣльныхъ личностей были слишкомъ слабы, чтобы прямо и непосредственно вліять на печальное состояніе общества. Здѣсь нужны были болѣе рѣшительныя мѣры: направленныя притомъ не на отдѣльныя личности, а на цѣлое общество. Это и произошло, когда инициатива взведенія мира и порядка въ обществѣ перешла отъ отдѣльныхъ личностей

въ самой церкви и вызвала со стороны ея учрежденіе Божьяго мира. Учрежденіе это носило чисто церковный характеръ и имѣло цѣлью—силою религіи пополнить существующій недостатокъ правосудія и церковными заповѣдями ограничить грубый произволъ и насилія феодаловъ. Авторитетъ церкви могъ сообщить постановленіямъ Божьяго мира характеръ и всеобщности и обязательности для всѣхъ христіанъ и тѣмъ поставить ихъ выше національныхъ законовъ, дѣйствія которыхъ феодалы не признавали въ своихъ владѣніяхъ. Такимъ путемъ церковь стремилась защитить себя и угнетенный народъ и поддержать общественную тишину и спокойствіе. Опоры для выполненія своихъ плановъ церковь искала въ самой себѣ и дѣйствовала сначала путемъ проповѣдей и соборовъ, а потомъ склонила на свою сторону народную массу и тѣмъ болѣе обезпечила успѣхъ своего предпріятія.

Первыя попытки къ учрежденію Божьяго мира относятся къ концу X в. и мѣстомъ его возникновенія была Франція. Стѣсненное положеніе самой церкви, разореніе и разграбленіе ея имѣній побудило духовенство сначала выступить на защиту себя и своихъ имѣній. Въ 989 г. въ монастырѣ Шарру (въ провинціи Пуату, гдѣ особенно часто происходило ограбленіе церквей и монастырей) созванъ былъ соборъ, на которомъ въ первый разъ преданы были анаемѣ хищники церковнаго имущества и всѣ тѣ, которые нападаютъ на безоружныхъ клириковъ. Соборное постановленіе начиналось такъ: «дано сіе во имя Господа и І. Христа нашего Спасителя, въ іюльскія календы, мною Гомбодомъ, архіепископомъ Второй Аквитаніи, совокупно съ епископами провинціи, прибывшими ко мнѣ въ Шарру, и въ присутствіи клириковъ, монаховъ и христіанъ обоаго пола. Кто вторгнется въ церковь или насильственно возьметъ что нибудь оттуда, тотъ да будетъ проклятъ, если не дастъ удовлетворенія. Да будетъ проклятъ и тотъ, кто похищаетъ овецъ, быковъ и вообще имущество у поселянъ и бѣдныхъ людей. Да постигнетъ проклятіе церкви и тѣхъ, кто нападаетъ на безоружныхъ клириковъ и оскор-

бляеть ихъ *). Въ 990 году собранъ былъ новый соборъ въ Нарбоннѣ, который тоже разразился анаемой противъ бароновъ, грабившихъ церковное имущество и не дававшихъ никому пощады **). Но эти первыя попытки со стороны церкви—дать отпоръ своеволію феодаловъ путемъ однихъ духовныхъ мѣръ—имѣли сомнительный успѣхъ и привели къ незначительнымъ результатамъ. Дѣло въ томъ, что мѣры эти—грозное проклятіе и отлученіе отъ церкви—могли дѣйствительно произвести на нѣкоторыхъ сильное впечатлѣніе и пробудить чувство суевѣрнаго страха, но и только; ограничить же своеволія и грабежи феодаловъ онѣ были не въ силахъ въ ту эпоху, когда уважалось только право сильного. Тѣмъ не менѣе церковь не оставляла начатаго благаго дѣла и, воспользовавшись благоприятными обстоятельствами, стала дѣйствовать еще съ большею энергей и съ большимъ успѣхомъ.

Въ это время на западную Европу обрушились страшныя естественныя бѣдствія—эпидеміи и голодъ, которые еще болѣе увеличили страданія средневѣковаго общества. На смѣну опустошительной моровой язвы появился въ началѣ XI в. страшный голодъ, продолжавшійся цѣлыхъ три года. «Человѣчеству, говоритъ современникъ, монахъ Радульфъ Глаберъ, угрожала близкая гибель.... Божья кара постигла людей за ихъ злобу. Сильныя земли, люди средніе и бѣдняки равно всѣ испытывали голодъ, и чело у всѣхъ покрылось блѣдностію; насилія и жестокости бароновъ смолкли предъ всеобщимъ голодомъ... Для утоленія голода выкапывали изъ земли корни, собирали травы и даже пожирали падалъ. Голодъ породилъ непримѣрную жестокость, и люди ѣли мясо людей» ***). Такие ужасы должны были производить потрясающее дѣйствіе на современниковъ и пробудить въ нихъ сильную религіозность; нѣкоторые приходили даже къ мысли о скорой кончинѣ міра. Духовенство воспользовалось подобнымъ настроеніемъ

*) Исторія сред. вѣковъ Стасюлевича II т. 950 ст. и Исторія Вебера II 270 стр.

**) Ibid

***) Ист. Стасюлевича II т. 945—946 стр.

общества, стало проводить мысль, что это гнѣвъ Божій караетъ людей и хочетъ вразумить и обратить ихъ на истинный путь; въ числѣ эпитимій оно поставило необходимымъ условіемъ для искупленія грѣховъ воздержаніе отъ раздоровъ и грабежей. Теперь это воззваніе церкви пріобрѣтаетъ больше вліянія и успѣха; и слова мира принимаются всѣми съ радостію; общество само жаждало мира и спокойствія послѣ такихъ страшныхъ бѣдствій. Повсюду стали составляться соборы для совѣщанія о благѣ общества; болѣе точно были опредѣлены постановленія Божьяго мира, ясно говорившія о цѣли, которую поставила себѣ церковь, и о энергическихъ мѣрахъ, къ которымъ она рѣшилась прибѣгнуть. Миръ опредѣленъ былъ на нѣсколько лѣтъ обязательно для всѣхъ. Никто не долженъ былъ въ это время братья за оружіе ни для возвращенія отнятаго, ни для мщенія за обиду; даже убійцамъ должно было прощать. Ослушники должны были подвергнуться отлученію отъ церкви и общества. Таковъ былъ характеръ постановленій о Божьемъ мирѣ, между прочимъ, на соборѣ, бывшемъ въ 1031 г. въ Лиможѣ, подъ предсѣдательствомъ архіеп. Иордана. Въ своей проповѣди, призывая народъ соединиться въ одинъ союзъ мира, архіепископъ говорилъ: «да не дерзнетъ никто, мстя за свою обиду, вредить кому-нибудь изъ участвующихъ на этомъ соборѣ; пусть его имущество и домъ остаются неприкосновенными... Никакое возмущеніе не должно происходить въ городѣ или внѣ его, и никто не долженъ заниматься грабежемъ; запрещено вступать въ войну, какъ то дѣлается обыкновенно, и даже по поводу, признаваемому законнымъ; всякій долженъ искать здѣсь мира, потому что наше собраніе есть собраніе божеское для установленія мира.» *) Къ этому союзу мира должны были пристать и бароны Лиможа; за ослушаніе же ихъ ожидала анафема.

При возбужденномъ религіозномъ настроеніи общества призывъ церкви къ миру принять былъ за голосъ свыше; на-

*) Ист. Стаскл. II т. 951—952 стр.

родъ взялся за это дѣло съ энтузіазмомъ и клялся исполнить обѣты мира. Казалось, что общество нравственно переродилось и хотѣло загладить свое прошлое. Но очевидно, что такое искусственно возбужденное настроеніе и рѣшимость общества не могли быть прочными и продолжительными. Съ жаромъ схватившись за идею вѣчнаго и всеобщаго мира, общество въ чаду увлеченія забыло дѣйствительность, которая стояла въ рѣзкой противоположности съ его мечтами.

Воинственный духъ времени, вошедшій въ плоть и кровь средневѣковаго общества, не могъ быть такъ легко и скоро уничтоженъ. Въ силу этого желанія и обѣты вѣчнаго и всеобщаго мира Божія остались только прекрасными мечтами и не перешли въ дѣйствительность. Эту мечтательную сторону дѣятельности соборовъ и общества (первой половины XI в.) не могли не замѣтить люди, смотрѣвшіе на дѣло болѣе спокойно. «Безусловно велѣть (говорить еп. Камберійскій Жерардъ) прощать обиды и запрещать возмездіе—дѣло невозможное. Когда совершено убійство, нужно подвергать виновнаго должному наказанію; воспрещать обиженной сторонѣ домогаться своихъ правъ значитъ только раздражать страсть мщенія, а не успокаивать ее.» Онъ же предсказывалъ, что всѣ, поклявшіеся въ сохраненіи этого невозможнаго мира, окажутся клятвopеступниками. Это предсказаніе дѣйствительно скоро сбылось. Религіозное воодушевленіе скоро ослабѣло, и общество, забывъ свои обѣты и клятвы мира, воротилось къ прежней жизни. Церковь вооружилась было противъ нарушителей мира грознымъ иптердиктомъ, но безуспѣшно. Мѣра эта ложилась всею своею тяжестью на низшіе только классы и была бессильна противъ главныхъ нарушителей мира; кромѣ того, она была опасна для самой церкви, потому что могла вооружить противъ нея не только феодаловъ, но и господствующій духъ времени и общества. Церковь, впрочемъ, сама стала сознавать, что проектируемый ею вѣчный и всеобщій миръ Божій не могъ вполнѣ осуществиться въ такомъ обществѣ, которое не признавало высшей верховной власти и не имѣло общихъ законовъ, что необходимо сдѣлать уступку

господствующему воинственному духу времени и ограничить свои требованія относительно мира Божія. Вслѣдствіе этого церковь, не упуская изъ виду своей прежней высокой цѣли—вѣчно евангельскаго мира, рѣшилась на первый разъ избрать для себя цѣль болѣе практическую и достижимую; именно она рѣшилась дать обществу по крайней мѣрѣ перемиріе во имя Бога, получившее особое названіе *Treuga Dei*. *) Безусловно запретить частную войну для феодаловъ было невозможно, потому что она составляла въ то время ихъ законное право, церковь поэтому стремилась теперь только ограничить продолжительность и опустошительность этихъ войнъ извѣстнымъ срокомъ—это и было *Treuga Dei*. Вѣчный же Божій миръ—*Pax Dei*, какъ не приложимый всецѣло къ тогдашней жизни, былъ ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ: по соборнымъ постановленіямъ вѣчнымъ миромъ пользовались только церкви, клирики, монахи и монахини, кладбища, монастыри, дѣти, странники, женщины, земледѣльцы и ихъ орудія. Съ подобною задачею болѣе ограниченою, но и болѣе практической, церковь выступила въ концѣ первой и во второй половинѣ XI в.

Въ первый разъ идея Божьяго перемирія была развита подробно на *Тюльозскомъ* соборѣ 1041 г.; главными дѣятелями были здѣсь Одилонъ, аббатъ монастыря Клюньи и епископы Арльскій и Авиньонскій. Постановленія, выработанныя на этомъ соборѣ, послужили образцомъ для послѣдующихъ соборовъ, напр. Нарбонскаго 1051 г., Клермонтскаго 1096 г. и др. **). Правила этихъ соборовъ касались главнымъ образомъ частныхъ войнъ и были направлены къ ограниченію ихъ продолжительности и опустошительности. Такъ, опредѣлены были извѣстные дни, въ которые должны были прекращаться частныя войны и утихать сцены насилія и разбоя: сюда принадлежали дни отъ вечера среды до утра понедѣльника, дни страданія, смерти и воскресенія Спасителя (потомъ срокъ

*) См. примѣч. на 949 ст. исторія Стасюлевича II т.

**) Постановленія этихъ соборовъ см. у Стасюлевича т. 954—962 стр.

этотъ былъ ограниченъ воскресеньемъ и двумя ночами предъ нимъ и послѣ него), различныя священныя времена—посты предъ праздникомъ Р. и В. Христа, дни религиозныхъ празднествъ и торжествъ, дни мѣстныхъ патроновъ и др. Определены были также правила для ограниченія опустошительности частныхъ войнъ; такъ, указаны были священныя мѣста, пользовавшіяся постояннымъ миромъ и неприкосновенностію, напр. храмы, монастыри, церковныя земли и жилища крестьянъ; была определена неприкосновенность мирныхъ, трудящихся членовъ общества, а также слабыхъ и беззащитныхъ—духовенства, женщинъ, дѣтей, купцовъ, земледѣльцовъ и ихъ орудія. Все это должно было пользоваться вѣчнымъ миромъ (Pax Dei). Никто, говорилось на Тюльжскомъ соборѣ, не смѣетъ вторгаться силою въ церковь, ни на кладбище, ни въ зданія, которыя построены около церкви на разстояніи 30 шаговъ. Никто не смѣетъ нападать на клириковъ, монаховъ и монахинь, причинять имъ зло, грабить общины канониковъ, церковныя земли. Запрещено было отнимать воловницъ и жеребятъ, быковъ, коровъ, ословъ и т. д. запрещено было сожигать или разрушать жилища крестьянъ или клириковъ. Никто не смѣетъ умерщвлять, бить, увѣчить крестьянина, раба и его жену, ни брать ихъ и уводить; если они сдѣлали преступленіе, то въ этомъ случаѣ они должны быть представлены на судъ. *)

Эти постановленія Божьяго перемирія были болѣе приложимы къ жизни тогдашняго общества и потому сопровождались большимъ успѣхомъ. Но ограничивъ свои требованія относительно Божьяго мира, церковь, съ другой стороны, усилила средства и силы для выполненія ихъ, и это, конечно, не могло не вліять на успѣхъ дѣла. Прежде, какъ мы видѣли, церковь, не имѣя поддержки со стороны верховной власти, искала опоры въ самой себѣ, дѣйствуя путемъ проповѣдей и соборовъ и наказывая ослушниковъ и нарушителей

---

*) Ист. Стасюл. II т. 955 стр.

мира только церковными мѣрами, все это однако не могло вполне обезпечить успѣхъ дѣла. Теперь же церковь поняла необходимость болѣе прочной опоры и прибѣгла къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ; именно—сдѣлала воззваніе къ самому народу, образовала изъ него родъ вооруженной ассоціаціи, члены которой давали обѣтъ дѣйствовать мечемъ противъ всѣхъ нарушителей мира и особенно защищать церковь и ея служителей. Такимъ образомъ, церковь нашла себѣ опору противъ насилія феодаловъ въ народной массѣ, призвавъ ее къ участию въ установленіи законности и порядка въ обществѣ и противопоставивъ эту новую силу средневѣковому феодализму. Эта ассоціація духовенства и народа привлекла въ свой союзъ мира даже феодаловъ, которые обыкновенно приводить въ исполненіе опредѣленія соборовъ и наказывать ослушниковъ; для вознагражденія ихъ были наложены особыя подати, собираемыя епископами и феодалами и извѣстныя подъ именемъ *pagiagium* или *pagiagium* (отъ *pag*, миръ) *). На Тюльжскомъ соборѣ за нарушеніе Божьяго мира или перемирія опредѣлены были, кромѣ церковныхъ наказаній, и наказанія мірскія—штрафъ, судъ «холодной водой», изгнаніе изъ отечества. Въ декретѣ же о Божьемъ мирѣ Клермонтскаго собора прямо сказано было, что графы и прочіе члены союза мира обязаны оружіемъ преслѣдовать нарушителей мира **). Въ послѣдствіи къ союзу мира применила и верховная власть, находя въ этомъ очевидную для себя пользу. Приобрѣтши болѣе прочныя опоры и проникнувъ въ народныя массы, мировыя учрежденія получили и болѣе широкое развитіе. Божій миръ пересталъ быть теперь предметомъ совѣщаній мѣстныхъ только соборовъ провинціальныхъ епископовъ, но сдѣлался предметомъ обсужденія вселенскихъ соборовъ и охватилъ собою весь западный христіанскій міръ. Таковъ былъ Божій миръ, провозглашенный на Клермонт-

---

*) Ист. Стасюл. II т. 953 ст.

**) Ibid 954 и 960 стр.

скомъ соборѣ 1096 г., на канунѣ отбитія пилигримовъ въ первый крестовый походъ. Важно здѣсь было то, что на этомъ соборѣ глава западной церкви Урбанъ II впервые призналъ обязательнымъ Божій миръ для всѣхъ христіанъ западной Европы. *) Подтвержденный еще на нѣсколькихъ соборахъ, миръ Божій внесенъ былъ наконецъ въ каноническое право, какъ всеобщее церковное установленіе, и получилъ всеобщее приложеніе не только во всей Франціи, но и вѣдъ предѣловъ ея—въ Германіи, Италіи, Англии и Испаніи. Еще Генрихъ III старался дать въ Германіи силу постановленіямъ Божьяго мира, но честь введенія его (Б. мира) здѣсь принадлежитъ Бельнскому архіепископу Сигину. Въ Англии и южной Италіи миръ Божій былъ введенъ преимущественно подъ покровительствомъ нормандскихъ вельможъ **). Важное значеніе учрежденія Божьяго мира для западной Европы несомнѣнно. Это учрежденіе нанесло первый ударъ деспотизму и своеволю феодаловъ и было единственною опорой и защитой для безпомощнаго и угнетеннаго народа; оно дало Европѣ неприкосновенность лица и имущества по крайней мѣрѣ на нѣсколько недѣль въ году, когда еще не было возможности пользоваться безопасностію въ теченіи цѣлаго года. Это была первая попытка къ утвержденію законности и порядка, попытка со стороны самаго общества, первый толчекъ и призывъ къ болѣе нормальной и разумной жизни. Будучи сначала достояніемъ лучшихъ только умовъ, идеи мира и порядка черезъ учрежденіе Божьяго мира мало по малу проникли въ массы народа и наконецъ кладутся въ основу новой общественной жизни. Но понятно, что постановленія Божьяго мира, имѣвшія значеніе въ эпоху анархіи и своеволія феодаловъ, съ теченіемъ времени, когда политическій строй западной Европы улучшился, не могли уже удовлетворять общество и должны были замѣниться другими болѣе мощными учрежденіями и

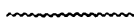
---

*) Всеобщ. исторія Вебера II т. 208 стр.

*) *ibid.*

постановленіями. Такъ, въ концу XII в. Божій миръ въ своемъ цѣломъ видѣ дѣлается уже устарѣлымъ учрежденіемъ, имѣвшимъ только историческій смыслъ. Тѣмъ не менѣе, тѣ постановленія Божьяго мира, которыя внесены были въ новыя правила о мирѣ и въ новыя юридическіе уставы, сохранили свою силу и значеніе и въ позднѣйшую эпоху.

Д. Щегловъ.

жіемъ, съѣстными припасами, и лагерь бѣглецовъ дѣлался опаснымъ. Нормандцы, водворенные на востокѣ Англіи, настойчиво призывали Вильгельма; ихъ замки становились для нихъ настоящей тюрьмой, изъ которой они не смѣли выходить. Геревардъ убивалъ или оставалъ и бралъ выкупъ.

Вильгельмъ пошелъ въ главѣ своей арміи на лагерь бѣглецовъ. Болота и топкая почва служили Саксамъ самыми лучшими природными укрѣпленіями. Лошади тяжело вооруженныхъ Нормандцевъ не могли держаться твердо на зыбкой почвѣ; останавливаемыя на каждомъ шагу естественными преградами, они подвигались осторожно и медленно. Вильгельмъ заставилъ очищать дорогу, строить мосты и плотины.

Лагерь бѣглецовъ, не смотря на тѣсную блокаду и удаленіе отъ всѣхъ ресурсовъ, упорно выдерживалъ осаду. Геревардъ и его товарищи были сильны, горды и настойчивы. Но измѣна, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ успѣшнаго сопротивленія, погубила смѣлаго вождя и партизановъ. Нѣсколько монаховъ, отъ страха умеревъ съ голоду, предложили Нормандцамъ открыть путь съ условіемъ, чтобъ ихъ монастырь, ихъ личности и ихъ имущества были уважены. Эта измѣна положила конецъ геройской преданности бѣглецовъ Эли: они были или перерѣзаны или уведены въ плѣнъ. Едвинъ и Моркаръ, трижды нарушавшіе клятву вѣрности, были—первый убитъ въ стычкѣ, другой уведенъ заложникомъ и брошенъ въ надежную тюрьму. Геревардъ отказался сдаться и, благодаря своей смѣлости и ловкости, ускользнулъ отъ непріятеля. И долго еще его страшное имя охраняло наслѣдственный замокъ Геревардовъ, служившаго вѣрнымъ убѣжищемъ для несчастныхъ Саксовъ.

Что же касается до монаховъ, подлое малодушіе которыхъ стоило жизни столькимъ доблестнымъ воинамъ и лишило послѣдней надежды угнетенное отечество, то они получили достойную награду. Ихъ церкви были ограблены, монастырь занятъ нормандскимъ отрядомъ, а земли обложены тяжелымъ налогомъ.

Какъ обыкновенно бываетъ, послѣ напряженнаго неудачнаго усилія — побѣдители и побѣжденные въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ оставались въ полномъ бездѣйствіи. Во-

семь лѣтъ отчаянныхъ кровавыхъ битвъ только еще болѣе утвердили власть завоевателей. Конечно можно было составлять заговоры, убивать Нормандцевъ по крѣпостямъ, могли возставать графства, но не могло быть войны гражданской, твердой, продолжительной и съ надеждой на успѣхъ. Сакская раса не истребилась, но она покорилась расѣ нормандской. Вѣрный геній Вильгельма задумалъ предпріятіе, а настойчивый и смѣлый народъ его исполнилъ. Съ конца 1074 года обладаніе Англіей упрочилось за побѣдителями, и уже болѣе не было серьезнаго возстанія.

Благородный англійскій сеньеръ Ральфъ графъ Норфольскій предложилъ руку Эммѣ дочери Вильгельма, сына Осберна, нѣкогда вѣрнаго совѣтника герцога. Незадолго передъ этимъ Эмма потеряла отца во Фландріи, а братъ ея Рожеръ, графъ Герфордскій, одобрялъ это супружество. Но король Вильгельмъ, неизвѣстно по какой причинѣ, не далъ согласія; мало того, изъ Нормандіи, гдѣ онъ находился тогда для усмиренія Мансонцевъ, онъ прислалъ даже положительное запрещеніе. Однако ни молодая дѣвушка, ни ея братъ, ни женихъ не обратили на это вниманія. Напротивъ, какъ будто въ насмѣшку надъ отсутствующимъ государемъ, великолѣпный свадебный пиръ соединилъ всѣхъ окрестныхъ сеньеровъ. На пиру весьма рѣзко проявилось неудовольствіе Ральфа Норфолькскаго и Рожера Герфордскаго. Заочно они осыпали Вильгельма всѣми возможными оскорбленіями, упреками въ жестокости и тираніи. «Онъ не достоинъ носить высокое званіе короля, говорили они, онъ побочный сынъ. Господь не можетъ даровать такому человѣку прекрасное англійское государство. Безъ малѣйшихъ поводовъ онъ оказывается неблагодарнымъ ко всѣмъ почти проливавшимъ за него кровь. Онъ гнусенъ всѣмъ, онъ падеть, и смерть его наполнить радостью весь міръ». При такихъ рѣчахъ снова раскрылась ненависть, всегда присущая сердцамъ Саксовъ; неудовольствіе нѣсколькихъ нормандскихъ сеньеровъ приняло видъ возстанія, и всѣ единодушно клялись снова взяться за оружіе для ниспроверженія Нормандца, незаконно похитившаго престолъ. Пригласили Вальтофа присоединиться къ нему. Свѣчала онъ отказался, ссылаясь на свое супружество

съ племянницей короля и на полученныя милости, но кажется (Ордеръ Виталь и Матвѣй Пари по этому поводу разногласятъ) старая ненависть Сакса пересилила въ немъ чувства родства и благодарности. Онъ поднялъ оружіе противъ Вильгельма.

Въ Норвичѣ, считавшемся сильною крѣпостью, соединились Ральфъ Норфолькскій, Рожеръ Герфордскій, Вальтофъ и ихъ дружины. Епископъ Едъ, епископъ Бутанскій и епископъ Варенскій начали осаду. Описывая Вильгельму, бывшему еще въ Нормандіи, возстаніе мятежниковъ, они умоляли его не спѣшить къ нимъ на помощь и предоставить имъ славу истребленія горсти измѣнниковъ и разбойниковъ. Осада затянулась, — но наконецъ заговорщики были побѣждены. Норвичъ сдался королю; графъ Ральфъ убѣжалъ въ Бретань, а Рожеръ Герфордскій заключенъ въ тюрьму. Вильгельму, по возвращеніи въ Англію, буквально передали высокоумѣрные и оскорбительныя отзывы этого сеньера, не перестававшаго и изъ тюрьмы осипать его ругательствами. «Клянусь Богомъ, вскричалъ Вильгельмъ, этотъ человекъ не выйдетъ изъ тюрьмы, пока я живъ». Приговоръ исполнился въ точности, — только послѣ смерти короля, Рожеръ вышелъ изъ тюрьмы — мертвымъ.

Вильгельмъ призвалъ Вальтофа къ себѣ. Его жена изъ первыхъ обвиняла въ измѣнѣ. Она передавала, будто мужъ ея убѣждалъ Датчанъ оказать помощь Саксамъ. Но по этому обвиненію по крайней мѣрѣ Вальтофъ могъ считать себя совершенно невиннымъ. Процессъ продолжался долго, мѣсяціи раздѣлились, и узникъ болѣе года содержался въ Винчестерской тюрьмѣ. Вальтофъ рѣзко выдѣлялся изъ общей среды, какъ изящной наружностью, такъ и всѣмъ извѣстнымъ великодушіемъ. Вѣрный служитель Бога, по сказанію лѣтописца, онъ былъ любимъ всѣми и въ продолженіи всего процесса за него слышались постоянно настойчивыя просьбы.

Вильгельмъ, послѣ столькихъ клятвенарушеній, конечно, не могъ согласиться на оправданіе; даже самое благоразуміе короля требовало гибели вліятельнаго вождя. Къ тому же и Нормандцы не могли не желать его смерти; они мечтали овладѣть его имуществомъ и званіемъ. Вальтофа осудили на смерть и не допустили ни малѣйшей отсрочки. Простой раз-

сказъ Ордера Витала о подробностяхъ казни характеристично выражаетъ впечатлѣніе, произведенное въ Англїи казнью Вальтофа.

«Когда народъ еще спалъ, на разсвѣтѣ, Вальтофа вывели изъ города Винчестера на гору, гдѣ находилась церковь св. Жила. Вальтофъ раздѣлилъ духовнымъ и бѣднымъ, случайно находившимся тутъ, свои одежды. Простершись на землѣ, онъ долго съ рыданіемъ и слезами молилъ Господа о прощенїи грѣховъ. Палачи, опасаясь, чтобъ проснувшіеся горожане не освободили осужденнаго и не истребили королевской стражи, обратились къ графу съ слѣдующими словами: встаньте, мы должны исполнить приказаніе нашего государя. Вальтофъ отвѣчалъ: Ради Бога дайте мнѣ минуту въ послѣдній разъ помолиться за васъ и за себя. Ему позволили. Поднявъ голову, предлонивъ колѣни и обративъ глаза и руки къ небу, графъ началъ говорить громко: Отче нашъ иже еси на небеса... Когда онъ дошелъ до послѣднаго стиха, когда онъ сказалъ— не введи насъ во искушеніе, обильныя слезы не дали ему закончить молитвы. Палачъ не хотѣлъ ожидать далѣе: взмахнувъ мечемъ, силой одного удара онъ отрубилъ голову графу, и уже отрубленная голова совершенно внятно окончила послѣдній стихъ молитвы: но избави насъ отъ лукаваго, аминь. Такъ казненъ Вальтофъ въ Винчестерѣ утромъ 30 апрѣля 1075 г.» Тамъ же, безъ всякаго отличія, тѣло его было брошено въ ровъ и покрыто газономъ. Проснувшись, горожане по слуху узнали о совершившейся казни и сильно опечалились. Мужчины и женщины громкими воплями оплакивали несчастную судьбу графа Вальтофа.

Народное чувство, живо затронутое смертью благороднаго Сакса, высказалось въ чудесахъ, приписываемыхъ казненному, какъ святому мученику. Черезъ пятнадцать дней послѣ совершенія казни, монахи аббатства Круаланда, погребавшіе по порученію короля тѣло казненнаго, рассказывали, что кровь его была также свѣжа, какъ въ моментъ смерти. Вѣроломная жена его Юдифъ, предавшая мужа врагамъ, была отягнута невидимой рукой отъ могилы, когда явилась проливать лицемерныя слезы. Саксы толпами стекались къ могилѣ Вальтофа,

полные вѣры въ чудесное посредничество святаго соотечественника. Одинъ нормандскій монахъ Обенъ надсмѣялся надъ этими благочестивыми посѣщеніями и—черезъ нѣсколько дней умеръ отъ внезапной болѣзни. Духовные Круланда объяснили кончину его божественнымъ наказаніемъ; въ ночь, послѣдовавшую за похоронами Обена, аббатъ монастыря, до-стопочтенный Жофредъ, увидѣлъ видѣніе, исполнившее его радостию. Онъ увидѣлъ себя близъ могилы Вальтофа, въ сонѣ святыхъ въ блестящихъ одеждахъ, апостоль Варфоломей держалъ голову графа и, возложивъ ее опять на плечи, сказалъ: онъ ужъ необезглавленный.

Такъ въ полномъ сознаніи безсилія утѣшались Саксы въ смерти Вальтофа. Еслибъ этотъ доблестный вождь казненъ былъ десятью годами прежде, то его соотечественники не до-вольствовались бы только слезами у могилы. Теперь же—одиннадцать лѣтъ усилій не только бесполезныхъ, но напротивъ увеличивающихъ страданія, смерть или плѣнъ всѣхъ популярныхъ вождей, усиленіе ига послѣ каждаго матажа, всѣ эти обстоятельства совершенно подавили духъ народа. Завоеваніе было полное.

«Странный видъ представляла тогда Англія, говорить Лиггаръ, негодующая нація съ чуждымъ королемъ, чуждою іерархією и чуждымъ дворянствомъ. Духовное вѣдомство также перешло въ руки Нормандцевъ, и можетъ быть въ церкви болѣе, чѣмъ гдѣ либо утвердилось завоеваніе. Изъ духовенства сакскаго оставалось только нѣсколько священниковъ и то, по низкой угодливости своей къ волѣ завоевателя, безчестныхъ въ глазахъ народа; неуважаемые другими, они не могли уважать и самихъ себя. Принужденные молиться на языкѣ побѣдителей, побѣжденные Саксы бѣжали отъ церквей, гдѣ раздавались рѣчи монаховъ воиновъ, которые, вмѣсто словъ мира и милосердія, ходили изъ монастыря въ монастырь, грабя алтари, убивая женщинъ, искавшихъ тамъ убѣжища и у самаго подножія креста призывая къ оружію».

На высшихъ ступеняхъ іерархіи духовной Вильгельмъ старался замѣнить Саксовъ людьми ему совершенно преданными. Епископскія кафедрны занимали уроженцы Нормандіи. Монаха

Томасъ наследовалъ Эльдреду въ епископствѣ Йоркскомъ. Въ Кантербери Вильгельмъ помѣстилъ Ланфранка, челоѣка весьма искуснаго въ управленіи, основательнаго и краснорѣчиваго теолога, но болѣе занятаго устройствомъ своего положенія, чѣмъ спасеніемъ вѣрннхъ ему душъ.

Ланфранкъ, по происхожденію Ломбардецъ, монахъ аббатства де-Бекъ въ Нормандіи, стѣснялся узкими предѣлами своей монастырской кельи. Выказавъ особенное искусство въ Римѣ, гдѣ онъ ловко и дѣятельно поддержалъ завоевательные проекты Вильгельма, онъ снискалъ расположеніе послѣдняго. Затѣмъ, по покореніи Англіи, онъ явился туда съ цѣлью утвердить и расширить свою власть и вліяніе. По громадному честолюбію, Ланфранкъ не могъ довольствоваться простымъ архіепископствомъ, равнымъ архіепископству Йоркскому. Онъ желалъ быть первымъ въ церкви, какъ король первымъ въ государствѣ и потому потребовалъ вѣчнаго верховенства Кантерберійской катедры. Вильгельмъ имѣлъ нужду въ Ланфранкѣ, полезномъ въ качествѣ друга и опасномъ, какъ врагъ. Онъ согласился на требованія Ланфранка, и архіепископъ Томасъ долженъ былъ, подъ угрозой изгнанія, признать его первенство. Подъ управленіемъ Ланфранка, королевскаго примаса, англійская церковь сдѣлалась сильной и крѣпкой, но не назидательной. Священники достойные, преданные временному и вѣчному благу своего стада, были рѣдки, а тѣ, которые могли по святости своей жизни возвысить репутацію нормандскаго духовенства, тѣ отказывались отъ участія въ неправдѣ и грабежѣ.

Въ числѣ послѣднихъ считался Гитмондъ, монахъ епископства Еврѣскаго. Призванный, по извѣстности познаній и благочестія, Вильгельмомъ къ занятію весьма важнаго поста въ англійской церкви, Гитмондъ оставилъ свой монастырь св. Лефруа, но не для того, чтобы жадно наслаждаться выпавшими на его долю богатствами, а высказать лично королю твердый и рѣшительный отказъ.

Государь, сказалъ онъ ему, съ свойственной простотой и силой, прочитайте священное писаніе и посмотрите можете ли вы произвольно назначать паствѣ Христовой пастырей, которыхъ Онъ самъ избираетъ. Похититель войны и потоками крови,

можете ли вы бѣзъ преступленія назначать такую высокую обязанность мнѣ и столькимъ другимъ, ради любви Христа отрекшимся отъ земныхъ благъ? Сознавая ученія божественнаго закона, я не могу не трепетать,—а смотря на всю Англию, какъ на обширную добычу, я боюсь прикоснуться къ сожровищамъ, какъ къ горячимъ угольямъ. Государь, то, что я говорю вамъ изъ христіанскаго расположенія, не должно казаться вамъ дерзкимъ, но бойтесь во всѣхъ вашихъ предпріятіяхъ суда Господа Бога, который непреложенъ. Онъ спроситъ у васъ отчета за вѣренныя вамъ блага. Сколько бы льстецы не убаюкивали васъ суетной безопасностью, не увлекайтесь земнымъ благоденствіемъ, по старайтесь вашу жизнь проводить такъ, чтобы Превѣчный Судья, въ своемъ неподкупномъ правосудіи, могъ принять васъ милостиво въ лоно свое въ день суда. Постараемся же мы всѣ заслужить милость Того, который живетъ и царствуетъ изъ вѣка въ вѣкъ.» Высказавъ эти слова, Гитмондъ удалился, оставивъ въ полномъ изумленіи государя и дворъ.

Вильгельмъ не былъ человѣкомъ, способнымъ поддаться увѣщаніямъ священника или слезамъ народа. Его намѣреніе уничтожить побѣжденныхъ было нелегкомысленнымъ дѣломъ; его жестокость происходила не отъ одного слѣпаго увлеченія или гнѣва; насиліе не было единственной пружиной его политики. Хладнокровный въ дѣятельности, пылкій въ желаніяхъ, съ умомъ твердымъ и находчивымъ, онъ умѣлъ съ удивительной гибкостью разнообразить средства, попеременно обращаться къ самымъ противоположнымъ двигателямъ сердца человѣческаго, ставить въ игру интересъ и обязанности, страхъ и благодарность. Въ началѣ завоеванія онъ оказывалъ даже нѣкоторую снисходительность къ побѣжденнымъ. Правда, Саксы страдали не мало, Нормандцы грабили много, конфискаціи бывали часты, но при всемъ томъ большая часть отечественной почвы оставалась все еще въ рукахъ коренныхъ собственниковъ. Вильгельмъ слѣдовалъ умѣренной политикѣ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, но постоянныя возстанія сдѣлали невозможными всякія дальнѣйшія соглашенія. Тогда его дѣятельность стала обнаруживать только строгость и стрем-

леніе ослабить, обезсилить Саксовъ. Сначала послѣдніе только удалялись отъ главныхъ общественныхъ должностей, а потомъ уже лишались отцовскихъ достояній. Завладѣніе сакскими собственностями производилось послѣдовательно по мѣрѣ того, какъ мятежи представляли достаточные предлоги къ правильнымъ и послѣдовательнымъ конфискаціямъ. Въ непродолжительномъ времени Вильгельмъ имѣлъ у себя шестьсотъ вассаловъ почти всѣхъ изъ Нормандцевъ, а территоріальная собственность раздѣлилась на 60215 рыцарскихъ владѣній, изъ которыхъ весьма многія принадлежали одному и тому же владѣльцу. Такъ Робертъ Монтанъ владѣлъ 973 дворами, графъ Вареннъ 278, Рожеръ Биго 123, но разъединенныхъ по различнымъ графствамъ. Осторожный Вильгельмъ желалъ сдѣлать своихъ вассаловъ богатыми, но не желалъ ихъ видѣть опасными.

Можно было бы считать жалобы лѣтописцевъ въ этомъ отношеніи преувеличенными, но подтвержденіе такой полной перемѣны собственниковъ Англіи находится въ историческихъ документахъ Doomesday-Book, — доказательствѣ неоспоримомъ.

Желая привести въ ясность результаты завоеванія и богатства своихъ вассаловъ, Вильгельмъ предпринялъ въ 1080 году трудъ, который съ 1086 г. составилъ родъ кадастроваго сборника подъ названіемъ Dommesday-Book (книга для суда), оригиналъ котораго сохраняется еще въ Вестминстерѣ. Для составленія этого сборника избранныя королемъ лица: Анри де-Ферриеръ, Готье Жиффаръ, Адамъ братъ Селешала Еда, Реми епископъ Линкольнскій и многіе другіе изъ законовѣдовъ и хранителей королевской казны обѣзжали всѣ графства, отбирали свѣдѣнія отъ мѣстныхъ виконтовъ или шерифовъ и собранныя свѣдѣнія провѣряли личнымъ осмотромъ. Въ этомъ сборникѣ изложены самыя мелочныя подробности о пространствѣ и цѣнности каждаго домена, о качествахъ земли объ работахъ записаны имена собственниковъ и арендаторовъ, количество и состояніе жителей, феодальныя повинности и проч. пр. сначала въ царствованіе Эдуарда исповѣдника, а потомъ Вильгельма:

Начто не можетъ дать такого полнаго понятія о громад-

ности угнѣтенія и раззоренія несчастныхъ Саксовъ, какъ это статистическое сравненіе состоянія государства до и послѣ завоеванія. Йоркъ отъ 1607 домовъ упалъ на 967, Оксфордъ отъ 721 на 243, Дерби отъ 243 на 140, Честеръ отъ 487 на 282. Самые богатые сакскіе сеньеры приведены въ нищету и едва имѣли средства кормить дѣтей. Если же по особенному милосердію короля оставалась кому либо частычка прежняго богатства въ награду за униженіе, то въ Doomesday-Book выражено разрѣшеніе такому собственнику сохранить наслѣдство въ своей фамиліи, какъ милостыню. На основаніи Doomesday-book можно вывести заключеніе о размѣрѣ народонаселенія королевства въ то время. Принимая каждое семейство въ 5 человекъ и умноживъ это число на число главъ семействъ, означенныхъ въ Doomesday-book (283,242) получится всего 1.416,000 чел. Кромѣ того необходимо замѣтить, что не вошли въ ревизію населенія Нортумберланда, Кумберланда, Вестморланда и Дургама. Изъ общаго же количества главъ семействъ (283,242) на часть владѣновъ относится 108,407 сем., на часть крѣпостныхъ 82,119 сем., горожанъ 7,968 сем., а остальное количество на часть владѣтелей мановъ, наслѣдственныхъ владѣльцевъ и оброчныхъ арендаторовъ.

Владѣнія знатнѣйшихъ тановъ англо-сакскаго королевства, говоритъ Гнейстъ въ своемъ *Das Englische Verwaltungsrecht* (Berlin 1867. I стр. 117), благодаря смерти, бѣгству или опадѣ ихъ владѣльцевъ, составили главный матеріалъ для образованія леновъ (60,215 рыцарскихъ леновъ Вильгельма завоевателя); сохранившіе свои владѣнія сакскіе таны большею частью попали въ число второстепенныхъ вассаловъ нормандскихъ магнатовъ. Что касается до оброчныхъ владѣльцевъ (*sochemann*) и городскихъ жителей (*burgenses*), то часть ихъ была истреблена; имѣнія нѣкоторыхъ были конфискованы, другихъ удержаны за прежними владѣльцами. Число же крѣпостныхъ (*serfs, villani, bordarii*) осталось почти безъ измѣненій и лишь отчасти увеличено пришлымъ элементомъ слугъ нормандскихъ бароновъ. Равнымъ образомъ не произошло существенныхъ измѣненій въ количествѣ рабовъ (*servi*).

Одновременно съ переходомъ собственности развилась и утвердилась въ Англіи феодальная система. Конечно она существовала въ Англіи и прежде, но не въ такой степени развитая и опредѣленная, какъ на континентѣ *). При вступленіи на престолъ Вильгельмъ нашелъ феодализмъ въ Нормандіи совершенно утвердившимся. Отношенія герцога къ вассаламъ, генеральный совѣтъ бароновъ, сенъеріальная юстиція, герцогскій дворъ, однимъ словомъ всѣ элементы и всѣ средства феодализма были регулированы и утверждены. Въ большомъ государствѣ такая система долгое время существовать не можетъ, она естественно ведетъ къ разединенію народа отъ власти. Но въ такомъ ограниченномъ государствѣ, какъ Нормандія, она могла существовать, не нарушая порядка и единства. Несмотря на войны Вильгельма съ нѣкоторыми изъ вассаловъ, онъ всегда оставался главнымъ вождемъ нормандской аристократіи. Доказательство этому видно въ самомъ завоеваніи. Послѣ завоеванія Англіи и водворенія тамъ, существовавшая связь феодальной нормандской аристократіи, по установившемуся положенію дѣлъ, по необходимости должна была

---

*) Феодальная система и вассальные отношенія возникшія въ средніе вѣка въ покоренныхъ германцами римскихъ областяхъ развились въ стройномъ порядкѣ, преимущественно, у франковъ, по утвержденіи ихъ въ Галліи. Сущность этой системы, какъ извѣстно, заключалась въ опредѣленіи отношеній побѣдителей между собою. По покореніи какой нибудь области король или вождь раздѣлялъ завоеванную землю между своими товарищами-сподвижниками, воинами, составившими его дружину (Гелейтъ), участками, величиною соотвѣтствующими достоинству каждаго изъ нихъ. Эти поземельные участки получали названіе леновъ, феоdorf, бенефицій, владѣльцы ихъ вассаловъ, а король сенъера, сюзерена. За владѣніе леномъ вассалъ обязывался являться по первому призыву вождя и приводить съ собою опредѣленное число воиновъ для соупутствія короля во всякомъ его военномъ предпріятіи, обязывался также являться по призыву на совѣщанія по дѣламъ земской управы и наконецъ исполнять опредѣленныя финансовыя повинности. Впослѣдствіи вассалами стали называть вообще всѣхъ получившихъ какія либо преимущества за нѣкоторыя повинности. Подлѣ вассаловъ возникъ современемъ классъ подвассальныхъ (Anglière-Vassaux), получившихъ участки отъ главныхъ вассаловъ, и обязанныхъ повинновеніемъ непосредственно только сямъ послѣднимъ.

еще болѣе окрѣпнуть. Стоя лагеремъ среди народа враждебнаго, ревниваго къ своей независимости и усиливающагося завоевать ее, связь эта поддерживала единство. Не смотря на нѣкоторыя отпаденія; нѣкоторыя частныя возмущенія, бароны и король стояли другъ за друга, шли вмѣстѣ къ одной общей цѣли. Рядомъ съ этимъ антагонизмъ расъ, вызванный завоеваніемъ, и политическая мудрость Вильгельма уничтожали разрушительное вліяніе феодальной системы въ новомъ государствѣ. Тотчасъ же по коронаціи Вильгельмъ сталъ такимъ же королемъ, какими сдѣлались короли Франціи только послѣ долгихъ, тяжкихъ усилій т. е. истиннымъ королемъ, признаваемымъ всѣми баронами за сильнѣйшаго и вліятельнѣйшаго изъ всѣхъ ихъ. Отъ него получили они всѣ свои богатства; но одѣлая ихъ осторожный Вильгельмъ вводилъ условія, удаленія изъ феодальной системы Англiи все опасное для королевской власти. Главнымъ основаніемъ феодальной системы было то, чтобы вассалъ обязанъ былъ вѣрностью тому, отъ кого имѣлъ землю и только ему одному. Король Франціи не имѣлъ никакой власти надъ вассалами своихъ вассаловъ и не имѣлъ права ихъ преслѣдовать за помощь своимъ сеньерамъ въ возстаніяхъ противъ короны. Вильгельмъ же принялъ въ Салисбери въ 1085 году присягу въ вѣрности отъ *всѣхъ* владѣльцевъ, какъ второстепенныхъ вассаловъ, такъ и вассаловъ непосредственныхъ. И это была одна изъ основныхъ причинъ, отличившихъ Англiю отъ Франціи и на долго опредѣлившихъ судьбу этихъ двухъ государствъ. Въ XI вѣкѣ бароны французскіе были полновластными и полноправными владѣтелями, бароны англійскіе только аристократами.

Вильгельмъ захватилъ широкую часть въ добычѣ завоеванія. Богатства короля Нормандца были отдѣльныя и независимыя отъ прочихъ; онъ владѣлъ огромнымъ количествомъ доменовъ съ 1462 дворами и главными городами королевства. Эти домены непрерывно умножались, то конфискаціями, случаи къ которымъ представлялись часто, то лишеніемъ правъ по закону. Король раздавалъ земли для обработки свободнымъ лицамъ—арендаторамъ, платившимъ ему опредѣленную ренту (*free socage tenure*). Отсюда произошла большая

часть свободныхъ арендаторовъ или въ доменахъ короля, или бароновъ. Король въ своихъ доменахъ назначалъ подати по произволу, точно также имѣлъ полное право на назначеніе пошлинъ на провозъ и вывозъ товаровъ; онъ назначалъ штрафы и пени за преступленія; онъ продавалъ публичныя должности и между ними должность шерифа, весьма прибыльную по участию ея въ штрафахъ. Графъ, пожелавшій лично назначать отъ себя шерифа, долженъ былъ уплачивать самъ опредѣленную сумму. Наконецъ продажа королевской юстиціи служила источникомъ значительнаго дохода. Всего постоянного дохода короля можно полагать до 12 милліоновъ рублей.

Что же касается до непосредственныхъ вассаловъ короля, то они были ему обязаны: а) сорокадневною военною службою, б) денежною помощію при трехъ обстоятельствахъ 1) при выкупѣ короля изъ плѣна, 2) при выдачѣ замужъ старшей дочери, 3) при возведеніи въ рыцарство старшаго сына, г) король имѣлъ право наследовать при смерти владѣльца, имѣлъ право опекунства, если наследникъ былъ малолѣтній, причемъ всѣ доходы до совершеннолѣтія принадлежали королю, имѣлъ нѣкоторыя права при супружествѣ т. е. вассалъ короля не могъ жениться безъ его согласія. Всѣ эти права не были опредѣлены точно и въ подробностяхъ, отчего нерѣдко происходили нарушенія, гдѣ сила, бывшая всегда на сторонѣ короля, умѣла извлекать должную выгоду, д) разрѣшеніе отъ военной службы давало поводъ къ налогу, известному подъ именемъ escuage, родъ выкупа, назначаемаго королемъ по своему усмотрѣнію; этотъ налогъ онъ назначалъ даже своимъ вассаламъ и тогда, когда они предпочитали служить лично. Наконецъ къ повинностямъ въ пользу короля должно прибавить danegeld или подать, установленную сакскими королями, для отраженія датскихъ вторженій. Эта подать собиралась по всему государству нѣсколько разъ въ продолженіи царствованія Вильгельма.

Благодаря такимъ значительнымъ и произвольнымъ налогамъ, король могъ содержать постоянный отрядъ войска, что совершилось на континентѣ гораздо позже.

Судебная власть сама собою сосредоточилась въ рукахъ

короля. Юрисдикціи того времени т. е. послѣ завоеванія были: 1) судъ центурій и графствъ, или собраніе свободныхъ арендаторовъ фермеровъ этихъ территориальныхъ раздѣленій, при личномъ засѣданіи шерифа; 2) судъ бароновъ, или юрисдикція феодальная; 3) высшій судъ короля, гдѣ король и многочисленное собраніе бароновъ отправляли правосудіе относительно бароновъ же или въ случаѣ отказа въ правосудіи въ мѣстномъ судѣ.

Къ этимъ юрисдикціямъ Вильгельмъ присоединилъ еще судъ финансовой коллегіи (*сoug de l'Eschiquier*). Установляя его, онъ положилъ основаніе преобладанію королевской власти въ судебной іерархіи. Этотъ судъ сначала былъ только въ родѣ конторы счетовъ, составленной королемъ изъ нѣкоторыхъ бароновъ для управленія доходами, повѣрки счетовъ шерифовъ и т. и. и вообще для производства дѣлъ подобнаго рода. Но въ послѣдствіи этотъ судъ постепенно замѣнилъ собою высшій судъ, собранія котораго бывали рѣдко, сравнительно съ количествомъ судебныхъ нуждъ. Бароны, составлявшіе финансовую коллегію, до созванія генеральнаго собранія начинали судить сами и одни; необходимость ввела это измѣненіе, обычай установилъ, а затѣмъ осяятилъ и самый законъ.

Король, обладавшій такими громадными средствами, не могъ быть стѣсняемъ баронами. И дѣйствительно правленіе Вильгельма было всегда самовластное и деспотическое. Личности и имущества не были въ безопасности. Законы, налоги и судъ были проявленіемъ одной королевской воли. Впрочемъ нельзя сказать, чтобъ въ правленіи англо-нормандскомъ не было совершенно зародыша свободныхъ учрежденій. У историковъ и въ памятникахъ того времени встрѣчаются слѣды собраній, принимавшихъ и послѣ завоеванія нѣкоторое участіе въ народномъ правленіи.

Когда король находился въ Англіи, говоритъ одна сакская хроника, онъ три раза въ году назначалъ своими резиденціями: во время Пасхи—Манчестеръ, въ день сошествія св. Духа—Вестминстеръ и въ день Рождества Христова—Глочестеръ. Тогда окружали его всѣ знатныя лица Англіи: архіепископы, епископы, аббаты, графы, тавы и рыцари. Королевскій эдиктъ,

говорить Вильгельмъ Мальмесбурійскій (Willelm. Malmesb. de gest. reg. angl. lib III), созывалъ собраніе съ тою цѣлю, чтобы представители иностранныхъ народовъ удивлялись блеску таковаго громаднaго собранія и пышности празднествъ. Это было публичное собраніе, куда всѣ знатные государства, придававшіе особенный блескъ коронѣ, являлись для обсуждения государственныхъ дѣлъ и для отправленія вмѣстѣ съ королемъ правосудія.

Кто участвовалъ въ этихъ собраніяхъ? По примѣненію феодальнаго принципа можно думать, что всѣ непосредственные вассалы короля, обязанные службою при дворѣ, какъ и на войнѣ, въ подобныхъ торжественныхъ случаяхъ должны были находиться подлѣ него. Число непосредственныхъ вассаловъ короля простиралось до шести сотъ. Такъ какъ большая часть изъ нихъ заботилась болѣе дѣлами своихъ доменъ, чѣмъ общими дѣлами государства, то потому участіе въ большомъ національномъ собраніи было для нихъ скорѣе обязанностью, чѣмъ правомъ. Многіе изъ нихъ вовсе не являлись, но впрочемъ не встрѣчается никакого слѣда уполномочій или депутацій ни со стороны непосредственныхъ вассаловъ, ни со стороны городовъ или мѣстечекъ.

Трудно опредѣлить атрибуты и границы вѣдомства этихъ собраній. Въ то время никакая власть не имѣла ни атрибутовъ, ни опредѣленныхъ границъ. Такъ иногда высшій совѣтъ бароновъ занимался законодательствомъ, дѣлами духовными, вопросами мира и войны, назначеніемъ на высшія публичныя должности, назначеніемъ сверхъ опредѣленныхъ налоговъ, управленіемъ юстиціи, домашними дѣлами короля, распрями въ королевскомъ семействѣ, однимъ словомъ всѣми высшими интересами государства и всякій разъ, когда государь не считалъ себя достаточно сильнымъ въ данномъ случаѣ дѣйствовать безъ содѣйствія своихъ подданныхъ.

Не имѣя опредѣленнаго вѣдомства, эти собранія не имѣли опредѣленныхъ сроковъ открытія и продолжительности. Нельзя предполагать, чтобы они составлялись только три раза въ годъ. Большая часть ихъ была не очень многочисленна и иногда посвящалась только празднествамъ.

ГЛАВА V.

Отношенія Вильгельма къ государямъ континента и къ своему семейству.

Смѣлый по идеѣ и тяжкій по исполненію, трудъ завоеванія Англіи и упроченія власти, не оставлялъ королю Вильгельму ни времени, ни свободы заниматься Нормандскимъ герцогствомъ. Онъ могъ только изрѣдка бывать въ отечествѣ, гдѣ нѣзъ незаконно рожденнаго онъ сдѣлался законнымъ, гдѣ послѣ дѣтства, проведеннаго въ смутахъ гражданской войны, онъ сдѣлался вліятельнымъ сеньеромъ и гдѣ, достигнувъ могущества, задумалъ о высокомъ назначеніи. Принужденный покидать Лондонъ, для отраженія мятежей на всѣхъ пунктахъ государства, которыхъ могла смирить только десятилѣтняя кровавая и упорная борьба, Вильгельмъ возвращался изъ экспедицій на весьма короткое время. Но и тогда раздѣлъ земель между его нормандскими подданными, соперничество сподвижниковъ, всегда недовольныхъ въ дѣлежѣ добычи, составленіе законовъ, необходимыхъ для водворенія порядка въ странѣ, такъ долго опустошаемой войной и голодомъ—всѣ эти занятія поглощали все его вниманіе.

Регентство герцогства Нормандскаго Вильгельмомъ ввѣрено было герцогинѣ Матильдѣ въ тотъ день, когда флотъ покинулъ воды Франціи и унесъ его къ берегамъ Англіи. Окруженная осторожными и преданными людьми, Матильда спокойно управляла доменомъ, и только однажды подданные пытались воспользоваться отсутствіемъ Вильгельма. Тогда король быстро переплылъ море и неожиданно явился среди мятежныхъ Мансонцевъ. При его прибытіи, мятежники сдѣлали отворить ворота и отречься отъ преступныхъ замысловъ. Всѣ же вассалы, способные безпокоить Матильду, отправились съ своимъ сюзереномъ на завоеваніе Англіи въ надеждѣ пріобрѣсти тамъ богатство и большее значеніе.

Спокойной и разумно управляемой герцогиней Матильдой и ея совѣтомъ Нормандіи не угрожала опасность ни отъ од-

ного изъ государей, занимавшихъ тогда троны Европы. Король Французскій Филиппъ I не забылъ еще побѣдъ Вильгельма надъ Генрихомъ I, отцомъ своимъ, и не желалъ навлекать на себя и на народъ вражды такого опаснаго и сильнаго вассала. Въ Германіи императоръ Генрихъ IV спорилъ съ неукротимымъ гениемъ Григорія VII. Желая отмстить папѣ за кровавыя оскорбленія, онъ вооруженной рукой захватилъ Римъ и собственной властью назначилъ антипапу Жильберта, извѣстнаго подъ именемъ папы Килмента III. Эта борьба не позволяла императору обращать вниманія на Англію и Нормандію, и съ этой стороны Матильда могла быть совершенно покойной. Принуждая къ повиновенію Генриха IV мѣрами покаянія и церковнаго отлученія, Григорій VII пытался подчинить себѣ и Вильгельма, хотя и другими средствами. Бросая повсюду громовыя анафемы, папа въ то же время льстилъ королю Англіи, напоминалъ ему его ревностное благочестіе, его сыновнее почтеніе къ святому престолу. Онъ упоминалъ о всѣхъ добрыхъ отношеніяхъ Вильгельма съ предшественникомъ его Александромъ II и съ римскимъ дворомъ; онъ исчислялъ оказанныя услуги и данныя съ той и другой стороны взаимныя обязательства. Наконецъ онъ кончалъ требованіями отъ короля динаріевъ св. Петра, недоставляемыхъ съ самаго вступленія его на папскій престолъ, причемъ требовалъ присяги въ вѣрности Вильгельма, въ качествѣ вассала папы.

Вильгельмъ избѣгалъ невыгодныхъ споровъ и потому, признавая требованіе дани справедливымъ, общался удовлетворять на будущее время, но никто менѣе его не былъ расположенъ дѣлать себѣ ущербъ въ пользу кого бы то ни было. Не смотря на примѣръ бури, возбужденной споромъ Григорія VII и императора Германскаго, Вильгельмъ отказалъ требованіямъ папы и положительно объявилъ, что никогда не дастъ клятвы, неисполняемой его предшественниками, что онъ хочетъ быть совершенно независимымъ отъ власти папы, какъ и отъ всякой другой въ своемъ государствѣ и что онъ не намѣренъ унижаться въ собственныхъ глазахъ, какъ и въ глазахъ своихъ подданныхъ.

Мало того: король отказалъ англійскимъ епископамъ въ

авторизація своей на соборъ, созванный Григоріемъ VII противъ своихъ враговъ; онъ принималъ къ себѣ всю переписку, адресованную римскимъ дворомъ къ англійскому духовенству и наконецъ сохранилъ за собою во все продолженіе своего царствованія право инвеституры, право такъ сильно желаемое и папой и свѣтскими владѣтелями того времени. Такой отвѣтъ и такія дѣйствія, конечно, не могли нравиться Григорію VII, но онъ не обнаруживалъ неудовольствія. Какъ ловкій политикъ, папа избѣгалъ вооружить противъ себя одновременно императора Германскаго и короля Англійскаго, ему необходимо было сохранить добрыя отношенія съ Вильгельмомъ, и онъ продолжалъ называть его своимъ преданнымъ сыномъ, а король съ своей стороны отказался отъ всякихъ отношеній съ антипапой Климентомъ III, признавая папой только Григорія VII.

Такимъ образомъ имя Вильгельма уважалось въ Германіи, Франціи и Италіи. Всѣ изумлялись сначала дерзости предиріатія, потомъ упорной и настойчивой смѣлости, увѣнчавшейся полнымъ успѣхомъ. Едва вступивъ на англійскій престолъ, Вильгельмъ заслужилъ почетное имя; слава его храбрости, благоразумія и генія распространялась повсюду. Его успѣхи въ Англии были вмѣстѣ съ тѣмъ и успѣхами въ Европѣ.

Но между тѣмъ, какъ власть Вильгельма упрочивалась въ Англии, а вліяніе его росло на континентѣ, въ собственномъ его семействѣ возникли раздоры и мятежи. Изъ десяти дѣтей отъ Матильды большая часть достигла совершеннолѣтія въ отсутствіе герцога изъ Нормандіи. Робертъ, старшій изъ четырехъ сыновей, выросъ внѣ отеческаго авторитета. Мать, любившая его пристрастно, позволяла ему все болѣе и болѣе принимать участіе въ правленіи герцогствомъ. Привыкнувъ видѣть себя дѣйствительнымъ sovereignомъ прекраснаго домена, Робертъ требовалъ исполненія въ отношеніи къ себѣ тѣхъ обязанностей, которыя принадлежали только его отцу. По низкому росту, лишонному всякой граціи, Вильгельмъ далъ ему прозвище куртгѣзъ (Courte-Heuse), и этого оскорбленія гордый и заносчивый принцъ не могъ забыть. Окруженный развратной и праздною молодежью, Робертъ совершенно замкнул-

ся въ этомъ небольшомъ дворѣ. Въ непочтительныхъ разговорахъ о королѣ, отцѣ своемъ, молодой принцъ и его праздные придворные дерзко выражались, что пора Роберту сдѣлаться независимымъ владѣтелемъ, что Вильгельму и такъ много дѣла въ Англіи и что онъ обязанъ передать Нормандію ему, какъ старшему сыну.

Трое остальныхъ братьевъ Роберта—Ричардъ, Вильгельмъ и Генрихъ съ завистью смотрѣли на пристрастіе матери къ старшему брату. Высокіе и стройные, они осмѣивали его короткую талю, широкія плечи, неуклюжія ноги и старались обогатить его въ занятіяхъ и удовольствіяхъ.

Однажды, когда Вильгельмъ и Матильда находились въ своемъ нормандскомъ замкѣ, извѣстномъ орлѣ (l'aide), Робертъ съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей гулялъ по двору. Вильгельмъ и Генрихъ съ балкона облили брата помоями. Взбѣшенный Робертъ выхватилъ мечъ, быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ, и онъ бросился бы на своихъ братьевъ, еслибъ не остановилъ его суровый голосъ отца; только личное вмѣшательство послѣдняго могло удержать дерзкую руку молодого чоловѣка.

Матильда встала посредницей между сыномъ и своимъ царственнымъ супругомъ. Она успокоила обоихъ и убѣдила Роберта объясниться съ королемъ и такимъ образомъ она сама подготовила свиданіе, гибельное послѣдствіями. Робертъ явился къ отцу съ гордымъ и надменнымъ видомъ.

— Государь, сказалъ онъ, я требую отъ васъ Нормандію, вѣрженную мнѣ вами еще прежде похода вашего въ Англію противъ Гаральда.

Вильгельмъ не имѣлъ намѣренія лишиться Нормандіи въ пользу сына, также какъ не имѣлъ намѣренія дѣлиться съ Григоріемъ VII своей властью.

— Не въ моемъ обычаѣ, отвѣчалъ онъ, скидывать платье прежде, чѣмъ лягу спать. Я не отдамъ Нормандію, пока я живъ; повинуйся мнѣ во всемъ, какъ должно, и будь всегда и вездѣ со мной, какъ и слѣдуетъ сыну съ отцомъ.

Робертъ съ живостью перебилъ: я не хочу быть вѣчно наемникомъ. Уступите мнѣ Нормандію; она принадлежитъ мнѣ.

Такое требованіе раздражило короля. Привыкшіи властвовать, а не спорить, онъ не могъ не взумиться дерзости сына.

— Стыдитесь, сказалъ онъ, вспомните участь Авесалома, мятежнаго противъ отца своего Давида. Не поддавайтесь внушеніямъ безумной молодежи, слушайте совѣтовъ архіепископовъ Вильгельма, Ланфранка и другихъ разумныхъ мужей. Если же вы будете слѣдовать за окружающею васъ молодежью, то, клянусь, вы долго не получите желаемого.

— Я припѣлъ сюда не проповѣди слушать, возразилъ молодой человекъ, меня ужъ довольно пичкали уроками. Такъ какъ вы отказываете мнѣ въ томъ, что принадлежитъ мнѣ, то я пойду къ чужимъ; можетъ быть другіе будутъ ко мнѣ милостивѣе и вознаградятъ за отказъ въ отеческой кровлѣ.

Высказавъ эти слова, Робертъ вышелъ изъ залы и черезъ нѣсколько часовъ удался изъ замка. Слишкомъ надменный терпѣливо перенести отказъ, онъ не хотѣлъ оставаться болѣе въ странѣ, которою онъ льстился такъ скоро обладать отъ своего имени. Онъ выѣхалъ изъ Нормандіи, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ изъ своихъ безразсудныхъ совѣтниковъ, жадныхъ искателей приключеній, натолкнувшихъ его на этотъ легкомысленный шагъ. Вильгельмъ де Бретейль, Робертъ де Биенфеть, Вильгельмъ де Рюпьеръ и много другихъ, отважныхъ, высокоумныхъ и дерзкихъ сеньеровъ составляли свиту и армію молодого принца.

Робертъ нуждался въ помощникахъ болѣе серьезныхъ и вліятельныхъ. Долго блуждалъ онъ во Фландріи, Лорени и Германіи, стараясь пріобрѣсти расположеніе владѣтельныхъ и знатныхъ лицъ, рассказывая о тиранствѣ отца, о его жестокостяхъ и обѣщая самое великолѣпное вознагражденіе за помощь, когда отниметъ Нормандію. Иногда принимали его благосклонно, давали ему денегъ, но чаще жалобы и обѣщанія оставались безплодными. Подарковъ нѣкоторыхъ сеньеровъ было недостаточно для содержанія и удовлетворенія молодыхъ авантюристовъ, слѣдовавшихъ за Робертомъ. Безумно расточая суммы, подарки друзей, на женщинъ, собутыльничковъ и всякихъ лентяевъ, онъ скоро принужденъ былъ прибѣгать къ займамъ у иностранныхъ ростовщиковъ.

Въ такомъ несчастномъ положеніи молодой человекъ обратился къ матери. Увѣренный въ любви и пристрастіи королевы, онъ умолялъ ее дать ему средства противустать отеческой власти. Матильда страстно любила сына и имѣла слабость уступить его просьбамъ. Въ отсутствіи мужа и тайно отъ него, она отослала сыну значительныя суммы золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями.

Король оставилъ въ Нормандіи довѣреннаго агента Рожера де Бомона, и этотъ-то послѣдній скоро отерылъ тайный источникъ несчастныхъ субсидій. Удостоверившись въ поступкѣ Матильды, Вильгельмъ, по возвращеніи въ Нормандію, высказалъ ей свое неудовольствіе въ выраженіяхъ, полныхъ любви и горечи. „Вотъ жена, говорилъ онъ, которую я люблю, какъ душу, которой я ввѣрилъ всѣ свои сокровища, власть свою, поддерживаетъ противъ меня враговъ, одаряетъ ихъ собственнымъ моимъ имуществомъ, вооружаетъ ихъ на мою жизнь и даетъ имъ силу“. Избѣгая главнаго пункта обвиненія, Матильда въ отвѣтъ своемъ останавливается на матери-ской вѣжности и не сознается, что, помогая сыну въ несчастіи, она поддерживала бы тѣмъ мятежнаго подданнаго.

Скоро дѣйствительная опасность стала угрожать Вильгельму; Нормандіи и Матильдѣ выпала доля присутствовать при скорбномъ зрѣлищѣ серьезной войны между мужемъ и сыномъ. Пользуясь помощью королевы матери, Робертъ объѣзжалъ Францію и сосѣднія государства, стараясь приобрѣтать друзей и вербовать армію. Дѣйствительно, у него образовалось довольно значительное войско. Король французскій принялъ его благосклонно; не беря открыто его сторону противъ Вильгельма, Филиппъ I взялъ подъ свое покровительство молодаго принца и посовѣтывалъ ему укрѣпиться въ замкѣ Жерберуа, лежащемъ въ Бовези, на границахъ Нормандіи. Тамъ Робертъ расположилъ свои войска. Изъ этого замка, окруженнаго высокими, надежными стѣнами, въ мѣстности, удобной къ защитѣ, онъ призывалъ къ себѣ всѣхъ недовольныхъ, всѣхъ тѣхъ, которые имѣли какой нибудь интересъ возстать противъ его отца. Къ нему присоединились нѣкоторые французскіе бароны, съ ихъ рыцарями и оружіемъ, даже изъ самой Нор-

мандинъ являлись партизаны, оставшіе на роднѣ другихъ членовъ своихъ семействъ.

Король зналъ упорный характеръ сына; онъ не рассчитывалъ на скорую покорность, но, можетъ быть, онъ не ожидалъ также и печальной необходимости открытой борьбы съ нимъ. Какъ бы то ни было, не колеблясь и не ожидая прямого и личнаго вызова, онъ собралъ многочисленную армію. Не находя въ Нормандіи силъ, достаточныхъ къ борьбѣ съ смѣлыми авантюристами, засѣвшими въ замкѣ Жерберуа, Вильгельмъ прибѣгнулъ къ помощи новаго королевства. Для усмиренія нормандскихъ подданныхъ, возмущенныхъ его собственнымъ сыномъ, онъ окружилъ себя англійскими войсками подъ командой начальниковъ, товарищей Вильгельма по завоеванію.

Король въ головѣ своихъ войскъ направился къ цитадели, въ которой укрѣпился непріятель. Въ продолженіи многихъ дней съ той и другой стороны ограничивались спибками, отдѣльными схватками, въ которыхъ выказывалось мужество рыцарей безъ важныхъ результатовъ. Наконецъ послѣ трехъ недѣльной борьбы, бесполезно ослаблявшей силы обѣихъ сторонъ, Вильгельмъ и Робертъ рѣшились на битву въ открытой равнинѣ Аршенбрейской, недалеко отъ замка Жерберуа. Со стороны Вильгельма шелъ второй его сынъ, впоследствии король англійскій подъ именемъ Вильгельма рыжаго, человѣкъ надменный, жадный и завистливый, любимецъ отца, какъ Робертъ любимецъ матери. Онъ-то по преимуществу возбуждалъ гнѣвъ отца противъ старшаго брата. Кавалерія, подъ предводительствомъ самого Роберта, напала на армію короля. Послѣдняя сначала стояла твердо, но въ концѣ нѣсколькихъ часовъ войны Вильгельмъ дрогнулъ подъ ударами войскъ молодого принца. Съ храбростью, прославленной современными лѣтописцами, полный жажды побѣды, Робертъ былъ человѣкъ войны, котораго никто на землѣ христіанской или зыческой не могъ побѣдить. Врубаясь въ самую средину сѣчи, онъ схватывался лицомъ къ лицу съ непріятельскими сеньерами. Такъ онъ б ролся съ однимъ рыцаремъ, величественной осанки, въ богатомъ вооруженіи, съ забраломъ, совершенно закрывавшемъ лицо. Вдругъ противникъ, пораженный ударомъ

его копья, испустилъ провзвительный крикъ. Робертъ, смущенный знакомыми звуками этого голоса, сжимаетъ бока своего коня, бросаетъ оружіе, приближается къ раненому вонну и принимаетъ на свои руки—отца. Принцъ, встревоженный такимъ ужаснымъ случаемъ, умоляетъ Вильгельма простить его и благодарить Бога, спасшаго отъ ужаснаго преступленія. Но король непреклоненъ по прежнему; разсерженный быть побѣжденнымъ сыномъ, не получивъ до того ни одной раны на столькихъ поляхъ битвъ, при осадахъ столькихъ крѣпостей, король отвѣчалъ только проклятіями. Напрасно юноша расточалъ мольбы и увѣренія покорности, Вильгельмъ не слушалъ ни увѣреній, ни обѣщаній и оставилъ поле сраженія, гдѣ армія его была побѣждена, а самъ онъ едва не погибъ.

Еслибъ Вильгельмъ восторжествовалъ въ Аршенбрейской битвѣ, и послѣ пораженія сынъ его умолялъ бы о прощениі, вѣроятно онъ склонился бы къ просьбамъ королевы, къ наказанію принца, къ собственной потребности отдыха, къ желаніямъ всего народа, но пораженіе въ битвѣ отъ того, на котораго онъ смотрѣлъ, какъ на дитя, но быть побѣжденнымъ въ личной борьбѣ,—это была глубокая рана его самолюбію, и отеческій авторитетъ Вильгельма долго не могъ этого простить.

Къ счастью для Роберта не онъ одинъ пытался смягчить гнѣвъ короля. Едва Вильгельмъ воротился въ Руанъ, какъ значительное число сеньёровъ явилось просить его не быть непреклоннымъ и милостиво принять просьбу его вѣрныхъ подданныхъ, умоляющихъ не продолжать долѣе злополучнаго раздора. Увѣренные въ благосклонномъ и вліятельномъ покровительствѣ королевы, знатные приближенные нормандскаго двора, старавшіеся смягчать гнѣвъ короля, заботились не объ одномъ благѣ государства и счастіи королевской фамиліи, — ихъ сыновья, братья, ихъ друзья замѣшаны были въ немилости принца и раздѣляли его ссылку. Каждая фамилія считала кого нибудь изъ своихъ членовъ въ рядахъ мятежной молодежи. Такимъ образомъ собственный интересъ побуждалъ ихъ такъ дѣятельно хлопотать въ пользу принца. Наконецъ, послѣ долгихъ и настойчивыхъ усилій, вліятельныхъ хода-

тайствъ и кѣжныхъ просьбъ, король согласился увидѣть мятежнаго сына, прїѣхавшаго въ Руанъ, лично просить о прощеніи.

Испытавъ пристрастіе Матильды къ Роберту, Вильгельмъ, не долго продержавъ его при себѣ, нашелъ болѣе благоразумнымъ отправить его далеко отъ матери и родины къ сѣвернымъ англійскимъ границамъ отражать набѣги Шотландцевъ, часто нарушавшихъ условія мира. Въ этой войнѣ Робертъ оказалъ чудеса храбрости, но слишкомъ необузданный и увлекающійся, онъ не могъ долго подчиняться волѣ отца. Да и впоследствии, послѣ смерти Вильгельма, Робертъ, лишенный англійскаго трона, принадлежавшаго ему по праву рожденія, принужденъ былъ постоянно бороться съ честолюбивыми братьями, оспаривавшими у него обладаніе Нормандіей. Приписывая свое затруднительное положеніе и постоянныя войны отцовскому проклятію, онъ бросился въ одно изъ тѣхъ предприятий, куда по зову Петра пустытника стремились тогда всѣ мирскія силы. Отважный въ Палестинѣ, какимъ былъ въ Нормандіи и Англій, Робертъ куртгезъ покрылъ себя славой при взятіи Никеи, Антиохіи и при осадѣ Іерусалима. Одно время армія крестоносцевъ, подъ обаяніемъ его беззавѣтнаго мужества, предполагала даже его выбрать своимъ главнымъ вождемъ. Потомъ и по возвращеніи изъ Палестины Робертъ не сумѣлъ ни защитить своихъ правъ на англійскій престолъ, ни даже удержать спокойнаго управленія герцогствомъ. Послѣ долгихъ оборотовъ счастья, онъ кончилъ смертью въ замкѣ Бардифъ, куда заперъ его братъ Генрихъ, король англійскій. Авантюристъ въ юности, мужественный воеватель креста, наконецъ печальный узникъ, лишенный вѣрности и свободы братомъ, Робертъ, не смотря на радъ безумствъ, былъ горячо любимъ нормандскими подданными и всѣми приближенными.

Почти невозможно, по современнымъ рассказамъ, составить идею объ отношеніяхъ Вильгельма къ дѣтямъ. За исключеніемъ Роберта куртгеза, мятежъ котораго занималъ послѣдніе годъ жизни короля, лѣтописцы едва упоминаютъ объ остальныхъ членахъ королевской фамиліи.

Братъ Вильгельма завоевателя Едъ или Одонъ, епископъ

Баѣ, по роли, которую онъ занималъ въ завоеваніи Англіи, упоминается чаще дѣтей короля. Жадный и запальчивый епископъ Едъ изъ первыхъ подстрекалъ громадное честолюбіе Вильгельма. Находясь на ступеняхъ трона, онъ угнѣталъ и грабилъ болѣе всѣхъ другихъ воровъ и грабителей—священниковъ при всемъ значительномъ количествѣ духовныхъ лицъ изъ Нормандцевъ. Кромѣ того, считая занимаемое имъ положеніе слишкомъ недостаточнымъ, онъ съ восторгомъ ухватился за предсказаніе какихъ-то римскихъ колдуновъ, открывшихъ имя будущаго преемника Григорія VII—Одона. Епископъ Баѣ не усумнился примѣнить это предсказаніе къ себѣ. Восхищенный блестящей перспективой, онъ отправилъ въ Римъ гонцовъ, купилъ и роскошно украсилъ тамъ дворецъ и старался подкупить расположеніе римскаго народа. Онъ ужъ составилъ довольно значительную свиту изъ рыцарей для сопровожденія себя въ Италію, какъ вдругъ совершенно неожиданно изъ Нормандіи воротился король Вильгельмъ, при первомъ слухѣ о предпріятіи брата, обдуманнаго безъ его согласія. Король основательно находилъ, говорить Ордеръ Виталь, предпринимаемую экспедицію неудобною для своего государства и для всей Европы; можетъ быть изъ желанія оставаться одиночнымъ въ главѣ фамиліи, онъ не хотѣлъ допустить брата возвыситься до высокаго авторитета христіанскаго вождя. Поэтому нисколько не колеблясь, Вильгельмъ тотчасъ же собралъ совѣтъ знатныхъ лицъ королевства, высказалъ имъ въ энергическихъ выраженіяхъ, какую довѣренность онъ всегда свидѣтельствоваъ брату, предоставляя ему въ свое отсутствіе кормило правленія, какъ злоупотребляя довѣренностью епископъ Баѣ, какъ угнѣталъ бѣдныхъ, опустошалъ церкви и отягчалъ народъ чрезмѣрными налогами и наконецъ кончилъ распоряженіемъ о заключеніи епископа Баѣ (графа Кентскаго) въ тюрьму. Напрасно Едъ ссылаясь на свое епископское достоинство, предоставлявшее только одному папѣ право суда надъ нимъ. „Я арестую не епископа, рѣшительно отвѣчала Вильгельмъ, а графа Кентскаго.“ Епископа Баѣ отвезли въ Нормандію и въ 1082 г. заключили въ Руанскую башню. Вѣроятно въ ихъ братскихъ отношеніяхъ никогда не было искрен-

ности. Вильгельмъ и Едъ были дружными на столько, на сколько требовали того ихъ личные интересы, они раздѣлились, когда представилось это выгоднымъ. Одно только глубокое чувство жило въ душѣ Вильгельма: это любовь къ женѣ. Онъ любилъ ее вѣжно—говорить Ордеръ Виталь.

Вильгельмъ находился въ Лондонѣ (1083), когда Матильда повзала его къ себѣ. Постоянныя, житейскія тревоги, семейныя раздоры и распри дурно вліяли на ея здоровье, а затѣмъ смерть дочери Констанціи, герцогини Бретанской, нанесли ей рѣшительный ударъ, отъ котораго она не могла уже оправиться. Чувствуя серьезную болѣзнь, она чистосердечно и умолиительно раскаялась въ земныхъ прегрѣшеніяхъ, и 3 ноября 1083 скончалась. Тѣло ея было перенесено въ созданный ею въ Канвѣ женскій монастырь св. Троицы и погребено между хорами и алтаремъ, при огромномъ стеченіи епископовъ, аббатовъ и толпы бѣдныхъ, получавшихъ отъ нея всегда утѣшеніе и помощь.

Вильгельмъ воздвигнулъ королевѣ Матильдѣ богатый памятникъ, на которомъ золотыми буквами была начертана латинская эпитафія, прославлявшая происхожденіе, добродѣтели и въ особенности горячее благочестіе и неистощимое милосердіе покойной королевы.

Но болѣе любопытный и замѣчательный памятникъ оставила послѣ себя королева Матильда въ знаменитой работѣ, извѣстной подъ названіемъ Байескаго ковра, на которомъ и теперь, по истеченіи восьми вѣковъ, видны исторія, жизнь, костюмы Вильгельма завоевателя, Матильды и ихъ подданныхъ. На канвѣ длиною въ 60 метровъ королева и ея придворныя дамы изобразили высокіе подвиги своихъ мужей и сыновей. Этотъ рассказъ, вышитый ихъ руками, начинается съ визита Гаральда нормандскому двору и оканчивается его смертью въ Гастингской битвѣ. Этотъ документъ цѣннѣе пышныхъ описаній того времени *).

*) Впрочемъ нѣкоторые приписываютъ работу ковра императрицѣ Матильдѣ, дочери Генриха I, послѣдней отрасли первой фамиліи герцоговъ нормандскихъ.

Смерть Матильды сильно отразилась въ послѣднихъ годахъ Вильгельма. Всѣ послѣдующіе четыре года протекли въ непрерывныхъ войнахъ. Возстало нѣсколько племенъ и, по буквальному выраженію одной древней хроники, великая государыня унесла съ собой въ землю счастье и величіе своего царственнаго супруга.

ГЛАВА VI.

Возстаніе Губерта, виконта Манъ.—Болѣзнь и кончина Вильгельма завоевателя.

(1083 — 1087).

Хотя по кончинѣ Матильды, противъ Вильгельма не было возстаній ни со стороны англійскихъ подданныхъ, ни со стороны мятежныхъ сыновей, но зато войны и возстанія возникли во Франціи и въ нормандскихъ доменахъ. Народонаселеніе Мана, мятежное въ отсутствіи сеньера, покорное въ присутствіи, измѣнчивое и волнующееся, въ надеждѣ независимости подняло оружіе противъ короля. Къ нему присоединились лица, увлеченные эгоистичными видами и интересами. Губертъ, зять Вильгельма, графъ Неверскій, по происхожденію виконтъ Манъ, питалъ неудовольствіе на Вильгельма за какую-то бывшую нѣкогда ссору. Воспользовавшись воинственнымъ духомъ благороднаго рыцарства и возбуждавъ народное волненіе, онъ скоро набралъ значительную армію и заперся съ нею въ замкѣ Санъ-Сюзанъ, неприступной крѣпости на вершинѣ скалы, на границахъ Мена и Анжу. Изъ этой цитадели Губертъ выходитъ опустошать окрестности, грабить поселенія, безпокоить гарнизоны городовъ и возвращался въ Санъ-Сюзанъ съ обильнымъ запасомъ жизненныхъ припасовъ, а часто и съ богатой добычей.

Рѣшившись наказать такое отважное хвщничество, король Вильгельмъ выступилъ противъ Губерта съ значительной арміей изъ Нормандцевъ и оставшихся вѣрными Мансовцевъ. Замокъ Санъ-Сюзанъ былъ неприступенъ; несмотря на бдитель-

ность Вильгельма и стражи, стоявшей у подножія скалы, съ вершины утеса, окруженнаго со всѣхъ сторонъ густыми лѣсами, Губертъ нападалъ неожиданно, захватывалъ припасы и получалъ новыя подкрѣпленія. Король лично не могъ долго оставаться и ожидать, когда голодъ принудитъ осажденных къ сдачѣ. Утомленный стойкостью и ловкостью виконта, онъ воротился домой, оставивъ въ построенномъ укрѣпленіи, не далеко отъ Санъ-Сюзана, сильный гарнизонъ для наблюденій и продолженія осады. Начальство надъ этимъ гарнизономъ онъ поручилъ зятю своему графу Алену Бретаньскому. Этотъ государь, говоритъ Ордеръ Виталь, отличался богатствомъ, лошадыми и воинскою вѣщностью, но для взятія Санъ-Сюзана не помогали ни богатство, ни блестящее оружіе. Силы Губерта росли съ каждымъ днемъ; лучшіе рыцари лѣзли къ нему, горя нетерпѣніемъ отличиться какимъ нибудь подвигомъ. Не одинъ разъ гарнизонъ Вильгельма бывалъ принужденъ защищаться, вмѣсто нападеній, не одинъ разъ знатные сеньеры попадали въ руки осажденных и получали свободу за богатый выкупъ. Въ продолженіи трехъ лѣтъ усилія Нормандцевъ оставались совершенно безслѣдными; они не выиграли ничего, кромѣ собственныхъ ранъ. Наконецъ изнуренные упорнымъ сопротивленіемъ виконта и обезнадѣженные побѣдить его, начальники королевской арміи рѣшились прибѣгнуть къ переговорамъ. Конечно Губертъ былъ непобѣдимъ и наслаждался громкой славой, но не могъ же онъ рассчитывать на постоянныя побѣды, а побѣжденный онъ дорого заплатилъ бы за три года счастливыхъ успѣховъ. Поэтому предпочитая миръ такой перспективѣ, Губертъ послалъ къ своему соверену сеньеровъ съ ходатайствомъ пропускныхъ охранныхъ грамотъ. Получивъ ихъ, Губертъ отправился въ Англію, гдѣ былъ тогда Вильгельмъ. Послѣдній съ своей стороны тоже съ нетерпѣніемъ желалъ окончанія войны, раззорительной для его подданныхъ Мансонцевъ. Король обѣщалъ виконту забыть мятежъ и въ знакъ своего благоволенія возвратилъ ему всѣ прежнія домены, которыми тотъ съ тѣхъ поръ и пользовался въ мирѣ, счастіи и независимости, не возмущая, къ великому удовольствію Нормандцевъ и Мансонцевъ, установившихся добрыхъ отношеній.

Но едва водворился миръ между королемъ и его гордымъ вассаломъ, какъ новая серьезная опасность стала угрожать Вильгельму и Англии. Народъ, нѣкогда наводнявшій Великобританію и не касавшійся въ теченіи послѣднихъ 30-ти лѣтъ ея береговъ, датскій народъ снова сталъ угрожать Англии. Кануть молодой съ своими вассалами готовился къ завоеванію страны, прежде управляемой его предкомъ Канутомъ великимъ. Онъ претендовалъ на престолъ, принадлежавшій его фамиліи въ продолженіи сорока лѣтъ. При извѣстїи о предполагаемомъ десантѣ, англійскій король призвалъ къ оружію всѣхъ своихъ подданныхъ Нормандцевъ и Англичанъ. Не довѣряя вѣрности послѣднихъ и опасаясь измѣны въ виду непріятеля, что необходимо повело бы къ пораженію—онъ вновь прибѣгнулъ къ способу, доставившему ему корону. Онъ призвалъ къ себѣ на службу иностранныхъ рыцарей, обѣщая щедрое вознагражденіе. Также какъ въ 1066 году огромныя толпы сеньеровъ, въ сопровожденіи вассаловъ, явились подъ знамя короля—нормандца. Вильгельмъ удовлетворялъ алчность пришельцевъ сокровищами, отнятыми у Саксовъ. Но тогда, какъ въ Англии дѣлались такія серьезныя приготовленія къ отраженію Датчанъ, послѣдніе, раздраженные годовымъ напраснымъ ожиданіемъ—приказа къ отплытію, убили своего короля и тѣмъ разрушили завоевательные замыслы до ихъ исполненія.

Узнавъ о смерти датскаго короля, Вильгельмъ послѣшилъ распустить армію, разорявшую его, и безпокойную чрезвычайными требованіями. Англии не предстояло теперь никакой опасности, внутри правительство упрочивалось однимъ теченіемъ времени, отнимавшемъ съ каждымъ днемъ у побѣжденнаго народа всѣ надежды къ освобоженію. Король пожелалъ возвратиться въ Нормандію. Предоставляя вѣрнымъ слугамъ заботу правленія, онъ въ 1087 году оставилъ эту землю двадцать лѣтъ тому назадъ такъ славно имъ завоеванную и которую ему уже не суждено было снова увидѣть.

Въ то время, какъ Вильгельмъ находился въ Руанѣ, отдыхая въ родной средѣ отъ столькихъ битвъ и волненій, сыновья его Робертъ и Генрихъ жили въ замкѣ Конфланъ, гдѣ французскій король съ сеньерами проводили праздники. Въ

обществѣ Луи, дофина Франціи, сыновья короля Вильгельма проводили время въ непрерывныхъ удовольствіяхъ: охоты, турниры, танцы безъ остановки слѣдовали другъ за другомъ; послѣ шумныхъ удовольствій молодые принцы любили играть въ шахматы, бывшіе тогда въ большомъ ходу. Однажды дофинъ и принцъ Генрихъ играли въ шахматы; оба играли съ большимъ воодушевленіемъ, ни тому, ни другому не хотѣлось быть побѣжденнымъ. Принцъ Генрихъ, болѣе искусный и болѣе счастливый, ловкимъ маневромъ сдѣлалъ шахъ и матъ принцу Луи. Послѣдній, взбѣшенный пораженіемъ, схватилъ шахи и бросилъ ихъ въ лицо соперника съ кличкой сыномъ батарда. Оскорбленный Генрихъ внѣ себя схватилъ шахматницу, повалилъ на землю сына Франціи и нанесъ жестокія побоя; онъ убилъ бы его, еслибъ не вмѣшался братъ его Робертъ.

Послѣ такого случая, конечно, нормандскимъ принцамъ не возможно было болѣе оставаться при французскомъ дворѣ, и потому они поспѣшили собрать свиту и сѣсть на лошадей. И дѣйствительно едва успѣли они выѣхать изъ Конфлана, какъ французскій король отправилъ въ погоню за ними значительный отрядъ рыцарей. Но молодые принцы были уже въ безопасности и даже, соединясь съ нормандскимъ гарнизономъ Понтуава, подъ предводительствомъ Фулька де-Бомона, сами напали на французскій отрядъ, гнали его до Конфлана и сожгли въ предмѣстіи нѣсколько домовъ. До глубины души оскорбленный подобной выходкой и полный гнѣва за сына, король Филиппъ тотчасъ же направился на Вексенъ нормандскій и овладѣлъ Вермономъ. Съ другой стороны войска Вильгельма взяли Бове. Между ними явились посредники, а такъ какъ Вильгельмъ, въ то время тяжело больной, самъ желалъ перемирія, то оно вскорѣ и было заключено. Тѣмъ не менѣе возбужденное раздраженіе еще таилось, а новый случай усилилъ его до крайнихъ предѣловъ; за партией въ шахматы слѣдовала острота короля Филиппа.

Разсказывали при французскомъ дворѣ о болѣзни Вильгельма, о томъ, какъ по чрезмѣрной опухлости живота, онъ такъ долго не можетъ вставать съ постели. «Клянусь, сказалъ

«Филиппъ, король англійскій носитьъ дольше всѣхъ женщинъ моего государства, и я общаю великолѣпный праздникъ на крестины.» Вильгельмъ еще больной лежалъ въ постели, когда придворные передали ему слова сосѣда. «Клянусь милосерднымъ Богомъ, живо вскричалъ онъ, я разражусь въ Потръ-Дамъ и королю не будетъ весело; вмѣсто церковныхъ свѣчей у меня будетъ десять тысячъ копій.»

Исполняя угрозу, король Вильгельмъ, какъ только оправился отъ болѣзни, послѣшилъ отправить къ французскому королю настойчивыя требованія, которыя, какъ онъ зналъ заранѣе, могли служить поводомъ къ началу непріятельскихъ дѣйствій. Онъ потребовалъ возвращенія французскаго Вексена, какъ нѣкогда принадлежавшаго отцу его Роберту щедрому, получившему его отъ Генриха I за помощь при вступленіи того на французскій престолъ. Впослѣдствіи, во время малолѣтства Вильгельма завоевателя, это графство было опять отобрано королемъ французскимъ. Конечно Филиппъ, какъ и должно было ожидать, на это требованіе отвѣчалъ полнымъ отказомъ.

Нормандская армія, выступившая въ походъ въ концѣ 1087 года, подъ личнымъ начальствомъ Вильгельма, быстро направилась къ французскому Вексену. Асселинъ Гоель, въ головѣ авангарда, шолъ на Манть. По его приказанію Нормандцы разворали и грабили на пути своемъ все, жатвы топтались, виноградники вырывались, дома сжигались. Король Вильгельмъ, непосредственно слѣдовавшій за авангардомъ, вошелъ въ Манть совершенно въ расплохъ, вмѣстѣ съ французскимъ гарнизономъ, возвращавшимся изъ окрестныхъ деревень съ рекогносцировки. Не ожиданно захваченный нормандской арміей, городъ Манть былъ преданъ огню: церкви и общественныя дома разрушились, сотни лицъ погибли жертвами пожара или погребены подъ обрушившимися стѣнами.

Подъ вліяніемъ жажды мщенія и усѣха, Вильгельмъ, въѣзжая въ городъ, сильно шпорилъ свою лошадь, направляясь въ глубину улицъ, загроможденныхъ трупами и разными обломками; лошадь, подъ ударами шпоръ, нечаянно ступила на горящій уголь и быстро осѣлась. Отъ этого неожиданнаго

движенія король ударился объ лукъ сѣдла и получилъ значительный ушибъ въ нижней части живота. Его тотчасъ же сняли и перенесли въ Руанъ.

Ушибъ, опасный и самъ по себѣ, сдѣлался смертельнымъ для чеховѣка еще больнаго и утомленнаго. Вскорѣ Вильгельмъ не могъ выносить городского шума, и его перенесли въ монастырь Сентъ-Жерве, расположенный въ западной сторонѣ города, на уединенномъ холмѣ. Напрасно окружавшіе его врачи истощали искусство и заботы, болѣзнь постепенно ухудшалась, и Вильгельмъ ясно видѣлъ свое положеніе. Онъ сознавалъ угрожающую ему неизбежную смерть и съ свойственной ему предусмотрительностью занимался государственными дѣлами. Въ продолженіи всей болѣзни, продолжавшейся десять недѣль, онъ сохранялъ твердость ума, вѣрность сужденій и живость краснорѣчія. Но въ послѣдніе дни воспоминавія прошедшаго и боязнь будущаго смущали его душу; часто слышались вздохи и жалобы. Въ надеждѣ изгладить столько сдѣланныхъ имъ злобъ, онъ обратился къ молитвамъ духовныхъ лицъ и раздѣлялъ свои сокровища церквамъ, бѣднымъ и духовнымъ.

Возлѣ смертельнаго одра короля находились двое сыновей: Вильгельмъ рыжій и Генрихъ. Робертъ куртгезъ оставилъ его за нѣсколько времени до похода на Мантъ вслѣдствіе какого то новаго раздора. За два дня передъ смертю Вильгельмъ пожелалъ распорядиться обо всемъ принадлежащемъ ему, призвавъ къ своей постелѣ сыновей и преданныхъ слугъ. Онъ вспомнилъ передъ ними всю свою прошедшую жизнь, готовясь отдать передъ Вѣчнымъ Судьею отчетъ о дѣятельности своей шестидесятичетырехлѣтней жизни, губельной столькоимъ лицамъ.

«Подъ бременемъ тяжести безчисленныхъ грѣховъ, говорилъ онъ, я страшусь показаться передъ судилищемъ Бога. Я съ дѣтства воспитывался въ ремеслѣ война и обогрѣлся потоками крова». Послѣ этого движенія кающагося смиренія, Вильгельмъ вспомнилъ о всѣхъ войнахъ, окружавшихъ его юность въ Нормандіи. «Окруженный многочисленными противниками, я съ честью выходилъ изъ всякаго затруднительнаго положенія и не былъ побѣжденъ ни однимъ изъ

нихъ, о чемъ могутъ свидѣтельствовать бритты, французы, англичане». Вслѣдъ за этимъ воспоминаніемъ минувшей славы, мысль Вильгельма обращается къ своимъ грѣхамъ. «По тщеславію человѣческому меня радуютъ подобныя торжества, каюсь, что въ дѣйствіяхъ моихъ жестокость шла объ руку съ отважностью. Вотъ почему, служители Божіи, я смиренно прошу вашихъ молитвъ предъ Всемогущимъ Создателемъ о прощеніи гнѣющихъ меня прегрѣшеній».

Потомъ король Вильгельмъ простилъ врагамъ своимъ и приказалъ освободить всѣхъ плѣнниковъ. Но великодушіе его распространялось не на всѣхъ. Относительно Рожера де Бретейль послѣдовало новое подтвержденіе прежняго суроваго рѣшенія: «онъ не выйдетъ изъ тюрьмы, пока я живъ». Точно также не было даровано свободы брату короля, епископу Байескому. «Если дана будетъ ему свобода, сказалъ Вильгельмъ просившимъ за брата, то онъ взволнуетъ все государство и будетъ угнѣтать грабительствомъ и развратнымъ поведеніемъ нѣсколько тысячъ мирныхъ жителей.»

Король Вильгельмъ не забылъ на своей смертной постелѣ проклятія, высказаннаго имъ нѣкогда на поляхъ Аршенбрейской битвы. «Страна, управляемая имъ, будетъ по истинѣ несчастная; онъ гордъ, безуменъ и необузданъ. Впрочемъ такъ какъ онъ старшій изъ моихъ сыновей и такъ какъ я ему прежде назначалъ герцогство Нормандское, то я не хочу лишать его даннаго владѣнія. Что же касается до англійскаго королевства, отнятаго мною отъ клятвopреступника Гаральда, то я не осмѣливаюсь никому кромѣ Бога передать сго, какъ жертву столькихъ преступленій. Но если будетъ на то воля Провидѣнія, я желалъ бы, чтобъ мой сынъ Вильгельмъ, съ дѣтства всегда и во всемъ мнѣ покорный, вступилъ бы на королевскій тронъ.»

Король остановился, какъ будто распорядившійся всѣмъ за прошедшее и забудущее. Сынъ его Генрихъ, не получившій ничего изъ царскаго наслѣдства, съ горечью высказалъ своему отцу: а мнѣ, государь, что дадите вы? — Я дамъ тебѣ изъ моего казначейства пять тысячъ ливровъ серебра, отвѣчалъ Вильгельмъ.—Но что же я сдѣлаю изъ этого дара, спросилъ

молодой человекъ, если не буду имѣть мѣста для жилища?— Снѣ мой, сказалъ король, будьте довольны вашей судьбой и терпѣливо снесите преемство вашихъ старшихъ братьевъ. У Роберта будетъ Нормандія, у Вильгельма Англія, что же касается до васъ, то будетъ время, когда вы будете имѣть все, что я приобрѣлъ и вы превзойдете вашихъ братьевъ въ богатствѣ и могуществѣ. Предсказаніе это, вѣроятно, выдуманно самимъ Ордеромъ Виталемъ въ угожденіе своему государю Генриху I.

Послѣ этого Генрихъ тотчасъ же отправился за полученіемъ назначенной суммы и помѣщеніемъ ея въ безопасномъ мѣстѣ. Точно также и Вильгельмъ рѣшился овладѣть своей долей и отъ постели умирающаго отправился въ Англію; уже по прибытіи на берега своего новаго королевства онъ узналъ о смерти отца.

Въ четвергъ 9 сентября 1087 г. король пробудился подъ звуками колокола кафедральнаго собора Руана. «Къ какой службѣ благовѣстять? спросилъ онъ у служителей.— Государь, это заутрення въ церкви Пресвятой Дѣвы Маріи.» Тогда король, съ мольбою поднявъ глаза къ небу и смиренно сложивъ руки, произнесъ: «О Пресвятая Марія, Владычица и Богородица, будь молитвенницей за меня предъ Престоломъ Сына Твоего Спасителя нашего Іисуса». Произнесъ эти слова, онъ испустилъ послѣдній вздохъ.

Едва скончался могущественный монархъ, какъ придворные и слуги его начали заботиться только о своихъ матеріальныхъ выгодахъ. Самые богатые тотчасъ же верхомъ отправились по домамъ и съ своими женами, друзьями и товарищами только и думали о безопасности своихъ сокровищъ; служители низшаго разряда, подражая примѣру начальниковъ, тоже исчезли, ограбивъ оружіе, драгоценныя вазы, одежды и даже бѣлье короля. За тѣмъ, оставивъ обнаженное тѣло покойнаго на полу, они разлѣтѣлись, какъ воршунны, захватившіе добычу

Только въ три часа по полуночи подданные Вильгельма подумали объ отданіи послѣднихъ почестей государю, такъ недавно окруженному тавой славой и лестью. Духовные, клерки и монахи составили наконецъ процессію. Въ монастырѣ

Сент-Жерве совершили службу объ упокоеніи души короля. Потомъ епископъ Руанскій приказалъ тѣло его перенести въ Каенъ для погребенія въ церкви св. Стефана. Но никто не жалалъ принять на себя заботу о похоронахъ Вильгельма: сыновья были далеко, братья и кузены недостойно покинули, и никто изъ служителей не явился для сопровожденія покойнаго въ послѣдному жилищу. Только одинъ мѣстный кавалеръ Гермоантъ, съ неудовольствіемъ видя пренебреженными и покинутыми останки государя, изъ любви къ Богу и уваженія къ націи, взялъ на себя похоронныя распоряженія и эскортировалъ тѣло короля до Каена.

Тамъ монахи св. Стефана и въ главѣ ихъ аббатъ Жильберъ, почтительно принявъ гробъ основателя своего аббатства; многочисленная толпа слѣдовала за ними: клерги и свѣтскіе съ любопытствомъ тѣснились вокругъ умершаго короля. Едва процессія вступила въ монастырь, какъ сильный пожаръ охватилъ его со всѣхъ сторонъ. Толпа разбѣжалась, — и какъ въ день своего коронаванія, гдѣ онъ увидѣлъ себя покинутымъ, одинокимъ по срединѣ Вестминстера, объятаго пламенемъ, такъ и теперь завователъ Англіи оставался одинокимъ въ срединѣ горѣвшей церкви.

Когда потушили пожаръ и волненіе успокоилось, епископы и аббаты снова сошлись для погребенія короля. Его похоронили, по обыкновенію того времени, въ церкви между хорами и алтаремъ. Жильберъ, епископъ Еврескій, знаменитый современиннй ораторъ, сказалъ надгробную рѣчь, въ которой прославлялъ громадныя достоинства покойнаго и въ заключеніе которой присовокунилъ:—такъ какъ въ этой жизни никто изъ смертныхъ не можетъ жить безъ грѣха, то помолитесь же мы всѣ милосердому Богу за покойнаго короля, будемъ же просить за него Всемогущаго Господа—да проститъ ему зло, если кому нибудь оно было совершено. Едва Жильберъ кончилъ эти слова, какъ изъ толпы вышелъ какой-то человѣкъ и всталъ передъ вырытой могилой у подноженія алтаря. Эта земля, на которой стоите вы, сказалъ онъ, обращаясь къ духовенству, была подъ домою моего отца; этотъ человѣкъ, за котораго вы молитесь, былъ тогда только герцогомъ Нор-

мандскимъ; онъ несправедливо и съ насиліемъ отнялъ эту землю и основалъ эту церковь злоупотребленіемъ власти. Вотъ почему я требую эту землю и требую ее открыто. Я не хочу, чтобъ моя земля покрывала тѣло похитителя».

Человѣкъ, явившійся ославивать у тѣла Вильгельма завоевателя нѣсколько футовъ земли, назывался Асселиномъ, сыномъ Артура. Требованіе его всѣ присутствующіе признали справедливымъ и договорились о выкупѣ. Епископы собрали назначенную сумму, и тогда церемонія кончилась безъ затрудненій. Вильгельмъ рыжій соорудилъ отцу великолѣпный памятникъ; самому искуснѣйшему рѣщику Франціи Отону поручено было украсить его камнями и серебромъ. Къ разсказу объ этихъ событіяхъ Ордеръ Виталь прибавляетъ: «Условія богатаго и бѣднаго одни и тѣже; одинаково дѣлаются они добычею смерти и тлѣнія, не возлагайте же вашихъ надеждъ, сныи человѣческіе, на князей міра сего, но уповайте на Бога живаго и истиннаго Творца всего сущаго. Не жалайте неправеднаго и блага ближняго. Если вы пользуетесь богатствомъ—не отдавайте ему вашего сердца, ибо все мірское, какъ трава, и всякая слава, какъ цвѣтъ. Трава высыхаетъ и цвѣтъ опадаетъ, но голосъ Бога слышится вѣчно.»

По изложеніи событій завоеванія, остается сказать нѣсколько словъ о томъ, въ чемъ именно состояли измѣненія по отношенію внутренняго склада общества. Главнымъ образомъ прямымъ и непосредственнымъ послѣдствіемъ норманнскаго завоеванія оказалось перемѣщеніе поземельнаго владѣнія отъ Англо-Саксовъ къ пришельцамъ; причемъ классъ англо-сакскихъ поземельныхъ собственниковъ, владѣльцевъ тапогъ почти совершенно исчезъ. Выѣстъ съ такимъ перемѣщеніемъ должно было произойти разложеніе и той системы отношеній, которыя установились у жителей общинъ съ своими землевладѣльцами: пришлецы—притѣснители, конечно, не могли быть поручителями за враждебное, всегда готовое къ возмущенію, племя туземцевъ. Естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія необходимо должна была возникнуть замѣна прежняго вида внутренняго управленія, прежней администраціи судебною и полицейскою, замѣна индивидуальнаго поручитель-

ства системой круговой поруки. Изъ современныхъ юридическихъ памятниковъ видимъ, что поручительство общинъ (hundreds) замѣняетъ поручительство blaford'a въ тѣхъ случаяхъ, когда національная ненависть дѣлала индивидуальное поручительство невозможнымъ *). Это же обстоятельство заставило Вильгельма завоевателя принять Норманновъ подъ свое специальное покровительство и установить особой хартіей (Carta Wilhelmi Conquestoris de quibusdam statutis) денежную отвѣтственность hundred за совершенныя въ предѣлахъ его убійства Норманновъ.

Но это измѣненіе, какъ вызванное только исключительными обстоятельствами, должно было существовать только то время, пока существовали и вызвавшія обстоятельства. И дѣйствительно, по мѣрѣ уменьшенія вражды и установленія болѣе спокойныхъ отношеній, прежнее значеніе поземельныхъ владѣльцевъ, поземельной аристократіи, постепенно стало принимать прежнее размѣры.

ЧАСТЬ III.

Великая Хартія или установленіе конституціоннаго начала въ Англіи.

ГЛАВА I.

Хартія королей Эдуарда исповѣдника, Вильгельма завоевателя, Генриха I и Стефана. Генрихъ II плантагенетъ и Тома Бекетъ. Конституціи Кларендона. Возстаніе графовъ Лейчестерскаго и Норфолькскаго.

Великая Хартія, достойный памятникъ англійской свободы, покоится на основаніяхъ весьма древнихъ. Неподходя къ разряду тѣхъ эфемерныхъ явленій, для разрушенія которыхъ

*) Schmid leges Wilh Conq. ст. 339 и слѣд.

достаточно одного малѣйшаго сотрасенія, она составляетъ плодъ продолжительнаго, терпѣливаго труда нѣсколькихъ поколѣній. Учрежденія, восходящія къ 1215 году, уже отъ самаго времени получили освященіе и право на уваженіе, но англійскій народъ желаетъ еще большаго, онъ относитъ свои права къ еще болѣе древнему началу и, что весьма рѣдко, находитъ его. Такое добросовѣстной отношеніе къ древнимъ среданіямъ вызываетъ много осужденій,—такъ его называютъ напримѣръ тщеславной привязанностью къ древнимъ титуламъ и отжившимъ обычаямъ. Но, кажется, такое отношеніе скорѣе достоинство, чѣмъ недостатокъ, оно доказываетъ на сколько англійскій народъ знаетъ, любитъ и уважаетъ свое прошлое.

Задолго до завоеванія Нормандцевъ, Англо-Саксы имѣли учрежденія и законы, обеспечивающіе народу личную свободу и пользованіе имуществомъ. Между королями законодателями Альфредъ великій пользуется самою большею извѣстностью, затѣмъ, послѣ вторженія Вильгельма завоевателя, угнѣтенные Саксы въ воспоминаніяхъ о прежнемъ счастливомъ времени постоянно останавливались на царствованіи Эдуарда исповѣдника. Законы и обычаи добраго короля Эдуарда—такова была формула, которую обыкновенно говорили, какъ протестацию противъ насилій завоеванія и которую переняли сами Норманны, когда начали борьбу противъ королевскаго деспотизма. Формула эта, какъ почти всѣ формулы, не опредѣлена и выражаетъ больше чувство, чѣмъ фактъ. Англійскіе историки и публицисты никогда немогли съ точностью опредѣлить каковы были эти законы и обычаи. Все, что извѣстно объ управленіи Эдуарда, это то, что оно было кротко и умѣренно даже до слабости. Счастливымъ обстоятельствомъ для этого государя служить время его царствованія между завоеваніями датскимъ и нормандскимъ. Писатели невольно расположены разсматривать его характеръ съ самой выгодной точки зрѣнія, подъ вліяніемъ раздраженія къ предшественникамъ и послѣдователямъ.

Дѣйствиительно Англія выносила чуждое владычество, хотя и тираническое, Канута датскаго и его сыновей, когда на-

чалось царствованіе Эдуарда, а черезъ девять мѣсяцевъ послѣ его смерти подпала подъ деспотизмъ Вильгельма завоевателя. Впрочемъ, въ первые годы за Гастингской битвой Вильгельмъ, желая объяснить приобрѣтеніе новой короны волей Эдуарда и даже самихъ Саксовъ, а не силой оружія, старался держаться согласительной политики. Кажется вѣроятнымъ извѣстіе, что въ 1071 г. онъ обнародовалъ хартію для поддержанія законовъ и обычаевъ Саксовъ и даровалъ жителямъ Лондона конфирмацію ихъ древнихъ привилегій. Находятъ въ актѣ, извѣстномъ подъ именемъ великой хартіи Вильгельма, слѣдующія распоряженія, примѣнимыя безъ сомнѣнія также хорошо къ Англичанамъ, какъ и къ Норманнамъ: „мы желаемъ, приказываемъ и требуемъ, чтобъ всѣ свободные люди нашего государства спокойно пользовались своими землями и имуществомъ, чтобъ они были изъяты отъ всякаго налога и всякаго несправедливаго взыскапія такъ, чтобъ съ нихъ ничего не требовалось, кромѣ обязательной законной службы.“ Всѣмъ этимъ прекраснымъ надеждамъ несуждено было осуществиться и, какъ извѣстно изъ предшествующаго изложенія, наглая тиранія Норманновъ не разъ возбуждала Саксовъ къ мятежу. Война истребляла народъ, его законы, даже языкъ; самое имя англичанина сдѣлалось терминомъ поносительнымъ.

Вильгельмъ рыжій (1087—1100) продолжалъ безпощадную систему отца, но уже при немъ не существовало прежнихъ добрыхъ отношеній правительства къ феодальному норманнскому дворянству. Основатель новой династіи, поставившій такъ высоко самодержавную власть, невмозможно тяготѣлъ, какъ надъ народомъ, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и надъ баронами. Строгость законовъ о лѣсахъ и объ охотѣ,—последнюю завоеватель желалъ сдѣлать исключительно королевскимъ правомъ,—оскорбляла благородное сословіе въ самомъ любимомъ его удовольствіи. Онъ установилъ, говоритъ сакская хроника, лишеніе зрѣнія за убійство оленя или лани; такая же защита распространялась и на кабановъ; онъ желалъ оставить зайцевъ бѣгать свободно. Богатые громко изъявляли неудовольствіе, бѣдныя роптали, но онъ, сознавая силу, нисколько не тревожился общимъ озлобленіемъ. Послѣдствія такого состоя-

ніа были весьма благоприятны для народа Саксовъ. Когда послѣдній сталъ требовать законовъ и обычаевъ добраго короля Эдуарда, то голосъ его нашелъ поддержку въ самой норманнской аристократіи. И съ тѣхъ поръ каждая льгота, завоеванная норманнскими баронами, служила вмѣстѣ съ тѣмъ и облегченіемъ бѣдныхъ, угнѣтенныхъ Саксовъ. Къ особенной выгодѣ для стороны народа и бароновъ послужили соперничества, возникшія въ семействахъ завоевателя.

Узнавъ о смерти короля—отца на дорогѣ въ Англію въ Виссовской гавани, близъ Кале, Вильгельмъ рыжій послѣднимъ въ Винчестеръ, гдѣ захватилъ королевскія сокровища, 60 тысячъ ливровъ чистаго серебра, много золота и драгоценныхъ камней. Вслѣдъ за тѣмъ собраніемъ бароновъ и вассаловъ Вильгельмъ провозглашенъ былъ королемъ и коронованъ архиепископомъ Ланфранкомъ въ Винчестерскомъ соборѣ.

Между тѣмъ бывшіе въ Нормандіи англо норманнскіе бароны, неучаствовавшіе въ избраніи, сочли себя оскорбленными. Они приняли сторону брата Вильгельма рыжаго герцога Роберта и съ вооруженными дружинами высадились на берега Авглій; въ числѣ ихъ находился и Едъ Баіескій, братъ завоевателя, освобожденный изъ тюрьмы. Подъ его предводительствомъ недовольные захватили Рочестеръ и предполагали двинуться на Канторбери и Лондонъ.

Въ такомъ затруднительномъ положеніи новый король, естественно, долженъ былъ обратиться къ содѣйствію другой партіи, партіи враждебной Норманнамъ т. е. партіи туземныхъ Англичанъ. Съ этой цѣлью вмѣстѣ съ призывомъ къ оружію, Вильгельмъ рыжій обнародовалъ торжественное обѣщаніе даровать наилучшіе законы, предоставить право носить оружіе и приостановить взысканіе личной подати и другихъ поборовъ. Собравшіеся по призыву короля, въ числѣ тридцати тысячъ, Саксы, совокупно съ частью норманнской конницы, вѣрной королю, осадили Рочестеръ, который принужденъ былъ капитулировать съ правомъ свободнаго выхода для осажденнаго войска. Послѣ вятія Рочестера, война, продолжавшаяся и еще нѣкоторое время, кончилась договоромъ между обѣими партіями двухъ братьевъ. По состоявшемуся договору норманнскіе

бароны, сторонники Роберта, получили обратно свои англійскія владѣнія, а самъ Робертъ отказался отъ королевской короны, но при этомъ было условлено, чтобы братья наследовали другъ другу: по кончинѣ Роберта оставшіяся въ живыхъ Вильгельмъ присоединялъ Нормандію къ своимъ владѣніямъ, по кончинѣ же Вильгельма оставшіяся въ живыхъ Робертъ дѣлался королемъ Англій. Договоръ былъ скрѣпленъ клятвою и подписью по 12 лицъ съ каждой стороны.

Такимъ образомъ миновала опасность для короля Вильгельма рыжаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ миновалось и осуществленіе надеждъ угнѣтенныхъ Сэксовъ. Снова водворилась прежняя система насилій и притѣсненій, охватила народъ и тяготѣла надъ нимъ до самой смерти короля Вильгельма, убитаго въ іюль 1100 года неизвестно гдѣ на охотѣ въ Новомъ лѣсу.

По силѣ заключеннаго договора между братьями, скрѣпленнаго клятвами бароновъ, смерть короля Вильгельма рыжаго открывала право на наследство Англій Роберту куртгезу. Но послѣдній въ это время былъ далеко отъ береговъ Англій. По призыву папы Урбана II, въ 1090 году, всего христіанства къ освобожденію гроба Господня, состоялось крестовое ополченіе, въ которомъ принялъ дѣятельное участіе и Робертъ. Такое предпріятіе совершенно согласовалось съ его рыцарскимъ воспримчивымъ характеромъ. Въ Палестинѣ провелъ онъ три года и воротился въ Европу уже по взятіи Іерусалима. Къ несчастію на возвратномъ пути, изъ любви къ женщинѣ, онъ долго еще оставался въ Италіи у одного изъ норманскихъ бароновъ. Этимъ то отсутствіемъ и воспользовался третій сынъ завоевателя Генрихъ боклеркъ.

Тотчасъ послѣ смерти брата Вильгельма, Генрихъ овладѣлъ въ Винчестерѣ королевской казной и предъявилъ права свои на англійскій престолъ. Сторону его поддерживали духовенство, нѣкоторые изъ бароновъ, народъ, но болѣе всего королевскія сокровища. Черезъ три дня онъ былъ провозглашенъ королемъ и коронованъ, но тѣмъ не менѣе обладаніе престоломъ все-таки было узурпаціей, дѣломъ незаконнымъ и не обезпеченнымъ. Робертъ имѣлъ значительное число привер-

женцевъ какъ въ Нормандіи, такъ и въ самой Англии, преданныхъ бароновъ, помнившихъ и готовыхъ поддерживать условія договора. Въ такомъ положеніи и теперь казалось естественнымъ узурпатору искать опоры въ средѣ англійскаго народа, какъ въ сторонѣ враждебной норманскому рыцарству. И дѣйствительно это стремленіе ясно обнаружилось въ рѣчи короля къ значительнѣйшимъ изъ Саксовъ, собраннымъ въ Лондонѣ. «Мои друзья и вассалы, уроженцы этой страны, моей родины, мой братъ замышляетъ противъ меня; онъ человекъ гордый, не можетъ быть покоемъ; онъ васъ презираетъ, называетъ трусами, обжорами и ищетъ случая растоптать васъ ногами. Я же по истинѣ король кроткій, умѣренный и миролюбивый, я желаю сохранять ваши древнія свободныя учрежденія, я клянусь поддерживать ихъ, буду благосклонно выслушивать ваши мудрыя совѣты, буду управлять справедливо по примѣру лучшихъ государей. Если вы пожелаете, я скрѣплю обѣщанія письменной хартіей и снова поклянусь неуклонно исполнять всѣ законы святаго короля Эдуарда. Стойте крѣпко за меня; если храбрые Англичане будутъ на моей сторонѣ, то я пренебрегаю пустыми угрозами Норманновъ». Въ этомъ смыслѣ совершена была запись или королевская хартія, скрѣпленная королевскою печатью, съ которой списки по числу гвафствъ положены были на храненіе въ главной церкви каждой области. Конечно впоследствии, по минованіи опасности, списки эти исчезли, за исключеніемъ трехъ уцѣлевшихъ въ Канторбери, Йоркѣ и Сентъ—Альбанѣ, но тѣмъ не менѣе у народа сохранялось сознаніе своихъ правъ. Къ упроченію еще большаго расположенія народа, Генрихъ женился на женщинѣ саксонской расы Эдифѣ, дочери Шотландскаго короля Малькольма и Маргариты, сестры короля Эдгара.

Между тѣмъ Робертъ, воротившись съ востока въ Нормандію, рѣшился на завоеваніе государства, принадлежащаго ему по праву. Подъ знамена его стали большая часть нормандскихъ бароновъ, недовольныхъ такъ ясно высказаннымъ расположеніемъ короля къ побѣжденной расѣ. Войско Роберта благополучно перешло проливъ и стало твердой ногой на почвѣ Англии. Однако же дѣло не дошло до рѣшительныхъ

дѣйствій. Болѣе умѣренная часть нормандскихъ бароновъ вступила въ посредничество между враждебными партіями и при ихъ содѣйствіи состоялось (1103 г.) мирное соглашеніе, по которому Робертъ рѣшительно отказывался отъ притязаній на англійскую корону за ежегодную пенсію двухъ тысячъ ливровъ серебра, при чемъ было условлено, чтобъ конфискаціи, произведенныя герцогомъ и королемъ у сторонниковъ противной партіи, были уничтожены.

Съ упроченіемъ правъ на престолъ исчезла необходимость въ народной поддержкѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла необходимость добраго отношенія къ народу. Съ этихъ поръ снова повторяются прежнія однообразныя картины угнѣтенія и насилій. Народъ терпѣлъ то отъ естественныхъ причинъ—неурожаевъ, то отъ грабительства королевскихъ чиновниковъ, то отъ чрезмѣрнаго возвышенія податей.

Добрыя отношенія между братьями, столь различныхъ характерами, продолжались не долго. Сдержанный, корыстный характеръ Генриха не могъ относиться правдиво къ открытому, безпечному характеру брата. Поводомъ къ открытымъ непріязненнымъ отношеніямъ послужили личныя свойства и недостатки Роберта. Пользуясь довѣрчивостью, нормандскіе приближенные его дозволяли себѣ злоупотребленія и безпорядки. Недовольные обращались въ посредничеству англійскаго короля, который предложилъ брату уступить ему и Нормандію за денежное вознагражденіе. Ты государь только по имени, писалъ онъ Роберту, тебѣ неповинуются и надъ тобой смѣются. А когда Робертъ несогласился на уступку, Генрихъ собралъ значительное войско и вторгнулся въ Нормандію. Въ сраженіи близъ замка Тэншебре, въ 3-хъ мпяхъ отъ Мортена, Робертъ былъ разбитъ (1106 г.), взятъ въ плѣнъ и подъ надежнымъ карауломъ отправленъ сначала на жителство свободное, а потомъ въ тюрьму въ замокъ Кардифъ на южной границѣ Валлиса, противъ Глочестерской области, гдѣ, по разсказу нѣкоторыхъ историковъ, былъ ослѣпленъ и содержанъ до смерти. Нормандія присоединилась къ Англіи, усилія могущества послѣдней и сдѣлала ее опасной для сосѣдей.

У Роберта оставался сынъ Вильгельмъ Клинтонъ, спасенный отъ рукъ Генриха во время войны братьевъ другомъ отца и поступившій подъ покровительство короля Франціи. Людовикъ VI любилъ этого молодого человѣка, ласкалъ его, одарялъ подарками и къ тому же онъ выдѣлъ въ немъ постоянную угрозу противъ Генриха. Такъ, въ видахъ интересовъ Вильгельма Клинтона и именно съ цѣлью доставить юношѣ Нормандское герцогство, Людовикъ заключилъ наступательный союзъ противъ короля Англіи съ Фламандцами и Фулькомъ V герцогомъ Анжуйскимъ. Война началась по всей границѣ Нормандіи и весьма неблагопріятно для Генриха. Замки падали, города сдавались врагамъ, самой его жизни угрожали постоянныя опасности. Но все таки соединенныя силы Нормандіи и Англіи оказывались на столько значительными, что могли противустоять въ продолженіи многихъ лѣтъ до тѣхъ поръ, когда новыя политическія комбинаціи дали возможность королю Англіи выйдти изъ затруднительнаго положенія. Союзъ, организованный противъ короля Генриха, разрушился женитьбой сына его Вильгельма на дочери Фулька Анжуйскаго, вслѣдствіе чего прекратились враждебныя отношенія и къ королю Франціи, мирнымъ договоромъ 1120 г., по которому Вильгельмъ сынъ Генриха признавался вассаломъ короля французскаго по владѣнію герцогствомъ нормандскимъ. Но этому Вильгельму несуждено было царствовать: онъ утонулъ во время переѣзда въ Англію по окончаніи военныхъ дѣйствій. По смерти Вильгельма у Генриха не осталось прямыхъ наслѣдниковъ мужскаго пола, такъ какъ отъ первой жены оставалось въ живыхъ только дочь Матильда, бывшая замужемъ за Генрихомъ V императоромъ Германскимъ, а отъ второй жены дѣтей небыло. Въ 1126 г. Матильда овдовѣла, и король Генрихъ торжественно, въ общемъ собраніи сеньеровъ, объявилъ ее преемницею своихъ правъ на Англію и Нормандію, причемъ принялъ отъ нихъ обычную присягу въ вѣрности. Въ слѣдующемъ 1127 году Матильда, безъ согласія вельможъ Нормандіи и Англіи, вторично вышла за мужъ за графа Готфрида Анжуйскаго, прозваннаго плаутагенетомъ отъ общаго его носить на шляпѣ вмѣсто пера, вѣтку цвѣтущаго

дрока (Plante—genest). Отъ этого брака родился сынъ, названный въ честь дѣда Генрихомъ, назначенный вскорѣ послѣ рожденія наслѣдникомъ престола Англіи и Нормандіи, что и было скрѣплено клятвами бароновъ и прелатовъ.

Черезъ два года, 1 декабря 1135 г. въ Сень-Дени де Форманъ король Генрихъ умеръ на шестьдесятъ седьмомъ году жизни въ полномъ убѣжденіи въ прочности и неприкосновенности правъ дочери и внука, правъ въ дѣйствительности оказавшихся весьма спорными. При первомъ извѣстіи о смерти короля Генриха, въ Англію явился племянникъ его Стефанъ де Блуа, сынъ дочери Вильгельма завоевателя Адели, съ предъявленіемъ наслѣдственныхъ правъ своихъ на престолъ Англіи. Несмотря на данныя таже недавно клятвы, бароны и прелаты единогласно избрали королемъ Стефана, потому ли что уже не считали себя болѣе связанными выходомъ Матильды во второй бракъ безъ ихъ вѣдома, или потому, что считали для себя унижительнымъ повиноваться волѣ женщины. Новое избраніе освящено было благословіемъ архіепископа Канторберійскаго и одобрено духовной властью папы Иннокентія II. Весьма замѣчательно, что епископы и нѣкоторые изъ бароновъ, давая вѣрноподданническую присягу новому королю, ввели въ формулу присяги оговорку, заимствованную изъ преданій древнихъ Саксовъ, а именно, что они считаютъ себя обязанными только до тѣхъ поръ, пока самъ король выполняетъ свои обязательства. Бароны получили также дозволеніе строить и укрѣплять свои замки.

Первые годы царствованія Стефана прошли спокойно. Ласковый и щедрый онъ старался привлечь къ себѣ духовенство и бароновъ раздачей земель, бывшихъ при его предшественникахъ королевскимъ удѣломъ. Въ 1136 г. Стефанъ издалъ хартію, въ соблюденіи которой торжественно присягалъ въ общемъ собраніи государственныхъ сословій, собравшихся въ Оксфордъ. Въ этой хартіи Стефанъ обѣщалъ возвратить свободное пользованіе лѣсами, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ владѣтелей, отнятое его предшественниками, отмѣнить налогъ, извѣстный подъ названіемъ данегельда и т. п. Затѣмъ дана была другая хартія для обузданія злоупотребленій королев-

скихъ чиновниковъ. Но послѣдствія хартій оказались совершенно противоположными ожиданіямъ. Бароны стали считать себя независимыми, укрѣпляли замки, опустошали города и села, захватывали самопроизвольно силой помѣстья, земли и безнаказанно грабили мирныхъ поселянъ. Слѣдовательно угнѣтенія послѣднихъ отъ нормандскихъ бароновъ въ царствованіе Стефана не только не уменьшились, но напротивъ еще болѣе усилились. Однакожь всматриваясь внимательно въ характеръ возникающихъ отношеній этого времени, нельзя не замѣтить значительнаго оттънка. Въ семьдесятъ лѣтъ владычество Норманъ установилось и потеряло рѣзкость непріятельскихъ столкновеній. Въ современныхъ историческихъ источникахъ (XIII вѣка) являются жалобы на угнѣтенія сословій, но не жалобы расъ.

Своевольство мятежныхъ бароновъ требовало принятія скорѣйшихъ мѣръ къ обузданію. При дѣятельной поддержкѣ духовенства, въ главѣ котораго стоялъ Генрихъ, епископъ Вичестерскій, братъ короля, Стефану удалось усмирить бунтовщиковъ. Точно также счастливо для Стефана окончилась война съ Шотландскимъ королемъ Давидомъ. Явнымъ поводомъ къ войнѣ послужило вмѣшательство короля Давида за права на англійскую корону двоюродной сестры его Матильды, тайнымъ же орудіемъ, вѣроятно, были жалобы и подстрекательства значительнаго числа недовольныхъ выходцевъ изъ англійскихъ норманнъ, постоянно находившихъ гостепріимный пріютъ въ Шотландіи. Въ кровопролитной битвѣ (1138 г.), известной подъ именемъ сраженія подъ знаменемъ, Шотландцы были разбиты на голову.

Несмотря на блистательную побѣду, положеніе короля Стефана оставалось все-таки весьма труднымъ. Государство представляло печальную картину: по всей странѣ безнаказанно проиводились разбой и грабежи. Не только свѣтскіе владѣтели графы и бароны, но даже духовные считали себя полновластными и независимыми. Даже епископы укрѣпляли свои замки и изъ за стѣнъ ихъ выходили вооруженными шайками отнимать послѣднее достояніе горожанъ и селянъ; не находя ничего для грабежа, они захватывали людей для выкупа. По краснорѣчивому

разказу одной современной хроники „норманскіе сеньеры похищали всѣхъ, у кого можно было предположить какое-нибудь состояніе, мужчинъ и женщинъ, днемъ и ночью; и когда они держали своихъ плѣнниковъ взаперти, то, чтобы добыть отъ нихъ золота и серебра, они подвергали ихъ такимъ мукамъ, какихъ никогда не переносили мученики: однихъ вѣшали за ноги, головою надъ дымомъ; другихъ вѣшали за большіе пальцы рукъ, раскладывая подъ ихъ ногами огонь; инымъ стягивали ремнемъ голову до того, что трескался черепъ; нѣкоторыхъ бросали въ ямы, наполненныя змѣями, жабами и разными гадами; были и такіе, которыхъ ввали въ *chambre à étuis*: такъ назывался на норманскомъ языкѣ родъ ащика, короткій, узкій, неглубокій, наполненный острыми кремнями, въ которомъ такъ сжимали страдальца, что члены его тѣла выходили изъ составовъ и ломались. Въ большей части замковъ вѣшались связки цѣпей, до того тяжелыхъ, что два или три человѣка могли съ трудомъ ихъ подымать; несчастный, на котораго ихъ надѣвали, поддерживался въ стоячемъ положеніи желѣзнымъ ошейникомъ, прикрѣпленнымъ къ столбу, и не могъ ни сѣсть, ни лечь, ни спать. Они заморили голодомъ нѣсколько тысячъ людей. По городамъ и селеніямъ они налагали налоги на налоги такъ называемое *tenserie*—наказаніе. Если жителямъ уже нечего было больше отдавать, ихъ грабили и выжигали города. Можно было вѣхать цѣлый день, не встрѣтивъ никого и не увидавъ ни одного обработаннаго поля. Вѣдныя умирали съ голода.

Королю необходимо было предпринять рѣшительныя мѣры противъ этихъ внутреннихъ враговъ, между тѣмъ какъ въ то же время предстояло отражать нападенія претендентши на англійскій престолъ, анжуйской графини Матильды. Вызванная недовольными, Матильда явилась въ Англии 22 сентября 1139 года на берегахъ Суссекса въ замкъ Аронделъ, откуда направилась къ Бристольскому замку, гдѣ находился главный ея приверженецъ и братъ Робертъ глочестерскій. Въ продолженіи 2-хъ лѣтъ тянулася беспощадная, междоусобная война: на сторонѣ короля были города и наемныя войска ужасныхъ брабансонцевъ, сторону же Матильды поддерживали недоволь-

ные графы и прелаты. Наконецъ Линкольнская битва, гдѣ король Стефанъ, не смотря на свое личное отчаянное мужество, былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ, рѣшила дѣло въ пользу графини анжуйской: короля плѣнника заключили въ Бристольскій замокъ, а Матильда провозглашена была королевою Англіи (1141 года).

Междоусобная война повидимому кончилась, и дѣло короля казалось окончательно проиграннымъ, но не надолго. Надмѣнный характеръ Матильды вскорѣ возбудилъ противъ себя общее неудовольствіе; стали вспоминать и жалѣть несчастнаго, ласковаго короля Стефана. Первымъ дѣломъ новаго царствования было требованіе съ лондонскихъ гражданъ новаго громаднаго денежнаго сбора, а когда раззоренные горожане умоляли отсрочить налогъ, то получили высокоумный, жесткій отказъ. Тогда (1142 г.) народныя массы съ оружіемъ въ рукахъ двинулись въ Вестминстерскому дворцу Вильгельма рыжаго, гдѣ находилась королева. Не смѣя рисковать на вооруженный отпоръ, королева и Робертъ глочестерскій съ норманскими и анжуйскими баронами бѣжали въ Оксфордъ. Между тѣмъ этия обстоятельства воспользовался братъ короля Генрихъ винчестерскій и успѣлъ организовать партію въ пользу короля. Къ счастью для этой партіи въ одной изъ междоусобныхъ схватокъ захваченъ былъ въ плѣнъ Робертъ глочестерскій,—что совершенно уравнивало шансы войны. Въ такомъ положеніи обѣ партіи согласились на обоюдный разрывъ плѣнниковъ короля Стефана и Роберта глочестерскаго. Король плѣнникъ снова получилъ свое государство, но это государство далеко было не въ прежнемъ видѣ и ограничивалось только одними центральными и восточными провинціями. Нормандіей владѣлъ мужъ Матильды Готфридъ анжуйскій, передавшій потомъ ее сыну своему Генриху, а въ западныхъ провинціяхъ Англіи господствовала Матильда. Война продолжалась еще пять лѣтъ безъ всякихъ рѣшительныхъ успѣховъ съ обѣихъ сторонъ; замки переходили изъ рукъ въ руки, дѣлаясь добычей то одной, то другой партіи. Наконецъ въ 1150 г. Готфридъ отозвалъ изъ Англіи жену и сына, а въ 1151 г. Генрихъ сынъ Готфрида, по смерти отца, сдѣлался обладате-

лемъ его владѣній Анжу и Нормандіи. Въ слѣдующемъ (1152) году въ этомъ владѣніямъ женитьбой на Элеонорѣ аквитанской онъ присоединилъ Гіэнь и Пуату. Соединенныя силы этихъ государствъ дали ему возможность сдѣлать (1153) высадку на берега Англии. Война должна была возгорѣться съ новою силою, но въ это время умеръ единственный сынъ Стефана Евстафій, въ пользу котораго король домогался наслѣдственной короны въ своемъ семействѣ. Смерть Евстафія послужила поводомъ къ заключенію мирнаго договора между Стефаномъ и Генрихомъ, скрѣпленнаго клятвами всѣхъ графовъ, въ силу котораго Стефанъ признавался королемъ, а Генрихъ будущимъ его наслѣдникомъ. Въ слѣдующемъ году умеръ король Стефанъ.

Съ водареніемъ Генриха II началась новая династія плантагенетовъ. При коронованіи хартіей 1154 г. вѣроятно были утверждены всѣ права и вольности въ объемѣ существованія ихъ во время Вильгельма завоевателя, но безъ расширенія и безъ присоединенія какой-либо новой гарантіи. Ни въ это царствованіе, ни въ правленіе Ричарда свободныя учрежденія не сдѣлали никакого прогресса, хотя народъ начинаетъ пріобрѣтать нѣкоторое особенное значеніе, а высшій классъ Нормандцевъ уже не различается отъ Саксовъ, составляя одно англійское дворянство. Царствованіе Генриха II полно борьбы, правда не общей, не имѣвшей конституціоннаго характера, но и не лишеннаго политическаго вліянія, какъ напр. борьба за Анжу и Бретань, борьба съ Томасомъ Бекетомъ, графами лейчестерскимъ и норфольскимъ, борьба съ сыновьями и завоеваніе Ирландіи.

Всѣ событія кровавыхъ драмъ этого времени можно считать непосредственнымъ послѣдствіемъ не столько политическихъ комбинацій, сколько личнаго характера государя. При громадномъ развитіи властолюбія и неутолимой жажды пріобрѣтенія, въ характерѣ Генриха вмѣстѣ съ тѣмъ совмѣщались сердечныя увлеченія до безразсудства и полное отсутствіе самообладанія, какъ это очевидно обнаруживается въ отношеніяхъ его къ дѣтямъ и въ особенности къ женѣ, впрочемъ никогда имъ нелюбимой.

Въ первое время царствованія Генрихъ могъ назваться государемъ популярнымъ; народъ чувствовалъ къ новому монарху симпатію, какъ къ потомку своей народной династии и какъ къ избавителю отъ грабительства ужасныхъ брабансонцевъ, выгнанныхъ изъ государства съ отобраніемъ обратно земель и замковъ, частью пожалованныхъ и частью самовольно захваченныхъ ими въ предшествовавшее царствованіе. Такое мирное настроеніе продолжалось недолго: скоро личные интересы короля увлекли его въ непрерывныя войны. Согласно воли отца, Генрихъ долженъ былъ бы, сдѣлавшись королемъ Англіи, передать графство Анжу брату своему Готфриду, но въ прямое нарушеніе обязательства Анжу была имъ удержана, а когда Готфридъ, съ помощью нѣкоторыхъ приверженцевъ, хотѣлъ силою овладѣть наслѣдствомъ, королевскія англійскія войска заставили его отказаться отъ всякихъ притязаній на Анжу и удовлетвориться пенсіей изъ тысячи англійскихъ и 2-хъ тысячъ анжуйскихъ ливровъ (1157 г.). Какъ будто въ вознагражденіе утраченныхъ владѣній, въ это время Готфридъ избранъ былъ графомъ гражданами Нантъ, но и этимъ владѣніемъ пользовался недолго. Послѣ смерти его въ слѣдующемъ 1158 г., Нантъ перешелъ во владѣніе Конона графа Бретанскаго. Обстоятельство это подало поводъ Генриху заявить претензію на Нантъ, какъ на наслѣдство послѣ брата и потому войска его заняли сначала Нантъ, а потомъ и всю страну между Луарой и Виленой. Но это казалось Генриху недостаточнымъ. Желая присоединить къ себѣ всю Бретань, онъ заключилъ съ Конономъ мирный договоръ, по которому младшій сынъ Генриха восьмилѣтній Готфридъ долженъ былъ жениться на пятилѣтней дочери Конона Констансѣ, причемъ тесть обязывался признать своимъ наслѣдникомъ будущаго зятя, а король защищать владѣнія Конона отъ всякихъ постороннихъ притязаній. Условенный бракъ совершился въ 1166 году, а въ слѣдъ затѣмъ въ томъ же году вспыхнуло противъ Конона народное возмущеніе. Призванный на помощь противъ мятежниковъ, Генрихъ, вмѣсто безкорыстной помощи родственнику, овладѣлъ отъ имени своего Додемъ и многими другими мѣстечками, гдѣ оставилъ свои гарнизоны, прину-

днѣвъ въ тоже время Конона отказаться отъ управленія въ пользу его, съ правомъ взиманія податей по всей Бретани.

Такимъ усиленіемъ власти англійскаго короля оставалось весьма много недовольныхъ, какъ въ Бретани, такъ и внѣ ея. Король Франціи естественно не могъ быть равнодушнымъ къ расширенію могущества политическаго соперника и потому всякое возмущеніе, всякое покушеніе противъ Генриха всегда находили въ немъ поддержку. Въ Бретани составила значительная конфедерація (1168 г.) и почти одновременно образовалась конфедерація въ Пуату, жители которой были возбуждены дѣйствіями нормандскихъ чиновниковъ, насмѣвавшихся ихъ мѣстныхъ обычаи и нравы. Обвинитъ конфедераціямъ король Франціи Лудовикъ VII обѣщавъ помощь, — и ту и другую обманувъ, предоставивъ имъ вести войну собственными средствами. При такомъ неблагоприятномъ условіи инсurreкція не могла долго сопротивляться ударамъ многочисленнаго англійскаго войска. Она была подавлена, а король Франціи въ 1169 г. заключилъ съ Генрихомъ въ Монмираль мирный договоръ, по которому за королемъ Англій признавалось обладаніе Бретанью, подъ условіемъ признанія вассальства отъ короны Франціи. По заключеніи договора, Генрихъ II передалъ управленіе Бретанью, Анжу и Менъ старшему сыну Генриху.

Между тѣмъ какъ счастливое оружіе Генриха II усиливало значеніе короля Англій на континентѣ, въ самой Англій готовилась борьба, кончившаяся невыгодно для королевской власти. Это борьба съ Томасомъ Бекетомъ по поводу церковныхъ дѣлъ.

У Генриха II не было любимца дороже в преданнѣе Томаса Бекета до занятія послѣднимъ Канторберійской кафедрой. Томасъ, сынъ одного изъ значительнѣйшихъ лондонскихъ гражданъ Гильберта Бекета, получилъ основательное образованіе въ Лондонѣ и Парижѣ и слушалъ въ Болоннѣ уроки знаменитаго Граціана, изслѣдователя науки каноническаго права. По возвращеніи въ Англій Томасъ Бекетъ быстро достигнулъ, отъ бенефиции къ бенефиции, къ должности Канторберійскаго архидіакона, къ должности самой богатой и самой видной послѣ

епископскихъ кафедръ и главныхъ аббатствъ. Довѣннѣ и точнымъ исполненіемъ обязанностей своего званія Томасъ чрезвычайно понравился архіепископу Теобальду, такъ, что по настоятельной рекомендаціи послѣдняго, Генрихъ II выбралъ его въ наставники къ своему старшему сыну, съ назначеніемъ канцлеромъ государства. Томасъ сдѣлался постояннымъ повѣреннымъ и душевнымъ другомъ короля. Обстановка жизни его славилась роскошью и великолѣпіемъ; онъ держалъ открытый столъ для всѣхъ имѣвшихъ дѣло къ государю. Во время посольства во Францію, онъ выказалъ неслышанную роскошь: „каждый разъ, когда онъ вступалъ въ городъ, по расписазу современныхъ лѣтописцевъ, кортежъ открывался 250 молодыми людьми, пѣвшими національныя пѣсни. За ними вели на сворахъ собакъ, ватѣмъ слѣдовало 8 фуръ, запряженныхъ каждая 5 лошадьми и управляемыхъ 5 кондукторами. Двѣ первые фуры везли бочки элю для народа, третью составляли предметы походной церкви канцлера, четвертая спальную мебель, пятая кухню, послѣднія назначались для поклажи свиты. За фурами слѣдовали 12 вьючныхъ лошадей, изъ которыхъ на каждой сидѣлъ всадникъ съ обезьяной. За вьючными лошадьми шли въ послѣдовательномъ порядкѣ конюхи съ боевыми конями, синовья знатныхъ, рыцари и духовные по два въ рядъ и наконецъ самъ канцлеръ“.

Томасъ тщеславился и славой храбраго начальника, добраго рыцаря. Въ продолженіе войны въ полуденной Франціи, онъ оказалъ много примѣровъ замѣчательнаго мужества и ворочился въ Нормандію, въ сопровожденіи 1200 рыцарей и 4000 человекъ свиты, содержащейся на его собственный счетъ. Что же касается до политической дѣятельности Томаса, то въ ней постоянно выдавалась беззапятная преданность къ государю. Такъ несмотря на принадлежность свою къ духовному званію, онъ нерѣдко вступалъ въ открытую и серьезную борьбу съ духовенствомъ, защищая выгоды своего друга—короля.

Такова была блестящая личность, которую Генрихъ II, обдумывая прозѣтъ обузданія вольности и привилегій духовенства, рѣшился возвести по смерти Теобальда на Кантор-

берійскую кафедру. Томасъ долго отказывался, откровенно высказывая невозможность исполненія обязанностей архіепископа и сохраненія благосклонности короля. Такое именно возраженіе и при такихъ же условіяхъ дѣлалъ и Григорій VII Генриху IV, но король Англіи, какъ и Германскій императоръ, не обратилъ на то никакого вниманія. Томасъ Бекетъ сдѣлался примасомъ Англіи въ 1162 году.

Вступивъ на кафедру, Томасъ разорвалъ съ міромъ, полнымъ его скандалами, всякую связь, но то, что проиграла веселые, живые собутыльники, выиграла бѣдныя. Совершенно поглощенный обязанностями новаго положенія, архіепископъ, къ крайнему неудовольствію короля, сложилъ съ себя званіе канцлера; кромѣ того, монашеская строгость новаго прелата не могла не возбудить противъ себя въ королѣ сильнаго раздраженія, которое интригами и происками придворныхъ скоро превратилось въ слѣпую ненависть. Упорная борьба разразилась. Искусно возбужденная королемою по вопросу объ уголовной юрисдикціи духовныхъ судовъ, юрисдикціи, захваченной злоупотребленіемъ и несогласной даже съ правилами святыхъ каноновъ, борьба эта скоро обняла собою всѣ привилегіи церкви. Для болѣе правильнаго уразумѣнія значенія возникшей борьбы необходимо прослѣдить причины ея.

Вильгельмъ завоеватель, для упроченія приобрѣтенія новаго государства, долженъ былъ, по необходимости, искать поддержки въ духовенствѣ. Съ этой цѣлью были предоставлены духовенству нѣкоторыя привилегіи, какъ напр. уничтоженіа отвѣтственности священниковъ передъ гражданскими судьями, дана привилегія производить судъ высшимъ духовнымъ сановникамъ, учреждены епископскіе суды, разбирающіе нѣкоторые роды тяжбъ свѣтскихъ людей и всѣ претенціи противъ лицъ духовнаго званія. Въ правленіе Вильгельма завоевателя и потомъ его старшаго сына эти права не могли имѣть особеннаго значенія, такъ какъ во всемъ и все склонилось передъ рѣшительнымъ и твердымъ характеромъ этихъ государей. Но впоследствии при дальнѣйшихъ преемникахъ, въ особенности при внутреннихъ спорахъ и междоусобицъ войнахъ, эти привилегіи дали духовенству положеніе совер-

шенно самостоятельное, почти нисколько независящее отъ короны. Кромѣ того, назначеніе легатовъ (король Стефанъ испросилъ у папы брату своему Генриху винчестерскому достоинство папскаго легата) дало возможность римскому двору не только вмѣшиваться во внутреннія дѣла англійской церкви, но и получить преобладающее вліяніе. На выборахъ епископовъ рѣшительное слово стало принадлежать папѣ; во всѣхъ значительныхъ процессахъ стали апеллировать въ Римъ. Въ этому присоединился и практическій вредъ, какъ неизбежное послѣдствіе привилегій. Духовенство англійское того времени не отличалось строгою нравственностью; духовныя лица, одинаково съ свѣтскими баронами, совершали убійства, грабежи и насилія, а такъ какъ они подлежали только своему суду, то преступленія ихъ почти всегда оставались безнаказанными. Въ слѣдствіе этого число преступленій духовныхъ лицъ увеличилось до весьма значительныхъ размѣровъ, такъ что въ первые же годы царствованія Генриха II считалось до 100 смертоубійствъ, совершенныхъ священниками. Всѣ эти обстоятельства заставляли короля рѣшиться на уничтоженіе привилегій. Съ этою то цѣлью, т. е. для приведенія новой реформы въ исполненіе, имъ выбрано было на Канторберійскую кафедру лицо, на преданность котораго повидимому онъ могъ положиться.

Въ 1164 году король потребовалъ отъ Томаса Бекета уничтоженія церковнаго суда и получилъ положительный отказъ. Раздраженный противодѣйствіемъ бывшаго любимца, король перенесъ обсужденіе вопроса въ государственное собраніе въ Кларендонъ. Такъ какъ въ собраніи участвовали, кромѣ духовенства, и бароны, то по большинству голосовъ, рѣшеніе состоялось согласно съ видами короля. Главныя статьи кларендонскихъ постановленій состояли въ томъ, что духовенство подчинялось королевской судебной власти и могло приносить жалобы только ему, епископы лишились права вѣзда въ государство безъ дозволенія короля, никто изъ вассаловъ или подданныхъ короля немогъ быть подвергнутъ отлученно отъ церкви безъ согласія короля, вопросы о томъ, составляетъ ли какая либо собственность имущество церкви или свѣтскій левъ

должны рѣшиться двѣнадцатю присяжныхъ и наконецъ помѣстья епископовъ: признавались ленати короля и уравнивались со свѣтскими бароніями.

Эти постановленія подписали епископы и самъ примасъ Томасъ Бекетъ, хотя послѣдній подѣ угрозою насилія. Дѣло казалось улаженнымъ, какъ вдругъ приняло другой оборотъ. Подѣ вліаніемъ угрызеной совѣсти и считая себя измѣнникомъ церкви, примасъ обратился къ папѣ Александру съ просьбою уничтожить сдѣланныя имъ уступки и умоляя простить его за слабость; а между тѣмъ, не сождавъ рѣшенія святаго отца, самъ запретилъ себѣ отправленіе епископскихъ обязанностей. Папа незамедлительно уничтожилъ кларендонскую конституцію, какъ покушеніе на права и привиллегіи церкви.

Тогда вся ярость короля обрушилась на бывшаго любимца, какъ на измѣнника и мятежника. Оставленный, то по слабости, то по зависти большинствомъ епископовъ, Томасъ Бекетъ позванъ былъ къ суду короля, къ отвѣту на множество гнусныхъ, несправедливыхъ обвиненій, съ цѣлю принудить его сложить архіепископскій санъ. Упрямый прелатъ рѣшился на борьбу до конца. Въ день произнесенія рѣшительной сентенціи Томасъ, отслуживъ молебенъ св. первомученику Стефану, явился во дворецъ въ платьѣ первосвященника, съ жезломъ въ рукѣ. Въ приемной его заставили ждать довольно продолжительное время, пока судъ открылъ свое засѣданіе. Въ моментъ, когда графъ лейчестерскій приказалъ архіепископу выслушать сентенцію: «какъ сентенцію», вскричалъ тотъ, графъ, сынъ мой, выслушай прежде меня... Вы мои дѣти по Господу; ни законъ, ни разумъ не позволяютъ вамъ судить вашего отца. Я отвергаю вашъ трибуналъ и отдаю мою участь рѣшенію папы, а теперь подѣ покровительствомъ церкви и апостольскаго престола, я уѣзжаю». И съ этими словами онъ оставилъ собраніе. По выходѣ изъ дворца народъ встрѣтилъ его съ восторгомъ и съ триумфомъ проводилъ домой. Однакожъ по убѣжденіямъ друзей, бѣжавшихъ за него, онъ темной ночью оставилъ Англію (1165), проѣхалъ Францію и явился къ папѣ Александру III. Святой отецъ сначала принялъ въ немъ живое участіе, приказалъ сохранить архіепископское дос-

тонство и назначилъ ему мѣстопробываніе въ аббатствѣ Поитиньи, а между тѣмъ раздраженный неожиданнымъ бѣгствомъ Томаса, король обратилъ свою ненависть на друзей и родственниковъ архіепископа, которыхъ и изгналъ изъ отечества до 400 человекъ.

Однакожь подѣ грозовыми угрозами церкви, а можетъ быть и нуждаясь въ папѣ, по поводу своихъ распрій съ сыновьями и завоеванія Ирландіи, король изъявилъ готовность войти въ соглашенія. Условлено было личное свиданіе короля съ прелатомъ 22 іюня 1170 г. между Фретевакемъ и Лаферте—Бердпромъ. Этимъ свиданіемъ, казалось, повидимому совершилось молное примиреніе, такъ по крайнѣй мѣрѣ можно было судить по письму короля Генриха II къ сыну, въ которомъ онъ приказывалъ допустить архіепископа и его приверженцевъ къ обладанію всѣми ихъ имуществами. Томасъ воротился въ Англію, но тамъ онъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ смертельными врагами, архіепископами Йоркскимъ, Лондонскимъ и Салсберійскимъ, отлученными папой отъ должностей. Эти три прелата съ единомышленными придворными ложными доносами и клеветами успѣли снова возбудить гнѣвъ короля, бывшаго тогда въ Нормандіи. Притомъ же и самъ архіепископъ Томасъ немало содѣйствовалъ къ еще большому возбужденію противъ себя. Такъ тотчасъ же по пріѣздѣ въ Англію, онъ положилъ проклятіе на многихъ знатныхъ, преданныхъ королю, за исполненіе его воли. Объ этой новой выходкѣ архіепископа недовольные успѣли донести королю, съ различными прибавленіями. „Неужели изъ всѣхъ монаховъ нахлѣбниковъ, въ принадлежѣ бѣшенства сказалъ король, не найдется ни одного, который бы избавилъ меня отъ этого мятежника“. Тогда четыре кавалера Регинальдъ Фитцуръ, Вильгельмъ Треги, Гутъ Морвилъ и Ричардъ Брито, безъ прямого дозволенія короля, отправились въ Англію и тамъ явились къ архіепископу, вооруженными съ ногъ до головы. „Я удивляюсь, сказалъ тотъ, какъ вы явились грозить мнѣ въ собственномъ моемъ домѣ.“—Мы сдѣлаемъ еще больше, отвѣчали они. Встревоженные архіепископскіе служители упросили его укрыться въ церкви. Онъ вошелъ уже на ступени алтара, когда проникли

туда четыре кавалера съ 12 вооруженными воннами. Гдѣ измѣнникъ, гдѣ архіепископъ? кричали они.—Тогда архіепископъ съ однимъ только служителемъ—прочіе разбѣжались—пошелъ къ нимъ на встрѣчу и, обращаясь къ Фяцпуру, сказалъ: „Я здѣсь, я архіепископъ, но не измѣнникъ. Регинальдъ, я показывалъ тебѣ много милостей, но если ты хочешь моей смерти—убей меня, но пощади моихъ невинныхъ служителей“. Кавалеры потребовали отъ него немедленнаго разрѣшенія отлученнымъ епископамъ. „Нѣтъ, отвѣчалъ архіепископъ, пусть она прежде заслушаетъ прощенія.“—Ну такъ умрѣ вскричалъ Регинальдъ и нанесъ ему въ голову жестокой ударъ, переломившій руку и служителя, заслоняющаго собою пастыря. Покритый кровью, архіепископъ сложилъ руки и наклонилъ голову, говоря: «за имя Христа и Его святую церковь я готовъ умереть». Нанесенъ былъ второй ударъ, третій испровергъ его мертвымъ къ подножію алтара св. Венидикта. Однимъ изъ убійцъ сталъ ногою на грудь, и вонзивъ мечъ подъ черенныя покровы, разбросалъ мозгъ по церковному полу. Такъ умеръ 29 декабря 1170 г. Томасъ Бекетъ, извѣстный подъ именемъ святаго Томаза Канторберійскаго. Черезъ два года память его была канонизирована римскимъ дворомъ, но еще прежде, тотчасъ же по кончинѣ святаго, народное благочестіе причислило его съ святымъ и могила его приняла цѣлебную силу.

Это убійство, казавшееся торжествомъ Генриха II, послужило окончательнымъ его пораженіемъ. Кларендонскія конституціи исчезли затопленными въ крови мученика. Король вынужденъ былъ заключить унижительный для себя договоръ съ римскимъ дворомъ, въ силу котораго англійская церковь получила независимость отъ королевской власти, за исключеніемъ права суда надъ духовенствомъ,

Королевскій дворъ находился въ Нормандіи, въ Аржантонѣ, празднуя Рождество Христово, когда достигла туда вѣсть о гнусномъ убійствѣ. Волѣе всѣхъ это извѣстіе поразило короля. По сказанію лѣтописей, онъ разорвалъ на себѣ одежды и проклиналъ измѣнниковъ во зло употребившихъ его увлеченіе. Покритый власяницей, онъ уединился отъ всѣхъ, отка-

Въ Редакціи „ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ“ (С.-Петербургъ, Больш. Садовая, д. 121, кв. 12),

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Очерки древне-римской жизни. Т. *Симонса*. 1879 г. Ц. 1 руб. 20 в.

Нето шит, романъ *Эберса*. С.-П.-Б., 1878 г. Цѣна 1 руб. 20 коп.

Россія и Турція отъ возникновенія политическихъ между ними отношеній до Лондонскаго трактата (включительно). Истор. очеркъ *Д. Бухарова*. С.-П.-Б. 1878 г. Ц. 1 руб. 20 коп.

Московское княжество въ I половинѣ XIV в. Историческій этюдъ *П. Полежаева*, С.-П.-Б. 1878 г. Ц. 1 руб.

Рыцарь или Дама Истор. повѣсть *Самарова* 1878 г. Ц. 1 руб.

Экономическій бытъ вкрест. населенія передъ крѣпостн. правомъ и колонизація юго-восточныхъ степей *П. Соколовскаго* 1878 г. Ц. 1 руб. 70 коп.

Изданія эти продаются и во всѣхъ извѣстныхъ магазинахъ въ О.-Петербургѣ.

Выписывающіе прямо изъ Редакціи за пересылку не прилагаютъ.

мк. 244372

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

въ 1880 г.

БУДЕТЬ ВЫХОДИТЬ ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ И ВЪ ТѢЖЕ СРОКИ.

Цѣна годовому изданію 6 руб. 50 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ Редакціи журнала (Больш. Садовая домъ 121 кв. 12) и въ книжномъ магазинѣ **Я. Исакова**, Невскій просп. Гостинный дворъ № 24.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться: въ Петербургѣ въ редакцію журнала „Историческая Библиотека“ (Больш. Садовая домъ 121, кв. 12).

1. Редакція отвѣчаетъ за доставку журнала подписавшимся только въ мѣстахъ, означенныхъ въ объявленіи.

2. Редакція проситъ гг. подписчиковъ точно обозначать свое имя, отчество и фамилію, а также и то почтовое учрежденіе, куда долженъ быть журналъ адресованъ; иначе редакція не отвѣчаетъ за правильную доставку.

3. Подписчики, желающіе перемѣнить адресъ, благоволятъ своевременно увѣдомить о новомъ мѣстѣ жительства, съ обозначеніемъ прежняго, при чемъ за всякую перемѣну уплачивается 50 коп.

4. Желающіе доставить свои произведенія въ Редакцію должны обозначать свой адресъ и подробныя условія, безъ обозначенія послѣднихъ, редакція не будетъ считать себя обязанною входить съ авторомъ въ какіе-либо расчеты.

Редакторъ-издатель **П. В. Полемаевъ.**

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ВИДЯЮЩЕЯ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

1879.

№ 11. Ноябрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. СУЖИНСКАГО.
Екатерининскій каналъ, 168.

1879

СОДЕРЖАНІЕ № 11.

- 1 За живою изгородью.
- 2 Разсказъ плѣнника.
- 3 Пѣснь о походѣ Игоря.
- 4 Библиографическій указатель.
- 5 Объявленія.
- 6 Основныя эпохи въ исторіи Англіи.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ.

№ 11. Ноябрь.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Ф. СУЩИНСКАГО.

Высочайшій каналъ 168.

1879

Δ
PSlav 379.55 (1879, no. 11-12)

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1 За живою изгородью ист. пов. Визига	52—118
2 Рассказ плѣнника Минясова-отца	1—55
3 Пѣсь о походѣ Игоря	1—39
4 Библиографическій указатель	1—12
5 Объявленія	
6 Основныя эпохи въ исторіи Англіи . Павлова	208—240

Въ Редаціи имѣется небольшое количество экземпляровъ «Исторической Библіотеки» изданія 1878 года. Цѣна годовому изданію 6 руб. 50 в. съ пересылкою 8 рублей. Для подписчиковъ же 1879 года—7 руб. съ пересылкой, и 6 руб. безъ пересылки.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 Октября 1879 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1880 ГОДЪ

Основанъ въ 1831 году.

ВАЗА

Существуетъ 48 лѣтъ.

ЖЕНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ РУКОВОДНО-МОДНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЪ РОССИИ МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ СЪ ПРЕМИАМИ.

Выходитъ 1 и 15 числа каждой мѣсяца большими тетрадами.

24 номера журнала 12 руководно-модныхъ и 12 литературныхъ (романы, повѣсти стихотворенія, путешествія, разныя известія и т. п.) 1000 политпажей въ текстѣ. 24 модныя гравюры. 12 листовъ литорафирован. узоровъ и выкроекъ. 24 вырѣзныя выкройки въ натуральную величину. 6 листовъ раскрашенныхъ узоровъ. Карманный календарь на 1880 годъ.

Возрастающій съ каждымъ годомъ успѣхъ журнала даетъ редакціи возможность увеличить цѣнность и количество премій—Преміи предназначенныя для 1880 года выйдутъ изъ ряда обыкновенныхъ. Желающіе, могутъ видѣть ихъ въ редакціи.

Каждый подписчикъ 1880 года получитъ ШЕСТЬ ПРЕМИЙ, а именно:

1) Вархатныя золотомъ вышитыя туфли (вышивка исполнена по заказу редакціи настоящими серебряными черезъ огонь вызолоченными нитями).

2) Двѣ олеографич. кактисы (pendant) заграничной работы.

3) Картинка для туалетнаго стола. Тисненая вырѣзка изъ золоченой бумаги. Часть работы.

4) Большая подушка для дивана. Раскошный букетъ. Матеріалъ полный для букета и для фона. Узоръ для исполненія раскрашенный и въ натуральную величину.

5) Вышивка для бивара на французской кантѣ. Матеріалъ полный и раскрашенный. Полевныя цвѣты.

6) Закладка для книги съ тисненой вышивкой и вышивкой (Souvenir). Преміи выдаются и разсылаются всѣ сразу: Городскимъ—въ Январѣ; Иногороднымъ подписавшимся въ Ноябрь—въ Январѣ. Подписавшимся въ Декабрь—въ Февралѣ. Позднѣйшимъ подписчикамъ въ теченіи Феврала и Марта.

Расрочка допускается чрезъ казначеевъ и по соглашенію съ редакціей.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И:

На годъ безъ премій . . . . 7 р. — к. (безъ перес. . 6 р. — к.).

На полгода безъ премій . . . 4 р. — к. (безъ перес. . 3 р. 40 к.).

На 3 мѣсяца безъ премій . . 1 р. 80 к. (безъ перес. . 1 р. 41 к.).

Съ Преміями 5 р. денежно.

На упорку премій Редакція проситъ выслать 42 к. (марками).

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «ВАЗА»,
Лештуковъ пер. д. № 13.

О ВЪ ИЗДАНИИ

въ 1880 году

ЕЖЕМЪСЯЧНАГО ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНАГО ЖУРНАЛА

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

(годъ третій).

Въ 1880 году «Историческая Библиотека» будетъ выходить при участіи тѣхъ же лицъ, по той же программѣ и въ тѣ же сроки.

Программа: романы, повѣсти, рассказы, очерки и мемуары, преимущественно историческаго содержанія; историческія сочиненія, изслѣдованія, монографіи и матеріалы.

Согласно съ намѣченною цѣлью, редакція помѣщала и будетъ помѣщать въ журналъ своемъ тѣ произведенія, которыя, при литературномъ достоинствѣ, совершенно вѣрны и исторической истинѣ. Содержаніе журнала 1879 года, включая и печатающееся для послѣднихъ выпусковъ: беллетристическаго содержанія—Семейство Шалонскихъ (изъ семейныхъ преданій 12 г.), Е. Туръ; Новгородскій погромъ, ист. пов. Политковскаго; Очерки древне-римской жизни, Т. Симонса; Престолъ и Монастырь (хроника-романъ 1682—1689 г.), Ш-б-скаго; Клирошане (сцены), Б. Б.; Переписка папы Климента XIV съ Карлино Бертинаци, Соколова; Съ русскимъ караваномъ, Н. Огородниковъ; Жанна де-Монфоръ, ист. пов. Витта; Воспоминанія изъ Кавказской боевой жизни, Горюнова; Разсказъ плѣнника (изъ Хивинской экспедиціи), Д. И. Минаева; За живой

изгородью (вандейская война), ист. пов. Витта; Семинаристъ Богословскаго; Новгородскія Былины Авенариуса; ученаго содержания—Флоренція въ XIV в., ист.-кул. очеркъ Красноперова; Очеркъ Провансальской поэзіи любви, Деларю; Описаніе Московіи по реляціямъ Карлейля, Павловскаго; Арсеній архіеп. Элассонскій, Оглоблина; Пугачевскій бунтъ по Кастеру, Деларю; Индусы и Будда, Новоселова; Сервантесъ, покойн. проф. Селина; Тюремный вопросъ, Никитина; Основныя эпохи въ исторіи Англіи, Павлова и мн. друг., не считая мелкихъ статей. Въ будущемъ же году (редакція предполагаетъ увеличить объемъ книгъ) будутъ помѣщены, кромѣ многихъ другихъ, слѣдующія произведенія: Царскій выборъ ист. пов. Политковскаго, Тѣни Прошлаго (Биронъ и Волынскій) хроника-романъ Шубарскаго, (псевдонимъ) автора «Престоль и Монастырь», Аттива по Дункеру, матеріалы для русской исторіи XVIII в., Послѣдніе Стюарты, нѣсколько переводовъ лучшихъ иностранныхъ историческихъ сочиненій и др.

Цѣна годовому изданію 6 руб. 50 к., съ перес. 8 руб. Подписка принимается въ редакціи (Бол. Садовая д. 121 кв. 12) и въ книж. магазинѣ Я. Исакова, гос. дв. № 24. Иногородныя благоволятъ адресовать въ Петербургъ, въ Редакцію журнала «Историческая Библіотека» (Бол. Садовая д. 121)

Г.г. Подписчики текущаго года получаютъ всѣ вышедшіе нумера.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ Н. Г. МАРТЫНОВА

(Невскій проспектъ № 46, въ С.-Петербургѣ)

Продается новый историческій романъ Е. П. БАРНОВИЧА,

ЛЮБОВЬ И КОРОНА,

ИЗЪ ВРЕМЕНЬ

Императрицы **Анны Ивановны** и регентства
принцессы **Анны Леопольдовны**.

Предлагаемый публикѣ историческій романъ «Любовь и корона», Е. П. Барновича, относится къ весьма интересной, исполненной драматизма, эпохѣ нашей исторіи, когда двѣ молодыя соперницы-родственницы считали каждая себя въ правѣ обладать русскою императорскою короною, и когда приверженцы одной изъ нихъ, именно цесаревны Елизаветы Петровны, дѣйствуя смѣло и рѣшительно, лишили власти правительницу, принцессу Мекленбургскую Анну Леопольдовну, намѣревавшуюся уже объявить себя царствующею государынею. Обстоятельства, какъ предшествовавшія этому государственному перевороту, такъ и послѣдовавшія за нимъ, а именно: положеніе Анны при дворѣ ея тетки-императрицы, любовь молодой дѣвушки къ саксонскому посланнику графу Яннару, имѣвшему на нее неограниченное вліяніе, столкновенія принцессы съ Бирономъ, низложеніе послѣдняго какъ регента, отношенія Анны къ Елизаветѣ, печальная судьба бывшей правительницы и ея семейства—все это доставило автору благодарный матеріалъ для подробной обрисовки не только дѣйствовавшихъ тогда лицъ, но и характера всей избранной имъ эпохи.

Въ этомъ сочиненіи г. Карновича, государственныя и дворцовыя событія, равнымъ образомъ и всѣ особыя случаи, изложены съ историческою точностію, и основаніемъ для каждаго отдѣльнаго или вводнаго разсказа служили ему дѣйствительныя, а не вымышленныя событія. Если же иногда авторъ и допускалъ незначительныя отступленія отъ исторической точности, то лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требовалъ драматизмъ разсказа, или же въ описаніяхъ, для полноты которыхъ необходимо было собирать однородныя подробности, относящіяся къ тогдашней бытовой обстановкѣ. Но и при этихъ отступленіяхъ авторъ все-таки строго придерживался *сказаній того времени*, наблюдая, чтобы разсказъ его постоянно сохранялъ духъ и отпечатокъ описываемой имъ исторической эпохи; и чтобы въ него не вкрадывался праздный вымыселъ, чуждый дѣйствительности. При такихъ условіяхъ, предлагаемое сочиненіе г. Карновича является простымъ историческимъ повѣствованіемъ, оживленнымъ въ его частностяхъ и подробностяхъ картинами, нарисованными такими чертами и такими красками, какими авторъ только могъ пользоваться при тщательномъ и разностороннемъ изученіи изображаемой имъ эпохи и всѣхъ ивѣствующихся для того источниковъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

Подобныя произведенія, увлекая читателя романтической интригой, невольно знакомятъ его и съ характеромъ дѣйствительныхъ историческихъ лицъ и событій даннаго времени.

Цѣна 2 рубля. — Книгопродавцамъ обычная уступка.

Складъ изданія у И. Г. Никифорова, Банонерская ул. д. № 5, кв. 2, въ С.-Петербургѣ.

ЗА ЖИВОЙ ИЗГОРОДЬЮ.

Вандейская война.

(1793—1794).

X.

Тяжелая карета маркизы Лескюрь приближалась къ Брессюэйру; тамъ и сямъ по дорогѣ показывались группы крестьянъ; они были въ походѣ и вооружены.

— Что это за люди? спросила г-жа Боже, замѣтивъ вдали отрядъ въ пятьдесятъ человѣкъ крестьянъ, стоявшихъ на колѣняхъ у подножія креста.

— Это вандейцы! вскричала Целестина, у которой и умъ и глаза были свѣжѣе, чѣмъ у матери,—это наши воины. Какіе добрые люди, какъ я ихъ люблю! я такъ бы и обняла ихъ всѣхъ! Марья съ трудомъ могла успокоить сестру.

— Они вооружены отточенными косами, сказала г-жа Дониссанъ,—это старинное оружіе крестьянъ и самое страшное. Бѣдные воины, у нихъ почти нѣтъ ружей!

Дѣйствительно группы, становившіяся все болѣе и болѣе многочисленными, представляли собою странное зрѣлище. Крестьяне были вооружены ножами и косами,

нѣкоторые размахивали дубинами въ полномъ убѣжденіи своей непобѣдимости. Они съ любопытствомъ смотрѣли на карету, отдавая должную честь своимъ оружіемъ.

— Кто въ каретѣ? спрашивали они у вучера.

— Маркиза де Лескюръ, отвѣчалъ онъ, — господинъ маркизъ съ арміей въ Брессюэйрѣ.

— А! это маркиза, она идетъ съ нами, тѣмъ лучше, она увидитъ, что мы за люди, говорили крестьяне, прибывшіе большею частію изъ отдаленныхъ приходоу Анжу и Пуату и потому знавшіе своего господина только по имени.

Карета медленно подвигалась, сопровождаемая многочисленной толпой. Наконецъ вѣхали въ Брессюэйрѣ.

— Я желала бы пройти по городу, сказала маркиза Лескюръ, выходя изъ кареты.

— Могу ли я идти съ вами? съ живостью спросила Целестина, уже успѣвшая позвать руку двумъ или тремъ крестьянамъ, простодушно ошеломленнымъ такимъ привѣтствіемъ.

— Маркизъ надобно бы посмотрѣть на Марію-Жанну! закричалъ Пьеръ Гуро, бывшій въ числѣ свиты, сходя съ лошади.

— Да! да! кричали во всѣхъ рядахъ вандейцы. — Она жила здѣсь плѣнницей и мы ее освободили! Мы однако же не нашли ее, когда входили, да и тѣхъ самыхъ, которые охраняли ее... да, да, они спаслись въ Кюиссонѣ.

— А эта маленькая тоже жила съ маркизой?

— Да, непременно, всѣ дамы въ каретѣ... и старуха тоже... она мать нашей госпожи... и всѣ толпились только бы посмотрѣть на маркизу Лескюръ.

— Вотъ Марія-Жанна, я увѣрена въ этомъ! закричала Целестина, понявшая, по языку крестьянъ, что дѣло шло о взятой пушкѣ.

Маркиза въ ожиданіи увидѣть въ средѣ крестьянъ какую нибудь всѣми уважаемую женщину, съ удивленіемъ осматривалась кругомъ.

— Вотъ она! кричало дитя — Целестина, первая

подбѣгая въ пушеѣ, увезенной изъ замка Ришелье, куда она нѣкогда была поставлена кардиналомъ; пушка была превосходно отлита и повсюду испещрена надписями въ честь Людовика XIII. Республиканцы ее потеряли въ первомъ сраженіи при Шоле.

Целестина сначала оперлась на лафетъ, а потомъ съ легкостью вскочивъ и усѣвшись на пушеѣ, крѣпко обняла ее своими нѣжными ручьями, нѣжно цалуя холодную бронзу. Всѣ крестьяне съ восторгомъ привѣтствовали дѣвочку.

— Вотъ такимъ-то образомъ мы ее и взяли, кричали они, самые храбрые вскочили на нее и помѣшали ей наносить намъ вредъ. Вотъ Пьеръ и Матье сѣли на нее верхомъ; синіе, испытавъ какъ сильно мы желали ею завладѣть, сейчасъ же отступили. Вотъ теперь она нашла своего ангела-хранителя съ нимъ Марія-Жанна намъ всегда принесетъ побѣду!

Бѣдные люди, ставъ на колѣни, горячо благодарили Бога за ниспосланіе ангела-хранителя ихъ возлюбленной пушеѣ, будущей соотрудницѣ ихъ битвъ.

Напуганная этой сценой, Целестина боялась сойти съ своего поста, боялась сдѣлать неудовольствіе крестьянамъ, краснѣла, и слезы текли по ея щекамъ. Маркиза Лескюръ замѣтила затруднительное положеніе дѣвушки.

— Дайте мнѣ руку, сказала она тихо. Вандейцы посторонились, не сдѣлавъ ни одного замѣчанія.

— Это сестра Маріи-Жанны, повторяли они, расходясь по домамъ.

Маркиза увела молоденькую дѣвушку, замолкшую и смущенную. По дорогѣ она услышала позади себя разговоръ двухъ крестьянъ, жаловавшихся на недостатокъ табаку.

— Развѣ синіе увезли весь табакъ изъ Брессюэфра?

— Нѣтъ, барышня, отвѣчали крестьяне въ смущеніи, — да денегъ у насъ нѣтъ.

— У меня есть, съ живостью зашептала Целестина, опуская руку въ карманъ.

— Поберегите свое богатство, новая сестрица Жанны-Мари, сказала маркиза Лескюръ улыбаясь, — у меня хорошей запасъ табаку, и войдя въ лавку Гади, она купила нѣсколько фунтовъ, которые и раздавала крестьянамъ. Между тѣмъ Целестина болтала съ Катериной и Марьей Гади, накануне возвратившихся въ Брессюэйръ.

— Такъ какъ маркиза Лескюръ у насъ, то намъ не предстоитъ никакой опасности, говорила г-жа Гади своему мужу, — у меня надрывается сердце смотрѣть на нашу запертый магазинъ.

И она весьма кстати открыла лавку. Армія въ 20 тысячъ человекъ, хотя и бѣдныхъ, все таки имѣетъ нужду въ жизненныхъ припасахъ, и крестьяне вовсе не пренебрегали водкой Гади. Правда, сначала было нѣсколько легкихъ покушеній на грабежъ, но покушенія эти были тотчасъ же прекращены; крестьяне платили за свои покупки наличными деньгами.

— Гдѣ Жанъ? спрашивала Целестина Катерину, — онъ не былъ въ Блиссонѣ, и здѣсь я его тоже не вижу. Катерина покраснѣла.

— Его нѣтъ здѣсь.

— Онъ пошелъ въ Гранжъ-вертъ? продолжала Целестина, которой Агафья успѣла передать тайный романъ Жана.

— Нѣтъ, отвѣчала Катерина съ негодованіемъ, — Жанъ не флюгеръ, онъ теперь въ Туарѣ съ генераломъ Кетино.

Целестина готова была отвѣчать точно также, но маркиза, раздѣливъ табакъ, въ это время ее позвала; вандейцы обрружили лавку.

— Зачѣмъ ты рассказываешь, что Жанъ въ Туарѣ, спрашивала г-жа Гади у своей дочери, когда удалась толпа, — ты насъ погубишь.

— Ну чтожъ, Жанъ отмститъ за насъ, гордо отвѣчала Катерина, но какъ г-жа Гади была далеко не согласна съ такимъ утѣшеніемъ, то и строго заставила свою дочь молчать.

Катерина еще не настолько была революционеркой, чтоб не слушаться матери, она замолчала, ворча сквозь зубы:

— Когда мой Антуанъ воротится и женится на мнѣ, я буду говорить о разбойникахъ сколько мнѣ угодно.

XI.

Очистивъ Брессюэйръ, генераль Кетино заперся въ Туаръ. Онъ увелъ съ собою Жана Гади, который ему очень понравился. Впрочемъ молодой человекъ былъ ему и полезенъ связями своими съ жителями Брессюэйра. Съ того времени, какъ Брессюэйромъ овладѣли роялисты, граждане-патріоты не смѣли подумать о сообщеніи какихъ либо свѣдѣній генералу, но Катерина передавала своему брату обо всемъ, что происходило въ городѣ чрезъ купцовъ, привозившихъ въ лавку товары. Такъ она сообщила, что роялисты приготовляются идти на Туаръ, дамы оставляютъ Брессюэйръ, уѣзжая въ замокъ Булэ и что «теперь патріотамъ очень легко овладѣть городомъ».

Жанъ передалъ генералу буквально всё полученныя имъ свѣдѣнія отъ сестры. Кетино былъ честный республиканецъ, горячо преданный своему дѣлу, храбрый и вѣрный служака, безъ жестокости и крайнихъ мѣръ.

— Прежде, чѣмъ вѣять Брессюэйръ, надобно сохранить Туаръ, отвѣчалъ онъ, улыбаясь тактикѣ Катерины. Жанъ покраснѣлъ.

— Моя сестра говоритъ такъ отъ сильнаго желанія насъ опять увидѣть, замѣтилъ онъ.

— Я знаю, знаю, мой милый, но разбойники придутъ къ намъ прежде, чѣмъ мы приготовимся къ защитѣ, и онъ пошелъ осматривать укрѣпленія.

Самое надежное укрѣпленіе города составляла рѣка Туэ, окружающая его почти со всѣхъ сторонъ; рѣка была быстра и глубока, но ее пересѣкали два моста; генераль только что успѣлъ поставить къ нимъ надеж-

ные отряды, какъ извѣстили о приближеніи арміи роялистской. Она приближалась разными дорогами. Рѣка представляла въ нѣкоторыхъ мѣстахъ броды, доступные для храбрецовъ, но Лескюръ и Рошжакленъ направились къ мосту Иронтъ; позади ихъ беспорядочно и толкая другъ друга бѣжали вандейцы. Нѣсколько конныхъ офицеровъ старались установить порядокъ, дѣло чрезвычайно трудное съ людьми, не всегда отличающими правую руку отъ лѣвой. Между ними находился какой-то молоденькій офицеръ, тонкій и нѣжный, съ русыми волосами, спрятанными подъ шляпу съ широкими полями. Онъ постоянно слѣдовалъ за Лескюромъ, подражая всѣмъ его движеніямъ, но видимо избѣгая общаго вниманія. Онъ подзывалъ крестьянъ, передавая имъ приказанія генераловъ.

— Видѣлъ-ли ты этого маленькаго офицера? спросилъ Лескюръ своего кузена.

— Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ, не обративъ на офицера никакого вниманія, — я думаю онъ прибылъ съ Сепо или Дельбэ.

— Зачѣмъ онъ присоединился къ намъ? обрати на него вниманіе, не шпионъ-ли онъ?

— Кажется нѣтъ надобности шпионить у насъ, мы идемъ прямою дорогой. Ну-ка, дѣти мои, пойдѣте забирать этотъ мостъ!

Республиканцы держались твердо. Пороховой запасъ у крестьянъ истощался; маленькій бѣловурый офицерикъ исчезъ. Рошжакленъ поскакалъ за пороховыми запасами въ Брессюэйръ, когда на половинѣ дороги встрѣтилъ солдатъ, несшихъ вартуши.

— Кто далъ вамъ такую превосходную мысль? спросилъ онъ ихъ.

— Маленькій офицерикъ отдалъ намъ это приказаніе, отвѣчали удивленные крестьяне.

— Въ добрый часъ! Этотъ шпионъ оказывается нашимъ добрымъ гениемъ; и Ганри воротился къ сраженію, въ сопровожденіи вандейцевъ и съ хорошими запасами.

Три раза Лескюръ атаковалъ мостъ, не поколебавъ

стойкости непріятеля. Въ то время, когда его кузень приближался, Лескюръ замѣтилъ въ непріятелѣ едва замѣтное движеніе утомленія.

— За мной! закричалъ онъ крестьянамъ и, сбѣгая съ высоты, бросился на мостъ въ средину пуль и картечь, но онъ былъ одинъ; крестьяне не рѣшались двинуться: мѣстность была открыта, и они, привыкшіе сражаться на дорогахъ пересѣченныхъ и позади изгородей, боялись еще биться въ открытомъ полѣ. Лескюръ бѣжить къ нимъ, убѣждаетъ, возбуждаетъ и въ полной увѣренности въ успѣхѣ быстро оборачивается къ мосту, но и на этотъ разъ совершенно одинокимъ, лицомъ къ лицу съ непріателемъ; платье его было пронизано пулями, но самъ онъ не получилъ ни одной раны.

— Подожди! подожди! кричалъ ему Ганри, подбѣгая,—я иду къ тебѣ! и онъ бросается къ мосту, въ сопровожденіи молоденькаго офицера и Пьера Гуро; всѣ четверо пробѣгаютъ мостъ и вскакиваютъ на ретрашментъ, офицеръ падаетъ у подножія стѣны, но первые трое мужественно защищаются; наконецъ крестьяне стремительно бросаются впередъ.

— Я думалъ, что вы насъ однихъ оставите завладѣть Туаромъ, кричалъ Ганри своимъ войнамъ. Крестьяне Лескура, пристыженные своей минутной слабостью, оазывали чудеса храбрости.

Они были уже у стѣны, синіе поспѣшно отступили въ городъ и заперли ворота. Стѣна была незначительная и безъ рва, крестьяне хотѣли ее разрушить лопатами.

— Подождите, это не такъ легко, закричалъ Рош-жакенъ, поднимаясь на плеча Пьера, который его не повидалъ и котораго громадный ростъ значительно облегчалъ исполненіе. Ганри уцѣпился за стѣну, обломанную въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, камни катились отъ его нервныхъ усилій.

— Вотъ вамъ и брешъ готова! закричалъ онъ, какъ кошка перелѣзая черезъ стѣну; крестьяне ринулись въ

городъ. Въ это время дивизія Бошана перешла бродъ и атаковала съ другой стороны.

— Нѣтъ возможности больше защищаться, сказалъ генераль Кетино, входя въ залу собранія управленія округомъ, — выставьте бѣлое знамя и просите капитуляціи.

— Республиканцы не капитулируютъ, гордо сказалъ одинъ изъ администраторовъ.

— Хорошо, спокойно отвѣчалъ генераль, — батальонъ, защищавшій бродъ, погибъ въ полномъ составѣ, до послѣдняго, но такъ какъ участь города въ нашихъ рукахъ, то намъ должно рѣшиться, господа! Погибнемъ всѣ подъ развалинами Туара!

— Еслибъ я имѣлъ пистолеть, то я разозжилъ бы себѣ голову! закричалъ яростный чиновникъ.

— Вотъ онъ, и генераль спокойно подалъ ему одинъ изъ своихъ пистолетовъ, онъ заряженъ пулей.

Администраторъ отступилъ; капитуляція была рѣшена. Отворили ворота Дельбе и Бошану въ то время, когда войска Лескюра переходили укрѣпленія съ другой стороны. Вандейцы встрѣтились въ городѣ. Бошанъ взялъ подъ руку генерала Кетино; администраторы сгруппировались вокругъ Лескюра, котораго они прежде еще знали и умоляли его оказать имъ протекцію.

— Позвольте намъ идти впередъ, господа, говорилъ Ганри, — право можно подумать, что мы ваши плѣнники.

Между тѣмъ крестьяне захватили духовныхъ, приванныхъ республикой, которыхъ предводители должны были посадить въ тюрьму, какъ единственное средство спасти ихъ. Лескюръ, желая видѣть Кетино, отправился въ домъ, занимаемый прежде имъ, а теперь назначенный для начальнива вандейцевъ.

Храбрый республиканецъ сидѣлъ на соломенномъ стулѣ, съ опущенной на руки головой. Онъ поднялъ голову, увидѣвъ вошедшаго Лескюра и, не трогаясь съ мѣста, высказалъ голосомъ спокойнымъ и отервеннымъ, безъ надмѣнности и заносчивости:

— Оставляя Брессювиръ, я видѣлъ ваши запертыя окна, милостивый государь, вы считали себя забытыми, но вы обязаны свободой совершенно не по недостатку памяти.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ Лескюръ,—и я вамъ отдаю вашу свободу, вы можете ѣхать, но сдѣлали бы лучше, оставшись съ нами, нисколько не участвуя въ дѣлахъ. Конечно это не согласно съ вашими желаніями, но вы были бы плѣнникомъ на честномъ словѣ и съ вами бы обращались хорошо. Вамъ опасно возвращаться въ своимъ, обратите на это вниманіе, съ вами можетъ случиться несчастье.

Кетино всталъ и прямо посмотрѣлъ на дворянина.

— Я это знаю, милостивый государь, я долженъ идти прямо на гильотину, но я былъ бы обезпеченъ, если бы заподозрили меня въ какой нибудь стачкѣ съ неприятелемъ. Я докажу, что я исполнилъ свою обязанность.

Прибывшій Бошанъ также возобновилъ настоянія.

Кетино оставался непоколебимъ. Между тѣмъ крестьяне не могли не надивиться такимъ знакамъ вниманія въ республиканскому генералу.

— Что сдѣлалось съ нашими начальниками? говорили они между собою.

Штофле, менѣе деликатный, чѣмъ крестьяне, хотѣлъ вырвать у генерала его трехцвѣтную кокарду; его глаза метали искры, онъ положилъ уже на нее свою руку, но вслѣдъ затѣмъ былъ остановленъ.

Подошелъ Дельбъ.

— Штофле вѣроятно пожелаетъ, изъ уваженія ко мнѣ, не оскорблять чувства генерала Кетино, сказалъ онъ съ обыкновенной своей деликатностью и вѣжливостью; Штофле удалился, ворча сквозь зубы.

— Генералъ ляжетъ въ моей комнатѣ, сказалъ громко Бошанъ. Она выходила на площадь, и крестьяне Бошана начали роптать.

— Что если генералъ убьетъ мареза ночью, говорили они,—вѣдъ всѣ эти снѣжки измѣнники!

Когда Бошанъ уходилъ въ свою комнату съ своимъ новымъ товарищемъ, онъ увидѣлъ у дверей своей комнаты группу крестьянъ.

— Подите спать, приказалъ онъ имъ.

— Нѣтъ, господинъ маркизъ, мы всѣ изъ Бароньера, отвѣчали они навзно, — и мы не оставимъ васъ спать ночью съ республиканцемъ.

— Не можемъ же мы однако помѣститься всѣ на одной постели! замѣтилъ Бошанъ засмѣявшись, — идите вонъ.

Онъ легъ и заснулъ. Кетино подъ вліяніемъ своихъ печальныхъ ожиданій не могъ заснуть. Вдругъ онъ услышалъ едва замѣтный стукъ отворившейся двери и при свѣтѣ ворвавагося свѣта замѣтилъ человѣка, проскользнуваго въ комнату и безъ шума улегшагося у подножія кровати Бошана. При томъ же свѣтѣ республиканецъ замѣтилъ два или три штюка часовыхъ, бодрствовавшихъ у двери.—Эти добрые люди боятся меня, прошепталъ онъ съ горечью,—еслибъ они знали! И опустивъ голову на подушку, онъ заснулъ въ свою очередь. Когда разсвѣтало и Бошанъ открылъ глаза, онъ увидѣлъ своего тѣлохранителя, преспокойно спавшаго на полу у своей кровати.

— Что ты здѣсь дѣлалъ? спросилъ онъ его, трепля по плечу.

— Я наблюдалъ за синимъ, важно отвѣчалъ часовой, —но вчера я такъ усталъ, что невольно заснулъ.

— Вы всѣ глупы, подите вонъ, сказалъ Бошанъ со слезами на глазахъ, замѣтивъ часовыхъ, стоявшихъ у его дверей.

Съ разсвѣтомъ дня Жанъ Гади явился къ генералу за приказаніями.

— Я не могу отдавать приказаній, отвѣчалъ тотъ печально.—Бессеръ въ тюрьмѣ, Лейнье уже обвиненъ Маратомъ, Шальбо обезсиленъ и не въ состояніи держаться въ Шатеньерѣ, намъ не даютъ солдатъ, у насъ только волонтеры неопытные, босые, не видавшіе огня.

Жанъ покраснѣлъ.—Правда у насъ есть солдаты по рожденію, прибавилъ генераль добродушно,—но ты самъ знаешь, какъ намъ трудно въ средѣ страны возмутившейся, гдѣ все надобно брать силой. Я теперь отправляюсь въ Сомюръ, чтобъ оправдываться, вѣроятно меня отправятъ въ Парижъ къ Конвенту. И генераль опустилъ голову.

— Позволь мнѣ слѣдовать за тобой, гражданинъ генераль, сказалъ молодой Гадн,—если ты будешь посланъ къ границамъ, я пойду за тобой.

— Вѣрнѣе всего я буду посланъ на гильотину, отвѣчалъ генераль съ мрачнымъ видомъ.

— О, я не желалъ бы умереть подъ топоромъ! вскричалъ Жанъ, но я готовъ сразиться съ врагомъ... только не здѣсь; и онъ печально замолкъ.

— Я нигуда не могу тебя послать...

— Тогда я разможжу себѣ голову въ первомъ же дѣлѣ, прошепталъ молодой человекъ,—жить здѣсь и не видѣть Марты! И онъ вышелъ.

XII.

Генераль Кетино безпрепятственно отправился въ Сомюръ, а вандейцы обдумывали атаку на Фонтене; Лескюръ получилъ извѣстіе изъ Булэ.

— Тогда какъ вы увѣнчивались такими блестящими трофеями, писала ему его жена,—мы здѣсь жили въ страшномъ волненіи: Целестина вдругъ исчезла, и мы ее безуспѣшно искали цѣлый день. Одно время я страшно боялась, чтобъ она не отправилась съ арміею, такъ какъ ей вскружило голову прозваніе сестры Маріи-Жанны. Вечеромъ однако же ее нашли въ постелѣ въ сильномъ лихорадочномъ жару, и съ тѣхъ поръ она больна. Мы не могли узнать, гдѣ была она; мать ее очень плачетъ, а сестра Марья упорно молчитъ. Я желала бы видѣться съ вами прежде взятія Фонтене.

— Какъ она сюда прїѣдитъ! сказадь Лескюръ, складывая письмо,—богда Фонтене еще не взятъ; онъ и не подумалъ о Целестинѣ.

Дитя выздоровѣло, но не открыло своей тайны; она постоянно прогуливалась по окрестностямъ замка. Республиканцы не показывались; армія роялистская стягивала всѣ свои отдѣльные отряды къ Фонтене. Крестьяне, послѣ взятія Туара возвратившіеся было по домамъ, вновь оставили свои хижины, съ запасомъ хлѣба и провизіи. Деревни вновь пусты и безмолвны, земледѣльческія работы повсюду запоздали; слабыя руки женщинъ и дѣтей не могли замѣнить тяжелую работу мужчинъ; обширныя поля оставались въ пару и на нихъ мирно паслись домашнія животныя. Въ замкѣ Булэ жизнь проходила совершенно однообразно. Г-жа Дониссанъ сохраняла свои придворныя привычки и нигде не выходила пѣшкомъ, маркиза Лескюръ занималась корреспонденціей съ мужемъ и заботилась о провизіи, которую тотъ требовалъ; г-жа Боже, больная и скромная, постоянно оставалась въ своей комнатѣ съ дочерью Марьей, Целестина же съ сестрой Луизой бродили по полямъ, посѣщали крестьяночекъ и заставляли рассказывать себѣ военные подвиги ихъ мужей и сыновей. Однажды онѣ дошли до фермы, которую онѣ не знали. Было жарко: обѣ молоденькія дѣвушки и служанка вошли въ хижину спросить чашку молока. Хижина была пуста, но на ихъ зовъ вышла изъ конюшни молодая дѣвушка высокаго роста.

— Приготовь воловъ! распорядилась она,—я сейчасъ вернусь, и потомъ она вошла въ хижину твердымъ шагомъ.

Целестина посмотрѣла на нее съ изумленіемъ.

— Мнѣ кажется, я гдѣ-то видѣла эту дѣвушку, шептала она,—но гдѣ, когда? да! въ лавкѣ Гади въ день нашего прїѣзда въ Брессюайръ. И отдавая полуопорожненную чашку, она спросила дѣвушку:—часто-ли вы ходите въ городъ? Мнѣ кажется, я васъ тамъ видѣла...

Марта дрогнула.—Я нигде не хожу, отвѣчала она.

— Но, но я васъ однажды видѣла въ лавкѣ Гади, бакалейщика, мы были заперты съ маркизой Лескюръ позади лавки, вы покупали мыло.

— Это былъ послѣдній день моей жизни, отвѣчала та едва слышно и голосомъ до того грустнымъ, что Целестина невольно отшатнулась. Марта стояла посрединѣ комнаты; замѣтно было, что она что-то желала спросить, но не рѣшалась.

— Бываете вы иногда въ Брессюэйрѣ? наконецъ выговорила она.

— Мы теперь въ Булэ, но я была въ Брессюэйрѣ недавно... Целестина сдѣлалась пурпуровой.—Я проходила мимо дома Гади, гдѣ я васъ видѣла; Марья и Катерина работали у двери, Жанъ былъ въ Туарѣ съ генераломъ Кетино, можетъ быть онъ уѣхалъ съ нимъ въ Сомюръ.

Марта дрожала всѣми членами.

— Вамъ холодно? спросила Луиза, которая безучастно слушала болтовню своей сестры.

— Нѣтъ. Въ это время идіотъ Ружо вошелъ въ комнату.

— Если волы должны провести три борозды, то время вести ихъ, сказалъ онъ.

Марта молча взяла большой хлыстъ, стоявшій у стѣны.

— Вы работаете? спросила Целестина съ удивленіемъ.

— Всѣ мужчины ушли, отвѣчала Марта. Ея голосъ, звонкій и пріятный, ласково зазвучалъ животнымъ: огого, Шато, скоро Ружо, Набли!

И сильныя животныя въ нетерпѣннн оставивъ стойла замычали подѣ ярмомъ. Молодая дѣвушка и идіотъ повели ихъ. Целестина шла подлѣ Марты.

— Если я буду въ Брессюэйрѣ, не будетъ ли отъ васъ порученій Гади? спросила она, улыбаясь.

— Ничего не говорите обо мнѣ, отвѣчала Марта. И опустивъ плугъ въ начатую борозду, она пошла до

конца, не оборачиваясь назадъ. Но когда наступилъ отдыхъ и посѣтительницы удалились, а идіотъ ушолъ собирать ягоды позади изгороди, Марта, наклонивъ головку въ сильнымъ рогамъ Шато, горько заплакала.

— О если бы я могла его увидѣть хоть одинъ только разъ!

ХІІІ.

Послѣ взятія Шатенъери роялистамъ предстояло идти на Фонтене.

Здѣсь много встрѣчается крестьянъ, писала маркиза Лескюръ своему мужу,—они возвращаются по домамъ. Тѣ, которыхъ я встрѣчаю, жалуются на то, что не видались съ женами болѣе 8 дней, я ихъ отсылаю къ вамъ обратно столько, сколько могу, но я сильно боюсь, что вы не будете имѣть достаточно людей для атаки на Фонтене.

Она не обманывалась. Войска вандейскія, безъ опытности и дисциплины, торжествовали обыкновенно числомъ и порывами храбрости. Теперь же нѣкоторые изъ приходовъ не явились на призывъ 16 мая, назначенный для похода на Фонтене. При Фонтене крестьяне-солдаты были обезнадежены съ самаго начала, предводители неудачно расположили свои движенія, артиллерія поставлена на мѣстѣ, гдѣ она оставалась бесполезною; республиканцы сдѣлали сильную вылазку и успѣшно отразили Лескюра, который проникнулъ было уже въ предмѣстье; Дельбэ былъ раненъ, корпусъ изъ 200 человекъ отрѣзанъ и взятъ, Рошжакленъ, всегда впереди, бросался, чтобы увести пушки, но онъ успѣлъ только снасти артиллерію своего отряда, самая же большая часть, считая въ томъ числѣ и Марію-Жанну, осталась въ рукахъ осажденныхъ, захватившихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и значительное число плѣнныхъ. Пушки были еще на полѣ сраженія, когда вандейцы бѣжали. Держался одинъ только небольшой отрядъ, подъ предводительствомъ

Пьера и Жака Гуро: это были крестьяне Сент-обена и Обьера, которымъ Ганри поручилъ защиту весьма важнаго поста. Увлеченные жаромъ сраженія, они не замѣтили отступленія своихъ. Убивъ одного врага и освобождая свой штыкъ, Пьеръ осмотрѣлся кругомъ.

— Мы одни! вскричалъ онъ. Дѣйствительно, они не имѣли ни враговъ передъ собой, ни друзей, забывшихъ ихъ.

— Марія - Жанна осталась безъ защиты! закричалъ Жакъ, бросая быстрый взглядъ на поле сраженія. Во что бы то ни стало должно ее выручить, и крестьяне бѣгомъ бросились въ пушки; между тѣмъ непріатели, возвратясь изъ преслѣдованія, ихъ окружили.

— Ко мнѣ, друзья! За Марію-Жанну! кричалъ Пьеръ, садясь верхомъ на пушку и покрывая ее своимъ тѣломъ. Пронзенный двадцатью шестью ранами, онъ падаетъ наконецъ, въ то же время падаетъ убитымъ и братъ его Жакъ; Пьеръ подползъ въ трупу брата, закрылъ ему глаза, ознаменовалъ знакомъ креста и подлѣ него лишился послѣднихъ силъ. Восемдесятъ товарищей этого отряда были убиты подлѣ пушекъ, Пьера же, хотя умирающаго, но еще дышащаго, привязали къ лафету Маріи и привезли въ Фентене. Его заперли въ свободный амбаръ, вѣроятно его приняли за одного изъ главныхъ начальниковъ, такъ какъ онъ управлялъ защитой артиллеріи. Больнаго и въ припадкѣ лихорадки его привезли для допроса въ залу управленія: торжествующіе администраторы собрались въ болѣе значительномъ числѣ.

— Это Сапино де ла-Вери, говорили, онъ не давно прибылъ изъ Анжу.

Меръ города расхохотался.

— Это настоящій крестьянинъ, посмотрите на его руки.

Дѣйствительно, не смотря на раны и кровь, запекушую въ ранахъ, здоровые руки земледѣльца, мозольныя отъ работы, не оставляли никакого сомнѣнія о той

трудолюбивой жизни, какую вель Пьеръ Гуро. Интересъ уменьшился.

— Какъ васъ зовутъ? спросили его.

— Пьеръ Гуро изъ Сен-обена, земледѣлецъ.

— По какому случаю вы вступили въ армію мятежниковъ?

— По случаю конскрипціи.

— Какъ организуется ваша армія?

— Самые храбрые впереди, мы слѣдовали за Ганри.

— Рошжакленъ?

— Да, мы его всегда называемъ Ганри.

— Платятъ ли вамъ жалованье? Какъ вы живете?

— Тѣ, которые имѣютъ средства платятъ за свою пищу, я на примѣръ издержалъ ужь 15 ливровъ; тѣ, которые не имѣютъ денегъ, берутъ припасы, гдѣ могутъ, — наши жены часто ихъ приносятъ.

— Знаете-ли вы за что вы сражаетесь? иронически спросилъ прокуроръ синдикъ. Вандеецъ осмотрѣлъ его.

— За нашего короля, за нашу религію и за нашихъ священниковъ, которые не перешли на сторону республики.

— И за тщеславное честолюбіе дворянъ, прибавилъ тотъ

— Въ чемъ они честолюбивы? простодушно возразилъ крестьянинъ, получать удары больше другихъ, идти всегда впереди и ѣсть черный хлѣбъ какъ мы. Ганри не нуждался бы во всемъ этомъ, онъ могъ бы оставаться спокойно въ Дюрбельерѣ, мы его просили идти съ нами, и онъ пошелъ на службу Богу и не разставаться съ нами.

Раненный поблѣднѣлъ, онъ едва держался на ногахъ.

— Уведите плѣнника, приказалъ синдикъ, и тюремщикъ такъ крѣпко толкнулъ Пьера, что онъ со стономъ упалъ; надобно было унести его.

— Если они всѣ такіе же рѣшительные малые,

какъ этотъ, сказалъ муниципальный офицеръ, то намъ много будетъ труда.

Генераль казался озабоченнымъ, ему только что донесли, что вандейцы собираются въ Шатенбергъ.

— Мы будемъ снова атакованы, сказалъ онъ, завтра нужно будетъ развязаться отъ всѣхъ плѣнниковъ. Онъ удвоилъ караулы и потребовалъ подкрѣпленія отъ сосѣднихъ гарнизоновъ. Но такъ какъ всѣ сосѣднія мѣстности точно также не были спокойны, то съ разсвѣтомъ прибылъ только одинъ небольшой отрядъ волонтеровъ. Это былъ остатокъ войскъ, защищавшихъ Туаръ, гдѣ были собраны Жаномъ Гади, послѣ отъѣзда генерала Кетино. Этому отряду ввѣрили защиту артиллеріи. Жанъ взялъ на себя заботу о Маріи Жаннѣ, направленной этотъ разъ противъ вандейцевъ; онъ искалъ себѣ смерти. Лишь бы только мои заряды не попали въ Пьера или Жака, говорилъ онъ самъ съ собой, иначе она никогда не утѣшится. Онъ не зналъ, что Жакъ спалъ уже вѣчнымъ сномъ въ канавѣ, гдѣ трупы были брошены грудой, а въ двухъ шагахъ отъ его поста, въ амбарѣ, незащищенномъ отъ вліянія непогоды, Пьеръ, одинокій, безъ помощи, въ припадкѣ лихорадки, валился на грубой постилѣ. Если бы Марта была здѣсь, вздыхалъ больной.

Глубокое уныніе овладѣло было вандейцами послѣ пораженія; крестьяне разсѣялись; недоставало пороху и съѣстныхъ припасовъ, но предводители не теряли мужества. Неожиданный случай помогъ имъ: въ Туарѣ нашли одного человѣка, въ одеждѣ волонтера, который себя называлъ сначала священникомъ, а потомъ сталъ увѣрять, будто онъ тайно въ Сен-Жерменѣ посвященъ въ епископы д'Агра. Нѣсколько лицъ его узнали; никто не подозрѣвалъ самозванства, отрывшагося уже впослѣдствіи. Его просили слѣдовать за арміей, и онъ, послѣ нѣсколькихъ возраженій, согласился. Его привели на площадь, гдѣ онъ говорилъ проповѣдь для возбужденія мужества воиновъ. Когда они узнали, что самъ епископъ съ ними, они начали возвращаться толпами, съ востор-

гомъ тѣснились у его ногъ, забывали свои неудачи и готовились снова идти на битву.

Нашъ святой отецъ послалъ къ намъ епископа заботиться объ васъ, говорили они въ упоеніи радости, идемъ на Фонтене.

— У насъ нѣтъ пороху, говорилъ Лескюръ своему кузену, бывшему съ нимъ въ головѣ лѣвой колонны, а впереди насъ батарея, которая не скажетъ намъ добраго слова.

— У насъ нѣтъ пороху, дѣти мои! повторилъ громко Ганри, но мы возьмемъ пушки дубинами! Мы идемъ за Маріей-Жанной, она будетъ того, кто скорѣе дойдетъ! и онъ прищипилъ свою лошадь.

Крестьяне Лескюра подвигались медленно.

Да здравствуетъ король! закричалъ Лескюръ, и пошелъ одинъ на батарею; градъ картечи его осыпалъ; облако дыма срыло его отъ взоровъ.

Синіе не умѣютъ стрѣлять! кричалъ онъ въ густотѣ облака, сапогъ мой изорвали, вотъ и все.

Крестьяне бросились впередъ, ихъ генералъ поскакалъ во весь галопъ, они приближались къ батарее, они были уже въ разстояніи выстрѣла, когда увидѣли на краю дороги возвышающійся деревянный крестъ; мигомъ крестьяне остановились и пали на колѣни; офицеры, окружавшіе Лескюра, хотѣли ихъ заставить идти.

— Оставьте ихъ просить Бога, сказалъ онъ спокойно, и самъ остановился, какъ они.

Вскорѣ они встали, окружили батарею и подошли къ воротамъ Фонтене, бывшимъ въ то время отворенными, такъ какъ республиканцами производилось отступленіе. Но теперь крестьянами овладѣлъ было страхъ, и они приостановились. Лескюръ углубился въ городскія улицы, поддерживаемый только Бошаномъ.

— Въ тюрьму, кричалъ тотъ, прежде, чѣмъ умертвить нашихъ друзей!

На каждомъ шагу ихъ задерживали синіе, просившіе лошады. Одинъ республиканецъ, уже бросившій свое

ружье, увидѣвъ Лескюра безъ свиты, быстро поднялъ ружье и выстрѣлилъ въ него почти въ упоръ; къ счастью ружье осѣлось. Лескюръ оборотился къ своимъ крестьянамъ, слѣдовавшимъ за нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи.

— Уведите этого плѣнника! сказалъ онъ. Вандейцы, разсвирѣпѣвшіе отъ опасности, которой подвергался ихъ генераль, растерзали несчастнаго прежде, чѣмъ могли вырвать его изъ ихъ рукъ. Въ первый разъ въ своей жизни Лескюръ вышелъ изъ себя:

— Трусы, негодяи! кричалъ онъ, вы трусите и способны только убивать плѣнниковъ! Его глаза сверкали.

— Господинъ маркизь разсердился, говорили между собою крестьяне.

Отворили тюрьму; освобожденные вандейцы бросились собирать ружья по улицамъ. Но Маріа-Жанна еще не была взята. Де Мариньи, вступивъ въ городъ въ главѣ своей кавалеріи, направился въ ту сторону. Идали онъ замѣтилъ группу крестьянъ, сражавшихся около пушекъ.

Близъ Маріи-Жанны какой-то маленькій офицерикъ на небольшой лошади ободрялъ вандейцевъ. Онъ не имѣлъ оружія, и его голосъ былъ чистъ и звонокъ. Ба, это нашъ маленькій незнакомецъ Туарскій, сказалъ де Мариньи, я его давно не видалъ. Тамъ какъ де Мариньи сидѣлъ на лошади жандарма, убитаго имъ за нѣсколько дней передъ этимъ, то республиканскій отрядъ, скакавшій на защиту артиллеріи, принялъ его за одного изъ своихъ.

— Эй, товарищъ! двадцать тысячъ франковъ обѣщано за защиту Маріи-Жанны! кричали ему жандармы, идите туда!

— Я буду первымъ, отвѣчалъ тотъ и сталъ въ ихъ головѣ.

Приблизившись, ужъ слышенъ былъ тоненькій голосокъ, повторявшій—смѣлый другъ! она наша, она готова! побѣда!

Де Мариньи оборотился къ синимъ, слѣдовавшимъ за

нимъ: она наша! повторилъ онъ, и два выстрѣла изъ его пистолета разможжили головы ближайшимъ жандармамъ. Затѣмъ, врѣзавшись въ средину крестьянъ, онъ оборотилъ оружіе и направилъ на враговъ, которые всѣ бросились назадъ. Маленькій офицерикъ стоялъ, опершись объ орудіе, блѣдный и безмолвный съ того времени, какъ де Мариньи принялъ командованіе крестьянами. Случайное легкое движеніе приподняло его широкую шляпу въ то мгновеніе, какъ де Мариньи, поворачивая лошадь, отдавалъ приказаніе вандейцамъ увезти Марію Жанну. Его глаза встрѣтились съ голубыми полуумоляющими, полуторжествующими глазами, и онъ едва сдержалъ крикъ изумленія.

— Идите, только сказалъ онъ.

Дитя не отвѣчало и безропотно повиновалось.

— Съ кѣмъ вы здѣсь? спрашивалъ де Мариньи, когда крестьяне исчезли въ улицахъ, сопровождая съ торжествомъ отнятое орудіе.

— Съ Мартой Гуро, пожелавшей провѣдать своихъ братьевъ, сказала молодая дѣвушка въ полголоса и, прибавила она, неподнимая глазъ, я узнала, что надобно отнять Марію-Жанну.

— Теперь она взята и вамъ надобно возвратиться въ Булэ, ласково отвѣчалъ де Мариньи.

Целестина не сопротивлялась, ея воинственный жаръ успокоился; она конфузилась своего опрометчиваго поведенія. Трое стариковъ крестьянъ проводили ее въ Булэ, гдѣ она проскользнула не замѣченною въ комнату своихъ сестеръ. На другой день она открыла своей матери причину своего отсутствія, надѣлавшаго столько безпокойства. Г-жа Боже плакала, но она не была способна управлять стремительной волей и экзальтированнымъ воображеніемъ своей дочери.

Целестина наклонилась къ своей старшей сестрѣ и шепнула ей на ухо.

Де Мариньи сказалъ мнѣ: скажите Мари, что ей нечего бояться, что онъ только одинъ узналъ меня.

Дѣйствительно, крестьяне вечеромъ разговаривали между собой вокругъ орудій:

— Добрый ангелъ Маріи-Жанны помогаль намъ отнять ее у враговъ. Никто не видѣлъ его, когда вошли въ улицу.

Старые вандейцы, провожавшіе Ц-лестину въ Булэ, воспользовались случаемъ видѣться съ жонами и не торопились къ арміи. Де Мариньн сохранялъ тайну.

XIV.

Вандейцы готовились къ новымъ побѣдамъ образованіемъ высшаго совѣта съ цѣлью снабженія возстанія матеріальными средствами и доставленія жизненныхъ припасовъ тѣмъ крестьянамъ, которые немогли содержаться собственными средствами. Они выбрали храбраго Кателино, разнощика шерсти, главнымъ военачальникомъ всей арміи, въ которой отдѣльными отрядами командовали дворяне.

Марта Гуро не оставляла поля сраженія. Убитые еще были не погребены; едва доставало времени на переноску раненныхъ. Въ ея осмотрахъ безжизненныхъ труповъ, ей иногда случалось находить несчастныхъ еще дышавшихъ, лишенныхъ чувствъ, немѣвшихъ силъ призывать на помощь крестьянъ, назначенныхъ къ переноскѣ больныхъ въ подвижной госпиталь, организованный со всевозможной поснѣшностью заботами сестеръ милосердія мѣстной релігіозной конгрегациі. Мужество молодой крестьянки неистощалось, она повсюду отыскивала слѣды своихъ двухъ братьевъ и того, кого она любила, навсегда отъезавшись отъ него. Каждый валъ, каждый уголокъ рва, каждый кустарникъ скрывалъ убитаго; атака была также настойчива, какъ и отраженіе; вандейцы лежали смѣшанно съ республиканскими волонтерами. Марта сидѣла на обрубѣ дерева, положеннаго синими впереди батарей для остановки стремительнаго

набѣга крестьянъ. Она смотрѣла безсознательно, не обращая никакого вниманія на окружающее; она не находила своихъ братьевъ, и никто не видѣлъ ихъ между товарищами; республиканцы бѣжали, а здѣсь ни у кого не рѣшалась спросить о Жанѣ Гади. Она молилась всѣмъ сердцемъ, надорваннымъ въ безысходной тоскѣ; все отъ нее бѣжало; эта война, начавшаяся для нее такой ужасной жертвой, мало по малу отнимала у нее все, что она любила.

Еслибъ не Гранжъ-вертъ и не могила моей матери, я завтра же присоединилась бы къ добрымъ сестрамъ, говорила она сама съ собой... но если Жанъ живъ, онъ меня никакъ не простилъ бы.

И невольно она замѣчалась о временахъ болѣе счастливыхъ и мирныхъ, когда милый ея Жанъ сдѣлается религіознымъ и когда она выдетъ за него замужъ, когда не будутъ больше сражаться и когда весь мѣръ будетъ покоренъ королю. Такъ развивались ея душевныя мечты, вдругъ глаза ея упали на ровъ у края дороги, оттѣненной раскидистой плакучей ивой, долгіе сучья которой опускались въ воду небольшой лужи въ сторонѣ дороги. Марта замѣтила сквозь листья обрывокъ сукна... она бѣжитъ туда. Въ глубинѣ рва она различила тѣло драгуна. Сбѣжавъ по зеленой поватости, она достигла самаго дна; ея ноги воснулись плаща убитаго, черные и курчавые волосы солдата привели ее въ ужасъ; трепещущая и оледенѣлая она ухватилась одной рукой за сучья дерева, а другой успѣла оборотить несчастнаго. Глаза закрыты, губы блѣдны, лобъ обезображенъ широкой раной, но это былъ ея братъ Жакъ. Она выпустила вѣтвь, поддерживающую ее, и упала подлѣ него. На колѣняхъ на влажной травѣ, она сжимала его въ своихъ объятіяхъ, вдыхала въ него дыханіе, на сердцѣ своемъ старалась отогрѣть его безжизненное сердце; она думала схватить прерывистое дыханіе, она не вѣрила въ его смерть. Вдругъ руки, которыя она сжимала въ своихъ рукахъ, тихо освободились, умирающій шевелилъ ими, взоръ его остановился на Мартѣ.

— Я говорилъ тебѣ, что я буду ждать... прошепталь онъ. Голова его упала на плечо молодой дѣвушки, и онъ испустилъ послѣдній вздохъ.

Она не вѣрила, призывала его, заклинала посмотрѣть еще на нее, обѣщаясь жить для него навсегда, но онъ оставался недвижимъ, холодъ смерти постепенно оледенилъ члены, истощенные агоніей въ продолженіи 80 часовъ. Когда патрули вандейцевъ проходили вечеромъ по полю сраженія, они нашли Марту, лишившуюся чувствъ на трупѣ Жака.

Быль день, когда почувствовалось бѣдное дитя въ небольшой комнатѣ походнаго госпиталя, куда ее принесли и положили на одну изъ кроватей благочестивыхъ сестеръ. Она опустилась на землю вся еще подъ вліяніемъ страшнаго удара. Изливъ передъ Тѣмъ, Кто исцѣляетъ всѣ раны, всю скорбь своего растерзаннаго сердца, она хотѣла уже уйти, когда, проходя передъ окномъ, замѣтила на площади человѣка высокаго роста, худаго, истощеннаго, опирающагося на палку, похожаго на ея старшаго брата. Она протянула къ нему руки.

Пьеръ! закричала она.

Марта! отвѣчалъ раненный, поднимая голову при звукѣ ея голоса. Она бросилась къ нему; первымъ словомъ молодой дѣвушки былъ вопросъ:

— Что случилось съ Жакомъ?

— Убить при первомъ нападеніи на городъ подлѣ пушекъ, тутъ и я былъ раненъ.

Въ самой глубокой скорби сердце Марты облегчилось отъ невыносимой тяжести: Жанъ не былъ убитъ отъ руки ея братьевъ.

— Почему никто не зналъ, что случилось съ вами? спросила она.

— Я остался одинъ, отвѣчалъ Пьеръ, стараясь выпрямиться, несмотря на свою слабость. Ты насъ искала?

— Да и Жана тоже... прибавила она чуть слышно.

— Жана? Онъ тебѣ такъ дорогъ, и раненный наморщилъ брови.

— Я люблю Жана, простодушно отвѣчала молодая вандейка. Потомъ закрывая губы своего брата рукою, она прибавила; молчи... онъ умеръ!

Пьеръ снялъ широкую шляпу съ своей раненой головы.

— Пусть Бегъ успокоитъ его душу! заключилъ онъ съ важностью. Марта взяла его за руку.

— Пойдемъ, сказала она, прерывистымъ голосомъ, пойдемъ, братъ тамъ, я его нашла, я желала бы похоронить его въ святой землѣ.

И она увлекала своего брата, котораго истощенныя силы едва позволяли передвигать ноги. Оставивъ несчастную сестру свою у могилы Жака Пьеръ явился по призыву главнаго совѣта.

Въ моментъ взятія города, когда побѣдители вандейцы отворяли всѣ тюрьмы, нашли Пьера въ амбарѣ подъ стражей одного республиканскаго волонтера. Къ несчастью бѣдный плѣнникъ попалъ въ руки самаго яростнаго патриота, убѣжденнаго до костей, что единственное средство установить порядокъ въ отечествѣ—перебить всѣхъ роялистовъ и всѣхъ священниковъ; онъ считалъ величайшею услугою съ своей стороны разможить голову своему плѣннику. Само собою разумѣется содержаніе плѣнника было самое безчеловѣчное. Когда вандейцы сдѣлали новый приступъ на Фонтене, когда такъ отчаянно бились у городскихъ воротъ, узникъ приползъ къ узкому оконцу своей тюрьмы, стараясь по звукамъ сраженія отереть на чью сторону клонилась побѣда.

— Если городъ будетъ взятъ, я убью тебя, говорилъ часовой, видимо безпокоясь. Оттолкнувъ плѣнника далеко отъ окна, онъ самъ приблизился къ нему, оставивъ у дверей свое ружье. Плѣнникъ тихонько приползъ на колѣнахъ до дверей и трепещущими руками схватилъ ружье.

— Если ты подойдешь ко мнѣ, я убью тебя! сказалъ онъ сторожу.

Въ это мгновеніе вандейцы входили въ городъ, разы-

скивая и принимая своих плѣнныхъ товарищей изъ дома въ домъ.

Но изъ этихъ товарищей остался одинъ только Пьеръ. Онъ откликнулся ослабѣвшимъ голосомъ, но его услышали, вынесли съ триумфомъ, въ тоже время заарестовавъ часоваго. Этотъ-то самый часовой и былъ судимъ за жестокое обращеніе съ плѣнными, когда Пьеръ явился передъ главнымъ совѣтомъ.

— Вы находились въ рукахъ этого злодѣя? спросилъ Дессесаръ, предсѣдательствовавшій въ совѣтѣ.

— Да, отвѣчалъ Пьеръ, поглядывая на своего трепещущаго врага.

— Онъ съ вами обращался дурно?

— Онъ патріотъ, простодушно отвѣчалъ Пьеръ, какъ будто этимъ словомъ все объяснилось.

— Какое обвиненіе имѣете вы противъ него?

— Никакого, съ живостью отвѣчалъ Пьеръ. Я прошу его свободы. Онъ не виноватъ. Мы были врагами, я былъ его плѣнникомъ.

Члены совѣта съ недоумѣніемъ переглянулись. Они не желали казней, но и невозможно было содержать плѣнныхъ.

— Пусть отрѣжутъ ему волосы и оставятъ идти куда онъ хочетъ, рѣшилъ Дессесаръ.

Патріотъ не вѣрилъ ушамъ своимъ, онъ тупо смотрѣлъ на Пьера.

— Я сейчасъ отведу его къ цирюльнику, поспѣшилъ вандеецъ, а потомъ взявъ его подъ руку, тихо сказалъ ему задушевымъ голосомъ:

— Помни, что я прощаю тебя во имя Спасителя Иисуса Христа.

Республиканецъ не все еще забылъ изъ уроковъ своей матери; высокое милосердіе Пьера затронуло огрубѣвшую, но еще не умершую струну его души.

— Еслибъ я только могъ вѣрить въ Бога!

Предводители рѣшились атаковать Сомюръ. Пьеръ

хотѣлъ присоединиться къ арміи; онъ явился къ Ганри Рошжакленъ, жившему вмѣстѣ съ Лескюромъ.

— Я теперь только одинъ изъ Сенъ-обена, господинъ Ганри, позвольте мнѣ въ походъ.

Ганри съ нѣжностью посмотрѣлъ на него.

— Если изъ всѣхъ твоихъ товарищей въ живыхъ только ты одинъ, сказалъ Ганри съ слезами на глазахъ, то тебѣ надобно остаться; ты еще очень нездоровъ; поди въ Гранжъ-вертъ, пусть Марта позаботится объ тебѣ.

— Марта здѣсь, отвѣчалъ спокойно Пьеръ.

— Кто же занимается хозяйствомъ на фермѣ? спросилъ Лескюръ.

— Ружо тамъ присматриваетъ за скотомъ. Марта пришла сюда провѣдать насъ (Пьеръ тщательно охранялъ тайну сестры, ея любовь къ республиканцу), но если г. Ганри угодно, я возвращусь съ ней.

— Да, отвѣчалъ улыбаясь Ганри, и возвращайся совершенно здоровымъ.

До тѣхъ поръ король, можетъ быть, будетъ уже на тронѣ, проворчалъ Пьеръ съ недовольнымъ видомъ, но... дѣлать нечего, — Жакъ убить, а у меня въ тѣлѣ двадцать пять ранъ.

Много надобно было усилій Мартѣ оторваться отъ дорогой ей могилы.

— Господинъ Ганри мнѣ сказалъ: «возвращайся въ Гранжъ-вертъ вмѣстѣ съ Мартой, настойчиво передавалъ Пьеръ, и молодая дѣвушка повиновалась, какъ дѣлала во всю свою жизнь.

На другой день послѣ своего прибытія, Пьеръ и Марта тщетно вездѣ искали идиота. Въ отсутствіи ихъ онъ вѣрно исполнялъ свою обязанность: исправно кормилъ скотъ, водилъ его на пастбищѣ, приводилъ вечеромъ домой, но когда онъ увидѣлъ Пьера раненымъ и въ невозможности служить, тогда онъ понялъ проблесками своего слабого пониманія, что Жакъ убить. Онъ молча положилъ кусокъ хлѣба въ карманъ, навѣсилъ къ концу походной палки праздничные сапоги и отправился

въ Фонтене за крестьянами, возвращающимися къ арміи. Входя въ городъ и увидѣвъ въ улицѣ Рошжаклена, проѣжающаго верхомъ, онъ сломя голову бросился къ его ногамъ.

— Простите, извините, бормоталъ бѣжа малый, я желалъ бы вамъ сказать, что я пришелъ.

— Вижу! засмѣялся Гаври, что ты здѣсь дѣлаешь?

— Я солдатъ изъ Гранжъ-верта, сказалъ идиотъ, хоча всѣми своими легкими. Такъ какъ вамъ надобенъ человекъ, а вы отослали Пьера, Жакъ убить, такъ вотъ я и пришелъ.

Растроганный до слезъ Рошжакленъ приказалъ двумъ крестьянамъ изъ Обьера заботиться объ этомъ невинномъ созданіи.

XV.

Передъ Сомиоромъ соединилась вся армія. Предполено было тревожить республиканцевъ отдѣльными атаками кавалеріи, но помимо всякаго распоряженія, вмѣстѣ съ командированными отрядами двинулись всѣ войска съ крикомъ: да здравствуетъ король! Идемъ на Сомиоръ! Войска прѣбыли къ городу совершенно перемѣшавшись и въ полномъ безпорядкѣ. Начальники должны были составлять свои операціи въ самомъ движеніи.

Къ счастью для вандейцевъ такой же безпорядокъ и въ такой же степени царствовалъ и у противниковъ. Конвентъ не помалѣе еще важности восстанія вандейцевъ. Вынужденный кромѣ того противопоставлять одновременно столькимъ непріятелямъ, создавать генераловъ и арміи, защищать границы и отражать иностранцевъ, онъ считалъ волонтеровъ и національную гвардію слишкомъ недостаточными для усмиренія нѣсколькихъ крестьянъ, управляемыхъ безъ опытности, безъ запасовъ, безъ ресурсовъ. Начали наконецъ сознавать опасность; и взятіе Фонтене должно было открыть глаза на важность дви

женія роялистовъ на западѣ. Генераль Саломонъ, безплодно пытаясь остановить наступленія вандейцевъ, оставилъ Сомюръ безъ защиты. Хотя генералы Мену, Сантерръ и Кустардъ спѣшили соединить свои силы, но въ арміи республиканской громко кричали объ измѣнѣ, высказывали прямо о продажѣ города вандейцамъ. Такимъ образомъ они заранее подготовляли свое поражение.

Въ первомъ же огнѣ Лескюръ былъ раненъ, но перевязавъ свою руку платкомъ, продолжалъ наступленіе. Испуганные раной своего начальника, крестьяне начали было разбѣгаться, но Лескюръ, поддержанный де Мариньи, командовавшимъ артиллеріей, вновь собралъ и повелъ на приступъ. Одновременно съ этимъ Ганри Рошжаэль наступалъ на республиканцевъ со стороны луга Варена. Бросивъ свою шляпу черезъ ретрашаментъ, онъ закричалъ: кто мнѣ ее принесетъ и самъ собирался было вскочить на насыпь, когда возлѣ него бросился впередъ Ружо, отъ котораго онъ не могъ отвязаться въ продолженіи цѣлаго дня. Идіотъ схватилъ шляпу и принесъ ее съ торжествомъ въ Ганри. Примѣръ былъ данъ.

— Мы не можемъ же оставаться позади Ружо, говорили крестьяне, и всѣ перескочили ретрашаментъ. Въ это время Боже привелъ войска съ другой стороны; не узнавъ своихъ, вандейцы нѣсколько времени стрѣляли другъ въ друга.

Соединившись, оба начальника преслѣдовали республиканцевъ; не оглянувшись были ли сопровождаемы, они скакали по улицамъ Сомюра. Они видѣли, какъ одинъ баталіонъ побѣжалъ при нихъ приближеніи и скрылся въ замокъ. Дороги были усыпаны ружьями, которые выстрѣливали подъ ногами лошадей. Вдругъ на крупъ лошади Ганри вскочилъ какой-то человѣкъ.

— Извините меня, господинъ Ганри, сказалъ идіотъ задыхаясь, когда ружья стрѣляютъ между ногъ я нахожу удобнѣе быть на лошади.

Ганри захохоталъ и продолжалъ скакать. Они были

близъ театра и ихъ взорамъ представился видъ большаго луарскаго моста, загроможденнаго бѣглецами республиканской арміи; оба офицера остановились, сошли съ лошадей и начали стрѣлять въ непріятеля. Ружо заряжалъ ружья, часто избавляя себя отъ этого труда собирая валявшіяся на дорогѣ подлѣ него заряженныя ружья. Никто не сопротивлялся двумъ офицерамъ, стрѣлявшимъ по цѣлой арміи, но наконецъ одинъ непріятельскій стрѣлокъ выстрѣлилъ въ нихъ почти въ упоръ, но какъ руви его тряслись, то выстрѣлъ не былъ вѣренъ; на оборотъ выстрѣлъ Рошжаклена его свалилъ. Такое положеніе замѣтили и изъ замка и открыли по нихъ огонь. Одна изъ пуль рикошетомъ поразила Боже, — Рошжакленъ, принявъ его въ свои объятія, старался помѣстить на лошади.

— Пойдите, господинъ Ганри, кричалъ идиотъ, я вамъ сейчасъ помогу, и онъ началъ стрѣлять между ногъ Боже, рассчитывая этимъ средствомъ заставить его податься.

— Убирайся, глупецъ, говорилъ Ганри, успѣвшій наконецъ усадить своего друга въ сѣдло. Крестьяне начали собираться кругомъ нихъ, и оба офицера проѣхали мостомъ, свободнымъ теперь отъ бѣглецовъ и преслѣдовали ихъ еще нѣсколько времени по дорогѣ въ Туръ. Изъ замка и редутовъ еще раздавались выстрѣлы.

Надобно посмотреть вошли ли въ городъ наши друзья? кричалъ Рошжакленъ, поворачивая поводъ, и онъ возвратился въ Сомюръ, приказывая разрушить деревянный мостъ и тѣмъ лишить возможности синимъ слѣдовать за собой. Между тѣмъ спускалась ночь, необходимо было отложить нападеніе на редуты до другаго дня. Всѣ предводители собрались въ Сомюръ. Пересчитывали дневные подвиги и счастливые результаты побѣды, но Рошжакленъ оставался молчаливымъ и задумчивымъ; Лескюръ подошелъ въ своему бузену и тихо ударилъ его по плечу.

— Ты очень задумчивъ, сказалъ онъ улыбаясь, какъ

будто не ты взялъ Сомюръ, втроемъ, да еще съ идиотомъ за помощника.

Ганри поднялъ голову.

— Я думалъ объ нашихъ успѣхахъ, и убѣждаюсь въ помощи Бога.

— Ты правъ, отвѣчалъ Лескюръ, пожимая руку Ганри, онъ видимо помогаетъ намъ и ему мы должны относить славу побѣды.

И оба они вошли въ церковь, куда толпами стекались крестьяне на вечернее богослуженіе. Лескюръ едва держался на ногахъ, рана начинала его сильно беспокоить.

— Мы теперь на вершинѣ успѣховъ, поѣжай отдохнуть въ Булэ, совѣтовалъ ему Ганри, выходя изъ церкви.

— Я возвращусь для нашихъ поражений, сказалъ Лескюръ подъ вліяніемъ какой-то безотчетной глубокой грусти. Онъ уѣхалъ на другой день утромъ.

XVI.

Въ Булэ получили извѣстіе о взятіи Сомюра, но Лескюръ ничего не писалъ о своей ранѣ. Не ожидая видѣть его на другой день послѣ побѣды и свучая о дочери, не видя ее продолжительное время, маркиза Лескюръ отправилась навѣстить вормилицу. Дорога была чрезвычайно дурна и необходимо было ѣхать верхомъ. Маркиза Лескюръ была по природѣ труслива, кромѣ того близорукость увеличивала ей опасности до такой степени, что она приказала сопровождавшимъ держать поводья ея лошади. Она сидѣла за столомъ у домашняго врача въ Поммерэ на Севре, когда принесли ей письмо отъ ея мужа, прибывшаго въ Булэ нѣсколько часовъ спустя послѣ ея отъѣзда и желавшаго какъ можно скорѣе успокоить ее насчетъ своего здоровья.

Она вскочила, задрожавъ всѣмъ тѣломъ.

— Вы больны? спросилъ ее медикъ, подбѣгая къ ней.

— Нѣтъ, но я сейчасъ же уѣзжаю, мой мужъ раненъ, и ея зубы стучали, какъ въ лихорадеѣ.

— Подождите, я велю приготовить мою лошадь! Дюрандъ позвалъ лакея.

— Нѣтъ, нѣтъ я сейчасъ же ѣду.

— Но вы боитесь!

— Только не теперь. И не давая времени выправить стремяна, безъ всякой посторонней помощи, она вскочила на сѣдло на первую попавшуюся ей у крыльца лошадь. Закричавъ Дюранду—спѣшите за мной какъ можно скорѣе! она поскакала и въ тоже мгновеніе исчезла изъ виду.

Дюрандъ потребовалъ себѣ лошадь.

Мнѣ придется перевязывать рану Лескюру и вправлять кости на рукахъ и ногахъ у маркизы, думалъ онъ, а какъ ее удержишь?

По прїѣздѣ въ Булэ, Дюрандъ нашелъ Лескюра на ногахъ, хотя еще въ лихорадеѣ, а жену его въ полномъ торжествѣ отъ своего подвига.

— Теперь я никогда не буду бояться ѣздить верхомъ, говорила она, такъ какъ не можетъ быть болѣе быстрой ѣзды, такой злой лошади и такихъ свверныхъ дорогъ. Лескюръ смѣялся, напоминая ей, какъ она боялась, и сколько бывало стоило труда убѣдить ее проѣхать верхомъ нѣсколько шаговъ на самой старой лошади и между двумя берейторами.

— Когда только и думаешь летѣть и летѣть какъ можно скорѣе, отвѣчала она, тогда не смотришь на средства.

Въ то время, когда Лескюръ лечился отъ своей раны, замокъ Сомиюръ сдался на капитуляцію, тамъ находился пѣнникомъ генералъ Кетино. Еще разъ Бошанъ убѣждалъ его присоединиться къ вандейцамъ.

— Если вы мнѣ даете свободу, то я возвращаюсь въ тюрьму, сказалъ Кетино, я честный человѣкъ и хочу, чтобъ меня судили. Впрочемъ, еслибъ я убѣждалъ, пострадала бы моя жена.

— Вы свободны, милостивый государь, печально говорилъ Бошанъ, но васъ ждетъ эшафотъ.

— Пусть такъ! и взоры генерала блестяли мрачнымъ огнемъ. Тамъ торжествуютъ австрійцы, здѣсь торжествуете вы, развивается контръ-революція, и Франція будетъ раздроблена иностранцами.

— Никогда! вскричалъ Бошанъ, мы защитимъ отечество.

— Тогда я буду биться подлѣ васъ, я патриотъ, я люблю Францію! И онъ отправился въ Парижъ, гдѣ былъ судимъ и казненъ. Его жена не хотѣла пережить, она кричала: да здравствуетъ король! революціонному трибуналу и казнена нѣсколько дней спустя.

Вандейская армія, подвигавшаяся къ Нанту, была немногочисленна и не воодушевлена. Крестьянамъ предстояло удалиться отъ своихъ очаговъ, и многіе изъ нихъ отказывались повиноваться сосѣдству своихъ приходовъ. Рошжаклену поручена была защита Сомюра; армія же должна была действовать совместно съ движеніями Шарета и Лиро, возставшихъ въ нижнемъ Пуату, заинтересованныхъ болѣе всѣхъ овладѣніемъ Нанта, откуда направлялись всѣ республиканскія экспедиціи противъ нихъ. Самые отважные изъ предводителей предлагали было прямо сейчасъ идти на Парижъ, но священники и предводители изъ крестьянъ вполне не одобряли этого предложенія; они понимали, что невозможно удалить такъ далеко отъ своихъ очаговъ этотъ народъ трудолюбивый, возставшій на защиту своей почвы и религіи, невѣжественный, боязливый, привязанный крѣпкими узами къ своимъ семействамъ и для котораго Парижъ оставался странною неизвѣстною, откуда исходило все зло и всѣ смутенія.

Экспедиція нантская доказала вѣрность ихъ взглядовъ. Атаки, дурно соображенныя, были неудачны, хотя и были исполнены съ большою смѣлостью. Кателино смертельно раненъ, и начальники, оказавшіе чудеса храбрости для воодушевленія своихъ солдатъ, напрасно подвергались опасностямъ. На другой день 30 июня, вандей-

цы вдругъ исчезли. Нантъ освободился. Крестьяне переправились черезъ Луару въ баркахъ, непреслѣдуемые неприятелемъ, вѣроятно отуманеннымъ ихъ смѣлыми нападеніями, да къ тому же генераль Канкло, имѣя подъ своимъ начальствомъ незначительный отрядъ, не хотѣлъ терять людей въ бесполезныхъ стычкахъ.

Новость о пораженіи получила въ Булэ одновременно съ извѣстіемъ объ очищеніи Сомюра. Гарнизонъ этого города постепенно съ каждымъ днемъ уменьшался и наконецъ кончилось тѣмъ, что Рошжакленъ остался во главѣ только 8 человекъ для обузданія неприятнаго и многочисленнаго населенія. Каждую ночь онъ самъ пробѣгалъ по улицамъ съ крикомъ въ различныхъ тонахъ да здравствуетъ король, желая внушить понятіе о бдительности и значительности патрулей. Наконецъ наступила необходимость очистить городъ. Три тысячи республиканцевъ, послѣ занятія Шанона, направились на Сомюръ. Ганри едва оставалось времени вывести свой гарнизонъ и увезти двѣ пушки. Въ Туарѣ онъ принужденъ былъ ихъ бросить въ рѣку.

Лескюръ еще не совершенно оправился отъ раны, какъ получены были эти неприятныя извѣстія, но онъ тотчасъ же приготовился къ отъѣзду.

— Я поѣду съ вами, сказала его жена, вы нуждаетесь, чтобы кто нибудь объ васъ заботился.

Онъ недовѣрчиво улыбнулся. Целестина молчала; съ того дня, какъ де Маришпи воротилъ ее, она не удалась изъ замка, казалось ея воинственные подвиги дурно подѣйствовали на ея здоровье, она похудѣла, поблѣднѣла и не предавалась необузданнымъ мечтамъ; она не рѣшалась даже просить позволенія сопровождать маркизу Лескюръ.

— Это дитя охотно пошлобы ко мнѣ въ адъютанты, сказала маркиза своему мужу.

Онъ пожалъ плечами.

— Нѣтъ! мы пойдемъ отражать республиканцевъ отъ

нашихъ постовъ и вести туда молодую дѣвушку совершенно невозможно.

Лескюръ засмѣялась, она не говорила еще своему мужу, кто былъ тотъ молоденькій офицерикъ, который велъ солдатъ на приступъ къ Марии-Жаннѣ.

Оба они, мужъ и жена, отравились въ Амайлю, но такъ какъ Партене угрожалъ непріятель, то необходимо было стянуть туда другіе отряды.

— Вы меня подождите въ Клиссонѣ, сказала Лескюръ своей женѣ, я къ вамъ туда скоро приѣду.

— Мой бѣдный Клиссонъ, я не думала его больше увидѣть!

— Проститесь теперь съ нимъ, сказалъ Лескюръ, наклонясь къ своей женѣ, и вывезите оттуда все, что будетъ возможно, судя по пути какъ идетъ генераль Вестерманъ, онъ тамъ будетъ скоро, а на пути своемъ генераль истребляетъ все, что встрѣчаетъ.

— Маркиза съ ужасомъ осмотрѣлась. Бѣдный Клиссонъ! прошептала она.

— Неужели вы ожидали чего нибудь другаго? Что касается до меня, то вступая въ дѣло, я жертвовалъ ему своимъ покоемъ, имуществомъ и жизнью; покой и имущество исчезли, теперь очередь за жизнью, прибавилъ онъ едва слышно... жена его не слыхала.

— До завтра, не такъ ли? спросила она, если вы запоздаете, я пошлю за матушкой.

— И за Боже, прибавилъ онъ, я долженъ оберегать ихъ, какъ своихъ дѣтей.

— Но вы нехотѣли вчера позволить мнѣ взять съ собой Целестину? спросила она съ удивленіемъ.

— Да, какъ искательницу приключеній, но тамъ, гдѣ вы будете въ безопасности, необходимо пригласить ихъ всѣхъ. Лескюръ уѣхалъ.

Молодая женщина осталась одна. Она уснула, какъ дитя въ той комнатѣ, гдѣ она такъ недавно проводила такіе счастливые дни. Едва проснувшись, она осматривала все; каждая мебель, каждая картина и украшеніе

вызывали въ ея памяти пріятныя и грустныя воспомина-
нія, какъ вдругъ слухъ ея былъ пораженъ шумомъ бы-
стро прискакавшей на дворъ лошади. Въ то же мгнове-
ніе у дверей ея комнаты закричали прерывающимся го-
лосомъ: Госпожа! я посланъ отъ маркиза, спасайтесь!
мы разбиты при Партене, спасайтесь!

Испуганная и дрожащая, она соскочила съ постели.

— Мой мужъ? вскричала она, задыхаясь.

— Онъ здоровъ, онъ послалъ меня васъ предупредить.

Обезумѣвшая отъ ужаса, какъ и самый посланный,
считавшій себя преслѣдуемымъ, накинувъ первое попав-
шееся на плеча платье, она бросилась на дворъ, призы-
вая всѣхъ людей, еще оставшихся въ замкѣ. Тамъ сто-
яла толпа косцовъ, совсѣмъ готовая отправиться на сѣ-
нокосъ.

— Теперь не время работать, кричала маркиза,
теперь надобно сражаться, отточите какъ можно ско-
рѣе ваши косы, и она схватила за руку стараго восьми-
десятилѣтняго старика, пришедшаго въ замокъ на по-
денную работу: ведите меня въ Гранжъ-женеть, я за-
была дорогу, и она потащила его за собою.

Едва сдерживая свое развѣвающееся въ беспорядкѣ
платье, она бѣжала, не сознавая какъ и куда, когда слу-
жившій у нее конюшимъ успѣлъ догнать ее.

— Госпожа! кричалъ онъ, этотъ дуракъ Августъ обезу-
мѣлъ отъ страха. Господинъ маркизъ отступилъ спокойно
и въ полномъ порядкѣ, вамъ можно выбрать другое
убѣжище, не прячьтесь въ Гранжъ-женеть. Она остано-
вилась и едва понимая спросила:

— Вы думаете?

— Я знаю и сейчасъ осѣдлаю лошадь для вашей
милости, прикажете-ли васъ сопровождать?

— Да, и пусть Августъ ѣдетъ съ нами, иначе онъ вездѣ
разнесетъ страхъ и суматоху. Она отправилась въ Ша-
тильонъ, гдѣ рассчитывала найти мужа.

Его впрочемъ тамъ не было; какъ его самого, такъ
и жену, тамъ всѣ жители считали взятыми въ плѣнъ.

— Вотъ она! кричали жители, увидѣвъ маркизу Лескюръ, прискакавшю къ центру города. Не останавливаясь нигдѣ, она прямо прибыла въ главный совѣтъ и рассказала тамъ все, что сама знала, затѣмъ съ такою же поспѣшностью она отправилась въ Булэ, въ сопровожденіи двухъ своихъ слугъ.

— Вонъ карета! закричалъ вдругъ Августъ.

— Мой мужъ раненъ? И маркиза Лескюръ все сильнѣе и сильнѣе торопила лошадь.

— Нѣтъ, маркиза, это ваша матушка, г-жа Дониссанъ, отвѣчали ея слуги.

Молодая женщина не слушала, она поскакала къ дверцамъ кареты.

— Дитя мое! Г-жа Дониссанъ соскочила съ подушекъ, протанувъ руки къ дочери, — я считала тебя взятой въ плѣнъ и ѣхала въ Ніоръ, гдѣ считаютъ тебя заключенной, ѣхала умереть вмѣстѣ съ тобой. Откуда ты? какъ ты убѣжала?

— Я вовсе не бѣжала изъ тюрьмы, я ѣду изъ Клиссона, говорила Лескюръ, цалуя руки своей матери, — мой мужъ прислалъ меня предупредить, и я поскакала какъ безумная, я хотѣла спрятаться въ Гранжъ-женеть у стараго отца Маро. У меня не было времени даже одѣться, и она улыбалась.

Г-жа Дониссанъ опустила въ глубину кареты и едва дышала.

— Какъ я страдаю, говорила она едва слышно.

— Какая разница между нами, вами и мной! замѣтила съ грустью Лескюръ, — вы отважная и твердая въ минуту опасности, платитесь потомъ, я же трусливая, теряю голову безъ сознанія, но это мнѣ не дѣлаетъ ничего дурнаго, и потомъ я забываю все.

— Ты молода, замѣтила Дониссанъ, проводя рукою по обнаженнымъ роскошнымъ волосамъ своей дочери.

Обѣ онѣ отправились въ Булэ, гдѣ г-жа Боже умирала отъ страха ожиданія ихъ. Когда г-жа Дониссанъ убѣжала въ Ніоръ, то надобно было силою удерживать

Целестину, желавшую во что бы то ни стало прово-
жать ее.

Между тѣмъ генераль Вестерманъ быстро прибли-
жался.

Я ничего не могъ спасти изъ Клиссона, писалъ
Лескюръ;—крестьяне перепугались и оставили свои фер-
мы, а, прибавилъ онъ Рошжаклену, Викторина, хотя и
могла бы увести нѣкоторыя дорогія вещи, но она убѣ-
жала, потерявъ всякое сознание.

Замокъ обреченъ былъ въ жертву.

Наступало тяжелое время. Вестерманъ, желая захватить
логовище предводителей разбойниковъ, какъ онъ выражался,
приближался съ большими предосторожностями. Чтобъ
окружить замокъ, онъ командировалъ нѣсколько отрядовъ,
и только вечеромъ къ 9 часамъ прибылъ самъ. Нѣсколько
крестьянъ, засѣвшихъ въ кустарникахъ сада, сдѣлали нѣ-
сколько выстрѣловъ, сильно встревожившихъ республи-
канцевъ, но въ дѣйствительности въ Клиссонѣ не было
ни одного человѣка, способнаго къ сопротивленію. Арес-
товали нѣсколько женщинъ и дѣтей. Генераль Вестер-
манъ въ полномъ торжествѣ вошелъ въ замокъ, совер-
шенно омеблированный, вполне отражающій благород-
ную и изящную элегантность своихъ владѣтелей.

— Здѣсь не ожидали солдатъ республики, сказалъ
генераль, бросивъ свою шляпу на канapé марезы Лес-
кюръ,—иначе намъ не оставили бы эту бархатную ме-
бель. И сядя къ столу, онъ писалъ Конвенту донесеніе
о своемъ торжествѣ, присоединя къ нему портретъ и
завѣщаніе Лескюра, найденное въ одномъ изъ ящиковъ
бюро. Затѣмъ принесли дрова и солому въ самую сере-
дину дома, бывшего прежде вѣрнымъ убѣжищемъ столь-
кимъ сиротамъ и вдовамъ, питавшаго столько бѣдныхъ
и утѣшавшаго столько несчастныхъ. Положили огонь, и
пожаръ, обнимая житницы, амбары и погреба, истребилъ
вмѣстѣ съ замкомъ запасы хлѣба и сѣна, назначенные
для снабженія окрестныхъ приходовъ. Сгорѣли также и
сложенные тамъ крестьянами сборы изъ послѣдней жат-

вы. Какъ будто въ вознагражденіе за истребленіе такого запаса провіанта, генераль Вестерманъ обложилъ населеніе реквизиціей. Такимъ образомъ разрушивъ замокъ Клиссонъ, республиканцы направились къ Брессюэру.

Въ Шатильонѣ получено было извѣстіе о походѣ республиканцевъ и о пожарѣ замка Клиссона въ то время, когда Лескюръ садилась за обѣдъ, она молча отерла выпавшую слезу; лицо ея мужа было спокійно.

— Необходимо оградить Вестермана, говорили между собою предводители, собравшіеся сколько возможно поспѣшно, — но гдѣ мы возьмемъ солдатъ? Бывшіе подъ Нантомъ разбѣжались, другіе спрятались по домамъ и не хотятъ участвовать въ походѣ, они думаютъ только о безопасности своихъ женъ и дѣтей. Теперь, когда повсюду убійства, это желаніе понятно. Однако же необходимо найти людей.

Генералы не знали кого послать съ своими приказаніями.

— Мы сами должны быть своими курьерами, сказалъ Десессаръ.

— Моя жена поѣдитъ въ приходы по ту сторону Булэ, сказалъ Лескюръ, и передалъ ей приказанія совѣта, безъ всякихъ объясненій.

Она поскакала въ галопъ и, проѣзжая садомъ замка, успѣла только закричать Целестинѣ, печально прогуливавшейся по террасѣ: — скажите матушкѣ, что я везу приказанія совѣта въ Трейзъ-Вантъ, и она снова поскакала.

Прибывъ на церковную площадь, она распорядилась ударить въ набатъ для сбора всего населенія прихода. Кто-то положилъ свою руку на ея руку: то была Целестина въ мужскомъ платьѣ. Молодая дѣвушка краснѣла.

— Я думаю, что я могу быть вамъ полезной, сказала она тихо, — если вы имѣете много приказаній, то мнѣ въ такомъ костюмѣ это болѣе удобно, и она указала на пуговицы своего платья.

— Поѣзжайте въ Мельевръ, сказала ей Лескюръ, улыбаясь, — а я поѣду въ другіе приходы.

Целестина наклонила голову въ знакъ согласія, вско-чила на лошадь и исчезла.

— Какой молоденькій офицеръ, говорили въ Мельевръ, куда она пріѣхала, но едва крестьяне собрались на площади, дитя заговорило:

— Друзья мои, сивіе идутъ на Шатильонъ, позади ихъ не остается ни одного дома, ни одной жатвы; необходимо ихъ отразить сейчасъ же, если вы не хотите видѣть вашу страну разворенной, вашихъ женъ взатыми въ плѣнъ и вашихъ дѣтей перерѣзанными. Вы вѣрнѣе ихъ сохраните, выступивъ противъ врага, тогда какъ защищая дома, вы позволите убивать ихъ безплодно. Начальники васъ ожидаютъ завтра въ Шатильонѣ. Вы единодушно откликнитесь на призывъ тѣхъ, которые оставляютъ на разрушеніе свои замки для спасенія вашихъ хижинъ.

— Изъ Мельевра явились сюда всѣ поголовно, сказалъ Лескюръ своей женѣ, когда онъ нашелъ ее въ Булзъ нѣсколько дней спустя, вѣрно вы были тамъ очень враспорѣчивы.

— Я послала туда своего адъютанта, спокойнo отвѣчала она.

— Надобно было бы его послать во всѣ приходы, прошепталъ Лескюръ, опустивъ голову на руки и предаваясь грустнымъ думамъ.

Шатильонъ былъ потерянъ, но тѣмъ не менѣе Вестерманъ не могъ еще заручиться значительнымъ успѣхомъ. Маркиза Лескюръ, бывшая въ Булзъ, услыжавъ громъ орудій, постепенно приближавшійся, совершенно потеряла присутствіе духа. Бросившись изъ замка и перелавшись въ бродъ черезъ Севръ, она пріѣзжала въ тотъ же самый приходъ Мельевръ, котораго все мужское населеніе сражалось тогда у Муленъ-о-шеврѣ.

— Дайте мнѣ ваши платья, самыя старыя, самыя худыя, говорила она, стремительно вбѣгая въ одну хи-

жину; не имѣя времени рассмотреть лохмотья, которыя ей принесли, она поспѣшно ихъ накинула и побѣжала далѣе по дорогѣ въ Гербиерь.

Между тѣмъ г-жа Дониссанъ и г-жа Боже шли спокойно по той же дорогѣ; три молодыя дѣвушки слѣдовали позади въ нѣсколькихъ шагахъ. Во все время г-жа Дониссанъ останавливалась и осматривалась кругомъ.

— Я не понимаю, гдѣ моя дочь? когда она пугается, она теряетъ всякое сознание.

Какая то крестьянка бѣжала позади ихъ. Вдругъ Целестина вскричала:

— Вотъ маркиза!

Ея сестры засмѣялись. Однакожь дитя подбѣжало къ женщинѣ въ лохмотьяхъ.

— Какъ вы насъ встревожили! сказала она съ упрямомъ.

— Что жъ дѣлать! И молодая женщина наклонилась обнять Целестину.

— Мои подвиги не такъ отважны, какъ ваши; я страшно пуглива и теперь спасаюсь, прибавила она съ улыбкой, подбѣгая къ матери, которая смѣялась надъ ней, едва держась на слабыхъ ногахъ. Г-жа Боже плакала горькими слезами.

— Маркиза Лескюръ точно совершенно нищая, говорила она своей дочери Маріи, старавшейся ее утѣшить.

— Вонъ Консисъ къ намъ идетъ! говорила Лескюръ, — я увѣрена онъ меня не узнаетъ.

Она захохотала, но хохотъ ей измѣнилъ. Консисъ съ минуту вглядывался въ полное изумленіе, затѣмъ расхохотался самъ.

— Моя дочь отъ страха переодѣлась, какъ вы видите, сказала г-жа Дониссанъ, — не будетъ ли ваша жена этимъ оскандализована?

Консисъ принужденно засмѣялся. Войдя въ замокъ Консисъ, наши бѣглецы нашли хозяйку на канапе, подъ краснымъ покрываломъ, съ нервнымъ пароксизмомъ. Она съ

удовольствіемъ приняла своихъ гостей, встрѣтившихъ у ней г. Дониссана, прибывшаго изъ Нанта.

— Могу ли я вамъ предложить? нерѣшительно спросила ховяйка, смотря на изорванную одежду маркизы, уже приобрѣвшую нѣкоторую репутацію между вандейцами.

— Платье? спросила молодая женщина, улыбаясь.

Ваши мнѣ будутъ длинны, но все таки они удобнѣ моего кафтана. И она сейчасъ же скинула свои лохмотья, приказавъ бросить ихъ въ огонь.

— Я не посмѣла бы никому предложить ихъ въ подарокъ, прибавила она.

XVII.

Война продолжалась съ перемѣннымъ успѣхомъ. Шатильонъ былъ снова взятъ, и два или три счастливыхъ сраженія снова ободрили упавшій духъ крестьянъ: но у нихъ проявлялась уже жажда мщенія, которой до сихъ поръ не было. Готовые на всякую жертву, они въ своемъ благородномъ ослѣпленіи не замѣчали, какъ возстаніе раззоряло семейства, разрушало ихъ жилища и опустошало всю страну. Но плѣнники, попадавшіе къ нимъ въ руки, уже не могли считать себя въ безопасности. Послѣ сраженія при Вильерѣ, Лескюръ приказалъ 200 или 300 плѣнныхъ запереть въ большой амбаръ и держать ихъ тамъ до тѣхъ поръ, когда выберетъ болѣе свободное время распорядится остричь ихъ: что дѣлалось съ цѣлью узнавать въ послѣдствіи тѣхъ, которые давали обѣщаніе не поднимать оружія противъ роялистовъ. Но вмѣсто того, чтобъ увести ихъ, крестьяне, раздраженные опустошеніемъ своихъ деревень, бросились убивать несчастныхъ. Де Мариньи былъ въ главѣ ихъ. Въ это время Целестина, остававшаяся позади съ матерью и сестрами, возвращалась съ ними въ Булэ. Она вскочила на лошадь, закричавъ:

— Я слышу шумъ и увѣрена, что убиваютъ плѣнныхъ, и она исчезла какъ молнія, оставивъ апатичную г-жу Боже въ полномъ невѣденіи случившагося.

Спокойно, окруженный нѣкоторыми офицерами, ѣхалъ Лескюръ, когда на горизонтѣ показалось облако пыли, а вслѣдъ затѣмъ и лошадь Целестины, истощенная чрезвычайнымъ усиленіемъ, пала къ ногамъ генерала. Молодая дѣвушка быстро соскочила.

— Убиваютъ плѣнныхъ, генералъ! закричала она прерывистымъ голосомъ, едва переводя духъ.

Съ нѣмымъ изумленіемъ смотрѣлъ Лескюръ на такую всадницу; русые волосы въ беспорядкѣ, блескъ ея глазъ, чистый акцентъ ея голоса невольно напомнили ему того молоденькаго офицера, который такъ упорно слѣдовалъ за нимъ въ атакѣ на Туаръ. Онъ приказалъ дать ей другую лошадь, и не обмѣнявшись словомъ оба галопомъ поскакали назадъ.

— Де-Мариньи тамъ? наконецъ спросилъ Лескюръ, какъ бы говоря съ собой.

— Онъ тамъ, отвѣчала она и затѣмъ прибавила:— такъ какъ онъ тамъ, я и рѣшилась васъ искать, нельзя же оставить его себя обезчестить.

Приблизившись къ Шатильону. Лескюръ прищипорилъ свою лошадь и перескочилъ черезъ ретрашементъ, не давая времени отворить ворота. Де-Мариньи, увидѣвъ его, бросился къ нему.

— Назадъ! закричалъ онъ, —назадъ! я уничтожаю чудовищъ, которыя сожгли твой замокъ.

— Ни съ мѣста! отвѣчалъ Лескюръ съ такимъ тономъ власти, что его кузенъ тотчасъ же пришелъ въ себя, —я беру этихъ несчастныхъ подъ свое покровительство.

Потомъ медленно, и какъ бы подъ вѣяніемъ пророческаго духа, прибавилъ:

— Ты жестокъ, Мариньи, ты погибнешь жестокой смертью!

Плѣнные толпились около лошади своего избавителя.

Целестина исчезла. Когда она входила вечеромъ въ Буль, никто не узналъ отъ нее никакихъ подробностей о случившемся.

При всѣхъ распросахъ она только обливалась слезами. Но когда три сестры удалились спать, и когда былъ потушенъ огонь въ ихъ спальнѣ, Целестина тихо проскользнула къ постелѣ Маріи.

— Не бойся, сказала она ей тихонько, — де-Мариньи не жестокъ и не будетъ убитъ, какъ сказалъ Лескюръ. Кромѣ того ея сестра не могла добиться другаго объясненія.

Обдумывали атаку на Люсонъ. Дельбе назначенъ былъ главнокомандующимъ вмѣсто Кателино, умершаго отъ ранъ. Этой мѣрой думали поднять духъ крестьянъ. Вся Вандея была окружена со всѣхъ сторонъ непріятельскими отрядами, подъ предводительствомъ генераловъ храбрыхъ, рѣшительныхъ, но завистливыхъ другъ противъ друга, раздраженныхъ противъ народныхъ представителей, которыхъ Конвентъ присылалъ къ нимъ для высшаго на правленія, и которые по своей неспособности не понимали ничего, какъ въ войнѣ, такъ и въ администраціи. Не смотря на дурное состояніе войскъ, не смотря на недостатокъ ресурсовъ, затруднявшихъ военныя движенія, они весьма часто торжествовали въ отдѣльныхъ битвахъ, хотя и не могли проникнуть во внутренность страны. Война продолжалась по окраинамъ, самый же центръ, съ дорогами пересѣченными, почти непроходимыми, изрытыми оврагами и заросшими кустарниками, оставался во власти инсургентовъ; крестьяне бились мужественно и бодро у себя дома, отражая враговъ отъ своего очага. Но положеніе должно было измѣниться: становилось невозможнымъ образовываться и организоваться военнымъ средствамъ въ странѣ опустошенной, лишенной жизненныхъ припасовъ, вслѣдствіе отвлеченія способныхъ рабочихъ рукъ отъ хозяйственныхъ производствъ, въ странѣ, сдѣлавшейся убѣжищемъ множества несчастныхъ, изгнанныхъ непріателемъ изъ окрестныхъ мѣстностей. До сихъ

поръ роялисты имѣли дѣло съ волонтерами недовольными, безъ дисциплины, дезертировавшими при первомъ недовольствѣ, но теперь противъ роялистовъ становился новый, самый страшный врагъ—закаленный солдатъ республики. Гарнизонъ Майнскій, послѣ 32 дневной осады, сдавшійся на капитуляцію подъ самыми почетными условіями, назначенъ былъ Конвентомъ къ усмиренію возстанія на западѣ. Командованіе гарнизономъ ввѣрено было Клеберу, съ производствомъ его въ бригадные генералы. Это производство въ тѣ времена, какъ писалъ онъ въ своихъ запискахъ, замѣняло приказъ идти на эшафотъ, или, что еще хуже, въ тюрьму, подъ постояннымъ страхомъ казни. Съ такими печальными предчувствіями отправился Клеберъ въ Вандею, гдѣ предшествующіе неудачи принесли опалы и казни столькимъ республиканскимъ генераламъ. Между тѣмъ вандейцы были отражены отъ Люсона во второй разъ, послѣ значительнаго пораженія; нѣсколько послѣдующихъ счастливыхъ сраженій не могли уже улучшить положеніе ихъ дѣлъ. Шаретъ, первый встрѣтившій майенцевъ на пути, не могъ остановить ихъ движенія и отступилъ; они достигли Торфу. Въ этомъ мѣстѣ стояла роялистская армія въ полномъ сборѣ, считавшая въ рядахъ своихъ до сорока тысячъ человекъ; всѣ предводители чувствовали, что наступила рѣшительная минута побѣдить или умереть. Приходы поднялись массами, одинъ Ешобруанскій приходъ выслалъ 1700 человекъ, соединившихся около Лескюра, подъ защитою изгородей и деревьевъ, покрывавшихъ путь между Клиссономъ и Торфу. Въ этой мѣстности находилось три тысячи человекъ самыхъ отважныхъ, подъ начальствомъ Пьера Гуро, прибывшаго тѣмъ утромъ изъ Сень-обена съ Мартой, рѣшившейся не повидать его до тѣхъ поръ, пока не присоединится къ сестрамъ *милосердія*. Довольно значительное число женщинъ, изгнанныхъ изъ сожженныхъ жилищъ и безплодныхъ полей, слѣдовало теперь за арміей; они заботились о раненыхъ, пользуясь только тѣми ресурсами, которые доставляло

милосердіе мызниковъ или офицеровъ; въ матерямъ присоединились дѣти, и такимъ образомъ движенія арміи по необходимости должны были замедляться этой толпой несчастныхъ безъ пристанища. Нѣсколько женщинъ изъ Обьера, имѣвшихъ на рукахъ больныхъ дѣтей, умоляли о помощи Марту. При видѣ ихъ, Марта отказалась отъ своего намѣренія идти сейчасъ же въ Шатильонъ, гдѣ сестры милосердія открыли походный госпиталь.

— Кажется здѣсь есть работа, сказала она маркизѣ Лескюръ, которую мужъ приказалъ перевезти въ Бонро. къ больной г-жѣ Дониссанъ.

— Какъ вы позволили воротиться Пьеру, спросила ее Лескюръ, — онъ едва держится на ногахъ.

— Онъ мнѣ сказалъ, что онъ довольно силенъ для того, чтобъ быть убитымъ, отвѣчала въ полголоса Марта, — вотъ уже три noci вижу его блѣднымъ, окровавленнымъ, съ пулею въ сердцѣ. Онъ говоритъ, что ему будетъ лучше, когда все будетъ кончено.

— Вы заставляете меня отчаяваться въ побѣдѣ, отвѣчала маркиза, прищипывая лошадь.

Сраженіе завязывалось.

Въ первый разъ еще вандейцы встрѣтились съ страшными майенцами и невольно начинали трусить; нѣсколько человекъ бѣжали, но начальники, ободривъ, смѣло повели въ дѣло.

Пользуясь твердымъ знаніемъ страны и выгодами естественнаго положенія мѣстности, вандейцы стремительно атаковали непріятеля, но не могли сломить твердой стойкости республиканскихъ войскъ; тѣ, не смотря на значительныя потери, отступали тихо и въ полномъ порядкѣ; вандейцы окружали ихъ со всѣхъ сторонъ, ружейные выстрѣлы не умолкали: раздавались изъ всѣхъ рытвинъ, изъ всѣхъ углубленій, закрытыхъ скалами, тогда какъ синіе оставались въ полной невозможности отвѣчать невидимому непріятелю. Наконецъ войска прибыли къ небольшому мосту, черезъ который надобно было пере-

ходить. Клеберъ оборотился къ полковнику, сражавшемуся подлѣ него:

— Введите на мостъ двѣ пушки, привезаль онъ, и когда войска перейдутъ, защищайтесь тамъ до послѣдняго человѣка.

— Хорошо, генераль, отвѣчалъ храбрый воинъ и повиповался.

Преслѣдованіе было остановлено, и отступленіе кончилось безъ особенныхъ затрудненій.

Счастливое для вандейцевъ сраженіе близъ Монтегю, не позволило Бессеру соединиться съ Клеберомъ; отступательное же движеніе майенцевъ было тревожено на каждомъ шагу; вандейскіе солдаты ободрились и не бѣгали, какъ прежде, при первой неудачѣ. Они приняли въ ряды свои нѣкоторое число швейцарцевъ, избѣгнувшихъ смерти при катастрофѣ 10 августа. Одинъ изъ нихъ, въ головѣ вандейскаго батальона, неутомимо слѣдовавшаго по пятамъ за отступавшими майенцами, постоянно игралъ во время пути на флажолетѣ. Пуля оторвала голову его лошади, швейцарецъ тотчасъ же поднялся и хладнокровно продолжалъ наигрывать пѣсенку, при громкихъ аплодисментахъ крестьянъ. Но всѣ эти чудеса храбрости, по недостатку согласія и хорошаго управленія, почти не приносили никакой пользы. Такъ однажды Бошанъ напалъ на конвой изъ майенцевъ, направлявшихся къ Клиссону, съ геройскою храбростью онъ три раза производилъ атаку, но каждый разъ былъ отражаемъ. По недостатку дисциплины войска перемѣшивались, и самая побѣда не могла принести полезныхъ результатовъ. Пораженіе заставляло непріятеля отступать, но тѣмъ не менѣе этотъ врагъ оставался попрежнему неутомимымъ, попрежнему готовымъ къ новому отпору.

XVIII.

Сильное безпокойство все болѣе овладѣвало предводителями возстанія по мѣрѣ того, какъ шесть армій все тѣснѣе и тѣснѣе обледали ихъ маленькую территорію; на помощь Англій, обѣщанную имъ одно время, рассчитывать было невозможно. Между тѣмъ крестьяне, счастливые своими послѣдними успѣхами, радостно возвращались по домамъ; во всѣхъ приходоухъ пѣли *Te Deum*. Пьеръ не воротился въ Сень-обенъ.

— У насъ никого нѣтъ, говорилъ онъ Рошжаелену, Марта и я, мы оба здѣсь, пусть сожгутъ нашу ферму, какъ сожгли въ Дюрбильерѣ, мы на землѣ ничего не имѣемъ, лишь бы только наша страна была избавлена отъ синихъ прежде, чѣмъ Богъ воззоветъ мою душу, а чѣмъ скорѣе мы будемъ въ землѣ, тѣмъ лучше.

Ганри печально улыбнулся.

— Что дѣлаетъ Марта? спросилъ онъ.

Марта прямо идетъ въ рай, отвѣчалъ братъ. Для ухода за всѣми нашими больными нашихъ сестеръ милосердія слишкомъ недостаточно, и съ тѣхъ поръ какъ Марта здѣсь, она выхлопотала себѣ у округа особое помѣщеніе, куда помѣстила раненыхъ. Знаете ли, господинъ Ганри, кто у нея помощницей, которая трудится почти столько же, какъ и она? Это маленькая дѣвочка съ русыми волосами, которая была еще въ тюрьмѣ, вмѣстѣ съ нашей маркизой. Мать ея также приходитъ въ ней, но она слишкомъ слаба и чувствительна, какъ говоритъ Марта. Когда больные стонутъ и жалуется, она плачетъ, тогда какъ моя сестра и эта молоденькая дѣвочка ихъ утѣшаютъ, перевязываютъ имъ раны, переворачиваютъ въ постелѣ, не растериваясь отъ слезъ, какъ будто они имѣютъ дѣло съ дѣтьми.

Пьеръ говорилъ правду. Израненное сердце Марты и пылая душа Целестины встрѣтились и соединились за однимъ трудомъ, трудомъ, становившимся съ каждымъ

днемъ все необходимѣе. Въ средѣ развивающихся страданій, развилась и преданность ихъ съ неудержимой силой. Мартъ не у кого было спрашивать позволенія, но Целестина сначала просила, умоляла, потомъ повела свою мать къ тѣмъ женщинамъ, дѣтямъ, больнымъ и раненымъ, которые страдая, безъ всякой помощи, тащились за арміей. При такомъ видѣ, упорство матери уступило.

— Поди, сказала она дочери, и дѣлай сколько ты можешь.

Целестина воспользовалась позволеніемъ и отдала своему дѣлу все свое время, всѣ свои силы и всю свою душу. Не имѣя болѣе желанія лично участвовать въ битвахъ, она отдала свое мужское платье бѣднымъ малымъ, которыхъ она нашла въ лохмотьяхъ. Это пылкое великодушіе, вполне удовлетворенное, разлило по всему существу молодой дѣвушки какую-то небесную ясность; г-жа Боже и ея старшія дочери не могли достаточно надивиться совершенному превращенію Целестины.

Это ангель, говорила мать, отирая слезы.

Опечаленные и растревоженные предводители обдумывали новые планы компаніи. Шареть, считавшій себя оскорбленнымъ въ раздѣлѣ добычи, удалился въ свое прежнее мѣсто дѣйствій въ нижнюю Пуату и увлекъ за собою значительную часть арміи; съ его уходомъ уже не оставалось достаточныхъ силъ для наступательныхъ дѣйствій; надобно было думать только о защитѣ, между тѣмъ непріятельскій поясъ сжимался все болѣе и тѣснѣе. Лескюръ уже не находилъ Шатильонъ надежнымъ убѣжищемъ для своей жены и сдѣлалъ распоряженіе о переѣздѣ въ Шоле. Г-жа Дониссанъ, съ трудомъ перевезенная изъ Бопро, начинала только что выздоравливать.

Можетъ ли матушка сдѣлать новое путешествіе? вздыхала маркиза.

Больная призвала ее къ себѣ.

— Не безпокойся, я сяду на лошадь. Но можете ли вы

держаться, матушка? съ удивленіемъ спросила молодая женщина.

— Двадцать пять лѣтъ, какъ со мной этого не случилось, и больная слабо улыбнулась, но я поѣду также хорошо, какъ ты годъ тому назадъ.

Надобно было уступить, не было никакихъ другихъ средствъ. Маркиза Лескюръ теперь принуждена была взять съ собой своего ребенка: послѣ 9 мѣсячнаго кормленія, отъ горя и безпокойства у кормилицы молоко совершенно пропало. Агафья держала дѣвочку на рукахъ.

— Надобно послать въ госпиталь предупредить Целестину, сказала маркиза, но еще говорила, какъ вошла г-жа Боже съ глазами, опухшими отъ слезъ, но съ видомъ рѣшительнымъ.

— Я пришла съ вами проститься, сказала она, но рыданія заглушили ея слова.

Марья подошла къ креслу г-жи Донниссанъ.

— Целестина не можетъ покинуть раненыхъ, объяснила она спойойно, а мы не можемъ оставить Целестину. Лескюръ съ недоумѣніемъ смотрѣла на обѣихъ.

— Но если Вестерманъ будетъ здѣсь завтра? спросила она.

— Мы умремъ вмѣстѣ, отвѣчала мать съ твердостью. Больше не настаивали.

Маркиза знала, что въ совѣтѣ разсматривался вопросъ—должно ли брать съ собой раненыхъ, и что было рѣшено оставить ихъ, такъ какъ перевозъ значительно затруднялъ бы походъ арміи. Сестры милосердія за нѣсколько дней переселились въ Шоле; Марта и Целестина оставались одни въ управленіи госпиталемъ.

Мы имъ будемъ помогать, замѣтила г-жа Боже.

Тяжело было прощаться, но рѣшились не отклонять другъ друга отъ исполненія долга.

Маркиза Лескюръ повиновалась мужу, заботясь объ матери и дочери, г-жа Боже оставалась съ дочерью, оберегая ту, которую Богъ призвалъ въ святому дѣлу и

которая съ такою преданностью отвѣчала на этотъ призывъ.

Была ночь; небольшая группа съ маркизой Лескюръ выходила изъ города; густой туманъ облегалъ окрестности, моросилъ мелкій дождь. Целестина, стоя у порога своего госпиталя, прислушивалась къ удаляющимся шагамъ лошадей и потомъ воротилась въ комнату съ влажными глазами. Мать посмотрѣла на нее съ безпокойствомъ.

— Еще не поздно, если ты хочешь! прошептала она.

— Да, матушка, для васъ не поздно, криво отвѣчала Целестина, но мнѣ пора готовить вечернія перевязки.

Республиканцы приближались къ городу; они обложили Мулекъ-о-шевръ, гдѣ находились войска Лескюра; синіе значительно превосходили числомъ и лучше направлялись. Вандейцы тотчасъ же были разбиты наголову. Лескюръ взялъ за руку Рошжаклена:

— Отвечемъ удары на себя, тихо сказалъ онъ.

И тотчасъ же проскакавъ передъ фронтомъ гусаръ республиканскихъ, рубившихъ поселянъ,

Маркизь Лескюръ! закричалъ онъ.

Ганри Рошжакленъ! отвѣчалъ его кузень, и въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, пустили своихъ лошадей въ галопъ. Гусары бросились ихъ преслѣдовать, оставивъ бѣдныхъ поселянъ, разбѣжавшихся во всѣ стороны; большая часть поселянъ въ паническомъ ужасѣ прибѣжала въ городъ, а нѣкоторые изъ нихъ прямо въ госпиталь.

Синіе за нами! кричали они.

Марта и Целестина выбѣжали на шумъ, но потомъ заперли дверь госпиталя.

Если синіи придутъ сюда, то да будетъ воля Божья, говорили онѣ, но до послѣдней минуты здѣсь ненарушится порядокъ, и онѣ отказали впустить бѣглецовъ: Мы здѣсь на службѣ раненымъ, а тѣ, у кого добрыя ноги, тѣ могутъ бѣжать дальше.

Республиканцы овладѣли городомъ, но утомленные, такъ какъ битва продолжалась цѣлый день. Они раз-

сѣялись по домамъ и кабакамъ, нѣсколько разъ подходили къ большой двери госпиталя, но она была заперта, и никто не брался сломать. Во всю ночь слышался шумъ отрядовъ, входившихъ въ городъ послѣ грабежа домовъ Обьера, Сень-обена и окрестныхъ приходовъ. Крики пьяныхъ солдатъ ясно говорили женщинамъ, запертымъ въ госпиталѣ, и бѣднымъ раненымъ, страдающимъ горячкой, полное разрушеніе ихъ жилищъ и всего, что оставалось у нихъ еще на землѣ. Марта на больняхъ подлѣ умирающаго, казалось, ничего не слышала. Целестина дрожала, не говоря ни слова и выбѣгая къ матери каждый разъ, когда стучали въ дверь. Г-жа Воже оставалась блѣдной, но сповойной; материнская нѣжность придавала ей невѣдомую силу; она собрала позади себя дочерей и стала подлѣ двери, — еслибъ кто нибудь вошелъ, то прежде, чѣмъ воснуться дочерей ея, надобно было пройти черезъ ея трупъ.

Лескюръ направился въ Шоле въ моментъ, когда республиканцы бросились схватить его и Рошжаклена; они пришпорили своихъ лошадей и съ легкостью перескочили черезъ изгородь, тогда какъ гусары, увлекшіеся преслѣдованіемъ по дорогѣ совершенно изрытой, не могли скакать далѣе; оба генерала въ продолженіи ночи благополучно пріѣхали въ Шоле. Маркиза Лескюръ была уже тамъ; она помѣстилась сама съ матерью, а дочь помѣстила въ общественномъ домѣ для бѣдныхъ. Она только что вышла, чтобы разузнать новости изъ арміи, какъ какой то крестьянинъ бросился къ ней съ знаменемъ въ рукахъ.

— Вотъ знамя, которое вы мнѣ дали, сказалъ онъ, едва переводя духъ, съ большимъ трудомъ я его вчера вынесъ изъ Муленъ-о-шеврѣ, но я защищалъ его отъ ударовъ синихъ, и онъ показалъ широкіе рубцы на деревѣ.

— Вы разбиты? спросила она, хватаясь за стѣну.

— Да, совершенно, и мы были бы всѣ убиты, еслибъ господинъ маркизъ съ Ганри Рошжакленомъ не привлекли.

въ себѣ синихъ, закричавъ свои имена; синіе бросились за ними, а мы въ это время спаслись.

Маркиза не могла далѣе спрашивать и воротилась въ комнаты, совершенно уничтоженная. При шумѣ нѣсколькихъ лошадей она обернулась и вдругъ увидѣла мужа, въ сопровожденіи Ганри. Она бросилась въ его объятія.

— Я едва не умерла отъ разказа этого крестьянина, говорила она задыхаясь, но есть еще счастливыя минуты въ жизни!

И она наслаждалась этими послѣдними минутами.

XIX.

Шатильонъ снова отбитъ вандейцами и въ госпиталѣ вздохнули свободно. Целестина отворила двери съ тѣмъ неукротимымъ порывомъ радости, которая составляла существо ея характера и которая развлекала больныхъ даже въ самыхъ страданіяхъ.

— Пусть теперь друзья войдутъ! сказала она.

Лескюръ пришелъ ее провѣдать; онъ всегда оказывалъ предпочтеніе Целестинѣ, нѣкогда его забавлявшей, а теперь поразившей такою глубиною преданности и мужества въ исполненіи своего подвига. Правда, Марта была искуснѣе въ заботахъ матеріальныхъ о больныхъ, но направленіе учрежденія, моральная энергія, недопуская больныхъ отчаяваться на одрѣ болѣзни, исключительно исходили отъ Целестины. Матери ея поручена была администрація кухни.

— Я способна къ этому, говорила она покорно.

— Вы способны на все, отвѣчала Целестина съ собственнымъ ей увлеченіемъ нѣжности, что сдѣлалось бы съ нами, еслибы вы оставили насъ.

— Матери не повидаютъ своихъ дѣтей, отвѣчала г-жа Боже, спокойно занимаясь своимъ дѣломъ.

Было поздно, городъ опустѣлъ, вандейцы удалились

на новую битву. Слухъ о новомъ счастливомъ успѣхѣ уже достигъ до госпиталя, и часовые беззаботно оставили свои посты, какъ вдругъ раздался ужасный крикъ: неприятель! неприятель!

Теперь мы погибли! заговорили больные.

Марта успѣла опустить запоры. Сто grenadierъ, посаженныхъ позади ста гусарь, быстро скакали въ городъ, ихъ преслѣдовали роялисты, разбившіе корпусъ Вестермана. Въ головѣ этого смѣлаго отряда, рѣшившагося неожиданнымъ смѣлымъ ударомъ овладѣть городомъ, оставшимся безъ защиты, находился Фроманталъ, адъютантъ генерала Клебера. Онъ распорядился тотчасъ же запереть за собой городскія ворота, но конные поселяне успѣли однакожь ворваться вмѣстѣ съ республиканцами. Ворота были снова отворены; бились въ улицахъ на каждомъ шагу. Этотъ незначительный отрядъ синихъ утвердился прямо противъ госпиталя и гусары, опьанѣвшіе отъ вина и ярости, пытались разрушить запертую дверь, неподдававшуюся ихъ ударамъ; съ одинаковымъ мужествомъ рубились и вандейцы, но они не понимали необходимости защищать госпиталь. Синіе упорно старались разломать дверь; когда она уже колебалась подъ ихъ ударами, какой-то роялистскій офицеръ, котораго раненый братъ находился въ госпиталѣ, прорвался съвозъ эту немногочисленную группу республиканцевъ и сталъ передъ дверью. Онъ съ такимъ мужествомъ отражалъ направленные противъ него удары, что осаждающіе на мгновеніе отступили, но въ то время дверь, расколотая отъ сильныхъ ударовъ, упала и открыла свободный проходъ. Однимъ прыжкомъ офицеръ перескочилъ въ комнату, схватилъ на руки своего выздоравливающаго уже брата, и въ одно мгновеніе исчезъ. Вслѣдъ за нимъ ворвались республиканцы, и разъяренные упорнымъ сопротивленіемъ, начали рубить на постеляхъ всѣхъ беззащитныхъ больныхъ. Ухаживавшіе за ними женщины, — теперь не въ состояніи оказать какую либо помощь, — удалились въ уголъ. Г-жа Боже поставила позади себя своихъ дочерей и за-

слонила ихъ собой. Вдругъ въ тотъ моментъ, какъ сініе отворяли уже внутреннюю дверь въ другую комнату, гдѣ лежали другія жертвы, Целестина вырвалась изъ рукъ матери и выбѣжала за сломанную наружную дверь.

Убиваютъ раненныхъ! закричала она звонкимъ голосомъ, нѣтъ ли здѣсь офицера спасти несчастныхъ!

Она не называла никого, она не призывала ни дворянъ, ни республиканцевъ, она только просила начальника, который остановилъ бы разсвирѣпѣвшихъ людей. На звукъ этого раздирающаго голоса прибѣжалъ Фроманталь и отступилъ въ изумленіи, увидѣвъ подъ аркой полуразрушеннаго свода, на порогѣ, обогренномъ кровью, существо такое юное, такое нѣжное, съ такими прекрасными длинными бѣлокурыми волосами въ беспорядкѣ, умоляющее о помощи не за себя, но за тѣхъ несчастныхъ, которые были ей вѣрены. Молодой офицеръ, храбрый и честный, сражался въ Майнцѣ, но война, которую онъ велъ въ Бандеѣ, ему внушала ужасъ и отвращеніе. Однимъ прыжкомъ онъ перескочилъ въ комнату и прибѣжалъ къ своимъ солдатамъ, не остановился ободрить Целестину, но она прочла состраданіе въ его взглядѣ. Увы! было поздно защищать раненныхъ; тѣ, которые не получили роковые удары, едва дышали въ постелѣ, умирая отъ страха и волнсій; кровь ручьями текла въ комнаты. Марта поддерживала въ своихъ рукахъ одного поселанина изъ Ешобруана, раненнаго въ дѣлѣ при Торфу и теперъ бредившаго въ жару.

Я ихъ вижу, кричалъ онъ, ихъ больше насъ, но мы позади кустовъ и изгородей, они не знаютъ нашихъ дорогъ, рововъ, и скалъ! О наши добрые деревья! я сейчасъ спрячусь въ этотъ кустъ, онъ старъ и безъ шиповъ... стрѣляй! стрѣляй въ этихъ синихъ!

Раздраженный гусаръ нанесъ кинжаломъ ударъ этому несчастному въ самый пылу его воображаемаго триумфа, но Фроманталь заставилъ арестовать гусара, собралъ свою команду и увелъ. Смятеніе утихало въ городѣ; офицеры республиканскіе отступали шагъ за шагомъ передъ не-

пріятелемъ многочисленнымъ и также разсвирепѣвшимъ, какъ и они сами; палачи раненыхъ вышли изъ госпиталя. Молодой офицеръ бросилъ послѣдній взглядъ на Целестину; она наклонилась надъ постелью умирающаго и не думала объ немъ, но онъ унесъ въ своемъ сердцѣ изображеніе юнаго прекраснаго существа, умоляющаго о помощи для раненыхъ на порогѣ стараго госпиталя.

Спокойствіе и тишина восстанавлились въ улицахъ; вандейцы преслѣдовали непріятеля. Целестина закрыла глаза больному, котораго она поддерживала, затѣмъ она обошла другія постели, но всѣ тѣ, къ которымъ она подходила, были уже мертвы отъ новыхъ ранъ. Она подошла къ Мартѣ, которая въ это время пѣла вечернія псалмы для успокоенія волненія война Торфу. Вдругъ онъ поднялъ руку надъ головой.

Они бѣгутъ, мы побѣдители! О флаголетъ добраго швейцарца!

И онъ тяжело упалъ на подушку. Марта осторожно опустила его вѣки и прочитала послѣднія молитвы.

— Все кончено, сказала она, осматриваясь съ глубокой скорбью.

— Да, кончено здѣсь по злобѣ людской, вскричала Целестина, но будь покойна, и она горько улыбнулась, они намъ приготовили работу въ другомъ мѣстѣ, мы найдемъ раненыхъ въ Шоле, въ Бонпро, гдѣ мы пожелаемъ раненыхъ вездѣ много.

Она стояла среди комнаты, разсматривая эти трупы, которымъ она расточала столько заботъ, этихъ несчастныхъ; которыхъ она видѣла съ такою радостью возвращающимися мало по малу къ жизни и которыхъ безчеловѣчныя руки поразили въ положеніи беззащитномъ.

Злме, шептала она.

Г-жа Боже ничего не говорила и не показывала признаковъ жизни; ея старшія дочери все еще укрывались позади ея, трепещущія и оледѣбляя подъ вліяніемъ опасности, только что минувшей. Мать сдѣлала шагъ какъ будто возвратить Целестину подъ свое крыло,

она протянула къ ней руку, и дочь въ это время замѣтила съ удивленіемъ въ рукѣ ея пистолеть.

— Гдѣ вы его нашли, матушка? спросила она.

— Одинъ гусаръ уронилъ, отвѣчала г-жа Боже глухимъ голосомъ, и я бы выстрѣлила въ голову первому, который бы къ вамъ приблизился.

Целестина встала на колѣни и провела остальную ночь въ молитвѣ.

Когда вандейцы на другое утро возвратились въ городъ, зрѣлище было ужасное; мертвые и умирающіе валялись по улицамъ, догорали остатки домовъ, площади покрывались развалинами, но самый раздирающій видъ представлялъ собою госпиталь. Въмѣстѣ со смертью и трауромъ порядокъ и бодрость видны были повсюду въ этомъ скромномъ убѣжищѣ, недавно еще мирномъ, а теперь разрушенномъ; мертвые покрыты покрывалами, слѣды крови исчезли, и когда Лескюръ пріѣхалъ осмотрѣть, онъ испыталъ чувство глубокаго удивленія къ этимъ мужественнымъ женщинамъ, неоставлявшимъ своего поста и исполнившимъ до послѣдняго конца всѣ вѣренныя имъ обязанности.

— Вамъ необходимо ѣхать какъ можно скорѣе въ Боπρο, сказалъ онъ имъ, вы тамъ будете заботиться о раненыхъ, а здѣсь вамъ ничего неостается.

И онъ обвелъ печальнымъ взоромъ неподвижныхъ хозяевъ. Затѣмъ, назначивъ отрядъ для сопровожденія ихъ и отдавъ его въ распоряженіе г-жи Боже, вышелъ. Марта во все время слѣдовала за нимъ взглядомъ страннаго выраженія.

Я видѣла смерть въ его глазахъ, прошептала она, такъ какъ я вижу ее 8 дней у Пьера, и отдавшись печальнымъ думамъ, она предоставила Целестинѣ сдѣлать послѣднія необходимыя распоряженія къ отъѣзду.

Вандейцы общали прежде своего выхода изъ города похоронить мертвыхъ.

Пять женщинъ, въ сопровожденіи небольшого отряда, отправились по дорогѣ въ Боπρο, между тѣмъ Лескюръ,

производившій военное движеніе на Шоле, которому угрожалъ непріятель, встрѣтилъ первый республиканскій отрядъ на половинѣ дороги въ Мортанъ. Услышавъ шаги лошадей, онъ въѣхалъ съ своимъ адъютантомъ на небольшое возвышеніе, отсюда ясно могъ разсмотрѣть положеніе непріятеля.

Впередъ, друзья мои! свомандовалъ онъ.

Въ это мгновеніе пуля ударила его выше лѣвой брови и вылетѣла позади уха, онъ упалъ. Поселяне, слѣдовавшіе за нимъ, прошли незамѣтивъ по его тѣлу и принудили отступить синихъ. Но Пьеръ Гуро видѣлъ и съ вризомъ бросился къ нему.

Вторая пуля поразила его самого.

Послѣдній изъ Сенъ-обена, прошепталъ онъ, умирая.

Пули свистѣли градомъ вокругъ ихъ. Наконецъ замѣтили положеніе Лескюра и бросились помогать ему; онъ плавалъ въ крови, но еще былъ живъ. Бывшій тамъ его вамердинеръ положилъ его передъ собой на лошадь, а двое поселянъ шли подлѣ, поддерживая раненаго и такимъ образомъ они направились въ Бопро, проходя сквозь ряды какъ бѣгущихъ, такъ и преслѣдующихъ. Наступило общее смущеніе, неспрашивали кто побѣдитель и кто побѣжденный, знали только одно, что умиралъ Лескюръ.

Маркиза Лескюръ по распоряженію мужа оставила Бопро и въ тотъ же день прибыла въ Тремонтонъ. Утромъ она была въ церкви, гдѣ толпа женщинъ усердно молилась во все время, пока слышалась канонада со стороны Шоле. Въ городѣ появлялись бѣглецы; какой-то офицеръ вошелъ въ церковь и подошелъ къ маркизѣ; заплакавъ онъ взялъ ея руку, она съ удивленіемъ посмотрѣла на него, видно было, что она ничего еще не знала.

— Сраженіе проиграно... сказалъ онъ глухимъ голосомъ.

— Знаете ли вы, гдѣ Лескюръ?

— Я полагаю въ Бопро, вамъ нужно было бы туда возвратиться; непріятельскіе гусары могутъ быть здѣсь очень скоро.

У меня неостало мужества сказать ей объ несчастіи, проговорилъ онъ, выходя изъ церкви.

Маркиза Лескюръ сѣла на лошадь, взявъ на руки дитя.

Ѣдемте! сказала она матери.

Та неуспѣла еще сѣсть на лошадь, какъ дочь ея подъ паническимъ вліяніемъ страха ускочила впередъ. Въ толпѣ кричали.

Вонъ, вонъ, синіе показались на дорогѣ!

Въ головѣ ея помутилось, она безсознательно шпорилла лошадь, все ярѣе прижимала въ сердцу своему дитя. Дорога была загромождена экипажами и телѣгами. Она заставила лошадь перескочить ровъ и свавать въ поле, чтобъ опередить голову колонны. Г-жа Дониссанъ навонецъ догнала ее, но она сбилась съ пути въ извилистыхъ и переплетенныхъ дорогахъ и съ каждымъ шагомъ заблуждалась все больше и больше. Наступившая ночь настигла ихъ еще далеко отъ Бодро. Усталыя, измученныя, онѣ принуждены были остановиться и занять постели въ комнатѣ, наполненной поселянами, направившимися къ арміи Бошана.

Была ночь, когда ихъ пробудилъ громъ пушекъ; канонада слышалась въ двухъ мѣстахъ: въ Сентъфлоранѣ и вдоль Луары. Для уходившихъ солдатъ началось богослуженіе, гдѣ присутствовала и маркиза. Церковь была полна; гулъ пушекъ по временамъ покрывалъ молитвы священника; слабый свѣтъ лампадъ и свѣчей едва освѣщалъ зданіе; маркиза Лескюръ на колѣняхъ пламенно молилась. Богослуженіе кончилось. Священнику сказали, что Лескюръ умеръ и что надобно приготовить его жену. Онъ подошелъ въ ней, и она пожелала исповѣдываться. Священникъ увѣщевалъ ее, говорилъ о непостоянствѣ счастья, о неудачахъ вандейцевъ, о святости ихъ дѣла, о вознагражденіи, которое ихъ ожидаетъ, хвалилъ благочестіе Лескюра и въ особенности настаивалъ на безропотной поворности Богу отъ жены, которой онъ даровалъ такого мужа. Голосъ священника раздавался въ

опустѣлой церкви, она слушала, оледенѣвшая отъ ужаса и почти безъ всякаго сознанія; удары пушекъ раздавались все сильнѣе и чаще. Она сбѣла на лошадь, но едва могла держаться; мать ея присоединилась, и они продолжали двигаться, не зная куда. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ деревеньки, которую они оставляли, къ сопровождавшему маркизу подошли два поселанина.

Лескюръ раненъ, но не умеръ, они ему сказали тихо, и онъ теперь въ Шодру.

Лескюръ услышала.

Умеръ! закричала она, его считали мертвымъ!

Она не ожидала отвѣта и, инстинктивно прищипывая лошадь въ направленіи къ Шодру, такъ быстро исчезла изъ виду, что г-жа Дониссанъ съ трудомъ могла за ней слѣдовать. Агафья приняла дитя на свои руки. Они прибыли уже въ то время, когда несчастная женщина входила въ комнату своего мужа, голова у котораго была раздроблена и черты выражали ужасныя страданія, онъ говорилъ съ трудомъ, но онъ существовалъ, онъ живъ, она его снова нашла, тогда какъ считала его ужъ въ рукахъ республиканцевъ, и оба они въ этомъ ужасномъ положеніи благословляли Бога за милость — умереть вмѣстѣ.

Надобно было послѣднее усиліе. Прибывшій Бошанъ убѣдилъ генераловъ въ необходимости овладѣть небольшимъ городкомъ Варадъ, на правомъ берегу Луары, съ цѣлю обезпечить отступленіе черезъ рѣку въ случаѣ пораженія. Онъ зналъ Бретанъ и вѣрилъ возможности дѣйствовать съ пользою на другомъ берегу Луары, но онъ не рассчиталъ непреодолимныя трудности, которыя встрѣтила армія поселанъ безъ запасовъ, безъ провіанта, безъ дисциплины, удаленная отъ своихъ очаговъ, обремененная женщинами и дѣтьми, которыхъ нельзя было оставить врагу въ беззащитной странѣ. Послѣдовали однакожь этому совѣту, такъ какъ повидимому онъ одинъ представлялъ хоть какою нибудь выходъ въ отчаянномъ положеніи, и отдѣльный отрядъ въ 4 тысячи че-

ловѣкъ пошелъ на Варадъ, остальная же вандейская армія атаковала Шоле. Всѣ корпуса соединились, считали участвующихъ въ дѣлѣ до 40 тысячъ, республиканцы располагали почти равными силами, завязалась яростная борьба. Въ первый разъ вандейцы шли сжатыми рядами, подобно линейнымъ войскамъ; они овладѣли уже городскимъ предмѣстьемъ, какъ вдругъ совершенно неожиданно напалъ на нихъ еще свѣжій маленькій отрядъ. Роялисты выдержали натискъ, не отступивъ, но въ это время въ одинъ и тотъ же моментъ Дельбе и Бошанъ смертельно ранены. Истощенные поселане дрогнули, ряды ихъ смѣшались, они отступили, и бѣгство сдѣлалось общимъ: одни бѣжали въ Бопро, куда перевезли Дельбе, другіе направились въ Сентъ-флоранъ, куда отправили Бошана. Республиканцы понесли значительную потерю. Они не преслѣдовали бѣжавшихъ, и несчастный остатокъ великой вандійской арміи переформировался въ Сентъ-флоранъ, готовясь переправиться на другой берегъ Луары для полученія общаннаго помощи и поддержанія.

XX.

Г-жа Боже и ея дочери тотчасъ по прибытіи въ Бопро узнали новость о пораженіи. А какъ затѣмъ долженъ былъ послѣдовать немедленно входъ въ городъ республиканскихъ войскъ, то необходимо было снова бѣжать и искать убѣжища въ Сан-флоранъ. Онѣ слышали о смерти Лесюра и смертельной ранѣ Бошана, носилки же Дельбе онѣ встрѣтили сами на дорогѣ. Одинъ поселанинъ, сражавшійся подлѣ Лесюра, встрѣтилъ на улицѣ Маргу.

— Пьеръ упалъ въ одно время съ маркизомъ, сказалъ онъ ей безъ всякихъ приготовленій. Онъ сказалъ «послѣдній изъ Сен-обена» и — умеръ. Если это такъ продолжится, то и я сважу послѣдній изъ Ешобруана а насъ было въ Торфу тысяча семьсотъ человѣкъ!

Марта не плакала. Я это знала, прошептала она.

Целестина наклонилась къ ней и обняла.

— Тебѣ осталась сестра, сказала она ей нѣжно.

— И это не долго будетъ, промолвила та съ открытыми неподвижными глазами, будто говоря сама съ собой. Целестина вздрогнула; видѣнія Марты ей всегда наводили ужасъ. Онѣ отправились въ Сан-Флоранъ.

Высоты, на которыхъ былъ выстроенъ городъ, располагались полуциркульнымъ кругомъ въ берегу Луары, образуя у подножія обширную площадь. Рѣка, широкая и ровная, катала свои нѣсколько желтоватыя волны передъ громадной, сжатой и суетящейся толпой, которая безпорядочно толкалась на берегу. Женщины, дѣти, старики и раненые бѣжали отъ убійства и пожара, паническій ужасъ охватилъ всю страну; хижины опустѣли, деревни оставлены, а въ отдаленіи облака дыма за послѣдними хижинами ясно говорили объ участи покинутыхъ жилищъ. Крики, глухіе вопли и рыданія раздавались со всѣхъ сторонъ, женщины звали своихъ мужей, дѣти искали своихъ отцовъ; болѣе здоровые и сильные овладѣвали барками, которыхъ пригнали бретанцы, въ количествѣ очень незначительномъ и далеко не соразмѣрномъ съ громадною толпою; семейства стремительно бросались на барки, часто оставляя на берегу когонибудь изъ среды своей, торопились бѣжать, какъ будто на другомъ берегу ожидало ихъ спасеніе, тогда какъ тамъ они не могли ожидать ни помощи, ни убѣжища. Въбѣшенные, растерянные генералы напрасно старались установить какойнибудь порядокъ въ это необдуманное, но несокрушимое движеніе толпы, совершенно потерявшейся отъ страха. Рошжакленъ, стоя у окна, подлѣ постели, куда перенесли больного Лескюра, кричалъ какъ безумный, что онъ не желалъ переходить рѣку, что лучше было бы биться и умереть у себя дома, чѣмъ гибнуть у чужихъ.

— Я ударю на синихъ и заставлю размножить себѣ голову, повторялъ онъ. Марвиза Лескюръ, думая только

о своемъ мужѣ, умоляла его успокоиться, но больной въ это время пришелъ въ сознание.

— Я тоже желалъ бы умереть здѣсь, высказалъ онъ.

Послышалась большая суматоха у дверей дома, привели въ Санъ-флоранъ 5 тысячъ плѣнныхъ республиканцевъ, которыхъ невозможно было переправлять на другой берегъ Луары.

— На этотъ разъ ихъ должно разстрѣлять, сказалъ де-Мариньи, входя въ комнату своего кузена. Отчаяніе и несчастія очерстило сердца; всѣ раздѣляли это мнѣніе.

— Это варвары, прошепталъ Лескюръ, но никто не слышалъ этого слабого голоса, и приказаніе было дано.

Но въ другомъ домѣ, у другой постели умирающаго, тотъ же шумъ поразилъ слухъ, становившійся глухимъ въ земнымъ страданіямъ; Бошонъ приподнялся на постели.

— Я требую, чтобъ имъ даровали жизнь, сказалъ онъ едва слышнымъ голосомъ,—это будетъ мое послѣднее приказаніе, и я требую его исполненія.

Антишанъ, стоявшій подлѣ его постели, вышелъ.

— Бошанъ приказываетъ пощадить плѣнныхъ, сказалъ онъ громкимъ голосомъ, подойдя къ зданію, гдѣ были заперты плѣнные.

Даже въ самыхъ страданіяхъ сердце вандейцевъ оставалось чувствительнымъ къ великодушію; благородное желаніе генерала тотчасъ же сообщилось солдатамъ.

— Милость! милость! кричали поселяне, Бошанъ приказываетъ! и плѣнные были спасены.

Барки возвратились, они исполнили первый путь и ждали новыхъ пассажировъ. Маркиза Лескюръ, помѣстивъ на одну изъ нихъ своего мужа и держа въ рукахъ ребенка, стояла подлѣ своего отца, встрѣченнаго ею въ группѣ офицеровъ; въ моментъ, когда она прощалась съ Дониссанъ и барка ихъ отчаливала отъ берега, вдругъ закричали: синіе, синіе идутъ!

Матросъ поспѣшилъ оттолкнуться весломъ отъ берега. Глаза маркизы остановились на двухъ бар-

кахъ, переплывавшихъ въ это время рѣку паралельно. На одной изъ нихъ находилась г-жа Боже и ея двѣ старшія дочери; Марта и Целестина оставались на берегу. Одно время несчастная мать надѣялась увлечь съ собою и послѣднюю дочь.

— Ты найдешь и тамъ раненыхъ, говорила она ей.

— А здѣсь умрутъ безъ помощи, матушка?

Целестина не понимала возможности ихъ оставить; она ужъ собрала вокругъ себя больныхъ и умирающихъ, оставленныхъ растерявшимися семействами, дѣтей забытыхъ на берегу, раненыхъ, принесенныхъ въ Санъ-флоранъ ихъ друзьями, не подумавшими о перевозѣ ихъ на баркахъ. Просьбами и мольбами она успѣла помѣстить ихъ въ первомъ оставленномъ домѣ; съ помощью Марты она не одного больного перенесла на своихъ рукахъ. Въ полномъ смущеніи и нерѣшимости оставалась г-жа Боже, но съ другой стороны Луиза заставляла мать торопиться какъ можно скорѣе бѣжать на другой берегъ.

— Зачѣмъ же намъ всѣмъ умирать здѣсь? говорила она.

И она увлекла г-жу Боже до маленькой барки, въ которой уже помѣстилась болѣе тихая, хотя и не менѣе испуганная Марья. Одно мгновеніе Целестина показала у окна своего импровизированнаго госпиталя; рѣшительная улыбка полуоткрыла ея губы; она сдѣлала знакъ прощанія и возвратилась къ своимъ раненымъ. Г-жа Боже закрыла лицо руками.

— Я ее не увижу больше, прошептала она.

Раздавшійся крикъ ужаса и отчаянія заставилъ ее открыть глаза. Другая барка, подъ управленіемъ неопытныхъ рулевъ, прямо направлялась въ ту же сторону. Барки столкнулись, и обѣ мгновенно перевернулись. Тѣснившаяся на берегу толпа, поглощенная своимъ несчастьемъ и томительнымъ ожиданіемъ, ничего не видѣла, ничего не слышала; опустѣлыя барки плыли по рѣкѣ. Одинъ только де-Мариньи, переправлявшійся верхомъ черезъ рѣку, замѣтилъ случившееся несчастье; онъ направилъ

въ сторону своего бойкаго скакуна, пытаясь спасти тѣхъ, которые еще боролись. Онъ выхватилъ изъ воды тѣло Маріи Боже, но она была безжизненна; при этомъ ужасномъ столбовеніи, Марія получила смертельный ударъ въ високъ. Положивъ эту роковую ношу на шею лошади, де-Мариньи достигнулъ берега.

— Вотъ все, что осталось мнѣ отъ земнаго счастья, говорилъ онъ себѣ.

Между тѣмъ синіе овладѣли Санъ-флораномъ, опроверкая и тѣсня на берегу Луары, остававшихся тамъ несчастныхъ. Свѣромный госпиталь уже успѣлъ организоваться. Съ тайной надеждой Фроманталь осматривалъ всѣ дома, спрашивая у каждаго, гдѣ помѣщались раненые. Услыхавъ шумъ въ одномъ изъ отдаленныхъ домовъ, онъ вошелъ туда: передъ внутренней дверью стояла Целестина съ пистолетомъ въ рукѣ, защищая своимъ тѣломъ собранныхъ ею несчастныхъ. Убитая Марта лежала у ея ногъ. Съ крикомъ радости и восторга узнала дѣвочка республиканца, спасшаго ее въ Шатильонѣ.

— Это вы, вы!

Молодой человѣкъ бросился къ ней, глаза его блистали, шпага поднялась для защиты.

— Негодяи! закричалъ онъ, — вы умѣете убивать только женщинъ и умирающихъ!

Солдаты отступили, офицеръ оттѣснялъ ихъ дальше и дальше. Наконецъ онъ заперъ двери и подошелъ къ Целестинѣ, стоявшей надъ трупомъ Марты.

— Я прикажу охранять вашихъ больныхъ. Идите.

— А она?

Целестина показала на трупъ. Молодой человѣкъ взялъ умершую на руки.

— Слѣдуйте за мной, повторилъ онъ.

Отрывистый тонъ не допускалъ возраженій, и Целестина повиновалась. Молодой республиканецъ увлекъ вандейку въ жилище, назначенное ему.

— Когда она будетъ похоронена, сказалъ онъ, по-

казывая на Марту, — я на васъ женюсь, это единственное средство предоставить вамъ безопасность.

Глаза его горѣли восторгомъ, Целестина молча опустила голову; она не противорѣчила, она нашла своего покровителя.

Вандейская война кончилась съ переходомъ черезъ Луару; послѣдующія битвы были только продолженіемъ агоніи. Лескюръ умеръ въ бѣгствѣ при выходѣ изъ Лаваля, раненный Дельбэ, оставшійся повади, приговоренъ былъ къ смертной казни, де-Мариньи, обвиненный въ измѣнѣ Штофлетомъ, былъ разстрѣлянъ собственными солдатами, но и его обвинитель заплатилъ за свою жестокость, умирая съ Шаретомъ подъ огнемъ республиканцевъ. Ганри Рожакленъ, истинный герой Вандеи, естественная глава возстанія поселянъ, сохранилъ до конца безупречную славу и умеръ отъ пуль двухъ непріятельскихъ драгунъ въ своей странѣ, такъ долго защищаемой имъ среди гѣбовъ и скаль. Но трудъ его оказался безплоднымъ: король, котораго возстановленія на тронѣ онъ такъ желалъ, умеръ въ тюрьмѣ, духовные разсѣялись и разбѣжались. Столько мужества и преданности, такое рѣдкое самоотверженіе знатныхъ и бѣдныхъ, такое дружное единство поселянъ и дворянъ, единственное, можетъ быть, въ исторіи, заслужило вандейцамъ безсмертную славу, и они сохранили эту славу, хотя вообще гражданскія войны рѣдко имѣютъ благородныя основы и чистыя средства.

РАЗСКАЗЪ ПЛѢННИКА.

Изъ записокъ о хивинской экспедиціи 1839 г.

26-го ноября 1839 года.

Вотъ уже пятый день, какъ мы оставили за собой Илецкую защиту. Съ каждымъ шагомъ впередъ воздушная степь глубже и глубже захватываетъ нашъ отрядъ въ свои могильно-синевація объятія. Кругомъ пустота. Снѣгу подъ ногами въ четверть. Напряженное зрѣніе не видитъ ничего, кромѣ земли и неба; изрѣдка одинъ только ковыль (прозванный сербами «волосами сироты») выкалываетъ свою стальную щетину, будто разбросанныя стада замороженныхъ вепрей лежатъ подъ розсыпью перевозимья.

Бросивъ поводъ на гриву лошади, я руками отогрѣвалъ леденѣющія щеки: тридцати пяти градусный морозъ, при полномъ безвѣтріи, захватывалъ дыханіе и пронизъ бы до костей, еслибъ насъ не спасали двойные сибирскіе яраги.

Небо во всѣ эти дни было ясно, какъ бирюза востока. Багровое солнце катилось по горизонту между двухъ огненныхъ столбовъ. Снѣжная степь, отражая на себѣ тройственное знаменіе, придавала общей картинѣ торжественный видъ изъ библейскаго странствованія Моисея.

сея съ его полчищемъ. Громадный караванъ верблюдовъ удваивалъ сходство.

Ночь намъ свѣтила тремя мѣсяцами.

Офицеры то и другое явленіе называли триумфальными воротами въ Хиву, золотыми столбами будущей русской границы.

— У махOMETовой луны, говорили солдаты, выросли уши.

— Она, видно, хочетъ узнать до точности, въ какой день замерзнетъ въ конецъ ея красное солнышко.

— Уши-то у нее велики, замѣчали другіе, да глаза малы, оттого то она и не видала, что красное солнышко еще у Илецкой защиты обморозило свои алья будри, а на третьемъ нашемъ переходѣ въ степь, обледѣвши на смерть, повѣсило съ боковъ, на поминъ своей души, двѣ кумачевыя ширинки.

Главномандующаго радовало такое молодецкое настроеніе духа въ войскѣ, но не довѣряя будущему, потому что зима уже заявила свой убійственный характеръ, онъ подобную поэзію называлъ «лейбъ-фантазіей».

Неотступныя мысли, что онъ повторяетъ собой печальную роль Фараона, возможная гибель отряда въ этихъ снѣгахъ, страшная отвѣтственность передъ Государемъ, черная страница въ военной исторіи изнурили его силы; онъ уже началъ страдать бессонницей. Въ его рукахъ оставалось одно орудіе—поддерживать бодрость солдатъ, т. е. лейбъ-фантазію.

Когда Наполеонъ I-й при своемъ консульствѣ задумалъ перейти на житье въ Тюйлери, то говорилъ секретарю: меня будетъ сопровождать блестящая свита и парадъ войскъ; простота хороша въ арміи, но въ большомъ городѣ необходимы торжественныя представленія; хотя это скучно, но дѣлать нечего: здѣсь надобно говорить глазамъ! Такія вещи нравятся народу!

Перовскій, постоянно важный, неразговорчивый съ подчиненными, хорошо понималъ свое появленіе въ обществѣ и передъ баталіонами: онъ былъ идоломъ оренбургской

военной аристократіи, имъ же созданной, и небеснымъ громомъ для солдатъ, казаковъ, земской полиціи и оружной орды, которые передъ нимъ, вытягиваясь въ струнку, читали одну понтонную молитву: «перенеси Богъ!»

И вотъ, чтобы краснорѣчиво г.ворить глазамъ, опъ изъ своей комфортабельной повозки, запроженной верблюдами, часто садился на верхового коня, изъ буксесскихъ табуновъ, и ѣхалъ навстрѣчу потоку идущихъ солдатъ. Это были дѣйствительныя цорціи возбуждающаго. Здѣсь онъ самъ, какъ лихой наѣздникъ въ степи и въ манежѣ, былъ великолѣпнымъ драматическимъ представленіемъ въ походной жизни!

— Перовскій, говорили солдаты, Царь-громъ, а его лошадь молонья!

И въ самомъ дѣлѣ онъ стоилъ такихъ эпитетовъ. Сверхъ форменнаго платья на немъ была надѣта лапландская доха въ родѣ бурки, съ длинными рукавами. Выразительный профиль генерала рѣзко печатался на темно-синемъ горизонтѣ, дыханіе его бурилось, и взбѣгая инеемъ нанизывало морозовую канитель на мѣховой воротникѣ, и серебрило околышъ шапки. Обледенѣлыя усы и угрюмо сдвинутыя брови придавали физиономіи именно то могучее выраженіе, передъ которымъ исчезаетъ болѣзненное истомленіе отъ форсированныхъ маршей, и которое, съ пѣснями ведетъ колонны подъ огнедышущія батареи. Блѣдно-голубыя, почти бѣлыя яблоки глазъ Перовскаго, въ чернѣ на завѣтренномъ лицѣ, казались замороженными. И солдатамъ онъ самъ представлялся генераль-морозомъ, который когда-то билъ на нашихъ поляхъ наполеоновскія полчища, а нынче дескать побьетъ онъ и виргивію съ басурманской Хивой.

Сонъ былъ въ руку! Главнокомандующій каждый взводъ поздравлялъ съ русскимъ морозомъ.

— Благодаримъ покорно! и рады стараться В. П.! Гремѣли ему на встрѣчу.

— Грейтесь, ребята! прибавь шагу.. на ночлегѣ раз-

ложимъ востры — будетъ небу жарко! выпьемъ по лишней чаркѣ водки, и морозъ какъ съ гуся вода!

Въ каждой толпѣ нашихъ крестьянъ, изъ 10 — 20 человѣкъ, всегда выщется 2—3 весельчака, краснобая, но въ походной колоннѣ, идущей вольнымъ шагомъ, они считаются уже дюжинами.

На слѣдахъ Перовскаго весь строй оживалъ будто отъ прикосновенія волшебнаго жезла. Бойкій умъ говоруновъ вспархивалъ жаръ-птицей, народное краснорѣчіе разсыпалось историческими приговорками, перемѣшанными съ собственными сатирами, противъ своего перваго врага: жгучаго холода.

— Экъ дѣдушка-то морозъ еще только теперь хватился, что мы ушли изъ Оренбурга, опоздалъ на проводы! жаль! мы бы про него баню истопили.

— Чай промѣшвался въ Иркутскѣ на ярмаркѣ, отвѣчали сибиряки: онъ тамъ изъ хлѣбнаго вина выжимаетъ воду.

— А лежокъ на ногу, замѣчали третьи, даромъ что старше ягой бабы! вчера былъ за горами, а нынче ѣдитъ на нашихъ верблюдахъ.

— Да вѣдь онъ мычется по свѣту на лыжахъ, по міру на салазкахъ, и чуть лѣнивый черкесъ запоздаетъ келью вытопить, смотришь: стукнетъ раза два объ уголъ, да и въ дверь. Радъ — не радъ гостю, а принимай въ ночлежники.

— Не трогайте старика, замѣчали мнительные умы, вѣдь отъ его зубовъ до нашего носа рукой подать; а тамъ глядишь: подкатится подъ сердце черной немочью, да и поминай какъ звали!

— И то, братцы, правда! — тогда и пролежишь на степи до первой травы, коли тобой волки не поужинаютъ.

— Ну вѣтъ, далеко кулигу до Петрова дня! Киргизскій морозъ еще до насъ не доросъ!

— Правда, ребята, правда! — сбири ты морозы съ

трехъ зимъ въ одно мѣсто, такъ и они не проймутъ нашей одежды.

— Эй, рассказчикъ, смотри у тебя носъ побѣлѣлъ! держи его рукавицей, а не то отвалится!

— Это, братцы, калмыцкій потъ выступилъ дѣвичьимъ молокомъ.

— Нѣтъ, это прежняя деревенская смѣтана, ерденная у бабушки, выплываетъ наружу.

— Трофимовъ, облизывай! вѣдь ты охотникъ до твоего рожаго!

Таковъ русскій солдатъ и на полковыхъ праздникахъ и за часъ до своей боевой смерти. Нашей трень-травой настаивается и народная сивуха, и чистый сѣверный воздухъ. Громкій смѣхъ, это даровая трещотка, съ повтореніями и перевераніями связаннаго, бѣглымъ огнемъ катился по рядамъ.

Подъ такую залихватскую музыку и казаки, съ гиканьемъ выскакавъ съ обѣихъ сторонъ колонны, пускались на широкихъ кругахъ, изъ первобытной уральской азбуки выводить завѣтные вензеля „все нашо да Божье!“

Впереди, загнувъ назадъ головы, гордо-трагическимъ шагомъ выступали лимфатиче верблюды; глухо бряцающая цѣпами, катилась полевая артиллерія и курился неугасимый фитиль для сигаръ и трубокъ. Хвостъ отряда составляли парочныя фуры лазарета, въ которыя не перебегающійся дѣдушка морозъ навалилъ уже цѣлую кучу своихъ хвастливыхъ поединчиковъ.

II.

Любознательный умъ мыслителя еще надолго останется беспомощнымъ младенцемъ передъ таинственными силами внѣшней природы. Перовскій, въ бытность свою военнымъ губернаторомъ, 8 лѣтъ съ неусыпной дѣятельностію наблюдалъ характеръ кайсацкаго климата, какъ по уральской линіи, такъ и въ степи на самыхъ даль-

ныхъ точкахъ. Метеорологическія записки, составляемыя учеными, вмѣстѣ съ семейными преданіями башкирскихъ и киргизскихъ старожилловъ, одинаково рапортовали, что искони степные снѣга представляютъ глубину отъ 4 до 6 вершковъ и уже выше колѣна, кромѣ наносныхъ сугробовъ, никогда не бываютъ. Суточные и двухъ суточные бураны дѣло обыкновенное: они страшны только для одинокаго пѣшехода, а каравану ничего не сдѣлаютъ особенно, когда у хозяевъ есть шатровыя кибитки и кошмы для подъяремнаго табуна. Кочевники де-скасть цѣлые вѣка живутъ въ степяхъ и, во славу Аллаха, не погребаются подъ снѣжными сугробами; для стадъ и табуновъ во всякую зиму одни ясли — мать сыра земля. Наконецъ морозы отъ 7 до 12 градусовъ дѣло обыкновенное, въ 20—25 рѣдкость и то не надолго, а тамъ и среди зимы такъ отдастъ, что и двойной халатъ ношей покажется.

Основываясь на такихъ, повидимому, вѣрнѣйшихъ данныхъ, Перовскій начертилъ планъ экспедиціи и Императоръ повелѣлъ открытъ военныя дѣйствія, но дикая природа въ зиму 1839 и 40 годахъ, повторяя свои бѣсновато-историческія знаменія, разумѣется, существующія въ ея законахъ черезъ длинные періоды времени (забытая памятью), грозно-непобѣдимымъ чудовищемъ стала передъ нашимъ отрядомъ.

За Илецкой защитой, при мелкихъ снѣгахъ, треску-чій удушающій морозъ, будто живое созданіе, злой духъ степей—защитникъ Хивы, переступая съ ноги на ногу, перемѣнялъ только цифры градусовъ, начиная отъ 20 до 23 и обратно. Такъ постоянно онъ, какъ непобѣдимый арріергардъ, невидимо и стихійно затруднялъ намъ дорогу на протяженіи 500 верствъ, то есть до рѣки Эмбы.

И если читатель припомнить, что наши дома — копенныя палатки, съѣстные припасы—въ ящичкахъ, провіантъ съ фуражнымъ овсомъ—въ переметныхъ сумахъ и порціонныя дрова (эти живительные очаги) взяли на

себѣ верблюды, тогда онъ пойметъ весь ужасъ нашего положенія.

Намъ скажутъ съ дровами вездѣ лѣто! — но у насъ дрова береглись для иныхъ горшихъ случаевъ; вибитки нагрѣвались камышемъ, гдѣ его можно было достать, бовылемъ, гдѣ уже ничего не было и санями-обшивнями отъ палыхъ верблюдовъ. На растопку шли березовыя швырковыя полѣнья. Морозъ не измѣнялъ своего норова.

Берегъ Эмбы.

Наконецъ, 21 декабря, съ послѣдняго перехода, зоркіе глаза солдатъ подѣ самымъ горизонтомъ завидѣли темное пятно, дрожащее въ морозныхъ искрахъ и вьющійся дымокъ: это было Эмбенское укрѣпленіе. И радостные крики: Эмба! Эмба! Теплое жилие! Дымокъ!.. 500 верстъ за нами! такъ грянули по рядамъ колонны, что и лимфатичен верблюды, выше поднявъ свои головы, прибавили шагъ.

И дѣйствительно, было чему радоваться: тамъ находились запасы сѣна, а главное кизяка (топливо), камыша и хвороста. Солдаты запѣли пѣсню: «Не бѣлы снѣжки въ полѣ заблѣлись, а заблѣлись каменны палаты».

Черезъ два часа три сотни уральскихъ казаковъ, составлявшихъ гарнизонъ Эмбскаго укрѣпленія, въ качествѣ квартирнеровъ встрѣчали нашу первую колонну съ такимъ восторгомъ, будто они полжизни просидѣли въ замураванной тюрьмѣ.

Эмба была и нашей надеждой — на теплый отдыхъ. Русскій авось увѣрилъ cadaго изъ насъ по одиночѣ, что берегъ этой рѣки — настоящія ворота на югъ, съ надписью: «Сбей рогъ зимѣ!» Да, мы вѣрили, что за эту грань сѣверный лютый морозъ не смѣетъ уже выставить и своего (почему то названнаго) краснаго носа, хотя въ дѣйствительности онъ имѣетъ блѣдно-синеватый цвѣтъ восточной проказы.

Мы вбѣжали въ плетневый городокъ, какъ на свою родину: но эта родина бобылей оказалась смазанками, промороженными и распудренными мшистымъ инеемъ съ лица и подкладки до такого совершенства, что въ нихъ холодно было заглянуть. Послѣ мѣсячнаго похода изъ Оренбурга то пѣшкомъ, то на горбахъ верблюдовъ (и замѣтьте, всѣхъ солдатъ) здѣсь только у одной молодежи не дрогнуло сердце, для которой всякая новизна-развлечение и даже 33^о морозъ, встрѣтившій насъ у обѣтованныхъ воротъ Эмбы.

Но прежде отчаянія, у всякаго человѣка при всѣхъ бѣдствіяхъ непремѣнно найдется что нибудь утѣшительное. Удалие гарнизонные казаки для всѣхъ колоннъ наготовили звонкихъ сухихъ камышей, въ родѣ русскаго хвороста. Это былъ лучший подарокъ, и наши бурени задумались жизнiю.

Степная почта.

Въ этотъ день я пожелалъ счастливаго пути киргизу, который на конѣ верхомъ и у сѣдла съ заводной лошадейю на чумбурѣ, во всю рысь понесся отъ нашего стана на сѣверъ. Это былъ фельдъегерь отъ главнокомандующаго въ Оренбургъ съ страшными докладами Государю и съ самыми утѣшительными письмами къ нашимъ друзьямъ и кровнымъ. Дружба и любовь обманываютъ только въ тѣ минуты, когда они сами погибаютъ.

Надобно здѣсь сказать, что между гражданствующимъ міромъ у насъ не перерывалось сообщеніе по милости неутомимыхъ степныхъ лошадей и ихъ дикихъ властелиновъ. Киргизу проскакать въ его родной пустынѣ 700—800 верстъ, гдѣ зимой кромѣ снѣговъ и бурана даже нѣтъ ни галки, ни вороны, дѣло самое возможное.

Это была наша голубиная почта, наши аэростаты. Представьте, что посланикъ, во избѣжаніе встрѣчь съ земляками, которые могли бы у него отнять конверты для

передати въ Хиву, долженъ былъ скакать нашимъ веселымъ путемъ почти безлюднымъ, потому что аулы, еще съ осени, далеко откочевали въ стороны и для береженія казеннымъ табунамъ подножнаго корма и въ избѣжаніе встрѣчи съ солдатами.

Для такой почты изъ киргизскаго конвоя обыкновенно выбирался одинъ изъ ловкихъ караванныхъ наѣздииковъ, съ строгимъ наказомъ: не дремать дорогой и какъ можно скорѣе поспѣвать къ городу Лемпуру (Оренбургу). Потомъ, важныя конверты зашивались въ лопушистый малахай бурьера, а на грудь навѣшивалась сумба съ частной корреспонденціей и фальшивыми донесеніями, чтобъ въ случаѣ нападенія хищниковъ, гонецъ могъ жертвовать ложными бумагами. Саквы ѣздоваго набивались сухарями дней на шесть, питье подъ ногами и на чумбурѣ заводной конь—это вторая станціонная смѣна.

Вѣрный киргизъ, съ двушильнымъ своимъ организмомъ, на неутомимыхъ бѣгунахъ безъ отдыха проскакавъ версть 60, останавливается для того, чтобъ переложить сѣдло съ спины одной лошади на другую, подтянуть единственную подпругу, взнуздать заводнаго, взнуздать усталаго подъяремника и въ такой перекладкѣ проходитъ много-много минутъ 20. А между тѣмъ кони отфыркаются, вздохнуть, хватятъ горстей 5—6 ковылю въ прикуску съ снѣгомъ, и снова въ нуть на такое же разстояніе. Верстахъ на сотню посолъ даетъ своей парѣ привалъ часа на полтора: покормить ее подснѣжной травой, самъ съѣсть сухаря два въ прикуску съ тѣмъ же снѣгомъ, сотворить намазъ и, бормоча правовѣрную молитву въ колѣно-сидячемъ преклоненіи, вздремнетъ мертвой дремой и скоро пробужденный морозомъ и службой русскому сардарю, опять точно съ такими же приемами бьтаетъ и въ хвостъ и въ гриву.

И этому сыну природы, подѣ часъ лихой мачихи, по всей степи нѣтъ препятствій. Днемъ онъ скачетъ по солнцу, ночью по звѣздамъ и по инстинктамъ сквозъ непроглядный туманъ и сквозъ адскій винтоворотъ бурана.

Да, онъ летитъ ядромъ въ мишени и уклоняется съ прямой линіи только для объѣзда топучихъ солончаковъ, обрывистыхъ овраговъ и, описавъ дугу, снова выскакиваетъ на стезю, которая кажется нитью, проведенной отъ двухъ точекъ сквозь его бритую голову. На седлѣ киргизъ всегда сидитъ въ полъоборота, склонясь къ высокой лушѣ, чтобъ однимъ плечемъ идти въ разрѣзъ вѣтру. Опытъ научилъ его, что прямо парусить грудь значить удваивать ношу коня и истощать свою силу *).

III

И такъ мы на Эмбѣ; морозъ, кажется, заперъ на замокъ южные вѣтры и ключъ перебросилъ чрезъ степи на сѣверъ. Днемъ передъ нами, какъ и прежде, горятъ три солнца; во весь походъ отъ Илецкой защиты почти ни одна звѣздочка снѣга не пала подъ ноги, ни одна оттепель не смягчила острый, игольчатый воздухъ. Киргизы и башкиры, какъ воспитанники кошменныхъ домовъ, бодро стоятъ подъ морозами, казаки еще держатся, но солдаты заваливаютъ собой лазареты. Главныя болѣзни, кромѣ обмороженныхъ членовъ, горячки и лихорадки. Но нравственные силы, безъ всякаго колебанія, стоятъ все на тѣхъ же высотахъ, гдѣ русскими людьми пожинаются всѣ лавры. Это привиллегія сѣвера — мать авось съ небосемь.

Тотъ зналъ хорошо русскаго человѣка, кто сложилъ поговорку: «Наша взяла, хоть рыло въ врови!»

Да, съ такими вонтелями — легко было ставить геркулесовскіе столбы на всѣхъ бранныхъ дорогахъ.

Впрочемъ, здѣсь слѣдуетъ оговориться. Нашъ мужикъ, потомъ поочереди линейный солдатъ, можетъ считаться могучимъ сѣвернымъ медвѣдемъ только сравнительно съ

---

*) Хорошая арабская лошадь сразу въ 4 сутокъ можетъ проскакать 600 верстъ; киргизская не уступитъ ей въ скорости.

западнымъ европейцемъ. Но передъ уральскимъ казакомъ, въ степномъ походѣ, онъ и ѣженка а передъ киргизомъ и башкиромъ — безпомощный младенецъ.

Илья Муромецъ, въ одной знаменитой былинѣ, схвативши ордынца за ноги, какъ палицей билъ имъ толпы невѣрныхъ, съ слѣдующей приговоркой: «А и вѣрнокъ татаринъ непорвется, а и жиловать собака — неivorвется».

Народные поэты — съ изумительной мѣткостью и однимъ словомъ опредѣляли и поровъ человѣка и его качественность.

Нашъ крестьянинъ, этотъ родоначальникъ арміи, не боится зимнихъ поволжскихъ бурановъ: съ краюшкой хлѣба за пазухой, онъ невредимо подъ саженымъ сугробомъ пролежитъ двое сутокъ; но послѣ ему необходима изба, печь съ полатами или, по крайней мѣрѣ, широкій пылающій костеръ, гдѣ бы можно было просушить онучи и свою продрогнувшую утробу.

Пустынные берега Эмбы издали казались намъ обѣтованной землей, и мы навѣрное предполагали, что наконецъ владычество сѣвера перемогутъ права юга; но гаданье не сбылось, и я по прежнему пишу походныя замѣтки карандашемъ. Чернила давно смерзли въ одну массу съ флавономъ.

22-го декабря. Къ вечеру этого дня весь горизонтъ обложился тучами и сталъ перепархивать снѣгъ, но съ начала рѣдкими блестящими, нерѣшительно вьющимися въ воздухѣ.

— Да падай же смѣлѣе! кричали солдаты: али боишься ногу ушибить. Возьми глаза въ зубы и увидишь, что — по всей степи лежитъ мягкая подстилка изъ ковыля! Китай же Юнкарь бѣлоручка!

Нашъ народъ на задирчиво-подстрекательныхъ зубоскальствахъ собаку съѣлъ и не одну, а трехъ разомъ; и въ самомъ дѣлѣ, снѣгъ, будто почувствовавъ обидную насмѣшку, посыпался лебяжьимъ пухомъ и потомъ повалялъ хлопками.

— Вотъ онъ! радостно закричали солдаты, не под-

толпи его сзади — виселемъ, такъ еще продумалъ бы съ мѣсяцъ.

Говорить съ стихіями молитвенно и насмѣшками составляетъ обрядную сторону нашихъ повѣрій. Впрочемъ, это правило не одной простонародной Руси.

Матросы всѣхъ странъ, начиная съ практической Англии, олицетворяя бурныя океанскія явленія, вполнѣ вѣрятъ, что во время мертвѣго стиля стоитъ только знатоку (на особый ладъ) посвистать, чтобъ вѣщей-буркой-коуркой запорхалъ предъ ними вѣтеръ.

Нашъ станъ ожилъ: надежды на теплую погоду разцвѣли, и я 22 числа декабря писалъ краснымъ корандашемъ въ моему дорожникѣ.

Здѣсь слѣдуетъ сказать, что въ кошечной палаткѣ я стоялъ вмѣстѣ съ однимъ казацкимъ маіоромъ, человѣкомъ очень наблюдательнымъ и знаткомъ стихійныхъ перемѣнъ и кочевой жизни.

— Что вы хмуритесь, маіоръ? сказалъ я, когда нынче у насъ всѣ радуются и ликуютъ?

— Да чему же тутъ радоваться?

— Какъ чему—наденью снѣга!

— Извините; я что-то не вѣрю въ здоровую оттепель отъ этого снѣга...

— Почему?

— Да потому, что у нынѣшней бѣдовой зимы—зло на умѣ!..

— А вы какъ представляете себѣ нынѣшнюю зиму?— т. е. въ какомъ образѣ?

— Да ни больше, ни меньше, какъ въ образѣ змѣн-своропей. Она весь походъ, безъ перемежки, пятнала насъ морозами, а теперь, кажется, хочетъ завалить снѣгами и забить буранами. Я хорошо знаю одно, и вполнѣ вѣрю, что у злаго начала всегда и злой конецъ. Это вы встрѣтите и у ехиднаго человѣка, и у природы, когда она своей ехидной стороной поворачиваетъ къ мѣръ-народу. А у нее есть такая сторона.

— А на вашемъ вѣку, маіоръ, бывали здѣсь такіа зимы?

— Нѣтъ, Богъ миловалъ; 50 лѣтъ я живу, т. е. вожу по Уральской линіи и по Киргизіи, и ничего подобнаго не видалъ. Но докладываю вамъ, что у здѣшнихъ лѣтнихъ засухъ и у особистыхъ зимъ бывають упрямыя, стойкіе нравы. И ужъ ты тутъ молись—не молись, а перемѣны не жди. Здѣшняя природа—магомета.

— Что же вы думаете?

— Да мнѣ кажется, что съ нынѣшней зимой въ эту пору сдѣлался переломъ: она поворотила къ причамъ изъ снѣга! Были великіе безъ пути морозы, надобно ждать и безъ пути великихъ снѣговъ, да пожалуй и такихъ же бурановъ. Право, добраго я ничего нежду; здѣсь большіе снѣга и въ хорошую зиму—казнь Божія, смертный постъ степнымъ конямъ и верблюдамъ.

Дѣти природы прежде всего замѣчаютъ гнѣвные черты у своей матери диварки. Таковъ человекъ: рука тяжело наказующая память руки милующей! — т. е. громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится. Страхъ ушелъ и благодарность ушла.

Повторимъ здѣсь давно высказанное историческое замѣчаніе, что у всѣхъ грубыхъ и суевѣрныхъ народовъ боязнь злаго духа сильнѣе почтенія къ добрымъ духамъ. Египтяне постоянно толкуютъ о шейтанѣ и забываютъ добрыхъ джиновъ. Здѣсь страхъ дѣлается нравственнымъ чувствомъ.

Вотъ гдѣ начало олицетворенія стихійныхъ силъ, это колыбель поэтическихъ сказокъ и всемірныхъ мифологій, т. е. первые шаги младенствующаго разума къ наукѣ естествознанія. Нашъ маіоръ съ его практическимъ смысломъ, воплощая видимую природу въ образъ четверорукаго божества: справа милующаго, слѣва карающаго, былъ однимъ изъ тѣхъ знатковъ, которые всегда служатъ ученымъ людямъ проводниками—въ бездонныя степи, въ заоблачныя горы и въ лабиринтъ дѣвственныхъ лѣсовъ.

Это уже переходное состояніе естественнаго чело-
вѣка изъ области фантазіи къ дѣйствительности, когда
онъ по закату солнца видитъ погоду завтрашняго дня,
по цвѣту чуть замѣтнаго облачка угадываетъ прибли-
женіе бурана, или градовой тучи, и по первымъ прие-
мамъ зимы почти безошибочно предсказываетъ ея по-
слѣдующій характеръ. Это уже разумный опытъ—пред-
теча всѣхъ человѣческихъ знаній.

Кстати, приведемъ здѣсь два любопытные типа изъ
нашихъ народныхъ сказочниковъ-оракуловъ, относящихся
къ самой первобытной порѣ невѣденія и страстнаго же-
ланія распечатать кувшинъ съ Соломоновской мудростью.

Въ нашу кочевую кибитку (юлламу) для поход-
ныхъ услугъ, и совершенно по доброй волѣ, приходили
два воина: солдатъ и казакъ, оба поэты, точные пере-
датчики народной литературы. Солдатъ отличался зна-
ніемъ таинственныхъ апокрифовъ, казакъ славился цѣ-
лымъ сборникомъ пѣсень.

Такіе люди—влады! Разумѣется, они явились къ намъ
не съ продажей своего словеснаго товара, но именно
якобы поусердствовать своимъ прислужничествомъ. Они
носили камышъ, дрова, разводили огонь, грѣли чайникъ,
чтобъ самимъ напиться сбитню, чистили съ платья пыль,
которую даже за деньги нельзя было достать и потомъ
питались остатками отъ нашей трапезы. Казакъ острилъ
надъ товарищемъ—пѣхотной крупой; солдатъ разгова-
ривалъ съ дровами, спрашивалъ изъ какого лѣса они
родомъ и говорилъ съ огнемъ, который споконь вѣва
теплится де-свать на небесахъ передъ золотымъ престо-
ломъ Всевышняго. Солдатъ отъ выучки апокрифовъ
былъ человѣкъ горячо вѣрующій во всѣ обряды, повѣрья
и преданія; казакъ былъ скептикъ, зубоскаль, потому что
мірскія пѣсни, былины и сказки, находившіяся въ его
памяти, прямо указывали на одну бытовую дѣйствитель-
ность.

Разузнавши такіе разносторонніе таланты, мы по-
стоянно стравливали этихъ витій на безконечные споры.

Маіоръ, если помнитъ читатель, началъ свой разговоръ, олицетворяя морозную зиму въ фигуру змѣй скоропеей; солдатъ, какъ домашній человѣкъ, вмѣшался въ разговоръ.

— Дѣйствительно, ваше в-діе, нынѣшняя зима точь въ точь змѣя-скоропеея! А все это отъ того, что морская пучина и дено и ночно то котломъ внизъ вьетъ, то вверхъ стогомъ бьетъ.

При такомъ дикомъ вступленіи, я подумалъ, что дѣ-душка морозъ окончательно помутилъ разумъ у апокрифиста; маіоръ улыбнулся, какъ человѣкъ знакомый съ подобными приемами; казакъ, сидя у огня на цыпкахъ, низко опустилъ голову, чтобъ при первомъ завраньи товарища, влѣпить въ него злую сатиру, но, сбитый съ толку книжно—выспреннимъ началомъ, молчалъ и хмурился.

Я подумалъ: какъ то нашъ всегда рѣшительный по-рицало выпутается изъ такой галиматѣи? Солдатъ продолжалъ спокойно, потому что говорилъ по сказанному, какъ по писанному.

— Извѣстно, в. в., что земля стоитъ на китѣ-рыбѣ, а этотъ китъ разлегся съ востока до запада. Прежде онъ, т. е. въ старинные годы, всѣмъ своимъ громади-ющимъ туловищемъ лежалъ подъ водой, съ однимъ задѣльемъ: то въ себя сосалъ морскую пучину, то ея изъ себя выметывалъ; а послѣ, когда воды стали сливать и уже много слили съ мать-сырой земли, то въ ея утробу, то въ небесный дождь, тогда китъ и обмѣлѣлъ. И теперь у него у батюшки одно только рыло да брюшнице въ океанѣ; а весь хребетъ остался наружѣ.

— Какъ же мы его не видимъ? замѣтилъ казакъ.

— Да какъ же ты его своими казацкими то глазами увидишь? китъ—рыба махинная, и онъ съ морскаго днища вынесъ на своемъ хребтѣ: илу, глины, песку, камней и чернозему песхватные пласты. Это первая рѣчь; а дру-гая рѣчь повѣдуетъ, что самъ то китъ и есть наша ко-ренная земля, только что подводная. А знаешь ли ты,

казаць, отъ чего нынче человѣку и скоту трудно на землѣ жить?

Казаць, подергивая усами, молчалъ; раскащикъ отнесся къ намъ.

— Нынче, в. в., отъ того трудно жить на землѣ всему божьему созданію, что трудно самому вѣту жить безъ привольной воды. Извѣстно: рыбѣ вонъ изъ рѣки—смерть—моята! И книга речеть, что вѣтъ подъ конецъ каждаго года, а годъ, по писанію, начинается послѣ осеннихъ урожаевъ, подступаетъ съ жалобой ко Творцу. Господи!—онъ говоритъ, взмилуйся надо мной! Нынче мнѣ, рабу твоему, всѣ кости и ребра проѣздили колесами таѣ, что могутъ нѣтъ! И Господь всякой годъ ему глаголетъ: выхаркай 33 корабля, кои ты сглонулъ, тогда и ѣздить по тебѣ не будутъ, и станешь опять лежать подъ окіанской водой.

— Ты самъ то грамотный? спросилъ я философа, разрѣшающаго такіа отвлеченныя задачи.

— Никакъ нѣтъ, все это говоримъ по наслышкѣ отъ мудрыхъ людей.

— Постойте, сказалъ казаць, собравшись съ духомъ, ты говоришь, что вѣтъ споконь вѣка сглонулъ всего только 33 корабля, вотъ тутъ то и неправда!

— Какая же неправда?

— Да такая, что у насъ на одномъ Хвалынскомъ морѣ, кажинное лѣто чай больше сотни погибаетъ судовъ; а сосчитайка ихъ по всѣму бѣлому свѣту...

— Полно, казаць, это дѣло не твоей глупой головы. Надъ такимъ знахарствомъ сидѣли пророцы! А ты только слушай. А они глаголятъ, что Господь въ своихъ небесахъ считаетъ не ваши погибшія Хвалынскія лодченки, а корабли, потонувшіе съ проводниками. Первый корабль сѣлъ въ брюхѣ у вѣта съ пророкомъ Іоной; и когда Господь проглаголетъ: выхаркай 33 корабля! — тогда рыбища пошарить, пошарить въ своей утробѣ, да кромѣ вишокъ ничего и не найдеть, потому что все ужъ въ ней изныло. Тутъ она и завопитъ, а отъ такого вопа

идуть осенніе вѣтра. А отъ чего въ жаркихъ странахъ бываютъ землетресенія? — Отъ того, что киту подь солнечными лучами лежать невтерпежь, тутъ онъ и шевельнетъ хвостомъ — ошибомъ! Ну, города и проваливаются. Такъ вотъ, в. в., вздохнетъ китъ лѣтомъ — поднимаются вихри, зимой — бураны; взглянетъ окомъ на сивирскую сторону — пойдуть морозы, фырнетъ — снѣгъ повалить хлопьями.

— Что, казавъ, сказалъ маіоръ, спѣшился видно и ты передь линейнымъ солдатомъ?

— Тутъ, в. в., идетъ Господняя сила и говорить намъ не приводится. «Мириной скоморохъ крутить и вертить; а передь Божьей планидой молчить».

IV.

22 и 23 числа декабря выпало пропасть снѣгу. Послѣ перваго дня праздника Рождества Христова свирѣпствовалъ 48-ми часовой буранъ — съ свистомъ, ревомъ, завываньями и занесъ крайнія кибитки и землянки до маковки, а средніе внутревыя по поясъ. 28 числа буря стихла, но снѣгъ валить — валкой, маіоръ былъ правъ: гигантскій заборъ долженъ былъ разрѣшиться и гигантскими отложеніями.

Наши деньщики и усердные вѣстовые — волонтеры разчистили передь шатромъ площадку шаговъ на 20; я выглянулъ на свѣтъ Божій и увидалъ однѣ бѣлыя летящія лоскуты, будто цѣлый караванъ съ хлопчатой бумагой былъ розорванъ въ воздухъ и пущенъ на наше укрѣпленіе. Передо мной справа и слѣва шевелились неясныя тѣни. Это были солдаты, откапывающіе занесенный таборъ.

Я нырнулъ на свое логовище, съ вопросомъ, есть ли у насъ дрова?

— Объ этомъ не беспокойтесь, сказалъ маіоръ, у меня всего наготовлено, и даже наши верховые кони

во весь буранъ стояли у нашей юламы (кибитки) и подъ кошмами.

— А сѣно есть?

— Все есть, и овесъ и сѣно.

— Вы, маіоръ, дорогой человѣкъ!

— Да, степной человѣкъ только на вашемъ паркетѣ нивуда не годится, а подъ открытымъ небомъ онъ вездѣ будетъ правой рукой. Не хотите ли попытать броду и осмотрѣться, что въ нашемъ городкѣ дѣлается?

— Да развѣ это возможно?

— Да развѣ есть что невозможное для русскаго человѣка? Правда, мы завалены снѣгомъ, но вѣдь онъ теперь мягкой, рыхлой, какъ морская пѣна; но вотъ когда окрѣпнетъ, оплотится...

— Что же тогда дѣлать?

— Ну, тогда будетъ много работы. У коня роговья чоботы, и онъ подгоняемый голодомъ, хоть съ трудомъ, но доскребется до ковыля, а верблюды щиплетъ только ту траву, которая торчитъ надъ снѣгомъ. Верблюды-барченокъ, у него нѣтъ копытъ, а два перста, да и тѣ въ мягкихъ рывавицахъ. Значить, на пастбищѣ слѣдуетъ лопатами разрывать весь снѣгъ до травы.

— Что то теперь дѣлается съ нашими бѣдными верблюдами и казацкими лошадьми?

— Страшный судъ, точно таковой же, какъ и съ нами. Заготовленное сѣно на Эмбѣ нельзя же тратить, оно еще пригодится. Ыдемте.

Намъ осѣдали коней, и мы вышли. Въ этотъ мигъ снѣгъ уже не падалъ и въ тускломъ декабрьскомъ воздухѣ, подъ нависшими тучами, представилась зловѣщая картина. Надобно признаться, что у меня дрогнуло сердце, какъ у человѣка, передъ глазами котораго Дагомейскіе людодѣды вырыли могилу, чтобъ его живымъ зарыть въ землю.

Передо мной вся окружающая степь была поднята въ ростъ человѣка; а тамъ, гдѣ буранъ встрѣчалъ препятствія, видѣлись снѣжные курганы. Вершины плетневыхъ

юртъ, какъ обломки цѣлой флотилии, какъ фараоновскія колесницы, плыли по снѣжной пучинѣ куда то въ тотъ таинственный міръ, надъ которымъ лежитъ одинъ общій саванъ смерти. Сотни солдатъ, казаковъ и башкирцевъ, при полномъ безмолвіи, откапывали свои жилища—новую Помпею. Всѣ они съ головы были пропудрены снѣгомъ и потому казались неуклюжими бѣлыми медвѣдями на заднихъ лапахъ.

Здѣсь, передъ лицомъ ярко возмущенной природы, каждый образованнѣйшій человѣкъ, съ его владычнымъ умомъ въ кабинетѣ, сокращается въ ничтожную точку атома, изъ котораго онъ призванъ къ бытію, къ само-дѣйствию. Оренбургъ находился отъ насъ за 500 верстъ, впереди лежала пустыня на разстояніи еще тысячи верстъ до Хивы.

Вѣстовой аповерифистъ, съ смѣющимся лицомъ, подавая мнѣ лошадей, сказалъ: все это, в. в., нафыркаль бытъ-рыба.

— Ты, Никитичъ, не боишься смерти?

— Никакъ нѣтъ, в. в., да чего же ея бояться? Вѣдь мы затѣмъ и пошли въ степь, чтобы умирать! Въ Хивѣ ли тебя проткнуть пикой, или здѣсь здохнешь подъ снѣгомъ, тутъ все едино! А отъ морозной смерти да отъ угару, говорятъ, самая легкая кончина. Лажешь, уснешь крѣпко на-крѣпко и ужъ не встанешь для чистки амуниці. Чай попъ прочтетъ намъ отходную? а съ ней важинному христіанину вездѣ хорошо идти на вѣчный упокой. Слава тебѣ Господи!—пожили и мы въ добрѣ—въ теплѣ, и пожалуй хоть нынче же на переключку.

— Куда?

— Да на тотъ свѣтъ, в. в.

— А тебѣ сколько лѣтъ?

— Да вѣчеръ, въ день святаго Степана архидіакона, мнѣ минуло ровно 30 лѣтъ!

Доброе твореніе русскій крестьянинъ. Вырванный изъ своей семьи очереднымъ зребьемъ на царскую службу, съ ея палками, фухтелями и безконечной муш-

трой, онъ при первомъ горшемъ обстоятельстве, какъ наприимѣръ въ Хивинскомъ походѣ, называетъ уже добромъ и красномъ то прошедшее, гдѣ фронтовикъ, съ руками, заложеными на голову, осмѣливался говорить только одну молитвенную просьбу: помилосердуйте в. б! заставьте за себя вѣчно Бога молить

И нашъ солдатъ, вчерашній именниникъ, въ цвѣтѣхъ лѣтъ, съ добродушной улыбкой говоритъ: *«Мы уже пожили, будетъ!»*

Однимъ словомъ, Никитинъ совершенно разсѣялъ мои мрачныя думы.

Вѣкъ живи и вѣкъ учись читать буквы каждаго событія, рѣзво выступающаго изъ смурой обыденщины. Я только въ эти минуты понялъ, какую могущественную власть могли имѣть прежніе боины надъ духомъ чуткаго слушателя. Древніе рапсоды, барды, трубадуры и скалды созданы не по договору общенароднаго комитета, но вызваны общечеловѣческой потребностью. Для воиновъ, всѣ ихъ тысячи самыхъ возбуждительно-поэтическихъ пѣсенъ значились подъ однимъ общимъ названіемъ: «жизнь копейка, голова дѣло найденное! тоестъ: «здѣсь на степяхъ, подъ песками, мы ляжемъ костями; мертвые срама неимутъ, мертвыхъ живыя невѣсты тамъ примутъ!» И наэлектризованная сельская простота, наравнѣ съ рыцарями чести, отважно рубилась съ врагомъ и съ той же Никитинской улыбкой надала на свою безвременую могилу. Нынче вдохновенные войсковые пѣвцы замѣнены патриотизмомъ, гдѣ онъ имѣется, и строгой дисциплиной, гдѣ его нѣтъ. Но покамѣстъ въ Европѣ существуютъ дикобразные арсеналы для варварскихъ войнъ, до тѣхъ поръ для нашей арміи необходимы чернорукіе Никитины.

Все это почувствовалось мною въ тотъ мигъ, когда я становился въ стремя и, въ родѣ тяжелой аммуниціи пирамиды, вкладывался въ сѣдло. Мы стояли за снѣжными буграми, будто за гребнемъ гласиса.

— Послушайте, майоръ, неужели по этому безпутному морю возможно будетъ проѣхать?

— А вотъ посмотримъ и увидимъ. Покуда я знаю в очень твердо одно, сказалъ майоръ, садясь на своего бѣшената киргиза, что для такихъ походовъ необходима злая ордынская лошадь. Нагайка свернула въ его рукѣ, и конь пошелъ широкими перепрыгами по снѣгу, который изъ за конской шеи хваталъ по самую грудь всадника. Въ мягкомъ конѣ, продолжалъ онъ, покамѣстъ играетъ овесъ, ему ни почемъ никакая сумятица; но поставь его на одно сѣно, а паче того на подснѣжный кормъ, онъ опуститъ уши и сдѣлается хуже теленка; на оборотъ, заносчивый скакунъ отъ перваго толчка готовъ выскочить конъ изъ своей сухопарой шкуры, и при такихъ то оказіяхъ уже не выдастъ наѣздника.

Я ѣхалъ за казацкимъ витяземъ будто коридоромъ. Внезапно упавшій снѣгъ дѣйствительно былъ пушистъ, какъ морская пѣна; онъ не успѣлъ еще сѣрноваться, скопиться въ одну массу; но несмотря на это, наши лошади, тяжело хрюпя, непрерывно подымались на дыбы, чтобъ перепрыгивать сугробы. Каждый долъ, незамѣтный въ малоснѣжье, теперь представлялъ неодолимыя препятствія; но какъ было разпознать логи, когда уровень снѣговъ, будто по ватерпасу, представлялся въ степи въ одну площадь? Мы ѣхали бродомъ, т. е. пытали глубь тѣмъ, что погружали нашихъ коней по уши и потомъ, осаживая назадъ, выбирали новое направленіе по догадкѣ. У моего сѣда лопнули подпруги, и я на одномъ потникѣ совершилъ путешествіе. Кругомъ бойво шевелился народъ: снѣгъ вѣвали и разгребали.

Я спросилъ близъ стоящаго солдата: далеко ли еще до табуна верблюдовъ!

— Еще матерія, в. б., чай съ версту будетъ!

И именно эта верста была длинной матеріей. Мы ѣхали ровно часть, и новое зрѣлище поразило меня до содроганія. Представьте: 4000 верблюдовъ, окруженныхъ въ одинъ табунъ, стояли неподвижно, какъ остовы дра-

мадеровъ, открытые крыломъ урагана изъ подъ горючихъ песковъ Африки. Сходство казалось тѣмъ вѣрнѣе, что они были пробѣлены матовымъ инеемъ, а горбы сравнены наносами снѣга. Вблизи 670 лошадей, съ обледенѣлыми гривами, тѣмъ же снѣгомъ были приведены въ одну бѣлую масть. Они бились передъ нами, какъ въ кузнечныхъ станкахъ, потому что каждый голодный вонь жевалъ гриву у своего сосѣда, и часто съ прикуской холки. Верблюды выражали въ себѣ жизнь глухимъ, болезнѣннымъ рычаньемъ, и ихъ большіе глаза казались остолбенѣлыми.

Это была видимая смерть, и она уже началась съ нашихъ ногъ. Безъ лошадей и верблюдовъ мы не могли двинуться съ мѣста.

— Неужели они во весь 48-ми часовой буранъ стояли на горахъ?

— Нѣтъ; лошадь обыкновенно стоитъ, а верблюду каждую ночь необходимо лежать. Онъ наѣдается часа въ полтора, а потомъ на боку, точнѣе на брюхѣ, размѣлываетъ свою жвачку. Но вы знаете, что зимой для логовища верблюду непременно каждую ночь надобно расчистить снѣгъ до почвы, потомъ положить въ постылку кошму, или камышъ. Верблюдъ, увидя свой тюфякъ, тужъ минутой ложится, и его одѣваютъ попоной. Но при 10—12 тысячахъ верблюдовъ, 100—150 киргизскихъ пастуховъ, разбитыхъ усталостью и насквозь промороженныхъ, возможна ли такая точность и въ то время, когда этотъ горбатый труженикъ, положительно, на всѣхъ инспекторскихъ смотрахъ не объявляетъ своихъ претензій.

— Да этакъ они всѣ перемерутъ?

— Ну, разумѣется, перемерутъ! У насъ на пути къ Эмбѣ и здѣсь на Эмбѣ уже пало изъ нихъ 2 т. головъ, и теперь въ этомъ табунѣ,—навѣрное столько же кандидатовъ къ смерти. Верблюды все-таки южное твореніе, а тутъ-на нихъ пала сибирская зима.

— Что же здѣсь предпринимается отъ такой гибели?

— А вотъ видите: тамъ въ сторонѣ 200 уральцевъ и полторы сотни отборныхъ молодцовъ башкирцевъ, изъ отряда Цюльовскаго, разрываютъ лопатами снѣга до травы...

— Для чего же?

— Да чтобъ на этой небольшой площадкѣ, въ родѣ легкаго завтрака, доставить скудную пищу для 5670 головъ.

— Да такая неповоротливая машина—можетъ убить и самаго машиниста...

V.

Главнокомандующій, лично распорядясь работами, собственнымъ примѣромъ ободрялъ людей, и обвинскій его жеребецъ, широкой грудью дельфина взвѣвая снѣга, быстро переносилъ съ мѣста на мѣсто неутомимаго руководителя.

Василій Алексѣевичъ былъ безъ перчатокъ, въ фуражкѣ безъ наушниковъ (самая краснорѣчивая фраза для ниже-чиновныхъ дѣятелей); лицо его пламенно разгоралось отъ непрерывныхъ препятствій. Онъ, забывая себя, видѣлъ только общую бѣду, грозившую цѣлому отряду одной могилкой, и по возможности отводя удары рога, неуклонно шелъ противъ быстрого теченія ужасовъ.

Но что значать человѣческія силы передъ лицомъ возмущенной природы?

— Гдѣ-то теперь нашъ гонецъ-курьеръ?

— Гдѣ курьеръ? — да, я думаю, онъ уже опять съ письмами скачетъ сюда изъ Оренбурга. Для такого гонца 8 сутокъ большое время. Тамъ онъ съѣлъ пудъ маханины, выпилъ цѣлый бурдюкъ кумыса и съ сытой утробой веселый, довольный—летитъ къ намъ безоглядки; только, можетъ быть, на новыхъ коняхъ.

— Да, наконецъ, можно-ли въ такое время ѣхать въ обратный путь?

— А вотъ, сказалъ маіоръ, мы сейчасъ спросимъ этого рабочаго башкира. Эй! ты! батырь съ липовой лопатой! по русскому болтаешь?

— Мало—мало болтаемъ, сударь.

— Ты чуялъ, когда съ Эмбы пошелъ курьеръ?

— На Ленпургъ пошелъ башкирь, мой братъ будетъ, Абдуль Сантовъ.

Я вмѣшался въ распросы: да развѣ въ Ленпургъ пошелъ не киргизъ, а башкирь?

— Киргизъ! киргизъ, сударь, пфя!—дрянь! онъ воръ хорошъ, хорошъ въ побѣгъ бѣгать! гдѣ ему! на Ленпургъ только одна наша башкирь идетъ. Она вѣрна слуга живетъ сардарю!

— А тебя какъ звать?

— Меня? Бухарей.

— Послушай, Бухарей! Мы думаемъ, что твой братъ умеръ, замеръ, кончалъ на дорогѣ въ Ленпургъ?

— Э, зачѣмъ, сударь, кончалъ, чай нѣтъ кончалъ.

— Какъ же онъ по такимъ снѣгамъ ѣхалъ?

— Какъ ѣхалъ? — ну, ѣхалъ. Вѣдь буранъ, сударь, былъ, въ высокимъ мѣстамъ снѣгъ тащилъ. Ну, по высокимъ мѣстамъ и гайда. Правда, мало-мало покружить въ объѣздахъ... ну, день два запущаетъ, а все прибѣжить. У него башка ай-ай больно умна живетъ.

— Ты, Бухарей, бывалъ на Акъ-Булакѣ?

— Какъ не бывать, сударь, бывалъ, затѣмъ и сюда пупалъ.

— Скажи: сворс ли туда можно дойти?

— Въ мелкой снѣгъ на добрыхъ коняхъ чай въ два сутва поспѣешь.

— Ну, а нынче съ верблюдами и со всей тягой?

— Ну, сударь, про то знать бульша голова Василь Лексеичъ Пероска. Онъ и проведетъ! Наше дѣло, вотъ лопата.

— Ну, а ты какъ думаешь?

— Нашъ, сударь, тутъ самимъ нельзя думать; намъ за своя дума нагайкамъ даютъ! Вотъ вели, ну, мы и

пуйдемъ и въ снѣгъ и въ водамъ, и пужалуй умрешь, какъ приказъ будетъ.

— Какова смышленность! замѣтилъ маіоръ, когда мы по проложенной тропѣ шагомъ поѣхали къ своей юламѣ.

— Да, маіоръ, сказалъ я болѣе про себя, чѣмъ для его свѣденія, умъ человѣка, и въ самой животной жизни горитъ яркимъ огонькомъ въ дивной пустынѣ и на дивномъ островѣ. Опытъ—первый великій учитель въ нашей жизни и для невѣжды и для человѣка образованнаго. «Вѣкъ живи и вѣкъ учись», говоритъ простой мужикъ послѣ каждаго ушиба отъ плохого соображенія; тоже самое говорилъ и мыслитель Сократъ за IV вѣка до Р. Х. Посмотрите, башкирь-диваръ передалъ мнѣ совершенно новое понятіе о степныхъ громадныхъ снѣгахъ и о вѣрномъ способѣ отыскивать бродъ и прокладывать пути по высокимъ мѣстамъ. Здѣсь онъ казался мудрецомъ; но при первомъ вопросѣ о дорогѣ на Акъ-Булакъ, которая прямо зависитъ отъ главнокомандующаго, онъ съ осторожной разумностію уклонился отъ прямого отвѣта. Дайте вы языкъ обезьянѣ, и она вамъ расскажетъ только то, что говорятъ ей собственныя инстинкты. Ея ловкая хитрость, ея сообразительная осторожность—даже вновь изученная опытомъ, есть простое самохраненіе жизни, которымъ надѣлены всѣ насѣкомыя: воробей два раза не пойдетъ на приманку; напуганная ворона и куستا боится. А интересно бы знать, что при моемъ вопросѣ было въ головѣ у башкирца?

— Да, я думаю, отвѣчалъ маіоръ, тоже самое, что и у насъ: бросить все на Эмбѣ, да скорѣе дѣлать то, что мы непременно сдѣлаемъ на Акъ-Булакѣ.

— А мы, что тамъ сдѣлаемъ?

— Тамъ отдадутъ приказъ на возвратный походъ къ Оренбургу.

— Вы думаете?

Увѣренъ. До Хивы намъ недойти! Спросите объ этомъ нашихъ верблюдовъ и коней, и они въ одинъ храпъ

вамъ . отвѣтять: передъ нами одна дорога къ скорой смерти! И это хорошо знаютъ башкиры, знаютъ и наши табуны, да и мы мало-мало знаемъ.

Какъ сильны эти простыя, но вѣрныя замѣчанія, думалъ я, маіоръ продолжалъ:

— Славный у насъ народъ эти башкирцы: сноси- вый, тягучій,, терпѣливый какъ верблюды, и умно-сообразительный. И какія махинныя работы они у насъ совершаютъ—страхъ! Напримѣръ: Оренбургъ стоитъ въ голой степи, кругомъ заповѣдныя рощи, изъ которыхъ нельзя брать вѣтки и для птичьей клѣтки, а Оренбургъ ежегодно истребляетъ десятки тысячъ сажень дровъ березовыхъ и дубовыхъ, да по самымъ сходнымъ цѣнамъ. А гдѣ ихъ берутъ? Башкиры рубятъ лѣса на истокахъ Сакмары и плотами гонятъ сюда. Такая рубка, порядокъ обывновенный; но дѣло въ томъ, что прогонные плоты поспѣваютъ къ Оренбургу въ самую осень, а окончательно выгружаются на берегъ уже въ сильные заморозки, когда по рѣѣ идетъ сало, т. е. первая ледяная тюра-кашица.

— И что же? г. маіоръ.

— Да то, что башкирцы цѣлые дни стоятъ по поясъ въ водѣ и вытаскиваютъ бревна.

— И нѣтъ смертности?

— Ну безъ смертности нельзя же обойтись; но цѣлыя массы выдерживаютъ.

— И безъ ропота?

— Есть и ропотъ; но это ропотъ младенца. Напримѣръ: ими управляетъ Цѣлковскій (Ціолковскій) и на- гайка—страшная коню и верблюду даже за нѣсколько минутъ до ихъ смерти, подъ которой они бѣгутъ, какъ здоровяки и тутъ же падаютъ безъ дыханія! И башкиры за такое мученичество, стоячи по поясъ въ мерзлой водѣ, поютъ пѣсни сатиру слѣдующаго содержанія. Голось этой пѣсни—грустный вопль матери надъ могилою сына вормила. Вотъ одинъ ея куплетъ:

Сак-ма-ра, Сак-ма-ра
 Больно быстра! —
 Морозна-морозна,
 Ай-яй! — бѣда!
 Пулковникъ Цѣлковскій
 Больно брюзга!

— Но эту пѣсню, спросилъ я, вѣроятно сочинили за нихъ здѣшніе офицеры?

— Нѣтъ; а надобно полагать, что она сложена ихъ пѣвцами и собственно для того, что авось-де-свать, и самъ Цѣлковскій ее услышитъ. Мать не плачетъ, дѣта не разумѣетъ, а здѣсь у этого дитяти-татарченка мать европейка. Я говорю о Цѣлковскомъ.

У маіора вывятилась слеза.

— Экая дрян! — сказалъ онъ, казацкій маіоръ рюмить, какъ баба!

— Это дѣлаетъ честь вашему человѣческому сердцу.

— Ну, Богъ знаетъ; у насъ человѣкъ прежде всего казакъ. Я вовсе не изъ нѣженокъ... а тутъ, значить, и меня ужъ хватило за ретивое. Я много видалъ севуцій, и совершалъ ихъ самъ за худыя дѣла. Вы знаете пословицу: виноватаго кровь вода, неповиннаго бѣда! но башкирца все бьетъ: и начальство, и нечеловѣчесія работы. Хотите, я вамъ расскажу самый выразительный примѣръ ихъ терпѣнія, страха передъ начальствомъ, и вообще робкую недоувѣрчивость въ русскимъ?

— Сдѣлайте одолженіе, маіоръ! — Знаніе народа и тѣмъ болѣе башкирскаго, этихъ прописныхъ душъ въ нашей исторіи, очень важно для науки.

— Ну-съ, по запрошлое лѣто я двѣ недѣли прожилъ въ Оренбургѣ. Празднаго времени у меня было очень много, и я каждый день ѣздилъ въ засавмарскія роци охотиться на куропатовъ и витютановъ. Въ первый же день, въ сторонѣ отъ большой дороги, въ частомъ кустарникѣ я увидалъ прочернѣлый провіантскій вуль, по вѣроятію набитый навозомъ. На возвратномъ пути, въ вульѣ что-то шевельнулось — я подумалъ: недобитая собака. На шестой день, послѣ сильнаго дожда, я увидалъ слѣдующее явле-

нѣ: изъ кульба выползалъ остовъ башкира въ измазанной рубашкѣ. «Асселя маликомъ!» Башкиръ, не отвѣчая на привѣтъ, указалъ на свои кроваво-запекшіяся губы. Я подошелъ къ бѣднягѣ. Куда ползешь? Онъ указалъ пальцемъ на дождевую лужу. Казакъ подалъ ему воды, и онъ, лежа на брюхѣ, съ жадностью напился. — Ты болѣнь? — Болѣнь! — Что болить? — Все болить! — Давно лежишь въ кульбѣ? — Не помню! — На казенной работѣ здѣсь былъ? — Да; на сѣновосѣ. — Отчего не шелъ въ Оренбургъ, въ госпиталь? — Боюсь! — Чего? — Ну... И такое явленіе было въ 4—5 верстахъ отъ города. Я его отвезъ въ больницу, гдѣ онъ на другой же день умеръ. И такихъ случаевъ здѣсь тьма... И какъ все подобное, несуразное припомнится, ну, и душа мутится. Между тѣмъ майоръ, какъ тотъ же суровый сынъ степей, желая изгладить во мнѣ воспоминаніе о его предательской слезѣ, снова повторилъ: нѣтъ я не нѣженка! Но такая похвальба потребовала доказательствъ, и онъ, приподнимая на своей груди широкій ремень лягуночной перевязи, спросилъ: узнаете ли вы изъ какого бычка-третьяка выкроена эта штука?

Я снялъ рукавицу, попробовалъ и отвѣтилъ: изъ лося!

— Нѣтъ; лѣтъ за тридцать тому назадъ мой покойный родитель, дай ему Богъ царство небесное, бывшій лихимъ урядникомъ, собственными руками выкроилъ эту перевязь изъ хребта киргизскаго батыря.

Я вздрогнулъ. Неужели это правда?

— Правда, святая правда: покойниками не шутать.

— За что-жъ это такое страшное варварство?

— Да за страшное варварство! Киргизы въ 18** году охотились на нашихъ казаковъ, какъ на волвовъ, да еще и того хуже. Бывало сдѣлаютъ набѣгъ на казачью станицу, и послѣ нихъ хоть шаромъ покати. Молодыхъ увезутъ на хивинскій базаръ, старыхъ и малыхъ переколятъ, дѣвокъ обезчестятъ... Ну, примѣрно, увидалъ киргизъ шелковый поясъ на бабѣ, развязывать некогда, рвать не перервешь, то онъ пересѣчетъ ее пополамъ и

возьметъ добычу. Разъ, точно въ такой погромъ съ нашей уральской крѣпостью, мой родитель возвратился ко дворамъ съ 12 вооруженными казаками. Смотритъ, а у насъ все покошено. Замѣтите, такой подходъ по обычаю сдѣланъ въ тихомолку, безъ коней, ползкомъ съ гуненниковъ. Съ винжаломъ въ зубахъ родитель прямо наткнулся на свою молодую жену, пересѣченную на полы, а его жена была моя родная матушка. Киргизскій батыръ передъ его глазами зарубнулъ ея становой хребетъ и уже ткнулъ алый поясъ съ мученицы. Родитель гиннулъ, двились казаки, и тутъ же живьемъ изъ хребта разбойника онъ выхватилъ вотъ эту самую перевязь. Ваша матушка, прибавилъ майоръ, скончалась?

— Да 8 лѣтъ тому назадъ.

— И въ своей постелѣ?

— Въ своей постелѣ.

— Супруга ваша благоденствуетъ?

— Да!

— Ну, въ такомъ случаѣ вы не судья ни моему родителю за такую расправу, ни мнѣ—строгому хранителю этой надгробной рѣчи, по вашему эпитафiи.

VI.

Здѣсь, верхомъ на конѣ, встрѣтился нашъ адъютантъ Перовскаго, Габбе, бывшій офицеръ лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона, красавецъ собой, бойко краснорѣчивый и удачно копирующий декламацию В. А. Каратыгина 1-го.

— Каковъ буранъ? сказалъ онъ. Это двѣ дополнительные казни—въ казнямъ египетскимъ?

— Кто же здѣсь, спросилъ я, представляетъ божьихъ людей и египтянъ!

Габбе хорошо понималъ, что его слова принимаются за голосъ Перовскаго, а тутъ стоялъ казачій майоръ, передатчикъ всякаго извѣстія въ колонну, и потому онъ, немного замѣвшись, сказалъ: объ этомъ надобно спро-

силь отряднаго священника; съ походнаго сѣдла подобныя вопросы не рѣшаются. Но вы, господа, вѣроятно еще не все знаете, что надѣлалъ буранъ въ нашемъ лагерѣ! Напримѣръ, вчерашній день онъ сорвалъ болѣе дюжины вибитокъ и унесъ ихъ въ степь, можете представить положеніе солдатъ въ мокрой свѣжной мятели и полураздѣтыхъ по домашнему. Молодцы уральцы и башкирцы тотчасъ расползлись по сосѣднимъ юртамъ; но пѣхотные солдаты, которыхъ В. И. Даль очень вѣрно называетъ дѣвками, мертвыми душами, въ зимнемъ степномъ походѣ совершенно потеряли головы. Они стояли въ буранѣ, какъ опаренныя куры, и кричали караулъ! Казаки и башкиры ихъ все какъ размѣстили по палаткамъ. Нынче изъ нихъ куча перемороженныхъ и въ горячкѣ.

— И они правы, замѣтилъ я; казакъ, этотъ сѣверный бедуинъ, во всѣхъ невзгодахъ надѣется собственно на одни свои силы, а линейный солдатъ на каждомъ шагу ждетъ артикульной команды. Такая покорность властямъ сдѣлала наши арміи непобѣдимыми во всѣхъ европейскихъ войнахъ. Наши войска умѣютъ твердо ходить тихимъ шагомъ подъ картечными выстрѣлами и молча складывать свои головы тамъ, гдѣ имъ прикажутъ. Казаки же у насъ партизаны, ихъ правило гинуть, налетѣть на врага, яро ударить, и отъ первыхъ пуль ударить съ такой же быстротой до ясу, какъ говорятъ поляки, до стараго замку.

— И то правда, сказалъ майоръ, нашъ завѣтъ: урвать да уѣхать. Дайте вы такую волю пѣхотѣ и послѣ не соберете войска. Во фронтѣ у пѣхотинца вмѣсто души сидитъ одна дисциплина: у нея нѣтъ глазъ, а только чуткія уши для принятія команды.

— Пожалуй, это и правда, замѣтилъ Габбе.

— А что Василій Алексѣичъ?

— Онъ не спитъ ночи, потерялъ аппетитъ, и одна только борьба съ чертовскими препятствіями поддерживаетъ его силы.

— Скажите, Габбе, что теперь думаетъ вашъ штабный Геликонъ—жрецы музъ и Апполона: докторъ и народный поэтъ Даль, естествоиспытатель Леманъ, астрономъ Васильевъ, кругосвѣтный скитатель Чихачевъ и сарданапаль-паша-Ханыковъ, секретарь географическаго общества?

— Даль, какъ русскій человекъ, зорко видитъ многое, и о многомъ молчить; остальные, какъ искатели новыхъ свѣдѣній и приключеній, теперь безмолвствуютъ.

— Когда мы двинемся въ Абъ-Булаку?

— Ну, этотъ привазь еще въ рукахъ Аллаха. Нашъ походъ роковой!

Да еще въ дополненіе ко всему нашему благополучію, вы знаете, что киргизскіе пастухи, при первомъ удобномъ ночлегѣ дезертируютъ изъ колоннъ. Напримѣръ, наканунѣ бурана еще бѣжало 6 кайсаковъ и увели съ собой 18 верблюдовъ. И такихъ продѣловъ было уже много, и много ожидается.

— И тутъ ничего не подѣлаешь, сказалъ майоръ. Красть верблюдовъ очень легко. Напримѣръ, мы на ночлегъ становимся таборомъ, а верблюдовъ тотъ же часъ киргизы отгоняютъ въ сторону верстъ за 5—6 на табаневку (пастбище) и дѣлаютъ тамъ что хотятъ. Въ благополучную зиму этого бы не было: а нынче насъ бьетъ и Богъ и киргизскіе малахан.

— А вотъ, сказалъ Габбе, взгляните еще на новое зрѣлище.

Въ самомъ дѣлѣ, къ намъ приближались два рослые, хорошо откормленные верблюда—въ поводу у киргизовъ. На переднемъ были надѣты теплые коженныя ботинки, на заднемъ кенги.

— Что за явленіе? спросилъ я.

— Эта пара, отвѣчалъ Габбе, изъ цуга В. А. въ образцовой обуви. Видите, многіе колонные верблюды поморозили себѣ лапы, и если еще будутъ повторяться такіе случаи, то у насъ придумали нарядить ихъ въ сапоги. Въ отрядѣ есть тысячь до трехъ запасныхъ бо-

тинокъ, и теперь эти верблюды идутъ на смотръ въ корпусному командиру. Мы тонемъ и хватаемся за соломенку.

Важные верблюды не обращали вниманія на праздничную обувь, въ родѣ арестантскихъ колодокъ, но замѣтно укоротили свою иноходную, размашистую походку. Бѣдныя дѣти востока здѣсь они походили на странствующихъ дервишей въ Мекку, подъ добровольными веригами; а потомъ по аналогіи на страуса.

Въ самомъ дѣлѣ на половинѣ передняго горба пересѣките вы верблюда на двое, да потомъ, вмѣсто хвоста, подвяжите къ тарсу огромный снопъ, напримѣръ, кудряваго хлопчатнива и передъ вами будетъ стросокамышъ, съ той же длинной шеей и запрокинутой головой. Типичный переходъ отъ птицы къ четвероногому. Одногорбый драмадеръ еще сильнѣе удваиваетъ подобное сходство.

Послѣ такого представленія мы разстались, и по приѣздѣ въ свою юллу мы принялись за чай.

— Вотъ, замѣтилъ майоръ, нашъ главнокомандующій собралъ около себя всю ученую мудрость, какъ у насъ говорили, Брюсовъ, Пинетти и Мартынъ Задевъ, да видно и они тутъ ничего не сдѣлаютъ...

— Въ самомъ дѣлѣ, майоръ, сказалъ я смѣясь, ужъ и за правду, не шутитъ ли здѣсь съ нами шутъ кить-рыба, краеугольный камень земли?

— Вы, гг. образованные люди, не вѣрите народнымъ примѣтамъ, а въ нихъ всегда есть часть правды, и такой правды, черезъ которую нынче и Перовскій съ своимъ ученымъ штабомъ не перегибаетъ. А я вотъ скажу изъ опыта вотъ что...

— Про кить-рыбу?

— Кить-ли, не кить-ли ворочаетъ землей; но въ Божьей колесницѣ нашимъ братомъ степнякомъ, да не одной своей головой, а цѣлыми поколѣніями замѣчено, и знаете ли что?..

Я съ полнымъ вниманіемъ принялся слушать; майоръ продолжалъ:

У насъ въ природѣ замѣчено двѣ враждебныя силы. Это два колеса, съ поры на пору идущія другъ супротивъ друга съ страшной ломкой въ общей машинѣ. Будетъ ли тутъ что по вашему, по ученому? не знаю, но докладываю вамъ не сонъ, не басню, а явь на ощупь.

Такое вступленіе мнѣ показалось очень любопытнымъ. Въ средѣ всего человѣчества, дикаго и цивилизованнаго, извѣдывающаго существованіе двѣ смѣло пророчесвенныя пословицы. Первая: „народъ говоритъ, Богъ говоритъ!“ это чутко-геніальная народная угадчивость тѣхъ будущихъ неотразимыхъ явленій, которыя подспудно зрѣютъ въ глубинѣ нашихъ инстинктовъ.

Вторая пословица: «Богъ говоритъ, народъ говоритъ!» это уже объясненіе крупныхъ знаменій въ стихійномъ мірѣ, т. е. переводъ творческихъ глаголовъ на языкъ человѣка. Майоръ, какъ мнѣ казалось, желалъ истолковать смыслъ послѣдней и прямо изъ народной неписанной книги. Я не ошибся. Онъ продолжалъ.

— Наша природа, т. е. вся Божья колесница—земля и небо—стоитъ передъ нами мать—мачихой. У нее одна голова, два разныя сердца и четыре руки. Такъ она видѣлась нашими предками и отцами, такъ она видится и нами. Правыя двѣ руки принадлежать доброй, ласковой матери: она даетъ намъ урожайные года, тихія грозы, здоровыя росы, холить, румянить нашихъ дѣтей, наводитъ лоскъ на табуны, на стада, и гонитъ изъ Хвалынскаго моря въ Уралъ непробойныя тучи красной рыбы. Тогда въ казатчинѣ почти нѣтъ и болѣзней! И, диво, тогда является переводъ и на волковъ хищниковъ, а на лисицъ приплодъ. На, де-скалъ, лови ихъ себѣ на богатые шубы и обсыпайся сребромъ и златомъ. Вы меня слушаете?

— Да, и очень прилежно.

— Ну-съ, и въ природѣ такая добрая рабочая поря, какъ и срочная казацкая служба, проходитъ. Значить: силы ея вымогались и зовутъ на опочивъ. И вдругъ, эта попечатальная мать, видимо засыпаетъ какимъ-то пѣ-

нымъ, непробуднымъ сномъ. Ея прялки, моталки, красна, вьюшки и воробы: «для нашей домашней аммуниціи, валятся съ ея колѣнъ, дождевыя лейки опрокидываются ничкомъ, ея внуть въ 90 пудъ супротивъ всѣхъ бѣдъ развивается. Шабашъ! — она мертвая царевна. И тутъ же, рядомъ съ такимъ знаменіемъ, и тоже видно на оцупъ, встаетъ надъ землей иная царевна Иродіада — двурукая дѣвша. Это ея близнецъ-природа мачиха. Давече я ее назвалъ змѣей скоропей! И точно она змѣя скорпея. Вотъ она и дохнетъ засухой, засуха ведетъ за собой голодъ и всѣ несчастія. Мало этого? — то она пуститъ на табуны моръ, безконечныя стаи хищниковъ, на людей повальныя болѣзни и смертность. И все косой косить! и все насъ бьетъ, крошитъ безъ пощады. Взгляните на нынѣшнюю зиму, она на лицо съ своими зловредными дѣйствіями! Развѣ здѣсь видна мать природа?

Майоръ умоляетъ; я вѣрнѣе пожалъ руку натуръ-философу и вмѣстѣ дуалисту.

Да, Богъ говоритъ—народъ говоритъ! Въ тайныхъ ощущеніяхъ нашей души (какъ замѣчаютъ высшіе мыслители), есть провидящая сила, есть особое зрѣніе—дѣйствующее помимо нашего младенца разума».

VII.

Изъ Оренбурга, ровно черезъ 13 дней, возвратился на Эмбу—башкиръ фельдъегеръ съ казенными конвертами. Мы всѣ лично хотѣли его видѣть, чтобъ услышать голосъ съ того свѣта.

Въ день пріѣзда мы нашли его, окруженнаго толпой, бодрого и совершенно спокойнаго, какъ будто онъ воротился съ простой обыденной работы.

— Ну какъ ты, Абдилъ Саитовъ, доѣхалъ до Эмбы?

— Слава Бухъ, хорошъ!

— Навстрѣчу тебѣ никто не попадался?

— Нѣтъ, Бухъ миловаль! Теперь всѣ сидятъ по ауламъ, да дуютъ въ ногти. Одна ѣхаль, только буранъ видѣль.

— Большой былъ буранъ?

— Да, вишь, какъ и здѣсь же.

— Глубоки снѣга?

— Ну коли не глубоки! Мы псе держались по буграмъ, для того и зауздали, а то бы надо третьяго дня сюда прибѣжать.

— Что, благодарилъ тебя Василій Алексѣичъ?

— Спасибо сказалъ, башкой назвалъ! Ну, мошь, рады стараться.

— Страшно было ѣхать подь буранами?

— Ну, зачѣмъ, сударь, страшна!—тутъ псе одна пущина. Только въ буранъ держи въ умѣ дорогу.

— Да какъ же ты ее удержишь?

— Ну, когда прибѣжалъ на станецъ, а свѣту не видно, знашь, снѣгъ крутить, тутъ ты и замѣчай: куда стоять лошадь мордой, и куда хвостомъ. А тамъ, маломало повормишь, и гайда туда, куда ее глазъ смотрѣль; а повернешь на хвостъ, тутъ опять въ Лембургъ будешь.

Сказано было коротко и удивительно темно для путешественниковъ по почтовымъ трактамъ.

— А что, Абдуль Сантовъ, въ Оренбургѣ всѣ здоровы?

— Здоровы; тольо, вишь, у пулковниъ Цалковскій, вороной лошадь кончалъ. Бульно былъ добрый лошадь, хворать—не хвораль, а палъ, жалъ!

— Тебя хорошо кормили въ Оренбургѣ?

— Аи-ай, хорошо! котель съ маханиномъ, и ночью возлѣ тебя псе ставиль. Абдуль Сантовъ, ашай когда вночью проснешся.

— Ну, и ты ѣлъ по ночамъ?

— Нѣтъ, только одна разъ, а то псе спалъ. Знамо дорогой сна не былъ.

— Ты усталъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ усталъ! усталъ не надо! А кабы тецерь отрядъ ушолъ на Авъ-Булакъ, то бы я еще псе скавалъ впередъ. Лошадь въ пути устанеть — бѣда, а башкирь не устанеть!

— Ты здоровъ?

— Здоровъ, слава Бухъ! Я, вишь, не давался морозу. Самъ скачемъ, а самъ рыло повернемъ въ сторону; ну, носъ цѣла и будетъ!

Я съ благоговѣйной благодарностью смотрѣлъ на дары природы, данные организму первобытнаго человѣка. Вотъ та великанская необоримая мощь, которая невредимо повела нашихъ днѣхъ предковъ съвозъ строй всѣхъ варварскихъ вѣвовъ къ настоящимъ днямъ свѣтлой цивилизаціи, т. е. къ полному физическому развитію.

VIII.

Башкирь привезъ казенныя бумаги, гдѣ говорилось прямо и между строками: впередъ, впередъ, и одолѣвай природу! человѣкъ дескать въ мундирѣ стоитъ выше всѣхъ физическихъ препятствій. «Хочу—половина—могу!» а кто сможетъ съ началомъ, тотъ сможетъ и съ концомъ.

Наполеонъ I, побѣдоносный борецъ стихій и арсенальныхъ царствъ, на счетъ русской компаніи могъ заблуждаться только въ Парижѣ и подъ Бородинымъ; но въ концѣ 1812 года онъ положительно сознавалъ голосъ дѣйствительности и 6 октября отдалъ приказъ на знаменитую ретираду. Но еслибъ онъ двинулся изъ Москвы мѣсяцемъ позже, тогда изъ его великой арміи ни одинъ солдатъ не ступилъ бы на берегъ Вислы.

Перовскій, при всемъ пониманіи чудовищныхъ обстоятельствъ, съ смертью въ душѣ долженъ былъ идти уже потому, что военный Петербургъ, среди своихъ сѣверныхъ зимъ, не надѣвая валашъ, видѣлъ въ одной офицерской ватерованной шинели—теплое гѣто.

IX.

11-го января 1840 года, т. е. ровно послѣ трехъ недѣльной стоянки на Эмбѣ, отданъ приказъ выступить къ Авъ-Булаку. И 11-го января колонны двинулись въ дальнѣйшій путь съ пѣснями, бубнами и тренгулемъ (старое названіе треугольника). Но это была судорожная улыбка умирающаго богатыря. Намъ встрѣтилъ все тотъ же лютый морозъ, но уже въ перемежку съ невыносимыми буранами и падающимъ снѣгомъ. Мокрота и морозъ на походѣ, покрывая насъ сплошными латами, увеличивали тяжесть платья. Стихійная энергія, съ систематически-придуманнми и иневизиціонными орудіями, на каждомъ шагу давала намъ воочію видѣть свои карательныя руки. Майоръ, съ его родовыми преданіями, былъ правъ, какъ индѣйскіе миеографы, давшіе образъ все разрушающему Шивѣ. Кабинетные мудрецы могутъ насъ упрекнуть за такія отвлеченныя картины; но чтожъ дѣлать: фигуральность видимаго міра наводитъ и на фигуральныя сравненія. Каждая идея, сказалъ Лермонтовъ, невидима только въ то время, когда она зрѣетъ въ мозгу, но при первомъ появленіи на свѣтъ, она уже получаетъ вещественный образъ.

Степная дѣйствительность представляла передъ нами взбуренные снѣга на высокихъ мѣстахъ въ колѣно и по поясъ на низменностяхъ. Вязнувшихъ солдатъ обливалъ горячій потъ и замерзалъ при двухъ минутномъ роздыхѣ; верблюды, требующіе особыхъ попеченій, маршировали въ ботинкахъ и веньгахъ (но это были не лыжи, а гири), они тоже вязли, падали на колѣна, съ колѣнъ на бокъ, и ихъ слѣдовало развьючивать, поднимать и снова вьючить. Многіе горбачи уже не вставали. Кончалъ! говорили киргизы, и ноши съ павшихъ частію перекладывались на другихъ, но чаще бросались. Денежная казна, въ такихъ случаяхъ, послѣдняя вещь. Потому представьте двжущіеся парки и артиллерію: 12 фунтовыя орудія

везлись на восьми лошадяхъ. Барабаны били молитву: Перенеси Богъ!—но буранъ Шива заглушалъ ихъ ропотъ и уничтожалъ ихъ дробь, какъ беззвучный пухъ одувачивовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, бѣда въ образѣ смерти явно стояла передъ нами; но нижніе чины отрада не унывали, при той твердой увѣренности, что двухъ смертей не бываетъ, а одной не миновать. Служба шла своимъ чередомъ: всѣ люди, по характеру оружія, шедшіе безъ ранцевъ, безостановочно прорывали дорогу лопатами. Трудъ былъ невообразимый; отрядъ проходилъ въ день 5—6 верстъ искусственнымъ корридормъ. Верблюды дошли сотнями; но къ морову и бурану присоединилась новая казнь:—цинготная болѣзнь.

Да, видѣть надъ собою конечную гибель и не поддаваться отчаянію,—есть истинное торжество мужества! Солдаты и казаки, раздражаемые непрерывными препятствіями, выливали всю свою месть въ ѣдкихъ сарказмахъ, и противъ кого?

Подивитесь, собственно противъ появившейся цынги! Морозъ и буранъ, косматое рыло, степной жеребецъ, храпунъ, были уже ими осмѣяны. Цынгу, при первомъ знакомствѣ, они называли: урядницей, фельдфебельшей—разбей зубы! старой чертовкой, торговой синими патнами, артельной дѣловальницей—съ готовой чашкой отравы на водяную болѣзнь.

— Эй, вы, жигари! побригивали солдаты, за часъ до походнаго сбора,—смотри вмѣстѣ съ онучами не заверните цынги, а то она до костей огложитъ лыдки (голень ногъ).

Имъ отвѣчали: обожжется старая вѣдьма! наши онучи изъ кислой шерсти вытваны, а цынга любитъ одну преснятину.

Людямъ съ первыми признаками этой болѣзни остряки говорили: ну, вы, женихи Иваны Ивановы, не вѣшай головы, а не то фельдфебельша засватаетъ васъ на курносой невѣстѣ.

— А невѣста, братцы, самовольная, дополняли другіе,—она въ разъ на колѣни поставитъ и дѣловать заставить. У нее вмѣсто кумачнича саванъ, а замѣсто сундука съ приданымъ степная могила.

Такъ шутили удалые солдаты и уральцы, и въ тѣхъ же юлламахъ угрюмо сидѣли женихи, отмѣченные лиловыми поцѣлуями цыгги.

Кстати, приведемъ здѣсь другой и уже выработанный мнѣю народной поэзіи, изображающій цыггу на иной крайней точкѣ Европы.

На Грумантѣ, (Шпицбергенѣ), какъ извѣстно читателю, наши беззаботные гуляки, архангельскіе охотники, зимуютъ на островѣ для ловли песцовъ и добыванья оленьихъ кожъ. Ужасы полярныхъ зимъ для нихъ вовсе не страшны, не смотря на то, что большая часть дико отважныхъ охотниковъ умираютъ отъ цыгги. Такое грозное явленіе, гдѣ идетъ вопросъ о жизни и смерти, потребовало особой легенды, и она выразилась въ мрачной поэзіи. Кайсацкая цыгга представлялась экспедиціоннымъ солдатамъ въ видѣ фельдфебельши разбей зубы и свахи отъ курносой невѣсты. Груманланы рассказываютъ, что цыгга—старшая дочь царя Ирода, костлявое чудовище людоѣдовъ, и что у нее 11 сестеръ, дѣвокъ красавицъ. Всѣ онѣ въ бѣлыхъ рубашкахъ, безъ пояса, всѣ босы, простоволосы и оборотни. Напримѣръ, если какой нибудь груманланъ (урманъ) слишкомъ востоскуется о своей далекой невѣстѣ или женѣ, тогда въ полночь является къ нему молоденькая Иродіада—лицъ въ лицъ съ его Любой.

Иллюзіи, свойственныя этой болѣзни, даютъ мечтаніямъ видимый образъ, и несчастный парень гибнетъ въ сладкихъ сновидѣніяхъ. Но это частности—детали въ общей картинѣ; а вотъ говорить легенда, когда вокругъ острова разыграется буря, да съ свистомъ завоютъ каменные скалы съ ущельями, тогда, въ трепетномъ блескѣ сѣвернаго сіянія, на волнахъ показывается корбасъ, разбитый на одиннадцать укючинъ. Въ корбасѣ сидятъ

граціозныя Иродіады, на кормѣ старая цынга въ саванѣ, въ рукахъ съ багромъ и похороннымъ голосомъ поется пѣсня.

Нѣтъ здѣсь церковнаго пѣнія,
Нѣтъ ни поповъ, ни амвона,
Нѣтъ колокольнаго звона:
Наше кругомъ все владѣніе.

Но когда Груманланы, наученные знахарями и опытомъ, стали запасаться противоскорбутными средствами, тогда и въ легендѣ явился новый характеръ мѣта, но, кажется, болѣе для ободренія наемныхъ ловцовъ. Напримѣръ, тотъ же корбась и подъ такой же бурей несется къ Шницбергену, но хоръ Иродіадъ поетъ уже иную пѣсню:

Чую табачный здѣсь духъ!
Морошку я кислую чую...
О, сестры, отваливай! Ухъ!—
Здѣсь я и ночь не почую.

Эти пѣсни имѣютъ и другіе варианты, которые искажаются неумѣлыми передатчиками. Пословица замѣчаетъ: „Умѣй сложить побасенку, да умѣй ее и рассказать!“ Вотъ эти варианты.

— Здѣсь нѣтъ пѣня церковнаго,
Здѣсь нѣтъ сватья иконнаго,
Ни звона колокольнаго:
Здѣсь все наше.
— Отваливай, сестры!—
Здѣсь есть табакъ, и кислая морошка!

Х.

28 января 1840 года, Акъ-Булакъ, послѣдняя станція неудавшагося похода въ Хиву, вторымъ минимъ воротъ на теплый югъ. Декораціи на нашей сценѣ не

перемѣнились: вокругъ тоже угрюмо—убійственная степь, съ снѣжными валунами; Акбулакское укрѣпленіе, это большой бастинированный редутъ, съ запустѣлыми нищенскими землянками, съ фресками на внутреннихъ стѣнахъ, планами, селитрой и магнезіей. Половина этихъ наземныхъ норъ была разломана, доски сожжены гарнизономъ. Въ дополненіе къ такой црелести, въ первый день вступленія термометръ показывалъ 19, на второй 20, на третій 33. Потомъ въ ночи третьяго дня, безъ смягченія воздуха, потянулъ вѣтеръ N 0, онъ былъ тонокъ, какъ средневѣковый проволочный бичъ, и мгновенно прохватывалъ сквозь шубы, кошмы и юллы, спасенія не было. Огонь, опаяя спереди, сзади стальными иголками вѣтра пронизывалъ сквозь до сердца. Отъ Эмбы верблюдовъ пало 2 т. головъ, а на Акъ-Булакѣ валялись они отъ сотни до полтораста въ сутки. Цынга свирѣпствовала—солдаты умирали нѣмыми, покорными. Но во всемъ этомъ чувствовался затаенный стонъ: «бѣдствуемъ! спасите!»

И здѣсь окончательно погасла грошевая свѣча нашей общей надежды—обманщицы, погасла даже въ рукахъ главнокомандующаго. И слава Богу.

Онъ взялъ на себя всю отвѣтственность и къ половинѣ февраля 1840 года отдалъ приказъ объ отступленіи на Эмбу. Здѣсь силы человѣка уже ничего не могли сдѣлать болѣе того, что сдѣлалъ Перовскій. Дальній путь, заваленный снѣгами, лежалъ именно тѣмъ предѣломъ, за который нельзя уже переступить. Солдаты, нынче мокрые отъ падающаго снѣга, завтра промороженные, потомъ продуваемые сквознякомъ, казались тѣнями на берегахъ Стикса.

В. И. Даль, въ своихъ запискахъ объ экспедиціи, кажется, взялъ этотъ самый моментъ для изображенія линейнаго солдата въ слѣдующемъ портретѣ.

Онъ говоритъ: «3 февраля опять 29⁰/₁₀ и уже около двухъ недѣль все 22 и 24. Дровъ нѣтъ. Сожгли люди, сожгли канаты, которые горятъ превосходно; пѣхота

словно не живая; вѣрите ли, что солдата нашего надобно — не только одѣть и обуть, но и завернуть, окутать и застегнуть; надобно научить его, какъ въ походѣ варять на камышѣ кашу, какъ ставить котелки въ одинъ рядъ и отгребать золу и прочее... Я удивляюсь еще, какъ народъ такъ хорошо переносить эту стужу и недостатокъ топлива».

Потомъ, у него же въ реэстрѣ по лазаретамъ, сказано: «Въ пѣхотѣ, состоящей изъ 2,930 человекъ, умершихъ до 400 человекъ, въ три мѣсяца умеръ почти седьмой изъ здоровыхъ, а изъ уральцевъ двухсотый. (Русскій Архивъ, годъ пятый. Москва 1867 г.)

Такова вышла поразительная разница между русскимъ мужикомъ и уральцемъ. Первому, какъ уже было замѣчено, каждый гигантскій трудъ по плечу, но труды принадлежать осѣдлому жителю, дѣйствителю въ кругу деревень; на оборотъ, казакъ, этотъ сынъ пустыни, живетъ гостемъ въ своей станицѣ и хозяиномъ на Уральскомъ и Хвалынскомъ рыболовствѣ въ позднюю осень и зиму. Онъ свылся съ бурами, и морозами съ самаго дѣтства.

А между тѣмъ походъ, съ маршрутомъ «ретирады», что у насъ на военномъ языкѣ переводится бабьей трусостью, до основанія потрясъ солдатъ и казаковъ; послѣднiе убѣдительно просили, чтобъ ихъ однихъ пустить на Хиву въ числѣ двухъ полковъ, т. е. 1,500 человекъ. Но удалцамъ было растолковано по пальцамъ, что у насъ нѣтъ здоровыхъ верблюдовъ, которые могли бы за коннымъ отрядомъ везти продовольствiе.

Здѣсь солдатское желанiе идти впередъ, разумѣется, было чище, безкорыстнѣе. Въ ихъ воображенiи Хива представлялась въ пороховомъ дымѣ, встрѣча съ врагомъ — подъ команднымъ словомъ: «классъ-пли!» и потомъ русскiй лагерь, съ строгимъ карауломъ вокругъ виноградниковъ. Казакъ иначе раскидывалъ умомъ разумомъ. Онъ общалъ своему отцу-старикѣ привезти бухарскiй коверъ, на постелю матери стеганный пушунъ, невѣсть, женѣ и

сестрѣ шелковья, сыну аргамака, а себѣ сребра и злата. И вся эта великолѣпная пирамида безслѣдно проваливалась въ снѣжные сугробы.

На Агъ-Булакѣ мы бросили три тысячи четвертей хлѣба и всѣ лишнія тяжести, пригодныя только для передовой дороги, именно (лодки и ванаты находились уже въ золѣ и угляхъ): остававшіеся якоря, кошмы, божи, шинное и повозочное желѣзо, потомъ груды гвоздей, сала, соли и проч. И все это было даровымъ кладомъ кайсакамъ и волкамъ.

10-го февраля надъ нами горѣло три солнца. Эмба 20 февраля привѣтствовала насъ 25^о/_о морозомъ.

— У мороза, говорили солдаты, вмѣсто башки и глазъ, видно одинъ только и торчитъ красный носъ! Ну что онъ теперь-то шипитъ на насъ по змѣиному? Прежде не пускалъ колонны къ Хивѣ, а нынѣ не пускаетъ къ Оренбургу!

— Да ему старому хрѣну, отвѣчали другіе, какъ бабѣ ягѣ,—хочется покататься на нашихъ косточкахъ.

— Экая собака — медвѣдь стервятникъ, съѣлъ въ степи цѣлый батальонъ, а все мало!

— Смотри, Сенька, неповоръ морозъ, берегись!

— А что будетъ?

— Да то, что онъ тебя перваго сожретъ. Ты, братъ, ужъ на очереди!

— Я! это почему?

— Да потому, что ты худъ, какъ голынь!—Съ тебя того и гляди, что свалится казенная амуниція, какъ съ гнилой сошки!

— Ну, врешь, мной-то онъ и подавится! У меня душа, какъ въ вѣнчикѣ, за то голосъ—что въ теремѣ! Я крѣпко стоялъ подъ вращенскими и ховральскими морозами, а теперь скоро прилетятъ жаворонки.

Результатъ экспедиціи.

Наконецъ скорбный отрядъ съ Эмбы двинулся въ Оренбургъ, при полномъ развитіи весеннихъ травъ.

Нѣсколько сотенъ цынготныхъ солдатъ тащились съ бдюками и на костыляхъ, насильно подгоняемые сфрейторами и ундерами; но такое движеніе оказалось спасительнымъ. За нѣсколько станцій до Оренбурга всѣ они стояли во фронтѣ и, подъ музыку горнистовъ, молодцами вступили въ городъ, умирающихъ привозили въ лазаретныхъ фурахъ и сдавали въ госпиталь. Такъ было въ маѣ; а черезъ три мѣсяца, т. е. къ августу того-же 1840 г., всѣ экспедиціонные офицеры и нижніе чины находились уже въ полномъ цвѣту.

Зимняя страда слетѣла съ физиономій страдниковъ, степные слѣды отъ маршевыхъ колоннъ исчезли вмѣстѣ съ снѣгомъ; но Абикирское укрѣпленіе осталось памятникомъ грознаго похода. Вѣсти о походѣ, громовымъ рокотомъ отгранувъ въ Хивѣ, сильно всполошили хана Аллагула. Онъ зналъ, что русскій сардаръ шутить не любитъ, и если въ страшную зиму, съ небывалыми морозами и снѣгами, русскіе войска прошли почти тысячу верстъ въ глубь пустыни, то въ обыкновенный годъ они явятся предъ его государствомъ на курчыхъ ножкахъ и все опрокинутъ вверхъ дномъ. Онъ очень хорошо зналъ, что корпусному командиру и военному губернатору Василью Алексѣевичу Перовскому повелѣно: посадить на его мѣсто другаго надежнаго султана, вѣрнаго слугу русскаго престола, и если это не состоялось нынче, то непременно состоится чрезъ годъ. И Аллагулъ, безъ всякаго раздумья, исполнилъ то, въ чемъ состояла главная цѣль нашего похода т. е. отправилъ въ Оренбургъ всѣхъ бывшихъ у него плѣнниковъ, въ числѣ 500 человекъ, и потомъ разослалъ строгій фирманъ, запрещающій брать или покупать русскихъ и вредить чѣмъ либо Россіи.

Въ августъ того же 1840 года плѣнники прибыли въ Оренбургъ и именно въ числѣ около 500 человекъ.

Разсказъ плѣнника.

Въ августѣ 1840 г. по дѣламъ службы я пріѣхалъ въ Оренбургъ на канунѣ того дня, когда хивинскіе плѣнники вступили на отечественную землю. Ихъ ожидали съ утра, и передъ вечерними караванъ показался у мѣнноваго двора, это версты за двѣ отъ города.

Прибытіе изъ Азіи освобожденныхъ невольниковъ краснорѣчиво представляло тотъ высоторжественный моментъ, когда духъ человѣка, пробужденный восторженностію, уравниваетъ слѣпое невѣдѣніе съ просвѣщеннымъ мыслителемъ. Да, здѣсь именно видѣлась та великая минута, которая первобытному дикарю подала первую идею о Верховномъ Существоѣ и о первой благодарственной молитвѣ огню, звѣздному небу, мѣсяцу, молніи, грому и животворному солнцу Великая радость и великое несчастіе на всѣхъ ступеняхъ челоѣческаго развитія безмолвны... здѣсь ихъ рѣчь—восклищанія, перечень междометій.

Вдалекѣ отъ города жужжавшій караванъ вдругъ смолкъ, замеръ передъ Оренбургомъ. Для челоѣческаго языка тутъ уже не было мѣста: чувство зрѣнія поглотило всѣ остальные. Плѣнники сидѣли на верблюдахъ каменными статуями; но при видѣ церковныхъ главъ, освященныхъ яркимъ августовскимъ солнцемъ, словно стаи подстрѣленныхъ коршуновъ полетели сверху въ низъ шапки, башлыки и цвѣтные малахал. Безмолвныя всадники благоговѣнно крестились; но спустя минуту, будто по командѣ всѣ радостно крикнули: Уралъ! Уралъ! Господу слава! И вся пятисотенная толпа, прыгая, надавая, спазывая съ верблюдовъ бросилась къ рѣкѣ пить святую воду, умываться святой водой и не съ припадкой, а въ платьѣ по колѣна и по поясъ стоя въ Уралѣ... Потомъ, перейдя на правый берегъ, вся масса пала въ низъ лицомъ и, долго, долго любовно цѣловала родную землю, съ самыми нѣжными причитаніями.

— Матушка ты наша родимая! добрая кормилица-попилица. Ты насъ выростила, выхолила, научила уму-разуму, прими же ты опять насъ страданиковъ, мы твои дѣти! не выдавай насъ хищникамъ, а успокой наши косточки въ своихъ теплыхъ могилахъ!

Вокругъ стонъ стоялъ, но этотъ стонъ выражалъ шумную русскую радость. Зрители безмолвовали и, осѣня глаза рукой, искали своихъ отцовъ, дѣтей и братьевъ.

Прямо съ похода всѣ эти осчастливленные горемыки были приведены на площадь между городомъ и военнымъ госпиталемъ, чтобъ лично повѣрить ихъ число по именнымъ спискамъ. Плѣнниковъ окружали штабные офицеры и чиновники, купцы привѣтствовали хлѣбомъ и солью, казаки-обыватели подчивали калачами, арбузами, дынями и родимымъ врасомъ.

Въ прибывшей толпѣ, въ новыхъ узорно стеганыхъ баховыхъ халатахъ (напутный подарокъ хана), слышались громкія восклицанія, заторопленные вопросы, отвѣты, вскрипыванья, благословенія, крики ура! проклятій и завыванья.

Многіе плѣнники напоминали собой семь спящихъ четы-минейныхъ отроковъ, которые послѣ трехсотлѣтняго опочива, взволкавши проснулись, и когда пришли на торжище купить хлѣба, то не только что не узнали своего родимаго города, но даже ихъ мелкія монеты давнымъ давно вышли изъ государственнаго употребленія. И они снова улеглись спать до втораго пришествія.

Надъ площадью стоялъ непрерывающійся гулъ: оренбурцы отыскивали пропадавшихъ родственниковъ и знакомыхъ; выходцы изъ Хивы разомъ желали узнать, какаѣ доли ихъ ожидаетъ на Уралѣ. И надъ этимъ неразборчивымъ говоромъ, съ ясностію и въ самомъ перепутанномъ видѣ выдавались рѣчистыя восклицанія въ родѣ слѣдующихъ:

— Да вѣдь Ленбургъ—то, кажись, прежде на той сторонѣ стоялъ.

— Онъ недавно только переѣхалъ...

- Нѣтъ, все на здѣшнемъ берегу...
- Дитятко, голубчикъ, ужли ты мой сыночекъ?
- А гдѣ домъ-то нашъ?
- Женили на Дарьѣ Козыревой...
- Сгорѣлъ до тла...
- Да живы-ли?
- Было слезъ и не мало...
- Меньшая замужемъ...
- За родителемъ и старушка убралась на погостъ...
- Эхъ, Господи! круглый я сирота.
- На Уралѣ нѣтъ сиротъ!
- Жена! развѣ это ты?
- Нѣтъ одонья пшеницы!
- Состарилась родимая...
- Соколь мой ясный!..
- Молодцомъ сталъ, любо-дорого посмотрѣть...
- Въ чемъ только душенька держится!..
- Эй смирно! — ѣдитъ корпусный командиръ!

Трогательно и любопытно было видѣть нашихъ земляковъ-выходцевъ съ того свѣта: многіе изъ нихъ родились и состарились въ Хивѣ, измѣнили одежду, но не измѣнили вѣрѣ и родному говору, сохранили обычай отцовъ и не изнасили типъ нашей сѣверной народности. Каждый ребенокъ и отрокъ, рожденные въ мусульманскихъ поселеніяхъ, знали коренную молитву: Отче нашъ и Богородицу. Они съ дѣтскимъ любопытствомъ спрашивали: далеко ли до Москвы-града съ золотыми маковками, и стоитъ ли еще тамъ батюшка Иванъ Великій, который подпираетъ крестомъ небо? Пожилые сохранили пѣсни своей родины и передали ихъ дѣтямъ. Нѣкоторые изъ полоненниковъ поженались на хивинкахъ, но при извѣстїи, что ихъ отпускаютъ на родину, побрбсали женъ-басурмановъ.

Я спросилъ близъ стоявшаго черноволосаго юношу (съ высокими скулами и широкими, въ родѣ усовъ, бровями животно-сладоострастной Азіи): ты, мой милый, родился въ Хивѣ?

- Точно такъ будетъ.
- Мать у тебя хивинка?
- Нешто, хивинка.
- Она здѣсь съ вами?
- Нѣтъ, родитель ее бросилъ, для того, что не захотѣла ѣхать на нашъ Уралъ.
- Отчегожь ты съ ней не остался?
- Да вѣдь у меня, чай, святой Хрестъ на шеѣ.
- Жалко тебѣ ее?
- Жалко-то жалко; но больно хотѣлось идти въ свою хрещеную землю, въ родительскую станицу Микольскую.
- Кто же тебя крестилъ? вѣдь въ Хивѣ нѣтъ поповъ?

Парень поднялъ свои широкія брови и замаялся... Къ нему на выручку подошелъ старый казакъ, старательно заслоняя у себя лѣвое ухо и щеку. У насъ, ваше благородіе, сказалъ онъ, всѣхъ новорожденныхъ крестили, изъ нашенскихъ же, баушки повитухи и крестили въ корытцѣ.

— Какъ въ корытцѣ?

— Да такъ, въ корытцѣ, по русскому обычаю. Чай, изволишь знать, что у насъ на святой Руси, когда родится на свѣтъ нежилой, плохарь, то до прихода поца его и крестить повитуха съ одной сусовой (Исусовой) молитвой. Значить, чтобъ не упустить его душеньку въ вѣчную тьму. Вѣдь у Господа Бога во всѣхъ земляхъ святая вода льется.

— Что это, дѣдушка, ты закрываешь себѣ щеку?

— Для того, батюшка, что на меня непригоже смотрѣть. Я казненный. Онъ отнял руку, и меня тревожно передернуло. У старика какъ то несуразно было оторвано лѣвое ухо и глубокимъ оврагомъ лежалъ шрамъ вдоль всей щеки.

— Ты казакъ?

— Нѣтъ, ваше благородіе, я былъ Межегородской мѣщанинъ, конный барышникъ и наѣздникъ на всѣ руки.

— Ктожь это тебя такъ варварски изурочилъ?

— Живя въ некрещеной землѣ, много видѣли горы, многова натерпѣлись отъ всякой всячины; но здѣсь не человѣческая рука меня казнила, а Господь, вишь, пока-ралъ за грѣхи.

Шестидесятилѣтняго старика, но еще бодрого и съ крутыми плечами, обступилъ нашъ кружокъ; всѣ желали узнать его повѣсть, и онъ началъ слѣдующій разсказъ: «Вскорѣ послѣ французскаго погрома, когда на Лембургѣ сидѣлъ губернаторомъ князь Григорій Семеновичъ Волконскій, тогда про здѣшній край по всей Руси шла вруговая молва, что на Уралѣ золотое дно и пшеничная привольная жизнь. Лукавыя сказки сманили меня поискать талану, и я изъ своей губерніи пробрался на Яикъ. Въ одной станицѣ, близь Орской крѣпости, я пошелъ съ казаконъ хозяиномъ въ долю сѣять пшеницу. Вишь, хотѣлъ въ разъ разбогатѣть, а Господь судилъ по своему. Въ тѣ года яровныя поля находились за Ураломъ, въ глухой степи. Пашня и сѣвъ прошли благополучно, и къ осени уродился хлѣбъ диковинный — сплошной, непрорѣзанный. На жнитво насъ высыпало 15 чѣловѣкъ. Къ ночи всѣ умялись и послѣ ужина заснули мертвымъ сномъ, сномъ роковымъ. Передъ зарей на наше сонное гнѣздо налетѣла киргизская орда и прежде, чѣмъ мы образумились, насъ связали по рукамъ, по ногамъ и, перекинувши черезъ спины нашихъ же коней, пустились верстать на сорокъ безъ отдыха.

Тяжела была пытка, да видно душа сама не выдетъ, когда Богъ не вынетъ.

Тамъ дали конямъ вздохнуть, да пощипать травки и опять въ дорогу, но уже не мѣшвами поперегъ хребта, а по человѣчески — верхами, только лишь съ связанными руками. На пути большую половину нашей артели перепродали киргизскимъ барышникамъ, а я съ четырьмя казаконъ былъ прямо поставленъ на хивинскій базаръ. Насъ раскупили въ разныя руки, я пошелъ за 10 барановъ къ одному богатому караванщику Усману. Работа у него была каторжная и не стояла ни днемъ, ни ночью.

Два года я мучился у мучителя, повуда спина не замо-золила подь нагайкой. Днемъ я то копалъ граден, то воду таскалъ на поливку, то въ рѣкѣ купалъ и мылъ барановъ. Ночью же, подь карауломъ стараго хивинца всегда съ заряженной винтовкой и съ плетью, стерегъ бахчи и верблюдовъ, глодалъ вмѣстѣ съ собаками конскіе мослы и носилъ на себѣ отрепье отъ ховайскаго халата.

Долго окаянные принимались пытать меня на обмѣнъ вѣры. Бывало посадятъ на орканѣ въ воду по самыя уши, да и держать до лихорадки, а убивать не хотѣли, чтобъ не потерять работника. Однако, Владычица сохранила мою душу отъ гибели, а совѣсть отъ муки; я устоялъ и хозяинъ смягчился.

Черезъ пять лѣтъ, увидавши мои услуги и претерпѣнныя, онъ снялъ съ меня кандалы и подарилъ халатъ безъ лѣвой полы и обь одномъ рукавѣ. «Неси, говоритъ, Иванъ, да не жалуйся, что твой хозяинъ скупой человекъ». Это, дескать, тебѣ за сбереженіе барановъ! носи, Иванъ, халатъ, не жалуйся, а когда будетъ въ дырахъ, то на заплатки дамъ цѣлую полу.

Я поклонился земно и молвилъ: пять лѣтъ я служу тебѣ, хозяинъ, изо всѣхъ жилъ: въ день, самъ видишь, не знаю ѣды, ночью сна.

— Вижу, говоритъ, Иванъ, все вижу, за то я съ тебя желѣзы снялъ, подарилъ съ своего плеча почти новый халатъ. А вотъ что, Иванъ, ты слыхалъ про мои табуны, кои пасутся на поемныхъ мѣстахъ около Аму-Дарьи?

— Какъ, молъ, не слышать, слыхалъ.

— Такъ вотъ что, вечеръ я узналъ большое свое несчастье. Слушай же въ оба уха: я узналъ, что изъ персидскихъ моихъ жеребцовъ, и самыхъ то наилучшихъ, три аргамака зарѣзаны какимъ-то звѣремъ. Звѣря не видалъ пастухъ, яко бы за ночнымъ туманомъ, да я положилъ этотъ туманъ на его хребтѣ въ двѣ пагайки. Пророкъ не велитъ спускать лѣнливимъ рабамъ и въ Аллаховой

мечети; онъ разбойникъ не видалъ бѣды за туманомъ... Да, вѣдь, я Усманъ, не малое дитѣ, когда звѣрь нападетъ на табунъ, тогда кони шарахнутся — тутъ и не зѣвай. Вчера я самъ былъ на Аму-Дарьи и видѣлъ: одинъ аргамакъ съѣденъ чуть не весь, а у двухъ всѣ крестцы исполосованы такими бороздами, словно на нихъ по десяти медвѣдей верхомъ ѣздили. Здѣсь видна работа не волка... я чаю тигра. Ты, Иванъ, видалъ тигра?

— Нѣтъ, хозяинъ; я у тебя жилъ подъ носомъ, гдѣ, молю, тутъ увидать персидскаго звѣря.

— Слушай, я расскажу тебѣ про тигра. По своимъ ладамъ онъ похожъ на вошку, съ маховую сажень въ длину. Цвѣтомъ темно-желтый, поперекъ туловища черныя полосы, башка вотъ какая, зубища по четверти. Но его боятся только пастухи трусы, а передъ храбрыми онъ самъ трусливъ, какъ заяцъ. Приди же ко мнѣ, Иванъ, во время завтрака, я тебѣ, какъ вѣрному рабу, дамъ свою винтовку. Стрѣлять умѣешь?

— Какъ, молю, не умѣть, умѣю.

— Ну вотъ я дамъ тебѣ винтовку, двѣ узды, про случай арканъ, уврюкъ, суму съ сухарями, а пойло на конскомъ водопоѣ. Сможешь ты съ такимъ дѣломъ?

Я зналъ, что хозяинъ вретъ, никакого тигра и въ духахъ не было, и все это для того, чтобъ заставить меня не спать ночи, и я отвѣтилъ: смогу хозяинъ, и буду беречь твое добро, какъ свой глазъ; а ежели что случится, то сперва самъ здохну.

— Нѣтъ, Иванъ, береги себя, а то и тебя звѣрь съѣстъ и табунъ некому пасти будетъ. Такеъ ты вотъ что дѣлай. Съ молоду я самъ былъ ловчимъ пастухомъ. Слушай, ты каждую ночь выгоняй лошадей на чистую луговину и уже не давай расходиться по камышамъ. Садись верхомъ на уврючнаго коня и еружи табунъ до свѣту, а съ зарей Аллахъ даетъ тебѣ увидѣнье; да не забудь взять съ собой двухъ собакъ. Ты знаешь, какъ въ табунѣ отыскать уврючнаго?

— Ну какъ не знать: у нихъ поперегъ брюха всегда идетъ бѣлая полоса — шерсти, т. е. обожженное мѣсто отъ вашей веревочной подпруги.

— Такъ, такъ, Иванъ, сухарей бери на десять дней; и какъ здѣсь позавтракаешь, то и въ дорогу, отсюда чай и 50 русскихъ верстъ nebudeтъ до мѣста. Прощай же, Иванъ, будь счастливъ! и когда увидишь тигра, то кричи во всю глотку: Аллахъ, Аллахъ! и стрѣлай. Тигры Аллаха боятся, какъ огня. Я ушолъ.

Новая работа образумила мой умъ, задавленный безперечнымъ надзоромъ и воловой работой, а тутъ, глядя на вольныхъ коней, какъ они играли на пастбищѣ, стала и во мнѣ приходить мысль о свободѣ. Вспомнилъ я свою родимую Русь, широкую матушку Волгу, на берегу ея большой посадъ, гдѣ осталась вдовѣть жена и сиротѣть дѣти. Кровь заходила во мнѣ, словно пьяная брага. Эхъ, думаю себѣ: двухъ смертей не бывать, а одной неминовать! А при моемъ житѣ всякая лютая смерть краше хивинскаго полона! Мыслилъ я о побѣгѣ первую четверть мѣсяца, а въ другую половину порѣшилъ пустится въ Русь. Черезъ десять дней Усманъ прислалъ мнѣ торбу хлѣба и велѣлъ спросить—все ли благополучно? я приказалъ отвѣтить, что его, молъ, табунъ цѣлъ и невредимъ, о тигрѣ нѣтъ и слуха. Посолъ ушолъ, и я опять остался самовольнымъ бариномъ. Хлѣбъ у меня былъ, а тамъ Богъ не безъ милости, христіанинъ не безъ счастія! Только бы перебраться за Карауметскія горы, а тамъ дикаго луку, да боршевиковъ на каждомъ почти мѣстѣ до отвалу. Соль есть, чай не умру съ голоду. Въ табунѣ у меня на примѣтѣ были два аргамака—диво дивное! На скачкѣ пускай въ перегонку съ вѣтромъ, но за то такая дичь, что постороннему человѣку не дадутъ па себя наврѣться. Въ стени они родились, въ степи и выврѣли, словно двѣ наливныя вешенки. Какъ теперь на нихъ гляжу, масти темно-гнѣдой въ маслѣ, глаза большіе на выватѣ съ голубымъ отливомъ, словно осеннія звѣзды. Двѣ недѣли по ночамъ они

у меня ходили на приволѣ, т. е. на короткомъ арканѣ, порознь у вбитыхъ кольяхъ по самую маковку. Во все время, опиживая, и присвистывая, я приучилъ ихъ подпускать къ себѣ. Они полюбили меня — сдружились. Въ ночь побѣга горячо помолился я Московскимъ святителямъ и положилъ на душу зарокъ сходить въ Кіевъ; взвудалъ соколовъ: на одного съѣлъ, другаго приторочилъ къ самодѣльной подругѣ и съ мѣста полетѣлъ птицею. Собаки, визжа и лая, понеслись за мной. Солнышко взошло и прошло съ восхода до заката, я все еще скакалъ берегомъ Аму-Дарьи. Къ вечеру замотался подо мной скакунъ и мертвый грянулся о землю. Фыркая и качаясь отъ усталости, обнюхивалъ его заводной жеребецъ и щетинилъ гриву, а я считалъ проскаканныя степи и сводилъ въ умѣ: можетъ ли за мной быть погоня? Усману за 50 верстъ отъ табуна и самъ шайтанъ не дастъ скорой повѣсти; по округѣ со мной небыло ни одного косяка; а тутъ передо мной справа по всему побережью Дарьи тростники темнымъ лѣсомъ стоятъ, гдѣ можно не только укрыться одному путнику, а всю Хиву спрятать съ маковкой. Съ этой стороны дѣло было ладно; а передній походъ еще только въ началѣ. Что-то будетъ? Отъ заводнаго коня, послѣдней надежи, валить горячій паръ, словно въ каменѣ... Провелъ я его подъ уздцы и забрался въ самый камышевой частикъ на паству, трава была сочная въ колѣно. И вотъ только я успѣлъ стреножить скакуна, да лечь на землю, какъ шумя тростниками примчались ко мнѣ двѣ вѣрныя собаки. Други мои, говорилъ я вслухъ, давая то одной, то другой по куску жаренаго зайца, ими же наканунѣ затравленнаго, берегите вы меня дорогой, а на своей родинѣ я буду васъ холить какъ дѣтей. Нынѣшняя наша ставція была — конская смерть; завтра пойдемъ сваять не болѣе ста верстъ. Тогда и конь будетъ цѣлъ, и вы не останете. На зарѣ я опять помчался въ путину; объѣздами по камышамъ миновалъ много ауловъ, и ночевалъ тоже на берегу рѣки. Я летѣлъ быстро, но не отставая видно нѣ

на шагъ, летѣла со мной и бѣда моя роковая. Къ вечеру третьихъ сутокъ я расположился въ девятиаршинныхъ тростникахъ какого то озера, въ которое, какъ говорили мнѣ послѣ, вливается малымъ рукавомъ Аму-Дарья. Съ часъ не прошло времени, смотрю!—что за диво? собаки мои ворча бросились въ частикъ, и тутъ же съ поджатыми хвостами подползли опять ко мнѣ. Я еще до прежде и на всякой стоянкѣ, вокругъ сажень на 20, принималъ поросли, чтобы при случаѣ успѣть осмотрѣться. Вотъ опять не прошло и минуты, какъ слышу отъ хивинской стороны подъ чьей-то тяжелой стопою хрустнули стебли травы и тутъ же все стихло, словно сторожный тать врался на ловлю чужаго добра. Собаки съ лаемъ бросались на встрѣчу невидимки, и опять отскочивши назадъ, какъ ужаленныя змѣемъ, стали жаться ко мнѣ. Жеребецъ храпѣлъ и переступалъ спутанными ногаим. Ночь была мѣсячная, вся полянка свѣтилась, словно при огнѣ, только въ зеленыхъ камышахъ стояла тьма окромешная. Не волѣ ли идетъ гостить, подумалъ я, и изготовилъ винтовку, заряженную свинцовымъ жеребемъ. Сердце у меня недогнуло для того, что пошелъ на пропалюю. Въ умѣ стояла одна молитва: пошли Господи смерть лютую, но скорую, чтобъ степные воршуну не стали бы выпивать мои очи при моей жизни. Вдругъ, батюшки свѣты! переплетенный камышь треща и шипя распахнулся, и звѣрь, съ трехъ годовалаго быка, однимъ прыжкомъ очутился на окрайнѣ моего стана. Смотрю: тигръ. Широкая его образина пестрѣла на мѣсяцѣ, какъ росписанное рѣшето, пасть оскалена, зенки такъ и зѣяютъ раскаленными угольями. Размышлять было некогда, звѣрь сгибалъ хребетъ дугою и, казалось, хотѣлъ скакнутьъ прямо ко мнѣ на шею. Приложился; трахъ!... и въ этотъ мигъ, какъ дымъ облакомъ всталъ передъ глазами, тигръ со всего размаха бросился, сбилъ меня на землѣ такимъ ударомъ, что я замертво остался на мѣстѣ. Долго ли такъ пролежалъ, не помню, только на зорѣ я очнулся. Голова была, какъ разбитый

котель... боль стояла несусвѣтная, а силы мои словно кто высосалъ. Щупаю, уха—нѣтъ, щека распорота, и кругомъ лужа крови. На небѣ свѣтало, а на душѣ была ночь и черная немочь въ тѣлѣ. Съ трудомъ поднялся я на ноги, обмылъ голову, намаялъ въ рукахъ лопушныхъ листьевъ, привязалъ въ ранѣ кушакомъ и куринымъ шагомъ поплелся, куда Богъ вынесетъ. Жеребецъ мой видно оборвалъ пути и пропалъ; одни собаки были при мнѣ, да въ тростникѣ стояли два широкіе пролома: первый—куда звѣрь убѣжалъ, а другой—куда аргамакъ шаранулся.

Бое какъ я дотащился до ближняго киргизскаго кочевья, и спасибо этимъ нехристамъ; они призрѣли меня, и въ мѣсяцъ поставили на ноги, отвезли въ Хиву на торговую площадь. Старикъ Усманъ опять купилъ меня, какъ уroda—калѣку за 5 барановъ, и помиловалъ. Грѣшникъ человекъ, я рассказалъ ему небылицу, что при первой встрѣчѣ я подстрѣлилъ тигра; потомъ безъ ума разума гнался за нимъ,—и добилъ его другой пулей. Шеюру хотѣлось, молъ, привезти тебѣ, хозяинъ въ даръ, но звѣрь меня истерзалъ и тутъ же здохъ. Киргизы нашли и взяли его себѣ.

Тигръ точно былъ убитъ. Свинцовый жребій засѣлъ ему между глазъ, и онъ тоже не взвидя свѣту, сгороча, только прежними силами сбилъ меня съ ногъ; но какъ оторвалъ ухо и распавилъ щеку лапой ли, то ли зубами, ничего не помню. И такъ въ хивинскомъ полону я промаялся 27 годовъ.

Въ малахай стараго разскащика мы набросали денегъ такъ много, что онъ безъ нужды могъ доѣхать до своей родины.

Д. И. Минаевъ—Отецъ.

ПѢСНЬ О ПОХОДѢ ИГОРЯ.

(Сына Святославова, внука Олегова)

Предисловіе.

Для изъясненія недоразумѣній предварительно необходимо разъяснить слѣдующіе вопросы. 1) что мы понимаемъ подъ словомъ «размѣръ народныхъ былинъ»? 2) что побудило насъ въ такой передачѣ «Слова»? 3) какую цѣль имѣли мы при передачѣ?

«Въ русскихъ народныхъ произведеніяхъ стихотворный размѣръ основанъ не на грамматическомъ удареніи, а на логическомъ,» говорятъ одни учебники русской словесности. «Народный стихъ не сложенъ изъ правильныхъ стопъ: ямбовъ, хореевъ и т. д., а состоитъ приблизительно (?!) изъ одинаковаго числа слоговъ и удареній,» говорятъ другіе. Странность того и другаго опредѣленія сразу бросается въ глаза. Если въ народныхъ стихахъ все дѣло—только въ логическомъ удареніи, то къ чему же—спрашивается—въ народныхъ пѣсняхъ такъ часто и такъ измѣнчиво передѣлывается удареніе въ однихъ и тѣхъ же словахъ, такъ часто переносится съ одного слога на другой? Кто не слышалъ въ русскихъ *молодецъ, молодецъ, молодецъ, дѣвица, дѣвица, мѣлина,*

малина, малинѣ, гора, горѣ и т. д. безъ конца? Кто не знаетъ слѣдующей пѣсни или подобной?

Ай на горѣ калинѣ,
Подъ горою малинѣ.
Тамъ дѣвушка гуляла
Калинушку ломала» и т. д.

Къ чему—далѣе—такое безконечное количество вставокъ: союзовъ, междометій и т. д., къ чему—постояннымъ повторенію однихъ и тѣхъ же словъ, употребленіе словъ однозначущихъ, если въ народныхъ стихахъ соблюдается только одинаковое число *логическихъ* удареній? Вѣдь отъ такихъ вставокъ и повтореній не можетъ же измѣниться *логическое* удареніе. Мнѣ по крайней мѣрѣ кажется, что число логическихъ удареній одинаково въ слѣдующихъ соотвѣтствующихъ выраженіяхъ:

- «1) Пріѣзжалъ идолище въ Кіевъ ко князю Владиміру съ большею грозою:»
- 2) «Пріѣзжалъ идолище поганое въ стальню Кіевъ градъ
Со грозою со страхомъ съ велкиимъ
Ко тому ко князю ко Владиміру.»
- 1) «Ѣздитъ въ полѣ старикъ.»
- 2) «Ѣздитъ въ полѣ старъ матеръ человекъ.»

Да и что такое—нанонецъ—логическое удареніе? На сколько мы понимаемъ, логическимъ удареніемъ называется произношеніе *одного или нѣсколькихъ словъ* въ предложеніи съ особымъ повышеніемъ голоса, для придаванія того или другаго оттѣнка самому смыслу рѣчи; напр. *я* (а не другой кто-нибудь) *былъ дома*; *я* *былъ дома* (а не находился въ отсутствіи); *я* *былъ дома* (а не въ другомъ мѣстѣ). На первый взглядъ кажется, что логическое удареніе—вещь довольно опредѣленная. Но возьмемъ въ примѣръ нѣсколько стиховъ изъ народной *былины*:

«Подѣ славнымъ городомъ подѣ Кіевомъ,
 На тѣхъ на степяхъ на Цыцарскіихъ,
 Стояла застава богатирская.
 На заставѣ атаманъ былъ Илья Муромецъ,
 Подѣ—атаманъе былъ Добрыня Никитичъ младъ;
 Ясаулъ Алеша, поповскій сынъ,
 Еще былъ у нихъ Гришка, боярскій сынъ;
 Былъ у нихъ Васька долгополый.»

По моему мнѣнію, въ первомъ стихѣ одно логическое удареніе надѣ словомъ *подѣ Кіевомъ*, во второмъ—надѣ словомъ *цыцарскіихъ*, въ 3—надѣ словомъ *застава*; въ 4-мъ же стихѣ—по моему—два логическихъ ударенія—надѣ словами: *Атаманъ* и *Илья*, въ 5-мъ—ударенія *подѣ атаманъе* и *Добрыня*, въ 6-мъ *Ясаулъ* и *Алеша*; въ 7-мъ и 8-мъ по одному ударенію: надѣ *Гришка* и *Васька*. Конечно, защитники логическаго ударенія не согласятся съ нашимъ счетомъ и будутъ находить во всѣхъ приведенныхъ стихахъ или вездѣ по два ударенія, или вездѣ по одному. Но вотъ въ чемъ дѣло. Пусть нашъ счетъ будетъ неправиленъ. Однако спрашивается: что же это за размѣръ такой, объ которомъ возможны такіе споры? Я насчиталъ столько-то логическихъ удареній, другой насчитываетъ больше или меньше. Въ чемъ же дѣло? въ чемъ неправильность?—По моему мнѣнію—въ самомъ основаніи. Какъ все логическое, и логическое удареніе—вещь очень тонкая, измѣнчивая, спорная, зависящая отъ человѣческихъ ощущеній и настроеній. Одинъ и тотъ же человѣкъ одно и то же выраженіе въ одномъ и томъ же смыслѣ, въ разное время, произнесетъ различно, надѣ различными словами повысить или понизить голосъ,—смотря по настроенію. О пѣніи и говорить нечего: при разномъ настроеніи человѣкъ различно споетъ одну и ту же пѣсню, различно будетъ выдѣлывать голосомъ логическія ударенія. Вслѣдствіе всего этого удареніе логическое и не можетъ быть основой стихотворнаго размѣра, и никогда не было и не будетъ.

Второе же изъ приведенныхъ опредѣленій равняется полному отрицанію всякаго размѣра въ народныхъ пѣсняхъ. Если бы еще утверждалось, что въ народныхъ стихахъ *непрѣменно* находится одинаковое число слоговъ и удареній, хотя ударенія и ставятся произвольно, — тогда всетаки признавался бы хоть какой-нибудь размѣръ въ народныхъ пѣсняхъ. Но и этого нѣтъ: «народный стихъ состоитъ *приблизительно* изъ одинаковаго числа словъ и удареній,» говорятъ учебники, и слово *приблизительно* уничтожаетъ всякую надежду найти хоть какой-нибудь признакъ размѣра въ народныхъ стихахъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ такого опредѣленія народнаго стиха непосредственно слѣдуютъ такія заключенія:

1) въ народныхъ стихахъ грамматическое удареніе ставится на разныхъ мѣстахъ произвольно, безъ всякаго порядка;

2) число словъ можетъ быть не одинаково въ разныхъ стихахъ одного и того же произведенія;

3) еще менѣе можно искать въ народныхъ стихахъ одинаковаго числа грамматическихъ удареній.

Что жъ это за стихотворный размѣръ, въ которомъ нѣтъ ничего опредѣленнаго, а все измѣнчиво, подлечь произволу?

Понятно — кромѣ того, что при такомъ опредѣленіи также никакъ нельзя объяснить, почему народныя пѣсни такъ часто прибѣгаютъ къ перемѣнѣ грамматическаго ударенія въ однихъ и тѣхъ же словахъ. Вѣдь изъ такого опредѣленія выходитъ, что все равно, гдѣ бы ни стояло грамматическое удареніе, лишь бы число такихъ было въ народныхъ стихахъ *приблизительно одинаково*. Къ чему же наши пѣвцы такъ коверкаютъ слова, такъ варварски поступаютъ съ удареніемъ въ словахъ?

Принявъ одно изъ приведенныхъ опредѣленій народнаго размѣра, мы естественно должны придти къ мысли, что нынѣ употребительный у насъ литературный размѣръ стиховъ, основанный на правильной смѣнѣ грамматическихъ удареній, не имѣетъ ничего общаго съ рус-

скимъ народнымъ. Мы знаемъ, что вынѣшній литературный *тоническій* размѣръ введенъ у насъ Ломоносовымъ.— Откуда же этотъ великій человекъ заимствовалъ этотъ размѣръ или какъ дошелъ до его изобрѣтенія?—Отвѣтъ готовъ: всѣ учебники скажутъ намъ, что тоническій размѣръ заимствованъ Ломоносовымъ у Нѣмцевъ. Итакъ тоническій размѣръ—это чужестранный наростъ, къ несчастію однако, столь утвердившійся въ русской письменности, что теперь странно и помышлять объ его уничтоженіи, когда у насъ пользуются столь заслуженнымъ почетомъ прекраснѣйшіе тоническіе стихи Крылова, Пушкина, Лермонтова, Некрасова и многихъ другихъ. Пушкина и Лермонтова стихи—чужестранный наростъ; восхлибнетъ съ ужасомъ читатель, Крылова и Некрасова стихи—чужеземный наростъ! Да это—нелѣпости! говорите вы. И вашъ покорнѣйшій слуга восклицаетъ! аминь! нелѣпость, сущая нелѣпость! А между тѣмъ въ нѣкоторыхъ «Исторіяхъ русской словесности» вы, любезный читатель, найдете именно презрительный отзывъ объ Ломоносовскомъ нововведеніи, какъ объ иностранномъ заимствованіи, противномъ духу русскаго. Какъ же выйти изъ такихъ противорѣчій?—Не трудно, читатель!

Тоническій размѣръ стиховъ, т. е. основанный на правильной смѣнѣ грамматическихъ удареній, есть неотъемлемое свойство русскаго языка, русскаго народного пѣсеня: вотъ положеніе, къ которому мы почти совершенно подошли отрицательнымъ путемъ. Постараемся доказать эту мысль путемъ положительнымъ.

Возьмемъ сборникъ народныхъ былинъ Гильфердинга («Онежскія быliny», Спб. 1873 г.). Почему именно этотъ сборникъ, а не Сахаровскій, не Рыбинскій.—Отвѣтъ на этотъ вопросъ вы найдете въ самыхъ выпискахъ изъ Гильфердинга предисловія къ его изданію:

«Что правильное тоническое стопосложеніе составляетъ коренное, нормальное свойство русской народной быliny; что неправильность въ стихотворномъ размѣрѣ есть признакъ порчи, а совершенное отсутствіе размѣра—

дальнѣйшая степень такой порчи, это не требуетъ доказательствъ для каждаго, кто либо послушаетъ нашихъ сказителей, либо потрудится прочесть былины, записанныя съ ихъ напѣва. Онъ найдетъ правильный тоническій стихъ у тѣхъ именно сказителей, у которыхъ былины и по содержанію самыя складныя, самыя полныя, самыя прозаическія; онъ замѣтитъ, что рапсоды, которые допускаютъ неправильности въ стопосложеніи,—все таки обыкновенно поютъ правильнымъ стихомъ повторяющіяся типическія мѣста, т. е. то, въ чемъ всего болѣе сохраняется древній складъ рѣчи; онъ увидитъ, что совершенно разрушенный стихъ имѣетъ спутникомъ разрушеніе и въ содержаніи и во внутреннемъ складѣ былинъ».

Затѣмъ, приведя выдержки изъ нѣсколькихъ былинъ, Гильфердингъ замѣчаетъ: «Если читатель потрудится сравнить эти строки съ напечатанными въ сборникѣ г. Рыбникова, Т. I стр. 54, то онъ замѣтитъ, какъ размѣръ исчезалъ вслѣдствіе того, что былина записывалась имъ по словесно и только повѣрялась по напѣву, а списывалась непосредственно съ голоса».

Затѣмъ у Гильфердинга читатель можетъ найти въ предисловіи перечень всѣхъ былинныхъ размѣровъ и надлежащіе примѣры для всего сказаннаго. Поэтому мы и отсылаемъ желающихъ къ этому сборнику и ограничимся еще лишь одною выпиской: «Прислушиваясь къ этимъ былинамъ, записывая ихъ съ голоса сказителей, я вынесъ полное убѣжденіе, что тоническое стопосложеніе въ русскомъ стихѣ не есть изобрѣтеніе Ломоносова, а есть изобрѣтеніе самого русскаго народа, его коренное достояніе. Если Ломоносовъ, подъ вліяніемъ нѣмецкихъ образцовъ, примѣнилъ тоническое стихосложеніе къ нашей художественной поэзій, то руководился ли онъ собственно подражаніемъ нѣмцамъ? Нѣтъ, какъ онъ самъ писалъ, первымъ и главнѣйшимъ его основаніемъ было то, что «россійскіе стихи надлежитъ сочинять по природному нашего языка свойству»; и когда

Ломоносовъ съ такимъ вѣрнымъ чутьемъ съ перваго же раза угадалъ въ стихѣ природное языка нашего свойство, то кто знаетъ, не слышался ли ему отзвукъ народныхъ былинъ, конечно знакомыхъ его уху; ибо и до сихъ поръ помнятъ на Выгозерѣ, что былины перешли туда съ Поморья? Надобно припомнить и то, что Ломоносовъ въ своей «версификаціи» отводитъ почетное мѣсто такъ называемымъ имъ «тригласнымъ» приемамъ, т. е. дактилическимъ; а дактиль на концѣ стиха—этого конечно онъ не могъ найти въ своихъ нѣмецкихъ образцахъ».

Итакъ, вотъ въ какомъ выводѣ пришелъ Гильфердингъ, надлежащимъ образомъ записывая былины.

Попробуемъ и мы, читатель, воспользоваться указаніями Гильфердинга, и возьмемъ для подтвержденія нашей мысли нѣсколько народныхъ общезвѣстныхъ пѣсенъ, но возьмемъ не изъ хрестоматій, въ которыхъ пѣсни эти записаны можетъ быть по Рыбниновскому способу, а возьмемъ ихъ прямо съ голоса.

Кто не слыжалъ или не пѣлъ слѣдующей пѣсни?

«Возлѣ рѣчки, возлѣ моста (трижды) { оба стиха повторяются вмѣстѣ.

Трава рѣсла;
Трава рѣсла шелковѣя (трижды),
Шелковѣя мурѣяя зеленѣя,
Ужъ я ту траву кѣсала,
Говорѣла», и т. д.

Мы здѣсь поставили ударенія въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ они ставятся при пѣніи — и что же вышло? Кто не скажетъ, что въ этой пѣснѣ — правильнѣйшій хорейскій размѣръ, и что для соблюденія его народъ прибѣгаетъ къ перемѣнѣ обычнаго ударенія въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ это обыкновенно допускается въ литературныхъ стихахъ.

Возьмемъ опять вышеприведенную пѣсню:

«Ай на гóрѣ кáлиaná» и т. д. Здѣсь опять хорическій размѣръ.

«Кáкъ на мáтушкѣ на Нѣвѣ рѣкѣ,
На Васíльевскóмъ слáвнóмъ острóвѣ,
Кáкъ на прíстанй кóрабельныя
Мóлодой мáтрóсь кóраблй снáстíль».

Какой здѣсь размѣръ? Каждый стихъ состоитъ изъ 10 слоговъ, которые ясно дѣлятся на двѣ половины; въ каждой половинѣ—въ 5 стихахъ—удареніе въ серединѣ. Слѣдовательно этотъ размѣръ можно назвать *двойнымъ амфибрахіемъ*, потому что въ каждой стопѣ одинъ высокій слогъ окруженъ съ обѣихъ сторонъ двумя низкими.

Въ пѣснѣ «Ужъ какъ палъ туманъ на сине море» начало и конецъ изложены этимъ самымъ размѣромъ (двойнымъ амфибрахіемъ); а въ серединѣ размѣръ переходитъ *въ обыкновенный эпическій*, какъ называется Гильфердингъ, т. е. въ хорей съ дактилемъ на концѣ. Причина такой перемѣны понятна. Разбираемую пѣсню можно назвать *лирическою* только въ началѣ и концѣ, и тутъ то именно и употребленъ двойной амфибрахіей, обычный размѣръ въ пѣсняхъ, выражающихъ грустное чувство. Середина же пѣсни по содержанію походитъ на былины, почему здѣсь и является *былинный размѣръ*. Разбирая такъ и другія русскія народныя пѣсни, мы конечно вездѣ найдемъ правильный тоническій размѣръ.

Итакъ, если мы говорили, что рѣшились изложить «Слово о полку Игоревѣ» народнымъ размѣромъ, то это значить, что у насъ будетъ размѣръ вполнѣ правильный тоническій. Словомъ же *былинный размѣръ* мы обозначили тотъ, который у Гильфердинга названъ *обыкновеннымъ эпическимъ* *), т. е. хорей съ дактилемъ на концѣ.

*) Слово *эпическій* можетъ относиться какъ къ народнымъ, такъ и къ литературнымъ произведеніямъ: вотъ почему мы употребили другое названіе. Названіе *былинный* можетъ показаться нѣсколько узкимъ; но если подъ *былинами* разумѣть въ обширномъ смыслѣ и историческія пѣсни и вообще всѣ сказанія, которыя народъ признаетъ былью, тогда названіе *былинный размѣръ* будетъ совершенно уместнымъ и подходящимъ.

Переходимъ ко второму изъ поставленныхъ вопросовъ: почему избралъ я такой, а не другой способъ передачи «Слова»? Это произведеніе воспѣваетъ одинъ изъ случаевъ безконечной борьбы нашихъ предковъ съ кочевниками. Уже это одно обстоятельство сближаетъ «Слово» съ народными былинами, изъ которыхъ очень многія содержатъ въ себѣ изображеніе той же исторической борьбы. Авторъ «Слова» былъ человѣкъ весьма начитанный, и его произведеніе носитъ несомнѣнные слѣды византійскаго вліянія. Однако недюжинный поэтический талантъ, а также, вѣроятно, постоянное участіе въ мірскихъ, житейскихъ дѣлахъ, и слѣдовательно постоянныя сношенія съ народомъ (авторъ, несомнѣнно, былъ княжескимъ дружинникомъ) помѣшали автору сдѣлаться буквѣдомъ-начетчикомъ, старающимся только копировать византійскіе образцы. Византійское вліяніе не уничтожило вліянія русской народной поэзіи на умъ и сердце сочинителя, и вотъ мы видимъ въ «Словѣ» вмѣстѣ съ чертами византійскаго вліянія, черты чисто русской народной поэзіи: многіе обороты, выраженія, цѣлыя картины цѣликомъ напоминаютъ русскія былины. Даже болѣе: въ цѣломъ «Слово» является гораздо больше русскою былинною, чѣмъ книжнымъ византійскимъ произведеніемъ. Еще никто не отрицалъ народности, своеобразности и художественности «Слова». Явилась только въ наше время попытка найти въ «Словѣ» гораздо больше слѣдовъ византійско-болгарскаго вліянія, чѣмъ обыкновенно думали до сихъ поръ. Я разумѣю почтенный трудъ Вс. Миллера «Взглядъ на «Слово о полку Игоревѣ». Это сочиненіе вызвало у насъ обширную литературную полемику, и слѣдствіемъ этихъ споровъ было то, что нѣкоторые изъ взглядовъ автора теперь можно считать опровергнутыми, и за авторомъ «Слова» нужно признавать больше самостоятельности, чѣмъ сколько приписывалъ ему Вс. Миллеръ. Если же мы видимъ въ «Словѣ» большое сходство съ русскими былинами въ оборотахъ, картинахъ, выраженіяхъ, если въ нѣкоторыхъ

мѣстахъ «Слова» замѣтны даже слѣды стихотворнаго размѣра, то слѣдовательно и передавать «Слово» на современный языкъ очень удобно можно слогомъ и размѣромъ народныхъ былинъ. Прибавимъ къ этому еще одно предположеніе. Невыдержанность рѣчи по мѣстамъ, замѣтные иногда недомолвки и какъ будто пропуски даютъ возможность предположить, что «Слово» было черновымъ сочиненіемъ, только матеріаломъ для будущей поэмы. Вѣдь не даромъ авторъ не разъ называетъ свое произведеніе *мыслью!* Можетъ быть, онъ и хотѣлъ впоследствии или самъ спѣть объ Игорѣ, или дать матеріалъ для какого нибудь пѣвца. Можетъ быть, и пѣвалось это «Слово». Можетъ быть, впрочемъ, и не пѣвалось никогда. Можетъ быть, авторъ скоро послѣ составленія «Слова» умеръ; или пѣвца подходящаго не нашлось, потому что обыкновенные народные пѣвцы не совсѣмъ легко могли справиться съ содержаніемъ «Слова», усвоить его себѣ,—очень ужъ много въ немъ книжнаго. Такъ вотъ какъ ты! воскликнетъ читатель: ты эту предполагаемую цѣль автора «Слова», это его предполагаемое желаніе, чтобы «Слово» впоследствии пѣлось, захотѣлъ привести въ исполненіе? Сознаемся. Мы, дѣйствительно, захотѣли попробовать передать «Слово» въ такомъ видѣ, въ какомъ оно, можетъ быть, и *пѣлось*, или какъ *пѣлось бы* въ томъ случаѣ, если бы желаніе автора «Слова» исполнилось. Что оно пѣлось бы хорейми съ дактилемъ на концѣ, въ этомъ я не сомнѣваюсь. Доказательствомъ служить, *между прочимъ* и то, что въ нашей передачѣ очень многія мѣста «Слова» цѣликомъ вошли въ стихъ, безъ всякой передѣлки и безъ перестановки словъ.

Можно, пожалуй, задать намъ такой вопросъ: отчего мы избрали стихъ четырехстопный, между тѣмъ какъ обыкновенный былинный стихъ состоитъ изъ 5, 6 или 7 стопъ (Гильферд. стр. XLII), а четырехстопный употребляется въ былинахъ очень рѣдко? Отвѣтимъ съ обычною нашею откровенностью. Такой размѣръ сначала

былъ избранъ нами совершенно случайно, а именно потому, что начало «Слова» удобно уложилось въ такой размѣръ. Продолжая далѣе писать «Слово», мы все болѣе и болѣе убѣждались, что перелagать такимъ размѣромъ всего легче. Теперь, покончивши передачу «Слова», мы убѣдились, что выбранный нами размѣръ вполне соответствуетъ и содержанію произведенія. «Слово» — не вполне былина: въ немъ много мѣстъ лирическихъ, которыхъ въ былинахъ совсѣмъ не бываетъ. Поэтому слѣдовало, пожалуй, излагать «Слово» не вездѣ одинаковымъ размѣромъ: мѣста эпическія слѣдовало излагать обычнымъ былиннымъ размѣромъ; плачь Ярославны, по нашему мнѣнію, всего удобнѣе было бы изложить двойнымъ амфибрахіемъ; рассказъ о подвигахъ Всеслава, думаемъ, можно было удобно уложить въ анапесты для изображенія быстроты и отрывочности дѣйствія и т. д. Но я чувствую какое то природное отвращеніе къ такимъ скачкамъ, въ такимъ переходамъ въ произведенія. Не лучше ли избрать для всего произведенія какой нибудь средній размѣръ, въ который уложились бы *все* части его? Не лучше ли привести, такъ сказать, всѣ части произведенія къ одному знаменателю? Я разумѣю найти общую мысль и общій тонъ произведенія и сообразно съ этою *общео* мыслию и *общимъ* тономъ избрать и одинъ извѣстный размѣръ. Общая мысль «Слова» — сожалѣніе о княжескихъ усобицахъ, послѣдствіемъ которыхъ была, между прочимъ, гибель Игоря; общій тонъ произведенія грустный. Итакъ, «Слово» есть былина съ общимъ грустнымъ тономъ и съ лирическими грустными изліяніями. Стало быть, и размѣръ для «Слова» всего удобнѣе такой, который употребляется какъ въ эпическихъ народныхъ произведеніяхъ, такъ и въ лирическихъ.

А такимъ именно размѣромъ и является четырехстопный хорео-дактиль. Что этотъ размѣръ не чуждъ былинному эпосу, это видно изъ того же сборника Гильфердинга. Въ доказательство же того, что три хоренческихкія стопы съ четвертымъ дактилемъ встрѣчаются и въ

лирическихъ народныхъ пѣсняхъ, приведемъ нѣсколько примѣровъ:

1) „Какъ бы знала какъ бы вѣдала
Неприятство друга милого,
Нелюбовь друга сердечнаго,
Не сидѣла бы поздно вечеромъ...“

Размѣръ—три хорее и дактиль на концѣ. Въ послѣд немъ стихѣ однако вторая стопа—тоже дактиль. Такая замѣна хорее дактилемъ допускается въ этихъ стихахъ, и при такой замѣнѣ стихъ раздѣляется на двѣ вполне соответствующія половины или какъ бы раздѣляется на два стиха, что выходитъ очень благозвучно при пѣнии. Вотъ такой-то хорео-дактилическій стихъ, состоящій по мѣстамъ изъ трехъ хореевъ съ четвертымъ дактилемъ, по мѣстамъ изъ двухъ хорео-дактилей, очень часто употребляется въ лирическихъ пѣсняхъ.

2) „Ни въ умѣ было ни въ разумѣ
Въ помышленнн тогѣ не было.
Чтобъ красной дѣвицѣ, замужъ йдти.
Собзвѣлялъ такъ сударь батюшка“ и т. д.

Здѣсь только въ 3-мъ стихѣ является въ началѣ лишній слогъ *чтобъ*. Во всѣхъ другихъ стихахъ правильный размѣръ двухъ указанныхъ видовъ.

Свадебныя пѣсни:

3) „Изъ-за дѣсу дѣсу темнаго,
Изъ-за гѣръ дѣ гѣръ высокнхъ,
Что летить стадо гусное,
А другбе лебѣднбе...“

4) Ты рѣка ли моя рѣченка,
Ты рѣка ли моя быстраа!
Тебѣ нѣ *) тѣсно-ль моя рѣченка,

*) Удареніе здѣсь скрадывается при пѣнии, такъ что вмѣсто хорее выходитъ трибрахій—замѣна вполне законная.

Тебѣ не тѣсно-ль моя быстрая?
 Ка бы мнѣ-то было не тѣсно
 Я съ пескомъ бы не мутилася“ (и т. д.).

Последнія двѣ пѣсни какъ разъ соотвѣтствуютъ по тону и содержанию нашему «Слову». Эти свадебныя пѣсни, какъ и всѣ почти, отличаются грустнымъ содержаниемъ и поются грустнымъ напѣвомъ; но, какъ видно изъ приведенныхъ стиховъ, въ этихъ пѣсняхъ съ вліяніями чувствъ соединено не мало эпическихъ описаній и картинъ. Итакъ, избравши размѣръ сначала совершенно случайно, я теперь утверждаю, что таковой именно, а не другой размѣръ и слѣдовало избрать для передачи, «Слова о полку Игоревѣ».

Теперь остается отвѣтить на 3-й вопросъ для чего мы рѣшились сдѣлать такое переложеніе? Вотъ мой отвѣтъ. Далеко не всѣмъ русскимъ извѣстно это замѣчательное произведеніе, да и не можетъ быть всѣмъ извѣстно. Читать «Слово» въ подлинникѣ не всякому возможно. Даже тѣмъ, которые достаточно ознакомились съ языкомъ древнимъ церковно-славянскимъ и древнимъ русскимъ, даже тѣмъ — говорю — читать «Слово» въ подлинникѣ не всякому возможно. Даже тѣмъ, которые достаточно ознакомились съ языкомъ древнимъ церковно-славянскимъ и древнимъ русскимъ, даже тѣмъ — говорю — читать «Слово» въ подлинникѣ довольно затруднительно. На каждое почти выраженіе, чуть не на каждое слово въ знаменитомъ произведеніи существуетъ масса иногда — разнорѣчивыхъ объясненій. Читающій «Слово» съ такими объясненіями долженъ совершенно теряться въ массѣ послѣднихъ, и красоты *много* должны ускользать отъ такого читателя. Изъ существующихъ же стихотворныхъ переложеній «Слова» ни одно — по моему мнѣнію не можетъ ознакомить съ произведеніемъ сколько —нибудь основательно. Во 1-хъ, въ «Словѣ» много мѣстъ оставалось до послѣдняго времени необъясненныхъ, совершенно непонятныхъ; не всѣ мѣста объяснены и въ наше время. И вотъ въ существующихъ передѣлкахъ «Слова», авторы

которыхъ не были знакомы съ новѣйшими научными изслѣдованіями этого произведенія, во многихъ мѣстахъ смыслъ памятника передается не вѣрно, и читатели вводятся въ заблужденіе. Немало заблужденій можетъ происходить и отъ того, что мѣста совсѣмъ непонятны иногда прямо выпускаются перелагателями. А по моему мнѣнію, слѣдуетъ передавать непремѣнно *все* „Слова“ безъ всякихъ пропусковъ, хотя бы приходилось налагать по мѣстамъ лишь собственную произвольную догадку: это нужно для того, чтобы читатели—покрайней мѣрѣ—усвоили понятіе о цѣломъ объемѣ „Слова“ и объ его частяхъ. Это съ одной стороны. Съ другой же стороны, переложеніе—по моему мнѣнію—должно быть совершенно близко къ подлиннику. Перелагатель не имѣетъ права произвольно одну часть произведенія слишкомъ расширять, другую сокращать. По возможности, даже слѣдуетъ употреблять самыя слова и выраженія подлинника, для того чтобы отношеніе по объему между частями передѣлки—по крайней мѣрѣ—близко соотвѣтствовало отношенію частей въ подлинникѣ. Причина опять та же, о которой мы упоминали: нужно познакомить читателя съ *дѣйствительнымъ* объемомъ „Слова“ и съ *дѣйствительнымъ* соотношеніемъ его частей. Этому требованію совсѣмъ не удовлетворяютъ существующія переложенія. Самый размѣръ, самый подборъ рѣчь долженъ былъ стѣснять перелагателей, заставляя ихъ прибѣгать къ сокращеніямъ и распространеніямъ. Да и кромѣ того—видимо—перелагатели придавали слишкомъ мало значенія соразмѣрности частей «Слова». *)

*) Не упоминаю о передѣлкѣ „Слова“, поминавшейся—заслужило поминъ—въ „Семейныхъ вечерахъ“: въ ней употребленъ *народный* размѣръ—въ обыкновенно принимаемомъ смыслѣ, то есть нѣтъ никакого размѣра; многія мѣста переданы невѣрно, нѣкоторыя—совсѣмъ безъ смысла.

Прим. авт.

Своею передѣлкою я хотѣлъ дать читателямъ возможно вѣрнѣйшее понятіе о «Словѣ». Я вооружился новѣйшими учеными изслѣдованіями Вс. Миллера, Веселовскаго («Ж. М. Н. Пр.» за 1877 г.) и Потебни («Филологіч. Зап.» 1878 г.), и по нимъ постарался хорошенько понять и усвоить себѣ «Слово о полку Игоревѣ». — Я старался излагать «Слово» возможно ближе къ подлиннику, старался даже прямо укладывать его выраженія въ стихи безъ всякой перемѣны. Мѣста, которыя и доселѣ не объяснены и не поняты учеными, я старался самъ понять хоть какимъ-нибудь способомъ и всетаки вносилъ въ стихи эти свои догадки, чтобы ничего не оставалось пропущеннаго. Лишь одно мѣсто я — признаюсь — совсѣмъ не могъ понять и прямо выпустилъ. Вотъ это мѣсто: «Ревъ Боянъ (и ходы на святъславля пѣстворца стараго времени Ярославля ольгова богаляхоти). Пропущенныя мною слова поставлены здѣсь въ скобкахъ и написаны такъ, какъ читались въ рукописи. Много объясненій существуетъ на эти слова, но всѣ объясненія — по моему — не имѣютъ достаточныхъ основаній и даже только затемняютъ дѣло. — Насколько моя передѣлка удовлетворяетъ указанной цѣли дать читателямъ возможно точное и вѣрное понятіе о Словѣ, пусть судятъ другіе.

Другая цѣль моя была — высказать свои взгляды на то, какъ должно быть перелажено «Слово о полку Игоревѣ» и подтвердить свои взгляды собственнымъ примѣромъ. Такимъ образомъ моя передѣлка можетъ служить примѣромъ и матеріаломъ для другихъ писателей, которые сумѣютъ — можетъ быть — лучше насъ воспользоваться нашими указаніями. Впослѣдствіи я надѣюсь присоединить къ своимъ стихамъ замѣчанія о томъ, почему я перевелъ такое-то мѣсто такъ, а не иначе, какъ я понимаю данное мѣсто и на какихъ основаніяхъ.

Наконецъ, у насъ нерѣдко являлась при передачѣ «Слова» одна чрезвычайно сладостная мечта. Вотъ что

рассказываетъ Гильфердингъ въ вышеуказанномъ предисловіи.

«Я записывалъ былины со словъ крестьянки Матрени Меньшиковой, записалъ былинку про Илью Муромца, какъ онъ пришелъ въ Кіевъ каликою и сталъ поить «голей кабацкіихъ», записалъ вариантъ рѣдкой и единственно въ Кенозерѣ слышанной мною былины про Щелкана Дудентьевича, какъ вдругъ Меньшикова, сказавъ, что знаетъ еще хорошую старинку, затѣла:

„Были юные Ово и дѣвушка Мара,
Двое съ трехъ лѣтъ выростала,
Одною водицей умывались“ и т. д.

словомъ, пропѣла до конца всю предлинную сербскую пѣсню про Юву и Мару въ переводѣ Щербины. «Отъ кого, спрашиваю, ты этой старинкѣ научилась?» — «Да отъ стариковъ нашихъ слыхала, отецъ и другіе старики пѣвали». Этотъ отвѣтъ показывалъ, что пѣвица уже не отличала Ювы и Мары отъ другихъ «старинъ», которыми она заимствовала отъ родителей; потомъ изъ разговора съ нею я узналъ, что мужъ у нея грамотный и сынъ, тоже выучившійся грамотѣ, бывалъ въ Петербургѣ. Такимъ образомъ не трудно было догадаться, что въ немъ въ домъ попалъ экземпляръ Щербиновской «Пчелы», и что мужъ или сынъ прочиталъ въ слухъ при Матренѣ переводъ Ювы и Мары. Но знаменательнъ фактъ усвоенія этой поэмы безграмотною кенозерскою крестьянкою, не смотря на чуждый русскому уху складъ стиха, на непонятныя слова, которыми поэма пересыпана. Несмотря на все это, она въ состояніи была пропѣть всю сербскую поэму также плавно и безъ запинки, какъ какую нибудь родную былинку. Она примѣняла сербскій стихъ къ нашему эпическому складу, протягивая хорическое его окончаніе, такъ что оно занимало темпъ даятія, она преисправно произносила слова «тамбура», «горная вила», «родимая майка» и проч. Не показываютъ ли эти факты, что тамъ, на Кенозерѣ, воздухъ,

такъ сказать, еще пропитанъ духомъ эпической поэзіи, что эта поэзія тамъ не только не вымираетъ, а даже еще ищетъ себѣ новыхъ предметовъ? То же самое можно сказать и про Водлозеро, гдѣ только начинаютъ прививаться былины».

Отсюда мы видимъ, что народъ нашъ способенъ воспринимать литературныя произведенія, если они и по содержанію и по тону удобны для такого воспріятія, если они изложены простымъ, понятнымъ языкомъ и напоминаютъ собой родныя былины. Что если мою передѣлку «Слова» услышитъ какой-нибудь русскій пѣвецъ и начнетъ пѣть ее на ряду съ другими былинами? Пускай онъ ее хоть передѣлаетъ, хоть переверкаетъ, только бы «Слово о полку Игоревѣ» сдѣлалось народнымъ достояніемъ! Но нѣтъ, это была бы для насъ слишкомъ большая честь! Пусть такой чести удостоится не моя «Пѣснь о походѣ Игоря», а та будущая, которой я ожидаю отъ нашихъ поэтовъ, если они воспользуются, какъ матеріаломъ, нашими указаніями и нашимъ примѣромъ!

Господи! Когда же начнется сближеніе нашей литературы съ русскою народною поэзіею? Когда же начнется ихъ взаимодѣйствіе?

О, если бы намъ дожить хоть до начала этого сближенія!

Словесникъ.

ПѢСНЬ О ПОХОДѢ ИГОРЯ.

(Сына Святославова, внука Олегова).

Не начать ли намъ, о братіе,
Не запѣть ли по старинному
Про походъ несчастный Игоря
Святославича удалаго?
Нѣтъ, споемъ мы не постарому,
Не по замысламъ Бояновскимъ,—
По былинамъ просто нынѣшнимъ.
Вѣдь Боянъ-то вѣщій, братіе,
Начиналъ ли пѣснь кому-либо,
Прыгалъ мыслию (векшею?) по дереву,
Улеталъ орломъ подъ облаки,
Сѣрымъ волкомъ по землѣ скакалъ.
Напускалъ онъ десять соколовъ
Что на стадо лебединое,
И котору лебедь бѣлюю
Младъ—ясень соволъ захватывалъ,
Та сейчасъ же начинала пѣснь
Ярославу, князю старому,
Иль тому Мстиславу храброму
Что Редюю поборолъ въ бою
Предъ полками предъ Касожскими,
Иль Роману Святославичу,

Князю красному удалому.
 Пѣть, Боянъ не 10 соколовъ
 Не на стадо лебедей пускалъ,—
 Пальцы вѣщїе онъ вскидывалъ
 На живныя струны громкія;
 Струны сами начинали пѣть
 Славу Русскимъ удалымъ князьямъ.
 Такъ начнемъ же пѣснь, о братїе,
 Мы отъ стараго Владимїра
 Вплоть до нынѣшняго Игоря.

* * *

Закаливши душу доблестью,
 Закаливши сердца мужествомъ,
 Духа ратнаго наполнившись,
 Игорь—князь повелъ полки свои
 Что на землю Половецкую
 Мстить за нашу землю русскую.
 Глянулъ князь на солнце свѣтлое:
 Потемнѣло красно солнышко,
 Тьмой покрыло храбрыхъ воиновъ.
 И сказалъ тутъ князь дружинишѣмъ:
 „Ай вы, братья—други вѣрные!
 Лучше намъ ужъ всѣмъ убитымъ быть,
 Чѣмъ къ поганымъ попадаться въ плѣнъ.
 Ну, да что тутъ разговаривать!
 Сядемъ, братья, на борзыхъ коней
 И посмотримъ Дона синяго!“
 Такъ запала князю въ душу мысль,
 Залегла глубоко на сердце,—
 Не хотѣлъ смотрѣть на знаменье,
 Все хотѣлъ увидѣть синїй Донъ.
 Говоритъ онъ: „люди Русскїе!
 Съ вами я кочу коньѣ ломать
 Въ дальнемъ полѣ Половецкомъ,
 Шлемомъ пѣть изъ Дона синяго!“
 Ай ты, древнїй соловей Боянъ!

Если бѣ ты былъ живъ до этихъ поръ,
 Ты бы спѣлъ гораздо лучше насъ
 Про походъ, про дѣло Игоря:
 Ты запрыгалъ бы по дереву
 По своему по душевному,
 Залетѣлъ бы въ облака орломъ,
 Вспомнилъ старое и новое,
 Побѣждалъ троюй Троянскою,
 Побѣждалъ бы по полямъ, горамъ:
 Да и внуку-то Боянову
 Не начать ли пѣть про Игоря
 По старинѣ, по—бояновски?
 Не начать ли пѣснь хоть такъ вотъ:
 „Не несетъ-то буря соколовъ
 Черезъ тѣ поля широкія,
 А летять стадами галицы
 Бѣ Дону синему великому“?
 Иль начать, Боянъ, Велесовъ, внукъ:
 За Сулою борзы кони ржутъ;
 Что звенить ли слава въ Киевѣ;
 Трубы трубать въ Новѣгородѣ;
 А въ Путылѣ знамена стоятъ;
 Ожидаетъ храбрый Игорь князь
 Всеволода, брата милаго.“
 И сказали удалый Всеволодъ:
 „У меня одинъ ты—свѣтлый свѣтъ,
 Милый Игорь, мой единый братъ,
 А мы оба—Святославичи!
 Ты сѣдлай, братъ, коней борзыхъ;
 А мои-то вѣдь готовы ужъ:
 Въ Курскѣ ранѣ осѣдланы,
 А мои Куране храбрые.
 Знаютъ всѣ дѣла военныя:
 Всѣ подъ трубами пеленаны
 Подъ шеломами влелѣяны,
 А съ конца копья воссормлены;
 Всѣ пути имъ въ полѣ вѣданы,

Всѣ дороги поразузнаны;
 У нихъ луки ужъ натянуты;
 А волчаны поотворены,
 У нихъ сабельки наточены;
 Сами, точно волки сѣрые,
 Скачуть по полю широкому,
 Ищуть чести для себя самихъ,
 А для князя славы громкія.
 Игорь—князь вступилъ тутъ въ златъ стремя,
 Поскакалъ по полю чистому.
 Солнце тьмою заграждало путь;
 Грозно ночь стонала черная;
 Поднимался сильный птицій свистъ;
 Поднялися звѣри лютые;
 Поднялася вверхъ и Пугачь-Нужда,
 Закричалъ онъ сверху дерева,
 Подать знакъ землѣ всей вражеской:
 И Поволжью, и Посулію,
 Морю Черному съ Сурожскимъ,
 И Борсуню Черноморскому,
 И тебѣ, болвану—идолу,
 И тебѣ—Тмутараканскому.
 Какъ услышали крикъ Половцы,
 Побѣжали всѣ прямымъ путемъ,
 И дорогъ не разбираючи,
 Прямо къ Дону ко великому.
 Въ полночь такъ скрипятъ телѣги ихъ,
 Словно спугнутые лебеди.
 Игорь—князь сюда ведетъ войска.
 Птицы ждутъ его ногибели,
 Ужъ къ пожнѣвъ приготовились;
 По оврагамъ волки сѣрые
 Грозно воютъ, тоже корму ждутъ;
 Крикъ орловъ воветь звѣрей къ тѣламъ;
 На щиты лисицы тавкають...
 Ужъ не видно Руси-матушки:
 За холмомъ она сокрылася!...

Слѣшкомъ долго ночь тянулася;
 Все не видно свѣта—зорюшки;
 Всѣ поля покрылись мракомъ—тьмой,
 Смогло пѣнье соловьиное;
 Поднимался говоръ галичій.
 Вотъ ужъ Русскіе устроились:
 Ужъ щитами тѣми красными
 Позакрыли поле чистое,
 Поле чистое, широкое,—
 Ищутъ чести для себя самихъ,
 А для князя славы громкія.
 Рано утромъ было въ пятницу
 Побѣдили наши Половцевъ,
 Потоптали всѣхъ поганиныхъ;
 Понеслися наши по полю,
 Въ разсыпную всѣ стрѣлой летать,
 И помчали красныхъ дѣвушекъ,
 Красныхъ дѣвокъ Половецкихъ,
 Съ ними злато, ткани шелковы
 Да парчу все драгоцѣнную;
 Армяками и бафтанами,
 Кожухами Половецкими,
 Всякимъ ихъ шитьемъ узорчатымъ
 Даже начали мосты мостить
 По болотамъ, по грязнымъ мѣстамъ.
 Красно древо съ бѣлымъ знаменемъ,
 Съ красной челмою—бунчукомъ вверху
 И копы посеребренное
 Доставались въ руки Игорю,
 Святославицу хороброму.
 Вотъ гнѣздо Олега храброе
 Дремлетъ въ полѣ Половецкомъ,—
 Какъ далеко залетѣло ты!..
 Ты въ обиду не давался
 Что ни соволу, ни вретету,
 Ни тебѣ вѣдь, черну ворону,
 Половчанину поганому:

Не на то порождено было!
 Но ужъ Гзаянъ бѣжитъ, какъ сѣрый волкъ,
 И Бончагъ вслѣдъ къ Дону синему.
 На другой-то день ранешенью,
 Предъ рззсвѣтомъ было солнечнымъ
 Поднялись зори кровавыя;
 Съ моря идутъ тучи черныя,
 Чтобъ прикрыть четыре солнышка,
 А въ тѣхъ тучахъ сныи молніи...
 Значить, грому быть великому,
 Знать, идти дождю изъ стрѣлочекъ
 Съ Дона синяго широкаго;
 Знать, тутъ копьямъ приломатится,
 Тутъ и саблямъ притупитися
 О шелома Половецкіе
 Все на той Калгѣ рѣченькѣ,
 Да у Дона у великаго...
 Ужъ не видно Руси—матушки:
 За холмомъ она сокрылася!..
 Вотъ завили внуки Стрибога,
 Вѣтры стрѣлами повѣяли
 На поля удалы Игоря;
 Зазвенѣла мать-сыра земля,
 Пыль покрыла поле чистое;
 Затрещали у знаменъ стяги.
 Вотъ отъ Дона идутъ Половцы
 И отъ моря, и со всѣхъ сторонъ,
 Окружили войско Русское;
 Дѣти бѣсовы загаркали,
 Крикомъ всѣ поля наполнили,
 Наши русскіе удалые
 Всѣ щитами оградилися.
 Ай удалый, аръ волъ-Всеволодъ!
 Ты стоишь въ передовомъ полку,
 Прищещь стрѣлами на воиновъ,
 Ты гремишь мечемъ булатнымъ
 О шелома Половецкіе.

И куда вѣдь ни поскочишь ты,
Шлемомъ тѣмъ златымъ блистаючи,
Тамъ лежать грудами головы
Половецкія—поганья.
У тебя же, яръ-воль Всеволодъ,
Острой саблею каленою
Шлемы Половецвъ порублены,
Шлемы крѣпкіе Оварскіе.
На какую рану, братіе,
Можетъ тотъ смотрѣть, заботиться,
Кто оставилъ честь, богатство,
Кто оставилъ свой Черниговъ градъ
И отцовскій золотой престолъ,
И свою жену любезную,
Дорогую милу Глѣбовну?!?
Да, была война Троянская,
Было время Ярославово;
Были рати и Олеговы,
То Олега Святославича.
Все крамолы тотъ Олегъ ковалъ,
По землѣ все стрѣлы сѣялъ онъ;
Часто онъ ступалъ во златъ стремя
Близъ Тмутаракани города.
Ярославъ—великій, старый князь,
Этотъ звонъ немного слыхивалъ,
А Владиміръ, Всеволодовъ сынъ,
Даже каждый день въ Черниговѣ
Уши накрѣпко закладывалъ.
А Бориса Вячеславича,
Молодаго князя храбраго,
Довело до смерти мужество,
Уложило на зеленъ коверъ,
Что на ту ли на ковилъ траву,
За обиду за Олегову.
А отца-то Святополкова
Съ той рѣки Каапы въ Кіевъ градъ
Ко святой Софіи вывезли

Что на тѣхъ на воняхъ Угорскихъ.
При Олегѣ Гориславичѣ
Отъ усобищъ горе сѣялось,
Отъ усобищъ разросталось;
Жизнь Дажбожьихъ внуковъ гинула,
И отъ тѣхъ враномъ отъ княжескихъ
Всѣхъ людской короче дѣлался,
Рѣдео пахарь напѣвалъ тогда,
Часто вороны лишь каркали,
И дѣлились часто трупами;
Галки тоже поднимали рѣчь,
На добычу опускался.
Вотъ что было, братцы, въ тѣ поры
Были вотъ каки' побойща
И походы—войны страшныя!
А таковой войны не слыхано!
Съ утра ранняго до вечера
И отъ вечера до бѣла дня
Все летять стрѣлы каленныя,
Гремлють въ шлемы сабли вострыя,
Копья ломаются булатныя
Въ Половецкомъ полѣ вражескомъ;
А земля то подъ копытами
Вся кругомъ востыми усѣяна
И полита кровью красною:
Отъ востей въ Руси печаль взошла.
Что шумить на ранней зорюшѣ?
Что звенить до свѣта бѣлаго?
Игорь—князь къ полкамъ направился,
Воротить назадъ ихъ хочетъ онъ,
Пожалѣвши брата милаго.
Но ужъ то былъ битвы третій день,
И въ полудню стаги Игоря
Всѣ на землю ужъ попадали.
Туть-то братья разлучались
У Каяды той на берегѣ.

Знать, ужъ больше не хватило тутъ
 На пиру вина кроваваго,
 И закончили пиръ Русскіе:
 Напоивши сватовъ до пьяна,
 Полегли за землю Русскую.
 Травы съ жалости поникнули,
 И къ землѣ деревья клонятся.

* * *

Отчего жъ такое горюшко
 Вдругъ постигло землю Русскую?
 Оттого, что поднялась Нужда
 Поднялась Бесталанница,
 Уничтожила богатство.
 Во владѣньяхъ внуковъ Дажбога
 Поднялась обида лютая:
 Прилетѣла страшной дѣвою
 Къ морю, въ землю ту Троянскую,
 Заплескала громко крыльями
 Все крылами лебедиными
 У того у Дона синяго
 И прогнала время счастья!
 У князей пошли усобицы,
 Начинаютъ воевать князья
 Не съ погаными, а съ Русскими;
 Говорить ужъ началъ брату братъ:
 „То-мое, и это все мое!“
 Начали ковать крамолушки,
 Называть великимъ чужое!
 Тутъ со всѣхъ сторонъ поганые
 И пошли на землю Русскую...
 Ай ты Игорь, младъ ясенъ соколъ!
 Какъ далеко за охотою
 Улетѣлъ ты къ морю синему!
 Ужъ полку твоему храброму
 Ни во вѣки не воскреснути!
 Послѣ страшнаго побоища,

Послѣ Игоревой гибели
 Эти Половцы поганые
 Налегли на землю Русскую,
 Влижутъ голосомъ побѣднымъ
 И стрѣляютъ въ насъ живымъ огнемъ
 Что изъ тѣхъ роговъ изъ пламенныхъ.
 А ужъ наши жены русскія
 Во слезахъ тутъ слово молвили:
 «Ужъ намъ милыхъ дорогихъ мужей
 Что ни думой—видно—сдумати,
 Что ни мыслию помыслити,
 Ни очами не увидѣти,
 Злата—серебра не нашивать».
 Кіевъ—градъ стоналъ отъ горести,
 А Черниговъ отъ напастей злыхъ;
 На Руси тутъ разлилась тоска,
 Потекла печаль великая.
 Но и тутъ князья не унялись:
 Все вуютъ брамоны, ссорятся;
 А поганые со всѣхъ сторонъ
 Налетѣли къ намъ съ побѣдами
 И со всѣхъ дворовъ собирали дань.
 Двое храбрыхъ Святославичей
 Несогласьемъ дѣло спортили
 И на Русь пустили Половцевъ.
 Усмирить—было поганныхъ
 Святославъ великій Кіевскій:
 Онъ на землю Половецкую
 Со грозой напалъ великою,
 Разгромилъ мечемъ булатнымъ,
 Притопталъ холмы съ оврагами,
 Рѣвы высушилъ съ болотами,
 Кобяка того поганого
 Съ лукоморья вихремъ выдернулъ,
 И упалъ Кобякъ во Кіевѣ,
 Въ Святославовой во гридниці.
 Здѣсь и Нѣмцы, и Венедицы,

Здѣсь и Греки, и Моравляне
 Славу кличуть Святославу
 И жалѣють князя Игоря,
 Что на днѣ Баялы русское
 Потопилъ онъ все богатство.
 Игорь князь изъ золотѣ сѣдла,
 Изъ сѣдла изъ княженецкаго,
 Пересѣлъ въ сѣдло во плѣнничье
 Въ градахъ стѣны припечалились,
 Превратилося веселіе.

* * *

А во градѣ стольномъ Кіевѣ
 Святославъ увидѣлъ смутный сонъ
 И боярамъ такъ рассказывалъ:
 »Прошлой ночью здѣсь, во Кіевѣ
 Одѣвали въ полотно меня,
 Въ полотно меня во черное
 Что на той кровати тисовой;
 Зелено вино мнѣ черпали,
 Зелено вино съ отравою;
 Крупный жемчугъ на грудь сыпали
 Изъ волчановъ вражьихъ, Торческихъ,
 Отъ поганыхъ Торковъ купленныхъ;
 Потолокъ висѣлъ безъ матицы
 Въ златоверхомъ княземъ теремѣ.
 На горѣ всю ночь на Бусовой
 Все покаркивали вороны;
 А у города у Пльсенска
 На равнинѣ дебри выросли;
 Городъ Кіевъ переставился,
 Перешелъ онъ къ морю синему».
 Тутъ боаре князю молвили:
 «Знать, печаль заполонила умъ,
 Завладѣла сердцемъ княжескимъ,
 Оттого-знать-что два сокола
 Полетѣли въ страны дальнія

Отъ злата стола отцовскаго
 Воротивъ Тмутаравань городъ.
 И у этихъ ясныхъ соколовъ
 Ужь и крылья притомилися
 Все отъ тѣхъ ударовъ вражескихъ;
 Ясныхъ соколовъ опутали
 — Видно—путами желѣзными:
 Вѣдь не даромъ по уходѣ ихъ
 Солнце красное затмилось.
 Два померели солнца красные,
 Два столпа багряныхъ сгнули;
 Съ ними два младые мѣсяца
 Тьмою-мракомъ призакрылися,
 Словно въ море погрузилися,
 На велику радость Половцамъ.
 На Каялѣ тьма покрыла свѣтъ;
 Разошлись по Руси Половцы,
 Словно барсы, звѣри лютые.
 Ужь про насъ худая славушка
 На землѣ распространилася,
 Побѣдила славу добрую.
 Даже красны дѣвы Готскія
 Нынче звонять Русскимъ золотомъ
 И поють у моря синяго,
 Вспоминають время Бусово,
 Отомститъ ужъ намъ надѣются
 За погибель Шаруканову.
 Да, настало время тяжкое:
 Нужда злая—Безталанница
 Охватила землю Русскую.
 А ужъ мы, твоя дружинишка,
 Ожидаемъ утѣшеньица.
 Имъ въ отвѣтъ сказалъ великій князь,
 Золотое слово выренилъ,
 Со слезами пережѣвано:
 «Ахъ вы, милые племяннички!
 Милый Игорь, милый Всеволодъ!

Рано начали вы Половцевъ
 Бить мечами-то булатными
 И себѣ исхвяти славушки.
 Одолѣть-то одолѣли вы,
 Проливали кровь поганую,—
 Но вѣдь славы тѣмъ не добыли.
 Молоды сердца крѣпки у васъ;
 Будто сталию закованы,
 Таѣь окрѣпли въ дѣлѣ ратномъ:
 Но о томъ вы не подумали,
 Каково терпѣть мнѣ старому?
 Я не вижу съ вами сильнаго,
 Храбрымъ воинствомъ богатаго
 Ярослава изъ Чернигова
 Со великими боярами,
 И съ Шельбирами, съ Топчавами,
 И съ Регувами, съ Ольберами,
 (Тѣ, съ ножами лишь въ рукахъ своихъ,
 Безъ щитовъ, одними кривыми
 Побѣждаютъ всѣхъ поганныхъ
 И стоятъ за славу дѣдовску).
 Вы пошли безъ всякой помощи,
 Горделиво похваляясь:
 «Смѣло въ путь! Одни сравняемся»
 Мы съ другими славой ратною
 И впередъ на вѣкъ прославимся?»..
 При такихъ дѣлахъ, о братіе,
 Ужъ не диво будетъ старому
 Мнѣ совсѣмъ помолодѣть опять!
 Вѣдь и соколъ за гнѣздо стоитъ,
 Вверхъ взлетаетъ, побиваетъ птиць,..
 Не даетъ дѣтей въ обидушку.
 Но вѣдь вотъ бѣда великая:
 Изъ князей никто не явится
 Помогать мнѣ, князю старому.
 Времена перевернулись!
 Стонутъ Римовичи бѣдныя.

Подъ мечами Половецкими;
 А Владиміръ, весь израненный,
 Все тужить, тоскуеть Глѣбовъ сынъ».

* * *

Ай же, князь великій Всеволодъ!
 Ты не хочешь ли изъ дальнихъ странъ
 Поскорѣй перелетѣть сюда
 Побережь стола отцовскаго?
 Ты вѣдь можешь Волгу-матушку
 Расплескать, разбрызгать веслами,
 Донъ весь вычерпать шеломами,
 Да и по суху стрѣляешь ты
 Что живыми самострѣлами,
 Сынвьями Глѣба храбрыми.
 Еслибъ ты пошелъ на Половцевъ,
 Захватилъ бы ты великъ полонъ:
 Половчанинъ за двугривенный,
 Половянка за полтинничекъ
 На Руси бы покупалися.
 Славный Рюрикъ и Давыдъ князья!
 Не у васъ ли въ крови плавали
 Ваши племы золоченые?
 И у васъ дружина храбрая
 Не рыкаетъ ли, какъ ярый туръ,
 Въ дальнемъ полѣ сильно раненный!
 •Такъ вступите, господа мои,
 Въ золотыя стремена скорѣй
 Отомстите за обиду злу,
 За обиду злую новую,
 И за нашу землю Русскую,
 Что за тѣ ли раны Игоря
 Святославича Удалаго!
 Ярославъ Осмомыслъ Галицкій!
 На столѣ ты высоко сидишь
 На своемъ на златокованномъ,
 И полками ты желѣзными

Подпираешь горы Угорски;
 Королю ты заграждаешь путь,
 Затворяешь ворота къ рѣкѣ
 Ко Дунаю ко великому;
 Мечешь тяжести чрезъ облаки;
 Судишь-радишь по Дунай-рѣкѣ.
 Отъ тебя гроза великая
 По землѣ по всей расходится:
 Отворяешь врата въ Кіевъ-Градъ;
 Съ золота стола отцовскаго
 Бьешь султановъ ты далекихъ.
 Господишь великій! Бей-стрѣляй
 Кончака, раба поганого,
 Что за нашу землю Русскую,
 Что за тѣ ли раны Игоря,
 Святославича удалаго!
 Ай Романъ, Мстиславъ Волынскіе!
 Ваше сердце молодецкое
 Часто къ дѣлу побуждаетъ васъ.
 Ты, Романъ, высоко плаваешь,
 Выше птицы-ясна сокола,
 Что летаетъ по поднебесью,
 Крылья въ воздухъ расширивши.
 Есть у васъ поля желѣзные
 Подъ шеломами латинскими.
 Отъ полковъ трещить сыра земля;
 Многи страны ужъ узнали ихъ:
 Ужъ Ятвяги съ Деремелою
 И Литва и эти Половцы
 Побросали всѣ оружіе,
 Преклонили буйны головы
 Что подъ тѣ мечи булатные.
 А для млада князя Игоря
 Ужъ давно померкъ свѣтъ солнечный,
 И съ деревъ листы попадали;
 По Сулѣ, по Роси Половцы
 Подѣлили грады Русскіе;

А ползаетъ ужь князя Игоря
Ни во вѣки не воскреснута.
Князь Романъ! Ужь влечеть Донъ тебѣ,
На побѣду всѣхъ князей зоветь.
Ужь пошли на брань Ольговичи,
Всѣ Ольговичи хорообрѣе.
Ай, князя Ингварь и Всеволодъ
И всѣ братья три Мстиславичи!
Изъ гнѣзда вы знаменитаго:
Не побѣдой взяли княжества.
Что-жь у васъ лежать, не дѣйствуютъ
Золотые шлемы свѣтлые
И щиты и копьѣя лясскіе?
Заградите вы путь Половцамъ,
Бейте ихъ стрѣлами острыми
Что за нашу землю Русскую,
Что за тѣли раны Игоря,
Святославича удалаго!
Вѣдь пора: подъ крикомъ вражескимъ
Ужь не струйкою серебряной,
Потекла Сула грязной водой
Да подъ тотъ Переяславль городъ.
Точно также и Двина-рѣка
Ужь течетъ болотомъ грязнымъ
Къ Полочанамъ, грознымъ воинамъ.
Изяславъ одинъ, Васильковъ сынъ,
Позвонилъ мечами острыми
По литовскимъ племамъ вражескимъ,
Поддержалъ онъ славу дѣдовску,
Славу дѣдовску, Всеславу;
А ни кѣмъ самъ не поддержанъ былъ;
Самого мечи литовскіе
Уложили добра молодца
На травѣ на окровавленной
Подъ щитами да подъ красными.
Тутъ обнялся онъ со смертію,
Будто съ милой на кроватушкѣ,

И сказалъ: «твою дружину, князь,
 Приодѣли птицы крыльями,
 Кровь слезали звѣри лютые».
 Брячислава, брата милаго,
 Брячислава не случилось тутъ;
 И другаго брата не было,—
 Былъ далеко милый Всеволодъ.
 Изяславъ былъ одишеченекъ;
 Одинокій душу выронилъ,
 Душу свѣтлую жемчужную
 Изъ своего тѣла крѣпкаго
 Черезъ златое ожереліе.
 Трубы трубятъ Городенскія,
 Трубятъ всѣ печальнымъ голосомъ,
 Прекратилося веселіе.
 Ярославъ съ своими братьями,
 Всѣ внучата вы Всеславы!
 Преклоните знамена свои,
 Бросьте вы мечи заржавлены:
 Съ дѣдомъ вамъ ужь не равняться,
 Отъ того что вы кралолами
 Навели на землю Русскую,
 На владѣнія Всеславы,
 Сами тѣхъ враговъ поганыхъ.
 А Всеславъ-то князь премудрый былъ.
 На седьмомъ вѣку Троянское мѣ
 Порѣшилъ Всеславъ достать себѣ
 Дорогую милу дѣвицу;
 Онъ со всей собрался хитростью,
 На коня вспрыгнулъ на быстрого
 И свочилъ во граду Кіеву;
 Онъ кошемъ коснулся острымъ
 До стола златаго Кіевска,
 И бѣжалъ тотчасъ изъ Бѣлграда;
 Въ полночь синей мглой окутавшись,
 Поскакалъ онъ какъ бы лютый звѣрь.
 А на утро, громко крикнувши,

Отворилъ ворота въ Новгородъ
 Онъ събиралъ походными
 И разграбилъ славный Новгородъ,
 Ярославово наслѣдіе.
 Изъ Дудутоѣ волкомъ прыгнувши,
 На Немигѣ очутился онъ.
 На Немигѣ не снопы кладуть,
 А кладуть на землю головы;
 Не цѣпами вѣдь молотать здѣсь,
 А мечами все булатными;
 На току кладуть жизнь русскую;
 Не мявину-соръ изъ хлѣбушка,
 А отъ тѣла вѣютъ душеньку.
 Берега рѣки кровавыя
 Вѣдь не житомъ позасѣяны,
 А костями сыновъ все русскіихъ.
 Князь Всеславъ людей судилъ-рядилъ,
 Города распредѣлялъ князьямъ,
 Самъ же, ночью волкомъ рыская,
 Пробѣгалъ изъ града Кіева
 До Тмутаракана дальняго
 Раньше пѣнья пѣтушинаго,
 Хорсу путь перебѣгаючи.
 Какъ звонили утромъ въ Полоцкѣ,
 Онъ пускался въ путь ко Кіеву;
 Прибѣжитъ онъ въ столичный Кіевъ-градъ, —
 А и тамъ еще звонять себѣ
 У святой Софіи въ утренѣ.
 Хоть и мудрая душа была
 У Всеслава въ тѣлѣ крѣпкоемъ,
 Бѣды часто онъ терпѣлъ, страдалъ.
 Про него-то вѣщій нашъ Боянъ
 Раньше насъ сложилъ припѣвочку:
 «Что ни хитрому, ни быстрому
 Отъ суда не скрыться Божія».
 Ахъ, земля ты наша Русская!
 Будетъ плавать и стонать тебѣ,

Вспоминая время прежнее
 И князей своихъ старинныхъ.
 Еслибъ стараго Владиміра
 Пригвоздить ко граду Кіеву,
 На тотъ свѣтъ не отпускать его,
 Ужъ не то бы было, братіе!
 Изъ наслѣдія Владиміра
 Нынче часть досталась Рюрику,
 Часть Давыду Ростиславичу;
 Но у братьевъ нѣтъ согласія:
 Бунчуки ихъ въ разны стороны
 Несогласно разсвѣваются.

* * *

На Дунай копыя звякають;
 Ярославинъ голосъ слышится;
 Одною кукушкою
 Рано плачетъ, говоритъ въ слезахъ:
 «Полечу въ страну далекую
 По Дунай рѣкѣ кукушкою,
 Во Каялъ омочу рукавъ,
 Омочу рукавъ бобровый свой,
 Оботру кровавы раны тѣ
 Что на тѣлѣ крѣпкомъ княжескомъ».
 Ярославна рано слезы льетъ
 Во Путивлѣ на градской стѣнѣ:
 «Буйный вѣтеръ, господинъ ты мой!
 Для чего такъ сильно вѣешь ты?
 Для чего ты стрѣлы хановски
 Мчишь на мягкихъ крыльяхъ быстрыхъ
 На дружину друга милаго?
 Развѣ мало было мѣсть тебѣ
 Въ облакахъ высоко вѣяти,
 Въ синемъ морѣ корабли носить?
 Господинъ мой! Для чего же ты
 Поразнесъ мое веселіе,
 Поразвѣдаль по ковыль-травѣ?»

Ярославна рано слезы льетъ
 Во Путивлѣ на градской стѣнѣ:
 «Днѣпръ Словутичъ, господи́нь ты мой!
 Ты пробилъ вѣдь горы каменны
 Черезъ землю Половецкую;
 Несъ ты лодки Святославовы
 На себѣ въ полеу Кобякову:
 Принеси ты друга милаго,
 Принеси ты поскорѣй во мнѣ,
 Чтобы слезъ въ нему не слала я
 Къ синю морю утромъ раннимъ».
 Ярославна рано слезы льетъ
 Во Путивлѣ на градской стѣнѣ:
 «Солнце свѣтлое, пресвѣтлое!
 Ты для всѣхъ тепло, прекрасно всѣмъ:
 Для чего же, господи́нь ты мой,
 Навело лучи горячье
 На дружину друга милаго,
 И въ безводномъ полѣ вражескомъ
 Жаромъ луки ихъ скоробило
 И волчаны позатынуло всѣ?»

* * *

Синее море взволновалось;
 Потянулись тучи къ сѣверу;
 Тѣми тучами путь къ родинѣ
 Указалъ Богъ князю Игорю
 Изъ земли изъ Половецкія
 Что на ту ли землю русскую
 Ко злату столу отцовскому.
 Ужь зоря погасла вечеромъ;
 Игорь спитъ-не спитъ, приевинулся.
 Онъ поля вѣдь мѣритъ мыслию
 Да отъ Дона отъ великаго
 До Донца-рѣки до малаго.
 За рѣкою кругъ полуночи
 Засвисталъ Овлуръ, воя позвалъ;

Игорь слышитъ, да не могъ понять.
 Сильно, громко закричалъ Овлуръ,
 Закричалъ по богатырскому,—
 Застучала мать сыра земля,
 Зашумѣла въ полѣ травушка,
 Затраслись шатры у Половцевъ,
 И тогда лишь понялъ Игорь князь:
 Горностаемъ къ тростнику скочилъ,
 Прыгнулъ въ воду бѣлымъ гоголемъ,
 Быстро сѣлъ онъ на добра коня;
 А съ коня на землю прыгнувши,
 Сѣрымъ волкомъ побѣжалъ къ Донцу.
 Полетѣлъ онъ яснымъ соколомъ,
 Что летаетъ по поднебесью,
 Избивая лебедей-гусей
 То на завтракъ, на обѣдъ себѣ,
 На обѣдъ или для ужина.
 Игорь князь летѣлъ вѣдъ соколомъ,
 Сѣрымъ волкомъ вѣдъ Овлуръ бѣжалъ
 И трусилъ росу студеную.
 Тутъ и вѣроны не карвали,
 Тутъ совсѣмъ замолели галицы
 И сороки замолчали вѣдъ;
 По вѣтвямъ лишь дятлы прыгаютъ
 И къ рѣкѣ счастливый кажутъ путь;
 Соловьи веселой пѣснею
 На разсвѣтѣ разливаются.
 Самъ Донецъ тутъ молвилъ Игорю:
 „Много, князь, тебѣ величїя,
 Кончаку—досады—горюшва,
 А для Руси много радости“.
 Отвѣчаетъ храбрый Игорь князь:
 „Ай Донецъ! ты самъ прославился,
 Тѣмъ что князя на себѣ носилъ,
 Подстилалъ траву зеленую
 На брегахъ своихъ серебряныхъ,
 Мглою теплой одѣвалъ его

Подъ зелеными деревьями,
 Что берегъ его въ своихъ водахъ,
 Охранялъ чрезъ птицу гоголя,
 На струяхъ—чрезъ черныхъ утокъ,
 Въ облакахъ—чрезъ чаевъ бѣлихъ“.
 А совсѣмъ не такова была
 Стугна, рѣчка невеликая:
 Поглотивъ чужи ручьи-струи,
 Къ устью Стугна порасширилась,
 Утопила близко къ берегу
 И закрыла на своемъ на днѣ
 Ростислава—внзя, юношу;
 Мать объ немъ рыдала-плакала;
 Всѣ цвѣты поникли съ жалости,
 А деревья превлонилися
 Отъ печали во сирой землѣ.

* * *

Не сороки бѣлобокя
 На поляхъ застрекотали вдругъ,—
 Ъдутъ-мчатся вслѣдъ за Игоремъ
 Гза-ханъ съ другомъ Кончакомъ своимъ.
 Молвилъ Гза-ханъ Кончаку тому:
 «Если соколъ во гнѣзду летить,
 Разстрѣляемъ соколеночка
 Мы стрѣлами золоченными».
 А Кончагъ-ханъ Гзѣ отвѣтъ держалъ:
 «Если соколъ во гнѣзду летить,
 Соколенка мы опутаемъ
 Тою красною дѣвицею».
 Кончаку тутъ Гза промолвилъ рѣчь:
 „Если мы его опутаемъ
 Тою красною дѣвицею,
 То не будетъ ни соколика
 Здѣсь у насъ ни красной дѣвушки,
 И въ своей землѣ начнутъ насъ бить
 Птицы поля Половецкаго“.

* * *

Разъ Боянъ сказалъ припѣвочку:
 „Тяжело быть головѣ безъ плечъ,
 Плохо тѣлу безъ головушки“,—
 Такъ и Руси быть безъ Игоря:
 Какъ на небѣ свѣтитъ солнышко,
 Такъ въ Руси удалый Игорьъ князь.
 На Дунаѣ—пѣсни дѣвухекъ;
 Голоса идутъ до Кіева:
 Игорьъ ѣдетъ по Боричеву
 Въ Пирогощей Богородицѣ,—
 Страны рады, грады веселы.

* * *

Старымъ мы князьямъ пропѣли пѣсню,—
 Такъ споемъ же молодымъ теперь:
 Двумъ удалымъ Святославичамъ—
 Слава!
 Святославичу—свѣтъ Игорю,—
 Слава!
 Всеволоду разудалому,—
 Слава!
 Игоревичу Владиміру—
 Слава!
 Исполать князьямъ съ дружиною—
 Слава!
 Что за христіанъ боролися—
 Слава!
 Противъ тѣхъ полковъ поганныхъ—
 Слава!
 Всѣмъ князьямъ тѣмъ со дружиною—
 Слава!

СЛОВЕСНИКЪ.

Библиографическій указатель.

Древняя и Новая Россія (1879 г. за февраль).

Въ нашей періодической литературѣ установился довольно странный обычай: статьи наиболѣе цѣнныя и болѣе вѣскія помѣщать или въ послѣднихъ журнальныхъ книжкахъ или въ первыхъ книжкахъ послѣдующаго года, наполняя остальные книжки, чѣмъ Богъ послалъ. Въ эти же первые или послѣдніе мѣсяцы журналы обыкновенно полнѣютъ и выходятъ акдуратно. Какое разумное основаніе этого обычая, мы не будемъ разсматривать, но существованіе его—фактъ, не подлежащій спору.

Недавно мы разсматривали январскую книжку Древней и Новой Россіи и видѣли на сколько этотъ почтенный органъ необходимъ для преуспѣванія русской исторіи, а теперь переходимъ къ февральской книжкѣ, слѣдовательно второй благосостоятельнаго періода.

Февральская книжка открывається статью ученаго, пріобрѣтшаго извѣстность Н. И. Костомарова: Луи Петровичъ.

Какое ученое значеніе имѣеть статья Н. И. Костомарова можетъ показать содержаніе статьи въ двухъ словахъ—такъ оно коротко. Утромъ 1755 г. 6-го ноября къ секретарю русскаго посольства въ Польшѣ является монахъ ордена Терціаровъ съ просьбой о вспомошествованіи нѣкоему Луи Петровичу, будто бы сыну Петра великаго. Испуганный неожидан-

нимъ появленіемъ новаго самозванца, секретарь даетъ монаху три червонца и между тѣмъ тотчасъ же секретно доносить о томъ въ Петербургъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и испрашиваетъ инструкціи какъ поступать. На это донесеніе коллегія 8-го декабря поручаетъ секретарю позаботиться доставленіемъ этого самозванца въ Кіевъ къ тамошнему вице-губернатору Кастюрину, которому о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ дана уже надлежащая инструкція. Но никакихъ дальнѣйшихъ дѣйствій не могло быть: самозванецъ, также какъ и монахъ Терціаровъ, исчезли. Секретарь, очевидно, былъ жертвой мошеннической эксплуатаціи.

„Не смотря на малосодержательность этого извѣстія, говоритъ ученый авторъ, оно все таки не лишено историческаго значенія по чертамъ нравовъ и понятій того времени. Замѣчательнень комическій страхъ, овладѣвшій секретаремъ русскаго посольства, при первомъ намежѣ о явленіи какого-то самозванца; любопытны и приемы, съ какими онъ доносилъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и отвѣтъ послѣдней на его реляцію. Стараются съ обѣихъ сторонъ другъ передъ другомъ высказать полное пренебреженіе и даже невниманіе къ появившемуся загадочному лицу, но вмѣстѣ съ тѣмъ высказываютъ и страхъ и заботливость поймать его въ руки“.

При всемъ уваженіи къ почтенному ученому мы осмѣливаемся думать, что его Луи Петровичъ вполнѣ лишень и историческаго и литературнаго значенія. О томъ, какъ смотрѣли на появленіе самозванцевъ ихъ современники слишкомъ извѣстно всемъ и каждому, даже посредственному гимназисту втораго или третьяго класса. Точно также и въ литературномъ отношеніи. Страхъ секретаря изъ подъ пера автора вышелъ несколько не комичень. И невольно спрашиваешь себя: какія цѣли имѣлъ авторъ писать подобную статью, а редакція — помѣщать ее въ своемъ журналѣ, да еще въ первомъ мѣстѣ? Отъ таланта г. Костомарова мы вправѣ были ожидать болѣе вѣскаго слова.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ замѣтить одну бросающуюся въ глаза ошибку: письмо отъ Луи Петровича было

принесено 6-го ноября 1755 года, между тѣмъ какъ на самомъ письмѣ обозначено 13-го ноября 1755 года.

Академикъ Зуевъ и его путешествіе по Россіи М. И. Сухомянова.

Академія наукъ у насъ до сихъ поръ еще не имѣетъ своей исторіи. Предпринятая покойнымъ академикомъ П. П. Пекарскимъ исторія академіи, со смертію его прекратилась, какъ извѣстно, на второмъ томѣ. Будетъ ли продолжаться это изданіе или нѣтъ, положительно намъ неизвѣстно, но мы слышали, что продолженіе изданія взялъ на себя почтенный академикъ М. И. Сухомяновъ, который будто бы въ настоящее время занятъ разборкой матеріаловъ, хранящихся въ архивѣ академіи наукъ. Обиліе интересныхъ матеріаловъ (даже на нѣсколько томовъ) и даровитость г. Сухомянова служатъ надежной порукой за весьма цѣнный трудъ.

Помѣщенная въ февральской книжкѣ Древней и Новой Россіи статья «Академикъ Зуевъ» не составляетъ ли плодъ перваго приступа автора къ разработкѣ матеріаловъ? На это указываютъ съ одной стороны крайняя недостаточность біографическихъ свѣдѣній въ статьѣ, а съ другой большая полнота въ описаніи академической дѣятельности академика Зуева. Относительно біографіи послѣдняго мы встрѣчаемъ только нѣсколько строкъ: Василій Ѳедоровичъ Зуевъ (1754 — 1794) родился въ Петербургѣ въ солдатской семьѣ; отецъ его былъ солдатомъ Семеновскаго полка. Это обстоятельство выражено въ академическомъ некрологѣ такою описательною формою: *naqui d'une famille honnête, quoique peu titrée.* Образование свое Зуевъ началъ въ академической гимназій, продолжалъ въ академическомъ университетѣ и довершилъ въ путешествіи по Россіи, подъ руководствомъ Палласа, и въ иностранныхъ университетахъ Лейденскомъ и Страсбургскомъ.

Такихъ свѣдѣній для нашей любознательности крайне недостаточно. Мы желали бы болѣе подробно познакомиться съ бывшими представителями нашей интеллигенціи, мы желали бы знать, какъ проведено было дѣтство, какъ развивались способности, подъ какими условіями совершалось развитіе и т. п., а между тѣмъ по всѣмъ этимъ вопросамъ авторъ ни

чего не говорить. Если нѣтъ этихъ свѣдѣній въ архивныхъ бумагахъ нашей академіи, то развѣ нельзя было собрать ихъ инымъ путемъ, внѣ академіи?

Съ бѣльшею опредѣленностью очерчены авторомъ путешествія покойнаго академика, его отношенія къ своимъ коллегамъ, и мы узнаемъ о многихъ фактахъ, о которыхъ до сихъ поръ не было извѣстно. Мы узнаемъ напримѣръ, что покойный Зуевъ, бывши адъюнктомъ академіи, обращался къ высокопочтеннымъ своимъ коллегамъ о назначеніи его академикомъ, причѣмъ выставлялъ на ихъ разсмотрѣніе труды свои, исполненные имъ въ путешествіяхъ по Россіи съ ученою цѣлью. Но на просьбу эту, однакожъ, вмѣсто удовлетворенія послѣдовало неожиданное исключеніе претендента вовсе изъ состава академіи за самовольную будто бы поѣздку въ Царьградъ и самовольное участіе въ трудахъ комиссіи о народныхъ училищахъ. Въ высшей степени интересно предписаніе объ этомъ президента академіи наукъ Екатерины Романовны Дашковой:

„Хотя, кажется, и невозможно полагать, чтобъ подчиненные, находящіеся при какомъ либо мѣстѣ могли располагать временемъ своимъ по собственному произволу безъ дозволенія на то отъ начальства, и не давъ о томъ знать тому мѣсту, въ которомъ они опредѣленными находятся; тѣмъ менѣе еще терпимо, чтобъ подчиненные совсѣмъ не уважали своимъ должностями; но адъюнктъ Императорской Академіи Наукъ Василій Зуевъ поведеніемъ своимъ сіе точно показалъ на дѣлѣ, и не взирая на всѣ ему дѣланныя наставленія, въ томъ не поправился, забывъ всѣ наказы Академіею на него благодѣянія; забывъ, что онъ еще обязанъ удовлетворить оную за нелѣзную свою цареградскую экспедицію, ибо возвратясь уже два года назадъ, онъ своихъ подневныхъ записокъ не привелъ еще въ порядокъ, и посредствомъ только многократныхъ выговоровъ достала Академія отъ него нѣкоторое число неисправныхъ тетрадей. Изъ сего всего видѣть можно, что онъ ни мало не старается быть Академіи полезнымъ, и какъ она безъ него можетъ обойтись, то для утверженія порядка и законами установленнаго повиновенія, Академіи наукъ

директоръ, по должности и власти, изображенной въ академическомъ регламентѣ, хотя съ сожалѣніемъ, но для примѣру другимъ приказала помянутаго адъюнта Зуева изъ академической службы исключить, и сіе записавъ въ журналъ, ему объявить. Сіе будетъ служить примѣромъ тѣмъ юношамъ, которые содержатся и обучаются на счетъ Академіи, и да отвратятъ онъ ихъ отъ неблагодарности, яко отъ гнуснѣйшаго въ человѣчествѣ порока. О чемъ, кула надлежитъ, дать знать“.

Немилость Екатерины Романовны къ Зуеву объясняется непріятными отношеніями, начавшимися въ то время у Дашковой съ императрицей Екатериной. Послѣдняя выказывала явное неудовольствіе президенту Академіи за притязательность ея на преобладающее вліяніе, какъ главной виновницы возведенія Екатерины на престолъ. Вслѣдствіе этихъ отношеній, конечно, Дашковой не могли быть пріятны ни Палласъ, пользовавшійся довѣріемъ государыни, ни Зуевъ, его любимый сотрудникъ.

Объ исключеніи Зуева Палласъ тотчасъ же довелъ до свѣдѣнія императрицы и успѣлъ получить отъ нея слѣдующій указъ, парализовавшій распоряженіе президента: «Воля наша непремѣнная есть, что если кто изъ академиковъ, профессоръ или адъюнговъ употребленъ будетъ комиссією (о народныхъ училищахъ) для дѣлъ, ей порученныхъ, въ томъ не надлежитъ препятствовать или же затрудненія дѣлать. И ежели кто изъ академиковъ, профессоръ или адъюнговъ употребленъ, или же употребленъ будетъ, оный мѣсто свое въ академіи или университетѣ сохранять неотъемлемо долженствуетъ» (ук. 4 марта 1784 года, слѣдовательно черезъ двѣ недѣли послѣ исключенія Зуева).

Послѣдствіемъ этого указа было немедленное принятіе Зуева обратно въ академію.

Въ заключеніе приводимъ интересный рассказъ самого Зуева изъ его записокъ о путешествіи его по Харьковскому намѣстничеству, въ которомъ такъ наивно, но вѣрно рисуется на какой низкой степени была цивилизація даже высшихъ слоевъ общества того времени:

«Предсталъ я (Зуевъ) передъ намѣстника по обыкновенію;

овъ (харьковскій намѣстникъ генераль-маіоръ Дмитрій Автономовичъ Норовъ) мнѣ началъ говорить: что, братецъ, куда ты заѣхалъ? или ты думаешь, что здѣсь невѣжды: для чего ты такъ веучтиво поступаешь? Мнѣ слѣдовало спросить, въ чемъ?

— Да вотъ ты и теперь, даже и противъ меня не учтивъ; конечно васъ въжливости въ Академіи не учать: такъ я много уже вашу братью училъ и теперь тебя учить ставу. Поставилъ меня у порога, положилъ одну руку въ пазуху, другую вытянулъ, послѣ велѣлъ смотрѣть на себя: и такъ-то вотъ надобно стоять, и такъ-то вотъ надобно нагибаться, и такъ-то вотъ надобно говорить, знай, что я генераль-губернаторъ, на мѣстѣ генераль-аншефа и въ должности намѣстника. Въ доказательство же своей глупости и пустыхъ привязокъ началъ передо мною читать одинъ артикулъ изъ книги учрежденія о управленіи намѣстничествъ, что должность намѣстника есть смотрѣть за порядкомъ, учтивствомъ и въжливостію и проч. Мнѣ сказано было напередъ отъ офицера, чтобъ я ни малѣйше не прекословилъ, иначе сила его, говорить, велика и власть страшна; и для того долженъ я былъ во всемъ повиноваться, во всемъ говорить хорошо, и напоследокъ по долгому безмолвіи, пошелъ на квартиру, прося у его, чтобъ хотя единое мнѣ у его чужестранцу, оказалъ благодѣяніе, приказалъ бы поскорѣе изъ своихъ границъ выѣхать; хорошо: мы въ тебѣ нужды не имѣли и не имѣемъ, и за чѣмъ ты пріѣхалъ, Богъ те знаетъ, поѣзжай...

Князя Данила Романовича и Ростислава Михайловича въ борьбѣ за Галичъ Д. Н. Иловайскаго.

Мы всегда относимся съ должнымъ вниманіемъ къ трудамъ почтеннаго профессора, но мы никакъ не можемъ понять какими побужденіями руководилась редакція Древней и Новой Россіи, помѣщая коротенькій отрывокъ въ 4 страницы изъ второй части Исторіи Россіи. Мы понимаемъ помѣщеніе отрывка, когда онъ заключаетъ въ себѣ отдѣльно-цѣлое, или когда онъ—последній трудъ автора, котораго каждая строка драгоценна для потомства, или когда полное произведеніе, изъ котораго выдернуть отрывокъ, по какимъ-либо причинамъ не

можетъ появиться на свѣтъ, но, сколько извѣстно, Исторія Россіи профессора Иловайскаго не можетъ быть причислена ни къ которому изъ этихъ случаевъ. Неужели изъ желанія блеснуть только авторитетнымъ именемъ?

Черты изъ жизни Екатерины II, сообщенныя въ редакцію Древней и Новой Россіи Пав. Яковл. Дашковымъ.

Анекдотическая сторона заслуживаетъ особеннаго вниманія только при двухъ условіяхъ: достовѣрности ея и типичности, иначе же, безъ этихъ условій она не имѣетъ рѣшительно никакой цѣны. Къ сожалѣнію отсутствіемъ типичности и отличаются приводимые анекдоты, за исключеніемъ двухъ или трехъ. Изъ числа послѣднихъ особенно выдается одинъ рассказъ, переданный Д. П. Поедниковъ о Д. П. Трощинскомъ, бывшемъ впоследствии министромъ юстиціи, а тогда еще небогатомъ и невидномъ чиновникѣ — правителѣ канцеляріи графа Безбородко. Этого анекдота намъ не случилось слышать еще до сихъ поръ.

Разъ, послѣ доклада Трощинскаго императрицѣ, по случаю болѣзни его начальника, Екатерина, обративъ вниманіе на его способности и усердіе, сказала ему:

— Я довольна вашею службою и хотѣла бы вамъ сдѣлать что нибудь пріятное, но чтобъ мнѣ не ошибиться въ этомъ, скажите пожалуйста, чего бы вы желали?

Смущенный и обрадованный Трощинскій поспѣшилъ въсказать:

— Ваше величество, въ Малороссіи продается хуторъ, смежный съ моимъ; мнѣ хотѣлось бы его купить, да не на что,—если милость ваша будетъ...

— Очень рада, очень рада, а что за него просить?

— Шестнадцать тысячъ, государыня.

Императрица написала нѣсколько строкъ и передала ихъ Трощинскому. Въ этихъ строкахъ заключалось повелѣніе Екатерины: «купить въ Малороссіи такой-то хуторъ въ собственность г. Трощинскаго и присоединить къ нему триста душъ изъ казенныхъ смежныхъ крестьянъ».

Понятно, что такая милость ошеломила небогатаго чинов

ника и онъ, вышедшій уже было изъ покоевъ императрицы, тотчасъ же воротился.

— Ваше величество, это черезъ чуръ много, въ замѣшательствахъ проговорилъ онъ, мнѣ не приличны такія награды, какими вы удостоиваете своихъ приближенныхъ. Что скажутъ Орловы, Зубовы?..

— Мой другъ, кротоко отвѣчала императрица, ихъ награждаетъ женщина, тебѣ—*Императрица*.

Подобные рассказы въ нѣсколько строкъ характеризуютъ личность императрицы, сознававшей свои силы до признанія даже недостатковъ женщины, вѣрнѣе и отчетливѣе, чѣмъ фоліанты книгъ. Прочіе же анекдоты до такой степени не типичны, что могутъ относиться почти ко всѣмъ лицамъ безразлично.

Затѣмъ обращаетъ на себя вниманіе статья Е. Карновича: Александра Павловна палатина Венгерская (Др. и Нов. Рос. № 4), написанная тепло, просто и безъ всякихъ натяжекъ. По сущности содержанія своего, эта статья должна была бы имѣть, по преимуществу, психологическій интересъ, а между тѣмъ эту-то именно сторону авторъ и упустилъ изъ виду. Весь рассказъ содержитъ въ себѣ описаніе двухъ самыхъ вліятельныхъ обстоятельствъ въ жизни великой княгини Александры Павловны, умершей въ полномъ разцвѣтѣ юности (18 лѣтъ): сватовства шведскаго короля Густава IV и бракосочетанія ея съ венгерскимъ палатиномъ эрцгерцогомъ Стефаномъ-Іосифомъ.

Изъ этихъ обстоятельствъ первое, т. е. сватовство шведскаго короля изложено авторомъ, благодаря изданной теперь перепискѣ Екатерины II съ Гриммомъ, съ особенной подробностью, которой недостаетъ въ изложеніи свадьбы съ эрцгерцогомъ.

Бабушкѣ Екатеринѣ вздумалось изъ политическихъ расчетовъ пристроить старшую внучку свою Александру, десятилѣтняго ребенка за юнаго семнадцатилѣтняго государя Швеціи Густава IV. Сватовство началось и продолжалось со всѣми шансами на успѣхъ, и для окончательнаго результата въ августѣ 1796 года самъ Густавъ пріѣхалъ въ Петербургъ подѣ

именем графа Гага. По вѣшности эта парочка казалась самой счастливой, но—только по вѣшности. Правда, стараниями бабушки Екатерины и матери Маріи Ѳеодоровны княжна влюбилась въ жениха и послѣдній казался неравнодушнымъ къ невѣстѣ, но не по лѣтамъ развитая, нѣжная, чувствительная дѣвочка никакъ не могла подходить подъ стать къ черствому, взбалмошному фанатику-лютеранину Густаву.

Женихъ и невѣста обращались между собой, какъ слѣдуетъ обращаться жениху и невѣстѣ, свадебные переговоры продолжались благополучно, какъ вдругъ всѣ планы разрушились самымъ оскорбительнымъ образомъ для невѣсты. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ обстоятельствѣ авторъ.

«День, назначенный для обрученія Александры Павловны, былъ по словамъ Массона, днемъ величайшей скорби, даже днемъ величайшаго униженія, когда либо испытаннаго счастливою и самовластною Екатериною.

Всему двору назначено было собраться въ парадномъ платьѣ въ Тронную залу Зимняго дворца къ семи часамъ вечера. Великую княжну одѣли какъ невѣсту, на ней—какъ трунили придворные остряки—въ этотъ вечеръ было столько брилліантовъ, что цѣнность ихъ далеко превышала стоимость всѣхъ государственныхъ имуществъ шведской короны. Въ сопровожденіи младшихъ сестеръ и великихъ князей съ ихъ супругами, она вошла въ Тронную залу, гдѣ находились уже всѣ придворные кавалеры и дамы, а также и Павелъ Петровичъ съ Марією Ѳеодоровною явился туда къ назначенному времени. Сопутствуемая блестящею свитою, вошла туда и императрица; лицо ея было оживлено удовольствіемъ. Не доставало только жениха, и всѣ терлись въ догадкахъ, что могло бы задержать его. Между тѣмъ частые входы въ Тронную залу и выходы оттуда князя Зубова и нетерпѣніе, которое начало выражаться и на лицѣ и въ движеніи государыни, еще болѣе возбуждали общее недоумѣніе. По залѣ сталъ ходить сдержанный шопотъ. Пробило восемь часовъ, пробило и девять, а женихъ не явился. Всѣ встопорились отъ напраснаго ожиданія, не зная, чѣмъ объяснить такую невѣжливость со стороны благовоспитаннаго молодого человѣка.

Императрица волновалась все сильнѣе и сильнѣе. Прежній шопоть, прежде глухо ходившій по залѣ, обратился постепенно въ громкій ропоть. Всѣ находили, что «мальчишка» позволилъ себѣ неслыханную дерзость...

Быль уже десятый часъ въ исходѣ, когда совершенно растерявшійся князь Зубовъ подошелъ къ императрицѣ и что-то таинственно шепнулъ ей на ухо. Выстро встала императрица съ кресель. Лицо ея сперва побагровѣло, а потомъ сдѣлалось вдругъ мертвенно блѣднымъ. Завкаясь, она съ трудомъ проговорила нѣсколько безсвязныхъ словъ, и затѣмъ безъ чувствъ опустилась въ кресло—ее поразило апоплексическій ударъ. Присутствующимъ объявили, что обрученія не будетъ, по случаю внезапной болѣзни короля, но всѣ догадались, что это не болѣе какъ только предлогъ и что обрученіе не состоялось по какой-либо другой причинѣ, объявить о которой найдено было не удобнымъ.

Графъ Марковъ, главный участникъ происходившихъ о брагѣ переговоровъ, при началѣ собранія самодовольно ходилъ по залѣ съ приторными ужимками французскаго маркиза, то поднося къ носу флаконъ съ духами, то понюхивая кончиками пальцевъ по маленькой щепоточкѣ табаку изъ великолѣпной бриллиантовой табакерки и раскланываясь по всѣмъ правиламъ танцевальнаго искусства. Но теперь напыщенное его самодовольство въ одно мгновеніе исчезло. Онъ остолбенился, не зная, что ему дѣлать.

Неуклюжій Безбородко съ спущенными внизъ чулками, въ великолѣпномъ распитомъ и украшенномъ алмазами кафтанѣ совершенно растерялся. Растопыривъ руки и ноги, онъ бессознательно смотрѣлъ на одну точку и сопѣлъ чуть не на всю залу.

Послѣ перваго ошоломленія, Марковъ забралъ изъ рукъ князя Зубова бумаги и опять побѣжалъ со всѣхъ ногъ къ королю, намѣреваясь объяснить ему, что императрица ждетъ его въ Тронной залѣ. Но приглашеніе короля было бы уже запоздалымъ. Князь Зубовъ и другія бывшія около Екаторины лица съ трудомъ приподняли ее съ кресель и, поддерживая подъ руки, вывели изъ залы.

У невѣсты едва достало силы дойти до своихъ покоевъ; здѣсь она, будучи не въ состояніи удержаться отъ слезъ и рыданій, испытала страшное нервное потрясеніе. Поспѣшно сбрасывала она съ себя пышные уборы, не сознавая, кажется, что она дѣлаетъ. Назначенный на этотъ вечеръ балъ однако отмѣненъ не былъ.

Императрицу изъ Тронной залы отвели въ ея спальню, куда поспѣшилъ прѣдти Павелъ Петровичъ, а великая княгиня Марія Ѳеодоровна пошла въ комнату своей дочери, откуда она послала своему мужу слѣдующую записку: «Малютка рыдаетъ и именемъ Бога просить, чтобъ ей не быть на балѣ, такъ какъ она нездорова. Я уговариваю ее одѣться, а она умоляетъ, чтобъ ее оставили въ покоѣ. Она чрезвычайно взволнована».

Оказалось, что Густавъ на отрѣзъ отказался подписать брачный договоръ на томъ будто-бы основаніи, что онъ не можетъ дозволить женѣ своей въ королевскомъ стокгольмскомъ дворцѣ имѣть особую православную церковь съ причтомъ и что кромѣ того въ публичѣ и во всѣхъ церемоніяхъ жена его должна слѣдовать вѣрноповѣданію, господствующему въ его королевствѣ.

Не смотря однакожъ на такой оскорбительный поступокъ, свадебные переговоры продолжались до смерти бабушки Екатерины и кончились полнымъ разрывомъ уже при императорѣ Павлѣ. Густавъ вскорѣ женился на Фредерикѣ-Доротеѣ, внучкѣ марграфа баденскаго, вытерпѣвшей отъ него не мало горя и униженій и наконецъ освободившейся отъ него разводомъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ (1799 г.) и Александра Павловна вышла замужъ за эрцгерцога Стефана-Іосифа. Бракъ этотъ, проектированный политическими видами, совершился по любви. По крайней мѣрѣ эрцгерцогиня вѣрно любила своего мужа, но любилъ ли онъ ее? Это другой вопросъ. Изъ всѣхъ сохранившихся свѣдѣній видно, что австрійскій дворъ не скупился на всевозможные уломы отравить счастливые дни только что начинавшей жить женщины. Александра Павловна умерла черезъ девять дней послѣ первыхъ родовъ, окруженная глубокой скорбью всего православнаго населенія Венгріи... Ав-

стрийскій дворъ оказался вѣренъ своей политикѣ, всегда и во всѣ времена эгоистичной и враждебной Россіи. Этотъ грустный примѣръ такъ преждевременно угаснувшей жертвы до очевидности доказываетъ бесполезность, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже вредность вмѣшательства династическихъ интересовъ въ интересы національныя. Народъ всегда идетъ своей намѣченной дорогой...

Для удобства своихъ подписчиковъ, Контора Германъ Гоппе принимаетъ подписку и на всѣ русскіе и ино-
странные журналы и газеты.

О подпискѣ на 1880 годъ на

„ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ“

большой иллюстрированный журналъ

съ разными бесплатными приложеніями.

Съ 1-го января 1880 г. журналъ „Всемирная Иллюстрація“ начнетъ XII годъ (т. е. томы XXIII и XXIV) своего существованія и будетъ выходить также аккуратно, какъ и въ прошлые года, *еженедѣльно* (т. е. 52 номера въ годъ), въ увеличенномъ форматѣ *большаго двойнаго листа самой лучшей бумаги*, и каждый номеръ будетъ заключать въ себѣ 16—24 страницъ, изъ которыхъ половина будетъ наполнена *роскошными рисунками* изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

„Всемирная Иллюстрація“, благодаря своей аккуратности и строгому выполнению программы, приобрѣла втеченіи одиннадцатилѣтняго своего существованія заслуженную репутацію и, служа вѣрнымъ отраженіемъ жизни, какъ русской, такъ и иностранной, соперничаетъ съ лучшими иллюстрированными и литературными журналами въ свѣтѣ.

Не ограничиваясь достигнутыми результатами, редація „Всемирной Иллюстраціи“ стремится къ улучшенію своего изданія, соображаясь съ желаніями подписчиковъ, не останавливается передъ расходами и всегда даетъ больше, чѣмъ обѣщала.

Убѣжденная, что втеченіи своей дѣятельности она достаточно заявила себя, редація считаетъ излишнимъ всѣ пышныя рекламы и ограничивается только обѣщаніемъ, что употребитъ всѣ усилія, чтобъ оправдать возрастающее къ ней ежегодно довѣріе публики.

Цѣна годовому изданію «Всемирной Иллюстраціи»
на 1880 годъ:

Везъ дост. въ	С.-Петербург. . 13 р. — к.	Съ дост. въ	С.-Петербург. . 14 р. 50 к.
Везъ дост. въ	Москвѣ . . . 14 » 50 »	Съ перес. въ	друг. города 16 » — »

Для удобства своих подписчиков, Контора Германъ Гоппе принимаетъ подписку и на всѣ русскіе и ино-
странные журналы и газеты.

„ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“

представляетъ политическія событія, войну, изящныя искусства, исторію, изящную словесность, географію, путешествія, естественную исторію, технологію, промышленность, морское и военное искусства, и пр., и пр., однимъ словомъ: цивилизацію, нравы и обычаи народовъ въ картинахъ.

Каждый томъ „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ“ представляетъ собою

РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ

до 500 печатн. страницъ, съ 300—400 рисунками, и есть необходимое дополненіе каждой хорошей бібліотеки, а также одно изъ лучшихъ настольныхъ украшеній каждой гостиной.

ПОКРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА «ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ»

изъ англійскаго календора, съ золотыми тисненіями по рисунку художника К. Брожа. Цѣна покрывки для переплета на каждый томъ: безъ пересылки 1 р. 75 к., съ пересылкою 2 р. 50 к.

Цѣна первыхъ 20 том. «Всемирной Иллюстраціи»:

1869 г. (томы I и II) 10 руб. безъ перес., въ англ. календор. перепл. 14 руб.; 1870 г. (т. III и IV), 1871 г. (т. V и IV), 1872 г. (т. VII и VIII) и 1873 г. (т. IX и X)—по 8 р. безъ пересылки, каждый годъ. Въ англ., тисненн. золотомъ переплетахъ, каждый годъ стоить по 12 руб. безъ пересылки. 1874 г. (т. XI и XII), 1875 г. (т. XIII и XIV), 1876 г. (т. XV и XVI), 1877 г. (т. XVII и XVIII) (безъ приложений) и 1878 г. (т. XIX и XX (безъ приложений)—по 9 р. безъ перес., каждый годъ.

Въ переплетахъ безъ перес. по 13 р.

На пересылку каждою юда слѣдуетъ прилагать 3 руб. сер.

Главная контора редакціи „Всемирной Иллюстраціи“ въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая, д. № 16.

Редакторъ-Издатель „Всемирной Иллюстраціи“

ГЕРМАНЪ ГОППЕ.

О подпискѣ на 1880 годъ

на

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

литературы, наукъ и искусствъ

„ОГОНЬКА“

съ бесплатными художественными приложениями

52 номера въ годъ.

ПРОГРАММА «ОГОНЬКА»:

1. Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, драматическія произведенія, юмористическіе очерки, оригинальные и переводные (съ рисунками къ нимъ).
2. Историч. очерки, бытовые картины изъ жизни древнихъ народовъ (съ рисунками къ нимъ).
3. Записки, мемуары, жизнеописанія великихъ людей и общественныхъ дѣятелей (съ портрет).
4. Систематическій обзоръ (съ рисунками, по надобности замѣчательныхъ явленій въ области всѣхъ наукъ: Естествознанія, Археологій, Географіи, Медицины, Механики и т. д., и искусствъ: Скульптуры, Живописи, Архитектуры, Музыки и т. д. Библиографія и замѣчательные процессы (безъ обсуждения судебныхъ рѣшеній).
5. Смѣсь, анекдоты, афоризмы и т. п.
6. Почтовый ящикъ; отвѣты редакціи.
7. Тиражи выигрышей 1-го и 2-го внутр. займовъ.
8. Частныя объявленія.

Громадный успѣхъ «ОГОНЬКА» (22 тысячи подписчиковъ) въ первый же годъ изданія, дѣлаетъ лишними всякія пышныя общанія. Успѣху этому «ОГОНЬКА» обязанъ: 1) Объемомъ своимъ онъ равенъ большимъ литературнымъ журналамъ, но дешевле ихъ вчетверо. 2) Въ немъ принимаютъ участіе лучшія литературныя и художественныя силы.

Въ прошломъ году въ «ОГОНЬКА» принимали участіе, между прочимъ, слѣдующія лица: В. Г. Аистенко, К. Алексѣевъ, К. П. Галлеръ, Д-ръ Е. Д. Гончаровъ, Г. М. Данилевскій, В. В. Крестовскій, В. Корниевскій (псевд.),

Для удобства своих подписчиков, Контора
Германа Гоппе принимает подлиску и на всѣ
русскіе и иностранные журналы и газеты.

К. Орловскій, А. Н. Майковъ, Я. П. Полонскій, П. Полевой,
Гр. Е. А. Салиасъ, М. К. Случевскій, Д. И. Садовниковъ,
А. Фетъ; и др.

При томъ же составѣ редакціи, при стремленіи къ
улучшенію журнала съ каждымъ номеромъ въ 1880 г. съ
первыхъ номеровъ редакция начнетъ печатать: «Масоны»,
романъ въ 5 част. А. Ф. Писемскаго, и «Лихо», истори-
ческая повѣсть Д. В. Аверниева.

Годовая цѣна «ОГОНЬКА»: безъ доставки 4 руб.; съ
доставкою въ С.-Петербургъ и съ пересылкою во всѣ
города Россіи 5 руб.

Подписка принимается въ конторѣ издателя журнала
«ОГОНЕКЪ», въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая ул.,
д. Коровина, № 16.

Редакторъ журнала «Огонекъ»
Н. П. Алевертъ.

Издатель журнала «Огонекъ»
Германъ Дмитр. Гоппе.

Въ книжномъ магазинѣ С. П. ГЛАЗЕНАПА (Поварской пер.,
№ 15, въ С.-Петербургѣ) поступили въ продажу слѣдующіе
отрывочные календари на 1880 годъ.

КАЛЕНДАРЬ - ТЕРМОМЕТРЪ

ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к., безъ термометра 75 к., съ пер. 1 р. 20 к.

СЕМЕЙНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

съ росписаніемъ 366 обѣдовъ, на каждый день. Ц. 75 к., съ
пер. 1 р. 20 к., съ термометромъ 1 р., съ пер. 1 р. 50.

ВОЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ

съ необходимыми свѣдѣніями для г. военныхъ ц. 1 р., съ пер.
1 р. 20 к., съ термометромъ 1 р. 25 к. съ, перес. 1 р. 50 к. и
небольшая поваренная книга для молодыхъ хозяевъ
скромный и постный

„ДОМАШНИЙ СТОЛЬ“

составл. А. Толiverовой и А. Сальниковой. Ц. 1 р., съ пер.
1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Въ книгѣ «ДОМАШНИЙ СТОЛЬ» кромѣ объясненія, какъ
приготовлять 366 обѣдовъ, помѣщенныхъ въ «Семейномъ Ка-
лендарѣ» находятся рецепты приготовленія куличей, насокъ,
кваса, соленія и копченія рыбы и мяса, а также средства
предохраненія провизіи отъ порчи.

Покупающіе «Семейный Календарь» приобретаютъ «До-
машній столъ» за 75 к., въ перепл. за 1 р. 25 к.

Всѣ требованія иногородныхъ исполняются немедленно.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1880 ГОДЪ

НА

Годъ третій.

ИЗУМРУДЪ

Годъ третій.

СБОРНИКЪ

РОМАНОВЪ, ПУТЕШЕСТВІЙ И НЕБОЛЬШИХЪ РАЗСКАЗОВЪ

ВЪ ПЕРЕВОДЪ

СЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКОВЪ НА РУССКІЙ.

ПРОГРАММА:

Сборникъ будетъ выходить, какъ и въ 1879 году, книгами большого формата, между 10 и 20 января, марта, мая, іюля, сентября и ноября мѣсяцевъ.

Каждая книга будетъ по возможности, вмѣщать въ себя одинъ совершенно законченный романъ и нѣсколько рассказовъ.

Каждое произведеніе, помѣщаемое въ Сборникѣ, будетъ имѣть особую нумерацію страницъ, каждый романъ особый заглавный листъ, а для рассказовъ будетъ одна общая обертка.

Подписная цѣна за годовое изданіе Изумруда, состоящее изъ шести книгъ большого формата, безъ доставки — 5 руб., съ доставкой — 5 руб. 50 коп.; а съ пересылкою 6 рублей.

На полгода подписка не принимается.

Кромѣ вышеупомянутыхъ шести книгъ, всѣ подписчики на 1880 годъ получаютъ безплатно въ концѣ его, большой историческій или уголовный романъ, который отдѣльно будетъ продаваться не менѣе 2 или 3 рублей за экземпляръ.

Не желая прибѣгать къ рекламѣ, редація однако, считаетъ необходимымъ познакомить, хотя отчасти, читающую публику съ характеромъ и направленіемъ Изумруда, и помѣщаетъ здѣсь ввиду этого списокъ статей, помѣщенныхъ въ немъ а именно: въ сборникѣ за 1878 г. помѣщены между прочимъ:

Вратоубійца—Эли Берта.—Лейла—изъ турецкихъ нравовъ.—Король Англо-Саксовъ.—(изъ временъ завоеванія Англіи Норманами) Э. Бульвера.—Фоблексъ Нерона—изъ временъ папы Сикста V.—Диръ Омерта—изъ временъ первой французской революціи.—Ночь въ Фетенебло—изъ царствованія Людовика XVI.—Трагическая развязка—автора романа графъ де-Фуа.—Испорченная жизнь—Эли Берта.—Тайна индійскихъ офицеровъ.—Миссъ Бредонъ.—судиникъ въ Гернейскомъ лѣсу—изъ слѣдственнаго дѣла Либела Варлейга—Уильки Коллинза. Фрегатъ Аркона—Бера.—Опасная комната.—Почему я не сдѣлался адвокатомъ.—Подъ Вичемъ чумной заразы. (описаніе чумы, опустошившей югъ Франціи). М. Лафонъ.—Игрушка Фертуны.—Раскаініе истителя — изъ временъ короля Карла VI.—Казнь Королевы Анны.

и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Въ вышедшихъ книгахъ за 1879 помѣщены *Авантюризмъ* — *Тисье*.—*Госпожа Амалия Довь*.—*Княгиня Кастель-Франко*.—*Ночь подъ Рождество Кабалеро*.—*Заблужденіе*.—*Эюма: Сознаніе преступника*.—*Амедей Моцартъ*.—*Погоня за призракомъ*.—*Внучка Людовика XIV*—автора Луизы д'Аварэ.—*Мѣсяць въ Калифорніи*.—*путешествіе*—*Проклятый дождь*.—*Жертвы честолюбія*.—*Драма въ улицѣ Страждъ*—Ю. Лакру

и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Иногородные подписчики, желающіе выписать который нибудь изъ этихъ годовъ, остающихся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, могутъ еще получить ихъ изъ конторы редакціи по 6 руб. за экземпляръ.

Для новыхъ иногородныхъ подписчиковъ на 1880 годъ редакція считаетъ возможнымъ сбавлять сбавку а именно: за 1878 годъ они могутъ получить за 4 руб. а сборникъ за 1879 за 4 р. 50 коп. то есть вмѣсто слѣдующихъ за эти года 12 рублей онѣ благоволятъ высылать только 8 руб. 50 коп.

(Пятьдесятъ копѣекъ можно, вмѣсто мелочи, высылать 5 копѣечными марками).

Примѣчаніе 1) Во избѣжаніе недоразумѣній, редакція считаетъ нужнымъ прибавить, что она уступаетъ сборникъ 1878 и 1879 годовъ вмѣстѣ или порознь, но только тѣмъ иногороднымъ подписчикамъ, которые пришлютъ за нихъ деньги одновременно съ подписною суммою слѣдующей за сборникъ 1880 года. Гг. Московскіе подписчики пользуются также уступкою, но только въ такомъ случаѣ, если они внесутъ деньги за всѣ три года сразу.

2) Всѣмъ подписчикамъ „Изумрудъ“, кромѣ того, предоставляется отнынѣ право получать со сбавкою цѣнъ всѣ книги, которые будутъ изданы редакціею независимо отъ сборника. Такъ напримѣръ въ настоящее время она предполагаетъ въ недалекомъ будущемъ, приступить къ печатанію большаго историческаго романа подъ названіемъ: „Рыцарь Кроваваго Креста“, который будетъ, въ отдѣльной продажѣ стоить съ перссылкою 3 руб. 50 коп., но для господъ подписчиковъ, которые пришлютъ за него деньги до выхода его въ свѣтъ предполагается уступать его по 2 р. 25 к.

Гг. подписчиковъ просятъ искорѣннѣе присылать свои адреса, написанные разборчивою рукою и съ точнымъ поименованіемъ губерніи и уѣзда гдѣ находится ихъ жительство.

Примѣчаніе 3) Желающіе получить отъ конторы Сборника какія-либо свѣдѣнія благоволятъ присылать на отвѣтъ 8 копѣечную марку.

Подписка принимается въ Москвѣ въ редакціи и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Гг. иногородные благоволятъ обращаться исключительно только къ издателю сборника, адресау требованія слѣдующимъ образомъ; въ г. Москву, въ контору редакціи сборника „Изумрудъ“ г. Редактору Издателю Михаилу Николаевичу Воронову.

(Волѣе подробный адресъ редакціи Московскому почтамту извѣстенъ).

Редакторъ-Издатель **Михаиль Вороновъ.**

Годъ III.

III Годъ

О подпискѣ на 1880 годъ на большой
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ“

ЕДИНСТВЕННЫЙ ДЕНЕЖНЫЙ БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ВЪ РОССИИ.

Журналъ выходитъ въ форматѣ большихъ иллюстрацій со множествомъ художественно выполненныхъ гравюръ. Въ каждомъ номерѣ помѣщаются: романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, біографіи, всемірное обозрѣніе, политика, современная хроника, новости изъ наукъ и жизни, популярно-научныя статьи карикатуры, шахматы, заваши, и пр. Въ каждомъ номеру прилагается отдѣльно:

24 № въ годъ—НОВѢЙШАЯ ПАРИЖСКАЯ МОДА—въ годъ 24 №

Эти модныя приложенія, ни въ чемъ ни уступающія специально-моднымъ журналамъ, заключаютъ въ себѣ рисунки модъ, подробныя описанія къ нимъ и обстоятельную модную хронику.

Всѣ подписчики когда бы не подписались, получаютъ въ теченіи года:

ДВѢНАДЦАТЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРЕМІЙ

разныхъ ежемѣсячно и состоящихъ изъ прекрасно-выполненныхъ копій съ лучшихъ художественныхъ произведеній; эти преміи, отпечатанныя на хорошей толстой бумагѣ съ тономъ, составятъ къ концу года богатый альбомъ.

Кромѣ того, всѣмъ годовымъ подписчикамъ журнала раздается главная большая премія.

„РОССИЙСКІЙ ИМПЕРАТОРСКІЙ ДОМЪ“

Эта роскошная картина представляетъ группу прекрасно-выполненныхъ портретовъ всѣхъ особъ нинѣ царствующей фамиліи. Величина картины въ длину 1 арш. 1½ вершка, и въ ширину 12 вершковъ. Картина отпечатана на толстой слоновой бумагѣ, съ фономъ, и стоитъ въ отдѣльной продажѣ 5 р., съ пер. 6 руб. (Желающіе получить главную премію въ сохраннымъ видѣ, досылаютъ къ подписной картѣ одинъ рубль).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ СЪ ПРАВОМЪ БЕЗПЛАТНАГО ПОЛУЧЕНІЯ:

24 номеровъ новѣйшихъ парижскихъ модъ,
12 ежемѣсячныхъ художественныхъ премій,
Главной преміи: „Россійскій Императорскій Домъ“,

На годъ: съ доставки 4 (четыре) руб. съ доставкой въ Спб. и для иногороднихъ 5 (пять) руб. За границу во всѣ страны свѣта 7 (семь) р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.Петербургѣ, въ Главной Конторѣ Редакціи „Иллюстрированного Мира“, по Фаянскій, д. № 103 (близъ Измайловскаго моста), а также у всѣхъ извѣстныхъ въ Россіи и за границей книгопродавцевъ.

Для удобства своих подписчиков, Контора Германъ Готте принимаетъ подписку и на всё русское и иностр. журналы и газеты.

О ПОДПИСКѢ НА 1880 ГОДЪ НА

„МОДНЫЙ СВѢТЪ“

Самый полный и дешовый модный и семейный иллюстрированный журналъ въ Россіи.

Съ 1-го января 1880 г. „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ начнеть XIII годъ своего существованія и будетъ издаваться съ прежнею со стороны издателя заботливостью о наружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

Журналъ „Модный Свѣтъ“ въ 1880 году будетъ выходить также **ВЪ ТРЕХЪ ИЗДАНІЯХЪ**

въ количествѣ 48 номеровъ въ годъ, т. е. четыре номера въ мѣсяцъ (два модныхъ и два литературныхъ) и будетъ заключать въ себѣ втеченіи года:

Болѣе 2,000 полнитип. рисунковъ модъ и рукодѣлій въ текстѣ. Рисунки канвовыхъ и тамбурныхъ работъ. Рисунки и выкройки бѣлья, мужскаго, дамскаго и дѣтскаго

Раскрашенные рисунки канвовыхъ, тамбурныхъ и друг. работъ. Рисунки въ русскомъ вкусѣ.

Болѣе 300 выкроекъ на 12 большихъ листахъ.

24 вырѣзныхъ выкройки въ натуральную величину.

24 (или 12 для I изданія) модныхъ раскрашенныхъ парижскихъ картинокъ для II изданія, исполненныхъ лучшими иностранными художниками.

36 (24 раскрашенныхъ и 12 акварельныхъ) модныхъ парижскихъ картинъ для III изданія.

Новѣйшія музыкальн. пьесы (ноты) любимыхъ композиторовъ.

Коллекцію рисунковъ: изъ семейной жизни, модъ стараго времени, характерныхъ костюмовъ для маскарадовъ, портреты, типы и проч.

Новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, фельетонъ, стихотворенія, анекдоты, хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи.

Разныя отдѣльныя бесплатныя приложения и „Почтовый листокъ“ съ самыми разнообразными и полезными совѣтами.

Журналъ „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ имѣеть гораздо болѣе интересностей, чѣмъ всё модные журналы, издающіеся въ Россіи, въ совокупности.

Цѣна годовому изданію „МОДНАГО СВѢТА“, на 1880 г.

I. изданію, съ 12 раскрашен. париж. картинками и со всѣми приложениями: въ С.-Петербургѣ безъ доставки—4 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к.; съ пересылкою во всё города Россійской имперіи 6 руб.

II изданію, съ 24 раскрашен. парижск. картинками и со всѣми приложениями въ С.-Петербургѣ безъ доставки—5 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—6 р. 50 к.; съ пересылкою во всё города Россійской имперіи 7 р.

III изданію, съ 24 раскрашен. парижск. картинками, 12 раскрашен. акварельными картинками и со всѣми приложениями: въ С.-Петербургѣ безъ доставки—7 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—8 р. 50 к.; съ пересылкою во всё города Россійской Имперіи 9 руб.

Въ Москвѣ цѣна безъ доставки: I-му изданію 5 руб.; II изданію 6 р. 50 коп.; III изданію 8 р. 50 к.; съ пересылкою: I-му изданію 6 р., II-му изданію—7 р., III-му изданію 9 р.

Издатель „Моднаго Свѣта“, Германъ Готте.

Главная контора Редакціи „Моднаго Свѣта“ находится, въ С.-СПБ., по Большой Садовой улицѣ, домъ Коровина № 16.

ОБЪ ИЗДАНИИ
ГАЗЕТЫ
„СОВРЕМЕННОСТЬ“

съ особымъ еженедѣльнымъ приложеніемъ
СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНІЕ
въ 1880 году.

Газета «Современность» издается безъ предварительной цензуры. Въ ней будутъ помѣщаться: I. Передовыя статьи по вопросамъ политическимъ, учебно-воспитательнымъ, церковно-общественнымъ, юридическимъ, литературнымъ и др. Обзорѣнія: внутреннее, имѣющее предметомъ обсужденіе болѣе крупныхъ фактовъ изъ современной общественной жизни,—иностранное и политическое. II. Правительственныя распоряженія, касающіяся всѣхъ вообще вѣдомствъ. III. Хроника, въ которую войдутъ разные слухи и свѣдѣнія о событіяхъ, преимущественно столичной жизни. IV. Журнальные и газетные толки, или выдержки изъ статей, заслуживающихъ почелу-либо особеннаго общественнаго мнѣнія V. Внутреннія извѣстія, гдѣ первое мѣсто будетъ представлено разнаго рода корреспонденціямъ, чуждыхъ всякимъ личностей и провинціальнымъ дряблѣ, а также интересныя, въ какомъ бы то ни было отношеніи, извѣстія, заимствованныя изъ другихъ газетъ. VI. Судебный отдѣлъ, въ которомъ будутъ печататься обстоятельныя отчеты о болѣе или менѣ замѣчательныхъ и поглощающихъ общественное вниманіе судебныхъ процессахъ. VII. Иностранныя извѣстія, касающіяся политической и внутренней жизни разныхъ чужеземныхъ народовъ. VIII. Разныя мелкія извѣстія изъ внутренней и иностранной жизни. IX. Фельетонъ, въ которомъ, между прочимъ, будетъ помѣщаться обзоръ текущей журналистики, какъ свѣтской, такъ и духовной, а равно и статьи: ученаго и беллетристическаго характера. X. Биржевыя свѣдѣнія.

Въ будущемъ 1880 году «Современность» будетъ выходить пять разъ въ недѣлю за исключеніемъ дней, слѣдующихъ за праздниками.

«Семейное Чтеніе» будетъ заключать въ себѣ: статьи о современныхъ событіяхъ, романы, повѣсти, рассказы и т. д., будетъ выходить разъ въ недѣлю въ объемъ двухъ печатныхъ листовъ въ четвертую долю, въ три столбца.

Рѣшившись съ текущаго октября издавать при газетѣ «Современность» еженедѣльное прибавленіе, подъ названіемъ «Семейное Чтеніе», считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о цѣли и значеніи этого прибавленія.

«Семейное Чтеніе» не имѣетъ въ виду преслѣдовать педагогическую цѣль, а тѣмъ менѣе доставлять русскимъ небо-

гатымъ семействамъ матеріалъ для одного легкаго чтенія и развлеченія; назначеніе его несравненно серьезнѣе. Наше «Семейное Чтеніе» будетъ служить необходимымъ дополненіемъ газеты «Современность» и предназначается для того класса общества,—который не имѣетъ возможности подписываться на большую ежедневную газету и толстый журналъ стоющіе вмѣстѣ болѣе 30 рублей серебромъ.

Теперь нѣсколько словъ о характерѣ «Семейнаго Чтенія».

У насъ еще не выработались серьезные взгляды на значеніе государства и общества, а также на обязанности наши относительно того и другаго. Русская журналистика не должна оставлять безъ вниманія этотъ важный пробѣлъ въ нашемъ общественномъ пониманіи. Необходимо, по нашему мнѣнію, чтобы въ каждомъ грамотномъ семействѣ имѣлось такое изданіе, изъ котораго всѣ его члены могли-бы приобрѣтать вѣрныя понятія о своихъ многообразныхъ обязанностяхъ и отношеніяхъ въ общественной жизни, могли бы набираться честныхъ убѣжденій и проникаться правильными взглядами на государственные и общественные интересы;—которое со-общало бы вѣрное освѣщеніе какъ текущимъ событіямъ, такъ и болѣе крупнымъ вопросамъ, въ данный моментъ занимающимъ и волнующимъ русское общество, — добросовѣстно и честно разъясняло бы дѣло и указывало, чего именно слѣдуетъ крѣпко держаться у чего избѣгать.

Русская семья, въ лицѣ старшихъ и младшихъ своихъ членовъ, должна знать, какъ для нея должна быть дорога судьба отечества и какой высокой интересъ должно представлять все то, что можетъ содѣйствовать нравственному и матеріальному благосостоянію Россіи.

Необходимо, чтобы каждый заѣзжіи къ намъ иностранецъ и насъ русскій пропагандистъ, попавшій въ нашу общественную среду, ясно видѣлъ, что русскаго человѣка нельзя отуманить ложными чужеземными ученіями, что онъ научился понимать и цѣнить свою вѣру, свой языкъ, свои завѣты и преданія и свою исторію,—и что наша родная почва неудобна для безразсудной дѣятельности разрушителей, созданнаго вѣками, общественнаго порядка.

Таковыя наши стремленія. Мы понимаемъ всю трудность предстоящей намъ задачи содѣйствовать русской семьѣ къ достиженію высокаго призванія ея въ обществѣ и государствѣ: по крайней мѣрѣ, мы не пожалѣемъ никакихъ усилій къ возможному достиженію.

Подписная годичная цѣна съ пересылкою и доставкою на домъ 6—руб. Подписка принимается въ редакціи газеты въ С.-Петербургѣ, уг. Ямской и Свѣтлаго пер., въ д. № 9 кв. № 18.

Редакторъ О. Е. Лозинскій.

Издатель А. А. Старчевскій.

Съ 1 Сентября 1879 года издается въ Москвѣ

НОВЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ:

ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

По утвержденной программѣ въ составъ его входятъ: 1) Правительственныя распоряженія, касающіяся театровъ; 2) Драматическія сочиненія, разрѣшенныя цензурою къ представленію на сценѣ: драмы, трагедіи, комедіи, водевили, сцены, либретто оперъ, оперетокъ и балетовъ, ежемѣсячно не менѣе трехъ полныхъ пьесъ; 3) Статьи научнаго содержания о театрѣ и драматическомъ искусствѣ; 4) Темы для сценческихъ сочиненій; 5) Театральная критика; 6) Біографія лицъ, извѣстныхъ въ театральномъ мірѣ; 7) Силъсь; мелкія извѣстія въ предѣлахъ программы изданія; 8) Стороннія сообщенія и отвѣты редакціи; 9) Театральная хроника; извѣстія объ иногородныхъ представленіяхъ; 10) Объявленія отъ артистовъ, желающихъ имѣть мѣста при театрахъ: актеровъ, пѣвцовъ, капелмейстеровъ, музыкантовъ, декораторовъ, гримеровъ и пр.; 11) Объявленія приглашеній помннутыхъ лицъ автрепренерами театровъ и 12) Объявленія частныя.

На основаніи этого, въ первой книгѣ, за Сентябрь 1879 года, помѣщены: статьи отъ редакціи „НАША ПРОГРАММА“. Смирнонь Іоанновичъ Гордый Великій князь Московскій. Драма въ 5 дѣйствіяхъ и 9 картинахъ, изъ временъ 1345—1353 г.—*Г. Н. Новосельскаго*. Изъ Семейной Хроникки. Комдія въ 3 дѣйствіяхъ.—*И. В. Самарина*. Школьнымъ путемъ—на большую дорогу. Драматическая комедія въ 5 дѣйствіяхъ.—*Князя Н. П. Урусова*. Съ огнемъ не играй. Комедія въ одномъ дѣйствіи.—*В. И. Жукова*. Геркулесъ Шутка-водевилъ въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ нѣмецкаго. Григорій Наумовичъ Новосельскій. (Біографическій очеркъ)—*Н. Шаповалова* Эмиль Золя какъ сценическій критикъ и драматургъ. Искусство чтенія. Эрнеста Легуве, члена Французской Академіи. Переводъ съ французскаго съ предисловіемъ отъ редакціи.—Гл. I—IX. Заграничная школа. (Изъ воспоминаній русской).—Гл. I—XI Записки Актера. Гл. I—III.—*Н. Стружжина*. къ открытію сезона. (Замѣтка о Маломъ театрѣ). Нашъ французскій театръ. (Письмо изъ Петербурга).—*М. М. Западныя сцены*. („Французская комедія“ въ Лондонѣ). Списокъ пьесъ, дозволенныхъ драматическою цензурою къ представленію безъ условно и съ исключеніями, съ 1-го Юля 1878 года по 1 Января 1879 года. Списокъ пьесамъ Гг. членовъ Общества драматическихъ писателей, игравшимъ на провинціальныхъ театрахъ, за Января 1878 года. Частныя объявленія.

Такимъ образомъ журналъ „Театральная Библиотека“ будетъ доставлять публикѣ возможность всесторонне ознакомиться съ драматическою литературою и научною стороною театральнаго дѣла; при чемъ редакція озабочается помѣщеніемъ въ журналъ, сверхъ оригинальныхъ пьесъ русскихъ авторовъ,—хорошихъ переводовъ, какъ древнихъ классическихъ, такъ и современныхъ иностранныхъ драматическихъ произведеній, а равно и научныхъ оригинальныхъ переводныхъ сочиненій, относящихся до драмы и сцены.

Издатель имѣлъ въ виду еще и то, что спеціального журнала по драматургіи и сценическому искусству, уже много лѣтъ въ Россіи не было, а всѣ существующіе журналы, имѣя другія цѣли и задачи, весьма рѣдко открывали и открываютъ свои страницы для драматическихъ сочиненій и велѣдствіе сего труда большинства пишущихъ для театра, оставаясь не оглашенными въ печати, пропадають бесцѣдно для исторіи драматической литературы и бесполезно для самихъ авторовъ, тогда какъ журналъ „Театральная бібліотека“ устранилъ это неудобство.

Кромѣ того, помѣщеніе въ журналѣ списка пьесъ, дозволенныхъ къ представленію драматическою цензурою, значительно облегчитъ автрепренерамъ и актерамъ провинціальныхъ и частныхъ театровъ полученіе отъ мѣстныхъ властей разрѣшеній на постановку пьесъ на сцену, такъ какъ при этомъ условіи журналъ „Театральная бібліотека“, за прекращеніемъ нынѣ издаванія Правительственнаго указателя, будетъ служить не только справочною книгою, но даже руководствомъ и для самихъ властей, дающихъ разрѣшеніе на устройство спектаклей.

П о д п и с н а я   ц ѣ н а :

Съ 1-го сентября 1879, по 1-е января 1880 года.

Безъ доставки: Съ доставкою въ Москвѣ: Съ пересылкою иногороднимъ:
 5 р.   5 р. 50 к.   5 р. 75 к.

Съ 1-го января 1880 г.

Безъ доставки: Съ доставкою въ Москвѣ: Съ пересылкою иногороднимъ:
 На 12 мѣс. 12 р.   На 12 мѣс. 13 р.   На 12 мѣс. 13 р. 50 к.
 „ 6 „ 6 „ 50 „   „ 6 „ 7 „   „ 6 „ 7 „ 25 „
 „ 3 „ 4 „   „ 3 „ 4 „ 50 „   „ 3 „ 4 „ 75 „

При годовой подпискѣ можетъ быть сдѣлана и разсрочка по третямъ, со взносомъ за мѣсяць впередъ до истеченія оплаченной трети и со включеніемъ пересылочныхъ на весь годъ въ первый платежъ.

Подписка принимается:

Въ Москвѣ: въ Редакціи журнала, въ Кремль. въ Потѣшномъ дворцѣ въ квартирѣ Николая Львовича Шаповалова, ежедневно отъ 10 час. утра до 3 пополудни; въ книжныхъ магазинахъ М. Г. Соколовскаго и А. Васильева, на Страстномъ бульварѣ; при бібліотекѣ С. Ф. Рассохина, въ домѣ Шаблыкина, по газетному пер.; въ центральной, конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ газетъ, Большая Дмитровка, домъ Бучумова. Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ И. О. Тихонова, по Мясному переулку, въ зданіи Литовскаго рынка. Въ Одессѣ при южномъ агентствѣ журналовъ и газетъ, д. Вагнера, на Ланжеронской улицѣ. Въ Казани: въ книжномъ магазинѣ „Восточная Діра“.

Гдѣ Иногородные благоволятъ адресоваться непосредственно въ Редакцію.

Редакторъ-Издатель М. Шаповаловъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„НОВОСТИ“

на 1880 годъ.

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПОДЪ НОВОЮ РЕДАКЦІЕЮ)

Подписная цѣна:

на 1 г. 11 м. 10 м. 9 м. 8 м. 7 м. 6 м. 5 м. 4 м. 3 м. 2 м. 1 м.

Съ достав.																			
въ С.-Петербур.	8	7	50	7	—	6	50	6	—	5	50	5	4	50	3	80	3	2	1
Съ пересыл:	9	8	25	7	50	7	—	6	50	5	75	5	4	50	4	—	3	2	1

Подписывающіеся сразу на всѣ послѣдніе мѣсяцы 1879 г. и на весь 1880 г., платятъ за время: съ 1-го сентября 1879 г. по 1-е января 1881 г., т. е. за 16 мѣсяцевъ 12 руб., съ 1-го октября 1881 г. по 1-е января 1881 г., т. е. за 15 мѣсяцевъ — 11 руб. 50 коп., съ 1-го ноября — всего 10 р. 50 к., и съ 1-го декабря 9 р. 50 к.

Подписывающіеся на весь 1879 г. получаютъ всѣ номера съ 1-го января.

Письма и деньги адресуются: въ С.-Петербургъ, въ редакцію газеты «НОВОСТИ» (Гороховая, 32).

Газета «НОВОСТИ» выходитъ, безъ предварительной цензуры, ежедневно, не исключая понедѣльниковъ, полными номерами, а въ дни, слѣдующіе за табельными праздниками, въ видѣ прибавленій или телеграфныхъ бюллетеней.

Редакція строго соблюдаетъ принятое ею съ самаго начала изданія правило—не оставлять ни одного болѣе или менѣе выдающагося явленія или событія безъ своевременной всесторонней оцѣнки и освѣщенія (отдѣлъ «Дневникъ»), не сообщать читателямъ ни одного извѣстія позже другихъ газетъ и не помѣщать въ газетѣ никакихъ статей, не представляющихъ общественно политическаго интереса для большинства ея читателей. Изъ многочисленныхъ же извѣстій административнаго характера газета отдастъ предпочтеніе такимъ,

въ которыхъ заключаются рѣшенія какихъ нибудь крупныхъ общественныхъ вопросовъ или отвѣты на различныя ходатайства мѣстныхъ обществъ, вынужденныхъ часто, для получения подобныхъ свѣдѣнй, прибѣгать къ командировкѣ въ Петербургъ специальныхъ уполномоченныхъ или, по меньшей мѣрѣ, къ продолжительной канцелярской процедурѣ переписки. Наконецъ, прочитавшй внимательно даже одинъ или два номера газеты можетъ убѣдиться въ томъ, что газета совершенно чужда рутинѣ, господствующей въ старыхъ изданiяхъ; что общй характеръ газеты носитъ на себѣ печать оригинальности, заключающейся именно въ томъ, что ни одинъ, болѣе или менѣе выдающйся изъ ряда обыкновенныхъ, фактъ не оставляется безъ освѣщенiя; что, при огромномъ числѣ самыхъ разнообразныхъ извѣстй, получаемыхъ редакцiей ежедневно отъ своихъ постоянныхъ репортеровъ и корреспондентовъ (рубрика: «Административныя Новости», «Русская Лѣтопись», «Внутренняя почта» и т. д.), она имѣетъ возможность заимствованiя изъ другихъ изданй подчинять самому строгому критическому выбору и приурочивать къ текущимъ, наиболѣе популярнымъ вопросамъ. Такъ, напримѣръ, подъ рубрикою «Русская Печать», Редакцiя не только знакомитъ своихъ читателей со взглядами и сужденiями текущей перiодической печати, но старается вкратцѣ освѣщать эти взгляды и сужденiя съ научной и общественной точекъ зрѣнiя. Также точно и подъ рубрикою „Свѣтъ и Тѣни“ наиболѣе выдающiяся явленiя обще-государственной и мѣстной жизни приводятся не такъ простые факты, а какъ живой практическй материалъ, почерпнутый изъ всесторонняго житейскаго опыта, регулирующаго нравственный и материальный уровень общественныхъ и гражданскихъ отношенй. Наконецъ, справочный отдѣлъ газеты приуроченъ ко всевозможнымъ общественнымъ потребностямъ различныхъ классовъ («Справочный отдѣлъ»).

Содержанiе газеты „НОВОСТИ“

1) Политическiя телеграммы (доставляемыя «Международнымъ Агентствомъ» и собственными корреспондентами).—2) Дневникъ. До 1-го сентября напечатано: по внѣшнимъ вопросамъ: около 600 статей; по внутреннимъ—около 80 статей.—3) Административныя Новости. (Отъ нашихъ специальныхъ репортеровъ). По 1-е сентября помѣщено болѣе 700 извѣстй.—4)

Русская Литература. (Отъ нашихъ специальныхъ репортеровъ) По 1-е сентября помѣщено болѣе 2,000 статей. Подъ этою же рубрикою, печатились: Всѣ важнѣйшія правительственныя распоряженія, еообщенія и телеграммы.—Отчеты о всѣхъ засѣданіяхъ с.-петербургской городской думы.—Отчеты о всѣхъ засѣданіяхъ ученыхъ и другихъ обществъ: географическаго, мореходства, промышленности и торговли, вольно-экономическаго, техническаго, педагогическаго, естественныхъ наукъ, минералогическаго, этнологическаго, юридическаго, общества русскихъ врачей, общества практическихъ врачей, общества взаимнаго кредита, благотворительныхъ обществъ, дѣтскаго общества, общества сельскихъ хозяевъ, садоводства, коммисіи при педагогическомъ музеѣ. Кромѣ того, своевременно помѣщались всѣ болѣе или менѣе важныя, распоряженія г. петербургскаго градоначальника и мелкія происшествія.—5) **Театръ и Музыка.** Подъ этой рубрикою помѣщено болѣе 1,000 извѣстій и отчетовъ, доставленныхъ нашими репортерами и рецензентами. Подъ этой же рубрикою печатаются собственные и заимствованныя извѣстія о провинціальныхъ русскихъ и иностранныхъ театрахъ.—6) **Всемирный Калейдоскопъ,** печатающийся по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, заключаетъ въ себѣ самыя равнообразныя свѣдѣнія о выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ, явленіяхъ, событіяхъ и фактахъ, совершающихся во всѣхъ частяхъ свѣта.—7) **Правительственныя распоряженія,** представляющія общій интересъ или касающіяся отдѣльныхъ національностей, классовъ и городскихъ или сельскихъ населеній печатаются цѣликомъ.—8) **Внутренняя Почта** (отъ нашихъ постоянныхъ и случайныхъ корреспондентовъ)—9) **Русская Печать** (ежедневное обзорѣніе газетъ и журналовъ).—10) **Литературный Отдѣлъ.** (Беллетристическія и публицистическія статьи); «Вчера и Сегодня». (Воскресныя безѣды *Коломенскаго Кандида*. Еженедѣльно) — «Литературная хроника». (Обзорѣніе толстыхъ журналовъ. *Вл. Чуйко*. Два раза въ мѣсяцъ). — «Въ складахъ историческаго матеріала». (Изъ разсказовъ архивной крысы. Обзорѣніе историческихъ журналовъ и книгъ, *Коломенскаго Кандида*. Ежемѣсячно). — «Обзорѣніе педагогическихъ журналовъ» *Скромное Я*. Ежемѣсячно. — «Обзорѣніе духовныхъ журналовъ». *Скромное Я*. Ежемѣсячно. — «Обзорѣніе художественныхъ выставокъ». По поводу передвижной выставки 1879 г. *В Чуйко*. — Третья годовичная (1879 г.) выставка «Общества выставокъ художественныхъ произведеній». *Коломенскаго Кандида*.—11) **Библиографія:** отзывы о новыхъ книгахъ.—12) **Публицистическія и историческія статьи.** Экскурсія въ область житейской философіи. *Скром-*

ное Я.—Письмо къ ученому публицисту Н. Е. Михайловскому. В. Чуйко.—Женскій трудъ (паралели. Вниманію великосвѣтскихъ дамъ).—Знаменія времени въ области судебной практики. *Серебренникова*.—По поводу священническихъ ярьс.—Воспоминанія о чумѣ, полковника Д. Н. Ганкевича.—Русская ученая экспедиція въ Египеть для изученія чумы въ 1839—1844 гг. А. Скальковскаго.—Ученое легкомысліе. В. Никитина.—Шипы сѣверныхъ розъ (путешествіе американской мухи), П. Рачковскаго.—По поводу кутайскаго населенія, Л. Бесима.—Эскурсія въ царство мертвыхъ.—Торговля рабами въ Турціи, ст. Паскаля Давида и т. д.—13) **Беллетристика**: «Русское Тайнобрачіе», postscriptum къ „Мелочамъ архіерейской жизни“, печатавшимся въ „Новостяхъ“ въ 1878 г. Н. Лыскова.—«Вабушка и ввучка», оригин. повѣсть Л. О. Леванди.—„Призраки“, оригин. рассказъ Нила Адмирари (Л. Панютина).—„Страница изъ исторіи одного ребенка“, оригин. этюдъ Сахаровой.—„Женщина, разрѣзанная на куски“, сцены изъ соврем. «подземнаго Милана».—«Безъмянный замокъ», съ венгерскаго, романъ Локаи.—«Зачумленный городъ», рассказъ.—«На Левантской эскадрѣ», рассказъ Литрова.—«Уголовныя драмы», романъ П. Законна и Э. Море.—«Местъ или тайны серала», романъ Лейли Ханумъ.—«Изъ омута въ омутъ», романъ Макс-Амесса Флемингъ (изъ американской жизни).—«Около золотого тельца», оригин. романъ.—«Утесъ Почетнаго Легіона Барт. Ауэрбаха».—«Гиганты—полины».—«Дѣти покойницы», ром. Ульбаха.—Рассказы Бретгарта и т. д. Воскресные номера печатаются въ форматѣ, удобномъ для переплета. Изъ печатающихся въ воскресныхъ номерахъ беллетристическихъ произведеній, по истеченіи года, составится объемистый томъ въ 26 листовъ газетнаго формата.—14) **Справочный Отдѣлъ**. Коммерческія телеграммы (доставляемія редакціи «Международнымъ Агентствомъ») — Хлѣбныя и товарныя рынки (столичныя и провинціальныя). — Биржевыя курсы. — Тиражи процентныхъ бумагъ. — Минеральныя воды за границею (сравочныя свѣдѣнія). — Желѣзныя дороги. — Указатель лечебницъ. — Указатель дѣлъ, назначаемихъ въ коммерческомъ судѣ. — Репертуаръ. — Прибывшіе и выбывшіе и проч. и проч. — Свѣтъ и Тѣни.—16) **Судебный Отдѣлъ**. (Отъ нашихъ стенографовъ и изъ официальныхъ газетъ).—17) **Объявленія и рекламы**.

ВЪ 1880 ГОДУ

„СЕМЬЯ и ШКОЛА“

Годъ десятый.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДОМАШНЯГО И ОБЩЕСТВЕННАГО ВОСПИТАНІЯ

будеть издаваться по той-же программѣ, въ тѣ-же сроки и въ такомъ-же объемѣ, какъ и въ 1879 году.

Полное годовое изданіе двадцати двухъ книгъ и сорока номеровъ „Педагогической хроники“. Подписная цѣна на полный журналъ съ пересылкою 12 р.

Полное изданіе состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, на которые допускается также отдѣльная подписка.

I. Семейное чтеніе (*отдѣлъ для дѣтскаго чтенія*) выходитъ ежемѣсячно, т. е. 12 книгъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. 10 р.

II. Воспитаніе и обученіе (*отдѣлъ для родителей и воспитателей*) выходитъ въ количествѣ 10 книгъ (т. е. ежемѣсячно, кромѣ іюня и іюля), съ добавленіемъ „Педагогической хроники“, выходящей въ количествѣ 40 номеровъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. 5 р.

Семейное чтеніе даетъ статьи религіозно-нравственнаго содержанія, рассказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописанія и пр., а также игры, работы, руководяща, мастерства и

проч. матеріалъ для физическаго умственнаго развитія. Всюду, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и картины.

Воспитаніе и обученіе съ „Педагогическою хроникою“ со-
держитъ въ себѣ: общія статьи педагогическаго содержанія,
статьи по воспитанію и обученію домашнему и общественному
(вышему, среднему и начальному), нравственному, умствен-
ному и физическому; критику и библиографію; биографи-
ческіе очерки педагоговъ и статей по исторіи педагогіи; от-
дѣлы математическій (самостоятельныя изслѣдованія въ об-
ласти элементарной математики; разработка тѣхъ или другихъ
частей курса учебныхъ заведеній на научно-педагогическихъ
основаніяхъ, и т. п.). „Педагогическая хроника“ даетъ от-
четы по текущимъ вопросамъ учебно-воспитательнаго дѣла
какъ въ Россіи, такъ и за границею и полную библиографію
вновь выходящихъ по воспитанію и обученію книгъ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С.-Пб. Ва-
сильевск. остр., 15-я линія, д. № 8, кв. № 20; или адресуется
просто: Въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Семья и
Школа“ (адресъ почтамту извѣстенъ),—съ сообщеніемъ под-
робнаго адреса: имени, отчества и фамиліи и того почтового
учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и
журналовъ.

Редакторъ-Издатель М. Краевичъ.

о подпискѣ на 1880 годъ

на

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ВЪ ДВУХЪ ОТДѢЛАХЪ

„СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“

Журналъ этотъ удостоенъ Высочайшаго покровительства Го-
сударыни Императрицы Маріи Александровны; рекомендованъ
Учебнымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія
для гимназій, уѣздныхъ училищъ и начальныхъ школъ; состоя-
щимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи

учебнымъ Комитетомъ для чтенія воспитанницамъ женскихъ учебныхъ заведеній Императрицы Маріи. Духовно-Учебнымъ Управленіемъ рекомендованъ начальствомъ духовныхъ семинарій и училищъ, и Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ заведеній рекомендованъ для библиотекъ Военныхъ Гимназій и Прогимназій, какъ изданіе, представляющее обильный матеріалъ для выбора статей, пригодныхъ для чтенія воспитанниковъ.

Съ нынѣшняго 1880 года наступаетъ второе десятилѣтіе редакціоннаго нами журналомъ «Семейные вечера».

Въ теченіи этого времени, на сколько позволяла намъ силы, мы старались честно и добросовѣстно исполнять возложенную на насъ обязанность, и кажется частью достигли этого, судя по одобрительнымъ отзывамъ многочисленныхъ читателей нашихъ.

Не ограничиваясь достигнутыми результатами, редакція журнала «Семейные вечера» стремится къ улучшенію своего изданія, соображаясь съ желаніями подписчиковъ и строго слѣдуя программѣ наждаго отдѣла.

Мы старались Отдѣлу для Семейнаго чтенія сдѣлать, по возможности, на столько разнообразнымъ, чтобы онъ, по своему содержанию и изяществу, могъ служить чтеніемъ для всего семейства, что намъ удобнѣе всего было сдѣлать сравнительно съ другими изданіями въ этомъ же родѣ, потому что форматъ книжекъ и объемъ ихъ болѣе всего подходитъ для этой цѣли.

Въ отдѣлѣ для дѣтей мы помѣщали такіе статьи и рассказы, что не только могли заинтересовать читателя, но и принести ему пользу, какъ нравственную, такъ научную.

Съ будущаго же 1880 года, мы нашли для себя возможнымъ давать, въ видѣ приложенія въ отдѣлу для Семейнаго Чтенія —

Образцы различныхъ рукодѣлій.

И въ отдѣлу для дѣтей удѣтъ прилагаться образцы замѣтій и шръ.

Кромѣ того; *всѣмъ подписчикамъ на оба отдѣла «Семейныхъ Вечеровъ»* будетъ бесплатно разослана, въ видѣ *преміи*, *хромолитографированная картина.*

ПРОГРАММА СЕМЕЙНЫХЪ ВЕЧЕРОВЪ

Отдѣлу для семейнаго чтенія.

- 1) Романы, стихотворенія, повѣсти, рассказы, оригинальные и переводные (съ картинами).
- 2) Біографіи замѣчательныхъ людей (съ картинами).
- 3) Мемуары, историческія очерки и путешествія (съ карт.).

Отдѣлу для дѣтей.

- 1) Повѣсти, стихотворенія, рассказы, какъ оригинальные, такъ и переводные (съ карт.).
- 2) Дѣтство замѣчательныхъ людей (съ картинами)
- 3) Путешествія въ разсказахъ статьи по части исторіи, свя-

4) Популярныя чтенія извѣстныхъ писателей, статьи по части естествознанія, техническихъ искусствъ, музыки и т. д. съ рисунками).

5) Разборы замѣчательныхъ сочиненій, какъ по русской литературѣ, такъ и по иностранной, копии съ лучшихъ картинъ, современные событія, новыя открытія библіографія, смѣсь, анекдоты и т. п.

Въ отдѣлѣ для самыхъ маленькихъ дѣтей будутъ помѣщаться, какъ и прежде, рассказы для дѣтей отъ 5 до 8 лѣтъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	безъ дос.	съ дос.
Полный журналъ (въ 24 кн.) . . .	10 р.	11 р.
Отдѣлъ для дѣтей 12 кн.) . . .	5 >	5 > 50 к.
> > сем. чтен. 12 кн.) . . .	5 >	5 > 50 к.

Для *всехъ учебныхъ заведеній*, подписывающихся прямо въ редакцію на полный журналъ, уступается 1 р.

Для *земскихъ школъ*, подписывающихся не менѣе, какъ на 25 полныхъ экземпляровъ, уступается 2 р.

Кроме того, плата можетъ быть разсрочена: для лицъ, служащихъ въ казенныхъ заведеніяхъ, за ручательствомъ гг. назначеивъ: для воспитательныхъ и учебныхъ заведеній — за ручательствомъ ихъ начальствъ; для частныхъ лицъ, — не иначе, какъ по соглашенію съ редакціей.

Разсрочка отпускается по тремъ впередъ.

За всѣ года, начиная съ 1874 т., имѣются полныя экземпляры въ изящныхъ переплетахъ съ хромофотографированной, картинной.

Ц ѣ н а :

Семейное чтеніе . . . . . 5 р. — к.

Пересылка за 4 фунта, смотря по разстоянію.

Отдѣлъ для дѣтей . . . . . 4 > 75 >

Пересылка за 4 фунта.

Отдѣлъ для самыхъ маленькихъ дѣтей . . . . . 1 > 50 >

Пересылка за 1 фунтъ.

Для *всехъ*, выписывающихъ 6 прежнихъ годовъ разомъ, уступать безъ пересылки:

Въ переплетѣ, вмѣсто . . . . . 67 р. 50 коп. за 54 р.

Безъ переплета, вмѣсто . . . . . 54 > > 40 >

За пересылку платять отдѣльно, смотря по разстоянію, за 8 фунтовъ каждый полный годъ.

Подписка принимается: Въ редакцію журнала „Семейные Вечера“, у Семіоновскаго моста, на углу Караванной и Фонтанки. въ д. 1—2 кв. 21

Редакторъ-Издательница Софія Сергѣевна Камширева.

звался видѣть самыхъ вѣрныхъ приближенныхъ служителей и въ продолженіи трехъ сутокъ не принималъ никакой пищи; нѣкоторое время опасались даже за его разумъ. Положеніе короля дѣйствительно становилось затруднительнымъ. Не придавая полной достовѣрности свазаніямъ лѣтописцевъ, нельзя однако же не замѣтить, сколько труда и усилій стоило приближеннымъ отворотить отъ головы его удары духовнаго проклятiя; только настойчивыя просьбы достигнули того, чтобы въ общемъ отлученіи виновниковъ и участниковъ убійства не было упомянуто имени короля. Для усмиренiя тревожной совѣсти и отвлеченiя общественнаго возбужденiя въ другую сторону, Генрихъ предпринялъ завоеваніе Ирландiи, но не смотря на всѣ усилiя его, глубоко потрясенная власть не могла уже держаться твердо и спокойно. Возникли мятежи; даже его сыновья вооружились противъ него,—неизбѣжные и страшные признаки, по общему мнѣнiю того времени, Божьяго гнѣва. Повсюду, говоритъ Матъе Пари, заговоры, пожары и грабежи; за смерть мученика Томаса Богъ возбудилъ противъ короля его собственную плоть; сыновья преслѣдовали его до самой смерти.

Несчастныя отношенiя короля Генриха II съ его сыновьями составляютъ неминуемое, естественное послѣдствiе личныхъ характеровъ мужа и жены, Генриха и Элеоноры, и ихъ странныхъ супружескихъ отношенiй. Король имѣлъ нервную натуру, до невѣротности подвижную, легко увлекающуюся а слѣдовательно и непостоянную. Бракъ его съ Элеонорой, наслѣдницей аквитанскаго герцогства, былъ дѣломъ расчета, а не душевной привязанности, о которой не могло быть и рѣчи. Можетъ быть въ первое время супружества у короля и проглядывало нѣжное чувство къ женѣ, но это продолжалось недолго—и, по выраженiю древнихъ историковъ, король скоро сталъ увлекаться женщинами всѣхъ сословiй и нацiй. Страстная южная натура Элеоноры не могла простить супругу подобныхъ невѣрностей, а потому и во всѣхъ отношенiяхъ ея къ нему проглядываетъ злобное чувство. А такъ какъ она сама занималась воспитанiемъ дѣтей, то естественно непрiязненное чувство передалось и юнымъ, воспримчивымъ умамъ. Весь

занятый дѣлами внѣ семейнаго круга, король долго не замѣчалъ подобнаго настроенія и обратилъ вниманіе тогда уже, когда было поздно, когда всѣ принимаемыя мѣры, какъ напр. перемѣны воспитателей и наставниковъ, любимыхъ дѣтьми, могли возбуждать только еще большія неудовольствія. При такомъ положеніи семейства стонуются понятными всѣ послѣдующіе фамиліные раздоры.

Нѣтъ сомнѣнія, что король любилъ дѣтей своихъ, но даже это самое расположеніе послужило первымъ поводомъ къ открытому возстанію. Старшій изъ законныхъ королевскихъ сыновей, Генрихъ Курмантэль, женатый на Маргаритѣ, дочери короля французскаго Людовика VII, хотя по желанію отца въ 1170 году и былъ коронованъ архіепископомъ Йорекскимъ, но въ дѣйствительномъ самостоятельномъ владѣніи еще не имѣлъ никакой области. Подстрекаемый съ одной стороны Энеонорой, а съ другой тестемъ, французскимъ королемъ, молодой король потребовалъ отъ отца уступки себѣ или Англіи, или Нормандіи, или графства Анжу, а когда получилъ положительный отказъ, то рѣшился достать себѣ королевство открытою силой. Его сторону поддерживали братъ Ричардъ, имѣвшій во владѣніи Пуату, другой братъ Готфридъ графъ бретанскій, тестъ король французскій, графъ фландрскій и множество бароновъ Англіи и Нормандіи. Въ виду образовавшейся лиги положеніе стараго короля становилось опаснымъ. Война началась по всей границѣ Нормандіи и продолжалась на континентѣ съ перемѣннымъ успѣхомъ. Если превосходство числа находилось на сторонѣ союзниковъ, то за то силы ихъ были разъединены и не могли съ успѣхомъ противодѣйствовать не многочисленному, но отборному войску брабансонцевъ, съ помощью которыхъ король Англіи остановилъ успѣхи Французовъ и на голову разбилъ Бретонцевъ.

Одновременно съ этими событіями открылись между-усобицы и на островѣ. Между баронами, преданными Генриху Курмантелю, особенно выдавались Робертъ де Бомонъ, графъ лейчестерскій и Гугъ Биго, графъ норфольбскій. Однажды старый король публично упрекнулъ перваго въ измѣнѣ, — заносчивый вассалъ положилъ руку на мечъ и осмѣлился угро-

жать жизни государя. За такую дерзость онъ былъ лишенъ владѣнія однимъ городомъ, отнятымъ отъ него судьей Ричардомъ де Люси. Съ своей стороны Робертъ наберевалъ въ Нормандіи и Фландріи значительныя отряды пѣшого и коннаго войска, высадился съ ними въ Англію и заключилъ союзъ съ графомъ норфолькскимъ. Затѣмъ взявъ и разграбивъ замокъ Гакнетъ, Робертъ быстро двинулся на помощь къ замку лейчестерскому, еще державшемуся противъ королевскихъ войскъ, но къ несчастію на пути его настигла превосходящая числомъ армія графа Арундела, разбила и взяла его въ плѣнъ, вмѣстѣ съ знаменитой героиней того времени графиней лейчестерской. Этотъ неожиданный оборотъ сильно напугалъ другихъ мятежниковъ, но скоро наступившая осень остановила дальнѣйшіе успѣхи оружія короля и дала возможность имъ усилить свои средства и приготовиться къ послѣдующей компаніи. И дѣйствительно, Рожеръ моврейскій утвердился въ графствѣ Йоркскомъ, поддерживая Шотландцевъ, а графъ норфолькскій въ главѣ семи сотъ рыцарей и четырнадцати тысячъ воиновъ, набранныхъ въ Фландрію, захватилъ замокъ Норвичъ, обезпечивъ тѣмъ дорогу молодому Генриху, ожидавшему только благопріятнаго вѣтра для переѣзда изъ Гравелина въ Англію съ новыми силами.

Извѣщенный епископомъ винчестерскимъ о намѣреніи сына, король, взявъ съ собою, какъ плѣнницъ, Елеонору и Маргариту, съ нормандской арміей на многочисленномъ флотѣ, отчалилъ отъ Барфлери къ берегамъ Англіи. Во всемъ государствѣ готовились къ рѣшительной битвѣ; умы раздѣлились,—столько убійство Томаса Бекета возбудило раздраженія противъ королевской власти. Въ такомъ положеніи засталъ король народные умы по высадкѣ въ соутемтонской гавани. Поэтому для успѣха предпріятія, для приобрѣтенія народной симпатіи ему предстояло прежде всего умирненіе съ памятью Томаса Бекета. И вотъ король, не принимая никакой пищи, кромѣ хлѣба и воды, и не входя ни въ одинъ городъ на пути, прямо направился изъ Соутемитона въ Канторбери. Увидѣвъ церковныя башни—мѣсто упокоенія мученика (Christ-Church), онъ сошелъ съ лошади, снялъ всѣ знаки царскаго достоинства и

босыми ногами пошелъ по кремнистой и грязной дорогѣ. По прибытіи къ кафедральной церкви, новый Іезекиль съ воплями и слезами подошелъ къ могилѣ Томаса. Здѣсь опустившись на колѣни съ руками, воздѣтыми къ небу, онъ совершилъ въ присутствіи духовенства и множества народа умиленную молитву. При этомъ епископъ лондонскій, сказалъ приличное поученіе народу и громко объявилъ, что король отвергаетъ всякое участіе въ убійствѣ архіепископа, что злодѣи, воспользовавшись нѣсколькими необдуманнми словами, сорвавшись въ припадкѣ раздраженія и увлеченія, совершили преступленіе безъ вѣдома короля. Послѣ этой рѣчи, король, испрашивая у предстоящихъ епископовъ христіанскаго прощенія, обнажилъ свое тѣло для бичеванія. Всѣ присутствующіе духовные поочередно нанесли по три или по пяти ударовъ по плечамъ государя. По окончаніи этого обряда, король надѣлъ платье, одарилъ могилу праведника богатыми вкладами и назначилъ сорокъ ливровъ ежегодной ренты на поддержаніе постоянныхъ лампадъ.

Какъ будто въ ознаменованіе умирнаго ходатайства святаго и благоволенія Божьяго, въ самый день покаянія, въ субботу, врагъ короля Вильгельмъ, король шотландскій, сдѣлался его плѣнникомъ, и въ тотъ же самый день сынъ его Генрихъ, приготовлявшійся къ переѣзду въ Англію, лишился въ бурѣ своего флота (1174 г.).

Такое добровольное, искреннее раскаяніе не вѣроломнаго бѣглеца, а мужественнаго воина и побѣдителя вождя произвело громадное впечатлѣніе на религіозный народъ и обратило къ нему сердца даже и тѣхъ, которые до сихъ поръ сомнѣвались въ чистотѣ его покаянія. Быстрота первыхъ успѣховъ казались явнымъ благоволеніемъ Божиимъ. Всѣ возмущившіеся бароны, Рожеръ мовбрейскій, графы Кларъ и Глочестеръ, даже самъ норфольскій стали являться къ королю съ мольбой о помилованіи, выдавая свои замки и заложниковъ. Такъ кончилось какъ будто чудомъ, почти безъ сраженія, самое серьезное возстаніе, угрожавшее въ Англіи королевской власти въ царствованіе Генрика II (1174 г.).

Не такъ было на континентѣ, гдѣ рознь королевскаго се-

мейства поддерживала племенная вражда южнаго населенія Галліи къ чуждому владычеству. Пользуясь отсутствіемъ короля, сторонники его сыновей бароны Пуату, Бретани, Аквитаніи и армія французскаго короля продолжали ожесточенную войну. Устроивъ дѣла въ Англіи, король Генрихъ II переправился обратно въ Нормандію и удачными дѣйствіями не только возвратилъ всю отнятую во время его отсутствія территорію, но и принудилъ отступить армію Людовика VII, осаждавшую Руанъ. Въ 1175 году состоялось перемиріе, въ силу котораго мятежные сыновья обязались къ отцу леннымъ подданствомъ. Но этимъ перемиріемъ не кончилось разворительная борьба, продолжавшаяся до самой смерти стараго короля. Населенія французскихъ областей, мечтавшія о самостоятельности, недовольныя управленіемъ англійскаго короля продолжали возстанія, борясь то со стороны сыновей Генриха II противъ него, то противъ этихъ самыхъ сыновей, когда они мирились съ отцемъ. 11-го іюня 1183 года умеръ старшій сынъ стараго короля молодой Генрихъ, увѣнчанный коровою, король безъ королевства. Смерть его примиряла на нѣкоторое время семейную вражду, даже супруги, Генрихъ и Элеонора, повидимому забыли прежнюю непримиримую ссору. Недолго пережилъ Генриха братъ его Готфридъ, убитый на турнирѣ при дворѣ французскаго короля. Такимъ образомъ въ живыхъ остались только Ричардъ и младшій изъ всѣхъ братьевъ Іоаннъ.

Въ это время на престолъ Франціи вошелъ Филиппъ Августъ, но съ перемѣной правителя не измѣнились существующія отношенія дворовъ. Значительность владѣній англійскаго короля и вмѣстѣ съ тѣмъ вассала по владѣніямъ Нормандіей, Бретанью и проч., не могла не пугать сюзерена, не возбуждать желанія въ послѣднемъ ослабить вассала, и этимъ обстоятельствомъ естественно объясняется постоянное вмѣшательство французскаго двора, явно и тайно, къ возбужденію раздоровъ. Одно время, казалось, оба двора какъ будто соединились подъ вліяніемъ общаго религіознаго чувства. Въ январѣ 1187 года, подъ убѣжденіемъ Вильгельма архіепископа турскаго, короли Франціи и Англіи дали обѣтъ предпринять вмѣстѣ крестовый походъ для освобожденія гроба Господня.

Перемиріе, впрочемъ, продолжалось недолго. Пользуясь столкновениемъ, возникшимъ у Ричарда пуатьерскаго съ графомъ тулузскимъ, Филиппъ Августъ, въ видахъ обычной политики, открылъ военныя дѣйствія, вошелъ въ Берри и напалъ на укрѣпленные замки англійскаго короля. Вскорѣ война распространилась по всѣмъ смѣжнымъ границамъ обоихъ государствъ; отнимались замки, разорялись города, сжигались селенія до тѣхъ поръ, пока утомленіе и изнеможеніе не заставили обоихъ государей приступить къ мирнымъ соглашениямъ. Переговоры (1188 г.) открылись подъ большимъ явзомъ, между Треіе и Жызеромъ, но не привели къ желаемымъ результатамъ. Согласно съ прежними условіями о соединеніи бракомъ Ричарда и Алисы, сестры Филиппа Августа, послѣдній потребовалъ торжественнаго признанія наслѣдственныхъ правъ на престолъ Ричарду, съ отобраніемъ клятвенной присяги въ вѣрности какъ къ наслѣднику отъ всѣхъ бароновъ Англіи и Нормандіи. Въ сущности это требованіе не вызывало новыхъ отношеній и вполне согласовалось съ существовавшими обычаями, но подъ вліяніемъ ли несчастныхъ послѣдствій коронованія Генриха Курмантеля или раздраженія противъ Ричарда, старый король рѣшительно отказалъ. Въ отвѣтъ на отказъ Ричардъ призналъ себя вассаломъ короля Франціи и торжественно принесъ присягу въ подданствѣ за герцогства нормандское, бретанское, аквитанское и графства Пуату, Анжу и Манъ.

Г Л А В А П.

Смерть Генриха II и вступленіе на престолъ Ричарда. — Отъѣздъ Ричарда въ Палестину. — Канцлеръ Лоншампъ. — Интриги Іоанна Безземельнаго. — Возвращеніе Ричарда и отношеніе его къ брату. — Правительственная дѣятельность Ричарда. — Смерть Вильгельма Длиннобородаго.

Генрихъ II плантагенетъ имѣлъ отъ Элеоноры аквитанской пять сыновей: Вильгельма, умершаго въ Англіи и не участвовавшаго въ политическихъ событіяхъ, Генриха Кур-

мантеля, Ричарда львиного сердца, Готфрида и Иоанна. Изъ предшествующаго изложенія извѣстно, что Генрихъ молодой былъ коронованъ въ присутствіи отца, какъ король англійскій и герцогъ нормандскій; Турень и Анжу должны были принадлежать ему, какъ первородному изъ плантагенетовъ. Аквитанъ поступила къ Ричарду, а Бретанъ къ Готфриду. Одинъ только Иоаннъ, какъ самый младшій, не получилъ никакой доли въ наслѣдствѣ, и это-то обстоятельство послужило поводомъ къ названію его безземельнымъ (Lockland), хотя впоследствии, при своемъ восшествіи на престолъ, онъ обладалъ Англійей, Ирландіей и половиною Франціи.

Отецъ и мать, Генрихъ II и Элеонора, ненавидѣвшіе другъ друга, враждебные въ дружбѣ и ненависти, странно встрѣчались въ общей любви къ младшему сыну. Для него Генрихъ II въ 1171 г. совершилъ завоеваніе Ирландіи; Иоанну было не болѣе 11 лѣтъ, когда король, на основаніи папской буллы, поручавшей ему ввѣрить одному изъ сыновей сеньёрство Ирландіи, торжественно, въ общемъ Оксфордскомъ собраніи, возвелъ въ это достоинство Иоанна, а по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ послалъ его туда для испытанія политическихъ и военныхъ способностей. Опытъ оказался неудачнымъ: въ концѣ девяти мѣсяцевъ вся Ирландія возмутилась, англичане повсемѣстно отражены и самое завоеваніе Ирландіи стало колебаться. Иоанна отозвали. Этотъ несчастный опытъ, достаточный для просвѣщенія короля, не былъ достаточнымъ для отцовскаго пристрастія. По общему мнѣнію, существовавшему въ это время и вполне раздѣляемому Ричардомъ, старшій король послѣ смерти Генриха Курмантеля, даже предназначалъ королевскую корону Иоанну, какъ всегда покорному, нѣжному сыну, небывшему съ нимъ въ борьбѣ.

Въ 1188 г., послѣ неудачныхъ мирныхъ переговоровъ, возникла война между Генрихомъ II и Ричардомъ, поддерживаемомъ Филиппомъ Августомъ и почти всѣми баронами королевства. Покинутый почти всѣми, ослабѣвшій морально и физически, старшій король бѣжалъ изъ города въ городъ, изъ Мана въ Амбуазъ, изъ Амбуаза въ Туръ. Наконецъ, почувствовавъ приближеніе смерти, онъ выпросилъ у Филиппа пе-

ремаріе на нѣскольکو дней, позволившее ему умереть спокойно. Передъ смертью онъ пожелалъ видѣть списокъ бароновъ, присоединившихся къ королю Франціи, и первое имя, поразившее его—было имя Іоанна. Онъ не читалъ дальше. Три дня спустя онъ умеръ въ Шинонѣ, призывая небесное мщеніе на сыновей отцеубійць и въ особенности на младшаго, какъ на самаго неблагодарнаго и самаго вѣроломнаго. Грустныя сцены смерти и похоронъ Вильгельма завоевателя повторились и при похоронахъ его потомка. Съ послѣднимъ вздохомъ Генриха разбѣжались всѣ его окружающіе, ограбивъ все, что только было цѣннаго. Когда тѣло покойнаго надлежало убрать царскими регалиями, то хранители королевскихъ сокровищъ отказали въ присылкѣ ихъ и только послѣ настоятельныхъ требованій доставили какой-то старый скипетръ и не цѣнное кольцо, а вмѣсто короны покойному королю надѣли діадему изъ золотой парчи отъ женскаго платья. Останки Генриха II похоронены въ аббатствѣ Фонтсврей, близъ Шинона. Описывая кончину короля, современная хроника рассказываетъ будто Ричардъ, съ сердцемъ полнымъ раскаянія, явился поклониться безжизненному тѣлу отца и что будто во все время его присутствія изъ ноздрей трупа лились потоки крови. Что же касается до Іоанна, то онъ не считалъ себя обязаннымъ почтить память отца ни слезой, ни молитвой.

Оканчивая изложеніе событій времени Генриха II, нельзя не упомянуть о гражданской дѣятельности этого государя. Несмотря на непрерывный рядъ войнъ и распрей, на семейныя несогласія, естественно поглощавшія душевныя силы, царствованіе его замѣчательно многими весьма полезными мѣропріятіями. Вся Англія раздѣлена была на шесть судебныхъ округовъ, объѣзжаемыхъ въ извѣстные періоды королевскими судьями, что уничтожило патримоніальный судъ бароновъ, допускаяшій возможность произвола по личнымъ отношеніямъ. Затѣмъ изданіе сборника законовъ, составленнаго ученымъ Ральфомъ Гленвилемъ изъ національнаго обычнаго права, дало возможность болѣе правильнаго и единообразнаго примѣненія. При этомъ нельзя не упомянуть объ извѣстномъ, дошедшемъ до нашего времени сочиненіи епископа эльскаго Ричарда о

Court of Exchequer, объясняющемъ организацію судебной власти того времени. Наконецъ постановленія объ отъѣвѣ береговаго права и объ опредѣленіи воинской повинности не могли не имѣть вліянія на развитіе промышленности и народнаго богатства.

Генриху наследовалъ (1189 г.) Ричардъ—типъ современнаго ему рыцарства со всѣми его недостатками и поэтическимъ колоритомъ, хотя изъ первыхъ дѣйствій новаго короля можно было бы вывести совершенно противоположное заключеніе. Отобравъ отъ Стефана турскаго, сенешала Анжу, казну покойнаго отца, Ричардъ, въ сопровожденіи брата Іоанна, переплылъ въ Англію, гдѣ точно также успѣвши захватить всѣ королевскія сокровища, хранившіяся въ разныхъ городахъ. Мало того, недовольствуясь этими богатствами, онъ сталъ продавать не по высокой цѣнѣ свои земли, имѣнія, замки, города, а иногда и чужую собственность. Такимъ образомъ значительная доля территоріальной добычи Вильгельма завоевателя перешла въ собственность горожанъ, откупившихъ свои дома съ обязательствомъ платежа ежегодной ренты.

Деньги дѣйствительно были необходимы. Послы короля Филиппа уже напоминали Ричарду о приближеніи праздника Пасхи, послѣдняго срока, назначеннаго обоими королями Англіи и Франціи на исполненіе даннаго обѣта—завоеванія святой земли. Вслѣдъ за симъ Ричардъ отправился съ многочисленнымъ флотомъ въ крестовый походъ на востокъ, гдѣ громкая слава его отважныхъ подвиговъ навела паническій ужасъ на мусульманъ. Между тѣмъ въ продолженіе его отсутствія англійскіе бароны, нестѣсняемые королевской властью, стали прибрѣтать существенное вліяніе на управленіе государствомъ. Съ другой стороны и Іоаннъ, ненавидѣвшій брата и жаждавшій престола, тайно старался возбуждать ихъ неудовольствіе. Такимъ образомъ онъ самъ подготовилъ ту цѣль, которую нѣсколько лѣтъ позже бароны наложили на него самаго. Желая быть царемъ, онъ жертвовалъ царствомъ.

Двѣ преграды отдѣляли Іоанна отъ престола: Ричардъ и племянникъ Артуръ бретанскій, сынъ Готфрида, но послѣдній былъ еще дитя, а первый въ дальней странѣ, гдѣ погибъ.

бало такъ много. Благодаря великодушію Ричарда, Іоаннъ — графъ Монтаня въ Нормандіи, графъ Кориваллиса, Дорсета, Сомерсета, Глочестера, Дерби, Ланкастера, Нотингама въ Англіи—обладалъ почти третьєю частью королевства, но одаряя брата, вѣроятно, по уваженію къ просьбамъ старой королевы Элеоноры, Ричардъ не довѣрилъ ему бразды правленія. Высшее управленіе государственными дѣлами во время отсутствія государя ввѣрено было нормандцу темнаго происхожденія Вильгельму Лоншамну, быстро достигшему вершины почестей до званія канцлера, епископа Эли, главнаго судьи Англіи и наконецъ легата святаго престола. Судѣнный выборъ оказался въ высшей степени неудачнымъ. Гордый, наглій и жадный, по выраженію современныхъ лѣтописцевъ, въ одно и тоже время король и первосвященникъ Англіи, онъ наслаждался роскошью, несомѣстною съ званіемъ епископа. Онъ путешествовалъ напримѣръ въ сопровожденіи тысячи рыцарей съ кортежемъ вооруженныхъ воиновъ и многочисленныхъ клерковъ. На поддержаніе такой изумительной роскоши грабились церкви, аббатства и замки. Не было такого низваго ремесла, въ которомъ бы не загрязнилъ Вильгельмъ Лоншамнъ своего высокаго достоинства. Министръ Ричарда, представитель намѣстника апостольскаго престола, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ростовщикомъ, ссужая за мѣсячные проценты. Произвольныя и несправедливныя дѣйствія правителя естественно вызвали сильное неудовольствіе; составила партія недовольныхъ бароновъ, рѣшившихся ниспровергнуть прелата при первомъ удобномъ случаѣ. Іоаннъ спѣшилъ воспользоваться такимъ благопріятнымъ для него положеніемъ дѣлъ. Получивъ свѣдѣніе отъ шпіоновъ, окружавшихъ Ричарда, о сношеніяхъ послѣдняго съ папой и королемъ Сициліи по поводу назначенія наслѣдникомъ престола племянника Артура, онъ рѣшился немедленно удалить регента съ помощью бароновъ и, ставъ самому на его мѣсто, захватить въ свои руки верховную власть. Удобный случай скоро представился. Желая передать управленіе Линкольномъ одному изъ своихъ приверженцевъ, канцлеръ потребовалъ отъ виконта Жерара Кавиля ключи королевскаго Линкольнскаго замка, а когда

тотъ отказался, то вооруженной рукой взялъ городъ и выслалъ Капвила. Послѣдній обратился съ жалобой къ Іоанну, какъ къ своему сюзерену по ленному владѣнію. Тогда Іоаннъ въ главѣ многочисленной арміи овладѣлъ двумя весьма важными королевскими крѣпостями Ноттингамомъ и Тивгилемъ. Захваченный врасплохъ, регентъ принужденъ былъ уступить и войти въ соглашенія. У заговорщиковъ условлено было отнятые замки поручить охраненію бароновъ для передачи ихъ Іоанну послѣ смерти короля.

Первый успѣхъ ободрилъ заговорщиковъ, а новая ошибка канцлера вскорѣ дала имъ еще большую побѣду. Еще при жизни Генриха II побочный сынъ его Готфридъ избранъ былъ архіепископомъ Йоркскимъ, но Ричардъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, не допускалъ избраннаго до управленія епископствомъ. По подстрекательству бароновъ и по согласію папы, Готфридъ наконецъ посвященъ былъ чрезъ архіепископа турскаго и вслѣдъ затѣмъ отправился въ Англію, гдѣ и высадился въ Дуврѣ. Канцлеръ принялъ противъ него самыя рѣшительныя мѣры. Признанный мятежникомъ и не обладая никакими оборонительными средствами, архіепископъ укрылся въ аббатствѣ Сенъ-Мартена. Послѣ непродолжительной, не болѣе нѣсколькихъ дней, осады войсками канцлера, этотъ монастырь былъ взятъ приступомъ, и тогда толпа, вооруженная мечами, бросилась къ церкви, Готфрида въ архіепископскомъ облаченіи, въ эпитрахилѣ и съ крестомъ въ рукѣ, вытащили изъ сѣнницы и повлекли всего окровавленнаго, съ головой разбитой о мостовую до Дуврскаго замка, гдѣ уже бароны и духовенство энергически приняли его сторону. Испуганный Лоншамнъ возвратилъ ему свободу.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого происшествія было, что Іоаннъ по чувству неожиданнаго сердечнаго влеченія къ брату, до сихъ поръ непризнававшему имъ самимъ, пригласилъ всѣхъ епископовъ и бароновъ прибыть въ первую субботу послѣ праздника св. Михаила къ Лондонскому мосту между Редингомъ и Виндзоромъ, для обсужденія важныхъ и трудныхъ дѣлъ короля и королевства. Собраніе открыло свои засѣданія почти на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ двадцать

пять лѣтъ спустя этотъ же Іоаннъ принужденъ былъ выслушивать волю тѣхъ же самыхъ бароновъ и епископовъ—основателей Великой Хартии. Напрасно регентъ пытался свалить вину на Іоанна, напрасно обвинялъ его въ честолюбіи и тайныхъ проискахъ, собраніе дѣйствовало подъ вліяніемъ возбужденій Іоанна. Прежде всего присутствовавшіе въ собраніи епископы произнесли самое грозное отлученіе отъ церкви на всѣхъ тѣхъ, которые посредствомъ или непосредственно участвовали въ преступномъ покушеніи на личность архіепископа Юркскаго. Потомъ передъ баронами прочтена была королевская грамота, подлинность которой исторія имѣетъ полное право оспаривать, но которая тѣмъ не менѣе играетъ весьма важную роль въ распрѣ между королевской властью и феодальной аристократіей. Государь, говоритъ Матѣе Пари, въ грамотѣ писалъ благороднымъ Англій въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Король Ричардъ Вильгельму Маршалу, Джофрею Фицъ-Петеру, Генриху Бардольфу и Вильгельму Бриверу посылаетъ привѣтствіе. Если канцлеръ, которому ввѣрили мы управление нашимъ государствомъ, не будетъ вѣрно исполнять своихъ обязанностей, то мы приказываемъ рѣшать государственные дѣла, какъ заблагоразсудите“. Другимъ письмомъ, адресованнымъ къ тѣмъ же баронамъ, Ричардъ поручалъ будто бы членамъ совѣта регентства руководствоваться во всѣхъ дѣлахъ мнѣніемъ руанскаго архіепископа. Такимъ образомъ обезпечилось единеніе высшаго класса и духовенства.

Однакожь канцлеръ, имѣя въ своемъ распоряженіи значительную армію, могъ бы рискнуть на открытое противодѣйствіе, еслибы въ рѣшительную минуту мужество не покинуло его. Оставивъ свое войско въ Виндзорѣ, онъ попытался было склонить на свою сторону враждебныхъ ему лондонскихъ гражданъ, но едва онъ успѣлъ войти въ укрѣпленную лондонскую башню, какъ у городскихъ воротъ явились бароны, произошло нѣсколько стнчекъ, въ которыхъ было убито и ранено нѣсколько человекъ. Тогда графъ Іоаннъ и бароны въ видахъ приобрѣтенія расположенія лондонскихъ горожанъ, поклялись свято охранять всѣ вольности сити; послѣ этого

граждане присоединились къ нимъ, и дѣло канцлера окончательно проигралось.

На другой день графъ Іоаннъ, два архіепископа, епископы, бароны и графы собрались въ церкви св. Павла, куда прибылъ и самъ канцлеръ. Послѣ долгихъ разсужденій, всѣ члены собранія, безъ исключенія, съ Іоанномъ въ главѣ поклялись въ вѣрности Ричарду. Затѣмъ слѣдующія конференціи, происходившія въ восточной части башни, пришли къ единогласному признанію невозможности оставлять долѣе правленіе государствомъ въ рукахъ человѣка, опозорившаго церковь и раззорившаго народъ: „канцлеръ и его клевреты ограбили государственное богатство, лишили рыцарей даже ихъ серебрянныхъ перевязей, женщинъ ихъ ожерелій, знатныхъ ихъ золотыхъ колець, а жидовъ ихъ драгоценныхъ товаровъ. Само королевское казнохранилище расхищено до такой степени, что тамъ оставались только ключи отъ ящиковъ и пустые мѣшки». Вслѣдствіе этого постановлено было смѣстить канцлера, а всѣ замки, начиная съ лондонской башни, ввѣренные канцлеромъ охраненію своихъ приближенныхъ, передать въ завѣдываніе бароновъ.

Вильгельмъ Лоншампъ, обязавшись подъ клятвой повиноваться всѣмъ этимъ рѣшеніямъ собранія, оставилъ лондонскую башню, со всѣми своими богатствами, и немедленно отправился въ Бермундшей на другомъ берегу Темзы. Два его брата, Генрихъ и Осбергъ, оставались заложниками до передачи всѣхъ замковъ. Въ Канторбери бывшій канцлеръ принялъ знакъ святаго пилигримства и въ тоже время сложилъ съ себя крестъ легатскаго достоинства. Послѣ этого онъ направился, въ сопровожденіи епископа Жильбера, Генриха корнваллійскаго, графа кентскаго къ гавани Дувра, гдѣ оставалось ему передъ отъѣздомъ исполнить послѣднее условіе, т. е. сдать баронамъ всѣ королевскіе замки,—условіе тяжкое, лишившее канцлера въ будущемъ весьма важной точки опоры. Для избѣжанія этого-то условія канцлеръ рѣшился тайно бѣжать во Францію на какомъ нибудь купеческомъ суднѣ. Переодѣвшись въ платье мѣстной торговли, онъ сошелъ къ пристани, гдѣ на одномъ изъ прибрежныхъ камней спокойно

ожидалъ переѣзда на корабль. Къ несчастію одному изъ матросовъ вдумалось заиграть съ мнимой торговкой; маскарадъ скоро былъ открытъ, и тогда уличная толпа съ дикой радостью окружила Лоншамна, осыпала самыми унизительными оскорбленіями, сбила съ ногъ и волочила по улицамъ и площадямъ до городской тюрьмы. Отсюда уже по исполненіи всѣхъ данныхъ обязательствъ, по сдачѣ ключей всѣхъ королевскихъ замковъ, онъ наконецъ переправился въ Нормандію.

Этимъ печальнымъ эпизодомъ закончилось въ Англіи политическое значеніе Лоншамна. Хотя впоследствии имя его и встрѣчается замѣшаннымъ въ интригахъ Іоанна и хотя по возвращеніи Ричарда Лоншамнъ снова возведенъ былъ въ канцлеры, но тѣмъ не менѣе дѣятельность его уже не имѣла самостоятельности. Такимъ образомъ совершившаяся революція, удовлетворившая желанію англійской націи, еще болѣе затруднила осуществленіе честолюбивыхъ плановъ любимца Элеоноры. Вѣроятно подготавливая паденіе канцлера, Іоаннъ безземельный не желалъ подтверждать двукратной клятвой вѣрность свою Ричарду. Вѣроятно съ другой стороны и англійская нація, стирая деспотизмъ канцлера, не желала основывать новый деспотизмъ Іоанна безземельнаго. Нація желала обуздать власть Ричарда, но въ то же время она любила его блестящія качества, она гордилась славой своего короля — рыцаря, выдѣлившаго Англію въ глазахъ христіанскаго и мусульманскаго міра.

Эта любовь выказалась поразительнымъ образомъ при неожиданномъ извѣстіи о кораблекрушеніи у береговъ Далмаціи и о заключеніи Ричарда въ одну изъ темницъ Германіи. Порывъ проявился всеобщій; духовенство, бароны и народъ, всѣ по добровольному личному побужденію снова возобновили клятву въ вѣрности; повсемѣстно собирались пожертвованія на выкупъ царственнаго плѣнника. Одинъ только человекъ открыто радовался несчастію короля—его родной братъ. При первомъ извѣстіи объ этой катастрофѣ, Іоаннъ поспѣшилъ въ Парижъ къ Филиппу Августу, призналъ себя его вассаломъ, присягнувъ за англійскія континентальныя владѣнія и, за обѣщаніе содѣйствія къ достиженію англійскаго престола

уступилъ королю Филиппу значительную часть Нормандіи, Туръ, Лонъ, Амбуазъ и Монтримаръ. Затѣмъ, когда король Франціи занялъ Нормандію до Руана, воротился въ Лондонъ съ наемнымъ войскомъ, надѣясь врасплохъ или угрозой захватить престолъ. Но, какъ выражался самъ Ричардъ, хорошо знавшій брата, Іоаннъ не былъ человѣкомъ, способнымъ употребить силу, когда нужна была сила. Одинъ видъ королевскаго штандарта въ твердыхъ рукахъ епископовъ и бароновъ испарилъ весь его воинственный жаръ. Онъ бросился въ интриги. Вмѣстѣ съ союзникомъ своимъ, королемъ Франціи, онъ предложилъ жадному германскому императору Генриху IV сумму, значительно болѣе опредѣленной германскимъ сеймомъ (ста тысячъ серебряныхъ марокъ) за выкупъ короля, а именно уплатить 75 тысячъ серебр. марокъ за продолженіе заточенія Ричарда еще одинъ мѣсяцъ, или платить по тысячѣ серебр. ливровъ за каждый мѣсяцъ заключенія, или же наконецъ 150 тысячъ марокъ за выдачу плѣнника французскому королю. Подъ вліяніемъ такихъ богатыхъ предложеній императоръ сталъ колебаться, но члены сейма, вѣрные данной клятвѣ, освободили плѣнника въ концѣ января 1194 года.

Громадная толпа ожидала прибытія Ричарда въ портъ Сандвичъ. Отъ порта до Канторбери, гдѣ король поклонился гробу блаженнаго Томаса, отъ Канторбери до Лондона, королевскій поѣздъ казался полнымъ триумфомъ. Іоаннъ во всемъ государствѣ не имѣлъ ни одного преданнаго лица; изъ всѣхъ его многочисленныхъ замковъ только одинъ Нотингамъ оказалъ дѣйствительное сопротивленіе. По взятіи Нотингама и предварительно преслѣдованія брата на континентѣ, куда тотъ успѣшилъ укрыться, Ричардъ созвалъ въ Нотингамъ большой государственный совѣтъ, на которомъ торжественно обвинялъ въ измѣнѣ, какъ брата своего, такъ и епископа Ковентри Гуга, задушевнаго друга и совѣтника Іоанна. Тотъ и другой позваны были явиться передъ собраніемъ въ теченіи сорока дней, подъ угрозой изгнанія и конфискаціи. Въ то же время, по совѣту вліятельныхъ лицъ, Ричардъ вновь короновался въ Вестминстерѣ Губертомъ архіепископомъ канторберійскимъ. Наконецъ по истеченіи срока, назначеннаго къ явѣ

обвиняемымъ въ измѣнѣ и заговорѣ, король изъ Портсмута отправился въ Нормандію.

Съ прибытіемъ короля львиного сердца дѣла на поляхъ Нормандіи быстро измѣнились; до сихъ поръ побѣдоносныя французскія войска стали отступать, постепенно очищая нормандскіе города. Согласно съ измѣненіемъ положенія воюющихъ сторонъ, измѣнилось и расположеніе графа Іоанна: изъ врага онъ сдѣлался преданнымъ братомъ. Мало того, — покидая прежняго союзника, графъ достойно увѣнчалъ измѣну, вѣроломно убивъ многихъ французскихъ рыцарей, пировавшихъ у него по его приглашенію. Іоаннъ примирился съ братомъ; казалось даже онъ возвратилъ себѣ благосклонность послѣдняго, но не могъ возвратити, ни довѣрія, ни уваженія, такъ какъ уже не получилъ бывшихъ въ его владѣніи городовъ, земель и замковъ. Іоаннъ снова дѣлался безземельнымъ.

По плоти и крови король Ричардъ былъ истиннымъ плантагенетомъ. Какъ графъ анжуйскій и герцогъ нормандскій, онъ смотрѣлъ на Англію какъ глава нормандской династіи, т. е. какъ на землю завоеванную *per conquest*, еоодъ по тогдашнему еоодальному выраженію, присоединеніемъ къ своимъ кореннымъ владѣніямъ. А такъ какъ эти послѣднія, подъ постояннымъ гнетомъ честолюбивыхъ видовъ Филиппа Августа не были въ силахъ выдерживать траты непрерывныхъ войнъ, то и Англія, уже ослабленная крестовымъ походомъ, грабительствомъ графа Іоанна, выкупомъ короля, принуждена была все болѣе и болѣе истощаться войнами для ея интересовъ совершенно чуждыми. Никогда со времени завоеванія общественное угнетеніе не было такъ тяжело, поборы болѣе несправедливы, конфискаціи болѣе остроумны. Менѣе чѣмъ въ два года регентъ Губертъ, архіепископъ канторберійскій, собралъ для короля громадную сумму въ милліонъ сто тысячъ ливровъ. Кромѣ того, тотчасъ же по возвращеніи въ Англію, Ричардъ уничтожилъ продажу имѣній, сдѣланную имъ передъ отправленіемъ въ крестовый походъ, объяснивъ произведенную продажу не болѣе, какъ отдачей въ арендное содержаніе. Поувѣка прежде такіе сборы произвели бы возстаніе всей Англіи, но время и нормандская ловкость сдѣлали значитель-

ную брешь въ старой сакской фалангѣ; національное дѣло съ каждымъ днемъ теряло сторонниковъ, примыкавшихъ различными путями къ сторонѣ завоевателей; измѣнники по необходимости становились измѣнниками по расчету. Спустя еще немного времени и сакское дѣло совершенно исчезло.

Впрочемъ были еще древнія и уважаемыя фамиліи, недобольныя слияніемъ обѣихъ расъ, присоединеніемъ побѣжденныхъ къ побѣдителямъ въ ущербъ простаго класса и бѣдныхъ. Одинъ человекъ въ особенности выдѣлялся ревностью къ народному дѣлу: то былъ лондонскій гражданинъ Вильгельмъ Фицъ-Осберъ, извѣстный подъ именемъ Вильгельма длиннородаго, такъ какъ по примѣру своихъ предковъ и по ненависти къ Норманнамъ онъ не брилъ бороды. Наружность его вполне соответствовала роли вождя народной партіи: высокій ростъ, сановитость, крѣпость силъ вѣское смѣлое и живое слово. Но впрочемъ на него нельзя смотрѣть, какъ на народнаго демагога. Однажды, говоритъ Матье Пари, въ лондонскомъ сѣти возникло рѣзкое несогласіе между богатыми и бѣдными по поводу обременительнаго налога, назначеннаго нормандскими чиновниками. Богатые и вліятельные граждане сѣти, какъ напр. меръ и альдерменъ, въ общемъ собраніи (husting) желали или совершенно освободиться отъ тягости налога или по крайнѣй мѣрѣ облегчить себя, раскладывая большую часть его на самыхъ бѣдныхъ. Противъ этого возражалъ Вильгельмъ. Не оспаривая законности налога и необходимости войны для государства, онъ находилъ только распорядженія магистратовъ несправедливыми и утверждалъ, что богатство ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть основаніемъ какого либо изъятія. Мало того: такъ какъ король Ричардъ находился на континентѣ, то онъ явился туда и лично представилъ вопросъ на разсмотрѣніе короля.

Ричардъ принялъ его благосклонно и отпустилъ съ широкими обѣщаніями, — скоро забытыми. Между тѣмъ главные граждане Лондона упорно стояли на своемъ намѣреніи; въ увлеченіи Вильгельмъ назвалъ ихъ измѣнниками государю, и это послужило сигналомъ страшнаго волненія. Пятьдесятъ двѣ тысячи человекъ простаго класса поклялись съ оружіемъ въ

рукахъ поддерживать требованія своего адвоката. При такомъ настроеніи для полнаго, открытаго возмущенія достаточно было одного неосторожнаго слова, одного незначительнаго случая, но скоро въ лондонскихъ рукахъ дѣло приняло иной оборотъ. Искусной и обольстительной рѣчью въ народномъ собраніи архіепископъ канторберійскій, главный судья Англіи, успѣлъ поселить въ самомъ народѣ раздоръ и упадокъ духа. Подъ вліяніемъ его убѣжденій толпа разсѣялась, оставивъ въ рукахъ архіепископа заложниковъ, какъ гарантію мира для короля. Но какъ для полнаго умиротворенія необходима была гибель вождя народной партіи, то поэтому и смерть его была рѣшена. Не смѣя открыто арестовать Вильгельма, агенты аристократической партіи слѣдили за нимъ тайно, стараясь найти удобный случай. Однажды, во время прогулки Вильгельма, его окружили слуги короля, но онъ съ ножомъ въ рукѣ бросился на нихъ, нѣкоторыхъ убилъ и проложилъ путь къ церкви св. Маріи, гдѣ надѣялся спастись. Оттуда изъ-за крѣпкихъ стѣнъ церковной ограды, онъ вошелъ въ переговоры съ народомъ, обращаясь къ его защитѣ, какъ невинный ни въ какомъ преступленіи. Напрасно—его не слушали; партія сильныхъ, имѣя у себя заложниковъ, взяла рѣшительный перевѣсъ, и архіепископъ приказалъ взять его силою изъ церкви и доставить къ суду, разсмотрѣнію котораго онъ долженъ былъ подлежать, какъ бунтовщикъ и возмутитель общественнаго порядка. Вильгельмъ заперся въ церковной башнѣ; тогда исполнители подошли къ ней, и задыхаясь отъ жара и дыма, Вильгельмъ сдался. Его схватили, раздѣли, связали руки и ноги и заключили въ лондонскую башню. Потомъ, подъ вліяніемъ богатыхъ горожанъ и королевскихъ чиновниковъ, архіепископъ приказалъ вывести его изъ башни, привязать къ лошадиному хвосту, влечь до Тимбурна, гдѣ и повѣсить на желѣзной цѣпи. Девять человекъ изъ сосѣдей и служителей, въ особенности ему преданныхъ, также повѣшены вмѣстѣ съ нимъ.

Таеъ погибъ, говоритъ Матье Пари, безславной смертію предательствомъ своихъ согражданъ Вильгельмъ длиннородный за правду и защиту бѣдныхъ. Если неправосудіе и несправедливость дѣлаютъ мученичество, то безъ всякаго сомнѣ-

ніа Вильгельмъ долженъ считаться мученикомъ. Таковъ было и общественное мнѣніе; народъ, допустившій его погибнуть, послѣ казни причислилъ къ святымъ. Народъ расчепалъ висѣлицу и частицы ея хранилъ, какъ предметъ священный, земля, которой касались послѣдніе шаги мученика, называлась святою землею, и народныя толпы окружали ее съ утра до вечера и съ вечера до утра. Для устраненія всеобщаго волненія потребовалось даже воинское вѣшательство. Наконецъ принесена была и жертва народному чувству: архіепископъ Губертъ, какъ министръ, прославившійся неправосудіемъ, какъ предатель, нарушившій права церкви, принужденъ былъ удалиться отъ дѣлъ. На его мѣсто поступилъ Джофрей Фицъ-Петерь.

Народное возбужденіе, проявившееся послѣ смерти Вильгельма длиннородаго, было послѣднимъ проблескомъ саксонской національности. Наступало время, когда объ расы, угнетенныя одинаковымъ деспотизмомъ, потребовали съобща одинаковыхъ правъ и одинаковой свободы. Тяжкая и негнѣлая тиранія Іоанна безземельнаго больше всего содѣйствовала сліянію Саксовъ и Норманновъ.

Послѣдніе годы царствованія Ричарда прошли въ постоянной войнѣ, то съ королемъ Франціи, то съ владѣтелями Аквитаніи, вѣкомтомъ лиможскимъ и графомъ перигорскимъ, баронами Пуату и Лимуазена. Въ этой войнѣ, неинтересной подробностями для исторіи Англій, по порученію брата принималъ участіе и Іоаннъ безземельный въ достойномъ товариществѣ съ рутъерами Маркадомъ и Манеркеромъ, висѣльниками, не стѣснявшимися ни убійствомъ, ни грабежемъ, ни пожаромъ. Въ рассказѣ объ этой войнѣ встрѣчается эпизодъ, весьма вѣрно характеризующій ту эпоху.

Давно эти рутъеры имѣли неудовольствіе на епископа Бове и его архидіакона, нерѣдко переходившихъ границы своихъ владѣній и наносившихъ вредъ владѣніямъ короля Ричарда. Въ отплату за это отрядъ Маркада и Манеркера дошелъ до самыхъ воротъ Бове, на пути все грабя и опустошая. Затронутые такой смѣлостью, епископъ и архидіаконъ послѣшили вооружиться и выступить противъ нихъ съ значи-

тельными войскомъ рыцарей и гражданъ. Французы проиграли сраженіе; начальники ихъ взяты въ плѣны, а въ томъ числѣ и прелатъ съ товарищемъ. Послѣднихъ, въ боевомъ вооруженіи, Маркадъ отправилъ къ королю Ричарду. Папа, которому церковь Бове принесла на это горькія жалобы, написалъ дружеское письмо къ Ричарду, ходатайствуя о свободѣ епископа, какъ своего дорогаго брата и дорогаго сына церкви. Въ отвѣтъ на это король отправилъ въ Римъ боевой костюмъ епископа съ вопросомъ: такова ли должна быть одежда у сына, апостольскаго намѣстника? — «Нѣтъ, это одежда не моего сына, не сына церкви и не воина Христа, а воина Марса, а потому король имѣетъ право назначить выкупъ по своей волѣ». Впослѣдствіи этотъ епископъ Бове, вѣроятно наученный долгимъ плѣномъ, въ битвахъ уже никогда не вооружался мечемъ, а массивной палицей, оглушавшей ударомъ, но непроливавшей крови, что запрещалось канонами.

Изъ этого разсказа между прочимъ видно до какой степени ступевывалась личность Іоанна, какъ вождя. На Маркада падаетъ вся отвѣтственность похода; ему принадлежитъ вся честь его, и онъ же представляетъ королю епископа и архидіакона. Но тѣмъ не менѣ партія Іоанна въ дѣйствительности постепенно выигрывала, благодаря настойчивости королевы Элеоноры. Стараясь помирить обоихъ братьевъ, въ тоже время королева хлопотала лишить расположенія короля юнаго Артура бретанскаго, роднаго племянника, юношу двѣнадцати лѣтъ, не давно объявленнаго наслѣдникомъ престола. Впрочемъ стараніямъ королевы дѣятельно помогала и сама мать молодаго принца Констанція своими капризами, легкомысленнымъ поведеніемъ и въ особенности пристрастіемъ къ Фалвишу Августу, заклятому врагу Ричарда. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда король Англій, мужественный и крѣпкій, въ полномъ развитіи силъ, обѣщавшими продолжительную будущность, закаленный душой и тѣломъ, неожиданно умеръ у подножія незначительнаго замка Лимузена отъ раны стрѣлой какого-то воина, братьевъ и отца котораго онъ умертвилъ. Въ припадкѣ ярости при послѣднихъ минутахъ, Ричардъ велѣлъ перерѣзать весь гарнизонъ по взятіи крѣ-

пости и даровать жизнь и свободу своему убійцѣ. Въ этой чертѣ выразилась вся личность Ричарда — смѣсь рыцарскаго великодушія и варварскаго звѣрства.

ГЛАВА III.

Коронованіе Іоанна безземельнаго. Война съ Флиппомъ Августомъ. Іоаннъ женится на Изабеллѣ англемской. Пгѣтъ и смерть Артура бретанскаго. Завоеваніе королюмъ Франціи Нормандіи, Анжу, Мена, Турени и Нуату. Неудовольствіе англійскихъ бароновъ.

Увидѣвъ брошенную по волѣ судьбы къ своимъ ногамъ корону, дѣлъ постоянныхъ, преступныхъ интригъ, Іоаннъ бросился на нее, какъ звѣрь сильно и долго голодавшій. Нѣкоторыя современныя извѣстія передають, будто Ричардъ умирая торжественно завѣщалъ Іоанну корону Англій. Не считая этого извѣстія совершенно безспорнымъ, нельзя однакоже не сказать, что партія молодаго Артура, выставлявшая право представленія Готфрида, старшаго брата Іоанна, непользовалась, по крайнѣй мѣрѣ въ Англій, общей симпатіей. Ни одинъ голосъ изъ вліятельныхъ лицъ Англій не высказался противъ Іоанна, хотя не было и горячихъ, предавшихъ приверженцевъ, кромѣ рутеровъ, бывшихъ у него на жалованьи. Англійское благородное сословіе, получивъ отъ главнаго судьи и канторберійскаго архіепископа увѣренія въ готовности Іоанна быть справедливымъ и правосуднымъ, не колеблясь признало права Іоанна. Не такъ легко уладилось дѣло на континентѣ: противодѣйствіе проявилось въ Анжу, въ самой колыбели плантагенетовъ, наслѣдственнымъ ихъ достояніи.

Между тѣмъ какъ Іоаннъ спѣшилъ захватить крѣпость Шиннонъ, казначейство Ричарда, Томасъ Фурнэ въ Анжерѣ первый провозгласилъ Артура бретанскаго. По его примѣру благородное сословіе Анжу, Мена и Турени признали юнаго принца своимъ законнымъ государемъ, объявляя, что

по ихъ отечественнымъ законамъ и обычаямъ Артуръ, какъ сынъ старшаго брата, долженъ наследовать дядѣ, какъ наследовалъ бы Готфридъ, его отецъ, еслибы пережилъ Ричарда. Въ то же время Констанція явилась въ Турѣ къ королю Франціи и ввѣрила ему своего сына. Филиппъ Августъ принялъ Артура и преданные ему города и замки подъ свое покровительство. За это Іоаннъ и Элеонора жестоко отомстили митенникамъ: отъ города и замка Мана не осталось камня на камнѣ, Анжеръ взятъ былъ приступомъ рутгеромъ Маркадомъ. Ознаменовавъ такимъ образомъ вступленіе на престолъ, Іоаннъ вошелъ въ столицу Нормандіи, оставшейся безучастной зрительницей возстанія. 25 апрѣля 1199 года онъ принялъ изъ рукъ архіепископа мечъ и герцогскую корону, а спустя мѣсяць былъ уже въ Лондонѣ въ средѣ архіепископовъ, епископовъ, графовъ, бароновъ и всѣхъ должноствавшихъ присутствовать при коронованіи.

Весьма замѣчательна особенность въ коронованіи короля Іоанна. Въ общемъ собраніи, состоявшемся по этому поводу, Губертъ архіепископъ канторберійскій произнесъ слѣдующую рѣчь: «Вслушайте меня всѣ. Мудрости вашей извѣстно и вѣдомо, что никто не обладаетъ царствомъ по преемственному праву, если только все государство не избрало его по внушенію Духа Святаго и по уваженію высокихъ заслугъ по примѣру Саула, перваго муропомазаннаго царя, поставленнаго самимъ Господомъ во главѣ народа, хотя онъ не былъ ни сыномъ царя, ни царскаго происхожденія. Саулу наследовалъ Давидъ сынъ Селея; одинъ отличался доблестями и царскими достоинствами, другой святостью и смиреніемъ. Такимъ образомъ превосходящій всѣхъ другихъ въ государствѣ личными качествами долженъ превосходить и властью и вліяніемъ. Впрочемъ, если кто либо изъ рода умершаго царя выдѣляется особенными достоинствами, то естественнѣе и справедливѣе на немъ должно остановиться и народное избраніе. Мы говоримъ это относительно нашего благороднаго графа Іоанна, здѣсь присутствующаго, брата нашего покойнаго знаменитѣйшаго короля Ричарда, неоставившаго послѣ себя прямиаго наследника. Такъ какъ онъ разуменъ, доблестенъ и цар-

скаго происхожденія, то по навітю Св. Духа и по уваженію столькихъ заслугъ и царскаго рожденія мы единодушно избираемъ его". Эту рѣчь одобрило все собраніе, даже самъ графъ Іоаннъ, и слѣдовательно новый король становился королемъ по избранію, а не по наслѣдственному праву.

Послѣ рѣчи архіепископъ возложилъ на его голову корону и совершилъ царское миропомазаніе въ Вестминстерѣ въ королевской церкви св. Апостоловъ въ день Вознесенія Господа. Во время совершенія церемоніи Іоаннъ обязался тройной клятвой: чтить св. церковь и ея членовъ, защищать ихъ, водворить добрые законы, уничтожить злоупотребленія и наконецъ установить твердое правосудіе въ государствѣ. Затѣмъ архіепископъ, торжественно призывая имя Господа Бога, заклиналъ его непринимать царскаго достоинства, еслибъ нечувствовалъ въ себѣ твердой воли свято исполнить принятыхъ обязательствъ. На это Іоаннъ отвѣчалъ новымъ увѣреніемъ въ добросовѣстномъ исполненіи.

Іоаннъ сдѣлался королемъ. Онъ носилъ наконецъ корону, но то была, какъ видно изъ предшествоващаго, корона по избранію, отъ руки народа, который возложилъ ее, получилъ тѣмъ самымъ и право лишить ее. Поэтому понятно, что принявъ противъ своей воли новую доктрину, Іоаннъ вмѣстѣ съ тѣмъ задумалъ и коренное уничтоженіе ея не открыто и смѣло, на что онъ не имѣлъ достаточнаго мужества, а ловкими и хитрыми изворотами. «Богъ, высказалъ онъ въ предисловіи къ одному очень не важному закону, спустя нѣсколько дней послѣ коронованія, Богъ призвалъ меня посредствомъ единодушнаго согласія и благоволенія духовенства и народа къ трону, принадлежащему мнѣ по наслѣдственному праву.» Никто тогда не обратилъ вниманія на это ловкое обращеніе къ законной наслѣдственной монархіи, всѣ заняты были ожиданіемъ какое положеніе приметъ Іоаннъ къ своему старинному союзнику Филиппу Августу, королю Франціи.

Первыя отношенія казались дружелюбными; оба короля видѣлись и, до заключенія окончательнаго мира, подписали перемиріе. Но когда графъ фландрскій и другіе владѣтели, враги Филиппа, возобновили съ королемъ Іоанномъ наступа-

тельный и оборонительный союзъ, прежде заключенный ими съ Ричардомъ, Филиппъ съ своей стороны собственноручно возвелъ Артура въ рыцарское достоинство и общалъ ему помощь на завазованіе Ажу, Пуату, Турени, Мена, Нормандіи и Бретани, за владѣніе которыми молодой принцъ признавалъ его своимъ сюзереномъ. Открылась война; Филиппъ вступилъ въ Нормандію и сжегъ Еврѣ, въ замкѣ котораго оставилъ свой гарнизонъ. Впрочемъ вмѣшательство легата Петра капуйскаго остановило дальнѣйшія непріятельскія дѣйствія.

Еще разъ Іоаннъ и Филиппъ встрѣтились въ мѣстечкѣ между замками Бутавакомъ и Галлю, причѣмъ Іоаннъ игралъ весьма унизительную роль. Англійскій король предложилъ Лудовику, сыну Филиппа, руку своей племянницы Бланшъ кастильской съ графствомъ Еврѣ, нѣкоторыми другими фьевами и тридцатью тысячами марокъ серебра въ приданое. По принятіи предложенія королева Элеонора отправилась за молодой принцессой и по возвращеніи отпраздновалось вѣнчаніе. При уступкѣ графства Еврѣ происходила обычная въ то время феодальная церемонія, раздѣлявшаяся на четыре акта: въ первомъ Филиппъ возвращалъ Іоанну графство, отнятое у него оружіемъ, во второмъ Іоаннъ присягалъ за него Филиппу, въ третьемъ онъ передавалъ эти владѣнія, вмѣстѣ съ феодальными обязательствами, Лудовику, отъ котораго въ четвертомъ актѣ принималъ присягу въ вѣрности.

За свадьбой Лудовика вскорѣ послѣдовало второе супружество короля Іоанна. Замѣтивъ послѣ двѣнадцатилѣтняго супружества родство свое съ женой, дочерью графа глочестерскаго, родство, доходившее до третьей степени, Іоаннъ пожелалъ успокоить свою совѣсть и церковные каноны законнымъ разводомъ. Онъ рѣшался уже предложить руку принцессѣ португальской, когда случайно увидѣлъ Изабеллу, дочь графа агулемскаго. Іоаннъ не былъ человѣкомъ сдержаннымъ въ страстяхъ, и его необузданность, животная чувственность не разъ возбуждали въ Англій общественное неудовольствіе. Очарованный красотой молодой графини и ободренный какъ говорятъ нѣкоторыя извѣстія, совѣтами самаго короля Франціи, Іоаннъ послѣшилъ жениться на Изабеллѣ, хотя по-

слѣдняя была уже помолвлена за Гуго графа де ла Маршъ Роковое супружество, прибавляетъ по этому случаю лѣтописецъ, для короля и для королевства. Дѣйствительно, оскорбленіе графа де ла Маршъ произвело общее волненіе въ Пуату, а вскорѣ неудовольствіе распространилось и во всемъ наслѣдствѣ плантагенетовъ.

Первымъ дѣломъ Іоанна было показать англичанамъ новую королеву и короноваться вмѣстѣ съ нею въ Вестминстерѣ. Церемонія коронованія происходила въ слѣдующемъ 1201 году въ день Св. Пасхи въ Канторбери. Это было третье коронованіе Іоанна, съ соблюденіемъ всѣхъ церковныхъ обрядовъ. При этомъ необходимо замѣтить, что въ то время коронованіе служило поводомъ къ опредѣленію новыхъ налоговъ. Такимъ образомъ къ удовольствію короля, его религіозное усердіе совершенно согласовалось съ требованіями личныхъ нуждъ. Еще прежде по случаю супружества племянницы съ сыномъ короля Франціи опредѣленъ былъ, безъ согласія бароновъ, налогъ по всему государству въ количествѣ трехъ головъ (sols) съ каждаго поземельнаго гектара. Взисканіе этого налога не обошлось однакоже безъ сопротивленія. Архіепископъ Іоркскій Джофрей, знаменитый и уважаемый народомъ за свое участіе въ борьбѣ съ канцлеромъ Лоншампомъ, рѣшительно отказался платить за всю свою діоцезу. И когда виконтъ Іоркскій и королевскіе чиновники, несмотря на его запрещеніе, начали грабить дома клерговъ и церковные домены, онъ обрушилъ на нихъ церковные громы и наложилъ интердиктъ на всю провинцію. Въ отвѣтъ на это раздраженный король конфисковалъ имущество архіепископа. Дальнѣйшая борьба однакоже была прекращена вмѣшательствомъ прелатовъ и бароновъ. Іоаннъ считалъ себя непобѣдимымъ и продолжалъ злоупотребленія: въ одномъ путешествіи своемъ по Нортумберланду, онъ собралъ отъ жителей этой провинціи весьма значительную сумму серебра, потомъ подъ предлогомъ экспедиціи въ области по другую сторону моря, онъ приказалъ всѣмъ обязаннымъ военной службой собраться въ день Сошествія св. Духа съ оружіемъ и багажемъ въ Портсмутъ, но въ назначенный день большая

часть изъ нихъ получила разрѣшеніе оставаться въ Англіи, заплативъ по двѣ марки съ каждаго щита.

Іоаннъ нисколько не думалъ о войнѣ; доказательствомъ тому служитъ то, что едва высадившись въ Нормандіи, онъ поспѣшилъ принять приглашеніе короля Франціи посѣтить Парижъ. Филиппъ оказалъ ему великолѣпный пріемъ и предоставилъ въ его пользованіе собственный дворецъ. Въ это время для большаго обезпеченія мира постановлено было условіе, что если король Франціи нарушитъ заключенные трактаты, то французскіе бароны, служившіе поручителями, освободились отъ своей феодальной обязанности къ своему сюзерену и должны были переходить на сторону короля Англіи, точно такое же условіе относилось и къ англійской сторонѣ. Однако не истекло и года, какъ началась война по подстрекательству графа де ла Марша. Слишкомъ слабы для борьбы съ королемъ Англіи, Гуго и графъ Ё, его братъ, формально обратились къ правосудію Филиппа Августа, ихъ общаго сюзерена, съ жалобою на Іоанна за оскорбленіе по случаю женитьбы на Изабеллѣ. Позванный явиться къ суду пѣрвовъ, Іоаннъ отказался; Филиппу нуженъ былъ только предлогъ. Объявивъ противника нарушителемъ договора, Филиппъ обнародовалъ воззваніе отъ имени Артура ко всѣмъ недовольнымъ баронамъ; съ своей же стороны выставивъ двѣсти французскихъ рыцарей на защиту правъ принца, онъ отправилъ ихъ въ Пуату. Мѣсто, время и предлогъ были выбраны удачно. Въ весьма короткое время армія Артура значительно усилилась друзьями графа де ла Маршъ.

На походъ эта армія получила свѣдѣніе о пребываніи старой Элеоноры съ незначительнымъ отрядомъ въ замкѣ Миробеля. Рѣшился захватить ее врасплохъ. Городъ былъ взятъ, по укрѣпленная башня, гдѣ укрывалась королева съ нѣсколькими воинами, оказала упорное сопротивленіе, потребовавшее правильной осады. Между тѣмъ Элеонора нашла средство извѣстить о своемъ опасномъ положеніи Іоанна, бывшаго тогда въ Нормандіи. По полученіи извѣстія Іоаннъ тотчасъ же поспѣшилъ на помощь къ матери; летѣлъ днемъ и ночью и, рассказываетъ лѣтописецъ, совершенно неожиданно

вдругъ явился полъ стѣнами Миробела. Здѣсь извѣстія противорѣчатъ между собою: по однимъ источникамъ, надѣляющимъ Іоанна странною, невѣроятною чертою рыцарской доблести, онъ бросился на враговъ, разбилъ ихъ, преслѣдовалъ до города и захватилъ ихъ въ плѣнъ; по другимъ источникамъ, болѣе согласнымъ съ историческимъ характеромъ Іоанна, онъ, воспользовавшись измѣной сенешала Пуату, ввелъ въ городъ на разсвѣтѣ войска и врасплохъ захватилъ племянника и его рыцарей. Обремененные цѣпами, скованные по рукамъ и ногамъ, беспорядочно брошенные въ тѣлеги, плѣнники отвезены были—одни въ Нормандію, другіе въ Англію. Ворота замка Фалезъ затворились за Артуромъ.

Дядя и племянникъ увидались еще разъ. Одинъ умоляющій, полный кротости и обѣщаній, другой—полный презрѣнія и гнѣва. Умоляющій—Іоаннъ побѣдитель, угрожающій—Артуръ побѣжденный. »Король Іоаннъ прибылъ въ замокъ Фалезъ, говоритъ Матѣ Пари, и призвалъ къ себѣ племянника своего Артура. Когда привели молодого человѣка, король обратился къ нему съ ласковой рѣчью, обѣщая большія почести, убѣждая отказаться отъ дружбы короля Франціи и оставаться вѣрнымъ ему, какъ законному повелителю и дядѣ. Артуръ, подъ влияніемъ слѣпago увлеченія, отвѣчалъ съ презрѣніемъ и угрозой. Онъ требовалъ отдачи ему Англіи и всѣхъ доменовъ, которыхъ нѣкогда завѣщалъ ему Ричардъ, всѣхъ земель и престола, принадлежащаго ему по наследственному праву, за тѣмъ клялся, что безъ этого условія дядя никогда не будетъ пользоваться долгимъ миромъ. Выслушавъ такую запальчивую рѣчь, Іоаннъ чрезвычайно смутился. Онъ приказалъ отвезти Артура въ Руанъ и заключить въ тѣсную и надежную тюрьму. Что же касается до дальнѣйшей судьбы Артура, то лѣтописцы, до сихъ поръ словоохотливые, вдругъ становятся таинственными и лаконическими. «Онъ исчезъ, но куда и какъ? Никто этого не знаетъ. Дай Богъ, чтобъ это небыло такъ, какъ несетя въ городской молвѣ». Вотъ нѣкоторыя извѣстія болѣе опредѣленныя: «вскорѣ послѣ свиданія Артуръ исчезъ... всѣ подозрѣваютъ короля въ убійствѣ собственной рукой.» Или еще: «за пять дней до праздника Пасхи онъ

убилъ его собственноручно.» Наконецъ Вильгельмъ бретонскій, поэтъ и панегиристъ Филиппа Августа, утверждаетъ въ своемъ сочиненіи (Филипидѣ), что будто бы Іоаннъ убилъ племянника двумя ударами кинжала ночью въ баркѣ на Сенѣ и бросилъ трупъ въ рѣку, въ трехъ миляхъ отъ замка. Изъ источниковъ же менѣе враждебныхъ Іоанну видно, что убіеніе Артура произведено оруженосцемъ короля, за что и былъ онъ награжденъ рукою наслѣдницы бароніи Мульгревъ.

Какъ бы то ни было, но Іоаннъ, не смотря на общее осужденіе, ничего не сдѣлалъ къ оправданію себя. Правда, онъ въ четвертый разъ заставилъ себя короновать въ Канторбери, но при настоящихъ обстоятельствахъ, по финансовой сторонѣ дѣла, это нельзя разсматривать, ни какъ доказательство невинности, ни какъ доказательство преступленія. Поэтому по возвращеніи на континентъ, онъ встрѣтилъ противъ себя общественное мнѣніе сильно возбужденнымъ, ряды своихъ сторонниковъ разрѣженными и возстаніе, поддержанное иностраннымъ вмѣшательствомъ. Епископъ Ренскій отъ имени Бретани явился въ Парижѣ обвинять Іоанна передъ сюзереномъ въ убійствѣ молодого герцога. Позванный во второй разъ къ суду перовъ, Іоаннъ неявился. Тогда судъ перовъ призналъ его убійцей, измѣнникомъ, трусомъ, опредѣлилъ конфисковать всѣ его земли, подвѣдомыя въ феодальномъ порядкѣ французской коронѣ. Вслѣдствіе этого Филиппъ тотчасъ же съ одной стороны, а Бретонцы съ другой вошли въ Нормандію и Пуату, овладѣвая замками въ большинствѣ случаевъ безпрекословно. Англійскій король держался еще въ Каенѣ, проводя праздники Рождества Христова 1203 года, нисколько не заботясь объ успѣхахъ непріятеля и забавляясь съ молодой женой «продолжая свой утренній сонъ до самаго обѣда». По окончаніи Пасхи, Филиппъ открылъ кампанію съ многочисленной арміей, уничтожая небольшие замки и оставляя гарнизоны въ болѣе значительныхъ. Ежедневно къ королю Іоанну являлись гонцы съ извѣстіями объ успѣхахъ непріятеля. Съ другой стороны и графы, бароны, однимъ словомъ всѣ знатные благородные англчане, до сихъ поръ еще вѣрные сторонѣ Іоанна, убѣдившись въ его неисправимой низости, удалились, оста-

визъ его въ Нормандіи одного съ весьма незначительной свитой рыцарей. Гугъ де Гурне, кастеланъ замка де Монфоръ, тайно ввелъ туда французовъ и объявилъ себя на сторонѣ Филиппа Августа. Между тѣмъ во все это время англійскій король оставался спокойно въ Руанѣ, нисколько не заботясь объ опасности. Мало того: онъ былъ веселъ и беззаботенъ. Скоро узнали о сдачѣ сильно укрѣпленнаго замка де Вернейль, непотерявшаго притомъ ни одного камня изъ своихъ стѣнъ, ни одного волоса съ головы защитниковъ.

Изъ всей Нормандіи Филиппу Августу оставалось только покорить укрѣпленіе Рошъ, близъ Андели, расположенное на скалѣ, господствующей надъ Сеной. Въ укрѣпленіи начальствовалъ неустрашимый конетабль Честеръ Роже де Ласи. Во время продолженія осады Французы овладѣли замкомъ Роденономъ, почти у воротъ Руана. Тогда Іоаннъ убѣждалъ въ Англію и тамъ, стараясь оправдать свою низость и трусость, сваливалъ вину на графовъ и бароновъ, покинувшихъ его въ Нормандіи въ средѣ опасностей и враговъ. Въ вознагражденіе за потерянные замки и владѣнія, онъ потребовалъ отъ бароновъ платежа седьмой части ихъ доходовъ и вообще движимаго имущества, не дѣлая исключеній даже для монастырей и церквей. Слѣдствіемъ этого было то, что когда король отдалъ распоряженіе вассаламъ, собравшимся въ Портсмутъ, отправиться въ Нормандію для открытія военныхъ дѣйствій, то архіепископъ канторберійскій отъ нихъ имени объявилъ ему полный и рѣшительный отказъ.

Между тѣмъ узнавъ о бѣгствѣ соперника, Филиппъ поспѣшилъ объявить о томъ гражданамъ и кастеланамъ городовъ и замковъ, еще державшихся короля Іоанна, и въ тоже время выставить свои права, какъ сюзерена. «Король англійскій, говорилъ онъ, низостью и трусостью освободилъ васъ отъ всякихъ обязательствъ къ себѣ; онъ же Филиппъ желаетъ только возвращенія къ себѣ своихъ доменъ и установить ихъ безопасность». Затѣмъ онъ милостиво убѣждалъ покориться добровольно, угрожая въ противномъ случаѣ, при дальнѣйшемъ упорствѣ, взять силою и виновныхъ или перевѣшать, или содрать съ нихъ кожу. Въ силу такого яснаго и понятнаго предложенія

начались переговоры, въ которыхъ условлено было, чтобъ города и замки выдали отъ себя заложниковъ и что если въ теченіи года они не получатъ помощи отъ короля Англіи, то обязались признать короля Франціи своимъ законнымъ и истиннымъ сеньеромъ.

Иоаннъ наконецъ выказалъ какъ будто рѣшимость поправить ошибки. Въ большомъ собраніи въ Оксфордѣ ему удалось уговорить бароновъ доставить ему помощь, какъ воинскимъ контингентомъ, такъ и налогомъ по двѣ съ половиною марки съ шита; даже духовенство не отказалось участвовать. Но и это предпріятіе постигла судьба предшествующихъ. Увидѣвъ свои сундуки снова полными, Иоаннъ отложилъ воинственные замыслы до другаго времени.

На континентѣ же для городовъ Нормандіи приближался роковой срокъ. Войска короля Франціи, уже съ годъ осаждавшіе Рошъ, наконецъ разрушили большую часть его стѣнъ, но не смотря на то мужественный конетабль Честеръ каждый новый приступъ отражалъ съ удивительнымъ успѣхомъ, скоро въ крѣпости жизненные запасы истощились до послѣдняго куска хлѣба, — въ такомъ крайнемъ положеніи осажденные рѣшились лучше всѣмъ погибнуть въ честномъ бою, чѣмъ сдаться или умереть съ голода. Они вооружились, сѣли на коней и стремительно бросились на враговъ, поражая на пути всѣ преграды до тѣхъ поръ, пока задавленные числомъ не были захвачены.

Когда такимъ образомъ погибалъ за Рошъ, Фалезъ, одинъ изъ самыхъ укрѣпленныхъ городовъ Нижней Нормандіи сдался безъ всякаго сопротивленія, преданный извѣной знаменитаго рутьера Манеркера, перешедшаго съ своей шайкой на службу къ французскому королю. Тогда всѣ кастеланы Нормандіи и граждане городовъ поспѣшили отправить къ королю Иоанну гонцовъ съ извѣщеніемъ о своемъ затруднительномъ положеніи: срокъ перемирія приближался къ концу и имъ предстояла необходимость сдать свои замки и города королю Франціи, или погубить выданныхъ заложниковъ. Иоаннъ отказалъ въ помощи, предоставивъ имъ устраиваться какъ могутъ. Оставленные самимъ себѣ, безъ поддержки и помощи, Нор-

мандія, Турень, Анжу, Пуату съ городами и замками, за исключеніемъ ла Рошели, Туара и Ньера вошли въ составъ францускаго королевства. А Іоаннъ, какъ разсказываетъ лѣтописецъ, жилъ съ королевой въ полномъ опьяненіи наслажденій, — обладая ею, онъ считалъ себя вполне счастливымъ. Только въ апрѣлѣ 1205 года въ большомъ собраніи въ Винчестерѣ онъ потребовалъ, чтобъ десятій изъ рыцарей слѣдовалъ за нимъ въ Пуату на счетъ девяти остальныхъ. Бароны, такъ часто обманутые, еще разъ отказались отъ высадки на континентъ. Не смотря на то, Іоаннъ, въ сопровожденіи незначительнаго отряда, сѣлъ на суда, — но черезъ три дня воротился. Комедія была не нова, но тѣмъ не менѣе принесла тотъ же успѣхъ: приращеніе королевской казны. Графы, бароны, рыцари и духовенство заплатили огромныя суммы и король былъ доволенъ.

Впрочемъ на слѣдующій годъ проявилось болѣе серьезное предпріятіе. Увѣренный въ содѣйствіи Гюа, виконта туарскаго, Іоаннъ съ многочисленной арміей переплылъ море, высадился въ ла-Рошели, ударилъ на Монтобанъ и въ пятнадцать дней покорилъ эту знаменитую крѣпость, которую Карломанъ, по сказанію лѣтописца и легендъ XII вѣка, могъ взять только послѣ семилѣтней осады. Въ письмѣ Іоанна къ главному судѣ, епископамъ и баронамъ королевства, онъ съ особенной тщательностью перечисляетъ имена всѣхъ благородныхъ и знаменитыхъ плѣнниковъ, взятыхъ въ Монтобанѣ, даже ихъ лошадей, оружіе и громадное имущество. Послѣ этого подвига, онъ пошелъ на Анжеръ, взялъ его и направился на Нантъ. Между тѣмъ приближался Филиппъ, и съ этихъ поръ побѣдитель Монтобана, счастливый соперникъ Карломана, сталъ думать только о мирѣ; при первомъ открытіи переговоровъ онъ скрылся въ ла-Рошели.

Заключено перемиріе на два года, и такъ счастливо начатая компанія, обѣщавшая возвращеніе всего домена, Іоанну ничего не доставила. Но такъ какъ воинственные подвиги должны же были доставить ему какія нибудь выгоды, то по возвращеніи въ Англію, Іоаннъ установилъ налогъ во всемъ королевствѣ со свѣтскихъ и съ духовенства взыскапія третьей

части «на защиту правъ церкви и возвращеніе наслѣдства». Роптали, но платили. Одинъ только Йоркскій архіепископъ Джюфрей, боровшійся и прежде противъ подобныхъ злоупотребленій, отважился возстать и теперь. Опасаясь мстительности короля, онъ оставилъ свою епархію, переѣхалъ на континентъ и оттуда направилъ громовую анафему на всѣхъ участвовавшихъ въ грабительствѣ Йоркскаго архіепископства и на всѣхъ враговъ святой церкви.

ГЛАВА IV.

Дѣла церковныя. Избраніе канторберскійскаго архіепископа Иннокентій III и Стефанъ Лангтопъ. Переписка наны съ королемъ Іоанномъ. На Англію наложенъ интердиктъ. Наслія противъ духовенства.

Отъ временныхъ имущественныхъ церковныхъ благъ, Іоаннъ перешелъ къ внутренней организаціи церкви. Незадолго до окончанія несчастной войны съ Франціей, въ продолженіи которой бароны не разъ отказывали въ своемъ содѣйствіи, легкомысліе и надмѣнность запутали его въ другой весьма опасный споръ. Между различными церковными привилегіями, въ поддержаніи которыхъ онъ клялся при коронованіи, на первомъ планѣ находилось право свободного избранія епископовъ епархіальнымъ духовенствомъ. Но такъ какъ прелаты владѣли значительными доменами, придававшими имъ особенное феодалное значеніе и вліяніе въ государствѣ, то англійскіе короли старались управлять выборами епархій, ловко удерживая за собою право или указанія на лицо предъ избраніемъ, или утвержденія и неутвержденія избраннаго. И въ такомъ то деликатномъ дѣлѣ, требовавшемъ особеннаго искусства и сдержанности, деспотизмъ Іоанна безземельнаго проявился во всей силѣ. Къ дѣлу, къ которому онъ долженъ былъ касаться слегка и осторожно, онъ отнесся грубо, жестоко, рискуя всѣмъ; даже самое избраніе въ дѣйствительности производилось имъ. Такъ вскорѣ послѣ смерти епископа вин-

Въ Редаціи „ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ“ (С.-Петербургъ, Больш. Садовая, д. 121, кв. 12),

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Очерки древне-римской жизни. Т. *Симонса*.
1879 г. Ц. 1 руб. 20 к.

Ното шш, романъ *Эберса*. С.-П.-Б., 1878 г. Цѣна
1 руб. 20 коп.

Россія и Турція огъ возникновенія полигиче-
скихъ между ними отношеній до Лондонскаго трактата
(включительно). Истор. очеркъ *Д. Бухарова*. С.-П.-Б.
1878 г. Ц. 1 руб. 20 коп.

Московское княжество въ I половинѣ XIV в.
Историческій этюдъ *И. Полежаева*, С.-П.-Б. 1878 г.
Ц. 1 руб.

Рыцарь или Дама Истор. повѣсть *Самарова*
1878 г. Ц. 1 руб.

Экономическій бытъ крест. населенія передъ
крѣпостн. правомъ и колонизація юго-восточныхъ степей
П. Соголовскаго 1878 г. Ц. 1 руб. 70 коп.

Изданія эти продаются и во всѣхъ извѣстныхъ ма-
газинахъ въ С.-Петербургѣ.

Выписывающіе прямо изъ Редаціи за пересылку не
прилагаютъ.

№. 27437

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

въ 1880 г.

БУДЕТЬ ВЫХОДИТЬ ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ И ВЪ ТѢЖЕ СРОКИ.

Цѣна годовому изданію 6 руб. 50 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ въ Редакціи журнала (Больш. Садовая домъ 121 кв. 12) и въ книжномъ магазинѣ Я. Исакова, Невскій просп. Гостиный дворъ № 24.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться: въ Петербургъ въ редакцію журнала „Историческая Библиотека“ (Больш. Садовая домъ 121, кв. 12).

1. Редакція отвѣчаетъ за доставку журнала подписавшимся только въ мѣстахъ, означенныхъ въ объявленіи.

2. Редакція просить гг. подписчиковъ точно обозначать свое имя, отчество и фамилію, а также и то почтовое учрежденіе, куда долженъ быть журналъ адресованъ; иначе редакція не отвѣчаетъ за правильную доставку.

3. Подписчики, желающіе переимѣнить адресъ, благоволятъ своевременно увѣдомить о новомъ мѣстѣ жительства, съ обозначеніемъ прежняго, при чемъ за всякую переимѣну уплачивается 50 коп.

4. Желающіе доставить свои произведенія въ Редакцію должны обозначать свой адресъ и подробныя условія, безъ обозначенія послѣднихъ, редакція не будетъ считать себя обязанною входить съ авторомъ въ какіе-либо расчеты.

Редакторъ-издатель П. В. Полемаевъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ИСКУССТВОЗНАНИЕ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ.

1879.

№ 12. Декабрь.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Ф. СУЩИНСКАГО.
Еваторинский каналъ, 168.

1879

СОДЕРЖАНІЕ № 12.

- 1 Семинаристъ **Воеводинаго**
- 2 Воспоминанія изъ Кавказской военной жизни **Герюмова.**
- 3 Маруся Біографическій очеркъ **Шиллероваго.**
- 4 Основныя эпохи въ исторіи Англій. **Памлова.**
- 5 Объявленія.

1879г.

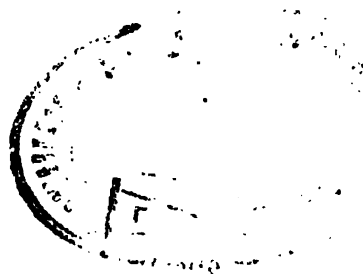
ИСТОРИЧЕСКАЯ
И ИЯІОТЪБЯ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ.

1879.

№ 12. Декабрь.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. СУЩИНСКАГО.

Екатерининскій базаръ 168.

1879

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1 Семинарствъ Богословскаго	1—78
2 Воспоминанія изъ Кавказской военной жизни Герю- мова	97—124
3 Маруса Біографическій очеркъ Шиларевскаго	1—12
4 Основныя эпохи въ исторіи Англій. Шавлова	241—318
5 Объявленія	

Для январьской книжки печатаются: Царская невѣста ист. пов. въ 3-хъ част. Политковск. и мармонъ разсказъ де-Вариньи, а для послѣдующихъ **ММ** Перечудъ, разсказъ изъ исторіи военныхъ поселеній Богословскаго и борьба за Римъ Дана.

Въ Редакціи имѣется небольшое количество экземпляровъ «Исторической Библіотеки» изданія 1878 года. Цѣна годовому изданію 6 руб. 50 к. съ пересылкою 8 рублей. Для подписчиковъ же 1879 года—7 руб. съ пересылкой, и 6 руб. безъ пересылки.

ОБЪ ИЗДАНИИ

въ 1880 году

ЕЖЕМЪСЯЧНАГО ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНАГО ЖУРНАЛА

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

(годъ третій).

Въ 1880 году «Историческая Библиотека» будетъ выходить при участіи тѣхъ же лицъ, по той-же программѣ и въ тѣ-же сроки.

Программа: романы, повѣсти, рассказы, очерки и мемуары, преимущественно историческаго содержанія; историческія сочиненія, изслѣдованія, монографіи и матеріалы.

Согласно съ намѣченною цѣлью, редакція помѣщала и будетъ помѣщать въ журналъ своемъ тѣ произведенія, которыя, при литературномъ достоинствѣ, совершенно вѣрны и исторической истинѣ. Содержаніе журнала 1879 года, включая и печатающееся для послѣднихъ выпусковъ: беллетристическаго содержанія—Семейство Шалонскихъ (изъ семейныхъ преданій 12 г.), Е. Туръ; Новгородскій погромъ, ист. пов. Политевскаго; Очерки древне-римской жизни, Т. Симонса; Престоль и Монастырь (хроника-романъ 1682—1689 г.), Ш-б-скаго; Клирошане (сцены), Б. Б.; Переписка папы Климента XIV съ Карлино Бертинаци, Соколова; Съ русскимъ караваномъ, Н. Огородникова; Жанна де-Монфоръ, ист. пов. Витта; Воспоминанія изъ Кавказской боевой жизни, Горюнова; Рассказъ плѣнника (изъ Хивинской экспедиціи), Д. И. Минаева; За живой

изгородью (вандейская война), ист. пов. Витта; Семинаристъ Богословскаго; Новгородскія Былины Авенаріуса; ученаго содержанія—Флоренція въ XIV в., ист.-бул. очеркъ Красноперова; Очеркъ Провансальской поэзіи любви, Деларю; Описаніе Московіи по реляціямъ Карлейля, Павловскаго; Арсеній архіеп. Элассонскій, Оглоблина; Пугачевскій бунтъ по Кастеру, Деларю; Индусы и Будда, Новоселова; Сервантесъ, покойн. проф. Селина; Тюремный вопросъ, Ниевтина; Основныя эпохи въ исторіи Англіи, Павлова и мн. друг., не считая мелкихъ статей. Въ будущемъ же году (редакція предполагаетъ увеличить объемъ книгъ) будутъ помѣщены, кромѣ многихъ другихъ, слѣдующія произведенія: Царскій выборъ ист. пов. Политковскаго, Чѣни Прошлаго (Биронъ и Волинскій) хроника-романъ Шубарскаго (псевдонимъ) автора «Престолъ и Монастырь», Атика по Дунверу, матеріалы для русской исторіи XVIII в., Послѣдніе Стюарты, нѣсколько переводовъ лучшихъ иностранныхъ историческихъ сочиненій и др.

Цѣна годовому изданію 6 руб. 50 в., съ перес. 8 руб. Подписка принимается въ редакціи (Бол. Садовая, д. 121, кв. 12) и въ книж. магазинѣ Я. Исакова, гос. дв. № 24. Иногородные благоволятъ адресовать въ Петербургъ, въ Редакцію журнала «Историческая Библіотека» (Бол. Садовая д. 121

Г.г. Подписчики текущаго года получаютъ всѣ вышедшіе номера.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ Н. Г. МАРТЫНОВА

(Невскій проспектъ, № 46, въ С.-Петербургѣ)

Продается новый историческій романъ Е. П. КАРНОВИЧА,

ЛЮБОВЬ И КОРОНА,

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ

Императрицы Анны Ивановны и регентства
принцессы Анны Леопольдовны.

Предлагаемый публикѣ историческій романъ «Любовь и корона», Е. П. Карновича, относится къ весьма интересной, исполненной драматизма, эпохѣ нашей исторіи, когда двѣ молодыя соперницы-родственницы считали каждая себя въ правѣ обладать русскою императорскою короною, и когда приверженцы одной изъ нихъ, именно цесаревны Елизаветы Петровны, дѣйствуя смѣло и рѣшительно, лишили власти правительницу, принцессу Мекленбургскую Анну Леопольдовну, намѣревавшуюся уже объявить себя царствующею государынею. Обстоятельства, какъ предшествовавшія этому государственному перевороту, такъ и послѣдовавшія за нимъ, а именно: положеніе Анны при дворѣ ея тетки-императрицы, любовь молодой дѣвушки къ саксонскому посланнику, графу Линару, имѣвшему на нее неограниченное вліяніе, столкновенія принцессы съ Бирономъ, низложеніе послѣдняго какъ регента, отношенія Анны къ Елизаветѣ, печальная судьба бывшей правительницы и ея семейства—все это доставило автору благодарный матеріалъ для подробной обрисовки не только дѣйствовавшихъ тогда лицъ, но и характера всей избранной имъ эпохи.

Въ этомъ сочиненіи г. Карновича, государственныя и дворцовыя событія, равнымъ образомъ и всѣ особыя случаи изложены съ историческою точностію, и основаніемъ для каждаго отдѣльнаго или вводнаго разсказа служили ему дѣйствительныя, а не вымышленныя, событія. Если-же иногда авторъ и допускалъ незначительныя отступленія отъ исторической точности, то лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда этого требовалъ драматизмъ разсказа, или-же въ описаніяхъ, для полноты которыхъ необходимо было собирать однородныя подробности, относившіяся къ тогдашней бытовой обстановкѣ. Но и при этихъ отступленіяхъ авторъ все-таки строго придерживался *сказаній того времени*, наблюдая, чтобы разсказъ его постоянно сохранялъ духъ и отпечатокъ описываемой имъ исторической эпохи и чтобы въ него не вкрадывался правднй вымыселъ, чуждый дѣйствительности. При такихъ условіяхъ, предлагаемое сочиненіе г. Карновича является простымъ историческимъ повѣствованіемъ, оживленнымъ въ его частностяхъ и подробностяхъ картинами, нарисованными такими чертами и такими красками, какими авторъ только могъ пользоваться при тщательномъ и разностороннемъ изученіи изображаемой имъ эпохи и всѣхъ ищущихъ для того источниковъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

Подобныя произведенія, увлекая читателей романтической интригой, невольно знакомятъ его и съ характеромъ дѣйствительныхъ историческихъ лицъ и событій даннаго времени.

Цѣна 2 рубля. — Книгопродавцамъ обычная уступка.

Складъ изданія у И. Г. Никифорова, Банковская ул. д. № 5, кв. 2, въ С.-Петербургѣ.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА:

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ

на учрежденіе училищъ, школъ, учебныхъ заведеній и ученыхъ обществъ, послужившихъ къ образованію Русскаго народа съ 1025 по 1855 годъ“.

Н. А. Лебедева.

Изданіе 2-е. Цѣна 1 р. 50 коп., въсовыхъ 2 ф.

Книга эта, кромѣ разсмотрѣнія въ ученomъ комитетѣ по военно-учебнымъ заведеніямъ, была разсмотрѣна въ совѣтахъ: горнаго института и с.-петербургской духовной: академіи, и ими принята. Приобрѣтена и въѣми другими высшими заведеніями, какъ-то: академіями, университетами, Императорскимъ лицеемъ, училищемъ правовѣдѣнія, многими семинаріями, земскими учрежденіями и полками.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

ПОСОБІЕ КЪ ИЗУЧЕНІЮ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

I. о древнихъ городахъ. II о древней торговлѣ и III о деньгахъ, обращающихся въ Россіи съ 862 по 1763 годъ.

Цѣна 35 к. безъ пересылки.

» 40 к. съ пересылкою.

„ПЕРВЫЙ РУССКІЙ СОЛДАТЪ“

(Разказъ унтеръ-офицера).

Цѣна экземпляру 5 коп.

Для Земскихъ Управъ и полковъ Арміи, выписывающихъ 100 и болѣе экземпляровъ, пересылку принимаю на свой счетъ.

Гг. иногородные, желающіе выписать одинъ экземпляръ, прилагаютъ марками 20 коп., на пересылку экземпляра заказнымъ.

МАКАРИЙ,

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШІЙ

МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ

(Биографическій очеркъ).

Гг. иногородные благоволятъ прилагать почтовыми марками 25 коп.

Выписывающіе всѣ книги или одну чрезъ издателя Н. А. Лебедева, жительствующаго у Покрова, по Садовой ул., № 121, въ пересылку не платятъ.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1880 ГОДЪ

Основанъ въ 1831 году. **ВАЗА** Существуетъ 48 лѣтъ.

ЖЕНСКІЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ РУКОВОДНО-МОДНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЪ РОССИИ МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ СЪ ПРЕМІЯМИ.

Выходитъ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца большими тетрадями.

№4 номера журнала 12 руководно-модныхъ и 12 литерат р-ныхъ (романы, повѣсти, стихотворенія, путешествія, разныя извѣстїя и т. п.) 1000 политпажей въ текстѣ. №4 модныя гравюры. 12 листовъ литорафирован. узоровъ и выкроекъ. №4 вырѣзныя выкройки въ натуральную величину. 6 листовъ раскрашенныхъ узоровъ. Карманный календарь на 1880 годъ.

Возрастающій съ каждымъ годомъ успѣхъ журнала даетъ редакціи возможность увеличить цѣнность и изящество премій—Преміи, предназначенныя для 1880 года, выйдутъ изъ ряда обыкновенныхъ. Желающіе могутъ видѣть ихъ въ редакціи.

Каждый подписчикъ 1880 года получить **ШЕСТЬ ПРЕМІЙ**, а именно:

1) Бархатная золотомъ вышитая туфля (вышивка исполнена по заказу редакціи настоящими серебряными черезъ огонь вызолоченными нитями).

2) Двѣ олеграфич. картины (pendant) заграничной работы.

3) Кованка для туалетнаго стола. Тисненная вырѣзка изъ золоченой канвы. Часть работы.

4) Большая подушка для дивана. Роскошный букетъ. Матеріалъ полный для букета и для фона. Узоръ для исполненія, раскрашенный и въ натуральную величину.

5) Вышивка для бювара на французкой канвѣ. Матеріалъ полный и раскрашенный. Полевые цвѣты.

6) Закладка для книги съ тисненой вышивкой и вышивкой (Souvenir).

Преміи выдаются и разсматриваются всѣ сразу: Городскимъ—въ Январѣ; Иногороднымъ, подписавшимся въ Ноябрь—въ Январѣ. Подписавшимся въ Декабрь—въ Февралѣ. Позднѣйшимъ подписчикамъ въ теченіи Феврала и Марта.

Расчетка допускается чрезъ казначеевъ и по соглашенію съ редакціей.

У С Л О В І Я П О Д П И С К И :

На годъ безъ премій . . . 7 р. — к. (безъ перес. . 6 р. — к.).

На полгода безъ премій . . . 4 р. — к. (безъ перес. . 3 р. 40 к.).

На 3 мѣсяца безъ премій . . 1 р. 80 к. (безъ перес. . 1 р. 41 к.).

Съ Преміями 5 р. дороже.

На укупорку премій Редакція проситъ выслать 43 к. (марками).

Адресъ: С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «ВАЗА»,
Лештуковъ пер. д. № 13.

СЕМИНАРИСТЪ *).

Золото и въ грязи видно.
Поговорка.

I.

Прекрасный апрѣльскій день невольно выманивалъ на свѣжій воздухъ, на дворъ было такъ пріятно и хорошо; все, казалось, радовалось и оживлялось послѣ суровой зимы. Ростились курицы, горланили пѣтухи, кудахтали индюшки передъ харахорящимся пѣтухомъ, въ выси заливались жаворонки, въ гущѣ сада перекливались яблони, а про воробьевъ и говорить нечего, тѣ уже парились и щебетали безъ умолку, залетали мухи и бабочки.

Елена Александровна ходила въ нетерпѣннн по тер-

---

*) Повесть «Семинаристъ» — рассказъ отдѣльный и цѣльный — служить продолженіемъ повѣсти «Земскій Яррыжа», помѣщенной въ «Исторической Библиотекѣ» (1878 г. №№ 8 и 9). Авторомъ выведены тѣ-же дѣйствующие лица, но только при иной обстановкѣ. Герой повѣсти, бродяга-семинаристъ Лавровъ, поселился у товарища своего Слѣпнева, бывшаго домашняго секретаря богатаго помѣщика Воложбина и потому женившася на дочери умершаго Воложбина, Еленѣ Александровнѣ.

расѣ; на столѣ ожидалъ приготовленный завтракъ и кипѣлъ самоваръ.

Вошелъ Слѣпневъ.

— Бога ты, Николай, не боишься. Цѣлое утро я одна одинешенька, сказала Елена, поцѣловать мужа.

— Привыкать надо, моя радость.

— Вотъ хорошо! Какъ тебѣ не стыдно, негодный, и она приласкала мужа.

— Настала рабочая пора; дѣла съ утра до вечера.

— А сколько я тебя прошу взять управляющаго?

— Шмуля, развѣ, пригласить?

— Не вспоминай ты мнѣ противнаго Шмуля.

— Хозяйскій глазъ вездѣ необходимъ и при управляющемъ самому надо смотрѣть за всѣмъ, чтобы дѣла ладились. Давай завтракать, мнѣ сейчасъ надо опять туда бѣжать.

— Противный! Я съ тобой сама пойду.

— Милости просимъ. Мы будемъ работать, а ты барыней будешь стоять и смотрѣть.

— Что-же мнѣ дѣлать? укажи, Бога ради, мнѣ какую, нибудь работу.

— Хорошо, хорошо, только не сегодня; въ воскресенье цѣлый день будемъ вмѣстѣ и наболтаемся досыта.

— Хоть полчаса еще посиди.

— Не могу, ангель мой. Крестьяне - то издалека набрались; у другого, можетъ быть, и хлѣба нѣтъ съ собой, нельзя-же держать голодныхъ до темной ночи. Сейчасъ придетъ Лавровъ, ты дай ему позавтракать.

— Ты-бы побылъ, пока онъ завтракаетъ.

— Невозможно. Онъ отпускаетъ овесъ крестьянамъ; я приду—стану отпускать, а онъ пойдетъ завтракать. Тебѣ, кажется, онъ не нравится.

— Совсѣмъ не то. Я боюсь его.

— Вотъ это мило!

— Нѣтъ! Я не то хотѣла сказать. Какъ-бы тебѣ выразить? Приятно, когда ручной медвѣдь ласкается при

людяхъ, но наединѣ съ нимъ оставаться страшно, того и гляди царапнетъ. Онъ хорошій человекъ, я его люблю, но онъ своими манерами на меня страхъ наводитъ.

— Сегодня онъ котлетку всегда тебѣ предпочтетъ; съ пяти часовъ за работой, такъ проголодался.

— Неужели и ты такъ рано всталъ?

— Конечно, теперь нѣжится нечего.

— Ахъ, Николай, Николай! Не бережешься ты?

— Мнѣ это здорово. Прощай! Онъ поцѣловалъ жену и ушелъ.

Мыза Дубровка съ задняго двора совершенно измѣнилась; это не былъ тотъ беспорядочный и заброшенный дворъ, какимъ онъ казался при Воложинѣ, отцѣ Елены Александровны, теперь здѣсь былъ порядокъ таковой-же, какъ и въ саду. Постройки всѣ исправлены заново, самый дворъ содержался въ чистотѣ, какая возможна на заднемъ дворѣ, даже собаки вели себя прилично: онѣ не лаяли такъ себѣ ни за что, ни про что на крестьянъ, которые обступали амбары.

— Федоръ Федорычъ, маршъ завтракать, да живѣе, говорилъ еще на ходу Слѣпневъ.

— Не торопи, баринъ, а то онъ подавится, сказалъ крестьянинъ.

— Не бойся! Это не кроху глотать, что у тебя изъ-за пазухи торчать, отгрызнулся Лавровъ.

— Кто на очереди? крикнулъ изъ амбара Слѣпневъ. Живо мѣшки!

— Тебѣ три четверти? спросилъ Слѣпневъ мужика, державшаго раскрытый мѣшокъ.

— Жарь, ребята.

Зашурчалъ овесъ, подхватываемый совками изъ за-сѣва и перепускаемый въ четверики и потомъ въ мѣшки.

За амбаромъ, на лужкѣ разлеглась кучка крестьянъ.

— Самъ Богъ послалъ намъ этого барина, говорилъ одинъ изъ крестьянъ.—Ловкой какой и работага.

— Это пока еще старое тѣло не изжилъ, а вотъ

какъ барскимъ пополнится, будетъ въ карманахъ руки держать да приказывать.

— Молчи, не услыхаль-бы.

— Не бось. Онъ на шутку не сердится, самъ отпущается. За грубость, за брань не спустить ни за что, а шутки любить.

— Время только въ обѣду, а онъ ужъ двѣ деревни отпустилъ.

— Въ магазей, какъ волостной начнетъ маять, такъ чуть не съ недѣлю каждую деревню продержитъ, а онъ однимъ днемъ всѣхъ отпустить.

— Волостной то овесъ одна броня, а тутъ зерно полное.

— Яровые нонче, если Богъ помилуетъ, насъ выручать.

— Если это только не барская забава и на предки онъ это дѣло поведеть, насъ онъ поставитъ на ноги. Заправимся скоро.

— Дай Богъ ему только здоровья, изъ него толкъ будетъ.

— Смотри, какъ повелъ все дѣло. Даромъ, что молодой, а у него пошли урожаи лучше, чѣмъ у прочихъ. Чего Иванъ Ивановичъ, и тотъ назади остался.

— Никакъ и наша очередь дошла?

— Живо подымайся! Нечего копаться.

Въ пять часовъ Слѣбневъ отпустилъ всѣхъ крестьянъ и пришелъ съ Лавровымъ обѣдать.

— Надо будетъ присмотрѣть за Кузьмой, какъ онъ бороны ваяеть, да пройдите вы въ заднее поле, канаву а велѣлъ прочистить. Посмотрите, что они сдѣлали.

— Какъ вы мнѣ надоѣли съ вашими боронами, сказала Елена.

— Правда, тебѣ не весело это слушать, за то любо смотреть будетъ, какъ пойдешь лѣтомъ въ поле.

— Я одна не пойду.

— Конечно, вмѣстѣ.

— Не вѣрю. Тебя и не сыщешь. Знаешь-ли что, буди меня по утрамъ, а хоть тебя чаемъ поить буду.

— Ты хорошо придумала! Въ девять-то часовъ вставши, ты не знаешь, куда дѣваться цѣлый день отъ скуки, а поднять тебя съ пяти часовъ, ты плавать станешь.

— Хоть-бы вы, Федоръ Федорычъ, научили меня работать.

— По части женскихъ руководѣлій я самъ не умѣю и пальцемъ тннуть.

— Я отъ тебя, Николай, не отстану.

— Въ воскресенье, сказано, въ воскресенье.

— Послѣ обѣда что будешь дѣлать?

— Уйдемъ. Я въ сторону, а онъ въ другую.

— Несносный.

— Вѣрю, моя радость, скучно тебѣ. Потерпи. Все обойдется. Я полагаю-бы и чай пить здѣсь сегодня, вечеръ будетъ теплый.

— Приходи хоть раньше къ чаю.

— Къ восьми часамъ буду. И Слѣпневъ ушелъ.

Вечеръ былъ превосходный, — теплый, тихій. Слѣпневъ и Лавровъ курили сигары, прихлебывая чай изъ стакановъ, Елена вязала крючкомъ какія-то хитрыя кружева. Разговоръ не завязывался; усталый Слѣпневъ покоилъ свои взоры на миломъ лицѣ жены, онъ былъ вполне доволенъ своей судьбой и счастливъ. А Елена благоговѣла предъ своимъ идоломъ. Лаврова они какъ-бы и не замѣчали. Тотъ былъ пасмуренъ, но никому не было и дѣла до него.

Въ такомъ благодушномъ настроеніи время идетъ такъ-же скоро и незамѣтно, какъ и при оживленномъ разговорѣ. Стало уже смеркаться, пробило девять часовъ.

Слѣпневъ зѣвнулъ раза два и такъ аппетитно, даже съ пригѣвомъ.

— Ахъ, безстыдникъ, вздумалъ зѣвать при всемъ обществѣ, замѣтила жена.

— Спать захотѣлось, пора убираться по спальнямъ.

На другой день, утромъ, въ пять часовъ, Слѣпневъ вышелъ въ столовую пить чай.

«Можетъ-ли быть кто-нибудь счастливѣе меня», думалъ Слѣпневъ. Жена—рѣдкая женщина, доброта и кротость воплощенная! Никакой нужды и заботы; кромѣ удовольствія, ничего не предвидится. За что-же мнѣ досталось все это даромъ? но я заслужу это счастье. Спасибо дядѣ, онъ далъ мнѣ добрый совѣтъ. Трудно, но возможно. Борьбы много съ невѣжествомъ, съ предрассудками, съ дурными привычками. Помощниковъ нивого. Звѣревъ за границей, а Гвоздевъ только подтруниваетъ; впрочемъ, въ шуткакъ его нѣтъ ядовитости, а это много значитъ; онъ одобряетъ, слѣдовательно сочувствуетъ.

— Крестьянинъ желаетъ васъ видѣть, доложилъ лакей.

— Повови Федоръ Федоровичъ всталъ?

— Одѣваются.

Вошелъ пожилой крестьянинъ, помолился и поклонился въ полскъ.

— Что, братъ, тебѣ надо? спросилъ Слѣпневъ.

— Мнѣ-то? Я не отъ себя.

— Такъ по какому же дѣлу?

— Кто-жъ безъ дѣла будетъ беспокоить, Николай Николаичъ.

Вошелъ Лавровъ.

— Говори, братъ, толкомъ, сказалъ Слѣпневъ, поздоровавшись съ Лавровымъ.

— Кажись, я ладно говорю.

— За какимъ ты дѣломъ-то пришелъ?

— Я не отъ себя.

— Отъ кого же.

— Отъ всего міра.

— Ну.

— Общество наше къ тебѣ прислало.

— Зачѣмъ?

— Тамъ условіе что-ль, аль приговоръ дать.

— Кому?

— Извѣстно кому. Вашей милости.

— Вамъ, я вижу, до завтра не кончить, вмѣшался Лавровъ.— Видишь, какую дипломатію развелъ. Сказалъ бы просто, что сѣмена надо.

— Извѣстное дѣло, за овсомъ присланъ, сказалъ мужикъ.

Условія мои знаете? спросилъ Слѣпневъ.

Слышали. Намъ, можетъ, что и другое еще скажешь.

— То-же самое, что и Дубровскому обществу.

Первое, чтобы взятые сѣмена были всѣ посеяны, а не шли на сторону. Чтобы пахать вся обработывалась и засеивалась, а перелогі снова обращались въ пашни. Чтобы сѣновосы очищались отъ кустарника и мокрыя мѣста осушались канавами. Чтобы всѣ крестьяне, безъ исключенія, обработывали всю пашню и засеивали. Чтобы общество помогало обработать и посеять тѣмъ, кто, по уважительнымъ причинамъ, самъ не можетъ, а также бѣднымъ вдовамъ. Чтобы во всемъ обществѣ кабаковъ—ни подъ какими названіями—не было. Чтобы безвременнаго пьянства не было.

— Какъ-же это, Николай Николаевичъ, праздниціе, свадьбы, вѣдь безъ вина невозможно, перебилъ мужикъ.

— Связано безвременное. Праздниціе, даже именины—пей, сколько душа приметъ, а такъ, безъ причины, особенно лишки, могоарычи на сходкахъ, надо совсѣмъ оставить. Картежной игры, въ орлянку, въ жохи и другіе, чтобы не было; на пиво не смѣть играть. Сѣно на борню и въ кучахъ, хлѣбъ въ снопахъ и съ риги булакамъ не отдавать. Вотъ тебѣ все напишетъ Федоръ Федоровичъ.

— Деньжонковъ-то на нужды большія будутъ?

— Какъ-же. На уплату повинностей и на неотложныя нужды можно будетъ выдавать. Въ приговорѣ обо всемъ сказано.

— Когда приходитъ къ вашей милости?

— Чтобы вамъ не терять времени понапрасну, составьте приговоръ и условіе и засвидѣтельствуйте въ

волости, а послѣ ко мнѣ и идите съ мѣшками, только всѣ вдругъ, а не по одиночѣ.

— Ладно. Овса то много?

— Хватить.

— Знаю, что на насъ хватить. Я не къ тому.

— Что-же еще.

— Вотъ и Лядовское общество въ тебѣ собирается.

— Можно. Федоръ Федорычъ, напиши ему въ двухъ экземплярахъ. А ты передай лядовскимъ, чтобы они справили все въ волости и приходили ко мнѣ. Только не въ одинъ день. Когда васъ отпущу, чтобы они на другой день пришли. Понимаешь?

— Понимаю.

— Ну и съ Богомъ!

Мужикъ сталъ переминаться съ ноги на ногу.

— Что еще надо?

— На сходеѣ толковали было, чтобы въ вашей милости всей волостью. Вотъ въ Дубровскомъ обществѣ однимъ годомъ дѣло-то показало себя, понравилось намъ оно.

— Ну, братъ, всей волости одинъ помочь не могу. Современемъ, можетъ еще кто другой найдется. Общества два, три еще могу удовлетворить. Да тѣмъ и не подручно.

— Къ кому пристать-то? Вотъ сколько ихъ въ нашей волости, а никто объ этомъ дѣлѣ и не подумалъ. Не подручно, далеко? Нужда и въ Сибирь гонить.

— Больше двухъ обществъ не могу принять еще на себя. Мнѣ не управиться.

— Вона притча-то какая! Спасибо и на томъ. Счастливо оставаться.

Крестьянинъ вышелъ вмѣстѣ съ Лавровымъ.

Слѣпневъ переодѣлся; онъ надѣлъ короткую сѣрую визитку, высокие сапоги, поярбовую шляпу и отправился въ яровое поле, гдѣ вонными плугами подготовляли пашню для посѣва овса.

II.

Настало воскресенье. Слѣпневъ потихоньку выбрался изъ спальни и приказалъ накрыть чай на террасѣ. Утро было восхитительное; Слѣпневъ стоялъ и любовался. Елена неслышно подкралась и обняла его, онъ вздрогнулъ отъ нечаянности.

— А, плутишка, попался!

— Что ты такъ рано встала? Только семь часовъ.

— Сегодня воскресенье, я боялась проспять; ты общалъ весь день провести вмѣстѣ.

— Непремѣнно. Приятнымъ считаю долгомъ сдержать данное слово. Онъ расшаркался передъ женой.

— Вотъ это мило!

— Ты хорошо сдѣлала, что рано встала. Поѣдемъ въ Ильинское къ обѣднѣ.

— Ты высказалъ мою мысль.

— Отлично. Лавровъ какую вышшеу задаетъ!

— Лавровъ развѣ любитъ спать?

— Уваленъ. Лѣнтяй, какихъ мало!

— Стыдно тебѣ обижать его. Онъ всегда вмѣстѣ съ тобой, утромъ, рано встаетъ и вплоть до вечера работаетъ. Онъ хорошій человекъ, только...

— Договаривай.

— Не знаю, какъ выразить, не то грубый, не то жесткій, что-то въ немъ есть шероховатое.

— Мало деликатности.

— Ну вотъ это самое.

— Пора ѣхать; пожалуй, опоздаемъ.

Послѣ обѣдни Слѣпневы пришли къ дядѣ, отцу Петру. Матушка засуетилась угощать дорогихъ гостей.

Скоро пришелъ изъ церкви и отецъ Петръ; на эту пору такъ случилось, что его не увезли за требами въ деревню.

— Вотъ жена пристаесть во мнѣ, просить работы, обратился Слѣпневъ къ дядѣ.

- Добрый батюшка, научите меня работать.
- Мудрено, Елена Александровна.
- Что я за несчастная! Неужели я ни въ чему не способна?
- Васъ не готовили въ такой жизни; у васъ не было и нѣтъ опытнаго руководителя, все надо учиться по книжкѣ, это и мѣшкотно и неудобно.
- Что-же мнѣ дѣлать?
- Я ей говорю, подожди. Вотъ съѣзжу на масляные заводы, посмотрю ихъ устройство и въ этомъ году непременно устрою масляный заводъ, возьму ученую мастерицу и все дѣло по молочнымъ скопамъ передамъ тебѣ, сказалъ Слѣпневъ.
- Когда?
- Не раньше, какъ осенью.
- Вотъ прекрасно! Цѣлое лѣто буду баклуши бить.
- Я хочу вотъ теперь-же приняться за какую-нибудь работу.
- Равнѣ росаду? Теперь настоящая пора, сказалъ отецъ Петръ.
- Чего ты не выдумашь, замѣтила матушка.
- Дѣла-то, пожалуй, можно найти столько, что и не управитесь. Только я боюсь, чтобы не было огорченій, продолжалъ отецъ Петръ.
- Я все готова перенести, только-бы работать.
- Даете слово не огорчаться, если встрѣтятся неудачи?
- Я всѣ силы употреблю, буду трудиться, какъ простая работница, только научите меня.
- Вотъ это-то и не годится. Дѣломъ надо заниматься спокойно, ровно; оно успѣшнѣе пойдетъ.
- Я на все согласна.
- У васъ въ саду есть хорошее мѣсто, гдѣ можно развести ягоды. Вотъ и займитесь садомъ.
- Цѣлый день я брожу въ саду, и не вижу, что надо дѣлать.
- Займитесь, на первый разъ, садомъ. Тамъ и быть,

сегодня я свободенъ, я поѣду къ вамъ и дамъ первый урокъ. А ты, Николай, выпиши руководство въ садоводству; есть хорошія книги.

— Добрый батюшка, поѣдьте скорѣе.

— Терпѣніе! терпѣніе все преодолеваетъ. Она насъ безъ пирога не отпуститъ, сказалъ отецъ Петръ, указавъ на жену.

— Какъ сегодня будетъ весело; мы цѣлый день всѣ вмѣстѣ будемъ!

Подали пирогъ, заусили и отправились.

Едва успѣли выйти изъ экипажа, какъ Елена потащила всѣхъ въ садъ.

— Сперва переодѣньтесь попроще; такой нарядной нельзя ходить на работу.

— Сейчасъ, заторопилась Елена и убѣжала въ свою комнату.

— Ты не огорчай ее строгой критикой; если замѣтишь, что не ладно, поправь, если съумѣешь, а не съумѣешь, мнѣ скажешь. Съ нею надо осторожно обращаться; натура очень пылкая, совѣтовалъ отецъ Петръ Слѣпневу.

Елена явилась въ самомъ простомъ платьѣ.

Пошли на мѣсто, гдѣ предполагалось развести агоникъ.

Отецъ Петръ взялъ лопату, выкопалъ нѣсколько вустовъ, разнялъ ихъ, обрѣзалъ, очистилъ и началъ разсаживать; при этомъ онъ все очень толково объяснял и показывалъ Еленѣ.

— Какъ жаль, что не принесла бумаги съ карандашомъ; я все-бы записала, а-то боюсь все перепутать, говорила Елена.

— Запомните. Если что забудете, я не далеко, можно справиться. Къ тому времени книгу пришлютъ, съ нею вамъ будетъ удобнѣе.

Елена принялась разсаживать вмѣстѣ съ отцомъ Петромъ и испачкала пухленькія ручки.

— Самимъ вамъ нѣтъ надобности руки портить, и

не слѣдуетъ. Если я теперь самъ грязнусь и вамъ позволю, то только, чтобы на самомъ опытѣ показать. Вамъ надо присматривать за работникомъ, да указывать ему, какъ готовить грунтъ и разсаживать ягоды, говорилъ отецъ Петръ, продолжая работу.

Время приближалось къ обѣду. Доложили о приѣздѣ сосѣда Гвоздева.

— Приси сюда, распорядился Слѣпневъ. Ну, Елена, вотъ я посмотрю, какъ ты подашь свою грязную лапу Гвоздеву.

— На дѣлѣ нисколько не стыдно руки замарать, отвѣчала довольная Елена.

Пришелъ Гвоздевъ.

— Мы работаемъ, закричала Елена. Видите? и она подняла руки. Оттого и не подаю вамъ, всё въ грязи. Мы ягоды садимъ.

— А выростутъ прекрасные цвѣты, отвѣчалъ Гвоздевъ.

— Какъ это? спросила удивленная Елена.

— Очень просто; хорошенькія ручки садятъ.

— Я вамъ отплачу. Будемъ продолжать, батюшка, пусть они смѣются.

— Прислать вамъ хорошихъ сортовъ ягодъ? спросилъ Гвоздевъ.

— Вы меня очень обяжете. Нѣтъ-ли у васъ книги садоводства?

— Поискать надо, можетъ быть и есть.

— Завтра пришлете?

— Можетъ быть, если найду.

— Какой недобрый! Я ночь спать не буду.

— Не приважете-ли сейчасъ.

— Сейчасъ пойдемъ обѣдать, а не отпущу васъ до ночи.

— Идите вы мыться, пора обѣдать; пойдемте Иванъ Ивановичъ, сказалъ Слѣпневъ.

Весь обѣдъ проговорили о томъ, какъ разводить

ягоды и устраивать цвѣтники. Только Лавровъ слушалъ молча и не вмѣшивался въ разговоръ.

Послѣ обѣда тотчасъ-же Елена утащила отца Петра въ ягоднику, Лавровъ ушелъ къ себѣ.

— Какъ дѣла? спросилъ Гвоздевъ.

— Отлично. Четыре общества обязались.

— Будто въ точности исполнять обязательства?

— Могутъ быть грѣшки, и нельзя быть очень требовательнымъ; вамъ нечего объяснять, какъ трудно бороться съ закоренѣлостью.

— Всетаки—надо искоренять.

— Дѣло идетъ лучше, чѣмъ ожидалъ.

— Это хорошо.

— Вся бы волюсть желала завести этотъ порядокъ, да мнѣ не по силамъ. Отказалъ.

— Жаль. Вы не боитесь большіе убытки понести?

— Нисколько.

— Безнадежные плательщики непременно будутъ.

— Можетъ быть. Я ассигновалъ на эту операцію десять тысячъ на все: на хлѣбъ и вспомогательный капиталъ. Расчетъ сдѣланъ на десять процентовъ; въ случаѣ безнадежныхъ плательщиковъ, рублей пятьсотъ скинуть; пять процентовъ чистаго дохода. Хотите, покажу весь расчетъ?

— Интересно.

— Пойдемте въ кабинетъ.

Ягодникъ былъ разбитъ, перешли въ цвѣтникамъ. Елена взглянула на террасу.

— Ушли, сказала она.

— Хозяйство показывать повелъ.

— Такъ и есть, а обѣщала цѣлый день вмѣстѣ провести!

— Пока займемся цвѣтниками, воротятся, сказалъ отецъ Петръ и началъ указывать, какъ приготовляются куртины и рассаживаются цвѣты.

Они такъ занялись, что и не замѣтили, когда вернулись на террасу хозяинъ съ гостемъ.

— Разсчетъ правильный, говорилъ Гвоздевъ, закуривая сигару. Только одно обстоятельство, кажется, упущено изъ вида.

— Какое?

— Голодь, въ случаѣ неурожая.

— Въ нашей сторонѣ это рѣдко бываетъ.

— Можетъ-же случиться!

— Тогда изъ запаснаго продовольственнаго капитала должны будутъ дать въ кредитъ.

— Это такъ.

— Бромѣ того, изъ штрафовъ и разныхъ мелкихъ сборовъ зерномъ, въ каждомъ обществѣ современемъ можетъ образоваться капиталъ, который и образуетъ товарищество въ обществѣ.

— Откуда вы почерпнули эту идею?

— По правдѣ сказать, идея не моя.

— Откуда вы взяли?

— Дядя сообщилъ мнѣ. Я сталъ совѣтоваться съ нимъ, какъ-бы устроить какое-нибудь полезное дѣло для мѣстнаго населенія, онъ мнѣ и предложилъ.

— Чрезвычайно полезная и практическая мысль.

— Вамъ понравилось?

— Очень.

— Меня это радуетъ.

— Безъ комплиментовъ, перебилъ Гвоздевъ. Позвольте мнѣ списать вашъ прозекъ.

— Завтра дамъ переписать Лаврову и, какъ будетъ готово, вамъ пришлю.

— Благодарю. Лавровъ хорошій помощникъ?

— Незамѣнимый. Станный человекъ, въ высшей степени безпечный. Оставьте его самому себѣ, онъ пустится странствовать по селамъ и ничего, кромѣ глупостей, не будетъ дѣлать. Поставьте его на дѣло, уважите, расскажите, и онъ исполнитъ добросовѣстно. Надзоръ надъ нимъ необходимъ.

— Вотъ русская-то натура!

— Теперь онъ лежитъ, забравшись въ свою комнату,

скачаеть одинъ, это вѣрно, а сюда придти лѣнь. Позовутъ,—сейчасъ явится.

— Онъ можетъ уйти отъ васъ.

— Легко можетъ случиться, я этого боюсь. Удивляюсь, какъ еще онъ удерживается, годъ уже живетъ у меня.

Пришла на террасу Елена съ дядей.

— Батюшка говоритъ, что все кончено, а мнѣ кажется, что еще много надо въ саду работать, говорила Елена.

— Не все вдругъ, отвѣтилъ священникъ.

— У дуба побывали? спросилъ Слѣпневъ.

— Ахъ! совсѣмъ изъ головы вонъ. Пойдемте туда.

— Мы чаю хотимъ, чайкомъ напои.

Послѣ чаю уѣхалъ отецъ Петръ, а Гвоздевъ просидѣлъ до полуночи.

Въ восьмомъ часу утра Елена осторожно разбудила мужа.

— Заспался, лѣнтый, пора на работу!

— Проспалъ. Большой бѣды нѣтъ, а вставать пора.

— Пойдемъ скорѣе чай пить; мнѣ пора приниматься за дѣло.

— Надо спѣшить, спѣшить, подтрунивалъ мужъ.

— Ты мнѣ дай работниковъ, говорила Елена, когда усѣлась за чайный столъ.

— Сколько тебѣ надо?

— Десять.

— Только?

— Пожалуй, я попрошу и больше, если у тебя найдутся лишніе.

— Ахъ, ты, моя голубка! Ты каждому дѣло дашь?

— Непремѣнно.

— И показывать станешь?

— Какъ-же безъ этого?

— Всѣ они около тебя въ кучѣ и будутъ толочься.

— Я каждого разставлю на свое мѣсто.

- Десять-то человекъ въ день ягодникъ устроить.
 Что-же ты послѣ этого начнешь тамъ дѣлать?
 — Такъ какъ-же быть?
 — Двоихъ и то много.
 — Я полагала, чѣмъ больше, тѣмъ лучше.
 — Нѣтъ надобности торопиться.
 — Только двухъ дашь?
 — Довольно.
 — Когда мнѣ книгу пришлетъ Гвоздевъ?
 — Сегодня.
 — А ты пошлешь въ Петербургъ?
 — Сегодня пошлю.
 — Не забудь-же, дорогой!

III.

Деревня Крутица забралась въ сторону, на прогалину между лѣсомъ, словно припряталась отъ любопытныхъ прохожихъ по проѣзжей дорогѣ, пролегающей верстахъ въ пяти, не больше. Приволье было широкое, въ одну сторону отъ самой околицы широко разлеглось яровое поле, а по другую озимовое, противъ деревни, на паренинѣ было скучено стадо коровъ и овецъ со свиньями; кругомъ его ходили бабы съ вербами и пастухъ. У пастуха въ рукахъ рѣшето, въ которомъ былъ поставленъ образъ на большомъ хлѣбѣ, соль въ чашечкѣ и святая вода въ бутылкѣ и кропило изъ сухой травы. Около небольшого табуна лошадей скучились крестьяне и тутъ-же ходилъ пастухъ. Пастухи по временамъ останавливались, молились въ землю, а съ ними вмѣстѣ и весь народъ; пастухи совершали заговоры, чтобы стадо было здорово и не травилъ бы его звѣри. Вся деревня выкатилась въ поле.

У крайней избы сидѣла немощная старуха; она крестилась и приговаривала: «Мать пресвятая Богородица—Патница честная, Егорій, угодникъ Господи Иисусе». Съ

глубокими вздохами повторяла все одно и то-же старуха и крестилась.

Къ старухѣ подскочилъ босый мальчикъ, лѣтъ семи.

— Бабуся! скажи, кто такой Егорій—угодникъ?

— Отстань, пострѣленокъ! прикривнула старуха и продолжала молитву.

— Бабуся, жадобная! скажи, приставакъ мальчикъ, ласкаясь къ старухѣ.

— Все-то тебѣ надо знать, отвѣтила ласковѣ старуха.

Мальчикъ взобрался на колоду, на которой сидѣла старуха, обвился руками вокругъ ея шеи и повторялъ свой вопросъ.

— Угодникъ, большой угодникъ.

— Кто такой угодникъ? спрашивалъ мальчикъ.

— Ну вотъ, пошелъ спрашивать, конца не будетъ. Не мѣшай; молись лучше, чтобы скотинка здорова была.

Мальчикъ сталъ креститься и кланяться, встряхивая волосы, наползавшіе на глаза.

Не казиста была изба, у которой сидѣла старуха, почернѣлая отъ времени, она уже погнулась набокъ; подоконное бревно поопрѣло и гнилая часть, прилегающая къ подоконникамъ, немного уже поосыпалась. Навѣсъ кровли оползъ на половину; не надо было большого усилія вѣтра скинуть его на землю. Избушка была не выше полуторныхъ сажень и съ гребнемъ вмѣстѣ; было въ ней два окна съ рамами изъ мелвихъ тонкихъ и неправильныхъ переплетовъ, со стеклами бутылочнаго цвѣта. Со двора крыльцо, въ нѣсколько ступеней, вело въ сѣни, отдѣлявшія избу отъ клети, однопашная дверь висѣла въ избу. При входѣ русская печь, поставленная на бревенчатый срубъ, занимала почти четверть всей избы; по другую сторону было ложе, въ родѣ наръ, изъ-подъ него велъ въ подъязбицу люкъ, а надъ нимъ устроены были полаты. Отъ ложа, по тремъ сторонамъ избы, шла широкая свамейка, оканчивающаяся у печи. Надъ нею

точно такъ-же шла полка; въ переднемъ углу стояло нѣсколько образовъ, до того законченныхъ, что и разобрать было трудно изображенія, а дальше валялся всякій скарбъ: шилья, скобель, молотки, льняныя щетки, подошвы, гвозди, разное тряпье, лоскуты и все такое дрянное, что въ порядочномъ домѣ давно-бы все выкинули вонъ, чтобы даромъ не занимало мѣста. Столъ, посуднигъ, двѣ скамейки и неизбѣжная, зловонная лохань съ глинянымъ рукомойникомъ довершали убранство избы.

Въ избѣ никого не было, только въ люлькѣ спалъ ребенокъ.

Въ полѣ кончилась церемонія, скоть пустили гулять, а народъ сталъ разбираться по избамъ.

Въ избу вошла женщина, лѣтъ подь сорокъ, съ двух-годовалымъ ребенкомъ на рукахъ; но она уже казалась старухой, такъ она была тоща, измучена и разбита. За нею шель мальчикъ, лѣтъ четырехъ, держась за подолъ ея ситцеваго сарафана. Вскочилъ и тотъ мальчикъ, что приставалъ съ распросами къ бабушкѣ, прибѣжали еще мальчикъ, лѣтъ десяти, и дѣвочка, лѣтъ двѣнадцати. Старуха, опираясь на стѣну, стала пробираться въ избу, у крыльца ее догнала дѣвушка, лѣтъ шестнадцати, тонкая, стройная, она только еще начала развиваться. Милое ея личико было бѣло и румяно; носъ, немного вздернутый вверху, смотрѣлъ какъ-то задорно; голубые веселые глаза будто смѣялись, густая, русая коса опускалась до пояса. Она подхватила старуху подь руку и помогла ей войти въ избу и сѣсть къ столу.

Женщина посадила ребенка на лавку и стала накрывать на столъ. Изъ ящика того же стола, который на-брывала, она достала скатерть толстую и поношенную, но чистую, цѣлый хлѣбъ и ножъ, деревянную солонку достала съ полки и поставила на столъ, разложила деревянные ложки по числу семьи, отерла печь и вытащила большой чугунокъ.

— Дуняшка, видѣла, гдѣ отецъ? спросила женщина старшую дѣвушку.

— У володца скопившись, толкуютъ объ чемъ-то.

— Что они тамъ, будто дня не будетъ, чай близко въ полдню, порабы и обѣдать, сказала старуха.

— О чемъ? Все объ овсѣ. Егорій пришелъ, а сѣяться не чѣмъ; вотъ и толкуютъ, сказала женщина.

Вошелъ хозяинъ. Рослый, мускулистый, но тощій, онъ казался старше своихъ лѣтъ. Наморщенный лобъ и сдвинутыя брови придавали суровый видъ, хотя правильному, но заскорузлomu лицу. Онъ помолился Богу и сѣлъ на верхній конецъ стола; за нимъ умѣстилась за столомъ вся семья, и хозяинъ отрѣзалъ каждому по большому ломту хлѣба, а хозяйка въ большой деревянной чашкѣ поставила на столъ щи. Хозяинъ бросилъ въ чашку пригоршень соли и сталъ мѣшать ложкой; въ чашкѣ закрутилось квашеное капустное крошево, съ прибавкой самой малости крупы и заправкой изъ муки. Крестьяне вообще сидятъ за столомъ чинно, почти не разговариваютъ и ѣдятъ съ разстановкой, — хлебнетъ ложкой и положить ее на столъ, потомъ опять хлебнетъ и положить ложку; оттого обѣдъ ихъ и продолжителенъ, хотя перемѣнъ не много бываетъ, не больше двухъ. Послѣщей хозяйка подала гречневую кашу и въ лодочкѣ растопленное масло. Хозяинъ посолил кашу, намаслилъ и размѣшалъ. Обычай у нашихъ крестьянъ повсемѣстный, чтобы самъ хозяинъ рѣзалъ хлѣбъ, рушалъ пироги, крошилъ мясо и мѣшалъ кашу. Старшая женщина въ хозяйствѣ — дома обязана все подавать на столъ. Для праздника хозяйка принесла изъ влети свѣжаго молока и тѣмъ закончился обѣдъ. Послѣ обѣда всѣ ребятишки, въ томъ числѣ и Дуняша, ушли на улицу. Хозяйка стала прибираться, а хозяинъ сѣлъ къ окну.

— Эку благодать Господь послалъ. День-то какой свѣтлый, сказала старуха и зѣвнула.

— Время хорошее. Толькобы сѣяться, отвѣтилъ ей сынъ.

— Благодатная пора настала.

— Сѣмянъ не промыслить.

— А въ магазинъ?

— Вотъ что магазинный-то овесъ съ нами сдѣлалъ! Безъ сѣмянъ оставилъ.

— Вы-бы къ Дубровскому барину.

— Толковать сегодня ладимъ, только врядъ дѣло уладится.

— Говорять, онъ такой хорошій.

— Тала душа, дѣло не подходитъ.

Крестьяне стали выходить на улицу. Составился большой кружокъ, но никто не рѣшался завести первый о дѣлѣ.

— Ты что, Тимоха, словно съ похмѣлья, сказалъ одинъ крестьянинъ другому.

— У тебя на праздникоу пировалъ сегодня, шти съ лебедой хлебалъ.

— Твоя бабка такихъ щей не варивала, какія у меня кажиной день.

— Свиной кормить брали и тѣ рыло воротять прочь.

— Бросьте. Сдѣпились, сказалъ старикъ.

— Чего онъ во мнѣ пристааетъ? сказалъ Тимоха, морда видно чешется.

— Я самъ тебѣ почию рыло-то.

— Бросьте же, ругаться что-ли скопились. Надо толковать объ дѣлѣ.

— Извѣстно, дѣло прежде всего, никто не заводитъ.

— Какъ-же быть?

— Чему быть?

— Гдѣ же сѣмена добывать.

— Добывать надо, крѣпко надо.

— Къ Дубровскому барину съ поклономъ.

— Слышь ты, отказалъ.

— Съ нашей деревни никто не ходилъ.

— Не съ нашей деревни, а отъ общества Трофимъ былъ.

— Ну что-жь?

— Отказалъ.

— Другимъ даетъ, а мы чѣмъ провинились!

- Не подручно, говоритъ, далеко.
- Вишь ты забота припала, что далеко, это наше дѣло.
- Пошлемъ. Можетъ и дастъ на деревню.
- Говорятъ не дастъ. Четыре общества у благотвориль, овса болѣ нѣтъ.
- Что выдумалъ. У такого богача овса не хватить. Амбаровъ настроено, — что твоя деревня.
- Сходи, дядя-Федоръ, можетъ тебя и послушаетъ.
- Сходи, сходи. Къ старику Федору приступила вся деревня.
- Нечего безъ толку и ходить. Сказано у него разъ, что нашему обществу не дастъ. Ну, и не дастъ. Ни чего съ нимъ и не подѣлаешь.
- Какъ-же быть-то?
- Думайте.
- Ивана Ивановича попробовать попросить.
- Осмѣетъ только.
- Онъ баринъ добрый.
- Добрый! Пробовалъ-ли что просить?
- Гдѣ же просить? нужды не было.
- Въ волость, въ магазю.
- Чтобъ работа даромъ пропала. Какія тамъ сѣмена?
- Надо-же гдѣ-нибудь добывать.
- Дядя Федоръ! сходи къ Ивану Ивановичу.
- Сходить не далеко, толь-то будетъ ли?
- Что Богъ дастъ.
- Засмѣетъ онъ меня.
- Бѣднымъ людямъ и стерпѣть можно.
- Молитесь, ребята, Богу.
- Всѣ сняли шапки и стали молиться.
- А какъ большое бремя наложить?
- Даль бы только. Гдѣ-же сѣмянъ взять.
- Съ Богомъ, дядя Федоръ!
- Теперь идти не рука. Завтра утринкой.
- Какъ бы кто не упредилъ?
- Некому. Завтра схожу.

IV.

Воскресенье настало очень дождливое. Еще наканунѣ, съ вечера, со всѣхъ сторонъ заволокло небо, а къ утру посыпалъ дождь; впрочемъ, день былъ очень теплый.

Послѣ завтрака Слѣпневъ сидѣлъ съ женой на своемъ любимомъ мѣстѣ, по саду бродилъ Лавровъ, не смотря на то, что моросилъ мелкій дождь, который, впрочемъ, не могъ его беспокоить, — на немъ было камотовое пальто, длинные сапоги и кожаная фуражка.

— Я съ завистью смотрю на Федора Федоровича; онъ преспокойно можетъ разгуливать по саду въ своемъ непромокаемомъ нарядѣ. Мнѣ тоже хотѣлось бы походить и показать тебѣ успѣхи моей работы, сказала Елена.

— Развѣ что уже есть? спросилъ мужъ.

— Какъ-же, на малинѣ почвы распускаются, на одномъ вустигѣ-глубниѣ появился листокъ, маленькой, маленькой, свѣжинькой, зеленъ яркая.

— Что будетъ, когда ягоды начнутъ созрѣвать? тебя тогда изъ сада не вытащешь.

— Я и теперь пошла бы, еслибъ не противный дождь.

— А я такъ дождю радуюсь.

— Нашель, чему радоваться.

— Съ завтра сѣвъ начнется, земля поразмокнетъ, овесъ къ ней пристанетъ и проростетъ весь.

— Для моихъ ягодъ это тоже хорошо?

— Конечно. Посмотри, какъ зазеленѣла травка, дождь оживляетъ растительность.

— Пусть его идетъ дождь, мы оба довольны.

— Мы-то довольны, а вотъ человѣкъ тоскуетъ.

Слѣпневъ указалъ на Федора Федоровича.

— Ты думаешь?

— Вѣрно. Я давно замѣчаю.

— Бѣдненькой! Объ чемъ-же онъ тоскуетъ.

— Спросимъ сейчасъ.

— Не скажетъ.

— Федоръ Федоровичъ! крикнулъ Слѣпневъ.

Лавровъ пришелъ на террасу.

— Объ чемъ ты стосковался? спросилъ Слѣпневъ.

— Будто замѣтно?

— Очень замѣтно.

— Сказать правду?

— Правды отъ тебя и жду.

— Поблизкаться хочется.

— Что такое? спросила Елена.

— Просто ходить по селамъ, изъ одного въ другое, пояснилъ мужъ.

— Вы у насъ соскучились? обратилась Елена къ Лаврову.

— Жить у васъ мнѣ хорошо; но привычка меня одолеваетъ. Четыре года я странствовалъ изъ погоста въ погостъ, въ одномъ мѣстѣ недѣлю проживешь, въ другомъ двѣ, больше мѣсяца нигдѣ не живаль. Привыкъ къ перемѣнѣ мѣста и не утерпѣть, такъ и танеть.

— Я давно опасаясь, чтобы ты не ушелъ тихонько.

— Сознаться надо, два раза уже совсѣмъ собрался. Выйду, взгляну на домъ, заболитъ душа и вернусь. Не знаю, что меня такъ къ вамъ привязало!

— Какой онъ хорошій! сказала Елена мужу.

— По буднямъ я не скучаю за работой, приду въ комнату и сряду усну. А какъ праздникъ, не знаю, куда дѣться отъ скуки, продолжалъ Лавровъ.

— Дѣло можно поправить, сказалъ Слѣпневъ.

— Интересно узнать.

— Очень просто. Каждый праздникъ отправляйся по деревнямъ бродить, пройдешься верстъ пятнадцать, отдохнешь у кого-нибудь изъ крестьянъ и къ вечеру домой вернешься, будто въ селѣ побываль у попа Терентья.

— Попробовать можно.

— Мнѣ-то ты этимъ окажешь услугу; мимо деревень проходить будешь, все замѣтишь что-нибудь. Будемъ знать, въ точности ли исполняются условія.

— Дѣло, сказалъ Лавровъ и началъ глядѣть веселѣе.

— Вы другъ на друга не насмотритесь досыта; праздники настанетъ, пойдутъ у васъ между собой разговоры безъ конца, а мнѣ что завести дѣлать? Поневогѣ тоска одолѣетъ, сказала Лавровъ.

— Вы-бы съ нами тоже болтали, сказала Елена.

— Очень мнѣ интересны ваши разговоры!

Слѣпневъ захохоталъ.

— Мы постоянно о дѣлѣ говоримъ, не о пустякахъ, сказала Елена.

— Для васъ-то оно имѣетъ смыслъ, а мнѣ-то къ чему ввязываться? Николай Николаевичъ хорошую штуку придумалъ. Попробую, можетъ и удастся.

Пріѣхалъ Гвоздевъ.

— Какъ идетъ садоводство? Прощаетъ, обратился Гвоздевъ къ Еленѣ.

— Я показала-бы вамъ мои успѣхи, если бы не мѣшала дождь. Благодарю за книгу и вусты. На одномъ вусточкѣ свѣжій листокъ показался, отвѣчала Елена.

— Радуюсь, что нашли себѣ занятіе.

— Какое пріятное занятіе! Я теперь хорошо начала понимать; книга ваша мнѣ много помогла.

— Вамъ-бы еще взять нѣсколько практическихъ уроковъ у Авдотьи Семеновны; рѣдкая мастерица варить варенье, готовить всякія наливки и разное соленье. Избави Богъ, если она помретъ и не передастъ никому своего знанія; потеря будетъ невозвратимая.

— Съ радостью бы къ ней поѣхала; но она, какъ-будто, сердится на насъ. Нѣсколько разъ ее навѣщали; она холодно принимаетъ, и къ намъ не бывала.

— Она добрѣйшая и сердиться-то, пожалуй, не умѣетъ. Сокрушаетъ ее племянникъ, все по немъ тоскуетъ.

— Не слыхали-ли чего про Звѣрева? спросилъ хозяинъ.

— Ждутъ домой. Обѣщала лѣтомъ пріѣхать.

— Какъ было-бы хорошо! Онъ непремѣнно присталъ бы ко мнѣ.

— Кушать подано, доложилъ слуга.

За обѣдомъ Гвоздевъ обратился къ хозяину.

— Могу васъ порадовать. Рѣшился пристать къ вашему дѣлу.

Слѣпневъ вѣжливо пожалъ руку Гвоздеву.

— Я ожидала. Я видѣла, что прозѣтъ мужа вамъ нравился, улыбалась Елена.

— Вы-то почему узнали?

— Можно откровенно высказаться?

— Сдѣлайте милость, откровенность я уважаю.

— У васъ жало ядовито, что вамъ не нравится, вы поражаете и уничтожаете сарказмомъ; а надъ прозѣтомъ мужа вы только добродушно подшучивали.

— Вы правы, Елена Александровна. Хорошему дѣлу я всегда сочувствую и готовъ поддерживать. Его прозѣтъ выше хорошаго дѣла.

— Благодарю, отозвался Слѣпневъ.

— Третьяго дня пришелъ изъ Крутицы крестьянинъ, сталъ для деревни просить овса. Подумалъ я, подумалъ и рѣшился. Только въ этомъ году съ однимъ обществомъ заключу условіе.

— Мужъ нашелъ себѣ товарища, а я, вѣрно, не найду! сказала Елена.

— Наши дамы солидныхъ лѣтъ, нѣтъ ни одной вамъ ровесницы, сказалъ Гвоздевъ. Многія изъ нихъ отлично образованы были, но въ деревенской жизни все замуровалось, какъ-будто и совсѣмъ ничему не учились. Скражничествомъ всѣ заразились, хлѣбъ вѣсомъ прислугѣ отпускаютъ.

— Женились-бы, Иванъ Ивановичъ, молодую жену сыскали бы себѣ, мнѣ была бы хорошій товарищъ.

— Мнѣ нельзя.

— Вотъ—прекрасно! Всѣмъ можно, а только вамъ нельзя.

— Я женатъ, сказалъ Гвоздевъ, и въ тонѣ его голоса отозвалась безнадежная грусть.

— Да, женатъ и жена жива, продолжалъ Гвоздевъ. Тяжелое впечатлѣніе произвело это открытіе на молодыхъ супруговъ, они не рѣшались спрашивать его.

— Былъ я въ тѣхъ годахъ, какъ и Николай Нико-
лаичъ, когда женился. Служилъ я въ министерствѣ ино-
странныхъ дѣлъ и готовился отправиться секретаремъ
въ одно изъ посольствъ въ Европѣ. Встрѣтилъ разъ на
балу дѣвушку, милую, образованную, богатую; послѣд-
нее я считалъ за ничто, самъ имѣлъ большое состояніе:
два огромныхъ дома въ Петербургѣ и дачу на Камен-
номъ островѣ. Познакомился съ домою, однимъ словомъ,
влюбился и она, казалось, отвѣчала взаимностью. Дѣло
уладилось, женился, дѣло было въ маѣ, уѣхали на дачу
къ себѣ и блаженствовали. Настала осень, переѣхали
въ городъ, пошли обѣды, вечера, балы, жена ничего не
пропускала, я утомился, она одна стала выѣзжать, мнѣ
зиму хотя вмѣстѣ жили, а почти не видѣлись. «Какъ
тебѣ не надоѣстъ эта пустая жизнь?» сказалъ я женѣ.
«Надо-же чѣмъ-нибудь заглушить горькое раскаяніе»,
отвѣчала она. «Что это значить?» спросилъ я. «Я пе-
редъ тобой виновата, я обманула тебя, сочла минутное
увлеченіе за любовь: но поняла уже поздно!» Ничего я
не нашелъ сказать въ отвѣтъ ей, ушелъ въ кабинетъ и
не помню, что я дѣлалъ всю ночь. Положеніе мое было
ужасно. Будь я немного поглупѣе, застрѣлился бы. Я
перемогъ себя, съ спокойнымъ видомъ утромъ пришелъ
къ женѣ. И ей не легко было, глаза у нея были запла-
каны. «Послѣ того, что вы мнѣ сказали вчера, — намъ
вмѣстѣ быть невозможно, разоидетесь», сказалъ я.
«А скандалъ», сказала она. «Скандала нивакого не бу-
детъ», отвѣчаю. «Вы отправитесь за границу, а я уѣду
въ глухую деревню и никогда не выѣду. Такимъ обра-
зомъ мы никогда больше не встрѣтимся». Она уѣхала
за границу, я продалъ дома и дачу, случайно вычиталъ
въ газетѣ, что продается это имѣніе, не глядя купилъ
и поселился здѣсь. Десять лѣтъ я прожилъ и нигуда не
выѣзжалъ. Разъ только позволилъ себѣ глупость — съѣз-
дилъ въ губернской городъ на земское собраніе. Вотъ
почему, добрѣйшая Елена Александровна, я желченъ и
ядовитъ. Вы вмѣстѣ съ мужемъ примиряете меня съ

людьми. Какъ тотъ и другой вы искренно и горячо любите другъ друга и готовы на всевозможныя жертвы. Также точно я любилъ свою жену, и потому вы дорожи мнѣ, какъ родныя дѣти.

— Мы васъ тоже любимъ, отвѣчали въ голосъ мужъ и жена.

— Чувствую и вѣрю. Поговоримъ объ дѣлѣ, сказалъ Гвоздевъ. Мнѣ кажется, что наше дѣло какимъ-то лоскутомъ смотреть, а потому другимъ будетъ глазъ пороть. Взяли, отхватили клочокъ отъ волости, а другихъ точно отвергнули.

— Совершенно справедливо. Слѣдовало-бы взять волость или, покрайней-мѣрѣ, цѣлый приходъ: но у насъ двоихъ не хватить на это ни силы, ни капитала. Вотъ посмотримъ, не пристанетъ ли еще кто.

— Некому.

— Придетъ Звѣревъ.

— Можетъ быть. На его много рассчитывать нельзя.

— Онъ уменъ и образованъ.

— Не выяснился, не опредѣлился. Вы развѣ не замѣчали, что онъ никогда не высказывался вполне. Надо будетъ посмотрѣть, какимъ онъ вернется этотъ разъ изъ за границы.

— Я подчиняюсь вамъ, какъ опытному руководителю.

— У васъ лучше есть. Это вашъ дядя.

— По нѣкоторымъ намекамъ дяди, я предполагаю, что у него взглядъ на это дѣло обширнѣе: но онъ не любитъ рассказывать о томъ, что задумываетъ, а прямо приступаетъ къ дѣлу, когда увидитъ, что пришло удобное время привести свой планъ въ исполненіе.

— Дядя вашъ рѣдкій человѣкъ; такихъ практическихъ людей я не встрѣчалъ; я не могу себѣ объяснить, какъ могъ развиться онъ въ деревнѣ.

— Лѣтъ двадцать онъ живетъ въ Ильинскомъ. Представьте себѣ, никто изъ насъ не выписываетъ столько журналовъ, какъ онъ. Читаетъ онъ постоянно, безъ книги его не увидишь дома.

— Надо-бы намъ собраться потолковать.

— Не разъ я уже говорилъ ему, да ничего не отвѣчаетъ. Я полагаю, что онъ поджидаетъ Звѣрева. На счетъ васъ онъ мнѣ еще тогда связалъ, когда передавалъ свой планъ, что вы пристанете.

— Какъ въ хорошему дѣлу не пристать, только надо организовать его болѣе правильно.

— Начать трудно, а готовое направлять легко. При томъ-же я полагаю, что дядя устроить такъ, что дѣло пойдетъ правильно.

V.

Усадьба Гвоздева Куность была совершенно въ другой сторонѣ отъ села Ильинскаго, но одного прихода; она умѣстилась на пологомъ берегу рѣки Тудера, не очень большой, но быстрой; вода этой рѣки отличалась прозрачностью и очень низкой температурой. Стремясь по каменистому руслу, рѣка постоянно бурдила; неумолкаемый шумъ оживлялъ ту дикую мѣстность, гдѣ находилась Куность. Кругомъ Куности были большіе лѣса; владѣлецъ, какъ богатый человѣкъ, берегъ ихъ и мѣстность дичала и заростала лѣсомъ; только усадьба съ обширными полями представлялась взору, какъ-будто островъ.

Особенность Куности состояла въ томъ, что она имѣла видъ дачи. Не большой двухэтажный, деревянный домъ, съ башенными балконами, затѣливой архитектуры, окрашенный весь бѣлой краской, съ желѣзной красной кровлей, стоялъ среди аглицкаго сада и рельефно выдѣлялся изъ зелени. Близъ его не было никакой другой постройки. Службы отнесены были совершенно въ сторону и закрыты рощей. Домъ этотъ скорѣе походилъ на роскошный павильонъ.

Деревья въ саду располагались группами; на лужайкахъ, одѣтыхъ густой зеленой травой, мѣстами, точно небреж-

ной рукой, разбросаны были кучи цвѣтущихъ кустовъ. Въ аллеяхъ пролегали гладкія, широкія дорожки, усыпанныя краснымъ пескомъ. Весь садъ содержался опрятно; ягодушки, огороды, парники были въ сторонѣ и задрапировывались акаціями и жимолостью. Цвѣтовъ въ саду никакихъ не виднѣлось.

Вечеромъ Гвоздевъ сидѣлъ на балконѣ и глядѣлъ въ пространство; на столикѣ передъ нимъ лежала раскрытая книга.

Доложили, что прискакалъ верхомъ Лавровъ.

Гвоздевъ встревожился. — Проводи его сюда поскорѣе, сказала онъ.

— Что случилось? спросилъ хозяинъ, какъ только показался Лавровъ.

— Особеннаго ничего, отвѣтилъ Лавровъ.

— Садитесь. Мнѣ представилось, что у васъ бѣда какая-то стряслась.

— Большой бѣды нѣтъ, а помощь нужна.

— Такъ и есть. Говорите, пожалуйста, что случилось.

— Я за приказаніями къ вамъ пріѣхалъ.

— Чѣмъ дальше, тѣмъ непонятнѣе!

— Извините, не съ того конца началъ.

— Начинайте, ради Бога, съ котораго-нибудь конца.

— Слѣпневы уѣхали на десять дней, вчера десятый день кончился, а ихъ нѣтъ.

— Только-то! О чемъ же беспокоиться.

— Въ этомъ вся и напасть! Николай Николаевичъ далъ мнѣ инструкцію на каждый день, вчера кончилась инструкція, я сегодня ломалъ, ломать голову и все понапрасну. Махнулъ рукой и пустилъ работниковъ дѣлать, что хотятъ.

— Чудаекъ вы, Федоръ Федоровичъ.

— Согласенъ съ вами вполне. Боюсь, чтобы не напутать. Сдѣлайте распоряженія хоть дня на два, можетъ они и подѣдутъ въ это время.

— Странный человекъ! Сколько времени вы живете

и не могли присмотрѣться къ порядку хозяйства. Я бываю гостемъ, почему я-то знаю, что надо дѣлать?

— Вы человѣкъ мыслящій и вмѣстѣ хозяинъ, я перелетная птица; я витаю въ отвлеченной области.

— Какъ это такъ?

— Очень просто. Придетъ мнѣ охота объяснить себѣ, есть-ли на планетахъ жители, и каковы они, и какъ живутъ. Вотъ я и работаю надъ рѣшеніемъ этого вопроса, вывожу аналогію отъ существующаго къ предполагаемому, строю гипотезу за гипотезой. Тогда все окружающее для меня не существуетъ.

— Вы нѣмецъ?

— Коренной русскій.

— Зачѣмъ-же вы чужое дѣло дѣлаете?

— Какъ такъ? Вопросъ этотъ озадачилъ Лаврова.

— Ваше занятіе—чисто нѣмецкая штука.

— Чертъ ее знаетъ, какъ это нѣмецкая штука забралась ко мнѣ въ голову. Вонъ не выкинешь.

— Вы дѣлаете-же, когда вамъ уважутъ.

— Я механически и исполняю, какъ мнѣ уважутъ.

— Чудакъ!

— Вы не то хотѣли сказать.

— А что-же?

— Сумасшедшій. Напрасно церемонитесь, я не оби-
дѣлся бы; по теоріи психіаторовъ, всякій человѣкъ сумас-
шедшій.

— Вы много читаете?

— Изрѣдва.

— По выбору?

— Что попадетъ подъ руку и люблю больше глупыя книги. Умную книгу читаетъ, соглашаешься съ авторомъ, реакціи никакой. Глупая-же наводитъ на разсужденіе, будитъ мыслящую силу.

— Моя библіотека къ вашимъ услугамъ.

— Въ Дубровскѣ этого добра въ-волю. Вы лучше мнѣ инструкцію дайте.

— Утромъ завтра прїѣду и укажу; за глаза я не знаю, что вамъ сказать.

— Поворно благодарю и прощайте.

Напрасно на другой день Гвоздевъ всталъ рано; въ Дубровѣѣ ему сказали, что господа вернулись ночью и еще почиваютъ.

Гвоздевъ остался и въ ожиданіи, когда хозяева встанутъ, пошелъ бродить по саду. Не долго, впрочемъ, пришлось ему ждать; не успѣлъ онъ дойти до рѣки, его уже догналъ Слѣпневъ.

Бодрый, веселый Слѣпневъ крѣпко пожалъ руку гостю.

— Хорошо съѣздили? спросилъ Гвоздевъ.

— Поѣздка доставила истинное наслажденіе. Жена въ восторгѣ. Впрочемъ, я ничего не скажу вамъ про поѣздки, чтобы не лишить жену удовольствія рассказывать. Ей больше, чѣмъ на недѣлю, она доставитъ матеріала для разсказовъ.

— Вашъ чудакъ меня вчера встревожилъ, прискакалъ вечеромъ и не говоритъ толкомъ, въ чемъ дѣло. Наконецъ, объяснилось, что инструкція кончилась.

— Я такъ и зналъ, сказалъ съвозъ смѣхъ Слѣпневъ. Пойдемте, жена дожидаетъ въ чаю.

Насталъ праздникъ. Лавровъ вышелъ изъ дому рано утромъ и направился на проѣзжую дорогу. Когда онъ вступилъ на дорогу, взяло его раздумье, куда идти. Первой мыслью было отправиться въ село Ильинское, онъ повернулъ уже въ ту сторону; но скоро одумался. «Пойду въ село, останусь у Терентьича, отъ него непременно уйду дальше». Лучше не идти, сказалъ онъ и повернулъ въ противоположную сторону. Прошелъ онъ версты двѣ. Отъ большой дороги въ бокъ начиналась наѣзжаная, торная дорога, ведущая въ лѣсъ. Не махнуть ли сюда, подумалъ Лавровъ, дорога гладкая и лѣсомъ идти прїят-

нѣе. Онъ свернулъ на боковую дорогу и скоро дошелъ до лѣсу. Съ версту прошелъ онъ лѣсомъ, а впереди, кромѣ лѣса, не было видно ничего. «Какъ бы не забраться въ какую-нибудь трущобу», подумалъ Лавровъ. Онъ осмотрѣлъ дорогу. «Дорога торная, колесная, непремѣнно ведетъ въ деревню. Пройду еще, а тамъ можно вернуться, если, кромѣ лѣса, ничего не покажется», рассуждалъ Лавровъ. Черезъ нѣсколько времени съ одной стороны лѣсъ началъ рѣдѣть, показалось озимное поле. Дорога все жалась къ лѣсу. Раздалась веселая пѣсня; чистый женскій альтикъ приятно звучалъ въ воздухѣ. Лавровъ пошелъ на голосъ и свернулъ въ лѣсъ.

Дѣвушка собирала сосновый сокъ; она такъ занята была дѣломъ и пѣсней, что не замѣтила, какъ подошелъ къ ней Лавровъ.

— Богъ на помощь, сказалъ Лавровъ.

— Надо Божья помощь, отвѣтила дѣвушка, оборотившись къ Лаврову. Увидавъ незнакомаго человѣка, она отступила за дерево.

Лаврова поразила красота дѣвушки.

Это была Дуня изъ Крутицы.

Лаврову припала охота побалагурить.

— Можно заблудиться здѣсь? спросилъ онъ.

— Есть охота поплутать, иди прямо въ болото, трое сутокъ не выберешься.

— Тебѣ и не жаль меня.

— Чего жалѣть, когда тебя не знаю.

— Правильно. Хочешь знать, кто я?

— Иди, баринъ, своей дорогой.

— Не угадала. Я не баринъ.

— Кто-же ты?

— Семинаристъ.

— Вотъ что. Куда-же ты тянешься? Погостъ-то въ той сторонѣ, откуда ты пришелъ.

— Можетъ я и не въ погостъ иду.

— Изъ нашей деревни куда попадешь? развѣ въ Лысухино, а изъ Лысухина въ Полянку, изъ Полянки

выйдешь опять-таки на проѣзжую дорогу, только кружно будетъ.

— Мнѣ все равно; ноги свои. Ты пѣть мастерица, спой-ка пѣсеньку, потѣши молодца, я сяду на пень, покурю и послушаю. Лавровъ сѣлъ на пень, досталъ огня и закурилъ.

— Пѣла я про себя, а не для тебя. Видишь ты бойкій какой, ни съ того, ни съ другого пѣсни заставляешь пѣть.

— Былъ-бы бойкій, взялъ и расцѣловалъ-бы тебя.

— Еще руки коротки, носъ не доросъ.

— Слушай, дѣвка, тоска замаяла меня. Круглый сирота, одинъ, какъ перстъ, брожу, чтобъ горе размыкать.

Дуня ласково поглядѣла на Лаврова.

— Откуда ты забрался сюда? Ёсть хочешь, иди къ намъ, чѣмъ Богъ послалъ, повормать.

— Не хочу ёсть, я сытъ. Пѣсни твоей съ удовольствіемъ послушалъ-бы.

— Нечто потѣшить, сказала, подумавъ, Дуня и запѣла.

Лавровъ не сводилъ глазъ съ дѣвушки и слушалъ. А та продолжала свою работу и непринужденно запѣла.

Она кончила пѣть, а Лавровъ все еще сидѣлъ и слушалъ.

Дѣвушка посмотрѣла на Лаврова.

Чего ты глаза-то палишь? Скажи лучше, откуда ты?

— Изъ Дубровки.

— Знаю. Зачѣмъ тамъ былъ?

— Да я живу у барина.

— Сиротой прикинулся! Баринъ богатый и добрый, житье твое привольное.

— Я и не жалуюсь. Житье такое, что умирать не надо. Будень за дѣломъ, не видно, какъ время идетъ. Придетъ праздникъ, не знаю, куда дѣваться отъ тоски. Вотъ и мечусь по сторонамъ.

— Эво дѣло! Любо пѣсни слушать, приходи въ нашу деревню; мы съ утра до ночи въ праздники на качели пѣсни поемъ.

— Спасибо, сказалъ Лавровъ и направился идти.

— Наша изба первая будетъ съ краю, заходи, побормятъ.

— Ладно. Скажи, какъ тебя величать.

— Дуней зовутъ.

— Прощай, Дуня.

Скоро показалась и деревня. Лавровъ подошелъ къ первому дому, на колодѣ сидѣлъ хозяинъ. Онъ всталъ и поклонился Лаврову, тотъ подошелъ къ нему и сѣлъ на володу. Хозяинъ не сажился.

— Ты чего церемонишься? Садись на свое мѣсто; ты хозяинъ.

— Намъ не стать съ бариномъ сидѣть рядомъ.

— Не стать съ бариномъ сидѣть рядомъ и не садись, а съ семинаристомъ можно.

Крестянинъ оглянулъ Лаврова и опустился на колду, но все бросалъ на него косые взгляды.

Лавровъ вынулъ папироску и сталъ добывать огня.

— Буда Богъ несетъ, съ Ильинскаго, небось? заговорилъ хозяинъ.

— Съ Дубровки.

— Родня, что-ли?

— Не родня, а товарищъ.

— Побывать ходилъ.

— Служу у барина.

— Житье, небось, привольное, баринъ богатый и добрѣйшій.

— Жить можно, берегутъ.

— Да, житье привольное. Еще и жалованье идетъ?

— Идетъ.

— Скажи по божьему, развѣ изъ семинариста можно бариномъ сдѣлаться?

— Отчего-же нельзя?

— Всякому свое. Изъ семинаристовъ попами дѣлаются,

это такъ. Въ приказные другіе попадають. А то, на, прямо бариномъ.

— А чѣмъ-же Слѣпневъ не баринъ?

— Никто его не хаесть. Добрѣйшая душа. Обходительный. Настоящій-ли онъ баринъ-то?

— Настоящій.

— Баръ—особое племя. Развѣ еще кого царь пожалуетъ. Его кто сдѣлалъ бариномъ?

— Жена.

— Дѣло это не бабье. Кто можетъ другой, а только не жена-же его бариномъ сдѣлала.

— Онъ самъ собой сдѣлался бариномъ.

— Нечего врасы-то разводить. Только грибы самисобой растутъ.

Въ это время Дуня прошла къ качели, она несла въ рукахъ сосновый сокъ, завернутый въ бересту. Со всѣхъ сторонъ набѣжали ребятишки, Дуня одѣлила ребятъ и сѣла на качель; къ ней подошли три дѣвушки. Раздалась веселая пѣсня.

Лавровъ всталъ.

— Пойти пѣсень послушать, сказалъ Лавровъ.

— Всѣхъ ихнихъ пѣсень не переслушать. Вплоть до ночи будутъ пѣть. Пойдемъ пообѣдаемъ.

— Спасибо.

— Отъ хлѣба-соли отказываться грѣшно. Иди въ избу.

Обѣдъ былъ такой-же, какъ и въ егорьевъ день, но Лавровъ ѣлъ съ аппетитомъ. Кликали Дуню; но та отозвалась—«ужо» и осталась на качели.

Послѣ обѣда Лавровъ поблагодарилъ хозяина, простился и пошелъ къ качели. Онъ оперся о качель и сталъ смотрѣть на Дуню и слушать ея голосъ. Что чувствовалъ Лавровъ, объяснить не могъ; ему казалось, что голосъ Дуни разливается по всему его тѣлу и наполняетъ его всего восторгомъ. Долго онъ стоялъ, не двигаясь, не шевелясь, даже не кура.

Дуня спрыгнула съ качели и побѣжала домой, до-

лѣвая дорогой пѣсню. Лавровъ побрелъ по слѣдамъ Дуни и направился къ Дубровкѣ.

Къ чаю Лавровъ явился на террасу.

— Ну, что? спросилъ Слѣпневъ.

— Дѣло справилъ, былъ въ деревнюшкѣ, пообѣдалъ. Хозяинъ присталъ ко мнѣ, скажи, да укажи, кто тебя бариномъ сдѣлалъ. Говорю жена, такъ не вѣрить.

— Расскажите намъ, чѣмъ васъ накормили, перебила Елена, чтобы замать щекотливый разговоръ.

— Подали щи булатныя.

— Странное названіе. Что-же это такое?

— Какъ поведешь ложкой въ чашкѣ и забѣгаютъ крупинки за крупинкой съ дубиной, когда крупина крупинку догонитъ, пономарь во всѣ колокола зазвонитъ.

— Не понятно, сказала удивленная Елена.

— Просто щи изъ кислой капусты, съ самой малой прибавкой крупы, пояснилъ мужъ.

— Одинъ бульонъ, безъ мяса!

— Какой тамъ бульонъ! Кромѣ капусты, да воды, ничего во щахъ нѣтъ.

— Какъ это безъ мяса? это невозможно!

— Я напоролся такъ, что изъ боковъ вонъ, сказалъ Лавровъ. Потомъ засыпа была.

— Это какое блюдо?

— Просто крутая гречневая каша.

— Это должно быть вкусно, я кашу люблю.

— Молочкомъ побаловали, и только.

— Вы, должно быть голодны.

— Церемониться стану! Былъ-бы голоденъ, я это все-бы прибралъ; Лавровъ указалъ на корзинку, полную разнаго сдобнаго печенья.

Слѣпневы засмѣялись.

— Не даромъ тебя жена сравниваетъ съ медвѣдемъ, сказалъ Слѣпневъ.

— Что ты, Николай, перебила Елена; она такъ встревожилась, что встала съ своего мѣста.— Извините,

Федоръ Федоровичъ, у меня разъ какъ-то съ языка сорвалось, но я вовсе васъ не считаю медвѣдемъ.

— Напрасно беспокоитесь. Еслибы мнѣ вы въ глаза сказали, я согласился бы съ вами. Дѣло не въ названіи. Что вы ко мнѣ расположены, я это знаю, и самъ такъ привязанъ, что уйти отъ васъ не могу, хоть и собрался не разъ.

— Не сердитесь, пожалуйста, на меня, Федоръ Федоровичъ.

— У меня манера такая, какъ разсержусь: либо выругаюсь, либо молча прочь отойду. За что сердиться-то? Важность велика, что съ медвѣдемъ сравнили. Я дѣйствительно смахиваю на него.

— Что-же еще дѣлалъ въ деревнѣ?

— Пѣсни слушалъ. Ахъ одна важно поеть! Такъ за сердце и прихватываетъ.

VI.

Лѣто шло своимъ чередомъ; погода стояла самая благоприятная для хозяйства, порой перепадали дожди и жаркіе дни, и такіе жаркіе, что птицы прятались въ тѣни. Въ Дубровкѣ кипѣла работа, возводился масленый заводъ съ молочными погребами и прочимъ. Хозяинъ самъ наблюдалъ при участіи жены, она тоже вникнула въ это дѣло и поняла. Лавровъ все жилъ въ Дубровкѣ и каждый праздникъ уходилъ и только къ чаю возвращался.

Въ воскресенье Лавровъ отправился странствовать, а Слѣпневы поѣхали къ обѣднѣ въ Ильинское.

Отецъ Петръ зашелъ домой только чаю напиться, надо было ѣхать съ требой.

— У Звѣревыхъ свершилось какое-то особенное событие, заговаривалъ отецъ Петръ. Звѣрева благодарственный молебенъ служила.

— Скоро племянникъ пріѣдетъ, сказала жена.

— Не то. Она всегда служить молебенъ, когда ужъ

онъ прїдетт. Она со слезами молилась, плавала. Но слезы были не горя, а радости.

— Ты-бы спросилъ.

— Что за любопытство. Прощайте, мнѣ надо ѣхать, сказалъ отецъ Петръ и ушелъ.

Послѣ пирога Слѣпневы поѣхали къ Гвоздеву. Тамъ обѣдали, чай пили и поздно вечеромъ вернулись домой.

— Дома Лавровъ? спросилъ Слѣпневъ.

— Никакъ нѣтъ-сь, отвѣчалъ слуга.

— Ушелъ нашъ Лавровъ, не скоро его увидишь.

— Жаль. Онъ такой славный, сказала Елена.

— Придетъ-то онъ придетъ, только не скоро. Если онъ отправился, какъ говорить, въ кругосвѣтное путешествіе, дай Богъ, чтобы черезъ годъ вернулся.

— Мнѣ его очень жаль. Соскучился бѣдняга.

Утромъ Слѣпневъ вышелъ къ чаю.

— А что — Лавровъ? какъ-то нерѣшительно спросилъ онъ слугу.

— Почиваютъ.

Дома? радостно воскликнулъ Слѣпневъ.

— За полночь изволили вернуться.

— Буди.

— Будиль-сь, да недобудиться.

— Буди его, буди.

Пришла Елена.

— Красное-то солнышко явился.

— Какъ я рада, какъ я рада! откликнулась Елена.

Вошелъ заспанный Лавровъ.

— Я полагалъ, что ты въ кругосвѣтное пустился, спросилъ Слѣпневъ.

— И не думалъ. Увязался за дѣвками и запоздалъ.

— Весело вамъ было? спросила Елена.

— Нельзя сказать, чтобы весело было, а побалагуримъ.

Елена подвинула корзинку съ печеньемъ Лаврову.

Лавровъ не церемонился, печенье быстро исчезало.

— Ты вѣрно вчера не пообѣдалъ.

— Угадалъ. Ходили мы за гонобонью. Вотъ такъ гонобонь!... я тебѣ скажу...

— Другой разъ расскажешь, а теперь на работу пора, перебилъ Слѣпневъ; онъ догадался, что Лавровъ совсѣмъ о другомъ хотѣлъ рассказывать, а не о гонобони и опасался, чтобы картинностью разсказа не сконфузилъ бы совсѣмъ жены.

— Мы готовы.

— Пойдемъ, сказалъ Слѣпневъ и поскорѣе увелъ Лаврова.

— Не далъ ты мнѣ рассказать барынь, какъ я баловалъ съ дѣвками, хотѣ-бы посмѣялась.

— Не ловко, братецъ ты мой, сконфузишь ее.

— Эва! она не барышня.

— Полно о пустякахъ-то толковать. Я пойду на луга, косить начали, а ты обойди яровое поле и посмотри, не размыло-ли гдѣ борозды и канавы. Третьяго дня проливной дождь былъ. Надо еще посмотрѣть заднюю канаву, цѣла-ли.

Товарищи разошлись въ разные стороны.

Слѣпневъ обошелъ восцовъ, осмотрѣлъ луга, поднялся въ гору и прилегъ на лужокъ подъ тѣнью огромнаго вяза, одиноко растущаго въ полѣ. Не успѣлъ онъ еще достать огня и закурить, какъ подошелъ къ нему Лавровъ.

— Намѣренъ благодушествовать? сказалъ Лавровъ.

— Захотѣлось понѣжиться, мѣстечко-то очень приятное, отвѣчалъ Слѣпневъ.—Ну, что? Большого изъяну нѣтъ?

— Никакого. Канавы только прочистило, такъ вы-полоскало, что и сору не видно.

— Садись.

— Надо идти заднюю канаву осмотрѣть.

— Отдохни, успѣешь.

— Боюсь, разнѣжишься, сонъ такъ и морить.

— Что-же думать? легъ и заснулъ.

- Народъ видить; дармоѣдомъ обзовуть.
- Тебѣ стыдно.
- Мнѣ и такъ стыдно, даромъ твой хлѣбъ ѣмъ.
- Съ чего ты взялъ? Кажется, ты не сидишь безъ

дѣла?

— Какое это дѣло? Сходи, тамъ посмотри, сходи, здѣсь посмотри; прогулка, больше ничего. Пописать придется, важность велика! Вотъ такъ работа, Лавровъ указалъ на косцовъ.

— Всякому свое. Заставь его писать, онъ больше поту прольетъ, возившись съ перомъ, чѣмъ съ косой. Ты глупость эту выкинь изъ головы.

— Станешь рыть все изъ головы, пустой останется.

— Шутъ ты гороховой! Тебѣ-бы надо подумать о томъ, какъ будущность свою устроить.

Лавровъ засмѣялся.

— Отъ добра добра не ищутъ, сказалъ онъ. Мнѣ такъ хорошо у тебя,—гони вонъ,—не пойду.

— Одна голова не бѣдна, а бѣдна, такъ одна, это правда. А вздумается, женишься.

— Не женюсь потому, что, первое,—не любя эта церемонія; нарядаютъ, какъ дурака повезуть въ церковь со свитой, а тамъ на тебя всѣ глаза палаятъ, точно на носу у тебя царь-градъ расположился. Второе,—у жени твоей горничная—красица.

— Всегда ты глупость сболтнешь.

— Не пугайся, къ ней и подойти страшно. Барышней смотритъ. Фу!

Слѣбневъ промолчалъ.

— Ты говоришь о будущности, послѣ небольшой паузы, продолжалъ Лавровъ. По моему обычаю, мнѣ такъ и придется остаться бобылемъ одинокимъ. Сраду, по окончаніи курса пошелъ-бы въ попы и жилъ-бы гдѣ нибудь въ глухомъ погостѣ; лучшимъ бы не былъ, но и не хуже другихъ. Теперь изблыкался, не гожусь. Облѣнился я сильно. Вотъ хоть-бы у васъ житье хорошее, а все не то. Лѣтнею порою, въ одной рубахѣ, да на

босую ногу опорки, любо! а тутъ въ сертугъ наражайся, бѣлье голландское выпускай. Положимъ, что мнѣ это ничего не стоитъ: но все стѣснительно.

— Утѣшительнаго мало, сказалъ Слѣпневъ.

— Ты-бы какъ думалъ меня устроить? Сдается мнѣ, что ты собираешься сдѣлать меня осѣдлимымъ.

— Ничего съ тобой не подѣлаешь.

— Будто нивкуда не гожусь?

— Сказать нельзя. Человѣкъ ты не глупый, дурь на себя напускаешь. Пора завтракать.

— Мы пойдемъ съ тобой, моя радость, на сѣнокосъ. День не очень жаркій, полями пройти пріятно, а на покосѣ таковой ароматъ, что не ушелъ-бы оттуда, обратился за завтракомъ Слѣпневъ къ женѣ.

— Съ удовольствіемъ-бы, да нельзя, другъ мой; ягоды полюбятъ, цвѣты подвязываютъ, никакъ нельзя оставить безъ присмотру.

— Поручи Федору Федоровичу.

— Воронъ гонять могу, а на счетъ цвѣтовъ я полный невѣжа; понятія не имѣю, какъ ихъ тамъ подвязывать надо, отвѣтилъ Лавровъ.

— Мнѣ-бы очень хотѣлось пройти съ тобою.

— Вечеромъ пораньше отправимся чай пить, добавила Елена.

— Неудобно, душа моя; усталый народъ будетъ работать, а на ихъ глазахъ бражничать станемъ.

— Не ловко. А жаль, на сѣнокосѣ пріятно чай пить.

— Въ воскресенье завтракать на покосъ пойдемъ. Удочки возьмемъ, рыбы наловимъ. Онъ, Слѣпневъ указалъ на Лаврова, уху намъ сварить, мастеръ великій уху варить на берегу.

— Какъ это пріятно будетъ!

— Особенно, если я буду отсутствовать, сказалъ Лавровъ.

— Почему?

— Вы забыли, что воскресенье день моего страждованія.

- Съ нами на берегу и будете странствовать.
- Нѣтъ, извините, я деревни долженъ обходить.
- Безъ васъ не такъ весело будетъ.
- Полно упрямиться.
- Я въ деревню уйду.
- Передумаешь до того времени.

VII.

Въ Любимовѣ шли большія хлопоты. Домъ чистили, мыли, прибирали. Въ саду расчищали старыя дорожки и усыпали пескомъ. На рѣкѣ стояла лодка, нагруженная мебелью, зеркалами, сундуками, ворзинами и сверху еще стояла новенькая коляска. Авдотья Семеновна, тетушка Звѣрева, сама ходила на лодку смотрѣть и, вернувшись, обошла всѣ комнаты въ домѣ.

— Господи! Куда я все это разставляю? Хоть другой домъ строй, сказала она и распорядилась переносить все съ лодки въ домъ.

Два дня прошло за прибирanjemъ и установкой въ домѣ. Прибрались таки. На третій день Авдотья Семеновна встала раньше обыкновеннаго, долго и усердно молилась и, напившись чаю, одѣлась по праздничному. Приготовила она образъ и хлѣбъ съ солью, послала вучера верхомъ на савраскѣ на дорогу караулить и дать знать, какъ покажется карета. Она ждала племянника съ молодой женой.

Въ девять часовъ пригналъ Никита.

— Ъдутъ! крикнулъ онъ и пошелъ прибирать коня.

Вся дворня собралась у воротъ. Авдотья Семеновна вышла на крыльцо, въ рукахъ у нея было серебряное блюдо, а на немъ хлѣбъ и образъ.

Стояли, стояли. Ждали, ждали долго, наконецъ изъ за лѣса выѣхалъ на чистое мѣсто возъ съ сѣна.

— Никита, Никита! какъ ты меня мучишь! поѣзжай!

снова, да смотри хорошенько, приказала Авдотья Семеновна кучеру.

— Матушка-барыня! въ дали-то не разглядѣть, видно что-то громоздкое, я и счелъ за карету.

Барыня ушла въ комнату и дворян разошлась.

Послѣ полудня прискакаль Никита и сряду показала на дорогѣ карета четверней, позади ея тарантасъ на тройкѣ.

Только что успѣла выйти на крыльцо Звѣрева, какъ карета подкатила къ крыльцу, изъ нея выпрыгнула молодая дама и бросилась обнимать Звѣреву, чуть не выбила у нея изъ рукъ блюда. За ней вышелъ и Звѣревъ.

Звѣревъ всталъ на разостланный коверъ на одно колѣно, жена послѣдовала его примѣру, тетушка благословила и повела въ столовую. Здѣсь, послѣ долгихъ обниманій и цѣлованій, успѣлись завтракать.

Молодая была веселая, живая и красивая блондинка, полненка, пухленка, средняго роста.

— Милая, добрая тетушка, полюбите меня, какъ вы любите моего Валеріана, я буду самая счастливѣйшая женщина въ свѣтѣ! говорила, ласкаясь къ тетушкѣ, молодая.

— Какъ васъ не полюбить, Анна Павловна, вы такая милая, ласковая, отвѣчала Звѣрева.

— Мать моя всегда звала Анютой, вы, милая тетушка, моя вторая мать и зовите меня просто Анютой.

— Какъ-же это возможно, вы хозяйка въ домѣ.

— Анюта права, вмѣшался Валеріанъ, вы старшая въ домѣ, Анюта ваша дочка и по возрасту, и по вашимъ правамъ, а хозяйкой она сдѣлается тогда, когда научится хозяйничать и сдать экзаменъ удовлетворительно.

— Чего ты не выдумаешь? сказала тетка, экзамены какіе-то.

— Вы думали, что назвали хозяйкой и дѣло рѣшено. Нѣтъ. Сдай экзаменъ въ присутствіи экспертовъ, и мы выдадимъ ей аттестатъ зрѣлости.

Она слушала, смѣялась за завтракомъ и въ концѣ-

концовъ уговорили тетку называть жену Валеріана Анютой, хоть старухѣ Звѣревой и казалось не очень приличнымъ.

Звѣрева повела молодыхъ по комнатамъ; Анюта отъ всего приходила въ восторгъ и не дѣлала никакихъ замѣчаній, что очень радовало старуху. Пошли въ садъ, обошли всѣ дорожки и вышли на берегъ.

— Какъ здѣсь хорошо! воскликнула Анюта, рѣка — прелесть! сядемте здѣсь; она опустила на лужокъ.

Мужъ и старуха тоже сѣли. Звѣреву хотѣлось остаться наединѣ съ женой, а старуха ни на шагъ не отходила. «Хоть-бы на этотъ разъ кухня загорѣлась, она-бы насъ оставила, можетъ быть, однихъ», думалъ Звѣревъ и ломалъ голову, какъ-бы услатъ домой старуху. Та и не думала уходить, рассказывала племянницѣ про коровъ, гусей, индюшекъ, куръ и утокъ. Та слушала и восхищалась. Долго они просидѣли на берегу, Валеріанъ курить, улыбался и иногда только вставлялъ слово въ разговоръ. Пришли въ домъ, тетка отправилась посмотрѣть на кухню.

— Ну вотъ! Мнѣ очень хотѣлось посидѣть съ тобой наединѣ на берегу, тамъ такъ хорошо было, она не уходила, сказала Валеріанъ.

— Пойдемъ, сказала жена.

— Теперь не то. Важно первое впечатлѣніе. Впрочемъ, пойдемъ. Онъ взялъ жену подъ руку.

— Совершенно напрасно она эти дорожки понадѣлала, даромъ трудъ потерянь, заговорилъ Валеріанъ, когда шли по саду.

— Ради Бога, не дѣлай никакихъ замѣчаній, Валеріанъ; тетушка изъ всѣхъ силъ старалась угодить намъ, и если ты только видъ покажешь, что чѣмъ-нибудь недоволенъ, она отъ огорченія захвораетъ.

— Хорошо, хорошо! Только я садъ такъ не оставляю, передѣлаю по своему; изъ него можно сдѣлать просто рай.

— Только не теперь, дай ей успокоиться.

— Мнѣ-бы хотѣлось хотъ сейчасъ приняться.

— Не спиши. Я думала-бы не раньше, какъ черезъ мѣсяцъ начать передѣлывать, что не нравится, и то исподволь.

— Согласенъ, другъ мой.

— Вотъ мы и пришли.

— Сядемъ.

— И только?

— Больше ничего, полюбуюсь на рѣку да на тебя.

— Чудакъ! Чѣмъ-же тетушка-то мѣшала?

— Третье лицо, совсѣмъ не встаети. То-ли дѣло вдвоемъ.

— Вотъ чудакъ-то. Анята поцѣловала мужа.

— Знаешь-ли что? заговорилъ Звѣревъ, домъ-то малъ.

— Балы, вечера будемъ устраивать?

— Не то, тѣсно какъ-то.

— Зато уютно.

— Трудно пристройку сдѣлать. Мнѣ хотѣлось-бы оставить этотъ домъ такъ, какъ есть. Новая постройка безобразить будетъ.

— Ты по-времени, присмотришься и понравится.

— Тебѣ здѣсь нравится?

— Съ милымъ рай и въ шалашѣ, пропѣла Анята.

— Здѣсь такъ хорошо, что и въ Петербургъ не поѣду, сказала Анята.

— Будто-бы.

— Можно купаться въ рѣкѣ?

— Еще-бы. Сегодня надо распорядиться, чтобы устроили купальню.

— Благодарю, я люблю полоскаться въ водѣ.

— Хорошо по вечерамъ здѣсь чай пить.

— Отлично.

— Надо въ саду, у дома устроить что-нибудь въ родѣ бесѣдки, чтобы завтракать и обѣдать на воздухѣ, гдѣ-то это пріятно.

— Въ деревнѣ необходимо. Полно нѣжится, вставай, пойдемъ.

- Подожди, видишь, какъ хорошо здѣсь.
- Въ деревнѣ надо рано утромъ вставать, а ты, увалень, спишь до полудня.
- Нечего на меня показывать пальцемъ, сама тоже поспать любишь.
- Надо устроиться такъ, чтобы раньше вставать, будемъ ложиться раньше спать.
- Съ тобой и устроишься! Вечеръ придетъ и начнешь щебетать безъ умолку, поневолѣ долго засидишься.
- Надо вотъ какъ распорядиться. Въ восемь часовъ встать, выкупаться, чаю напитокъ и гулять, гулять отправиться въ поле или въ лѣсъ далеко, верстъ за пять. Вернемъ домой голодные, позавтракаемъ хорошенъко и потомъ...
- Снова гулять, подхватилъ Валеріанъ, мазоли навивешь.
- Что-же мы будемъ дѣлать?
- Приду сюда и залагу съ сигарой.
- А я-то что?
- Ты, что знаешь, придумывай.
- Противный какой, сказать не хочетъ.
- Ты къ тетусьѣ.
- Одна?
- Она будетъ тебѣ хозяйство показывать, мнѣ-то зачѣмъ таскаться съ вами по курятникамъ?
- Ты все лежать будешь; ты, увалень, растолстѣешь.
- Настоящимъ помѣщикомъ устроюсь.
- Такъ не годится. Надо придумать что-нибудь получше.
- Придумай, а мы посмотримъ.
- Придумаю и непременно хорошее.
- И прекрасно.
- Пойдемъ домой. Тетушка насъ ждетъ.
- Они вошли въ садъ.
- Поймай меня, сказала Анюта и побѣжала по дорожкѣ. Звѣревъ за ней, но она свернула въ сторону и исчезла въ кустахъ. За густою зеленью Звѣреву не най-

ти-бы жены; но она съ громкимъ смѣхомъ выскочила изъ кустовъ и понеслась въ другую сторону, опять спряталась въ кусты, мужъ все бѣгалъ и отыскивалъ жену.

— Полно, шалунья, я усталъ, сказалъ Звѣревъ и растянулся на травѣ.

— Ахъ ты, увалень! сказала подошедшая Анюта.

Звѣревъ схватилъ ее за руку и притянулъ къ себѣ.

— Брось, сумасшедшій, говорила, заливаясь смѣхомъ, Анюта.

Оба они съ разгорѣвшимися лицами явились въ столовую.

— Боюсь я, милая Анюта, заговорила Звѣрева за столомъ, чтобы ты у насъ не соскучила, жизнь-то наша очень монотонна

— Не заботьтесь, она и васъ на ноги подыметъ. Полсвѣта она объѣхала. Папу въ Римѣ видѣла, а курицъ знаетъ только по картинкамъ. Покажите ей свое хозяйство, это для нея будетъ любопытно.

— Показывать-то нечего, а впрочемъ послѣ обѣда можно будетъ осмотрѣть птичникъ.

— И прекрасно. Заставьте ее курицъ щупать.

— Какъ тебѣ не стыдно, укорила тетушка.

— Уймись, болтунъ, жена пригрозила ему пальчикомъ. Мы, тетушка, его съ собой возьмемъ.

— Ну—его!

Послѣ обѣда хозяйки пошли осматривать птичникъ, а Валеріанъ развалился на травѣ, покурить и задремалъ.

Анюта подералась и тихонько травкой провела по щеѣ мужа, тотъ вздрогнулъ и схватился за щеку. Анюта залилась веселымъ смѣхомъ. Валеріанъ вскопчилъ, а жена уже вихремъ неслась по дорожкѣ, мужъ пустился за нею.

— Тихе, тихе! кричала тетушка въ слѣдъ, долго-ль бѣдѣ случиться.

Молодые скрылись изъ виду. Послышался въ сторонѣ громкій смѣхъ.

— Брось, сумасшедшій, умру, громко говорила Анята и заливалась смѣхомъ.

Они показались изъ-за кустовъ и шли, взявшись за руки.

— Уймите, тетушка, этого баловня, сказала Анята.

Тетушка сняла отъ радости, ее старое одеревенѣлое лицо оживилось, и на немъ выразилось чувство довольства и счастія. Она прижала Аняту къ своему сердцу и горячо поцѣловала.

VIII.

Лавровъ верхомъ прискакалъ въ Куношь, онъ отправился на черный дворъ поставить лошадь.

— Баринъ дома? спросилъ Лавровъ работника, принявшаго отъ него лошадь.

— Богъ его вѣдаетъ, можетъ въ полѣ бродить, а можетъ въ лѣсу шатается.

— Въ домѣ его не найдешь?

— Станетъ онъ въ домѣ сидѣть; время какое Богъ далъ! Онъ и въ дождь-то цѣлый день бродитъ на улицѣ.

Лавровъ прошелъ въ садъ, не было ни души, онъ пошелъ къ рѣкѣ.

По берегу къ мызѣ шель медленнымъ шагомъ Гвоздевъ. Завидѣвъ Лаврова, онъ прибавилъ шагъ.

— Добро—пожаловать, господинъ философъ, ласково привѣтствовалъ Лаврова Гвоздевъ.

— Бьемъ челомъ до сырой земли, отвѣчалъ, низко кланаясь, Лавровъ.

— Все-ли у васъ по хорошему?

— Все обстоитъ благополучно.

— А Слѣпневы здоровы?

— Что имъ дѣлается? Амурятся.

— Какъ? какъ? Повторите, сказалъ, смѣясь, Гвоздевъ.

— Амурятся.

— Вотъ такъ слово.

— Самое выразительное.

— Что оно выражаетъ?

— Значеніе его обширно; оно обнимаетъ весь кругъ дѣятельности любящихъ сердець.

— Громко, но неопредѣленно.

— Сказать нѣжничаютъ, цѣлуются и прочее, значитъ указывать только на отдѣльныя части самого цѣлаго—амуриться.

— То-есть—любить; кажется, такъ надо понимать слово амуриться.

— Любить—понятіе еще обширнѣе, амуриться составляетъ его только часть. Любятъ женщину,—любятъ и селедку съ лукомъ.

— Хорошо сказано. Это напоминаетъ, что пора завтракать.

Показался всадникъ на сѣромъ конѣ. Гвоздевъ быстро пошелъ на встрѣчу пріѣхавшему.

— Валеріанъ Павловичъ, воскликнулъ Гвоздевъ, пожимая руку пріѣзжему, вотъ не ожидалъ!

Подошелъ Лавровъ.

— Господинъ Лавровъ, знакомилъ хозяинъ гостей.

— Семинаристъ, поправилъ Лавровъ. Всѣ пошли въ домъ.

— Когда вы пріѣхали? спросилъ хозяинъ за завтракомъ.

— Вчера, и не одинъ, а съ женой, отвѣтилъ Звѣревъ.

— Вы женились? когда же? Поздравляю, это прекрасно.

— Неожиданно. Впрочемъ, разскажу послѣ; къ вамъ я на часокъ прискакалъ.

— Благодарю за память.

— Мнѣ надо сообщить кое-что, сказалъ Звѣревъ и такъ посмотрѣлъ на Лаврова, что Гвоздевъ понялъ, что онъ хотѣлъ сказать, только не при этомъ господинѣ.

Они ушли въ кабинетъ.

— Видѣлъ я вашу жену, началъ говорить Звѣревъ. Гвоздевъ сдѣлался мраченъ.

— Большую, продолжалъ Звѣревъ, умирающую и проводилъ до могилы.

Гвоздевъ не прерывалъ его.

— Теперь я расскажу, какъ встрѣтился. Провожая семейство моей жены, я пріѣхалъ въ Ниццу, гдѣ мы располагали пробить недѣли двѣ. Въ отелѣ меня поразила выставленная на доскѣ ваша фамилія, но только въ женскомъ родѣ. Я навѣлъ справки, оказалась больная дама. Не знаю, кто только сообщилъ ей обо мнѣ, но она прислала карточку и просила навѣстить ее. Я засталъ ее умирающею. Съ большимъ трудомъ она говорила уже, но намъ удалось объясниться; оказалось, что это ваша жена. Она сокрушалась и раскаивалась, что опрометчиво поступила; но исторіи своей жизни не могла рассказать, такъ была слаба. Она поручила мнѣ испросить ей прощенье. Черезъ четыре дня послѣ нашей встрѣчи она умерла. Я проводилъ ее и взялъ на всякій случай свидѣтельство о ея смерти. Звѣревъ подалъ бумагу Гвоздеву.

— Благодарю-васъ, сказалъ Гвоздевъ и крѣпко пожалъ руку Звѣреву, который простился и уѣхалъ.

Когда мрачный Гвоздевъ вышелъ въ столовую, Лавровъ понялъ, что онъ лишний.

— Слѣпневы прислали просить васъ пріѣхать къ нимъ въ воскресенье, пораньше, на весь день.

— Не могу, отвѣчалъ Гвоздевъ.

Лавровъ не спросилъ объясненія и уѣхалъ.

— Будетъ? спросилъ Слѣпневъ, когда вернулся домой Лавровъ.

— Сгонялъ даромъ, отвѣтилъ Лавровъ.

— Дома не засталъ?

— Дома былъ.

— Такъ что-же?

— Сказалъ, не могу.

— Отчего?

— Поди, спроси.

— Не въ шею-ли онъ тебя выпроводилъ?

— Что ты, Николай, оговорила Елена.

— Звѣревъ все дѣло испортилъ, сказалъ Лавровъ.

— Какой Звѣревъ?

— Любимовской.

— Развѣ онъ пріѣхалъ?

— Пріѣхалъ вчера, а сегодня его нелегкая принесла къ Гвоздеву. Мы только что разфилософствовались съ нимъ, а онъ и приватилъ. Увелъ его въ кабинетъ, поговорили они тамъ часомъ, Гвоздевъ вышелъ самъ не свой. Я и спрашивать не сталъ, уѣхалъ.

— Что-же такое случилось?

— Не знаю. Звѣревъ хвастался, что женился, Гвоздеву-то что печалиться объ этомъ?

— Женился? Часъ отъ часу не легче.

— Вы расскажите намъ по порядку, сказала Елена.

— Что рассказывать? Я все рассказалъ.

— Вы то про философію, то про Гвоздева, то про Звѣрева.

— Про все я говорилъ, какъ слѣдуетъ.

— Вы говорили, что разфилософствовались, пріѣхалъ Звѣревъ, потому что было?

— Завтракали.

— Потому.

— За завтракомъ и сказалъ Звѣревъ, что вчера съ женой пріѣхалъ, а потомъ и говорить, что онъ желаетъ ему что-то сообщить. Ушли въ кабинетъ, съ часъ пробыли. Вышли они, Звѣревъ уѣхалъ, я поглядѣлъ на Гвоздева, онъ мрачный такой, угрюмый, словно туча. Сказалъ ему, что вы зовете въ воскресенье, отвѣтилъ, не могу, да такимъ тономъ, что дальше нечего спрашивать. Я и убрался.

— Загадка, сказалъ Слѣпневъ.

— Узнаемъ когда-нибудь. Миѣ приятно, что Звѣревъ жену привезъ; не на старухѣ-же онъ женился, хорошая подруга, можетъ быть, будетъ, говорила Елена.

Слѣпневъ не отвѣчалъ, онъ насупился.

— Какимъ бузой ты смотришь. Въ первый разъ я вижу тебя такимъ, сказала Елена, обхвативъ мужа.

— Меня мучить мысль, чѣмъ такъ огорченъ Гвоздь? сказалъ Слѣпневъ и весело посмотрѣлъ на ласкавшуюся къ нему жену.

— Вотъ такъ лучше, чѣмъ напрасно голову ломать. Можетъ какія-нибудь неприятныя вѣсти привезъ изъ-за границы.

— Ба! Навѣрно, что-нибудь про жену.

— Раньше-то какъ не догадались?

Кому желательно, чтобы его забавляли и развлекали, тому необходимо большое общество, но какъ-бы не разнообразились развлечения, все не избѣжать ему скуки; пустота и безцѣльность жизни наши враги; они мучатъ насъ въ обществѣ, мучатъ и дома, это источникъ скуки и маяты отъ нечего дѣлать. Есть много людей, проводящихъ за работой большую часть дня и скучающихъ хуже бездѣльниковъ отъ того, что работа эта не производительна, она не удовлетворяетъ, она не можетъ доставить удовольствія и успокоить. Сознательное преслѣдованіе цѣли предпринятаго дѣла, для своей-ли, для общественной-ли пользы, все равно, можетъ только удовлетворить человѣка. Въ какомъ бы кругу не вращался человѣкъ, въ обширномъ-ли государственномъ, или въ тѣсномъ семейномъ, онъ одинаково избѣгнетъ скуки, если онъ осмысленно стремится осуществить свою идею, достигнуть благопріятныхъ результатовъ. Мало-ли, много-ли у него остается свободнаго времени, для него рѣшительно все равно; онъ по цѣлымъ днямъ спокойно будетъ сидѣть безъ дѣла и не знаетъ скуки. Административные дѣятели всю недѣлю проводятъ за бесплодной перепиской и ждутъ праздника, чтобы развлечься. Придетъ праздникъ, пустятся съ визитами и проклинаютъ скучный обычай; настанетъ вечеръ, отправятся въ театръ или на вечеръ и прерываютъ платкомъ ротъ, что бы люди не видали, какъ зѣваютъ они отъ скуки. Въ деревняхъ живутъ счастливые люди, безъ общества, безъ развлеченій и не знакомы со скукой. Ихъ занимаетъ, повидному, мелочной интересъ собственнаго только хозяйства потому только, что созна-

тельно и сочувственно въ нему относятся. Соберутся къ чайному столу вечеромъ и иѣтъ конца разговорамъ, шуткамъ, забавнымъ разговорамъ отъ того только, что всякій полонъ сознанія, что проведенный день не пропасть даромъ.

Такъ счастливо жили въ Дубровкѣ, хотя общество было изъ трехъ человѣкъ. Время для нихъ шло незамѣтно.

Незамѣтно подошло воскресенье; Лавровъ, конечно, съ утра ушелъ, а Слѣпневы, хотя и разстроили ихъ сборы завтракать на сѣнокосѣ Гвоздевъ, весело болтали, сидя за столомъ на террасѣ.

— Остается тебѣ устроить колонистскую шапочку, а клеенчатый передникъ я выписалъ, чтобы бѣть настоящей коровницей, говорилъ мужъ.

— Вотъ несносный! Онъ-же и смѣется. Самъ постоянно весь въ грязи домой приходитъ, возражала жена.

— Посмотри, какой я чистенькій.

— Еще-бы сегодня, я не пустила-бы тебя въ комнаты.

Вошли Звѣревы.

— Позвольте представить мою жену, Анну Павловну.

Какая хорошенькая! чуть не сказала вслухъ Елена; такое пріятное впечатлѣніе произвела на нее Аня.

Пошли поздравленія.

— Милая, Анна Павловна! говорила Елена, усаживая гостью, какъ я счастлива! У меня теперь будетъ другъ.

— Конечно, мы будемъ друзьями и самыми искренними; они пожали другъ другу руки.

— Хорошо у васъ, Елена Александровна; какое уютное мѣстечко, говорила Аня.

— Въ саду бесѣдка у дуба лучше; видъ великолѣпный, отвѣчала Елена.

— Покажите, милая Елена Александровна!

— Пойдемте.

— Вы куда? обратилась Аня къ вставшимъ мужьямъ.

Вотъ аргусы, тираны! ни на шагъ не могутъ отпустить однихъ женъ. Оставайтесь и не смѣйте за нами ходить! Она пригрозила еще пальчикомъ.

Мужья засмѣялись, но не пошли.

— Не знаю, кого и благодарить, что вывели меня изъ затруднительнаго положенія. Собрался къ вамъ и совсѣмъ забылъ про перевозъ; когда подъѣхалъ, тогда вспомнилъ, какъ переправляли меня, бывало, раздѣтые крестьяне. Мы ѣхали въ коляскѣ и вдругъ передъ глазами жены такая картина! Представьте мое положеніе! Чуть было не вернулся. Думаю, какъ-нибудь устрою, чтобы не замѣтила жена. Подъѣзжаю и глазамъ не вѣрю. Прекрасный паромъ на суднѣ, всѣзды по обѣимъ сторонамъ, мигомъ переправились, заговорилъ Звѣреть.

— Поудобнѣ стало, отвѣчалъ Слѣпневъ.

— Кому-же обязаны? Не вамъ-ли?

— Нужда заставила. Постоянно надо за рѣку. Въ легкомъ экипажѣ еще ничего, а какъ въ коляскѣ или каретѣ, — бѣда. Надоѣло. Просилъ, просилъ, только и выѣзжаютъ на обѣщаніяхъ.

— Дорого стоило?

— Рублей триста. Вопросъ въ томъ, какъ будутъ поддерживать.

Не считите за пустое любопытство, Валеріанъ Павловичъ, мой вопросъ о Гвоздевѣ; мы къ нему очень привязаны и насъ беспокоитъ его огорченіе.

— Дурныя вѣсти я привезъ ему изъ-за границы.

— На счетъ жены?

— Вамъ извѣстно, что онъ женатый.

— Самъ намъ разсказалъ.

— Къ лучшему-ли, къ худшему-ли, не знаю. Жена умерла.

— Конечно, къ лучшему; хоть она его развязала.

— Мнѣ не извѣстна ихъ исторія, я видѣлъ ее уже умирающею, и она только въ состояніи была сказать, что она жена нашего Ивана Ивановича и просить простить ее.

— Угодно вамъ сдѣлать доброе дѣло?
 — Очень буду благодаренъ, если доставите случай.
 — Поѣдемте навѣстить Гвоздева.
 — Съ удовольствіемъ.
 — Только не одни, вмѣстѣ съ женами; онѣ растормошатъ его.

— Когда-же?
 — Будете дома эту недѣлю?
 — Буду.
 — Такъ хоть въ четвергъ. Утромъ мы пріѣдемъ къ вамъ, а отъ васъ къ нему обѣдать.
 — Не предваривъ его?
 — Такъ и надо, чтобы неожиданно нагрнуть.
 — Я съ нимъ не такъ близокъ.
 — Все принимаю на себя.
 — Согласенъ.
 — Женамъ ни слова. Будто вататься ихъ возьмемъ и привеземъ къ Гвоздеву.

— Прекрасно.

Анютинъ голосокъ далеко былъ слышенъ, она и пѣла, и смѣялась.

Дамы вернулись на террасу друзьями.

— Я не могла устоять и согласилась остаться обѣдать, объявила Анюта.

— Будетъ ждать тетусва.

— Ты и поѣзжай сдѣлать ей компанію, и она устроила хитрый реверансъ передъ мужемъ.

— Не поѣду и я.

— Поѣзжай, поѣзжай! Мнѣ и безъ тебя весело.

Что-то они противъ насъ затѣяли, обратилась Анюта къ Еленѣ.

— Анна Павловна, пощадите! сказалъ Слѣпневъ.

— Про васъ я ничего не могу сказать, мало еще васъ знаю. Но онъ, онъ непременно что-то скрываетъ.

— Полно, душа моя, что мнѣ скрывать?

— Посмотрите на глаза его, ну посмотрите.

— Что мои глаза? Ничего.

— Знаю. Какъ только захочетъ что скрыть отъ меня и начать плутомъ выглядывать, это вѣрно, обратилась Анюта къ Еленѣ.

— Вы, сударыня, очень самолюбивы, сказала Звѣревъ, про тебя мы и не вспомнили, у насъ интереснаго, и кромѣ тебя, много.

— Я тебѣ отплачу. А намъ надо быть на-сторожѣ, у нихъ заговоръ противъ насъ, сказала Анюта.

Елена смѣялась, она была въ восторгѣ, что приобрѣла такую веселую подругу.

IX.

Настала осень. Дождь и грязь заставили Лаврова прекратить свои праздничныя прогулки. Скучный и задумчивый, онъ избѣгалъ общества и, забравшись куда-нибудь въ уголокъ, мурлыкалъ себѣ подъ носъ пѣсню.

Однимъ утромъ приѣхала Звѣрева Анюта и увезла въ себѣ Елену; Слѣпневъ остался съ Лавровымъ дома.

— Что съ тобою? спросилъ Слѣпневъ товарища.

— Ничего, буркнулъ тотъ.

— Развѣ не видно, что ты горюешь о чемъ-то. Точно викимора прячешься по угламъ.

Лавровъ приосанился.

— Жениться хочу, произнесъ онъ комически.

— Дѣло хорошее.

— Нечего рано хвалить, можетъ и не понравится тебѣ.

— Говори.

— Въ домъ хочу поступить въ Степану съ Крутицы.

— Серьезно говоришь, или шутишь только?

— Мнѣ не до шутокъ.

— Сообрази, что ты затѣваешь.

— Надо сообразить то, что Степанъ одинъ работниѣ въ домѣ; семья десять человѣкъ, малъ мала меньше, надо прокормить, а силъ у одного не хватаетъ.

— Значить—выручить хочешь?

— Ну, конечно.

— Дѣло можно проще устроить. Изъ тебя плохой помощникъ выйдетъ, прокормить дороже стоить. Бѣ крестьянскому дѣлу надо съ малолѣтства привыкать. Помѣхой ты ему будешь; въ полѣ, гдѣ-бы ему работать, а онъ долженъ будетъ тебѣ указывать, да твои ошибки поправлять.

— Почти что и правда.

— Вѣрно. Хочешь помочь, можно найти другое средство, болѣе дѣйствительное.

— Любопытно. Какое?

— Дай ему сто рублей; деньгами этими онъ такъ заправится, что первымъ хозяиномъ въ деревнѣ станетъ.

— Придуманно хорошо, одно упущено изъ вида.

— Что?

— А то, что у меня въ одномъ карманѣ клопъ на арканѣ, а въ другомъ блоха на цѣпи.

— Деньги у тебя есть.

— Слушай, другъ, мнѣ не до шутокъ.

— Жалованье твое, почти за два года, все цѣло.

— Какое тамъ жалованье? Ты меня кормилъ, одѣвалъ, а теперь еще жалованье выдумалъ. Ты полагаешь, что у меня совѣсти пѣть?

— Совѣсть твоя можетъ быть спокойна. Понимая твою страсть къ бродяжничеству, я хотѣлъ привязать тебя къ дѣлу и мѣсту, и потому, подъ видомъ гостепріимства, я далъ тебѣ мѣсто управляющаго. Ты самъ не замѣтилъ, какъ сдѣлался мнѣ необходимымъ человекомъ, а между тѣмъ отвыкъ и отъ дурной привычки бродяжничать. Въ этихъ видахъ я не предлагалъ тебѣ моихъ условій, отъ которыхъ-бы сряду убѣжалъ ты, еслибы я объявилъ на первыхъ порахъ. Теперь-же обстоятельства заставляютъ меня тебѣ объявить, что, сообразивъ все, содержаніе и одежду, я рассчиталъ, что жалованья тебѣ достаточно двадцать пять рублей въ мѣсяцъ. Денегъ я тебѣ не давалъ и не намѣренъ былъ давать, пока ты живешь у

меня; первое потому, что тебѣ въ нихъ нѣтъ надобности, а второе потому, чтобы составить тебѣ небольшой капиталъ на всякій случай, когда встрѣтится нужда. Бери тецерь изъ твоего капитала, если хочешь помочь Степану.

— Жалованья я твоего не возьму, а хотя и стыдно признаться, но вѣрно надо. Я врѣзался въ дочь Степана, Дуню, жить безъ нея не могу. Собою она — красота, а пѣсни поеть, — не наслушаешься, голосъ, что твой соловей.

— Можешь жениться и жить у меня попрежнему и съ женой.

— Не подходящая статья. Вы ее въ платьѣ нарядите, шляпу надѣнете.

— Конечно. Ей надо прилично быть одѣтой, когда жить будемъ вмѣстѣ; безъ этого нельзя.

— Въ сарафанѣ она мнѣ приглянулась, въ сарафанѣ она и мила мнѣ будетъ. Я самъ всю эту сбрую долой, сказалъ Лавровъ и размахнулъ сертукъ, будто хотѣлъ его скинуть.

— Не блажи, Федоръ. Путнаго крестьянина изъ тебя не выйдетъ. Сгубишь ты дѣву и себя своей дурью.

— Нарядите вы ее въ платьѣ, будетъ она ни павы, ни ворона.

— Не легко будетъ деревенской дѣвушкѣ привыкать къ нашимъ обычаямъ, но современемъ привыкнетъ.

— Не бывать этому! Пусть лучше пропадаетъ моя жизнь, когда не сбьтся моимъ желаніямъ. Только тогда бы я былъ счастливъ, когда въ полѣ за работой слышалъ, какъ она-бы пѣсни пѣла въ огородѣ, поливая капусту.

— Не отчаявайся. Дѣло можетъ устроиться.

Лавровъ ничего не отвѣтилъ. Разговоръ на томъ и кончился.

Черезъ нѣсколько дней собрались къ Слѣпневымъ Гвоздевъ и Звѣревы. Мужчины забрались въ кабинетъ,

а молодыя барыни въ гостиной разговаривали въ полголоса и потихоньку смѣялись.

— Не услышалъ-бы насъ, Анюта! сказала Елена.

— Кто?

Елена повела глазами въ противоположный уголъ, гдѣ сидѣлъ съживившись Лавровъ.

— Медвѣженокъ-то этотъ? сказала Анюта.

— Тише, Бога ради, услышитъ.

— Онъ спитъ, сказала Анюта и засмѣялась громко.

Лавровъ вздрогнулъ и поглядѣлъ на барынь.

— Не добрая ты, его-бы пожалѣть надо. У него большое горе.

— Какое?

— Онъ влюбленъ.

Анюта залилась веселымъ смѣхомъ. Въ кабинетѣ шелъ разговоръ о Лавровѣ.

Слѣбисевъ предложилъ на общее рѣшеніе дѣло Лаврова, онъ разсказалъ весь разговоръ съ нимъ.

— Блажь, сказалъ Звѣревъ. Нынче молодежь все въ народъ стремится. Напьется въ трактирѣ чаю съ фабричнымъ и думаетъ, что уже сблизился съ народомъ.

— Онъ человѣкъ искренній и честный, отвѣчалъ Слѣбисевъ, если что говорить, то со всею откровенностію и непременно исполнить данное слово.

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же его удерживать, изъ него выйдетъ хорошій хозяинъ; онъ молодъ, силенъ: работать можетъ, а какъ образованный человѣкъ, онъ разумнѣе поведетъ хозяйство, продолжалъ Звѣревъ.

— Быть хорошимъ хозяиномъ, надо съ малолѣтства привыкнуть къ крестьянской работѣ и приобрѣсти опытность. Съ виду соха наша кажется не очень замысловата, но она такъ капризна, что не скоро ее уладишь; многіе даже изъ крестьянъ не умѣютъ поставить, какъ слѣдуетъ. Не угодила приладить присохъ и соха пойдетъ въ землю торчкомъ и запрыгаетъ въ рукахъ; вся работа пойдетъ прахомъ, измается работникъ, замучится лошадь, а по-

доса будетъ изрыта ямками и хлѣбъ непремѣнно вымокнетъ.

— Совершенно справедливо, замѣтилъ Гвоздевъ.

— Въ такомъ случаѣ, оставьте его при себѣ, устройте ему особый домъ и пусть живетъ себѣ своимъ хозяйствомъ, сказалъ Звѣревъ.

— Мысль эта у меня была въ головѣ, но возьмите во вниманіе, — человекъ этотъ вмѣстѣ, постоянно былъ за однимъ столомъ съ нами, женился на крестьянкѣ, его отправляютъ на задній дворъ; чѣмъ можно оправдать такой поступокъ? спросилъ Слѣпневъ.

— Благовидныхъ поводовъ много можно найти; но будетъ-ли это честно? спросилъ Гвоздевъ.

— Больше ничего не остается, какъ исполнить его капризъ, сказалъ Звѣревъ.

— Лавровъ очень здраво смотритъ на дѣло. Деревенская дѣвушка, никогда не бывавшая въ нашемъ обществѣ и прямо изъ сарафана перереженная въ платье, станетъ въ такое неловкое положеніе, что она будетъ несчастна. Обратите вниманіе на самого Лаврова; онъ человекъ образованный и очень неглухой, а какъ бросается въ глаза своею угловатостью! Не будь онъ на столько уменъ, что, понявъ свое неловкое положеніе, онъ не сталъ принаравливаться къ намъ, а остался тѣмъ, что онъ есть, иначе онъ былъ бы очень смѣшонъ и жалокъ, возразилъ Гвоздевъ.

— Что-же дѣлать? спросилъ Слѣпневъ.

— Вамъ надо разстаться, сказалъ Гвоздевъ.

— Мнѣ это больно.

— Вамъ придется принести жертву, ради его счастья. Возьму его я къ себѣ и сдѣлаю лѣсничимъ; встать мнѣ надо перемѣнить лѣсничаго, сказалъ Гвоздевъ.

— Вашъ лѣсникъ такой исправный и вѣрный сторожъ, замѣтилъ Звѣревъ.

— Свирѣпъ, отставной унтеръ-офицеръ круто обращается съ крестьянами; поймалъ въ порубкѣ, сейчасъ гужи топоромъ поцоламъ, изъяну больше надѣлаетъ му-

живу, чѣмъ стоитъ дерево, которое тотъ срубилъ. Боюсь, что-бы не подстрѣлили кого, отъ него и это станется.

— Такой строгій лѣсникъ и долженъ быть. Боятся будутъ воровать, возразилъ Звѣревъ.

— Безпощадная строгость съ крестьянами неудобна. Озлятся да запалатъ дачу, пропадетъ даромъ все, что сохранялъ столько лѣтъ.

— Ласковымъ быть, они лѣсъ растаскаютъ, замѣтилъ Звѣревъ.

• — Русскій человекъ добрый по природѣ и справедливый. Будьте съ нимъ строги и справедливы, но не жестоки; онъ будетъ васъ любить и уважать и никогда вамъ вреда не сдѣлаетъ. Бѣда вывести изъ терпѣнія мужика, хуже звѣря разсвирѣпѣть, сказалъ Гвоздевъ.

— Сами-же говорите, что строгость нужна.

— Подъ строгостью я разумѣю, что ни одинъ дурной поступокъ не остается незамѣченнымъ, чтобы человекъ зналъ, что за нимъ наблюдаютъ и не позволятъ ему ничего сдѣлать худого; но казнить за всякій поступокъ, особенно не соразмѣрно съ виной, будетъ жестоко.

— Надо поставить нашего неразвитаго крестьянина въ отношеніе къ себѣ такъ, чтобы онъ не много вредилъ, сказалъ Звѣревъ.

— Не лучше-ли образованному человекѣу поставить себя въ отношеніе къ крестьянину такъ, чтобы онъ любилъ и уважалъ, возразилъ Гвоздевъ.

— Конечно, лучше; но сдѣлать не легко, сказалъ Звѣревъ.

— Какъ-же мы поставимъ себя въ отношеніи къ Лаврову? спросилъ Слѣпневъ.

— Отпустите ко мнѣ, сказалъ Гвоздевъ.

— Тяжело разставаться, и въ хозяйствѣ большая потеря, лишусь честнаго и хорошаго помощника.

— Нельзя безъ жертвы. Помощникомъ возьмите моего лѣсника, онъ честный малый.

— Пойдетъ ли еще Лавровъ?

— Это я улажу.

— Мнѣ хотѣлось-бы тоже принести, съ своей стороны, хоть ничтожную жертву въ устройствѣ судьбы Лаврова, сказала Звѣревъ; позвольте мнѣ помочь ему въ его обзаведеніи хозяйствомъ.

— Мы общими силами будемъ устраивать это дѣло, сказалъ Гвоздевъ. Сегодня я увезу его, надо сперва подготовить его къ исполненію должности исподоволь, чтобы онъ незамѣтно освоился.

— Дѣлайте, какъ лучше, сказалъ Слѣпневъ.

Отворились двери и вошли Анюта съ Еленой.

— Какъ мило съ вашей стороны оставлять насъ однихъ.

— Вы такъ насъ сконфузили, что я не знаю, какъ и отвѣчать, сказалъ Слѣпневъ.

— Проси въ столовую; я думаю, чай поданъ, сказала Елена.

— Первый опытъ нашего завода, говорила Елена за чаемъ, предлагая гостямъ превосходное масло.

• Гости расхваливали масло.

— Какъ ты успѣваешь, заговорила Анюта, управляться съ такимъ сложнымъ дѣломъ; хлопотъ тебѣ, я полагаю, достаточно съ этимъ заводомъ?

— Ты не повѣришь, какъ интересно это дѣло; не видишь, какъ время идетъ; иногда такъ увлечешься, что опоздаешь къ завтраку, отвѣтила Елена.

— Какъ у тебя времени еще достаетъ?

Времени даже много. Мы встаемъ въ семь часовъ.

— Такъ рано! воскликнула Анюта. Это невозможно. Мы раньше одиннадцати никакъ не можемъ, тетусьва сердится, что обѣдню просыпаемъ; но мы не виноваты, зачѣмъ рано начинаютъ.

— Въ деревнѣ долго спать дѣйствительно грѣшно, замѣтилъ Гвоздевъ.

— Мнѣ-бы хотѣлось рано вставать; должно быть, очень пріятно, и день казался бы больше. Да вотъ байбабъ! Анюта указала на мужа, сколько ни просила его разбу-

дять пораньше утромъ, особенно въ праздникъ, чтобы успокоить тетущбу, такъ спать какъ убитый.

— Благодарить должна, что тебѣ позволяютъ спать до полудня, днемъ-то тебѣ дѣлать нечего, еще, пожалуй, скука одолѣвать станетъ, тогда съ тобой бѣда, сказала женѣ Звѣревъ.

— Въ деревнѣ скука гостя назойливая; того и гляди, какъ-нибудь заберется въ домъ, замѣтилъ Гвоздевъ.

— Предлагалъ женѣ на зиму въ Петербургъ; не желаетъ, сказала Звѣревъ.

— Здѣсь такъ хорошо, что никуда не хочется ѣхать, сказала Анюта.

— Зима и осень тянутся больше половины года, заговорилъ Гвоздевъ; пойдутъ дни за днями темные, ненастные, совсѣмъ загонять въ домъ, заставить жаться поближе къ печи; въ одно окно посмотришь, — дождь и слякоть, въ другое то-же, въ третье то-же; куда не повернись, все одно и то-же, а осень-то начинается только, Анна Павловна.

— Не стражайте, я не пуглива.

— Правда, Иванъ Ивановичъ, правда, я не знаю, какъ еще мы теперь отбодряемся, благодаря этому колокольчику; Звѣревъ указалъ на жену; угомонится, впрочемъ, будетъ звать въ Петербургъ.

— Ни за что. Я дала слово Еленѣ, что будемъ жить вмѣстѣ и сдержу его.

— Конечно, милая Анюта, мы проведемъ зиму вмѣстѣ и не замѣтимъ, какъ лѣто придетъ.

— Хорошо вамъ такъ говорить, когда у васъ съ мужемъ столько дѣла, сказалъ Звѣревъ.

— Вольно-же вамъ не заняться самому хозяйствомъ, возразилъ Слѣпневъ.

— Оно-бы и слѣдовало. Положимъ, что Авдотья Семеновна хорошая хозяйка, тѣмъ болѣе надо-бы брать у нея правтическіе уроки; не два вѣка ей жить, умереть — поневолѣ придется приниматься и безъ привычки, и безъ опытности дѣло поважеться медвѣдемъ, добавилъ Гвоздевъ.

— Хорошенько его, хорошенько, лѣтяя, подхватила Анята. Тетушка давно пристаётъ къ нему, увертывается все, шутками отъѣзжаетъ.

— Я боюсь, чтобы тетушка, передавъ хозяйство мнѣ, не осталась безъ занятій, а это очень вредно отозвалось-бы на ея здоровьѣ. Надо принять въ расчетъ, что она всю жизнь провела съ утра до ночи въ трудахъ и хлопотахъ, и вдругъ оставить ее не причемъ, возразилъ Звѣревъ.

— Старуха найдетъ себѣ дѣло; на первыхъ порахъ вы сами не дадите ей покоя, все ей придется вамъ указывать, она вамъ будетъ сдавать постепенно хозяйство и вы постепенно будете привыкать, одинъ хозяйничать, другой оставлять понемногу хлопоты. Притомъ же, если не хотите отвлекать тетушки отъ любимыхъ занятій, займитесь съ крестьянами такъ, какъ дѣлаетъ Николлай Николаевичъ, добавилъ Гвоздевъ.

— Мнѣ не совсѣмъ удобно, отвѣчалъ Звѣревъ. Моя усадьба смежна съ селомъ, они за всякой всячиной будутъ ко мнѣ обращаться, понадобится масла въ кашу къ обѣду и за тѣмъ будутъ бѣгать.

— Въ этомъ отношеніи ваше вліяніе поставлено будетъ въ гораздо лучшія условія, возразилъ Слѣпневъ.

— Придется тогда открыть лавочку, сказалъ Звѣревъ.

— Какъ-бы весело было! Я стала бы продавать, отпускать товаръ, сказала Анята, подскочила къ мужу и поцѣловала его въ голову.— Душечка, Валеріанъ, какъ ты меня обрадовалъ.

— Видите, какіе являются помощники! отвѣтилъ сквозъ смѣхъ Звѣревъ.

— Русскій человѣкъ добро помнить, заговорилъ Гвоздевъ; крестьянинъ, если его выручатъ въ большой нуждѣ, не полѣзетъ къ вамъ за всякой мелочью, онъ оцѣнитъ ваше добро и будетъ уважать. Онъ назойливъ только, когда не надѣется на вашу помощь; больше пристаётъ, чтобы сорвать съ васъ хоть что-нибудь.

— Я еще не обжился въ деревнѣ, не привыкъ, дол-

женѣ сознаться, что мало знакомъ съ народомъ, а въ этомъ дѣлѣ требуется опытность, отвѣчалъ Звѣревъ.

— Иначе ея и не приобрѣтешь. Безъ близкаго сношенія съ крестьянами, невозможно изучить ихъ. Вы начали-бы дѣло хоть съ одного общества, въ теченіи года приноровились бы, а тамъ вамъ понравилось бы такъ, что вы непременно увеличили-бы операціи, сказалъ Гвоздевъ.

— Придется расширить хозяйство, а это такъ трудно.

— Совсѣмъ напротивъ и легко, и выгодно, вамъ въ работникахъ недостатка не будетъ; мнѣ приходится отказывать, такъ много желающихъ.

— Анюта, отставвай, обратился Звѣревъ къ женѣ; уговорятъ они меня, затаянуть въ дѣло, ты меня по дѣльнымъ днямъ не увидишь.

— Не бѣда, теперь дни коротенькіе.

— Я, на мѣстѣ Анюты, сама бы приневолила его, вмѣшалась Елена; дѣло полезное, оно внесло-бы много интереса въ жизнь.

— Придется совсѣмъ измѣнить образъ жизни: раньше вставать, раньше ложиться спать.

— Какъ я рада! какъ я рада; Анюта захлопала въ ладоши.

Х.

— Можете себѣ представить, что дѣлаетъ забіяка, говорилъ Звѣревъ собравшимся къ нему Слѣпневымъ и Гвоздеву, будить эти дни утромъ въ семь часовъ. Тетюшка не можетъ надивиться. Какъ она ухитрится просыпаться рано, понять не могу.

— Я отучу тебя, лѣнтая, спать до полудня, грозилась Анюта и смѣялась весело.

Пришелъ отецъ Петръ.

— Мужъ, батюшка, жалуется на меня, что рано бужу его, не даю выспаться, обратилась Анюта къ отцу Петру; страшный лѣнтяй, спитъ до полудня и еще жалуется, что выспаться не даютъ.

— Русская пословица говорить: «спасось-бы да ѣлось, да дѣло на умъ не шло» отвѣтилъ отецъ Петръ.

— Онъ вотъ такъ и живетъ, отвѣтила Анюта.

— Это здорово, сказалъ отецъ Петръ.

— Вы, надо полагать, съ нимъ за одно? Я думала, вы за меня вступитесь, а вы уже на его сторонѣ, я этого не ожидала.

— «Милые бранятся, только тѣшатся», вотъ вамъ и другая пословица. Онъ любитъ поспать, а вы его рано будите, — всякій при своемъ. Много, недѣлю придется вамъ побудить, потомъ онъ самъ привыкнетъ вставать въ этотъ часъ и вамъ ужъ не позволитъ засыпаться.

— Хорошо, я теперь буду знать, что вы мужнину руку держите.

— Моя обязанность держать сторону мужа.

— Хорошо, хорошо, я отплачу и вамъ, и ему!

— Вы меня не стращайте, человекъ я кроткій, начну отъ васъ прятаться. Войдите вы въ положеніе Валеріана Павловича; по хозяйству хлопочетъ все Авдотья Семеновна, время осеннее, на улицу выйти нельзя. Чтоже больше дѣлать, какъ не спать?

— На меня со всѣхъ сторонъ нападаютъ, что веду бездѣтельную жизнь, отвѣчалъ Звѣревъ; что-же прикажете дѣлать, когда такъ пришлось.

— Мы предлагаемъ вамъ занятіе, вставилъ Слѣпневъ.

— Я и не отказываюсь.

— И прекрасно, похвалилъ Гвоздевъ.

— Дѣло за отцомъ Петромъ, что онъ скажетъ на это? спросилъ Звѣревъ.

— Поговорить хорошо бы было; боюсь только Анны

Павловны; скучно насъ слушать будетъ, отвѣтилъ отецъ Петръ.

— Мы уйдемъ къ тетушкѣ.

— Васъ мы не гонимъ, а только предупреждаемъ, что съ нами не такъ весело будетъ, сказалъ отецъ Петръ.

— На-зло останемся, Елена; пусть ихъ разсуждаютъ; мы будемъ слушать.

— Оставьте ее, Петръ Алексѣвичъ, вы, кажется, ее знаете, болтунью.

— Мнѣ-бы думалось, что дамы могли-бы еще дать добрый совѣтъ, если бы вникнули въ наше дѣло, замѣтилъ Гвоздевъ. Говорите-же, батюшка.

— Браво, браво, браво.

— Сейчасъ начну. Въ русскихъ сказкахъ всегда говорится: «Напой, наформи, а потомъ и спрашивай».

— Ахъ, Боже мой, чаю не подаютъ; сейчасъ подадутъ, батюшка, перебила Анята.

— Перебила вы меня. Вы полагали, что я сдѣлалъ тонкій намекъ насчетъ чаю; извините, я объ чаѣ и не думалъ. Да, въ сказкахъ всегда говорится: «Напой, наформи, а потомъ и спрашивай», заговорилъ отецъ Петръ. Надо вамъ сказать, что въ нашихъ сказкахъ, не смотря на кажущуюся ихъ нелѣпость, глубоко скрытъ народный взглядъ на жизнь. Вотъ въ этихъ словахъ выражается взглядъ на то, что отъ сытаго человѣка можно требовать всего; оно и по природѣ правильно, а въ отношеніи русскаго человѣка совершенно вѣрно.

— Сытый человѣкъ и разыграться можетъ, замѣтилъ Гвоздевъ.

— И это вѣрно, согласенъ, сказалъ отецъ Петръ. Пусть его съ Богомъ и поиграетъ, онъ играючи и дѣло будетъ дѣлать.

— Какъ поиграетъ, возразилъ Гвоздевъ; въ тѣхъ-же сказкахъ говорится, что разыграется русскій человѣкъ, за руку хватить, рука прочь; за голову, голова прочь.

— Понялъ, сказалъ отецъ Петръ. Надо всегда имѣть въ виду характеръ народный. Накорми сыто французъ, у него сперва разыграется самолюбие, а потомъ ужъ онъ самъ заиграетъ, и нарочитъ, какъ-бы кому шапку сбить, либо носъ утереть; онъ не радость, не удовольствие будетъ выражать своей игрой, а только задоръ. Сытый англичанинъ отъ чванства разбухнетъ, будетъ требовать, чтобы сама королева сторонила, буди попадетъ на встрѣчу. Нѣмецъ сытый непременно философствовать начнетъ и тоже въ задоръ полѣзетъ. Русскій человекъ сытъ, благодумствуетъ, пожалуй, подчасъ и дремлетъ; но за то, что ни заставь, все сдѣлаетъ, онъ, пожалуй, и руку, и голову, кому угодно, сорветъ, но только если прикажутъ, а не по своей волѣ. Въ былое время тискали народъ, заставляли въ проголодь дѣлать дѣло; почешетъ онъ въ затылкѣ и пойдетъ валить черезъ пень володу. Настала лучшая пора, сняли съ него лишнюю тягость и руки развязали, волю дали и пальцемъ на него всякій показываетъ, вотъ, молъ, палку припрятали, а все погонять надо, самъ собой не придумаетъ ничего. Стали его подергивать въ разные стороны, а онъ только въ затылкѣ чешетъ и все валить черезъ пень володу. Сытъ-ли онъ, никому теперь и дѣла нѣтъ.

— Неужели-же надо кормить народъ? возразилъ Звѣревъ.

— А то какъ-же?

— Гдѣ взять средства?

— Нашъ народъ не такой, Валеріанъ Павличъ, чтобы сталъ просить хлѣба и зрѣлищъ; онъ даже и средствъ не проситъ, чтобы сытымъ быть, а живетъ себѣ въ проголодь и мается. Не развитъ онъ нисколько, а потому и валить черезъ пень володу. Похожъ онъ на старуху безтолбовую, которой досталось полтысячи, живетъ старуха и свражничаетъ, чтобы денегъ ей до самой смерти хватило; принесите вы ей акціи и скажите, чтобы она ку-

тила, не купить; сколько не убѣждайте ее, что акціи сохранять ея капиталъ и дадутъ еще проценты, на которые ей можно жить безбѣдно, она не послушаетъ и ничему не повѣритъ; потому что у стариковъ такихъ дѣлъ никогда не велось. Такъ-то и народъ. Ему указываютъ, дѣлай то, да дѣлай это, а у него запаса мало, а что изъ новаго выйдетъ, онъ не знаетъ, боится только того, чтобы при неудачѣ и послѣдняго не лишиться, вотъ онъ и скряжничаетъ и жметъ и валитъ черезъ пень володу. Обезпечьте вы его, что въ нуждѣ ему найдется, чѣмъ вывернуться, онъ податливѣе будетъ на всякое нововведеніе, онъ охотнѣе и приметъ за него, если еще на опытѣ увидитъ, что это нововведеніе дѣйствительно полезно, а больше всего освободите его отъ паразитовъ, которые изъ него силы высасываютъ. Конечно, надо его поставить такъ, чтобы онъ сытъ былъ. Въ настоящемъ положеніи безъ посторонней помощи сдѣлать этого нельзя; надо позаботиться только, чтобы эта помощь заохотила его къ дѣлу, а не довела до распущенности. Надо ему хлѣба, дайте; но только съ тѣмъ, чтобы онъ зналъ, что эту подачку ему непременно надо возвратить; надо ему денегъ, и денегъ дайте, но непременно съ тѣмъ-же условіемъ. Въ особенности-же его надо оградить отъ стороннихъ толчковъ, какъ ограждаютъ ребенка, подымающагося на свои ноги. Нужна даже опека.

— Опека никогда не приводила народа къ добру, возразилъ Звѣревъ.

— Не смѣю возражать противъ справедливости вашего замѣчанія; но въ крайности и ее допустить надо, пока онъ не встанетъ на ноги крѣпко. Зло укоренилось очень глубоко, его нельзя иначе уничтожить, какъ общими силами образованныхъ людей и народа.

— Желаніе образованныхъ людей помочь народу выразилось очень ощутительно въ наше время, возразилъ Звѣревъ.

— Говорено, писано и печатано по этому предмету даже очень много, но до малограмотнаго народа едва-ли все это доходить, отвѣчалъ отецъ Петръ.

— Не словомъ только, а самимъ дѣломъ много помогаютъ, народное образованіе въ полномъ ходу, свазалъ Звѣревъ.

— Образованіе—понятіе слишкомъ обширное и едва ли примѣнимо въ народу; народу нужна грамотность, а еще болѣе нужно быть сытымъ. Вообще говорится, что Россія—страна земледѣльческая, совершенно вѣрно; наша окраина, хотя и не хлѣбородная, а существуетъ преимущественно земледѣлемъ. Возьмите хоть нашъ край, онъ существуетъ земледѣлемъ; промысловъ, которые бы вполне замѣнили существующій способъ кормиться, совсѣмъ нѣтъ. Какимъ порядкомъ ведется этотъ главный способъ существованія? Какъ пришла пора сѣяться, многіе изъ крестьянъ и мечутся изъ стороны въ сторону, чтобы какъ-нибудь раздобыться сѣменами. Отъ чего же это происходитъ? Отъ неудовлетворительной обработки, отъ малопроизводительныхъ сѣмянъ, отъ безвременнаго сбыта, скорѣе даже, можно сказать, отъ растраты сельскихъ произведеній, отъ невозможности своевременно и выгодно сбывать ихъ, отъ алчности мироѣдовъ и отъ человѣческихъ слабостей. Видите-ли, кромѣ недостатка образованія, сколько есть причинъ, не позволяющихъ быть сытымъ! Плохо хозяйство, когда хозяину нечѣмъ псѣяться. Въ облегченіе бѣды устроены запасные магазины, откуда, на случай нужды, можно заимообразно брать на сѣмена; но какъ содержатся эти магазины? Сборомъ и возвратомъ зерна; сборное зерно не можетъ быть хорошаго качества; оно смѣшано, а ложка дегтю портитъ бочку меду. Еслибы частный владѣлецъ устроилъ запасный магазинъ и сталъ выдавать зерно съ обязательствомъ возврата и тотъ-бы не уберегся отъ порчи его чрезъ смѣсь хорошаго съ худымъ. Но мнѣ кажется, что раз-

говоръ нашъ принялъ совершенно дѣловой и сухой видъ; боюсь, чтобы не показалось скучно барынямъ; лучше кратко изложить, что надо сдѣлать, а не перебирать всѣхъ причинъ, вредно вліяющихъ на хозяйство крестьянина. Самое необходимое, чтобы крестьяне получали сѣмена отъ хорошаго хозяина — самыя добротачественныя и непременно за деньги, а не возвратомъ зерна, конечно, за доступную цѣну. Потомъ крестьянину нуженъ кредитъ; деньги онъ можетъ получить въ извѣстное время, а надобность въ нихъ постоянная; нужда заставляетъ продавать хлѣбъ въ снопахъ; конечно, это верхъ безобразія, но противъ нужды ничего не подѣлаешь. Дайте возможность вывернуться крестьянину изъ тисковъ кулаковъ, тогда этого безобразія и не будетъ. Сдѣлалось поговоркой, что русскій человѣкъ пьетъ съ горя и съ радости; дѣло естественное, особенно когда кабакъ на глазахъ; уберите соблазнъ съ глазъ долой подальше, чѣмъ меньшемечется въ глаза, тѣмъ меньше соблазна. Васъ на лицо три крупныхъ землевладѣльца съ достаточными средствами; все есть у васъ на то, чтобы помочь крестьянину въ нуждѣ — и добрая воля, и средства, и образование. Двое начали и вышло дѣло хорошо и крестьянамъ понравилось, это я знаю; но это не больше какъ попытка; надо организовать его, чтобы велось правильно. Необходимо устроить общество, но троемъ почти невозможно устроить такое общество, которое могло-бы удовлетворить цѣлую волость; возьмемъ поменьше вружовъ, ограничимся только однимъ приходомъ и здѣсь можетъ быть центральное учрежденіе, которое можетъ быть порукой въ исполненіи обязательствъ. Я разумѣю приходское попечительство; конечно, ему не дано такихъ широкихъ правъ, чтобы оно могло устраивать хозяйство прихожанъ; но оно имѣетъ важное значеніе по своему нравственному вліянію. Приходскому попечительству преимущественно поручается учрежденіе школъ и богоугодныхъ заведеній; первыя у насъ есть и имѣютъ источники для своего существованія, о послѣднихъ надо будетъ по-

заботиться. Вы трое возьмите на себя довольство крестьянъ кредитомъ и сѣменами, сообразно своимъ средствамъ и желаніямъ; но непременно въ кругу цѣлаго сельскаго общества, чтобы круговая порука дѣйствовала во всей силѣ, а нравственную поддержку и гарантію вашихъ оборотовъ возьметъ на себя приходское попечительство; оно же должно устроить и странноприимный домъ для страждущаго человѣчества. Вамъ остается рѣшить дѣло между собой, а въ первое воскресенье мы соберемъ приходъ, чтобы открыть приходское попечительство. Согласны?

— И только? спросила Анюта.

— Только.

— А моя работа?

— Впереди.

— Меня зло разбираетъ; наши мужья, говорила Анюта Еленѣ, нашли себѣ работу, а мы нѣтъ.

— А меня такъ, напротивъ, это радуетъ.

— Мы-то остались не причемъ.

— Наша работа поддерживать ихъ на этомъ трудномъ пути, стараться устроить домашнюю жизнь пріятной.

— Это само-собой. Но неужели мы ни къ чему не способны?

— Къ сожалѣнію, надо сознаться, что мы, по своему воспитанію и положенію, далеки отъ народа и не можемъ приспособить свою дѣятельность къ удовлетворенію его нуждъ.

— Очень печально.

— Наша дѣятельность могла-бы принести огромную пользу въ руководствѣ по воспитанію дѣтей.

— Такъ возьмемся за это.

— Намъ самимъ придется учиться у повивальной бабки, если будутъ дѣти.

— Въ деревнѣ чрезвычайно дурно обращаются съ дѣтьми, кормятъ ихъ самой грубой пищей, держатъ нео-

прятно, безъ всякаго пристрастия. Мы, кажется мнѣ, могли-бы въ этомъ случаѣ быть полезными.

— Наши мнѣнія относительно содержанія дѣтей будутъ непонятны для простыхъ женщинъ, и могутъ даже казаться имъ смѣшными. Надо очень близко изучить бытъ крестьянской семьи, средства и нужды, привычки и предрасудки.

— Стало быть, надо серьезно заняться этимъ дѣломъ.

— Намъ невозможно.

— Не думаю.

— Ты полагаешь, что если мы начнемъ ходить по избамъ, выспрашивать, высматривать и этимъ способомъ достигнемъ цѣли?

— Непремѣнно.

— Какъ ты неопытна. Крестьянки болѣе недоверчивы, чѣмъ крестьяне; онѣ стануть прятаться отъ насъ. Неужели ты полагаешь, что стоитъ только посмотреть на крестьянскую избу, получить нѣсколько неудовлетворительныхъ отвѣтовъ, чтобы понять ихъ нужды?

— Не можетъ-же быть, что мы настолько безтолковы, что не можемъ понять ихъ.

— Не волнуйся, милая моя, напрасно. Я была такая-же неопытная, какъ ты и много пролила горькихъ слезъ.

Въ это-же время въ другомъ мѣстѣ, въ Куности, происходилъ совершенно другой разговоръ.

— Отчего вы неохотно принимаетесь за стрѣльбу? спрашивалъ Гвоздевъ Лаврова.

— Блажной я человекъ. Удивляюсь, какъ я не сочинилъ никакой пьесы въ Дубровкѣ!

— Что-же вы могли сдѣлать?

— Блажь найдетъ, не премѣнно какую-нибудь штуку и выкинешь.

— Напримѣръ, какую?

— Вотъ хоть-бы жилъ я у попа Терентья.

Бывало гдѣ-нибудь народъ, скопившись въ кучу, галдитъ. Возьмешь веревочку, круто ссучишь, заправишь въ средину палочку, выберешь мужика, у котораго борода побольше, раздеришь веревочку, а палочка ему въ бороду, всю въ клубокъ сошьетъ, да такъ крѣпко, что слезы изъ глазъ покатаются. Ворохъ насыплетъ брани, а народъ въ покатущую. Оно и весело.

— Вы большой проказникъ.

— Все отъ нечего дѣлать. Пустишь, бывало, на посѣдѣ дѣвкамъ шутиху подъ ноги... Вотъ картина-то?...

— Вамъ не доставалось за это? спросилъ севозь смѣхъ Гвоздевъ.

— Утекалъ, а то бока бы намяли здорово. Дядя у меня есть дьячекъ въ селѣ и такой-ли то Плюшкинъ, что подобнаго не найти. Всякую дрянъ, мусоръ, все это онъ прибираетъ и прячетъ. Какъ вы полагаете, съ перваго году, какъ поступилъ на мѣсто, а тридцать лѣтъ живетъ уже, онъ вопить всѣ опорки отъ сапоговъ и башмаковъ, старья голенища, кожанные лоскутки и все дрянъ такая! вороха наворочены и разложено въ порядкѣ на подоложѣ. Заберется онъ туда, разбираетъ и любитъ. Что вы думаете? меня такъ и стало подмывать—запалить и сжечь весь этотъ хламъ. Ночью спать не могу, какъ-будто кто ко мнѣ пристаётъ, вотъ поди и подожди.

— И сожгли.

— Нѣтъ. Какъ придетъ этакъ не въ терпешъ, уйду. Два раза ночью уходилъ.

— Въ Дубровкѣ тоже устроили какую-нибудь продѣлку?

— Не случалось. Странное дѣло, какъ-будто совсѣмъ забылъ объ этомъ.

— Отчего-же стрѣлять нѣтъ охоты?

— Я-же вамъ говорю; выучусь стрѣлять, и придетъ блажь, тогда что? И зачѣмъ мнѣ учиться стрѣлять?

— Можетъ пригодиться.

— Сапоги шить или бабамъ шугай, это пригодилось бы, покрайней-мѣрѣ имѣль-бы средства существовать.

— Кажется, вамъ объ этомъ заботиться нечего.

— Не знаете моего горя... а рассказать стыдно. Вы хорошій человекъ, хоть и посмѣтесь, такъ отъ васъ стерпѣть можно.

— А вы прямодушный и честный человекъ, за это мы всѣ васъ любимъ и уважаемъ, горе ваше знаемъ и намѣрены помочь вамъ, — отъ васъ все будетъ зависѣть.

— Ахъ, злодѣй, онъ все разболталъ!

— Не волнуйтесь напрасно. Мы толковали объ вашемъ дѣлѣ и совершенно согласны съ вашимъ мнѣніемъ, но только нѣтъ надобности вамъ дѣлаться крестьяниномъ. У меня есть мѣсто лѣсничаго, вотъ это-то мѣсто я вамъ и предлагаю; дамъ вамъ отдѣльный домъ въ лѣсу, содержаніе и живите съ женой своимъ хозяйствомъ.

— Опять дармоѣдство! Что я за несчастный такой, что собственнымъ трудомъ прокормиться не могу!

— Напрасно беспокоитесь, вы будете нести обязанности и отвѣтственность.

— Къ крестьянскому дѣлу я присмотрѣлся, и хоть плохой изъ меня выйдетъ работникъ, но все-же буду работать и жить своимъ трудомъ.

— Точно такъ-же и тутъ.

— Въ этомъ дѣлѣ я ничего не понимаю.

— Не буду скрывать отъ васъ, что дѣла вамъ будетъ даже очень много. Лѣса мои такого возраста, что время пришло начинать ихъ вырубку, которую вести мнѣ хочется правильнымъ образомъ. Для этого необходимо произвести таксацію лѣсовъ.

— Первый разъ я слышу слово—таксація и потому уже ровно ничего не понимаю.

— Когда я вамъ объясню сущность дѣла, будетъ очень понятно. Я самъ буду производить таксацію, вы же будете моимъ помощникомъ. Откровенно скажу вамъ, что я очень затруднялся этимъ дѣломъ и только при вашей помощи мнѣ легко будетъ его произвести.

— Нашли помощника! Вотъ два года я даромъ ѣлъ хлѣбъ у Слѣшнева, кому другому, а вамъ это хорошо извѣстно.

— На этомъ-то основаніи я и рассчитываю на васъ. Вы, не придавая цѣны своимъ трудамъ, не замѣчали, что безъ вашей помощи Слѣшневы никогда-бы не достигъ такихъ блестящихъ результатовъ въ хозяйствѣ. Дѣло это мы кончимъ вотъ на какомъ условіи:

Первый мѣсяцъ, какъ вы поступите ко мнѣ, мы будемъ заниматься вмѣстѣ и увидимъ, чего можно ожидать отъ васъ. Если вы найдете эти занятія не соответствующими вашимъ силамъ, можете оставить мѣсто и свободно распоряжаться собой. Согласны?

— Оставить Слѣшневыхъ мнѣ тяжело и больно.

— Покориться надо необходимости. Вы постоянно будете съ ними видѣться.

— Совсѣмъ не то. Эхъ ты, забубенная головушка! Лавровъ ударилъ себя по головѣ.

— Надо-же чѣмъ-нибудь рѣшить.

— Вижу. Рѣшеніе-то окончательное. Тянуть меня сильно и въ ту, и въ другую сторону, — не знаю, на которую сторону склониться, такъ я привязавъ къ нимъ и люблю ее. Эхъ, Федя! Смотри, какъ-бы не порвалось у тебя чего отъ этой натуги! сказалъ Лавровъ и задумался.

XI.

Мѣсяцъ прошелъ незамѣтно за дѣломъ. Лавровъ уже много разъ ѣлъ дичь собственной стрѣльбы, обзавелся ружьемъ большимъ сетеромъ; на огромномъ хозяйственномъ планѣ имѣнія Куности онъ распоряжался, какъ хорошій землемѣръ и бойко отбивалъ десятины.

Ну, Рыжикъ, оставайся умникомъ дома; въ гости

братъ тебя не годится, хотъ ты и хорошій товарищъ, говорилъ Лавровъ, лаская своего сетера. Онъ одѣлся и отправился въ Слѣпневу.

Съ радостью встрѣтили Слѣпневы прїѣхавшаго Лаврова, который бодрился и старался казаться веселымъ и беззаботнымъ. Онъ какъ разъ попалъ къ завтраку. За завтракомъ шелъ обыкновенный разговоръ про Гвоздева, дѣла и хозяйства. Послѣ завтрака Елена ушла; остались только хозяинъ съ товарищемъ.

— Прощай, братъ Николай, подавь руку Слѣпневу; говорилъ Лавровъ, глаза его увлажились слезами.—Эхъ! не выдержалъ! произнесъ онъ тихо.

— Рѣшился? спросилъ, едва сдержавшись отъ слезъ, Слѣпневъ.

— Все кончено, сказалъ Лавровъ и обнялся съ товарищемъ. Онъ поцѣловалъ его и намѣревался уйти.

— Что ты? Куда бѣжишь?

— Уйти, пока нѣтъ барыни, чтобы не показаться въ ея глазахъ бабой.

— Лучше развѣ сдѣлаешь, когда, не простившись, уйдешь.

— Знаю, что не хорошо. А если заплачу? говорилъ Лавровъ, глотая слезы.

— И она поплачетъ. Успокойся. Не отпущу тебя до ночи.

— Будто хорошо и сдѣлаешь. Дальнїе проводы, лишнїя слезы. Будемъ мы цѣлый день сидѣть насупившись.

— Отчего? Не на край свѣта уѣзжаешь. Жить будемъ близко другъ съ другомъ и часто видѣться. Мнѣ надо потолковать съ тобой. Пойдемъ въ кабинетъ.

Товарищи вошли въ кабинетъ; Слѣпневъ сѣлъ у письменнаго стола, а Лавровъ противъ его. Слѣпневъ вынулъ изъ стола пакетъ и вертѣлъ его въ рукахъ.

— Вотъ твой капиталъ, сказалъ Слѣпневъ, подавая пакетъ Лаврову.

— Не отравляя разлуки, возразилъ Лавровъ, отклоняя пакетъ рукою.

— Слушай, братъ, я тебѣ вотъ что скажу. Все имѣніе и богатство я не считаю своимъ—и веду дѣло такъ, что если-бы кто потребовалъ отъ меня отчета, я далъ бы его въ каждой копейкѣ. Если случится, чего не дай Богъ, что прежде меня умретъ жена, я уйду изъ дому въ одномъ сертугѣ и ни гроша не возьму, хотя-бы накопилъ тысячи. Я никогда не считалъ и не буду считать своимъ то, что не принадлежало мнѣ. Поэтому, при всемъ моемъ желаніи сдѣлать тебѣ подарокъ я не могу; я собственности не имѣю. Ты женишься и деньги эти принадлежать не тебѣ, а твоей семьѣ, будущимъ дѣтямъ. Ты заработалъ ихъ; если-бы не было тебя, я долженъ былъ-бы взять помощника и ему платить жалованье гораздо еще больше и пожалуй еще обокралъ бы, какъ Шмуль. Теперь понимаешь? Если ты не возьмешь этихъ денегъ, обидишь кровно; тогда дѣйствительно мы разстанемся на всегда. Отказъ твой будетъ темнымъ пятномъ на моей совѣсти и въ моей счастливой жизни, сказалъ Слѣпневъ и снова подаль пакетъ товарищу.

Лавровъ молча взялъ пакетъ и сунулъ въ карманъ. Долго сидѣли товарищи молча.

— Когда-же свадьба? спросилъ Слѣпневъ.

— По мнѣ хоть завтра. Тамъ все тянутъ, отвѣтилъ Лавровъ.

— Неторопи.

— Еслибы тянули время изъ-за дѣла, а то все привередничаютъ. Дѣвичники, да бани, затѣи разные.

— Для тебя оно пустяки; но для нихъ имѣетъ важное значеніе. Ты, пожалуйста, со всею точностію соблюдай свадебные обряды; твоя жена серьезно будетъ огорчена, если ты выкажешь неуваженіе въ ихъ обрядамъ.

— Вина имъ куплено въ-волю, пусть гуляютъ на здоровье.

— Мы изъ церкви всё въ тебѣ прїѣдемъ не на долго, что бы не стѣснять своимъ присутствїемъ.

— Не люблю я этихъ церемонїй, очень безсмысленны: но дѣлать нечего, потерпѣть надо.

Позвали обѣдать.

На берегу рѣки Тудера, у самой опушки лѣса, прїютился небольшой деревянный домикъ съ кутнымъ дворомъ. Крыльцо со двора вело въ свѣтлую комнату, убранную просто, но опрятно. Въ порядкѣ разставленная мебель была березовая, три окна, заставленные цвѣтами, выходили на полдень. У образа теплилась лампада. Въ выдвинутомъ ящикѣ изъ комода разбирала молоденькая, красивая женщина въ ситцевомъ сарафанѣ. Въ другой комнатѣ, рядомъ съ этой, стояла двуспальная кровать за ситцевыми занавѣсками; противъ нея на стѣнѣ было развѣшено оружіе, ружья, пистолеты, пороховницы, дробницы, охотничья сумка и рогъ. Налѣво дверь вела въ кухню, а у двухъ оконъ стоялъ столъ, подъ столомъ лежалъ рыжїй сетерь, а у стола стоялъ Лавровъ въ ситцевой рубахѣ на выпускъ, въ триковыхъ шароварахъ и высокихъ сапогахъ. Онъ съ карандашомъ въ рукѣ отмѣчалъ что-то на большомъ планѣ.

— Дуня, спой, сказалъ Лавровъ.

Дуня, стоявшая у комода, заплѣла своимъ звонкимъ альтомъ:

«Ты разбестїа камаринскїй мужикъ».

Лавровъ вскочилъ въ большую комнату и началъ выплясывать. Сетерь бросился къ ногамъ его.

— Прочь съ дороги, гаркнулъ Лавровъ.

— Сетерь поджалъ хвостъ и стремглавъ бросилъ
съ дороги къ порогу.

Дуня захохотала.

— Эхъ! помѣшалъ! сказалъ Лавровъ, остановившись
посреди комнаты.

Дуня продолжала пѣсню.

Лавровъ подхватилъ ее на руки и закрутился съ нею
по комнатѣ.

Богословскій.

ВОСПОМИНАНІЯ

ІЗЪ Кавказской военной жизни.

Разсказъ 3-й.

Прїѣздъ въ станицу Лабинскую. Замѣтная перемена въ дисциплинѣ казаковъ. Петръ Аполлоновичъ Волковъ. Войсковой старшина Потановъ. Назначеніе меня судебнымъ слѣдователемъ. Знакомства и охота. Стихи къ князю Воронцову и письмо его ко мнѣ. Спасеніе мною изъ огня дѣвочки-казачки Ольги Шелутяной. Значеніе приближенныхъ къ начальнику. Переводъ мой во 2 Волгскій казачій полкъ. Новыя начальники. Султанъ Казы-Гирей и Е. П. Чорба. Назначеніе меня сотеннымъ командиромъ. Знакомство мое съ полковникомъ М. П. и генераломъ В. Д. Иловайскими. Командировка въ г. Моздокъ и возвращеніе оттуда. Мой штрафъ, съ переводомъ въ Ставропольскій егерскій полкъ. Курсы на водахъ въ Пятигорскѣ. Новыя знакомства. Рукавишниковы. Веретенниковы. Н. А. Грибоѣдова. Моя первая любовь. Похищеніе актрисы Гончаровой. Прощаніе съ В. Д. Иловайскимъ и мой отъѣздъ изъ Пятигорска. Явка въ новый полкъ. Странбургскій Маркіяновичъ. Моя докладная записка князю Воронцову. Мюдусевскій, Бочкинъ. Бомбардировка Бочкинымъ дома Потанова, въ станицѣ Вознесенской. Судъ поной, П. А. Волкова. Назначеніе меня начальникомъ команды пластуновъ.

Станица Лабинская, гдѣ находился Штабъ 2-го Лабинскаго казачьяго полка, была разстояніемъ отъ мѣста прежняго моего жительства около 500 верстъ. Мнѣ выдано было открытое предписаніе на взиманіе обывательскихъ лошадей, безъ платы прогоновъ, по казачьимъ станицамъ. Погода въ то время стояла хорошая, грязи не было, а потому путь въ станицу Лабинскую тянулся

недолго. Хотя я ѣхалъ только днемъ, а на ночь, обыкновенно, останавливался на отдыхъ, но и при такой медленности, поѣздка продолжалась только семь дней.

Добѣхавъ до Прочно-овопской станицы, на р. Кубани, для безопасности моего дальнѣйшаго слѣдованія, давался при подводѣ конвой и, такимъ образомъ, я въ одинъ день проѣхалъ изъ Прочно-овопа, черезъ Урупскую и Чамлыкскую станицы, въ Лабинскую. Здѣсь я по всей дорогѣ уже встрѣчалъ не то чинопочитаніе, которое существовало въ прежнемъ моемъ полку. Дисциплина, уваженіе къ офицерскому званію были развиты въ этихъ казачьихъ полкахъ, можно сказать, наравнѣ съ регулярными войсками. Видя это, мнѣ стало какъ-то веселѣе, какъ-будто я переѣхалъ въ другой міръ, или сталъ жить совершенно другою, новою для меня, жизнью.

Я начиналъ понимать, что и я что-нибудь значу на свѣтѣ, что заслуженное мною званіе офицера имѣетъ свое значеніе и свои привилегіи.

Различіе это происходило вслѣдствіе привилегій, дарованныхъ Гребенскому казачьему полку еще Императоромъ Петромъ Великимъ.

Казачи эти, при патріархѣ Никонѣ, вслѣдствіе раскола, бѣжали изъ Россіи и завосвали себѣ мѣсто, для поселенія, на рѣкѣ Терекѣ. Существующіе между ними рассказы передаютъ за достовѣрное, будто Императоръ Петръ Великій лично пріѣзжалъ въ станицу и выдалъ имъ свою царскую грамоту, которая хранилась у нихъ даже въ то время, въ которое я служилъ между ними. Мнѣ въ то время очень хотѣлось прочесть ее, но нельзя было, по непріятнымъ отношеніямъ моимъ къ мѣстному начальнику. Такъ-какъ казаки пользовались дарованными имъ привилегіями, совершенно въ духѣ вольности, которою они дорожили, какъ святынею, то подобное чувство, переходя изъ рода въ родъ, естественно, сохранилось въ ихъ кругу и въ то время, въ которое мнѣ пришлось жить между ними. Да и начальство не принимало, съ своей стороны, мѣръ къ уничто-

женію, сохраняемыхъ ими изстари, патріархальныхъ обычаевъ, въ виду ихъ необыкновеннаго мужества и храбрости въ дѣлахъ съ горцами. И дѣйствительно, имя этого казачьяго полка пользовалось по цѣлой Россіи самую громкою извѣстностью.

Всякій, чувствуя себя героемъ и, вслѣдствіе дарованныхъ привилегій, вольнымъ казакомъ, не придавалъ никакого значенія чинамъ, которые иногда давались и не за военныя отличія.

Приѣхавъ въ станицу Лабинскую, я потребовалъ, по отводу, квартиру. Дома въ ней были устроены иначе. Обыкновенно домъ имѣлъ двѣ комнаты, съ входными, по серединѣ, сѣнцами. Для офицеровъ всегда отводилась отдѣльная комната, которая отъ хозяевъ была совершенно отдѣлена.

Лабинская кордонная линія устраивалась въ то время вновь.

Начальникомъ кордонной линіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, и моимъ бригаднымъ командиромъ, былъ въ то время полковникъ, Петръ Аполлоновичъ Волковъ. По прибытіи моемъ, я обязанъ былъ ему представиться, такъ-какъ онъ былъ главнымъ моимъ начальникомъ. Лабинскій полкъ былъ въ то время раздѣленъ на два полка: 1-й и 2-й; но главное начальство оставалось всецѣло въ лицѣ бригаднаго командира, отъ котораго и зависѣло во всемъ дѣйствительное распоряженіе; командиры - же полковъ, 1-го и 2-го, имѣли только чисто номинальное значеніе, и отъ нихъ даже ровно ничего не зависѣло. — Командиромъ 2-го Лабинскаго казачьяго полка считался войсковой старшина Потаповъ, который имѣлъ постоянное мѣстопробываніе въ станицѣ Вознесенской. Ему въ то время было подъ 70-ть лѣтъ и потому, естественно, по лѣтамъ своимъ, не соответствовалъ той должности, на которой онъ находился, можетъ быть, изъ уваженія къ его заслугамъ и добросовѣстной службѣ, но, легко можетъ быть, «вопреки его собственному желанію». Во все время я не видѣлъ его ни одного раза ѣхавшаго

верхомъ, да и, по его преклонной старости, трудно было отъ него и требовать что-либо подобное. Но Потаповъ, какъ я послѣ убѣдился, былъ человѣкъ честный и благородный. На другой день, по прїѣздѣ моемъ въ ст. Лабинскую, я представлялся полковнику Волкову, и на душѣ моей сдѣлалось какъ-то свѣтлѣе, встрѣтивъ внимательный и радушный прїемъ. Мнѣ тотчасъ-же бросилась въ умъ рѣзкая разница съ прїемомъ, сдѣланнымъ мнѣ прежнимъ моимъ начальникомъ, неблагоклоннымъ маіоромъ.

Петръ Аполлоновичъ встрѣтилъ меня очень вѣжливо и объявилъ, что я останусь на службѣ въ станицѣ Лабинской. У него каждое слово дышало искренностью, добротою и отеческимъ вниманіемъ къ своему подчиненному. Непродолжительный разговоръ его со мною произвелъ на меня самое благоприятное впечатлѣніе. За два года службы, я въ первый разъ услышалъ ласковое слово отъ своего начальника. И нельзя себѣ представить, какимъ благодареніемъ я считалъ это для себя. Я вновь ожилъ, во мнѣ вновь воротились юношескія идеальныя надежды и радужныя грезы. Я забылъ всѣ непрїятности и оскорбленія, успокоился душою и сердцемъ.

Полковникъ Волковъ, чрезъ нѣсколько дней, назначилъ меня исправляющимъ должность судебного слѣдователя, а кромѣ того, я несъ и обязанности строевой службы.

Мнѣ препроводили для производства до двадцати слишкомъ слѣдственныхъ дѣлъ, и я съ рвеніемъ принялся за исполненіе возложенной на меня обязанности.

Дѣла, всѣ до одного, были уголовнаго свойства, въ производствѣ которыхъ я опытности еще не приобрѣлъ. Мнѣ только что минуло 20 лѣтъ отъ роду. Статей закона не читалъ, да и не имѣлъ о нихъ ровно никакого понятія, а потому, сознаюсь, пришлось вновь учиться этому искусству. Но для меня это не составило особеннаго труда. Я досталъ у секретаря полковаго правленія необходимыя своды уголовныхъ законовъ, прочелъ ихъ со внима-

ніемъ, выписалъ изъ нихъ, что считъ необходимымъ, и сталъ дѣйствовать, не хуже другихъ, чему служить доказательствомъ то, что во все время исполненія мною обязанности судебного слѣдователя я не получилъ по дѣламъ ни понужденія, ни замѣчанія или выговора. Мнѣ приходилось ѣздить, по слѣдственнымъ дѣламъ, и въ другія станицы для допросовъ, или для производства повального обыска.

Словомъ, жизнь моя потекла въ той дѣятельности, которую я просилъ прежде и въ чемъ мнѣ такъ упорно отказывали. Въ станицѣ Лабинской я нашелъ хорошей и порядочной кругъ знакомства, много было привомадированныхъ офицеровъ, изъ кавалерійскихъ полковъ, братья Шпавовскіе, Казадѣвы, Чугаевичъ, Ерещенко, Бунинъ и другіе. Кромѣ того, постоянными жителями въ ст. Лабинской были два инженера—В. Н. Шатиловъ и Шателенъ, у которыхъ на квартирѣ обыкновенно собиралось общество, болѣе развитое. Въ ней былъ и госпиталь, смотрителемъ котораго былъ старичекъ, добрый Лука Лукичъ Христинъ. Наконецъ, тамъ-же жилъ и комиссіонеръ Добровальскій, слывшій у всѣхъ подъ эпитетомъ «добрѣйшій», и воинскій начальникъ майоръ Чирецъ; однимъ словомъ, въ то время скучать было невозможно, и скучно могло быть только тому, кто чуждался общества. У Петра Аполлоновича Волкова я бывалъ только по дѣламъ, касающимся службы, но не былъ приближенъ какъ домашній знакомый, такъ какъ, въ знакомствѣ этомъ, всегда принималось въ расчетъ разстояніе, существующее между начальникомъ и подчиненнымъ.

Но, не смотря на это, я отъ души полюбилъ этого добраго и благороднаго своего начальника, и благословлялъ судьбу, оглянувшуюся на мое положеніе, и представившую мнѣ счастливый случай служить подъ его начальствомъ. Въ свободное отъ службы время, я участвовалъ иногда въ предпринимаемыхъ охотахъ на крупныхъ звѣрей, какъ-то: кабановъ, оленей и козъ, которыми изо-

биловали въ большомъ количествѣ оба берега рѣки Лабы, покрытые хорошимъ, даже строевымъ, лѣсомъ.

Весною-же и лѣтомъ я любилъ охоту на перепеловъ, которыхъ ловилъ въ большомъ количествѣ. Обычно, я выѣзжалъ на эту охоту верхомъ, останавливался въ густой травѣ, распускалъ надъ собою и лошадью сѣть, и, посредствомъ особо устроенной дудочки, производилъ звукъ, подобный голосу перепела, на который сбѣгалась эта птица, и когда я видѣлъ это, то трогалъ свою лошадь. При первомъ движеніи лошади, испуганныя перепелки подымались летѣть къ верху и обыкновенно запутывались въ раскинутой сѣти.

Когда человекъ бываетъ въ расположеніи духа, у него дѣлается какъ-то легко на душѣ и при этомъ являются разныя фантазіи. Я въ молодыхъ лѣтахъ, еще въ корпусѣ, обладалъ стихотворческимъ жаромъ и писалъ, еще бывши въ немъ, небольшія стихотворенія. Профессоръ словесности В. Т. Плавсинъ всегда оставался доволенъ моими произведеніями и постоянно отмѣчалъ мнѣ, по русскому языку, полные баллы, т.-е. 12.

Будучи доволенъ своимъ положеніемъ, и желая по дѣлиться съ другими, чувствами радости, по случаю перемѣны жизни моей, мнѣ пришла фантазія испробовать свой поэтическій талантъ, и я написалъ въ стихахъ оду, на взятіе укрѣпленнаго аула Салты, которую посвятилъ князю Воронцову, къ 8 ноября, дню его ангела. Этимъ трудомъ я полагалъ напомять ему какъ о себѣ, такъ и о томъ, что, въ настоящемъ своемъ положеніи, мнѣ уже не дѣлаютъ притѣсненій, и живетъ гораздо лучше, чѣмъ въ прежнее время.—Я имѣлъ честь получить отъ него письмо слѣдующаго содержанія: М. Г. А. В. Письмо Ваше, со вложеніемъ оды, на взятіе укрѣпленія Салты, я съ удовольствіемъ получилъ. Благодарю отъ всей души за тѣ чувства, которыя побудили васъ посвятить мнѣ трудъ этотъ, столь одобрительно свидѣтельствующій какъ о достойномъ направленіи способностей вашихъ, такъ равно и о полезномъ употребленіи сво-

боднаго отъ служебныхъ занятій времени. Примите и проч. Признаюсь, когда я получилъ это письмо, предѣламъ моей радости, кажется, не было конца; получить любезное письмо, молодому корнету, и отъ кого-же—отъ Намѣстника Кавказа, какъ это было лестно, для молодого юношескаго самолюбія. Въ то время, я считалъ выраженіе во мнѣ подобнаго лестнаго вниманія за чистую монету и не понималъ еще приемовъ утонченной вѣжливости, и того самообольщенія, которое приводитъ человѣка въ заблужденнымъ понятіямъ объ истинныхъ способностяхъ своихъ дарованій.

Я хорошо сознавалъ, что пріобрѣтенныя мои знанія, въ искусствѣ поэзіи, ограниченны и совершенно недостаточны; но понималъ хорошо и то, что нѣкакое, самое хорошее, ученіе не въ состояніи прибавить человѣку дарованій, которыми не одѣлила его природа.

Ода моя, ввязю Воронцову, написана была довольно удачно; главными темами фигурировали въ ней два эпизода изъ исторической эпохи—битва подъ Браономъ въ 1814 году и взятіе крѣпости Варны въ 1829 году.

Взятіе укрѣпленнаго аула Салты, передъ такими событіями, имѣло въ одѣ моей совершенно маловажное значеніе. Стихи мои были написаны 4-хъ-стопнымъ ямбомъ и, въ общемъ, выражали идею удивленія моего въ подвигахъ князя. Я не видѣлъ въ глаза еще князя Воронцова; но изъ разсказовъ товарищей, а также вспоминая читанные мною историческіе факты, я видѣлъ въ немъ идеалъ всего возвышеннаго и прекраснаго, и не допускалъ, въ умѣ своемъ, мысли, чтобы подобное лицо позволило сдѣлать кому-нибудь притѣсненіе или несправедливость.

Серьезныхъ военныхъ дѣйствій, на правомъ флангѣ, въ то время не было. Вся дѣятельность сосредоточивалась на прочномъ устройствѣ новой кордонной линіи, на р. Лабѣ. Всѣ дѣла съ непріателемъ ограничивались самообороной, а потому необходимо было дожидать случая, чтобы оказывать какое-нибудь военное отличіе.

Рѣдко когда случалось, что прорвутся воровскія неприятельскія партіи, собственно для угона скота, которыя при тревогѣ, сейчасъ-же скрывались обратно, избѣгая всякой огнестрѣльной стычки. Во время службы моей, во 2 Лабинскомъ казачьемъ полку, мнѣ только два раза пришлось участвовать въ подобныхъ тревогахъ, и обыкновенно, въ сумеркахъ, мы догоняли хвостъ отступавшей хищнической партіи. А такъ-какъ, по случаю наступавшей ночи, всякое дальнѣйшее преслѣдованіе становилось опаснымъ, то мы считали всегда за самое благоразумное возвратиться поскорѣе домой, для отдыха.

Впрочемъ, и за эти труды дѣлались представленія за отличіе къ наградамъ; но ими, обыкновенно, пользовались не мы грѣшныя, а особенные счастливые избранники, то-есть лица, непосредственно приближенныя къ начальству. И это признавалось настоящимъ порядкомъ вещей, и никто не заявлялъ, по этому случаю, никакихъ неудовольствій.—Весною, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, случился пожаръ. Загорѣлась изба казака, крытая соломой. Стояло сухое время, и въ нѣсколько минутъ весь домъ былъ объятъ пламенемъ. Я находился случайно вблизи пожара, и потому явился при самомъ его началѣ. Домъ былъ запертъ, и ставни въ немъ затворены желѣзными болтами. Былъ-ли кто въ немъ? было неизвѣстно. Ломать двери, запертыя на замокъ, не рѣшались. Въ это время прибѣгаетъ къ намъ женщина-казачка, съ криками, «ради Христа, спасите, подъ окномъ оставленъ мною грудной ребенокъ» и она указала при томъ на окно; «ради Бога, спасите его»—Видя, что никто не обращаетъ вниманія на раздрающіе вопли матери, я схватился за багоръ, бывшій въ рукахъ у стоявшаго подлѣ меня казака, и мгновенно отодралъ вмѣстѣ съ нимъ оконный ставень. Потомъ мы вмѣстѣ выдернули оконную раму, въ которую повалилъ тотчасъ чернѣй, густой дымъ. Но несмотря на это, я, не помня самого себя, вскочилъ въ окно, затаилъ на время дыханіе и тотчасъ-же спустился въ комнату. На счастье мое, я ощу-

паль лѣвою рукою что-то мягкое; схвативъ его, и плотно прижавъ руками къ груди, я повернулся обратно къ окну, ища въ окнѣ струи свѣжаго воздуха; дымъ обончательно душилъ меня. Послѣ этого я потерялъ всякое сознание. Очнулся я уже на квартирѣ, въ своей постели, подлѣ которой сидѣлъ докторъ. Очнувшись, я сначала не понималъ своего положенія, и старался припомнить, что со мною случилось. На вопросъ во мнѣ доктора о томъ, какъ я себя чувствую, я отвѣчалъ тоже вопросомъ: «Скажите, докторъ, ради Бога, скорѣе спасли ли ношу, которую я держалъ у груди, и что обязалось въ ней».

Въ сильномъ дыму я не могъ разсмотрѣть, что схватилъ, и мысль, что я жертвовалъ собою, для спасенія какаго-нибудь пустого хлама, тревожила меня. Докторъ отвѣчалъ мнѣ: «успокойтесь, въ этой ношѣ было завернуто дитя, кажется, дѣвочка. Васъ вытащили изъ окна багромъ, которымъ ловко зацѣпили за вашу кожаный, ременной поясъ. Къ дому подойти было невозможно, и вы поэтому упали изъ окна, но счастливо на спину, держа въ рукахъ ношу. Нѣсколько багровъ оттащило васъ, въ одно мгновеніе, изъ опасности, и вы были тотчасъ облиты холодной водой. Ноша была передана матери, но, къ сожалѣнію, дитя оказалось безъ чувствъ, и неизвѣстно, возвратилось ли оно къ жизни. Васъ принесли сюда на рукахъ, и вотъ скоро два часа, какъ я тружусь привести васъ въ сознание. Какъ вы себя чувствуете?»

«Кажется, хорошо, только во мнѣ какая-то слабость, какъ-будто упадокъ силъ, отвѣтилъ я». Ну, это еще слава Богу, отвѣтилъ докторъ; вамъ теперь необходимо спокойствіе, вы должны оставаться въ постели не менѣе двухъ сутокъ, а тамъ далѣе посмотримъ, что нужно будетъ предпринять для васъ. Но успокоиться я не могъ, меня интересовала судьба вытащенной мною дѣвочки. Мнѣ, во что-бы то ни стало, хотѣлось вернуть ее къ жизни. Для чего я жертвовалъ собою?

неужели для того, чтобы только изменить родъ смерти? Подобная мысль не давала мнѣ покоя, я тогда обратился въ доктору съ словами: я вамъ весьма благодаренъ, докторъ, за оказанную мнѣ помощь, но я не могу оставаться спокойнымъ и въ неизвѣстности, что сдѣлалось съ дѣвочкой?—Чего же вы желаете? спросилъ меня докторъ.—Я желаю только знать, жива-ли она, и есть-ли какая-нибудь надежда для ея спасенія?—Я васъ сейчасъ успокою, отвѣчалъ докторъ, но только подъ условіемъ, что вы должны оставаться въ постели и, ни въ какомъ случаѣ, не оставлять ее, впредь до моего въ вамъ возвращенія.—Я далъ ему честное слово, и докторъ ушелъ отъ меня. Тревожно было мое ожиданіе доктора; минуты казались мнѣ часами, и душу мою томило чувство сомнѣнія. Я готовъ былъ самъ вскочить съ постели и бѣжать; мнѣ важется, нѣтъ ничего мучительнѣе на свѣтѣ для человѣка чувства нетерпѣнія и любопытства, особенно, въ возбужденномъ состояніи нервовъ. Теперь только я сталъ припоминать, въ какомъ состояніи я бросился на спасеніе ребенка. На мнѣ была надѣта череска, въ которой было съ каждой стороны по десяти хозырей, наполненныхъ зарядами пороха и заткнутыхъ пулями; кромѣ того, за поясомъ былъ заткнутъ заряженный пистолетъ. Какимъ образомъ все это не вспыхнуло въ той нестерпимой жарѣ, которую я чувствовалъ, когда лѣзъ въ окно?—Я позвалъ деньщика Андрея и приказалъ ему, показать мнѣ бывшую на мнѣ, во время пожара, череску. Онъ принесъ и показалъ мнѣ ее.—Она была въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разорвана, вѣроятно баграми, въ то время, когда меня самого вытаскивали изъ окна. Кожа-же, по обѣимъ сторонамъ груди, въ которую вкладывались хозыри, съ порошкомъ и пулями, вся сморщилась, то-есть начинала тлѣть, отъ охватившей меня жары, вслѣдствіе которой я потерялъ чувства, и обязанъ спасеніемъ моменту, въ который я обратно опрокинулся на окно.—Наконецъ, возвратился мой докторъ и объявилъ, что, слава Богу, есть небольшая на-

дежда на выздоровленіе спасенной мною дѣвочки, и при этомъ сказалъ: я узналъ, что ее зовутъ Ольгою, а родителей фамилія Шелуткины. Я поблагодарилъ доктора, но тотчасъ-же позвалъ деньщика Андрея и, давъ ему десять рублей, приказалъ ему, тотчасъ-же отвести эти деньги несчастнымъ погорѣльцамъ. Здоровье мое стало быстро восстанавливаться, и черезъ два дня я уже могъ встать, и первымъ долгомъ счелъ отправиться къ Шелуткинымъ.

Домъ ихъ и все, заключавшееся въ немъ, имущество сгорѣло до гла, и они помѣстились на дворѣ, въ нарочно устроенномъ, на скорую руку, шалашѣ. Время стояло сухое и теплое и, конечно, не могло дѣйствовать такъ губительно на здоровье больной дѣвочки; но дорожа ея выздоровленіемъ, я наналъ у ихъ сосѣда отдѣльную комнату и уговорилъ родителей перебраться туда на жительство.—Нѣкоторые изъ моихъ товарищей настаивали, чтобы я о происшествіи этомъ подалъ формальный рапортъ, такъ-какъ по закону я долженъ былъ получить за то медаль, за спасеніе погибавшихъ; другіе-же не находили въ этомъ дѣлѣ никакого съ моей стороны подвига, потому что ребенокъ лежалъ подлѣ самаго окна, и для меня не было труда отыскивать его, что если-бы и они знали, что ребенокъ лежалъ такъ близко, то всякій-бы изъ нихъ легко совершилъ подобный пустой, по ихъ мнѣнію, подвигъ.

При подобныхъ сужденіяхъ, возможно-ли человѣку заявлять, формальнымъ рапортомъ, о томъ, что ему слѣдуетъ, по закону, награда?

Конечно, самому выставять себя на показъ было весьма прискорбно для моего самолюбія, да и откровенно скажу, что я хотя былъ еще и молодъ, но подобная награда (медаль за спасеніе погибавшихъ) въ моихъ глазахъ, не имѣла особенной цѣны. Для меня дороже была мысль, что я спасъ человѣческую жизнь, не изъ личнаго тщеславія или полученія за то должной награды, но собственно изъ сознанія истинной любви своего ближ-

наго. И, чтобы доказать, что въ этомъ случаѣ не руководило мною честолюбіе, я рѣшительно отказался отъ подачи всякихъ заявленій. Начальство-же мое, при возникшихъ объ этомъ дѣлѣ разговорахъ, отвѣчало обыкновенно, что оно не виновато—дѣтя не плачуть, мать не разумѣть.

Такъ это дѣло и умерло, но не умерло и жива по настоящее время Ольга, окруженная взрослыми ужъ дѣтьми. Я описалъ этотъ случай какъ доказательство, что полученіе наградъ нерѣдко зависѣло прямо отъ произвола начальника, а болѣе всего отъ протекціи окружающихъ его приближенныхъ лицъ. Слѣдовательно, необходимо было стараться, прежде всего, заслужить ихъ благосклонность. Но я не понималъ подобной зависимости, не пользовался, да и не искалъ никогда заслужить благосклонности; между тѣмъ, дальнѣйшая моя житейская опытность доказала, что въ этихъ-то самихъ людяхъ и заключается главный ключъ. Въ нихъ-то и заключается вся суть.

Во всѣхъ, закулисныхъ интригахъ начальнивъ иногда не бываетъ виновать, какъ выражаются, ни тѣломъ, ни душою.

Начальнивъ, иногда безъ всякаго сознанія, подписываетъ вашъ приговоръ, только собственно потому, что приближенными ловко подведены подлежащія статьи закона.

Незнаніе подобныхъ закулисныхъ интригъ, особенно для молодого человѣка, служить гибелью не только его служебной карьеры, но иногда и всей его жизни. Подпавши нѣсколько разъ подъ оцалу начальника, вслѣдствіе иногда простой ошибки, а иногда, просто, даже по наговору, человѣкъ этотъ теряетъ всякое значеніе, и нужно много имѣть силъ для моральной борьбы съ этими закулисными властителями жалкой человѣческой судьбы. Я вывожу изъ этого заключеніе, что человѣку самая необходимая наука состоитъ въ изученіи характеровъ жизни и интригъ людей, и всѣхъ происходящихъ

между ними житейскихъ столкновеній. Только при подобномъ знаніи, человекъ въ состояніи принести, если не обществу, то себѣ существенную пользу.

Но ни одинъ смертный еще не изобрѣлъ подобной науки, а черезъ ея незнаніе, много еще на свѣтѣ окажется страдающихъ невинныхъ жертвъ, особенно въ рядахъ молодого, бѣднѣйшаго класса. Всякому извѣстно, что ничто такъ не убиваетъ энергію молодыхъ силъ, какъ несправедливыя обиды и награды не по достоинству сдѣланныхъ заслугъ. При несправедливости,—энергія окончательно замираетъ, при полученіи незаслуженной награды,—энергія проявляется въ оппозиціи.

Въ первыхъ числахъ августа я неожиданно получаю предписаніе, съ полученія сего, тотчасъ-же, отправиться во 2-й Волгскій казачій полкъ, въ который зачисленъ я Высочайшимъ приказомъ, съ переименованіемъ изъ корнетовъ въ хорунжіи.

Только что началъ жить, какъ слѣдуетъ, только что пріобрѣлъ хорошихъ знакомыхъ и товарищей, нашелъ добраго начальника, который не дѣлаетъ притѣсненій и предоставилъ мнѣ служебное занятіе, меня опять гонять, вопреки моей волѣ и желанію. Непріятно подѣйствовалъ на меня этотъ переводъ. Но что дѣлать? волѣ начальства нельзя не повиноваться. Хотя было прискорбно разставаться съ мѣстомъ, въ которому я привыкъ, и гдѣ мнѣ жилось такъ весело, но я принужденъ былъ уѣхать.

Штабъ полка былъ расположенъ въ станицѣ Есентукской, на рѣкѣ Поддумеѣ,—туда я и пріѣхалъ, 8-го августа.—Бригаднымъ моимъ командиромъ былъ Полковникъ Султанъ Казы-Гирей, а полковымъ Войсковой Старшина Григорій Ивановичъ Чорба.—Пріѣхавъ на новое мѣсто служенія, я представился, какъ слѣдуетъ, по командѣ.

Пріемъ мнѣ былъ оказанъ самый вѣжливый и благосклонный. Обѣ эти личности оказались людьми честными и благородными, и смотрѣли на меня, молодого

человѣка, снисходительно, и съ должнымъ вниманіемъ, Доказательствомъ этому служить то, что, черезъ нѣсколь-ко дней моего прибытія, я былъ назначенъ командую-щимъ второю сотнею *) казаковъ 2-го Волгскаго казачья-го полка.

Вторая сотня, которую я командовалъ, была распо-ложена въ станицѣ Есентувской. Обыкновенно, коман-дирами казачьихъ сотенъ назначаются есаулы, а пото-му, я никогда не надѣялся, до полученія чина, когда-ни-будь быть командиромъ казачьей сотни. Сдѣланное мнѣ, въ этомъ случаѣ, предпочтеніе передъ другими то-варищами доказывало, что, вѣроятно, меня находили въ тому достойнымъ. Подобное назначеніе, конечно, льсти-ло моему молодому самолюбію, и я употребилъ всѣ свои силы оправдать на дѣлѣ оказанное мнѣ довѣріе.

Въ свободное отъ службы время, я былъ принятьть какъ знакомый у султана Казы-Гирея, а равно и у Гри-горія Ивановича Чорбы.

Такимъ образомъ, я прожилъ въ станицѣ Есентув-ской около двухъ мѣсяцевъ, чрезвычайно довольный своимъ положеніемъ.

Въ это время, въ томъ-же полку, въ станицѣ Горя-чеводской, расположенной, по другой сторонѣ р. Под-кумки, вблизи самого города Пятигорска, между каза-ками, произошли несогласія и замѣшательства.

Наказный Войсковой атаманъ предписалъ назначить самаго лучшаго изъ полка офицера, для командованія казаками, въ станицу Горячеводскую, возлагая на него строгую отвѣтственность, если немедленно не будутъ прекращены происходящіе между казаками беспорядки. Я первый удостоился получить подобную должность и, приказомъ по полку, былъ назначенъ командующимъ 4 сотнею 2-го Волгскаго казачьяго полка. Въ станицѣ Горячеводской былъ расположенъ штабъ Донскаго ка-

---

(* Сотня равняется кавалерійскому эскадрону.)

зачьяго полка, которымъ, въ то время, командовалъ Полковникъ Михаилъ Ивановичъ Иловайскій, съ которымъ я въ то-же время и познакомился.—Онъ принялъ меня чрезвычайно любезно и, видимо, полюбилъ меня. Мнѣ въ то время только минуло 21 годъ.

Въ послѣдствіи, во время пережитыхъ мною несчастій, мнѣ неоднократно приходилось встрѣчаться съ нимъ, и я, не смотря на существовавшую надо мною опалу, постоянно пользовался его добрымъ знакомствомъ и душевнымъ къ себѣ расположеніемъ.

У него-то я познакомился съ его дядей, извѣстнымъ ветераномъ 1812 года, Генераль-Лейтенантомъ Василиемъ Дмитріевичемъ Иловайскимъ, который искренно полюбилъ меня. Вниманіемъ и участіемъ послѣдняго я пользовался почти до самой его смерти, во все время несчастій моихъ на службѣ.

Имя Василя Дмитріевича Иловайскаго я вспоминаю всегда съ благоговѣніемъ. Это былъ человекъ истинно добрый и честнаго рыцарскаго характера. Онъ всегда охотно помогалъ въ нуждѣ своему ближнему, не гордился своимъ званіемъ и высокимъ положеніемъ въ свѣтѣ. Онъ всегда оказывалъ свою помощь втайнѣ, не искалъ за то благодарности и даже никогда не выказывалъ цѣнностей оказываемыхъ имъ благодѣяній. Не смотря на почтенныя свои лѣта, огромное состояніе и пріобрѣтенную извѣстность, по заслугамъ въ отечественную войну 1812 года, онъ былъ не гордъ, а всегда простъ въ обращеніи съ своими знакомыми, одинаково ко всѣмъ внимателенъ, не разбирая лицъ по рангамъ.

Въ это самое время, какъ я поступилъ начальникомъ 4-й казачьей сотни, въ станицу Горячеводскую, Василій Дмитріевичъ пріѣхалъ туда-же, къ племяннику Михаилу Ивановичу, командирѣ Донскаго казачьяго полка. Они занимали самый лучшій въ станицѣ домъ, принадлежащій вдовѣ Войсковаго старшины, Чукѣевой.—Василій Дмитріевичъ пріѣхалъ не одинъ, но за нимъ слѣдовалъ изъ его имѣнія, слободы Дмитріевки, цѣлый

обозъ съ охотниками, при которыхъ было до 600 собакъ, триста борзыхъ и столько-же гончихъ. Разстоянія отъ слободы Дмитріевки до ст. Горячеводской было до 700 верстъ. Охоту предполагалось производить въ лѣсахъ Кабарды. При обозѣ находился домашній хоръ музыкантовъ, а при немъ хоръ цыганъ, съ весьма миловидными цыганками, между которыми выдавалась своею красотой Маша, предметъ страсти полковника, Михаила Ивановича. — Охота эта продолжалась въ Кабардѣ почти два мѣсяца, съ начала ноября и до самого Рождества. Конечно, всѣ свободныя отъ службы лица были приглашены на эту охоту. Здѣсь можно было встрѣтить много аристократическихъ лицъ, такъ-какъ въ числѣ гостей его были даже приближенные и служившіе при князѣ Воронцовѣ. Василиій Дмитріевичъ принималъ всѣхъ на охотѣ одинаково, какъ дома принимаютъ обыкновенно гостей. Для нихъ и въ полѣ было готово все, и столъ, и прислуга, и помѣщеніе, и постели. Даже предлагалась, въ случаѣ надобности, для охоты и верховая лошадь, и всякое оружіе. Днемъ, напившись съ утра чаю, или кофе, что вамъ угодно, обыкновенно, всѣ выѣзжали на охоту въ предназначенное наканунѣ мѣсто. Такъ-какъ день въ это время бываетъ весьма малъ, а охота обыкновенно продолжалась до вечера, то въ полдень, на извѣстное мѣсто, доставлялся прекрасный фриштыгъ, и охотники въ этому времени собирались на завтракъ.

По наступленіи сумерекъ, всѣ охотники пріѣзжали на мѣсто ночлега. Въ огромной палаткѣ былъ сервированъ всегда большой столъ, за которымъ ожидалъ изысканный вкусный обѣдъ, приправленный самыми дорогими заграничными винами, и сопровождаемый музыкою и пѣснями цыганскаго хора. Охота эта оставила по себѣ въ Кабардѣ воспоминаніе на многія лѣта и стояла Василию Дмитріевичу (какъ я самъ повѣрялъ о ней отчеты, по его порученію) до шестидесяти тысячъ рублей серебромъ. Это расходъ безъ обратнаго слѣдованія обо-

за съ собаками, въ слободу Дмитріевку. И вспомнишь, какъ жилось въ тѣ времена весело и привольно! Подобной жизни въ настоящее время не встрѣтить, да она и не мыслима. Вотъ на этой-то самой охотѣ послѣдовало, можно сказать, почти родственное сближеніе между мною и генераломъ Василюмъ Дмитріевичемъ Иловайскимъ. Я привязался къ нему всюю душою, и онъ, съ своей стороны, полюбилъ меня, какъ своего родного. Возвратившись къ Рождеству въ ст. Горачеводскую, на праздникахъ онъ поѣхалъ со мною въ Пятигорскъ, гдѣ предоставилъ мнѣ случай завести знакомство во многихъ семейныхъ хорошихъ домахъ.

Такимъ образомъ, я познакомился съ семействомъ Генерала Петра Александровича Принца, — вдовы генеральши Мерлини, Всеволожскихъ, Верзилиныхъ и другихъ.

Въ то время въ отели Налтаки бывали постоянно собранія, составлялись кавальбанды, и я являлся съ своею сотнею казаковъ, для сопровожденія въ родѣ конвоя, причемъ я обыкновенно устраивалъ джигитовку съ пальбою изъ ружей и разными агробатическими упражненіями на лошадяхъ. Жилось весело и счастливо! — время летѣло быстро и незамѣтно; ближайшее начальство любило меня и оказывало во всемъ мнѣ свое вниманіе и уваженіе. Лучшаго счастья въ жизни я не желалъ. Я такъ былъ доволенъ своимъ настоящимъ положеніемъ, что не рѣшился-бы ни за что промѣнять на другое лучшее. Около года длилась такая счастливая жизнь моя, но она казалась для меня моментомъ счастливымъ, блаженной минутой. Въ мартѣ мѣсяцѣ я получаю предписаніе отъ султана Казы-Гирея немедленно отправиться въ г. Моздокъ и находиться депутатомъ, со стороны казачьяго войска, при слѣдствіи, производимомъ Временнымъ Губернскимъ Отдѣленіемъ по дѣлу о нанесенныхъ побояхъ сыну Войсковаго старшины Венеровскаго нѣмецкими колонистами. Войсковою атаманъ писалъ султану Казы-Гирею, чтобы выбрать изъ цѣлой бригады самаго дѣльнаго и развитаго офицера, которому вмѣнить въ обязан-

ность, строжайшимъ законнымъ образомъ, слѣдить за правильнымъ ходомъ производимаго по тому случаю слѣдствія и о малѣйшихъ упущеніяхъ немедленно доводить до свѣдѣнія его П-ва Войсковаго атамана.

Во всей бригадѣ выборъ палъ прямо на меня, и султанъ Казы-Гирей, въ предписаніи ко мнѣ, писалъ, что онъ вполне надѣется на меня, какъ на честнаго, умнаго и благороднаго офицера, что я съ благоразуміемъ и достоинствомъ оправдаю на дѣлѣ сдѣланный имъ во мнѣ выборъ.

Получивъ это лестное предписаніе, я тотчасъ-же отправился въ г. Моздокъ. Приѣхавъ туда, мнѣ указали квартиру у мѣстнаго водочнаго откупщика, у котораго уже помѣстились на квартирѣ приѣхавшіе на слѣдствіе члены Временнаго Отдѣленія. Хозяинъ-откупщикъ принялъ меня какъ гостя, и я познакомился со всѣми его гостями. Начался вечеръ, а за нимъ бывший въ модѣ преферансъ; я былъ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа. Къ концу вечера, часу въ 12-мъ, вдругъ входитъ мой товарищъ по службѣ, сотникъ Храпаль, и вручаетъ мнѣ запечатанный пакетъ. Я встревожился, дрожащими руками распечаталъ его: мнѣ въ немъ предписывалось: передавъ возложенную на меня обязанность сотнику Храпалю, немедленно возвратиться обратно и явиться къ султану Казы-Гирею, по касающемуся до меня весьма важному дѣлу.

Я отвелъ Храпала въ сторону и просилъ его сообщить мнѣ, что именно такое случилось, и для чего меня потребовали обратно? Храпаль отговаривался совершеннымъ незнаціемъ.—Я простился съ хозяевами и гостями, потребовалъ лошадей, и въ ту-же ночь выѣхалъ обратно въ ст. Есентуевскую.

Приѣхавъ въ Есентуеву, я тотчасъ-же явился къ Султану Казы-Гирею.—Онъ встрѣтилъ меня радушно и ласково, спросивъ при этомъ: скажите, пожалуйста, въ чемъ заключалось ваше дѣло съ Сусловымъ?—Я, не находя въ вопросѣ его ничего для себя предосудительнаго, отеро-

венно разсказать все это дѣло, разъяснивъ, что, прося вниманія къ своему положенію князя Воронцова, я считалъ съ своей стороны непростительною подлостью даже сдѣлать намекъ на дѣло Суслова 24 Мая; я только хлопоталъ собственно о своей самозащитѣ отъ безчеловѣчныхъ и чисто лавейскихъ обвиненій.

Слушая мой разсказъ и зная мои нравственныя правила, въ продолженіи около двухъ лѣтъ службы моей подъ его начальствомъ, султанъ Казы-Гирей подалъ мнѣ свою руку, высказавъ: я вѣрю вамъ. Вашъ разсказъ вы передали мнѣ со всею искренностью, — но противъ васъ, какъ видно, есть сильные враги. Вамъ бороться съ ними невозможно; они дѣйствуютъ противъ васъ властью и именемъ князя Воронцова, а въ подобной борьбѣ вы истратите свои молодыя силы, безъ всякой пользы, и потому, зная васъ, я-бы совѣтовалъ вамъ перетерпѣть, вынести съ достоинствомъ наложенное на васъ испытаніе; я вполне увѣренъ, что это перемелется, забудется, и вы продолжая службу такимъ образомъ, какъ служили у меня, выйдете изъ борьбы побѣдителемъ.

Я спросилъ султана, въ чемъ заключается суть дѣла, и вслѣдствіе чего я вытребованъ былъ имъ обратно?

— Какъ только я командировалъ васъ на слѣдствіе, отвѣтилъ онъ, на другой день я получаю конfirmaцію князя Воронцова, вмѣстѣ съ дѣломъ, произведеннымъ Полковникомъ Ильинскимъ, по жалобѣ вашей на Полковника Суслова. Согласно этой конfirmации, вы перередены на службу, въ Ставропольскій пѣхотный полкъ, а потому я считалъ себя не въ правѣ задержать васъ на слѣдствіи, которое въ производствѣ могло затянуться на долгое время. Я прочелъ со вниманіемъ и живымъ интересомъ дѣло, произведенное Ильинскимъ и былъ пораженъ явной нелѣпостью взведенныхъ на васъ обвиненій. Для меня только удивительно, какимъ образомъ князь Воронцовъ, какъ всѣ говорятъ, человѣкъ просвѣщенный и свѣтлаго ума, не обратилъ должнаго вниманія на подобную бессмыслицу. Не могу допустить мысли,

чтобы онъ самъ читалъ эту конfirmaцію, а между тѣмъ въ такихъ ошибкахъ гибель молодого человѣка, карьеры его службы, а также и участи всей его будущей жизни.

Такъ-какъ я живо сочувствую вашему несчастію, то считаю для себя долгомъ какъ-нибудь помочь этому дѣлу и даю вамъ слово, что употреблю въ тому всѣ свои силы. Я до вашего еще разказа слышалъ, отъ постороннихъ лицъ, о личности Суслова.

Султанъ Казы-Гирей былъ благороднѣйшій и честный человѣкъ, и я всегда дорого цѣнилъ его къ себѣ вниманіе; его совѣты и убѣжденія, высказанные съ такою искренностью, подѣйствовали на меня самымъ благотворнымъ образомъ. Порывъ моего негодованія на жестокую несправедливость смѣнился безропотною поворностью ждать и искать случая къ обнаруженію истины. Добрый султанъ Казы-Гирей долго послѣ того говорилъ еще со мною о разныхъ видѣнныхъ имъ въ своей жизни случаяхъ явной несправедливости, вѣроятно, съ цѣлю успокоить меня. На другой день я отправился въ полковое правленіе и просилъ дать мнѣ для прочтенія конfirmaцію и самое слѣдственное дѣло.

Выписываю слово въ слово штрафъ, занесенный мнѣ въ формулярный о службѣ мой списокъ.

Былъ подъ слѣдствіемъ, по жалобѣ его на командира Гребенскаго казачьяго полка, полковника Суслова, и оказался виновнымъ въ наклонности къ дурнымъ порокамъ, строптивомъ характерѣ, смѣшанномъ съ честолюбіемъ, въ неумѣстныхъ и неприличныхъ выраженіяхъ въ рапортѣ къ полковому командиру; кромѣ] того, навлекъ на себя подозрѣніе въ похищеніи у крестьянина Рязанской губерніи Блоншина 400 рублей 80 копѣекъ ассигнаціями и у казака Котова 65 рублей серебромъ денегъ, но къ изобличенію его по дѣлу доказательствъ не найдено. По рѣшенію Полевого Аудиторіата, арестованъ на мѣсяць, съ выдержаніемъ на гауптвахтѣ, со внесеніемъ штрафа сего въ формулярный списокъ и, согласно мнѣнію Г. Главнокомандующаго отдѣльнымъ кав-

казскимъ корпусомъ, въ 27 день декабря, переведенъ въ Ставропольскій егерскій полкъ, съ подчиненіемъ бдительному надзору ближайшаго его начальства.

Не говоря, что во всемъ обвиненіи видно явное отсутствіе самаго простого логическаго смысла, даже въ приговорѣ находятся постоянныя противорѣчія: *Былъ подѣ слѣдствіемъ по жалобѣ его на Полковника Суслова;* я-же, по своей собственной жалобѣ, подѣ слѣдствіемъ? Человѣкъ приноситъ жалобу, и надѣ нимъ наряжаютъ слѣдствіе, а не надѣ тѣмъ, на кого онъ жалуется! Оказался виновнымъ, но по дѣлу доказательствъ не найдено: гдѣ-же тѣнь логическаго смысла? Далѣе, въ наклонности къ дурнымъ порокамъ, — стало быть, существуютъ хорошіе и удовлетворительные пороки? — Потомъ, въ строптивомъ характерѣ, смѣшанномъ съ честолюбіемъ. Всякій здравомыслящій человѣкъ понимаетъ, что за характеръ и за честолюбіе, безъ преступнаго внѣшняго ихъ проявленія, слѣдствія и суда не можетъ быть. Наконецъ, навлекъ на себя подозрѣніе въ похищеніи денегъ, но къ изобличенію его по дѣлу, слѣдовательно и по означенному обстоятельству, ясныхъ доказательствъ не найдено. Логическій смыслъ прямо опредѣляетъ намъ, что какъ скоро является доказательство, то оно уже само по себѣ ясно. Что-же не ясно, то, конечно, и не признается доказательствомъ и не можетъ носить на себѣ этого названія. Да и какъ понимать смыслъ, навлекъ на себя подозрѣніе въ похищеніи. Если мнѣ-бы вздумалось взвести на кого-нибудь навѣтъ, то неужели его можно поставить вамъ въ вину изъ-за того только, что я имѣлъ желаніе повредить вамъ. Развѣ подобный голословный фактъ, возможно вѣннать въ вину? а тѣмъ болѣе, въ преступленіе и подвергать взыванію?

Затѣмъ, *согласно мнѣнію Главнокомандующаго* (слѣдовательно онъ читалъ всё это), переведенъ въ Ставропольскій егерскій полкъ, съ подчиненіемъ бдительному надзору ближайшаго его начальства. Неужели Ставропольскій непремѣнно полкъ замѣнялъ, въ то время со-

бою, исправительное отдѣленіе, въ которое, обыкновенно по закону, ссылали для исправленія осужденныхъ преступниковъ? Не было-ли въ этомъ случаѣ явнаго оскорбленія какъ чести полка, такъ равно и общества офицеровъ?

Всѣмъ хорошо извѣстно, что занесенный, по какому бы то ни было случаю, штрафъ въ формулярный о службѣ списокъ нивѣмъ не можетъ быть уничтоженъ. Подобное пятно дѣлается неотъемлемою принадлежностью всей вашей будущей службы и цѣлой вашей жизни. Для всякаго понятно, что, если вы ищете себѣ труда или занятій, для насущнаго куска хлѣба, первымъ долгомъ, васъ просятъ показать документъ, а тогда, какой смертный рѣшится васъ принять въ себѣ?

Слѣдовательно, даже по выходѣ въ отставку я былъ лишенъ на всю жизнь возможности приискать себѣ, честнымъ трудомъ, кусокъ хлѣба. Не понятно мнѣ, какимъ образомъ человѣкъ извѣстный, обладавшій, какъ признано всѣми, обширными административными способностями, носившій одинаковый со мною мундиръ, могъ такъ свободно и легко выразить въ этомъ дѣлѣ свое мнѣніе. Въ этихъ случаяхъ обыкновенно оправдываются ошибкой. Но этой ошибкой рѣшена участь цѣлой жизни человѣка, начавшаго только свое существованіе. Подобный приговоръ тягостнѣе мгновенной смерти. Человѣкъ съ сожалѣніемъ убиваетъ необходимое ему для пищи животное, неужели-же для него ничего не значитъ отравить навсегда жизнь своего ближняго? Это не ошибка, это человѣческій грѣхъ, доказывающій черствость человѣческой души.

Это только одно дѣло, обнаруженное и формально доказанное, а если случилось одно, то могло быть и нѣсколько другихъ, оставшихся въ совершенной неизвѣстности!

Разсматривая внимательно препровожденное слѣдственное дѣло, я встрѣтилъ еще одно курьезное обвиненіе меня въ игрѣ съ простымъ народомъ въ орлянку

и орѣхи! а повальнаго-же обыска обо мнѣ общества офицеровъ въ дѣлѣ вовсе нѣтъ.

Словомъ, всё дѣло представляло собою цѣлый сборникъ обвиненій, рѣшительно ничѣмъ не доказанныхъ; не было ни одного факта, подтвержденнаго показаніемъ хоть одного свидѣтеля.

Не смотря на это, на меня наложено не только нравственное, но и физическое наказаніе, *мѣсяцъ содержанія на гауптвахтѣ*. Имѣя въ виду дѣло своего, по полку, товарища, Цесаревскаго - Мильгеринскаго, котораго, за отказъ выдержать наложенный на него арестъ, предали военному суду, приговорившему его къ разжалованію въ рядовые, хотя и была доказана его невинность, имѣя это въ виду, я рѣшился повиноваться и явился къ султану Казы-Гирею, съ вопросомъ, куда я долженъ отправиться на гауптвахту?.. Онъ отвѣчалъ мнѣ: никуда. Вы только для формы, оставьте вашу шапку у меня, а я прикажу отдать приказъ по бригадѣ, что вы арестовываетесь, согласно конфирмаціи, на мѣсяцъ, съ нынѣшняго числа. Но вы можете быть совершенно свободны въ своихъ дѣйствіяхъ и гулять, гдѣ вамъ угодно. Я счастливъ, что хоть этимъ ничтожнымъ одолженіемъ могу облегчить ваше незаслуженное испытаніе.

Я поклонился, поблагодарилъ его, за такое рѣдкое къ себѣ вниманіе и участіе, причемъ подаль ему свою шапку. Взявъ ее, султанъ Казы-Гирей протянулъ мнѣ руку и, пожавъ мою, сказалъ: я знаю, что вы благородный человекъ и не будете на меня сѣтовать за исполненіе долга. Я не вытерпѣлъ и заплакалъ. Невинно обезчещенный, я не просилъ къ себѣ участія, но мнѣ, противъ воли моей, оказываютъ его люди, съ благородной душой и добрымъ сердцемъ.

Теплое чувство благодарности оживляющимъ образомъ дѣйствовало на мое разбитое сердце. Я поблагодарилъ султана за его участіе и вышелъ. Цѣлый мѣсяцъ послѣ того я не выходилъ изъ квартиры, — все обду-

мывая, какимъ-бы образомъ устроить дальнѣйшую свою участь.

Я понималъ, что своимъ появленіемъ буду служить живымъ предметомъ разнорѣчивыхъ толковъ, какъ это всегда случается при началѣ выдающихся происшествій, потомъ съ теченіемъ времени забывающихся.

Ставропольскій полкъ былъ расположенъ на Лабинской линіи, на которой я уже служилъ, гдѣ я имѣлъ много знакомыхъ, и гдѣ, слѣдовательно, могъ не опасаться новыхъ гоненій. Между прежними моими знакомыми, вѣроятно, найдутся люди, которые сочтутъ долгомъ сказать за меня доброе слово.

По истеченіи мѣсяца, я явился къ доброму султану, за полученіемъ обратно своей пашки.

Султанъ, встрѣтивъ меня радушно, сдѣлалъ небольшое замѣчаніе, за то, что я въ продолженіи цѣлаго мѣсяца ни разу не былъ у него, и потомъ, отдавая мнѣ пашку, сказалъ: отъ души желаю вамъ, чтобы подобное испытаніе было послѣднимъ въ вашей жизни.

Не отчаявайтесь, не падайте духомъ; хотя и говорятъ, что нѣтъ правды на свѣтѣ; но, вѣрьте, истина не умираетъ. Подобное безчестіе лежитъ пятномъ на имени того, кто подобнымъ образомъ рѣшился обвинять васъ, но, ни въ какомъ случаѣ, не на вашемъ собственно имени. Для васъ обвиненіе это послужитъ тяжкимъ житейскимъ опытомъ, къ какимъ жестокимъ мѣрамъ прибѣгаютъ иногда сильные люди, рѣшаясь погубить всю жизнь человѣка. Поэтому, мой добрый совѣтъ вамъ, старайтесь служить точно такъ-же, какъ вы служили у меня; начальство увидитъ ошибку, сдѣланную надъ вами, повѣрьте, исправитъ ее и вознаградитъ.

До настоящаго времени остались памятны для меня слова султана Казы-Гирея, они вѣзались въ моемъ сердцѣ. Мнѣ говорилъ ихъ начальникъ-мусульманинъ, у котораго такъ высоко были развиты нравственные чувства. Легко можетъ быть, что онъ-бы высказался еще сильнѣе, но разстояніе, существовавшее въ то время

между рангами начальника и подчиненнаго, не дозволяло ему компрометировать авторитетъ начальства.

Подобнаго добраго вниманія и участія мнѣ не пришлось встрѣчать между всѣми, бывшими до того, моими христіанскими начальниками. Послѣ моего разговора съ нимъ, я попросилъ у него дозволенія поѣхать въ Пятигорскъ, для необходимой новой обмундировки, на что и получилъ разрѣшеніе.

Въ маѣ мѣсяцѣ стали съѣзжаться посѣтителѣ мѣстныхъ минеральныхъ водъ и въ числѣ ихъ пріѣхалъ генералъ Василій Дмитріевичъ Иловайскій. Узнавъ о его пріѣздѣ, я тотчасъ явился къ нему и откровенно разсказалъ о постигшемъ меня неочастіи. Добрый Василій Дмитріевичъ выразилъ по этому случаю искреннее сочувствіе и предложилъ мнѣ переѣхать къ нему на квартиру, на все лѣто его пребыванія на минеральныхъ водахъ. Для этого, необходимо было мнѣ имѣть медицинское свидѣтельство о болѣзни. Да я и дѣйствительно былъ нездоровъ. Разстроенныя силы мои нравственными потрясеніями, которыя пришлось перенести мнѣ, требовали спокойствія и удаленія отъ столеновеній по службѣ. Благодаря ходатайству Василя Дмитріевича, медицинское свидѣтельство выдано было мнѣ безъ препятствій, съ дозволеніемъ пробыть на минеральныхъ водахъ до полнаго возстановленія силъ. При его-же помощи, я, какъ слѣдуетъ, обмундировался, что для меня, не богатаго человѣка, получающаго 209 руб. жалованья въ годъ, было истинною наградою.

Затѣмъ участіе въ развлеченіяхъ, предпринимаемыхъ Василюмъ Дмитріевичемъ, и чисто родственное его ко мнѣ сочувствіе не мало способствовали къ скорому заживленію моей тяжелой раны.

Василій Дмитріевичъ былъ въ то время вдовъ и любилъ собирать вокругъ себя молодежь.

Хотя онъ былъ уже почтенныхъ лѣтъ (70), но любилъ жить молодою жизнью. Богатый и не имѣя законныхъ дѣтей, онъ не жалѣлъ издержекъ, получаемыхъ имъ

съ огромныхъ помѣстій доходовъ, и обыкновеннаго прихода никогда не доставало на покрытіе расходовъ. У него всегда находили вкусный, самый гастрономическій обѣдъ, рѣдкія и дорогія европейскія вина, которыя распивались всегда ставанами.

Изъ числа молодыхъ людей, посѣщавшихъ Василія Дмитріевича въ томъ году, я помню хорошо С.-Петербургскихъ купцовъ: Громова, Николая Ивановича Явунчикова и помѣщика Калужской губерніи, отставнаго корнета Каншина.

Фамиліи Явунчикова и Каншина были тѣсно связаны съ однимъ курьезомъ, о которомъ я расскажу подробно въ послѣдствіи.

Конечно, при подобной обстановкѣ, совершенно беззаботной и обеспеченной жизни, при ежедневно начинающихся, съ самаго утра, разнообразныхъ развлеченіяхъ мнѣ, молодому человѣку, не оставалось времени вспоминать о пережитомъ горѣ. Всѣ заботы мои были сосредоточены въ настоящей веселой жизни, которою я былъ обязанъ радушію и добротѣ ко мнѣ Василія Дмитріевича.

Пріѣхала на воды, изъ Новочерваска, госпожа Рукавишниковъ, съ хорошенькой племянницей, Надеждой Алексѣевной Веретенниковой; Василій Дмитріевичъ ввелъ меня въ ихъ домъ, и я сдѣлался ихъ хорошимъ знакомымъ. Потомъ онъ меня познакомилъ и съ г. Рукавишниковымъ и Алексѣемъ Кузьмичемъ Веретенниковымъ, отцомъ Надежды Алексѣевны, въ которой я, первый разъ въ жизни, почувствовалъ новое, еще не испытанное мною, влеченіе. Въ первый разъ ея красота пробудила во мнѣ страстное волненіе. Мнѣ было въ то время 22 года, и я серьезно началъ думать о женитьбѣ на Надеждѣ Алексѣевнѣ.

Василій Дмитріевичъ, замѣтивъ мое увлеченіе, нарочно потворствовалъ, и даже предлагалъ мнѣ устроить мою женитьбу. Я понимаю теперь, какъ я долженъ былъ быть смѣшонъ въ то время! Разъ, увидивъ удобное

время, я сдѣлалъ формальное предложеніе тетевъ Надежды Алексѣевны Рукавишниковой и, естественно, получилъ формальный отказъ.

Въ половинѣ іюля я поѣхалъ съ Василиемъ Дмитріевичемъ, сначала на нѣсколько дней въ Желѣзноводскъ, а потомъ въ Кисловодскъ, пить живительный нарзанъ. Въ Кисловодскѣ онъ меня ввелъ въ домъ Екатерины Александровны, княгини Дадіанъ, которая жила тамъ съ родною своею сестрою Ниною Александровною Грибоѣдовой. Въ первый разъ я увидѣлъ типъ такой изящной красоты, какою обладала Нина Александровна. При необыкновенно доброй душѣ, она была до того симпатична, что невольно привлекала къ себѣ всѣхъ, ее знавшихъ.

Съ первыхъ-же дней моего съ нею знакомства, я привязался къ ней всѣмъ своимъ существомъ. Я готовъ былъ для нея, очертя голову, въ огонь и въ воду. Я ловилъ всякое ея желаніе и старался всѣми силами оказать ей всевозможныя услуги.

Каждый день, съ восходомъ солнца, я отправлялся въ мѣстный ботаническій садъ, покупалъ великолѣпный свѣжій букетъ самыхъ лучшихъ цвѣтовъ, который и вручалъ швейцару, для передачи Нинѣ Александровнѣ. Конечно, для нея было смѣшно мое юношеское увлеченіе, но она не оказывала мнѣ никакого неудовольствія, а, напротивъ, съ каждымъ днемъ, все болѣе и болѣе привязывалась къ себѣ своею очаровательной любезностью. Считаю необходимымъ объяснить, что Нина Александровна овдовѣла въ тотъ самый годъ (1827), въ которомъ я только что появился на свѣтъ божій. Но, несмотря на это, я былъ привязанъ къ ней беззаветной страстью.

Разъ, вечеромъ, мы сидѣли на скамейкѣ въ саду, вблизи ручья, протекавшаго кривою ломаною линіею, недалеко отъ настоящаго источника нарзана. Насъ было четверо. Я, Василій Дмитріевичъ, княгиня Екатерина Александровна Дадіанъ и сестра ея, Нина Алек-

сандровна Грибоѣдова. — Я находился подъ вліяніемъ особаго впечатлѣнія въ какомъ-то поэтическомъ настроеніи. Василій Дмитріевичъ подтрунивалъ надо мною и заставлялъ меня декламировать стихи. Я съ удовольствіемъ исполнялъ его желанія и декламировалъ: Въ полдневный жаръ въ долинѣ Дагестана, потомъ нѣкоторыхъ мѣста изъ Мцыри, а также Демона, Лермонтова, котораго поэзія мнѣ приходилась особенно по душѣ. Нина Александровна, слушая вниматѣльно мою восторженную декламацию, обратилась ко мнѣ съ вопросомъ: Вы, вѣроятно, любите стихи? — Боготворю ихъ, отвѣчалъ я— Вотъ какъ! такъ напишите намъ что-нибудь на память, или если вы поэтъ, то скажите экспромптъ. — Съ удовольствіемъ, но только, ради Бога, дайте мнѣ какую-нибудь тему. Нина Александровна сначала немного призадумалась. — Ну вотъ вамъ тема, скажите какой-нибудь экспромптъ на счетъ скамейки, на которой мы теперь сидимъ.

Я невольно призадумался, скамейка была проста и непривлекательна; что можно было сказать въ отношеніи ея?— Но взглянувъ на красивое лицо Нины Александровны, которая какъ-то загадочно смотрѣла на меня, жгучими, черными, выразительными глазами, я сказалъ: что мнѣ сказать, собственно о скамейкѣ? я полагаю, стихъ мой выйдетъ безцвѣтнымъ; но позвольте дать моему экспромпту болѣе широкій размѣръ, подъ условіемъ честнаго слова, не быть на меня въ претензіи, если я, какъ истинный поэтъ, раскрою глубь волнующихъ меня чувствъ.

Нина Александровна расхохоталась, княгиня Дадіанъ и Василій Дмитріевичъ тоже.

Потомъ, обратившись ко мнѣ, Нина Александровна сказала: Это, право, интересно! Я согласна, говорите, только скорѣе.

Я всталъ противъ нея и, въ позѣ актера, началъ декламировать.

Впечатленіе мое на скамейкѣ.

Ручей бѣжитъ извивомъ змѣйки,
 И ароматомъ дышетъ лѣсъ, *)
 На берегу здѣсь, на скамейкѣ,
 Лазурный вижу сводъ небесъ,
 Глазу на пышную траву;
 На лугъ, покрывшійся травой;—
 Но и во снѣ, и на яву,
 Тебя я вижу предъ собою.
 Твой блескъ, огонь твоихъ очей,
 Природы дивное созданье,—
 Сильнѣе солнечныхъ лучей,
 Соблазнъ души сердецъ-страданье,
 Ты идеальной красоты,
 Для свѣта, чудо,—удивленья!
 Ты не вини мои мечты!
 Въ нихъ даръ, поэта вдохновенье.

Кончивъ декламацию, я всѣмъ поклонился. Василій Дмитріевичъ захопалъ въ ладоши, а Нина Александровна, протянувъ дружески руку, пожала мою. — Благодарю, сказала она, я не ожидала встрѣтить въ васъ такую восторженность. Я не заслуживаю тѣхъ похвалъ, которыя вы мнѣ приписываете и ужъ въ такихъ лѣтахъ, когда странно было-бы мною восхищаться молодымъ юношамъ.

Я невольно покраснѣлъ, княгиня Дадіанъ тоже вѣжливо поблагодарила за доставленное и ей удовольствіе. Возвратившись вечеромъ домой, я тотчасъ-же написалъ мой экспромптъ, желая сохранить его счастливымъ воспоминаніемъ дѣйствительныхъ лучшихъ минутъ моей жизни на Кавказѣ.

На другой день Василій Дмитріевичъ вспомнилъ про мой экспромптъ и восхищался имъ. — Тебѣ, Сапа, говорилъ онъ, нужно было учиться въ университетѣ, а не въ кадетскомъ корпусѣ. Твою испортили карьеру. Если-

*) Мы сидѣли въ тѣни акацій.

бы ты принадлежалъ въ нашему войску, то я-бы могъ исправить дѣло и похлопотать за тебя, а теперь не знаю, какъ и что сдѣлать. Но, во всякомъ случаѣ, я переговорю съ кѣмъ-нибудь, а тебя прошу переписать вчерашніе твои стихи и передать ихъ мнѣ.

Нина Александровна осталась попрежнему ко мнѣ вѣжлива и внимательна, а я продолжалъ носить ей ежедневно роскошные букеты цвѣтовъ. Каждый день, съ восходомъ солнца, я отправлялся пѣшкомъ въ садъ, получалъ отъ садовника условленный букетъ, и напившись нардазу, возвращаясь домой, заносилъ его швейцару, для передачи Нинѣ Александровнѣ.

По настоящее время я сохранилъ впечатлѣніе той чистой любви, которую я питалъ къ ней, не смотря на разницу въ лѣтахъ. Многіе отвергають возможность страсти при подобной разницѣ лѣтъ, но это несправедливо.

Время, однакожь, летѣло быстрѣе птичьяго полета, курсъ на водахъ въ Кисловодскѣ приходилъ къ концу, стали разъѣзжаться, уѣхала княгиня Дадіанъ, съ Ниной Александровной, и я, съ Василиемъ Дмитриевичемъ, переѣхалъ въ Пятигорскъ.

Тутъ случился съ нами небольшой курьезъ.

Не знаю, кому именно, — Каншину или Явунчиову, понравилась игравшая на Пятигорскомъ театрѣ, подъ управленіемъ извѣстнаго артиста (особенно въ Малороссійскихъ роляхъ) Зелинскаго, балетная танцовщица Гончарова. Рѣшено было похитить ее, во что-бы-то ни стало и увести. По общему совѣщанію, избрали то время для исполненія, когда она выходитъ на сцену, слѣдовательно будетъ заостюмирована. Всѣ находили это время болѣе легкимъ и болѣе эффектнымъ.

Избрали день, въ который она должна была танцовать «цыганскій танецъ», вмѣстѣ съ актеремъ Ланге. Къ боковому подъѣзду выхода, ведущаго къ сценѣ, подъѣхала, въ условленный часъ, четверомѣстная карета Василія Дмитриевича, шестерикомъ, а мы всѣ сидѣли въ ближайшей къ сценѣ ложѣ. Во время представленія, це-

редъ послѣднимъ актомъ, В. Д. вышелъ и сѣлъ въ карету, а мы трое отправились на сцену. Я подошелъ къ Гончаровой, она была совершенно костюмирована для танца, подозвалъ ее поближе къ дверямъ, за которыми скрывались Каншинъ и Явунчиковъ. Заговоривъ съ нею, я мгновенно накинулъ на ея ротъ бѣлый батистовый платокъ, и схвативъ, при помощи Каншина и Явунчикова, мы быстро вынесли ее и помѣстили въ карету В. Д., буда сѣли Каншинъ и Явунчиковъ; я-же вскочилъ на возлы, къ вучеру, и помѣстился рядомъ съ нимъ. Лошади, запряженные въ каретъ, были отборныя. У Василя Дмитріевича были свои конскіе заводы, въ количествѣ до семи тысячъ головъ. Карета поватилась стрѣлою. Мы поѣхали, по дорогѣ на Желѣзноводскъ, и зная, что за нами непремѣнно будетъ погоня, заѣхали въ нѣмецкую волонію, находящуюся на половинѣ дороги, между Пятигорскомъ и Желѣзноводскомъ. Въ волоніи мы наняли, нарочно въ сторонѣ отъ дороги, помѣщеніе, гдѣ заранѣе все было приготовлено для нашего пріѣзда.

Драгоценныя подарки, а затѣмъ дорогое и вкусное вино живо подѣйствовали на актрису Гончарову, и она совершенно успокоилась. Но что-же дѣлалось въ то время въ Пятигорскомъ театрѣ? Похищеніе Гончаровой совершено было нами съ такимъ искусствомъ и ловкостью, что, на первыхъ порахъ, никому даже не пришло въ голову и подумать объ увозѣ. Публика сидитъ, ожидаетъ съ нетерпѣніемъ выхода ея на сцену, стучитъ, выываетъ, Зелинскій бѣгаетъ по сценѣ, какъ угорѣлый, ищетъ ее во всѣхъ углахъ и щелкахъ, посылаетъ къ ней на квартиру, узнать, не скрылась-ли она туда, но все напрасно, — Гончаровой нигдѣ не оказывается, Гончарова провалилась сквозь землю! Шумъ и нетерпѣніе публики увеличиваются съ каждой минутой ожиданія и принимаютъ громадные размѣры; наконецъ, подымается занавѣсъ, и вмѣсто Гончаровой является на сцену, въ комическомъ положеніи, антрепренеръ Зелинскій и объявляетъ что цыганскаго танца не состоится, по той причинѣ, что, г-жа

Гончарова улетучилась, какъ дымъ, неизвѣстно ему куда, и никакіе розыски не могли, къ сожалѣнію, привести на слѣды ея внезапнаго исчезновенія. Конечно, раздались, отъ нѣкоторыхъ, возгласы негодованія, такъ-какъ, въ числѣ зрителей, находилось не мало поклонниковъ ея таланту, а при немъ, и миловидной красотѣ ея; но окончательнымъ результатомъ было то, что публика принуждена была разойтись изъ театра. Въ тотъ-же часъ, съ быстротою молніи, вѣсть объ исчезновеніи изъ театра Гончаровой облетѣла весь маленькій городъ Пятигорскъ. Пошли настоящіе полицейскіе розыски. Кому-то пришло въ голову, что видѣлъ онъ карету шестерикомъ, у Бовогого подѣзда, со стороны сцены. Пошли справки, чья была карета? Въ маленькомъ городѣ разыскать ее было не трудно. Карета оказалась принадлежащею Василю Дмитріевичу: На-лицо, въ квартирѣ ея не оказалось. По допросу оставшейся прислуги, получили свѣдѣніе, что карета уѣхала, неизвѣстно куда, съ хозяиномъ, сопровождаемымъ гостями. Наряжены были тотчасъ-же въ погоню жандармы, по разнымъ дорогамъ. Вѣхавшіе въ Желѣзноводскъ жандармы проскакали по дорогѣ, черезъ нѣмецкую колонію, не останавливаясь въ ней. Я видѣлъ ихъ и тотчасъ-же сообщилъ о томъ Василю Дмитріевичу, который велѣлъ вновь запрягать въ карету лошадей. Мы возвратились, всей компаніей, на квартиру въ Пятигорскъ: это было почти на разсвѣтѣ дня.

Гончарова была щедро награждена и дала честное слово объявить, будто она уѣхала съ нами по собственному желанію. Оставалось только устроить дѣло съ антрепренеромъ Зелинскимъ. Тотъ, на другой-же день, подалъ искъ на Василя Дмитріевича, прося взыскать съ него громадныя убытки, понесенныя будто-бы имъ, по этому случаю. Приходилось помириться съ нимъ, чтобы замять дѣло. Василий Дмитріевичъ уплатилъ ему, какъ помнится, три тысячи рублей, и Зелинскій взялъ обратно, поданное имъ на него, прошеніе. Такимъ образомъ, дѣло это осталось безъ всякихъ послѣдствій, но,

признаюсь, я долго опасался подпасть за него под законную отвѣтственность.

Весьма естественно, послѣ подобнаго скандальнаго происшествія нельзя было оставаться жить долѣе въ Пятигорскѣ (такъ-какъ оно сдѣлалось гласнымъ и служило злобою каждаго дня). Василій Дмитріевичъ сталъ немедленно собираться въ дорогу домой, а я въ штабъ Ставропольскаго полка. Передъ разставаньемъ нашимъ, онъ посоветовалъ мнѣ, приѣхавъ въ полкъ, и послужа въ немъ нѣсколько времени, подать прошеніе объ увольненіи въ домовую отпускъ и, по полученіи разрѣшенія, тотчасъ извѣстить его, для немедленной высылки мнѣ денегъ на необходимыя расходы. А я, говорилъ онъ мнѣ, подумай дома, какъ лучше устроить твои дѣла. Грустно мнѣ было разставаться съ Василюмъ Дмитріевичемъ; я полюбилъ его всею душою, какъ второго своего отца, и готовъ былъ броситься, по его слову, въ огонь и въ воду. Но дѣлать было нечего, я не зависѣлъ отъ своей собственной воли, и необходимо было явиться въ вновь назначенный полкъ. Бумаги обо мнѣ были туда отосланы, и я получилъ предписаніе, по выздоровленіи, немедленно туда отправиться. Насталъ день разлуки. Невыносимо тяжело было мнѣ. Сердце мое невольно сжималось и болѣло. Неизвѣстность будущей жизни представлялась мнѣ въ самыхъ мрачныхъ картинахъ. Хотя я былъ и знакомъ съ нѣкоторыми изъ офицеровъ полка, но не знакомъ со штабными, окружающими Полковаго Командира, да и не зналъ его самого.

Вѣроятно, прочли мои бумаги и занесенный въ формуляръ штрафъ; какими-то глазами они взглянуть на меня? рисовалось въ моемъ воображеніи. Уложились, подали лошадей Василю Дмитріевичу, онъ вышелъ въ залу, готовый въ дорожномъ платьѣ, сѣлъ и предложилъ сѣсть всѣмъ, окружавшимъ его. Посидѣвъ нѣсколько времени въ молчаніи, мы стали молиться Богу и прощаться. Что со мною происходило въ то время, я не въ состояніи выразить; помню только, что я бросился въ его объятія и

крупко прижался въ его груди, зарыдалъ и потерялъ сознание.

Очнувшись, я увидѣлъ себя въ креслѣ и, стоявшаго предо мною на вытяжку, денщика Андрея, который, смотря на меня, съ выраженіемъ особеннаго удивленія, докладывалъ: Ваше благородіе, лошади давно готовы, ямщизъ не хочетъ ждать.—Василія Дмитріевича уже и слѣдъ простылъ. Я взялъ фуражку, вышелъ изъ дому и сѣлъ въ ожидавшую меня почтовую бричку. Горькая дѣйствительность, позоръ и наложенное на меня безчестіе воскресли вновь передъ моими глазами. Меня мучила мысль, какимъ образомъ я представлюсь незнакомому командиру полка, получившему впередъ мой формуляръ, съ безчестнымъ обвиненіемъ. Какъ онъ приметъ меня? Какими глазами онъ взглянетъ на меня? Подобно осужденному, я ѣхалъ какъ будто на казнь. Такое тревожное состояніе продолжалось цѣлыхъ три дня пути, до станицы Усть-Лабинской, — въ которую я, наконецъ, приѣхалъ, какъ теперь помню, 24 сентября. На другой день я представился, въ полной парадной формѣ, командиру полка, которымъ въ то время командовалъ генералъ-маіоръ Георгій Васильевичъ Новицкій, человѣкъ добрый и всѣми уважаемый.

Командиръ меня встрѣтилъ, не могу сказать слишкомъ ласково, а просто и равнодушно. Ни въ какіе вопросы и объясненія не вступилъ со мною, а прямо сказалъ: вы сегодня получите предписаніе, отправитесь на службу въ 3 баталіонъ. Я, затѣмъ, поклонился и вышелъ. Изъ взгляда-же его я замѣтилъ, что онъ со вниманіемъ всматривался въ меня. Часа въ три пополудни мнѣ принесли обѣщанное имъ предписаніе, вмѣстѣ съ открытымъ листомъ на взиманіе обывательскихъ лошадей,—а къ вечеру я выѣхалъ. 3 баталіономъ нашего полка командовалъ подполковникъ Странбургскій, человѣкъ стараго заката, характера суроваго; можно сказать, что онъ былъ совершенный нелюдимъ. Это былъ самый строгій педантъ по службѣ; подобнаго ему начальнива мнѣ не приходи-

лось болѣе встрѣчать въ своей службѣ. Педантизмъ его, въ иныхъ случаяхъ, доходилъ до безумія.

Собственно мнѣ Странбургскій не сдѣлалъ никакого зла,—но такъ-какъ мнѣ рассказали, что у него развита страсть къ подобнымъ экзекуціямъ, что онъ считаетъ ихъ за особенное удовольствіе, то благоразуміе мое требовало принять всѣ зависящія отъ меня мѣры разстаться съ такимъ благодѣтельнымъ начальникомъ.

Я не виню въ настоящее время подобныхъ людей,—и хорошо понимаю, что въ человѣкѣ, обыкновенно, является какая-нибудь страсть, которая прививается къ нему, въ родѣ болѣзни, которую излечить бываетъ иногда невозможно. Вотъ такая ужасная болѣзнь была и въ организмѣ Странбургскаго; на него находила хандра, которая томила его, но, послѣ произведенной имъ экзекуціи, всѣ видѣли его въ нормальномъ состояніи, даже въ веселомъ расположеніи духа. Съ годами-же, потребность подобныхъ экзекуцій обратилась у него въ привычку, безъ которой уже ему обойтись было невозможно. Мнѣ рассказывали, что у него было даже написано на бумагѣ и висѣло на стѣнѣ въ кабинетѣ ежедневное распредѣленіе часовъ времени. Напримѣръ: онъ вставалъ съ постели въ 4 часа утра и выходилъ гулять до 6 часовъ утра, причемъ обходилъ ежедневно ротный баталіонный дворъ, осматривалъ лошадей, повозки и тому подобное. Ровно въ 6 часовъ пилъ чай, что продолжалось до 8-ми. Въ 8 часовъ утра являлся адъютантъ съ бумагами, и занятія съ нимъ продолжались до 10-ти. Въ десять часовъ до 12-ти написано было, будто-бы его собственной рукой: повѣрка солдатъ, *палки и розги*. Съ 12 до 1 часу обѣдъ, съ 1 до 3-хъ послѣ-обѣденный отдыхъ. Съ 3-хъ до 6-ти ученье.—Съ 6 до 8-ми вечерній чай. Съ 8-ми приемъ артельщиковъ, съ расчетами, до 9 часовъ. Въ 9 часовъ, приемъ фельдфебелей и дежурныхъ до 10 часовъ. Съ 10 часовъ до 4 утра ночной отдыхъ. Распредѣленіе это было извѣстно и всѣмъ солдатамъ. Только въ праздничные дни, обыкновенно,

Странбургскій бывалъ у обѣдни, и въ эти дни экзекуцій никогда не производилъ. Онъ, говорятъ, былъ чрезвычайно набоженъ и даже добръ къ тѣмъ, къ кому онъ былъ расположенъ или кто умѣлъ заслужить его вниманіе.—Странное совпаденіе набожности съ жестокостью.

Солдаты тоже привыкали къ подобнымъ побоямъ, и мнѣ случалось слышать отъ нихъ подобныя выраженія: я нарочно напился пьянъ, чтобы меня хорошенько отодрали, въ тѣлѣ какъ-будто чего-то не доставало, а теперь, какъ выпороли, слава Богу, я чувствую себя какъ будто здоровѣй.—Въ виду описанныхъ событій, я сталъ немедленно хлопотать о переводѣ меня въ другой баталіонъ.

Это было сдѣлать чрезвычайно легко. Я написалъ въ штабъ къ полковому адъютанту и черезъ нѣсколько дней былъ переведенъ въ 4-й баталіонъ, которымъ командовалъ майоръ Юлій Викентьевичъ Прушинской. Этотъ человекъ былъ характеромъ гораздо мягче и добрѣе Странбургскаго. Въ роту я попалъ къ капитану Маркіяновичу, человеку доброму и смирному. Рота занимала квартиру въ станицѣ Лабинской, въ которой я прежде служилъ, находясь во 2 Лабинскомъ казачьемъ полку. Встрѣтились старые знакомые, и жизнь потекла обыкновеннымъ порядкомъ. Но рана, нанесенная моему сердцу позоромъ и безчестіемъ моего имени по формуляру, не заживала. Согласно совѣту Василя Дмитриевича, я въ январѣ мѣсяцѣ подалъ рапортъ по начальству, съ прошеніемъ увольненія меня въ отпускъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, срокомъ на 28 дней. Черезъ двѣ недѣли я получаю предписаніе, что бригаднй командиръ увольненія въ отпускъ мнѣ, какъ порочному и штрафованному по формуляру офицеру, не разрѣшилъ. Получивъ формальное предписаніе объ этомъ, я подалъ рапортъ къ полковому командиру, прося выдать мнѣ копію съ формулярнаго о службѣ моей списка.

Копія мнѣ была выслана, и въ графѣ, достоинъ-ли къ повышенію чиномъ или нѣтъ? сказано было, *по мнѣищемуся штрафу не аттестуется*, т.-е. перевести словами, значило—не достоинъ.

Понятно, что придумать другой причины возможности не было, такъ-какъ по службѣ я былъ совершенно исправенъ. Меня раздражала подобная несправедливость, даже въ увольненіи въ отпускъ мнѣ отъазываютъ, какъ-будто сосланному преступнику. Обдумавъ серьезно свое положеніе, и видя въ будущемъ совершенную его безысходность, я написалъ формальную докладную записку главнокомандующему, князю Воронцову и, представивъ ее при рапортѣ своему полковому командиру, просилъ представить ее по начальству. Прилагаю при семъ ея настоящую копію. Копія: Докладная записка Ставропольскаго егерскаго полка прапорщика Горюнова. Мѣсяць, число, годъ. Станица Лабинская.— Ваше Сіятельство! Въ 27 день декабря прошлаго года, согласно заключенію полевого аудиторіата, предписали занести въ формулярный о службѣ мой списокъ самый постыдный штрафъ для званія русскаго офицера. Примѣръ, подобнаго которому еще не существовало въ русскаго арміи. Для ясной видимости, имѣю счастье представить при сей докладной запискѣ и засвидѣтельствованную копію съ моего формулярнаго о службѣ списка. Не смѣю указывать просвѣщенному уму Вашего Сіятельства на всѣ детали несообразностей, изложенныхъ въ штрафѣ обвиненій, потому-что явная нелѣпость ихъ рѣзко бросается въ глаза всякому здравомыслящему человеку; но честь, оскорбленная совершенно невинно, требуетъ отъ меня на указаніе двухъ, совершенно противорѣчащихъ, фактовъ: 1-е, какимъ образомъ можно человеку быть подъ слѣдствіемъ, по своей собственно жалобѣ, 2-е, найденъ виновнымъ, но доказательствъ не найдено; слѣдовательно, необходимо понимать, что обвиненіе голословно, такъ-какъ нельзя признать никого виновнымъ, безъ доказательствъ виновности. Кромѣ того, что подобный штрафъ занесенъ для вѣчнаго поворота въ мой формуляръ, я былъ наказанъ мѣсячнымъ арестомъ, который хотя невинно, но исполнилъ какъ подчиненный,

обязанный исполнять беспрекословно и несправедливую волю начальства. Слышавъ много о достоинствахъ вашего высокаго ума и вашей мудрой административной дѣятельности, я не могу допустить вѣроятія, чтобы Вы читали сами подобную конфирмацію, и излагали еще, при этомъ, свое мнѣніе, какъ значится въ формулярѣ моемъ, по той удобопонятной причинѣ, что въ подобномъ штрафѣ, отъ самаго начала до конца, Вы, какъ умный и просвѣщенный человѣкъ, не могли не замѣтить, не существуетъ здраваго логическаго смысла, а потому я вполне убѣжденъ, что все это сдѣлано помимо воли Вашей и безъ Вашего вѣдома.

Желая найти объясненіе подобному жестокому и позорному своему обвиненію, я подалъ рапортъ по начальству, объ увольненіи меня въ отпускъ, на 28 дней, но мнѣ въ немъ отказали, наименовавъ меня въ формальномъ предписаніи порочнымъ и штрафованнымъ офицеромъ. Предписаніе это, въ подлинникѣ, имѣю честь при семъ представить. Я не могу понять, можетъ-ли носить эполеты порочный и штрафованный офицеръ? я не допускаю мысли, чтобы подобныя дѣйствія были извѣстны Вашему Сіятельству, такъ-какъ, по многообразности возложенныхъ на Васъ болѣе серьезныхъ служебныхъ обязанностей, у Васъ-бы не достало времени и физическихъ силъ для ихъ правильнаго разбора. Ваши же приближенные, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, употребляютъ во зло Ваше доброе имя и собственную Вашу честь.— Генералъ! Вы представитель, Вы глава нашего корпуса, вы носите тотъ-же мундиръ, который именовъ Вашимъ оставленъ и мнѣ, какъ называютъ въ предписаніи порочному и штрафованному офицеру. Вы имѣете такое же честное званіе русскаго дворянина, которое оставлено и мнѣ, какъ называютъ порочному и штрафованному.

За что, Генералъ! если допустить, что я дѣйствительно виноватъ, то мараютъ не меня одного, а безчестятъ званіе всѣхъ, равныхъ мнѣ и самихъ себя. На какомъ основаніи для меня не строгъ законъ, и какъ

легко, въ подобномъ случаѣ, уничтожить его дѣйствительную силу!

Въ подобномъ дѣлѣ, вина офицера должна быть дѣйствительно доказана, и не могутъ быть приняты въ снизложеніе никакія побочныя обстоятельства.

Вотъ основаніе настоящей просьбы моей, съ которою я осмѣлился обратиться къ Вашему Сіятельству и всенижайше просить Васъ о немедленномъ преданіи меня самому строгому военному суду, и ежели я не представлю законныхъ оправданій, то подвергнуть меня самой строгой карѣ, на основаніи установленныхъ законовъ. Ели должны, вы обязаны исполнить настоящую просьбу мою; этого требуютъ Ваша собственная совѣсть, Ваше званіе начальника, святой долгъ службы и человѣческая справедливость.

На эту докладную записку, представленную мною лично, при рапортѣ, полковому командиру, я не имѣю и по настоящее время никакого отвѣта; но только меня вновь перевели изъ роты Марціановича въ роту Исидора Ивановича Міодушевскаго. Для меня это было безразлично. Службы я не боялся, а при своихъ честныхъ правилахъ постоянно пользовался вниманіемъ и уваженіемъ своихъ полковыхъ товарищей. Только и была разница въ моей жизни та, что мнѣ было тамъ скучнѣе, такъ-какъ рота Міодушевскаго была расположена на квартирахъ въ станицѣ Вознесенской, въ которой жить было гораздо скучнѣе, чѣмъ въ станицѣ Лабинской, гдѣ было на службѣ болѣе офицеровъ, слѣдовательно и большій кругъ общества. Въ станицѣ-же Вознесенской былъ штабъ 2-го Лабинскаго казачьяго полка, которымъ командовалъ войсковой старшина Потаповъ (его я уже описывалъ въ предыдущихъ разсказахъ).—Кромѣ него да молодого его зятя Букина, не было болѣе никого, съ кѣмъ-бы можно было имѣть знакомство. Букинъ оказался моимъ землякомъ, мы были оба изъ одной Оренбургской губерніи.

Онъ былъ очень красивъ собою. У почтеннаго старика Потапова была дочь; имя ея я забылъ въ настоящее время, но въ то время, когда я ее увидѣлъ женою Букина, ей можно было назначить, по лицу, не болѣе 15 лѣтъ. Обращеніе съ нею мужа отличалось особенной оригинальностью. Разъ мы сидѣли и вмѣстѣ пили чай, старикъ отецъ Потаповъ сидѣлъ вмѣстѣ съ нами. Букинъ, желая показать власть свою надъ несчастною молодою женою, встрѣтивъ съ ея стороны какое-то противорѣчіе, вдругъ при насъ отдастъ ей приказаніе, немедленно встать въ уголь на колѣни.

Конечно, подобное распоряженіе всѣхъ насъ, бывшихъ его гостей, удивило, и мы ожидали семейнаго скандала.

Но слабое, бѣдное безответное дитя, заплакавъ, безпрекословно повиновалось, и тотчасъ-же встало въ уголь на колѣни, повернувшись лицомъ къ присутствующимъ гостямъ. Сцена эта до того поразила меня, что я не могу забыть ее и до сего времени.

Старикъ-отецъ казался въ этомъ совершенно равнодушнымъ, и даже дѣлалъ своего рода замѣчанія, что жена должна безпрекословно повиноваться во всемъ своему мужу. Я для того собственно упомянулъ объ этой сценѣ, чтобы указать, какія неограниченныя права имѣлъ въ то время мужъ надъ своею женою. Интересно было-бы видѣть, исполнила-ли бы безропотно подобное приказаніе жена настоящаго времени? При этомъ Букинъ еще объяснялъ намъ, что онъ жену свою ставитъ по нѣскольку даже разъ въ день на колѣни, и что, не смотря на подобныя строгія мѣры, съ его стороны, онъ не можетъ отучить ее, не говорить ему вопреки ни одного слова. — Хотя я и заходилъ иногда отъ скуки къ Букину, но такъ-какъ я служилъ въ пѣхотномъ полку, то большею частью старался дѣлать какъ можно рѣже свои визиты къ нему.

Главною причиною этому служилъ постоянный антонизмъ, существовавшій между казаками и солдатами.

Вражда между ними была до того развита, что, при малѣйшей возможности насолить одинъ другому, не упускали случая, не только подчиненные, но даже и начальство. Подобныя дѣла совершались неоднократно, и даже были разбираемы уголовнымъ порядкомъ. Однажды, когда, въ отсутствіе Міодушевскаго, я оставался за ротнаго командира, пришла въ станицу Вознесенскую *оказія* *), въ прикрытіи которой слѣдовала рота нашего-же полка, подъ командою прапорщика Бочкина. — Бочкинъ былъ умный и распорядительный офицеръ, и притомъ славный товарищъ. Мы всё, отъ души, любили его. Придя съ *оказіей*, въ станицу Вознесенскую, онъ остановился у меня въ квартирѣ. День склонялся къ вечеру. Вдругъ является фельдфебель роты Бочкина и заявляетъ, что нѣсколько казаковъ схватили проходившаго мимо ихъ роты одного солдата и повели въ станичное правленіе.

Бочкинъ сейчасъ-же приказалъ фельдфебелю взять двухъ унтеръ-офицеровъ и отправиться съ ними въ станичное правленіе, и потребовать немедленнаго освобожденія взятаго ими солдата, объяснивъ тамъ, притомъ, что если солдатъ окажется виновнымъ, то онъ самъ накажетъ его, по всей строгости законовъ. Было уже около 9-ти часовъ вечера, какъ возвратился фельдфебель съ докладомъ, что солдата не отдають, не смотря ни на какія просьбы. Вину же солдата объясняютъ тѣмъ, что, будто-бы, онъ былъ взятъ въ пьяномъ видѣ, между тѣмъ, всѣмъ было извѣстно, что взятый казаками солдатъ не пилъ совершенно вина, въ чемъ можетъ засвидѣтельствовать, подъ присягою, вся рота, въ которой

---

*) Обыкновенно, разъ или два въ недѣлю, собираются подводы, ѣдущія по своей надобности, по дорогѣ въ разныя мѣста. Такихъ подводъ собирается иногда достаточное количество. Въ прикрытіи ихъ отъ нападенія хищниковъ назначается конвой, сопровождающій ихъ до слѣдующаго пункта. Подобное сопровожденіе у насъ и называлось *оказіей*. *Быть въ оказіи...* пр. авт.

онъ служилъ уже нѣсколько лѣтъ. Подобная несправедливость взорвала Бочина, и онъ, не долго думавши, приказалъ находившемуся при немъ дежурному барабанщику ударить тревогу. Пунктъ сбора по тревогѣ у насъ обыкновенно назначается станичная площадь. Такъ-какъ солдаты и барабанщики расположены были на квартирахъ, въ разныхъ мѣстахъ, по цѣлой станицѣ, то когда услышали барабанный бой на тревогу на площади, то гарнисты и барабанщики принялись играть и бить въ барабаны, повсемѣстно. Никто не зналъ, какая именно была цѣль этой тревоги. Всѣ думали, что случилось нападеніе непріятеля, и потому все бѣжало и скавало на площадь, причѣмъ выѣхалъ на тревогу и взводъ конной казачей артиллеріи. Бочинъ былъ старше меня по службѣ, и, согласно воинскому уставу, я обязанъ былъ ему подчиняться. Смятеніе было общее. Никто не понималъ, въ чемъ именно суть дѣла. Бочинъ, увидя собравшихся солдатъ, скомандовалъ взять орудія. Орудія были немедленно взяты и обружены въ карре нашими двумя ротами.

Оставивъ меня при орудіяхъ, съ приказаніемъ ни за что не отдавать ихъ казакамъ, Бочинъ съ частью солдатъ отправился въ станичное правленіе, въ которомъ и потребовалъ немедленной выдачи арестованнаго солдата. Оказалось, что солдатъ былъ спрятанъ въ домѣ полкового командира Потапова и, какъ узнали, запертъ въ каменномъ подвалѣ его полкового дома. Тогда Бочинъ, возвратившись обратно въ карре, скомандовалъ движеніе, вмѣстѣ съ орудіями, къ полевому дому. Остановившись передъ нимъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, Бочинъ скомандовалъ орудіямъ сняться съ передковъ, что было тотчасъ же исполнено.

Тогда онъ выбираетъ парламентаря и посылаетъ сказать Потапову, что если сію-же минуту не будетъ выданъ ему арестованный солдатъ, то онъ приступитъ къ бомбардировкѣ его дома—изъ орудій. На предложеніе,

Бочкин послѣдовалъ рѣшительный отказъ; Бочкинъ, получивъ подобный отвѣтъ, хладнокровно приказываетъ зарядить орудія боевымъ зарядомъ. Приказаніе немедленно исполняется и зажигаются фитили при орудіяхъ. Можете себѣ представить картину переполоха, происшедшаго въ это время въ полковомъ домѣ Потапова. Говорили, что старикъ, когда увидѣлъ, что начали заряжать орудія, то снялъ со стѣны икону и бѣжалъ, со всѣми домочадцами, въ тотъ самый подвалъ, въ которомъ былъ спрятанъ солдатъ, и приказалъ тотчасъ-же его отпустить. Когда явился къ намъ арестованный солдатъ, мы всѣ увидѣли, что онъ совершенно трезвъ и взять силою, дѣйствительно, несправедливо. Тогда Бочкинъ приказалъ пробить отбой и скомандовалъ распущеніе войскамъ, и мы съ нимъ отправились на квартиру. Между тѣмъ, о происшествіи этомъ было донесено съ нарочнымъ командиромъ казачьей Лабинской бригады и начальнику бордонной Лабинской линіи, Петру Аполлоновичу Волкову.—На другой день, Петръ Аполлоновичъ прискакалъ въ станицу Вознесенскую, для разбора этого дѣла.

Мы боялись уголовной отвѣтственности, но, къ счастью, дѣло обошлось безъ особыхъ послѣдствій. Петръ Аполлоновичъ, лично разсмотрѣвъ это дѣло, увидѣлъ въ немъ глупое и пустое столеновеніе, не имѣвшее никакихъ вредныхъ послѣдствій. Онъ, сдѣлавъ порядочный нагоняй сначала Потапову, а потомъ потребовавъ къ себѣ меня съ Бочкинымъ, сдѣлалъ намъ обоимъ выговоръ, предупредивъ, что онъ оставляетъ это дѣло безъ всякихъ послѣдствій, но если впредь случится еще что-либо подобное, то виновныхъ въ томъ онъ вынужденъ будетъ предать военному суду.

Да, именно нужно благодарить Бога, что дѣло это случилось въ командованіе Лабинскою линіею, умнаго и дѣльнаго начальника, Петра Аполлоновича Волкова. Случись это при другомъ, то онъ самъ-бы не пріѣхалъ лично разобрать дѣло, а нарядилъ-бы слѣдствіе,

при которомъ обыкновенно, а въ особенности въ то время, умѣли искусно превращать муху въ огромнаго слона.

Въ скоромъ времени, послѣ этого происшествія, я опять выхлопоталъ переводъ свой въ станицу Лабинскую, по прибытіи въ которую получилъ опредѣленное назначеніе, а именно, былъ назначенъ начальникомъ команды пластуновъ, о службѣ съ которыми я познаюмлю въ слѣдующемъ разсказѣ.

Герюновъ.

Матеріалы, замѣтки и новости.

МАРУСЯ.

(Малороссійская пѣвуна).

Біографическій очеркъ.

Многія малороссійскія пѣсни до того популярны, что извѣстны почти всему славянскому міру. По крайней мѣрѣ, отъ Архангельска до Тифлиса и отъ Варшавы до Камчатки, ихъ поютъ и великоруссъ и малороссъ, и бѣлоруссъ, и полякъ, и сибирякъ. Причина такого распространенія ихъ — чрезвычайная поэтичность, задушевная простота, образность выраженій, сравненій и глубокая мелодичность грустнаго, мольнаго напѣва. Есть многія прекраснѣйшія, превосходнѣйшія пѣсни совершенно въ народномъ духѣ, напримѣръ А. В. Кольцова, вышедшаго изъ среды простолюдина, и переложенныхъ на ноты лучшими народными композиторами, но что же?.. Въ сущности, въ сравненіи съ многочисленными малороссійскими пѣснями неизвѣстныхъ пѣвцовъ, онѣ распространены очень мало; онѣ поются лишь въ извѣстномъ, привилегированномъ обществѣ, въ кругу болѣе или менѣе интеллигентномъ. Люди безграмотные въ городахъ и селахъ ихъ не знаютъ... Только на самой родинѣ поэта, собственно въ Воронежѣ (но не во-всей губерніи) можно иногда услышать отъ неграмотнаго мужика

„Хуторокъ“: Сколько мнѣ случалось слышать «Хуторокъ» одна изъ самыхъ распространенныхъ пѣсенъ Кольцова. Потому записные любители пѣнія поютъ:

«На зарѣ туманной юности
Всей душой любилъ я милую...»

Семинаристы, чиновники низшаго разбора и прикащики подъ гитару напѣваютъ:

«Сяду я за столъ,
Да подумаю,
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?..»

Въ гостинныхъ подъ фортепiano, для дѣтей, слышится:

«Что ты спишь, мужичекъ?
Вѣдь весна на дворѣ,
Вѣдь сосѣди твои
Работаютъ давно?..»

Если къ этимъ пѣснямъ прибавить еще:

«Запрягу я тройку борзыхъ,
Темныхъ, карихъ лошадей...»

то сказаннымъ перечнемъ заканчивается почти весь репертуаръ дѣйствительно поющихъ пѣсенъ Кольцова. Пѣсни Лихача-Кудрявича и проч. — не привидись... Но, такою же популярностью пользуются извѣстнаго жанра романсы Пушкина:

«Подъ вечеръ осенью ненастной
Въ пустынныхъ дѣва шла шѣстахъ...»

или:

«Гляжу я безмолвно на черную шаль
И хладную душу терзаетъ печаль...»

или:

«Я васъ люблю, хоть и бѣшусь,
Хоть это стыдъ и трудъ напрасный,
И въ этой глупости несчастной
У вашихъ ногъ я признаюсь...»

не говоря уже про Мералякова:

«Среди долины ровныя,
На гладкой высотѣ
Цвѣтеть, ростеть высокій дубъ
Въ могучей красотѣ...»

имѣющихъ среди простого народа гораздо обширѣйшій кругъ любителей... Къ этой категоріи пѣсень и романсовъ принадлежатъ также пѣсни и романсы Я. П. Полонскаго, Лермонтова, Полежаева, Некрасова, Козлова, Губера и другіе..

Слышится, что проводниками-распространителями въ народѣ этихъ пѣсень были: журналы, книжки, пѣсенники, шарманки, органы, трактиры... Мы далеки отъ мысли отказывать такимъ пѣснямъ въ народности; нѣтъ, онѣ проникнуты и фильтрованы народнымъ духомъ и уже народны тѣмъ, что *привились* въ народѣ... Но именно *привились*, а прививаются порой и французскія шансонетки, и куплеты Беранже... Между тѣмъ, есть пѣсни съ инымъ характеромъ, — *неинтеллигентный классъ общества надѣлилъ простой народъ, хотя бы и проникнувшись его духомъ, но наоборотъ: простой, неразвитый слой общества надѣлилъ ими интеллигентный...* Все это если и плохо объясняется, то, повторяю, какъ-то чувствуется... Имена авторовъ этихъ пѣсень большею частью неизвѣстны; народная молва лишь изрѣдка доноситъ ихъ въ потомство: Такой счастливый жребій выпалъ на долю одной малороссійской пѣвуньи, можетъ-быть, благодаря ея печальной и романтической судьбѣ. По Украинѣ, въ районѣ преимущественно Полтавской губерніи, а также частію въ Кіевской и Черниговской, ходитъ преданіе, что авторомъ извѣстныхъ и распространеннѣйшихъ въ славянскомъ мірѣ малороссійскихъ пѣсень *)), а именно:

---

*) Замѣтимъ, что всѣ эти пѣсни были изъ числа любимѣйшихъ нашимъ покойнымъ Н. В. Гоголемъ.

«Віють вітри, віють бурни,
Ажъ деревця гнутьса...»

«Засвітали козаченьки
Въ походъ съ полуночи...»

«Не гнутьса нвы...»

«Сидить голубъ на берези...»

«Болить моя головонька,
Видъ самого чола...»

«Хилися густы лозы...»

«Ой не ходи, Грицю, на ветерници.»

и другихъ,—была очень молодая дѣвушка, козачка, по имени Маруся *) Гордѣвна Чурай.

Пѣсни Маруси Чурай имѣють тѣсную связь съ ея собственной биографіею... Она была, по преданію, та самая дивчина, что „Грицю отруила“ (отравила).

Разскажемъ вкратцѣ, сколько намъ извѣстно, ея биографію.

Судя по одному сказанію, Маруся родилась въ Полтавѣ въ 1628—29 году, такъ-какъ зимою 1648 года, при Богданѣ Хмильницкомъ, она была присуждена къ смертной казни; лѣтъ же ей было въ то время не болѣе двадцати. Преданіе говоритъ, что отецъ ея Гордѣй Чурай служилъ урядникомъ въ полтавскомъ полку и, въ числѣ прочихъ, сожженъ на кострѣ въ Варшавѣ, выказавъ при этомъ геройское мужество. Та же кровь и сила воли кипѣла, какъ увидимъ ниже, и у его дочери. Маруся Чурай проживала съ своею матерью, женщиною уже солидныхъ лѣтъ, въ пригородной слободѣ около Полтавы, на берегу рѣки Ворсклы, въ небольшой хатѣ, за которой слѣдовали садочекъ и огородъ. Состояніе Чурай было не осо-

*) Всѣхъ дѣвушекъ въ Малороссіи зовутъ уменьшительными именами. Маруся уменьшительное — отъ Маріи и Марины. Поэтому, звали ли Чурай Марія или Марина, мнѣ неизвѣстно.

бенно бѣдно, но и не богато. Не смотря на это, руки Маруси искали первѣйшіе богатые женихи Полтавы: во-первыхъ, потому, что хотя отецъ Маруси былъ всего урядникъ, но мучительная смерть его, стойкость характера, при известномъ тогда казачествѣ, прославили Чурая, и семейство его пользовалось въ Полтавѣ общимъ уваженіемъ; во-вторыхъ, Маруся была вполне красавица и въ чисто малороссійскомъ вкусѣ: „дробненькая“ (т. е. небольшого роста, немного худощавенькая, миниатюрно сложенная); стройненькая, какъ струнка, съ маленькимъ, но рельефно обрисованнымъ подъ тонкой, бѣлой, узорчатой рубашкой бюстикомъ, съ крохотными ручками и ноженками, съ добрымъ выраженіемъ ласковаго, матоваго цвѣта загорѣлаго личика, на которомъ пресвѣчивался румянецъ, особенно, когда она конфузилась и потупляла въ землю свои большія, карія очи, подъ густыми бровями и длинными рѣсницами... Головку дѣвушки покрывали роскошные, черные, какъ смоль, волосы, заплетенные свади въ густую, широкую косу до колѣнъ. Очарованіе дѣвушки довершалъ маленький ротикъ съ бѣлыми, какъ перламутръ, зубками, закрытый, словно алый макъ, пунцовыми губками... Но, при этомъ, у Маруси Чурай былъ крутой, немного выпуклый, гладкій, сухой лобикъ и немного дугообразный, энергическій; съ горбикомъ, носъ, который сморщивался, когда она о чемъ-нибудь задумывалась... Въ это время и ея добрые, ласковые, каріе глаза свѣтились страннымъ фосфорическимъ блескомъ. Въ-третьихъ, Маруся Чурай на вечерницахъ отличалась какъ пѣвунья и какъ импровизаторша, слагая тутъ-же, на случай, то любовныя, то не лишеныя шутиватаго содержанія пѣсни. Въ Малороссіи вечерницы не совсѣмъ означаютъ то, что въ Россіи посидѣлки. Это общее названіе вечернихъ собраній молодыхъ людей. Въ лѣтнюю пору онѣ начинаются хороводами, гдѣ либо на окраинѣ села, или около отдаленной какой-нибудь избушки вдовы, или старухи, которую пѣніе молодыхъ людей не тревожитъ; хороводы заканчиваются составленіемъ нарѣ, въ тихомолву шушукających другъ съ другомъ въ полудремотѣ до разсвѣта, когда другія молодья подружки, не имѣющія еще порубековъ—жениховъ, уже разошлись, а молодичи,

видимо вступившія въ супружество, тоже посѣщающія эти пороводи, удалились съ супругами на покой. Въ осеннее-же и зимнее время онѣ совершенно имѣютъ характеръ посидѣловъ и прекращаются только въ посты: послѣдній срокъ зимнихъ вѣтерницъ — до масленицы, а начало весеннихъ и дѣтскихъ — съ праздниковъ Свѣтло-Христова Воскресенья.

Волѣе всѣхъ изъ числа богатыхъ жениховъ полюбилъ Марусю молодой казакъ Петръ Искра, предокъ по восходящей линіи знаменитому Искрѣ, казненному съ В. Л. Кочубеемъ *). Этотъ Искра, по преданію, пользовался большимъ расположеніемъ Богдана Хмѣльницкаго. Вообще, фамилія Искра встаря пользовалась въ Малороссіи большимъ почетомъ. Онъ былъ стройный и красивый мужчина, но сердце Маруси Чурай было уже отдано другому, нѣкому казаку Грицько (Григорію) Остапеню, помоложе и покрасивѣе Искры, но человѣку безхарактерному и не богатому. Мать этого Грици, для поправленія своихъ средствъ, хотѣла женить его въ Полтавѣ на какой-то богатой казачкѣ Аннѣ. Вотъ какъ въ одной шутиливой пѣснѣ Маруса характеризируетъ своего возлюбленнаго. Здѣсь же, въ концѣ, есть и ревнивая надъ нимъ иронія.

Грицю, Грицю до работы!
 Въ Грици порваны чоботы...
 Грицю, Грицю до телятъ!
 Въ Грици ноженьки болятъ.
 Грицю, Грицю молотыты, —
 Гриць не сдужае роботы.
 Грицю, Грицю зрубай дровъ!
 А Грицю—щось не здоровъ!

---

*) Въ дѣтствѣ моемъ я бывалъ въ домѣ извѣстнаго малороссійскаго писателя Г. Ф. Квитки, писавшаго подъ псевдонимомъ Гриццо *Основьянко*; Гриццо—Григорій, а Основьянко отъ имени нѣвня его *Основы*, вблизи Харькова. У него я видѣлъ портретъ Маруси Чурай и, на сколько удержала моя память, слышалъ, что этотъ Петръ Искра былъ двоюродный или родной дѣдъ знаменитому Искрѣ полковнику. Помню также, что фамилія любовника Маруси была, по словамъ Квитки — Григорій Остапеню.

Дет.

Грицю, Грицю до Маруси:
 — Заразь, заразь уберуся.
 Грицю, Грицю робы хлѣбъ,
 — Ахи — ахи! щось охрипѣ.
 Грицю, Грицю хочь жениться?
 — Не могу отговориться!..
 Грицю, Грицю: кого взятъ?
 Браше Гали не сыскаты!
 — Галюненко, сердце мое!
 Чи пидеши ты за мене?
 «Гадкій, брыдкій, не люблю,
 И за тебе не пиду.»

Какъ-бы то ни было, этотъ Грицько отвѣчалъ Марусѣ взаимностью, и она была счастлива, но счастье ея продолжалось недолго:

«Засвистали козаченьки
 Въ походъ съ полуночи,
 Заплакала Марусенька
 Свои ясны очи...»

Походъ этотъ былъ противъ заклятыхъ враговъ нашихъ хохловъ,—поляковъ, которые не умѣли оцѣнить въ свое время (и слава Богу!) ни хохлацкой лыцарской души, ни услугъ, оказанныхъ велемудрой рѣчи Посполитой. Грицько и Искра отправились въ походъ. Какъ ни тяжела была для Маруси разлука съ Грицькомъ, но она утѣшилась его обѣщаніями, что, по возвращеніи съ похода, Гриць назоветъ ее своею; надежды эти основывались, между прочимъ, на просьбахъ Грица въ своей матери принимать къ себѣ Марусю, какъ родную дочь. Маруса вся была полна ожиданія.

Грусть свою по отсутствующемъ другѣ Маруса выразила въ извѣстной пѣснѣ:

Віють вітры, віють буйны,
 Ажъ дерева гнутьса;
 О! якъ болить мое сердце,
 А слезы не льются!..
 Трачу літа въ лютихъ гори,
 И кінца не бачу...

Только мнѣ легче стане,
 Якъ трошки поплачу...
 Не замѣнять слезы счастья...
 Сердцу легче буде...
 Это счастливыи бувъ часочекъ,
 По вѣкъ не забуде.
 Есть же люди тутъ на свѣтѣ,
 Що и моеи завидуютъ долги...
 Чи счастлива та былонька,
 Що росте у полѣ!..
 Що на поля, на песочку
 Безъ росы на солнці.
 Тяжко жити безъ многого
 И въ свой сторонци!
 Де ты, милый, чернобровый,
 Де ты, видзовися.
 Якъ я бѣдна тутъ горюю,
 Приди, подывися!
 Политла бъ я до тебе,
 Та крылець не маю,
 Щобъ побачивъ, якъ безъ тебѣ
 Съ гора высыхаю...
 До кого жъ я пригорнуса,
 И кто приголубить?
 Боги теперъ не ма того,
 Якій мене любить.

Мы нарочно выписали всю эту пѣсню. Сколько задумешности, простоты и образности! Такъ и хочется, въ извѣстномъ настроеніи духа, спѣть эту милую пѣсню.

Но вотъ походъ кончился. 1-го октября 1648 г. пронзешель торжественный вѣвдъ Богдана Хмѣльницкаго въ Кіевъ. Казаки стали вертаться. Пришли и полтавцы. Маруся ждетъ, не дождется въ своемъ хуторѣ Грицю, а Грици нѣтъ, какъ нѣтъ!.. Однажды, вечеромъ, она повстрѣчалась съ Петромъ Искрою, всегда суровымъ, пасмурнымъ, но любившимъ Марусю всею силою своей души. Она спросила его о Грицѣ и получила правдивый отвѣтъ, что Гриць вернулся съ похода, но мать сговорила уже его съ ея соперницею, богатою невѣстою Ганною. Маруся оскорбила Искру недовѣриемъ и прогнала долои съ глазъ.

Результатомъ ея душевнаго настроенія въ ту пору были двѣ слѣдующія думи-пѣсни, одна:

«Ботымыся возы съ горы, да въ долины стали;
 Бохалыся любилыся, да вже перестали.
 Бохалыся, любилыся, що маты не знала,
 Пришлось теперъ разойтисься, якъ та чорна хиара».

и т. д. и другая:

«Сидыть голубъ на берези, голубка на вишнѣ:
 Скажи, скажи, мое сердце, що маєшь на мысли?
 «Ой ты жъ мнѣ обѣщався любити, якъ душу, —
 Теперъ мене покидаєшь, я плакаты мушу.
 «Будь счастливый и съ тѣю, котору похашь,
 А надъ мене вѣрнійшій на свѣти не найдешь.
 «Буду Бога я просыты, щобъ ты бувъ счастливый,
 Чи со мною, чи съ другою: по стѣж мнѣ милый!
 «Якъ не хочешъ, мое сердце, друженою буты,
 То дай мнѣ таке зилье, чтобъ тебѣ забуты.
 «Ой е въ мнѣ таке зилье, близко перелазу,
 Якъ дамъ тебѣ напиться, забудешъ отъ разу».
 «— Буду пити, черезъ силу, капли не упушу:
 Тоди тебѣ я забуду, якъ очи заплачу.»

Такъ думала дѣвушка. Въ одномъ только стихѣ пѣсни:
 „Чи со мною, чи съ другою“... видна еще слабая надежда;
 вся же пѣсня дышетъ горемъ, отчаяніемъ, любовью и покор-
 ностью своему кресту. Но злополучный рокъ устроилъ иначе.
 Осенью Грицько женился и, какъ молодоженъ, отправился съ
 женою на тѣ самыя вечерницы, на которыхъ бывала Маруся.
 Богъ вѣсть, что имъ руководило; похвастаться-ли передъ
 Марусею своею красивой женою, или захотѣлось повидѣть
 свою прежнюю милую. Какъ бы то ни было, это не прошло
 ему даромъ. Богатая Ганна (жена Грицько) смотрѣла на
 оставленную любовницу своего мужа съ презрѣніемъ и можетъ
 быть сказала ей даже что-нибудь колкое. Пылкая и страст-
 ная натура Маруси не выдержала. Ревность, злоба, воспоми-
 наніе прошлаго, оскорбленное самолюбіе, все разомъ заклю-
 чило въ ея душѣ, и въ головѣ явился злодѣйскій планъ. Она

притворилась веселою, игривою, пѣла съ такою страстию, что очаровала и совсѣмъ вскружила голову несчастному Грици. Тогда, улучивъ минуту, Маруса шепнула ему, чтобъ онъ пришелъ: „рано въ среду; матери не буде дома“... Что произошло между молодыми людьми, это видно изъ пѣсни Маруси:

«Ой не ходи, Грицю, на вечерниці;
 Бо на вечерницахъ дівки чаровниці.
 Ботра дивчина чернобрівая,
 Та чаровниченъка справедливая.
 У видію *) рано зїѣ конала,
 А въ понедѣлокъ переполаскала;
 Пришовъ вивторокъ, зїѣ заворыла
 У среду рано Грицю отруила **)
 Пришовъ четвергъ, Гриценъко вмеръ.
 Пришла пятниця—поховали Гриця;
 У субботу рано маты дочку біла.
 «На що ты, дою, Гриця отруила?..»
 — О маты, маты, жаль вваги не має:
 Не хай же Грицько двоихъ не кохає!
 Не хай не буде ни тїй, ни минн,
 Не хай достанетса сырой зїмлини.
 «Оце тоби, Грицю, я такъ изробыла,
 Що черезъ тебе мене маты біла,
 Оце тоби, Грицю такая заплаца:
 Изъ четырехъ досокъ темная хата».

Нельзи не обратить вниманія, какъ Маруса, при своей поэтической душѣ, могла пѣть о своемъ преступленіи съ такою пунктуальностью, что она дѣлала и въ воскресенье и въ понедѣльникъ, и во вторникъ... Что это: одни лишь воспоминанія, такъ часто преслѣдующія человека, что было съ нимъ во время извѣстнаго происшествія, или нѣкотораго рода хвастовство и торжество въ уснѣхъ заранѣе обдуманнаго плана?.. Разгадать трудно... Не даромъ у Маруси Чурай былъ крутой, сухой лобъ и носъ съ хищнымъ выраженіемъ... Въ пѣснѣ не видно раскаянія, такъ какъ будто бы съ Грицею и дѣйствительно такъ справедливо было-бы поступить, какъ она посту-

*) Въ воскресенье.

**) Отравила.

пила. Но вотъ въ этой исторіи проблема: *куда Маруся могла сложить эту тишину?* Преданіе говоритъ, что когда этого отравленнаго Грицію привезли въ гробъ въ церковь, туда прибѣжала испуганная Маруся; бросился цѣловать покойника и передъ всѣмъ народомъ созналась въ своемъ преступленіи. Другого сказанія, опровергающаго этотъ фактъ въ Украинѣ, не существуетъ. И нельзя допустить, чтобы этой мелодрамы не было, такъ-какъ преданіе продолжаетъ, что преступленіе Маріи Чурай было открыто такимъ образомъ, и она была заключена въ острогъ (тюрьму) и приговорена къ смертной казни.

Наступилъ назначенный день *). Рано утромъ поднялась Полтава на главную площадь. Посреди шумящаго народа, двое дюжихъ палачей уже ввели безчувственную Марусю на роковой помостъ и начался чтеніе приговора. Какъ вдругъ на ворономъ конѣ примчался въ средину громады запыленный всадникъ, казакъ... Это былъ Петръ Искра. Именемъ гетмана Богдана Хмѣльницкаго онъ остановилъ чтеніе приговора и далъ писарю гетманскій универсалъ, въ которомъ даровалась жизнь Марусѣ „ради славной смерти ея отца Гордѣя Чурая и сладкихъ, слагаемыхъ ею пѣсень“. Я ничего не прибавилъ къ преданію.

Само собою разумѣется, что Искра, узнавши о злополучной участи, ожидавшей его Марусю, бросился къ Хмѣльницкому и, при расположеніи къ нему новаго гетмана, ему удалось спасти свою милую отъ неминуемой смерти.

Во всемъ согласныя до-сихъ поръ преданія о Марусѣ Чурай расходятся о дальнѣйшей ея жизни въ двухъ вариантахъ. Одни говорятъ, что подкошенная, надломленная, страждущая Маруся послѣ прощенія зачахла, захирѣла и въ тотъ

---

*) Происшествіе должно отнести къ 1648 — 49 году, послѣ битвы подъ Желтыми водами и вѣзда 1-го октября 1648 Хмѣльницкаго въ Кіевъ, въ тотъ-же день провозглашеннаго гетманомъ.

этотъ годъ умерла въ чухоткѣ; другіе, что ей тяжело было жить въ Полтавѣ, и она пустилась странствовать и погребла себя въ какомъ-то русскомъ монастырѣ...

Вѣрно только то, что Маруся Чурай больше своихъ землякъ ивсовъ не пѣвала.

А. Шкляревскій

честерскаго онъ заставилъ избрать преемникомъ Петра де Рошъ «рыцаря очень опытнаго въ войнѣ». При такомъ положеніи сдѣлалась вакантною канторберійская кафедра, примаса королевства, по кончинѣ архіепископа Губерта, умершаго въ юнѣ 1205 года.

Избраніе канторберійскаго архіепископа составляло замѣчательное событіе. Монахи Кристь-Шурша, въ составѣ кафедральной епархіи, постоянно претендовали на свое исключительное право избранія, какъ это бывало во времена Саксовъ; викарные же епископы, поддерживаемые норманскими королями, присвоивали и себѣ право участія въ выборѣ главы англійскаго духовенства. Еще не было погребено тѣло Губерта, какъ молодые монахи, желая за одинъ разъ освободиться и отъ королевскаго вліянія, и отъ участія епископовъ, ночью тайно собрались и выбрали Регинальда, монастырскаго субъ-пріора. По окончаніи выбора они провозгласили Те Деум и возвели избраннаго на архіепископскій престолъ. Но какъ требовалась особенная осторожность и тайна отъ короля до утвержденія избранія папой, то Регинальдъ клятвенно обязался тотчасъ-же выѣхать въ Римъ съ нѣкоторыми монахами, тщательно скрывая отъ всѣхъ истинную цѣль своего путешествія. Однако, ослѣпленный тщеславіемъ, при въѣздѣ во Фландрію, онъ сталъ повсюду называть себя избраннымъ канторберійскимъ архіепископомъ, отправляющимся къ намѣстнику св. Петра за утвержденіемъ избранія.

Въ то время папскій престолъ занималъ Иннокентій III. Увидѣвъ передъ собой кичливаго претендента, съ настойчивымъ требованіемъ утвержденія, папа приостановился и отложилъ дѣло до полученія болѣе подробныхъ свѣдѣній. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, одобряя попытки монаховъ монастыря Кристь-Шуршъ, онъ написалъ викарнымъ епископамъ, совѣтуя имъ воздерживаться отъ вмѣшательства въ дѣла канторберійской епархіи, главы своей, и строго держаться въ границахъ, установившихся въ прежнія времена. Въ Англіи проявилось сильное волненіе. Всѣ были раздражены: король и епископы, такъ-какъ они были обмануты; старые монахи, такъ-какъ избраніе обошлось безъ ихъ участія; молодые монахи, такъ-какъ Ре-

Регинальдъ, нарушивъ клятву, ихъ скомпрометировалъ. Тѣ и другіе соединились и тотчасъ же отправили къ королю депутатовъ съ извиненіемъ и ходатайствомъ позволенія произвести новыя выборы. Іоаннъ согласился и, съ своей стороны, убѣдительно рекомендовалъ имъ Іоанна де-Грея, епископа норвичскаго, своего довѣреннаго и задушевнаго друга, одного, по его выраженію, изъ всѣхъ прелатовъ Англіи, посвященнаго во всѣ его тайныя думы. Воротясь, депутаты отдали духовенству отчетъ миссіи, и собраніе, желая помириться съ оскорбленнымъ королемъ, единодушно выбрало епископа норвичскаго. Затѣмъ отправилась депутація къ Іоанну де-Грею пригласить его въ Канторбери. Здѣсь въ присутствіи короля и безконечной толпы народа, собравшейся въ кафедральномъ соборѣ, духовенство, съ пѣніемъ благодарственнаго гимна, привело новоизбраннаго торжественно къ алтарю и возвело на архіепископскій престолъ. Послѣ того король всенародно ввѣрилъ ему инвеституру громаднхъ имуществъ, составлявшихъ достояніе архіепископства.

По исполненіи двойной церемоніи, посольство изъ 12 монаховъ, достаточно снабженное деньгами, отправилось къ св. отцу ходатайствовать утвержденія епископа Норвича. Въ то-же время епископы, суффраганы, съ своей стороны, отправили депутатовъ хлопотать о неутверженіи избранія, совершеннаго безъ ихъ участія. Такимъ образомъ, въ Римѣ предъ судомъ святѣйшаго отца и кардиналовъ явились три партіи по одному и тому-же дѣлу. Регинальдъ съ своими приближенными поддерживали первое избраніе, депутаты епархіи просили объ уничтоженіи перваго и объ утвержденіи втораго, наконецъ, депутаты епископовъ ходатайствовали объ уничтоженіи перваго и втораго. Относительно послѣдняго домогательства, т. е. домогательства епископовъ, Иннокентій поддержалъ свое первое мнѣніе, утверждая своимъ апостольскимъ авторитетомъ за канторберійскою епархіей исключительное право избранія архіепископа, безъ участія другихъ прелатовъ; по вопросу-же о двойномъ избраніи Иннокентій кассировалъ первое, какъ совершенное ночью, украдкой; безъ соблюденія каноническихъ формъ, кассировалъ и второе, какъ совершенное преждевременно, до

законнаго опредѣленія о ничтожности перваго, причѣмъ своей апостольской властью запретилъ обоимъ претендентамъ и на будущее время домогаться архіепископскаго достоинства. «И вотъ въ сущности» прибавляетъ Матье Пари, «причина и начало великаго смущенія».

Впрочемъ, такой результатъ, за исключеніемъ послѣдняго рѣшенія, былъ предвидѣнъ. Іоаннъ, отправляя посольство 12 монаховъ, общалъ имъ признать, въ случаѣ неутвержденія выборовъ, того, кого они изберутъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заставилъ ихъ обѣщать подъ клятвой не избирать никого, кромѣ епископа норвичскаго. Монахи, поставленные послѣднимъ рѣшеніемъ папы въ затруднительное положеніе, рѣшились употребить послѣдній аргументъ, самый сильный, который жадный и скупой король поручилъ имъ оставлять въ резервѣ до самаго рѣшительнаго момента. Они предложили папѣ за утвержденіе епископа норвичскаго три тысячи марокъ. Оскорбленный Иннокентій оказался теперь еще болѣе неумолимымъ. Тогда испуганные отвѣтственностью послы, имѣвшіе въ рукахъ авторизацію королевскую и полномочіе отъ монастыря на избраніе въ Римѣ канторберійскаго архіепископа, нашли себя вынужденными дѣйствовать сообразно волѣ кардиналовъ и папы. Полномочіе предоставляло имъ полное право избранія по своему усмотрѣнію, лишь бы выборъ палъ на челоуѣка достойнаго и, въ особенности, па агличанина.

Оба эти условія соединялись въ кардиналѣ Стефанѣ Лангтонѣ, стоящемъ въ первомъ ряду у престола намѣстника, извѣстномъ мудростью и безупречными нравами. Въ юности онъ отличался въ парижскомъ университетѣ, гдѣ занималъ видное мѣсто канцлера. Вызванный въ Римъ и возведенный въ кардинальское достоинство, онъ пользовался особымъ благоволеніемъ папы. На этомъ-то челоуѣкѣ Иннокентій остановилъ выборъ канторберійскихъ монаховъ. Одинъ изъ послѣднихъ уклонился отъ выбора, но остальные выбрали Стефана Лангтона, котораго нѣсколько спустя папа посвятилъ лично въ церкви Viterbe. Это былъ смѣлый ударъ и требовалась большая ловкость замаскировать его, скрыть отъ короля и англійскаго народа узурпацію его правъ и независимости.

Приказывая пріору и канторберійскимъ монахамъ, силою своей власти, признавать въ новомъ архіепископѣ своего пастыря и во всемъ безпрекословно повиноваться, Иннокентій въ то-же время скромно и умѣренно отнесся къ королю Англій. Зная страсть короля къ драгоценнымъ камнямъ, онъ отправилъ къ нему дорогой подарокъ, при письмѣ, заслуживающемъ быть приведеннымъ, какъ начало знаменитой борьбы и образчикъ аллегорическаго рода.

Иннокентій, папа, третій по имени, Іоанну, королю Англій и проч. проч и проч. Между земными богатствами, обладавія которыми такъ желаетъ глазъ смертнаго, мы отдаемъ преимущество золоту и драгоценнымъ камнямъ. Хотя ваше королевское величество обладаете большими богатствами, тѣмъ не менѣе, въ знакъ нашего благоволенія и нѣжности, мы назначили вашему величеству четыре золотыхъ кольца, въ которыхъ оправлены четыре камня. Разсматривая таинственный смыслъ этихъ вещей болѣе, чѣмъ самыя вещи, мы желали-бы обратить ваше вниманіе на форму, число, матерію и цвѣтъ. Форма изображаетъ вѣчность, неизмѣющую ни начала, ни конца. Пусть ваша королевская мудрость увидитъ въ этой фигурѣ способъ возноситься отъ вещей земныхъ къ небеснымъ, отъ временнаго къ вѣчному. Число четыре, составляя квадратъ, обозначаетъ твердость души, неподдающейся злополучію и невозносящейся въ счастіи, управляемой четырьмя главными добродѣтелями: справедливостью, силой, благоразуміемъ и умѣренностью. Золото означаетъ мудрость, превосходящую всѣ другія дарованія, какъ золото превосходитъ всѣ другіе металлы по слову Пророка «духъ мудрости почиетъ на немъ». И дѣйствительно, нѣтъ ничего болѣе необходимаго королю—вотъ почему мудрый царь Соломонъ просилъ у Господа только мудрости для добраго управленія народомъ, ему ввѣреннымъ. Наконецъ, зелень изумруда означаетъ вѣру, чистота сафира надежду, цвѣтъ граната — милосердіе, блескъ топаза—добрыя дѣла,—ибо Господь сказалъ, «пусть свѣтъ вамъ свѣтитъ». Такъ вамъ возвѣщается изумрудомъ вѣрить, сафиромъ надѣяться, гранатомъ любить, топазомъ совершать добро, дабы вы восходили отъ добродѣтели къ добродѣтели и дос-

тигли - бы къ лицезрѣнію Всемогущаго Бога на вѣчномъ Сіонѣ.

Мистическое посланіе сопровождалось письмомъ болѣе практическаго содержанія, въ которомъ первосвященникъ кратко увѣщевалъ англійскаго короля благосклонно принять Стефана Лангтона, кардинала, избраннаго, согласно каноническимъ правиламъ, архіепископомъ канторберійскимъ. „Уроженецъ Англій, онъ не только пользуется заслуженной репутацией знатока наукъ свѣтскихъ, но даже почетнымъ званіемъ доктора наукъ теологическихъ. Его жизнь и его нравы еще выше его познаній и потому его добродѣтели и его таланты не могутъ быть бесполезными на службѣ государю“.

Извѣстія изъ Рима сначала поразили короля, какъ громовой ударъ, но скоро одѣвѣніе замѣнилось бѣшенствомъ, и канторберійскіе монахи сдѣлались первыми его жертвами. Дѣйствительно, они поступали легкомысленно, переходя отъ одной ошибки къ другой. Тайное избраніе Регинальда, нарушеніе обязательствъ, принятыхъ ими къ королю и, наконецъ, что болѣе всего, выборъ Стефана Лангтона, на котораго король смотрѣлъ, какъ на своего личнаго врага — совершенно объясняли, хотя не оправдывая, увлеченія Іоанна Безземельнаго. Шайка разбойниковъ, съ обнаженнымъ оружіемъ, овладѣла монастыремъ. Начальники ея, извѣстные рыцари Фулькъ де Кантелуэкъ и Генри Корнвайль дерзко приказали пріору и братіи сейчасъ-же убираться изъ Англій, угрожая, въ случаѣ медленности, сжечь ихъ живыми вмѣстѣ съ монастыремъ. Дрожа и проклиная злополучную судьбу, несчастные монахи спѣшили въ ссылку. Перевезенные во Фландрію, они встрѣтили почетный пріемъ въ аббатствѣ св. Бертева, но оставшееся имущество ихъ было разграблено.

Одновременно король Іоаннъ отправилъ къ папѣ письмо, исполненное упрековъ и угрозъ. „Недовольно, говорилъ онъ, отвергнуть къ нашему безславію избраннаго епископа норвичскаго, вы посвятили въ канторберійскіе архіепископы какого-то Стефана Лангтона, человѣка намъ вполне неизвѣстнаго и жившаго въ продолженія долгаго времени между нашими заклятыми врагами. Къ еще большому нарушенію нашихъ ко-

ролевскихъ прерогативъ вы имѣли высокоумѣнную дерзость избрать этого Лангтона безъ полученія нашего согласія, что должны были сдѣлать монахи... Знайте-же, что мы будемъ биться до смерти, если это будетъ нужно, за свободу нашей короны и что мы непоколебимо рѣшились неуступать относительно выбора епископа норвичскаго. Если-же права наши не получаютъ должнаго удовлетворенія, то мы запремъ морской путь тѣмъ, которые желали-бы отправиться въ Римъ.... А такъ-какъ въ Англіи и въ другихъ нашихъ доменахъ находятся архіепископы, епископы и прелаты, обладающіе основательными познаніями въ наукахъ, то, въ случаѣ необходимости, мы не будемъ имѣть нужды нищенски выпрашивать произвольнаго суда иностранцевъ». Три вѣка послѣ Генрихъ VIII, въ моментъ отдѣленія церкви, невысказался грознѣе и высокоумѣннѣе.

Папа не испугался упрековъ и угрозъ; громы церкви гудѣли въ отдаленіи, но еще не разражались ударомъ, рука первосвященника поднялась, готовая или поразить, или благословить. Отвѣтъ Иннокентія былъ многословенъ, но ясенъ. Онъ положительно опровергалъ всѣ возраженія, искусно обходилъ и разбивалъ мелочныя обвиненія, недостойныя королевскаго достоинства, составлявшія, впрочемъ, существенную черту въ политическихъ отношеніяхъ короля Іоанна.

«Иннокентій, епископъ, служитель служителей Бога, нашему дорогому сыну по Господу Іисусу Христу, Іоанну, знаменитому королю Англіи—привѣтствіе и наше апостольское благословеніе. Мы писали вамъ относительно дѣлъ церкви канторберійской письмо кроткое, благосклонное, полное увѣщаній и просьбъ, вы-же отвѣчали тономъ угрозъ и упрековъ, увлеченія и гордости. Обдумайте, если ваша дружба для насъ необходима, то и наша для васъ бесполезна.

Прежде всего вы излагаете произвольныя и неосновательныя причины своего отказа на избраніе нашего дорогого сына кардинала Стефана, причины, заключающіяся въ томъ, что онъ продолжительное время жилъ между вашими врагами и что онъ вамъ совершенно неизвѣстенъ.... Мы полагаемъ, напротивъ, что въ этомъ не только нѣтъ преступленія, но осо-

бенная честь, такъ-какъ вслѣдствіе своего долгаго пребыванія въ Парижѣ, онъ получалъ достоинство доктора наукъ свѣтскихъ и теологическихъ, а по уваженію своихъ познаній и добрыхъ нравовъ удостоился получить въ Парижѣ пребенду. Для насъ удивительно, какъ такой замѣчательный человѣкъ, уроженецъ вашего королевства, можетъ быть вамъ неизвѣстенъ, несмотря на его извѣстную репутацію; тѣмъ болѣе удивительно, что съ того времени, какъ мы обѣщали возвести его въ кардинальское достоинство, вы писали ему три раза, называя его своимъ вѣрнымъ служителемъ и радуясь за его возвышеніе. Вы должны были вспомнить, что онъ родился въ вашемъ королевствѣ отъ родителей вѣрныхъ и преданныхъ вамъ и что онъ, наконецъ, имѣетъ пребенду въ Йоркской церкви, болѣе знаменитой и болѣе извѣстной, чѣмъ церковь Парижская. Такимъ образомъ не однѣ связи плоти и крови, но даже обязательства бенефиціи и духовнаго сана привлекаютъ его къ вашему лицу и королевству и свидѣтельствуютъ о его чистотѣ сердечной и глубокой признательности.

Ваши депутаты высказываютъ другую причину вашего несогласія на избраніе Стефана Лангтона, именно то, что не было испрошено предварительно вашего согласія; они увѣряютъ насъ, что письма, которыми мы приглашали васъ прислать по этому дѣлу своихъ депутатовъ, до васъ не достигли; наконецъ, они прибавляютъ, что монахи канторберійскіе, докладывавшіе вамъ по другимъ дѣламъ, не обращались къ вамъ съ ходатайствомъ о согласіи ни письменно, ни чрезъ уполномоченныхъ... хотя нѣтъ обычая ожидать согласія свѣтскихъ владѣтелей на избранія, произведенныя въ Римѣ, подлѣ апостольскаго престола, однакожь два духовныхъ лица были посланы къ вамъ съ специальнымъ порученіемъ ходатайствовать вашего утвержденія, но эти два монаха были задержаны въ Дуврѣ, а письма наши были отобраны для доставленія вамъ.... Нашъ курьеръ, представившій вамъ наши апостольскія посланія, передалъ также вашему королевскому величеству письма пріора и монаховъ, которые, во имя уполномочія отъ всей канторберійской братіи, единодушно славили это избраніе.

Послѣ такихъ стараній и такого вниманія, мы считали

уже бесполезнымъ дальнѣйшее домогательство вашего королевскаго согласія и положили дѣйствовать рѣшительно, открыто, слѣдуя каноническимъ правиламъ св. отцовъ, дабы, наконецъ, положить предѣлъ отлагательствамъ и затрудненіямъ, такъ давно волнуящимъ стадо Христово, лишенное своего законнаго пастыря. А потому, несмотря на упорство ваше придти къ мирнымъ соглашеніямъ, мы не можемъ, не унижая нашего достоинства и не насилуя нашей совѣсти, откладывать долге въ уполномочіи лицу достойному, избранному, согласно церковнымъ законамъ, безъ насилій и безъ обмана.

Вы же, дорогой мой сынъ, должны заслужить умѣренностью милость божественную и нашу. Иначе берегитесь вовлечь себя въ затрудненія, изъ которыхъ освободиться будетъ нелегко; подумайте, наконецъ, что долженъ-же быть превознесенъ Тотъ, предъ которымъ сгибается всякое колѣно на небѣ, землѣ и въ аду, котораго мы занимаемъ здѣсь мѣсто, какъ бы недостойны мы ни были сами лично. Не внимайте совѣтамъ, вносящимъ только раздоръ и беспорядокъ, дабы воспользоваться и ловить рыбу въ мутной водѣ, но вѣрьте нашему расположенію, и вы всегда найдете уваженіе, почѣсть и славу. Небезопасно для васъ вступать въ борьбу противъ Бога и святой Его церкви, по поводу, подобному тому, когда блаженный мученикъ и славный воитель церкви Томасъ Бекетъ пролилъ свою кровь и въ особенности, когда вашъ отецъ и вашъ братъ, вѣчно достойный памяти, король Англіи, клятвенно отрекался передъ легатомъ нашего апостольскаго престола отъ несправедливыхъ и гнусныхъ покушеній. Что-же касается до насъ, то, если вы будете смиренны и покорны, мы будемъ заботиться о вашихъ интересахъ.

Письмо въ высшей степени замѣчательное. Слѣдуя шагъ за шагомъ по дорогѣ, начертанной неблагоприятнымъ королемъ, папа искусно уклонялся отъ главнаго и важнаго вопроса о вѣнчателствѣ папы и ловко распространялся о вопросахъ второстепенныхъ, мелочныхъ, въ которыхъ на голову поражалъ противника. Три или четыре раза уличивъ въ противорѣчій и джи, онъ влечетъ его къ подножію Бога, наказывающаго матаежниковъ и прощающаго смиренныхъ. Нако-

нецъ, онъ вызываетъ передъ его глазами ужасное и живое еще въ памяти воспоминаніе о Томасѣ Бекетѣ, оросившемъ кровью ступени алтаря, о гордомъ плантагенетѣ Генрихѣ II, отцѣ его, бичуемомъ на могилѣ мученика.

Не по плечу Іоанна была борьба съ такимъ борцомъ, вооруженнымъ такими средствами. Ослѣпленный гордостью и бѣшенствомъ, онъ оттолкнулъ руку папы. Впрочемъ, Иннокентій не спѣшилъ борьбой; только въ концѣ года, когда онъ увидѣлъ сердце короля загрубѣвшимъ, недоступнымъ къ спасительнымъ увѣщаніямъ и угрозамъ, когда убѣдился въ невозможности достигнуть уступокъ, только тогда онъ приказалъ, согласно съ мнѣніемъ кардиналовъ, Вильгельму, епископу лондонскому, Евстафію, епископу Ели и Можеру, епископу винчестерскому, явиться къ королю Англіи и представить ему печальное положеніе церкви канторберійской. Они должны были сначала увѣщаніями убѣдить въ необходимости покориться Господу Богу,—въ противномъ-же случаѣ, при упорствѣ, наложить на все англійское королевство интердиктъ, а королю лично объявить отъ имени апостольской власти, что если и это средство будетъ недостаточно и не сломитъ его безумнаго упорства, то папа наложитъ еще тягчайшее наказаніе „ибо должно восторжествовать Тому, который за спасеніе св. церкви укротилъ діавола, мятежныхъ ангеловъ и разрушилъ врата ада“.

Три епископа, съ словами мира и войны, явились передъ королемъ Іоанномъ. Вѣрные исполнители посланія первосвященителя, они кротко умоляли государя вспомнить о Господѣ, призвать въ церковь канторберійскую архіепископа и монаховъ, почтить ихъ, любить всею полнотою чистаго сердца, избѣжать скандала наложенія интердикта, за что Господь воздастъ ему могущество при жизни и вѣчную славу послѣ смерти. Но Іоаннъ не далъ имъ кончить; ругаясь надъ папой и кардиналами, онъ грозилъ, въ случаѣ наложенія интердикта, захватить всѣхъ прелатовъ, клерковъ и священниковъ Англіи, отправить ихъ къ лапѣ, конфисковать имущества, а римлянъ, жившихъ въ Англіи, выгнать въ Римъ, предварительно выколовъ глаза и обрѣзавъ носы. Потомъ, угрожая самимъ еписко-

намъ, онъ приказалъ имъ, какъ можно скорѣе, удалиться отъ его присутствія, если желаютъ избѣжать скандальнаго наказанія. Епископы удалились, но въ слѣдующій постъ торжественно объявили по всему государству интердиктъ.

Англія представляла печальное зрѣлище: храмы заперты, колокольнаго звона не слышно, нѣтъ ни церемоній, ни священнодѣйствій, за исключеніемъ только крестинъ новорожденныхъ, исповѣдей и причащеній умирающихъ, весьма рѣдкихъ воскресныхъ проповѣдей на клалбицахъ, супружества благословляются украдкой на церковныхъ папертахъ, трупы выносятся изъ городовъ и бросаются въ рвы, какъ животныхъ, безъ должныхъ молитвословій. Религіозное чувство народа скорбѣло. Но Іоаннъ выказывалъ покойное и пріятное расположение духа,

Три епископа, по обнаруженіи интердикта, скрылись на континентѣ. Король тотчасъ-же приказалъ лишить всякаго имущества и даже заключить въ тюрьму всѣхъ ихъ родственниковъ и родственниковъ Лангтона. Затѣмъ разослалъ по всему государству виконтовъ и агентовъ для севестрованія имущества и доходовъ духовенства. Всѣ епископы, прелаты, аббаты и пріоры получили приказаніе немедленно оставить Англію, свободные, какъ говорили королевскіе агенты, искать правосудія у папы. Нѣкоторые епископы повиновались, но большая часть рѣшительно отказалась оставить монастыри иначе, какъ по принужденію. Такая рѣшительность, вѣроятно внушенная народной симпатіей, сначала какъ, будто умиротворила мстительность короля. Подтверждая севестръ имущества духовенства, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживалъ весьма любопытный актъ, которымъ устанавливалось для духовенства «приличное обезпеченіе», а именно для монаховъ ежедневно два кушанья, а бѣлымъ духовнымъ столько, сколько необходимо по присяжному опредѣленію четырехъ прихожанъ. Одновременно съ тѣмъ, какъ будто-оставляя за однимъ собою удовольствіе мести, онъ назначилъ смертную казнь повѣшеніемъ на ближайшемъ деревѣ за всякое оскорбленіе духовнаго словоцъ или дѣйствіемъ. Но, кажется, этотъ законъ не исполнялся строго. Каждый духовный, каждый человѣкъ, принадлежащій

къ церкви, встрѣтятся на дорогѣ съ агентами короля, считалъ себя счастливымъ, отдѣлавшись только потерей лошади и имущества. Однажды, когда король находился на границѣ валійской, служители одного виконта привели къ нему связаннаго разбойника, ограбившаго и убившаго на дорогѣ священника. вмѣсто исполненія изданнаго закона, король сказалъ: развяжите и отпустите этого человѣка, онъ освободилъ меня отъ одного изъ враговъ.

ГЛАВА V.

Насилія Іоанна противъ бароновъ, сельскихъ обывателей оксфордскихъ клерковъ духовныхъ орденовъ. Его отлученіе отъ церкви. Казнь архидіакона норвичскаго. Насилія противъ Евреевъ. Англичане разрѣшаются отъ присяги въ вѣрности къ Іоанну. Экспедиція и заговоръ.

Не смотря на видимое презрѣніе къ интердикту, король не могъ не ощущать тревоги. Если папа выполнитъ всѣ свои угрозы, въ чемъ нельзя было сомнѣваться, если онъ положитъ на короля исключительное отлученіе отъ церкви, разрѣшитъ подданныхъ отъ присяги въ вѣрности, то, безъ всякаго сомнѣнія, граждане, благородный классъ и земледѣльцы, однимъ словомъ, весь народъ, невинный въ преступленіяхъ короля, но угнетенный имъ, предпочтетъ отступиться отъ него и снова возстановитъ алтари. ●

Противъ неизбежной опасности Іоаннъ ограждался новыми жестокостями: онъ отправилъ къ самымъ могущественнымъ баронамъ и въ особенности къ подозрительнымъ вооруженные отряды, съ требованіемъ отъ нихъ въ вѣрномъ исполненіи ихъ обязанностей заложниковъ, и многіе бароны безпрекословно исполнили требованіе короля, выдавъ ему сыновей, племянниковъ и другихъ ближайшихъ родственниковъ. Вообще, за исключеніемъ Рима, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ сторона короля казалась торжествующей. Вильгельмъ, король Шотландіи, избѣгая войны, предпочелъ заплатить пятнадцать тысячъ

марокъ и выдать заложниковъ изъ самыхъ богатыхъ и благородныхъ фамилій королевства; онъ согласился даже предоставить англійскому королю право выбора супруговъ для своихъ двухъ дочерей. Валійцы, вещь до-сихъ-поръ неслышанная, явились къ королю въ Вудстокъ въ качествѣ вѣрныхъ подданныхъ. Ирландія, усмиренная въ три мѣсяца, приняла правителя отъ руки короля знаменитаго норвичскаго епископа, любимца Іоанна, де-Грея. Но, не смотря на усмиреніе Ирландіи, подданство Валійцевъ, покорность короля Шотландіи, Англія не могла долго выносить это тяжелое ярмо спокойно. Хотя ненависть къ тираніи еще не обнаруживалась, но глухо и неустанно бродила въ умахъ всѣхъ сословій, отъ высоко-мѣрныхъ бароновъ и епископовъ до послѣдняго арендатора. Іоаннъ какъ-будто самъ выискивалъ средства ускорить катастрофу.

Не было налога, котораго онъ не примѣнилъ бы къ дѣлу. По возвращеніи съ похода противъ Шотландіи, онъ приказалъ жечь изгороди и уничтожить рвы во всѣхъ лѣсистыхъ округахъ Англіи, запретилъ держать гончихъ собакъ, отчего полевые произведенія стали безнаказанно опустошаться дикими животными, запретилъ ловлю птицъ. Потомъ онъ заставилъ присягать себѣ всѣхъ свободныхъ арендаторовъ и всѣхъ дѣтей отъ одиннадцати лѣтъ. Изъ ненависти къ лондонскимъ горожанамъ, онъ перевелъ камеру казначейства изъ Вестминстера въ Нортamptonъ.

Одинъ изъ клерковъ, оксфордскій воспитанникъ, совершивъ неумышленное убійство, бѣжалъ. Начальникъ города, не успѣвъ захватить неосторожнаго убійцу, арестовалъ и заключилъ въ тюрьму трехъ его друзей и товарищей, совершенно непричастныхъ къ преступленію. Спустя нѣсколько дней, по приказанію короля, въ прямое нарушеніе духовныхъ прерогативъ, схваченныхъ невинныхъ клерковъ повѣсили за городской чертой. Тогда три тысячи клерковъ, наставники и школьники вышли изъ Оксфорда и удалились одни въ Кембриджъ, другіе въ Редингъ. Университетъ опустѣлъ.

По окончаніи Ирландской экспедиціи король, созывъ въ Лондонъ собраніе всѣхъ сановниковъ духовныхъ орденовъ,

аббатовъ, пріоровъ, аббатисъ, тамплиеровъ, госпиталиеровъ и др., потребовалъ отъ нихъ громадной суммы ста тысячъ фунтовъ стерлинговъ, не считая сорока тысячъ фунтовъ серебра, вымученныхъ имъ у блага духовенства Англіи въ видѣ исключительной субсидіи. Общее бѣдствіе характеризовало правленіе Іоанна: народъ лишился жатвъ, горожане промышленныхъ выгодъ, ученые средствъ образованія, епископы и аббаты своихъ доменовъ и проч. Естественно, такой гнетъ, равно гнетущій всѣхъ Норманновъ и Саксовъ, богатыхъ и бѣдныхъ, не могъ не сгладить неравенствъ расъ и классовъ. Два года Іоаннъ держалъ всю Англію въ тяжкомъ ярмѣ и не было надежды на болѣе свѣтлое время. Папа Иннокентій III не могъ долѣе выносить подобнаго порядка вещей. Рѣшившись съ корнемъ истребить церковный скандалъ, онъ поручилъ епископамъ лондонскому, Эли и Ворчестера объявить надъ именемъ короля отлученіе отъ церкви, торжественно обнародовать (1209 г.) въ каждое воскресенье и въ каждый праздничный день повсемѣстно во всѣхъ церквахъ приговоръ, дѣлавшій короля предметомъ отвращенія и ужаса, котораго одно прикосновеніе становилось заразительнымъ. Но когда воля первосвященника дошла до прелатовъ и аббатовъ, она оледенила ихъ ужасомъ; аббаты походили, какъ говорить лѣтописецъ, на собакъ, не смѣвшихъ залаять.

Съ своей стороны, Іоаннъ бдительно охранялъ берега государства, такъ-какъ, по мнѣнію подкупленныхъ и преданныхъ ему богослововъ, отлученіе не могло имѣть значенія до тѣхъ поръ, пока оно не было официально обнародовано. Король принималъ всѣ мѣры недопустить отлучительной буллѣ проникнуть въ государство, но, несмотря на то, приговоръ скоро сталъ извѣстенъ всѣмъ. Извѣстіе переходило изъ улицы въ улицу, изъ площади въ площадь; повсюду собирались толпы; булла стала постояннымъ предметомъ общихъ разговоровъ. Характеристической чертой мѣръ Іоанна можетъ служить слѣдующій случай. Готфридъ, норвичскій архидіаконъ, засѣдая въ Вестминстерѣ въ камерѣ казначейства, въ бесѣдѣ съ коллегами о папской буллѣ, высказалъ убѣжденіе о невозможности долѣе оставаться въ службѣ отлученнаго государя и затѣмъ

безъ разрѣшенія возвратился въ свою епархію. Черезъ нѣсколько времени слухъ объ этомъ дошелъ до свѣдѣнія государя и до крайности раздражилъ его. Посланный отъ короля Вильгельмъ Талботъ, съ шайкой вооруженныхъ воиновъ, схватилъ архидіакона, заковалъ въ цѣпи и бросилъ въ тюрьму. Спустя нѣсколько дней, по повелѣнію Іоанна, его одѣли свиновымъ покровомъ и оставили безъ пищи. Насчастный умеръ отъ голода.

Даже евреи, которыхъ невозможно было заподозрить въ сообщничествѣ съ папой, не ускользнули отъ гоненія. Они считались богатыми, а это въ средніе вѣка составляло самое громадное преступленіе. И вотъ, въ одно прекрасное утро король Іоаннъ приказалъ захватить всѣхъ англійскихъ евреевъ, мужчинъ и женщинъ, заключить ихъ въ тюрьмы и мучить до тѣхъ поръ, пока не отдадутъ всѣхъ своихъ сокровищъ. Многіе изъ нихъ освободились отъ мукъ, выдавъ все свое имущество и общая еще болѣе. Но одинъ изъ нихъ, нѣкто Бристоль, несмотря на всевозможныя мученія, упорно отказывался отъ выкупа. Тогда король приказалъ вырывать у несчастнаго каждый день по одному зубу до уплаты десяти тысячъ марокъ серебра. Въ продолженіи 7 дней еврей выносилъ ужасныя муки, но, наконецъ, на восьмой просилъ пощады и отдалъ все золото.

Однакожь находились люди, не только участвовавшіе въ такихъ жестокостяхъ, но даже оправдывавшіе ихъ, считавшіе ихъ законными. Въ эпоху интердикта одинъ извѣстный теологъ мессвръ Александръ Масонъ успѣлъ втереться въ королевскій совѣтъ и его пагубному вліанію приписывали жестокія мѣры Іоанна. По доктринѣ этого теолога народныя бѣдствія зависятъ не отъ лица короля, а отъ преступленій самого народа, что государь бичъ Божій, несокрушимое орудіе для униженія высшаго класса, что власть папы некомпетентна въ свѣтскихъ дѣлахъ государей и что Господь даровалъ Св. Петру власть только надъ церковью и на дѣла духовныя. По этому ученію, нарушеніе правъ считалось возвышенностью духа, не останавливающагося въ стремленіи къ великимъ цѣлямъ мелочами, страшными для умовъ слабыхъ.

Въ это самое время и какъ будто въ отвѣтъ на ученіе мессира Александра, папа Иннокентій III обнародовалъ отлученіе отъ церкви императора Оттона, разрѣшилъ отъ присяги въ вѣрности германскихъ бароновъ, что, безъ сомнѣнія, должно было еще болѣе усилить раздраженіе короля Іоанна, родственника и союзника императора. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это обстоятельство не могло не поколебать упорства короля. Покрайній-мѣрѣ къ этому времени относится первая попытка сближенія короля съ папой въ переговорахъ, перваго съ агентами первосвященника поддіакономъ Пандольфомъ и братомъ Дюрандомъ. Въ этихъ переговорахъ когда дѣло шло о признаніи Стефана Лангтона, о водвореніи монаховъ въ монастыри, о возвращеніи изгнанныхъ епископовъ въ епархіи, король показывалъ самое миролюбивое настроеніе, но когда возникъ вопросъ о вознагражденіи монаховъ и епископовъ, о возвращеніи имъ отнятыхъ доходовъ, скупость короля пробудилась и онъ оставался непреклоннымъ. Депутаты Иннокентія возвратились во Францію съ полнымъ неуспѣхомъ. Конечно, сторона папы выиграла значительный шансъ. Въ этой борьбѣ духовной и свѣтской власти въ полномъ блескѣ выказалась грязная жадность государя, видѣвшаго въ прерогативахъ и значеніи своей короны только денежный вопросъ. Тотчасъ-же по окончаніи переговоровъ Иннокентій обнародовалъ вторично буллу, освобождавшую отъ клятвы въ вѣрности и покорности всѣхъ подданныхъ короля Англіи, знатныхъ и незнатныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ. Король становился отчужденнымъ, разительной язвой; подъ угрозой отлученія и проклятія запрещалось всякое съ нимъ общеніе, даже всякій разговоръ.

Еще недавно, въ послѣднюю экспедицію противъ Валійцевъ, значительное число рыцарей отказалось слѣдовать за королемъ. Вѣрныи своимъ наклонностямъ, Іоаннъ тогда наложилъ на виновныхъ штрафъ уплаты по двѣ серебряныхъ марки. Теперь-же, узнавъ о затруднительномъ положеніи короля, Валійцы сдѣлали неожиданный набѣгъ, взяли нѣсколько замковъ, умертвивъ бывшихъ тамъ рыцарей, и воротились съ громадной добычей, не потерявъ ни одного воина. Раздраженный такой смѣлостью, король, по словамъ лѣтописца, собралъ

многочисленные отряды пѣшихъ и конныхъ воиновъ, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ опустошить всю страну Валлійцевъ и истребить всѣхъ ея жителей. По прибытіи въ Ноттингамъ онъ объявилъ волю не принимать никакой пищи до тѣхъ поръ, пока не будутъ повѣшены 28 дѣтей валлійскихъ, отданныхъ ему въ заложники въ прошедшемъ году. По исполненіи этого звѣрскаго злодѣяства онъ спокойно сѣлъ за столъ, по въ это время явился гонецъ отъ короля Шотландскаго съ тайнымъ извѣстіемъ о заговорѣ его бароновъ, а вслѣдъ за нимъ и другой гонецъ съ подобными же вѣстями отъ его дочери, жены Леолвина, одного изъ валлійскихъ владѣтелей. Послѣ обѣда король удалился въ особый покой распросить обоихъ гонцовъ, прибывшихъ съ различныхъ сторонъ съ извѣстіями одного содержанія. Несмотря на всю вѣроятность свѣдѣній, король не обратилъ на нихъ должнаго вниманія и отправился въ Честеръ. Здѣсь имъ было получено еще болѣе подробное сообщеніе о заговорѣ бароновъ, положившихъ или убить его, или выдать Валлійцамъ. Тогда король понялъ опасность своего положенія и важность даннаго ему подданнымъ разрѣшенія отъ клятвы въ вѣрности. Онъ быстро перемѣнилъ намѣреніе, распустилъ армію, заперся въ Лондонѣ и потребовалъ отъ всѣхъ заподозрѣнныхъ бароновъ заложниковъ. Большая часть изъ нихъ не осмѣлилась отказать и только Евстафій Веши и Робертъ Фицъ Валтеръ убѣжали, одинъ въ Шотландію, а другой во Францію. Это были бароны наиболѣе скомпрометированные въ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью предоставить корону Вильгельму де-Монфоръ.

Упраздненныя мѣста изгнанныхъ или недовольныхъ бароновъ у королевскаго трона замѣстили разные авантюристы континента, которыми Иоаннъ любилъ окружать себя, какъ симпатичныхъ ему по общности преступленій, интересовъ и опасностей. Между другими особенно выдавался нѣкто Фаногезъ или Факонъ, сопровождавшій короля въ походъ противъ Валлійцевъ. Факона, норманна, незаконнорожденнаго, гнуснаго рутьера, не задумывающагося ни передъ какимъ злодѣяствомъ, король зналъ хорошо, уважалъ и сдѣлалъ изъ него главное орудіе противъ бароновъ.

ГЛАВА VI.

Религіозныя убѣжденія короля Іоанна. Посольство къ Мирамолу. Предсказаніе Петра-Пустынника. Никокентій III предлагаетъ корону Англіи Филиппу-Августу. Іоаннъ признаеть себя вассаломъ паны. Смерть Петра-Пустынника.

Въ XIII вѣкѣ поборы, насилія, самыя крайнія злоупотребленія силы, неизвѣстныя нашимъ благоустроеннымъ обществамъ, не возбуждали глубокаго неудовольствія и общаго противодѣйствія; на это смотрѣли какъ на большее или меньшее развитіе феодальнаго права,—это было въ порядкѣ вещей. Но въ эти времена рыцарскаго энтузіазма считалось дѣломъ немислимымъ, нетерпимымъ—трусость короля; въ эти времена крестовыхъ походовъ и религіознаго воодушевленія считалось невыносимымъ нечестіе короля. Іоаннъ былъ деспотомъ, нечестивцемъ и трусомъ; деспотизмъ и нечестіе онъ доводилъ до крайнихъ предѣловъ. Въ этомъ отношеніи, говоритъ лѣтописецъ, дерзость короля доходила до безумства, до сомѣнія въ будущее воскресеніе мертвыхъ и въ другіе догматы христіанскаго ученія. Лѣтописецъ не осмѣлился даже передать потомству всѣхъ его нечестивыхъ, безумныхъ выходовъ. Однажды напр., разрѣзывая очень жирнаго оленя, убитаго имъ на охотѣ, онъ выразился съ насмѣшкой: «какъ этому животному хорошо жилось, онъ никогда небывалъ у обѣдни».

Два великихъ предпріятія занимали современное христіанство: война съ сарацинами и война съ альбигойцами. Въ тѣ времена еретики не менѣе самихъ невѣрующихъ возбуждали къ себѣ глубокое отвращеніе. И однакожь когда Филиппъ-Августъ, подъ вліяніемъ политики, велъ войну съ альбигойцами, Іоаннъ поддерживалъ послѣднихъ, посылая къ нимъ войско подъ начальствомъ Сивари де Молеонъ противъ крестовыхъ войскъ Симона де-Монфора. Конечно, Іоаннъ былъ не единственнымъ ихъ союзникомъ; графъ Раймондъ Тулузскій, король Петръ Арагонскій не пренебрегали скандаломъ подобнаго союза, но ни графъ Тулузскій, ни король Арагонскій,

ни даже сами альбигойцы, не навидѣвшіе папу, подѣ безпощаднымъ мечомъ не рѣшались совершить того, что сдѣлалъ Іоаннъ, король Англіи, братъ Ричарда-львиного-сердца. Онъ ходатайствовалъ дружбу у Африканскихъ язычниковъ. И не только положилъ корону и вѣру своихъ отцовъ къ ногамъ сарацина, онъ сдѣлалъ это съ цинизмомъ и наглостью, возбудившими, по словамъ лѣтописца, неудовольствіе и отвращеніе даже въ самихъ язычникахъ.

Всѣ эти странные переговоры, подробно записанные Матье Пари, заслуживаютъ передачи ихъ слово въ слово. Король Іоаннъ отправилъ съ особенной поспѣшностью и въ великой тайнѣ двухъ рыцарей, Фому Гердинстона и Рауля, сына Николая, съ клеркомъ Робертомъ Лондонскимъ къ Мармелину, повелителю Африки, Марокко и Испаніи, извѣстному подъ именемъ Миромолина, передать послѣднему желаніе короля присоединиться къ его владѣніямъ, добровольно признать его своимъ повелителемъ въ качествѣ данника. Мало того, отрѣкаясь отъ христіанской вѣры, которую онъ называлъ бреднями, онъ признавалъ себя сподвижникомъ вѣры магометанской. Когда посланные съ тайнымъ порученіемъ прибыли ко двору восточнаго повелителя, они нашли у первой двери нѣсколько воиновъ съ мечомъ въ рукѣ, охраняющихъ входъ. У второй двери дворца послы увидѣли большее число воиновъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы, одѣтыхъ роскошнѣе первыхъ; эти послѣдніе отличались болѣе сановитою внѣшностію и казались болѣе высокаго роста. Наконецъ, у входа во внутреннюю залу находились воины еще въ большемъ числѣ, еще болѣе сановитѣе и еще болѣе воинственныя; почтительно введенные съ разрѣшенія Миромолина, послы, представители короля Англіи, привѣтствовали его съ подобающею честью, изложивъ передъ нимъ цѣль своего порученія и представивъ королевскую хартію, которую призванный толмачъ тотчасъ же передавалъ на туземный языкъ.

Выслушавъ хартію, восточный повелитель закрылъ книгу, которую онъ пробѣгалъ, сидя у пюпитра. Это былъ человѣкъ средняго возраста, средняго роста, съ манерами важными и рѣчью обдуманной и изящной. Подумавъ нѣсколько времени,

онъ скромно отвѣчалъ: сейчасъ читалъ я греческую книгу, написанную однимъ грекомъ-мудрецомъ и христіаниномъ Павломъ; дѣйствія его и ученіе мнѣ очень нравятся. Я-бы его совершенно одобрялъ, еслибъ онъ не отрелся отъ вѣры отцовъ своихъ, не сдѣлался-бы вѣрникомъ и непостояннымъ. Я высказываю это по поводу вашего государя, короля Англїи, который, отрекаясь отъ святой вѣры христіанъ, ему прирожденной, желаетъ, какъ человѣкъ легкомысленный и непостоянный, перейти къ другому закону. Богъ всемогущій, которому все открыто, знаетъ, что еслибъ я не исповѣдывалъ своей наслѣдственной вѣры, то отъ всего моего сердца я желалъ-бы присоединиться къ христіанскому закону.

Потомъ онъ сталъ спрашивать о королѣ Англїи и его государствѣ. Отвѣчалъ Томасъ, наиболѣе краснорѣчивый изъ пословъ: «нашъ государь славнаго и знаменитаго рода, законный потомокъ великихъ королей, своихъ предковъ. Государство его богато и ни въ чемъ ненуждается; оно изобилуетъ обработанными полями, пастбищами, лугами и лѣсами. Почва заключаетъ въ нѣдрахъ всѣ породы металловъ, искусно обрабатываемыхъ промышленниками. Нашъ народъ, прекрасный и разумный говоритъ на трехъ языкахъ: латинскомъ, французскомъ и англійскомъ; онъ знакомъ со всѣми родами механическихъ искусствъ. Впрочемъ, наши земли не производятъ ни виноградниковъ, ни оливковъ, но мы съ излишествомъ получаемъ ихъ отъ сосѣднихъ народовъ посредствомъ торговыхъ сношеній. Воздухъ здоровый и умѣренный; находясь на сѣверо-западѣ, наша страна получаетъ жаръ отъ запада, а свѣжесть отъ сѣвера, отчего происходитъ очень прїятная температура. Окруженное со всѣхъ сторонъ моремъ, отечество наше вполне заслуживаетъ имени царицы острововъ. Государство управляется королемъ муропомазаннымъ и коронованнымъ. Онъ независимъ и самодержавенъ и признаетъ надъ собою только власть одного Бога. Церковь и исповѣданіе нашей религіи благоденствуетъ у насъ болѣе, чѣмъ у какого-либо другого народа и, однимъ словомъ, законы папы и короля мирно господствуютъ.

На эту рѣчь восточный владыка отвѣчалъ: «я никогда не слыхалъ, чтобъ король, обладатель такого благоустроеннаго

государства, покорнаго и преданнаго ему, пожелалъ бы добровольно уничтожить свою собственную власть, изъ своего независимаго государства сдѣлать государство данное, свое государство передать другому, свое отечество сдѣлать страной несчастной и наконецъ, чтобъ человекъ объявлялъ себя побѣжденнымъ, не бывъ раненымъ и отдавать себя на произволъ другого. Напротивъ, я слышалъ о многихъ мужахъ, проливавшихъ потоками свою кровь за свободу и это достойно похвалы. Теперь я ясно понимаю, что такой господинъ, какъ вашъ, долженъ быть несчастнымъ, лѣнивымъ и презрѣннымъ, что онъ ничтожество, что онъ желаетъ сдѣлаться празднымъ рабомъ, т. е. самымъ недостойнымъ изъ смертныхъ.

Потомъ съ презрительнымъ видомъ онъ разспрашивалъ о лѣтахъ короля, ростѣ и тѣлосложеніи. Ему отвѣчали, что король 50 лѣтъ, волосы его совершенно бѣлы, тѣлосложеніе крѣпкое, ростъ невысокій. Выслушавъ эти подробности, Мирамолинъ продолжалъ: «горячая энергія юности и зрѣлаго возраста уже охладилась и начинаетъ нѣмѣть. Еще черезъ 10 лѣтъ, если онъ проживетъ до тѣхъ поръ, силы его совершенно ослабнутъ; если онъ предприметъ теперь какое-либо трудное предпріятіе, онъ, безъ сомнѣнія, не увидитъ конца». Затѣмъ, обдумывая вопросы и отвѣты пословъ, онъ нѣсколько времени оставался въ глубокомъ размысленіи. Потомъ, съ явнымъ отвращеніемъ къ королю Іоанну и съ улыбкой презрѣнія, выразился: «нѣтъ, этотъ человекъ не король, а старая болтливая кукла, я не желаю съ нимъ имѣть дѣла, онъ не достоинъ моего союза». И, бросивъ на Томаса и Рауля грозные взоры, прибавилъ: «прочъ съ глазъ моихъ, пусть ваши взоры никогда не встрѣчаются съ моими. Безчестіе вашего господина, безумнаго отступника, заражаетъ воздухъ зловошіемъ.» Между тѣмъ какъ удалялись послы съ яркой краской стыда, Мирамолинъ обратился къ третьему изъ нихъ, клерку Роберту. Это былъ маленькій, худощавый, смуглый человекъ, съ изуродованными руками (одна рука короче другой и съ двумя пальцами, сросшимися на одной изъ нихъ), съ жидовскимъ типомъ. Предполагая, что такое ничтожное, щедушное существо могло быть выбрано для такого труднаго порученія только

по особымъ дарованіямъ, ловкости и остроумію и замѣтивъ на немъ одежду духовнаго лица, Мирамолинъ велѣлъ Роберту остаться и подойти къ себѣ. По выходѣ пословъ начался продолжительный разговоръ, точное содержаніе котораго Робертъ впоследствии передалъ своимъ друзьямъ.

Прежде всего Мирамолинъ спросилъ клерка, не обладаетъ ли король Англіи какими-либо достоинствами по дѣламъ правленія? При этомъ онъ прибавилъ, что, въ случаѣ ложнаго отвѣта, онъ ужъ никогда не будетъ вѣрить христіанину и духовному лицу. Робертъ поклялся вѣрой христіанина отвѣчать правдиво и откровенно на всѣ вопросы. «Король Іоаннъ, сказалъ онъ утвердительно, скорѣе тиранъ, чѣмъ король; онъ умѣетъ истреблять, но не управлять. Онъ притѣснитель своихъ но другъ чужеземцамъ, левъ для подданныхъ и агнецъ для иностранцевъ и бунтовщиковъ. Безславно потерялъ онъ Нормандское герцогство и много другихъ наслѣдственныхъ владѣній, теперь онъ жаждетъ погубить королевство Англіи. Жадный и ненасытный въ корыстолюбіи, онъ грабитъ и разрушаетъ собственность своихъ подданныхъ. Онъ женатъ на женщинѣ, проклинаемой и ненавидимой всѣми, женщинѣ недостойной и сластолюбивой чародѣйкѣ, неоднократно изобличенной въ преступленіяхъ. Король, ея супругъ, нѣсколько разъ заставлялъ ее на мѣстѣ преступленія и убивалъ сластолюбцевъ на собственной ея постели. Съ своей стороны король насилуетъ и безчеститъ женъ своихъ ближнихъ. Онъ обольстилъ и развратилъ своихъ сестеръ и малолѣтнихъ дочерей. Что же касается до религіи, то сейчасъ было обнаружено его непостоянство и безвѣріе».

Выслушавъ признанія, Мирамолинъ не довольствовался презирать короля Іоанна, онъ проклиналъ его. «Какъ презрѣннымъ англичане, вскричалъ онъ, когда выносятъ правленіе такого гнуснаго чудовища. Поистинѣ они достойные потомки женъ и рабовъ».

Подобные разговоры повторялись еще нѣсколько разъ. Наконецъ, одаривъ Роберта богатыми дарами изъ золота, серебра, драгоценныхъ камней и шелковыхъ тканей, восточный повелитель съ миромъ отпустилъ его въ отечество, не пови-

давъ другихъ пословъ и не сдѣлавъ имъ ни одного подарка. Горько было выслушать королю Іоанну подробный отчетъ о неудачѣ его проектовъ. Одинъ только Робертъ могъ похвалиться благосклоннымъ приемомъ и полученными дарами. За то и почтилъ его король Іоаннъ милостивымъ вниманіемъ предпочтительно передъ другими послами и даже, въ знакъ особеннаго благоволенія, пожаловалъ ему бывшее въ то время вакантнымъ аббатство Севтъ-Альбана. Этотъ Робертъ имѣлъ нѣкоторыхъ друзей въ аббатствѣ какъ свѣтскаго, такъ и духовнаго званія—мессира Лорела Сенешала-рыцаря, другого Лорела Клерга, метра Гольте монаха-живописца. Этими - то друзьямъ онъ показывалъ драгоценные камни, полученные отъ Мирамолина и передавалъ тайные разговоры. При бесѣдахъ присутствовалъ Матье, сообщившій потомству эти интересныя подробности.

Несмотря на наружный скептицизмъ и кажущуюся широту ума, Іоаннъ раздѣлялъ въ полной мѣрѣ всѣ слабости современнаго народнаго суевѣрія. Въ провинціи Іорка жилъ въ то время пустынный отшельникъ Петръ, извѣстный мудростью и даромъ пророчества. Этотъ-то пустынный положительно утверждалъ, громко и во всеуслышаніе, что къ празднику дня сошествія св. Духа король Іоаннъ лишится престола и что корона Англіи перейдетъ къ другому лицу. Когда слухъ объ этомъ предсказаніи достигъ до свѣдѣнія короля, послѣдній приказалъ привести отшельника къ себѣ и спросить его, какимъ образомъ онъ лишится престола—естественною-ли смертью или какимъ-нибудь другимъ образомъ. «Знайте, государь, отвѣчалъ пустынный, въ назначенный день предсказаніе свято исполнится, если-же нѣтъ, то я отдаю себя на полную вашу волю». „Хорошо, отвѣчалъ король, пусть будетъ такъ“! И онъ велѣлъ Вильгельму Гарнуру взять пустытника, завязать его цѣпами и сторожить до дня исполненія предсказанія или изобличенія обмана. Это пророчество быстро распространилось до самыхъ отдаленныхъ предѣловъ провинцій и не было никого, кто-бы не считалъ его за особенный голосъ неба.

Во всемъ англійскомъ государствѣ, прибавляетъ лѣтопи-

сецъ, много было благородныхъ, у которыхъ Іоаннъ обезчестилъ женъ и дочерей, много доведенныхъ до нищеты корыстными злоупотребленіями его, много оставалось друзей у изгнанниковъ, которыхъ достояніемъ воспользовался король, однимъ словомъ, столько-же было враговъ, сколько въ государствѣ благородныхъ лицъ. Естественно, что въ наступившее критическое время они обнаружили единодушную и веселую радость. Существовалъ даже слухъ, будто они послали къ королю Франціи хартію, подписанную всѣми баронами, приглашавшую его безбоязненно прибыть въ Англію, принять королевскую корону и отъ нихъ присягу въ вѣрности.

Между тѣмъ Стефанъ, архіепископъ канторберійскій и Евстафій, епископъ Ели, явился въ Римъ къ папѣ Иннокентію III и, исчисливъ передъ нимъ всѣ гнусныя злодѣянія короля, оскорбляющія Господа и Его св. Церковь непрерывно со времени вѣтеравета, умоляли не отвращать долге своего сострадательнаго взора отъ умирающей англійской церкви. Тогда Иннокентій, собравъ совѣтъ кардиналовъ, епископовъ и другихъ высокихъ сановниковъ, выразилъ рѣшительный приговоръ о низложеніи Іоанна, короля Англіи и о передачѣ его престола другому, болѣе достойному.

Исполненіе этого порученія Иннокентій ввѣрилъ Филиппу Августу, королю Франціи. Объячая ему отпущеніе грѣховъ, папа поручалъ низвергнуть съ престола короля Англіи и вступить въ обладаніе имъ самому и для своего потомства. Кроме того, онъ отнесся къ баронамъ, рыцарямъ и другимъ воинскимъ людямъ всѣхъ странъ и народовъ, объявляя крестовый походъ противъ Іоанна, подъ начальствомъ короля Франціи. Онъ объявилъ, что всѣ, споспѣшествующіе имуществомъ или лично низложенію гордаго нечестивца, будутъ находиться подъ особымъ покровительствомъ церкви наравнѣ съ поклонниками Святого Гроба Господня и обрѣтутъ спасеніе душъ своихъ. Непосредственно затѣмъ, онъ послалъ во Францію въ качествѣ легата а latere поддіакона Пандольфа, въ сопровожденіи архіепископа канторберійскаго, епископовъ Ели и лондонскаго лично наблюдать за исполненіемъ порученія. Но передъ отъѣздомъ Пандольфъ получилъ отъ папы тайныя ин-

струкціи, которыя авторизировали его, если король Англіи одумается и пожелалъ-бы дать удовлетворенія церкви и всѣмъ заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ, предложить ему актъ, заранее приготовленный, примирающій виновнаго съ апостольскимъ престоломъ.

По прибытіи пословъ отъ папы, Филиппъ-Августъ собралъ торжественный совѣтъ изъ епископовъ, духовенства и всѣхъ бароновъ Франціи. Въ этомъ собраніи папскіе послы возвѣстили волю св. Отца. Филиппъ-Августъ поспѣшилъ принять порученіе, такъ удовлетворявшее его честолюбивымъ видамъ, и тотчасъ же приступилъ къ военнымъ приготовленіямъ. Всѣ обязанныя лица вассальства: герцоги, графы, бароны и рыцари получили приказаніе немедленно отправиться въ Руанъ, снабженные оружіемъ и лошадьми, подъ угрозою, въ случаѣ уклоненія, наказанія, какъ измѣнниковъ и трусовъ. Множество кораблей съ хлѣбомъ, виномъ и всякаго рода провизіей загромоздило всѣ порты Ла-Манша. Съ своей стороны, король Іоаннъ, извѣщенный шпионами, стараясь выиграть время, отправилъ въ Римъ аббата Боклена возобновить съ папой мирныя соглашенія. Бывденный изъ бездѣйствія важностью и очевидностью опасности, онъ собралъ въ Портсмутѣ флотъ, превосходящій флотъ короля Франціи. Этотъ флотъ неожиданно напалъ на неприятельскую эскадру въ устьяхъ Сены, разбилъ корабли, загромоздившіе фортъ Фекампа и сжегъ городъ Діепъ.

Въ то-же время лица, обязанныя королю Іоанну воинскою повинностью, подъ вліяніемъ возбужденія отъ оскорбительнаго и грознаго тона Филиппа-Августа, поспѣшили собраться въ Дувръ. Значительность этого войска видна изъ того, что, не смотря на высылку изъ арміи громаднаго числа людей, плохо вооруженныхъ, только обременяющихъ собою продовольствіе, всетаки лагерь въ долинѣ Барамъ-Доуна содержалъ въ себѣ шестьдесятъ тысячъ рыцарей и стрѣлковъ. Еслибы эта армія, краснорѣчиво восклицаетъ Матъе Пари, имѣла одно сердце и одну душу, то могла-бы защитить Англію отъ всякаго врага. Но Іоаннъ не довѣрялъ ей, хотя въ ней находилось значительное число Фламандцевъ и другихъ иностранцевъ.

При такомъ разстроенномъ состояніи духа короля Іоанна, прибыли къ нему два брата изъ ордена Храма съ слѣдующими мирными предложеніями: «мы прибыли къ тебѣ, о могущественный государь, по порученію поддіакона Пандольфа, посланника святѣйшаго папы. Онъ желаетъ говорить съ тобою въ интересъ лично твоемъ и твоего государства; онъ предложитъ тебѣ мирныя соглашенія, посредствомъ которыхъ ты могъ-бы примириться съ Господомъ Богомъ и Его св. церквью, хотя римскій дворъ осудилъ тебя и лишилъ престола». Король поспѣшилъ пригласить Пандольфа въ Англію. Въ слѣдствіе настойчиваго приглашенія, Пандольфъ прибылъ въ Дувръ, гдѣ находился король Іоаннъ, и обратился къ нему съ слѣдующей рѣчью; «могущественный король Франціи собралъ въ устьѣ Сены безчисленное множество кораблей. Окруженный толпою рыцарей и воиновъ, онъ ожидаетъ еще болѣе многочисленныхъ силъ для нападенія на васъ и ваше государство, для низложенія васъ съ престола, какъ мятежника противъ Бога и самодержавнаго первосвященника и для овладѣнія навсегда Англіей по волѣ Августѣйшаго Владыки. Съ нимъ возвращаются всѣ епископы, съ давняго времени изгнанные вами, всѣ духовныя и свѣтскія лица, которыя противъ вашей воли снова получаютъ свои кафедры и свои имуществва и которыя уже признаютъ подданство къ королю Франціи, какъ нѣкогда присягали вамъ и вашимъ предшественникамъ. Кромѣ того, у короля Франціи находится хартія въ вѣрности и покорности, скрѣпленная подписами почти всѣхъ бароновъ Англіи. Столько шансовъ въ успѣхъ предпріятія! Подумайте-же теперь, наконецъ, о вашемъ опасномъ положеніи, возвратитесь къ благоумію и поспѣшите умолюстить Господа, возбужденнаго вами къ грозному отмщенію. Еслибы вы представили достаточное ручательство въ будущемъ вашемъ повиновеніи волѣ св. Церкви и усмирились предъ уничижившимся ради спасенія вашего, то, по милосердію Апостольскаго Престола, вы могли бы вновь получить свое государство, отнятое отъ васъ за вашу безумную гордость. И наконецъ, чтобъ ваши враги не возрадовались вашему паденію, раскайтесь и бойтесь упорствовать въ своемъ безвыходномъ, мятежномъ ослѣвленіи.

Въ виду грознаго вооруженія Филиппа Августа и мятежнаго настроенія собственныхъ подданныхъ, король Іоаннъ пріять, хотя не безъ скорби, предложенныя Пандольфомъ условія. Онъ глядѣя въ присутствіи легата и съ возложеніемъ руки на св. Евангеліе, на будущее время безпрекословно повиноваться повелѣніямъ церкви. Вмѣстѣ съ нимъ и на его душу клялись шестнадцать самыхъ могущественныхъ въ государствѣ бароновъ, ручавшихся, кромѣ того, и въ томъ, что, въ случаѣ нарушенія королемъ клятвы, они обязывались принудить его къ исполненію собственной силой:

Въ понедѣльникъ 13 Мая 1213 г., на канунѣ Вознесенія, король Іоаннъ, Пандольфъ, графы и бароны, при большомъ стеченіи народа въ Дуврѣ, окончательно условились о всѣхъ пунктахъ мирнаго трактата, изъ котораго заимствуемъ предисловіе и нѣсколько статей: привѣтъ отъ Іоанна Божьею милостію король Англіи. Этими письменами, скрѣпленными нашею печатью, мы объявляемъ, что четверо изъ нашихъ бароновъ—Вильгельмъ, графъ Салисберійскій, нашъ братъ Регинальдъ, графъ Булонскій, Вильгельмъ, графъ Вареннъ и Вильгельмъ, графъ Ферриерскій—клялись на нашу душу во всемъ по доброй вѣрѣ исполнять настоящій трактатъ. Во-первыхъ мы клялись торжественно и рѣшительно, въ присутствіи легата или нунція повиноваться волѣ Государя Папы во всемъ, касающемся наложеннаго имъ на насъ отлученія отъ церкви.

Мы предоставляемъ полную безопасность достопочтеннымъ лицамъ Стефану, архіепископу канторберійскому, Вильгельму, епископу лондонскому, Евстафію, епископу Ели, Жилю, епископу герфордскому, жоселину—епископу батскому, Губерту, епископу линкольнскому, пріору и братьямъ канторберійскимъ, Роберту сну Гольтье, Евстафію Вели и всѣмъ прочимъ духовнымъ и свѣтскимъ лицамъ, заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ, ручаясь въ то-же время торжественной клятвой въ присутствіи вышесказаннаго легата, что мы не причинимъ ни имъ, ни ихъ ближнимъ никакого вреда, не будемъ шошрять къ тому другихъ и не потерпимъ, чтобы кто-нибудь другой оскорбилъ-бы ихъ или нанесъ какой-бы то ни было убытокъ. Въ случаѣ же по несчастію, отъ чего Боже сохрани, нарушенія

нами или кѣмъ-либо другимъ изложенныхъ условій, они могутъ, въ интересахъ церкви, дѣйствовать противъ нарушителей, согласно распоряженіямъ апостольской власти. Мы предоставляемъ связанному архіепископу и епископамъ свободный входъ въ Англію, снабдивъ ихъ пропускными видами, вполне обезпечивающими ихъ безопасность. Мы даемъ всѣмъ, какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ полную реституцію ихъ имуществъ, отвѣтыхъ у нихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточное вознагражденіе за убытки не только въ имуществѣ, но и въ доходахъ. Мы возвращаемъ свободу всѣмъ, какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ, причастнымъ этому дѣлу и удерживаемымъ нами до-сихъ-поръ въ плѣну. Тотчасъ-же по прибытіи лица, долженствующаго снятъ съ насъ отлученіе отъ церкви, мы обязываемся ассигновать въ вознагражденіе архіепископу, епископамъ и монахамъ канторберійскимъ, согласно постановленному условію—сумму въ восемь тысячъ фунтовъ стерлинговъ».

Спустя два дня послѣ обнародованія торжественной покорности, казалось-бы оканчивающей всѣ предшествующія распри, всѣ лица, участвующія въ собраніи, вновь соединились въ общину рыцарей Храма. Тамъ была составлена и прочитана въ ихъ присутствіи другая хартія слѣдующаго содержанія: „Іоаннъ Божьею милостью король Англіи и проч: Для умилованія Бога и Его св. Церкви мы признали за благо уничтожиться сами и уничтожить свое государство ради того, кто уничтожился самъ для нашего спасенія, даже до крестной смерти. Не подъ вліяніемъ отлученія или страха, но по доброй нашей волѣ, подъ нагніемъ Св. Духа и движимые совѣтомъ нашихъ бароновъ, мы вручаемъ Богу, Святымъ Апостоламъ Петру и Павлу, Святой Римской церкви, нашей матери, Папѣ Иннокентію и его католическимъ преемникамъ наши государства—Англію и Ирландію, со всѣми правами и обязанностями. Съ этихъ поръ мы получаемъ и держимъ сказанныя государства, какъ феодалы Папы и Римской церкви....

Въ исполненіе сего мы клянемся въ вѣрности Папѣ Иннокентію, его католическимъ преемникамъ и церкви римской и если случится вамъ быть въ личномъ присутствіи первосвя-

ценника, то мы воздадимъ ему должныя почести. Въ ознаменованіе нашей постоянной зависимости мы желаемъ и устанавливаемъ ежегодный взносъ церкви римской въ тысячу марокъ стерлинговъ, изъ которыхъ пятьсотъ будутъ доставляться ко дню Св. Михаила, а другія; пятьсотъ къ Пасхѣ. Желая, чтобъ все здѣсь написанное было твердо и неизблемо, мы обязываемся къ точному исполненію какъ за самихъ себя, такъ и за наслѣдниковъ нашихъ. Въ случаѣ же, еслибы кто-либо осмѣлился на такое нарушеніе, то виновный, при безуспѣшности предостереженій, долженъ быть лишенъ престола»....

«Данъ въ личномъ нашемъ присутствіи, въ обители рыцарей Храма, въ Дуврѣ при свидѣтельствѣ Генриха, архіепископа дублинскаго, Іоанна епископа Норвича, Готфрида, сына Петра, Вильгельма, графа салисберійскаго, Вильгельма, графа нембронскаго, Регинальда, графа булонскаго, Вильгельма, графа Вареннъ, Саера, графа винчестерскаго, Вильгельма, графа Арундела, Вильгельма, графа ферріерскаго, Вильгельма Бриверскаго, Петра, сына Герберта, Геряна, сына Геральда въ пятнадцатый день мая въ четырнадцатый годъ нашего царствованія». Тотчасъ-же по прочтеніи этой хартии, она была передана Пандольфу. Король, спасая свою корону къ ногамъ легата, произнесъ вѣрноподданническую присягу, какую обыкновенно давали вассалы своему сюзерену. Королевская корона находилась у Пандольфа въ теченіи почти дня.

Однакожь, говорить лѣтописецъ, день Вознесенія приближался; наступилъ наконецъ его канунъ. Не только король, но и всѣ; какъ присутствующіе, такъ и отсутствующіе, томились ожиданіемъ и тревогой; отшельникъ Петръ положительно назначилъ этотъ день послѣднимъ днемъ царствованія Іоанна. Поэтому, когда этотъ страшный день прошелъ благополучно, король приказалъ вывести отшельника изъ замка Корфу, гдѣ тотъ содержался въ цѣпяхъ, привязать къ хвосту лошади и влечь такимъ образомъ по улицамъ Варсама и наконецъ повѣсить вѣстѣ съ его сыномъ.

ГЛАВА VII.

Гибель французскаго флота. Стефанъ Лангтонъ и изгнанные епископы возвращаются въ Англію. Волненіе бароновъ и собраніе въ Сентъ-Альбанъ. Снятіе интердикта. Бивльское сраженіе. Конфедерація бароновъ въ Сентъ-Эдмундсбери. Иннокентій III беретъ короля подъ свое покровительство. Союзъ лондонскихъ гражданъ съ баронами

Пророчество Петра не сошло; въ день Вознесенія истиннымъ королемъ Англіи и Ирландіи былъ папа — сюзерень Іоанна-Безземельнаго, а самъ Іоаннъ вассаломъ папы. Для довершенія униженія этотъ актъ, умалявшій королевское величіе и низводящій англійскихъ бароновъ въ феодальной іерархіи, этотъ актъ не былъ послѣдствіемъ вынужденія и насилія, но произведеніемъ свободной, обдуманной воли. Поставленный между тремя врагами, тѣсно между собою сплоченными и грозившими неизбѣжной гибелью его могуществу, Іоаннъ сдѣлалъ мастерской ударъ, не только обезоружившій самаго страшнаго изъ нихъ, но даже соединившій ихъ взаимными интересами.

Событія совершенно оправдали политику Іоанна. Новый покровитель тотчасъ-же оказалъ ему значительную услугу. Этотъ самый Пандольфъ, воинственный рѣчи котораго поставили подъ оружіе всю Францію, теперь явился на континентѣ заклинателемъ поднятой бури. Конечно, личныя усилія его не могли-бы умиротворить раздраженія Филиппа-Августа, еслибъ графъ фландрскій, тайный союзникъ короля Іоанна, не подалъ бы перваго сигнала, отказавшись слѣдовать за своимъ сюзереномъ въ англійскую экспедицію и еслибъ французскій флотъ, востигнутый между Дамомъ и Эклюзой, не былъ уничтоженъ почти весь Вильгельмомъ Салисберійскимъ, братомъ короля. Филиппъ Августъ принужденъ былъ отказаться отъ предпріятія.

Этотъ успѣхъ внушилъ было королю Іоанну мысль о возможности вновь возвратить свои континентальныя владѣнія. Забывая недавнія несчастія и тяготѣвшее еще отлученіе, онъ

приказалъ было всѣмъ вассаламъ, собравшимъ въ Портсмутъ, готовиться къ походу въ Пуату. Тогда бароны напомнили ему недавнія униженія; никто изъ нихъ не хотѣлъ повиноваться прежде, чѣмъ изгнанные епископы не будутъ возвращены и восстановлены въ правахъ. Иоаннъ слѣшилъ отправить хартію, за подписью 80 графовъ и бароновъ, къ архіепископу и къ изгнаннымъ епископамъ, съ приглашеніемъ воротиться въ Англию. Прибытіе ихъ совершилось торжественно. Приѣхавъ въ Винчестеръ, гдѣ для ихъ пріема находился король, они нашли его въ униженномъ положеніи, умоляющемъ, со слезами на глазахъ, скалиться надъ нимъ и надъ его государствомъ. Епископы подняли его, тоже съ глазами, полными слезъ и, окруживъ его со всѣхъ сторонъ, проводили подъ портикъ кафедральнаго собора, гдѣ послѣ пѣнія пятидесятаго псалма провознесли торжественное разрѣшеніе по правиламъ церковнымъ. Король въ присутствіи всѣхъ бароновъ, съ рукою, протянутою надъ св. Евангеліемъ, вновь клялся любить и защищать отъ всѣхъ враговъ св. церковь и ея членовъ, возстановить добрые законы предшественниковъ и въ особенности законы добраго короля Эдуарда, уничтожить дурные законы, судить всѣхъ установленными судебными мѣстами и наконецъ возобновилъ клятву въ вѣрности и повиновенія къ папѣ Иннокентію и его католическимъ преемникамъ. Потомъ архіепископъ звелъ его въ церковь и причастилъ.

Вступая на почву Англіи, архіепископъ Лангтонъ пересталъ быть, или лучше сказать въ убѣжденіяхъ своихъ онъ никогда и не былъ, креатурой папы. Англичанинъ и человекъ сердца, какъ называлъ его самъ Иннокентій въ рекомендаціи канторберійской братіи, онъ всей душой желалъ утвердить независимость своего отечества и прочное достоинство своей церкви. Глава англійскаго духовенства, по званію примаса, онъ безъ интригъ и насилій, одной силой своего характера и вліяніемъ генія, естественно и по праву сталъ во главѣ феодальной аристократіи.

Самъ Иоаннъ, видѣвшій въ Лангтонѣ главнаго и опаснаго врага, не могъ не увлечься общественнымъ мнѣніемъ. Такъ, отправляясь въ Портсмутъ къ исполненію задуманнаго похода

въ Пуату, онъ рекомендовалъ Фицъ-Петеру, главному судѣ и епископу винчестерскому, регентамъ королевства, во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ обращаться за совѣтомъ къ архіепископу канторберійскому. Первымъ дѣйствіемъ регентства по отъѣздѣ короля было созваніе въ Сентъ-Альбанъ собранія, куда послѣдшили явиться епископы и бароны. Тамъ обнаружился мирный трактатъ и подѣ формой королевской прокламаціи высказывалось, что законы Генриха 1 будутъ повсюду исполняемы, злоупотребления уничтожены, съ строгимъ запрещеніемъ виконтамъ, лѣсничимъ и другимъ королевскимъ чиновникамъ всякой несправедливости къ кому-бы-то нибыло, подѣ угрозой лишенія жизни и членовъ.

Между тѣмъ, Іоаннъ потерпѣлъ въ Портсмутѣ новую и очень чувствительную неудачу. Хотя онъ и нашелъ въ Портсмутѣ значительное число рыцарей, но они положительно объявили ему, что со времени перваго призванія, которому они повиновались, срокъ ихъ военной повинности уже кончился, что они истратили всѣ деньги на содержаніе себя и что за тѣмъ они могутъ слѣдовать за королемъ въ Пуату только въ томъ случаѣ, если король снабдитъ ихъ деньгами изъ своего фиска. Король не согласился и при первомъ благоприятномъ вѣтрѣ вышелъ въ море. Къ концу третьяго дня онъ присталъ къ Джерсею съ семью кораблями, но ни одинъ рыцарь не явился присоединиться къ нему: всѣ они отправились къ Лангтону въ Сентъ-Альбанъ. Глубоко оскорбленный и раздраженный, король поклялся наказать всѣхъ, снова покинувшихъ его, но когда онъ собиралъ для этого наемное войско, къ нему въ Нортамитонъ явился архіепископъ и рѣшительно высказалъ, что наказывать кого-либо изъ вассаловъ, безъ разсмотрѣнія вины судомъ, было бы прямымъ нарушеніемъ клятвы, данной въ день снятія отлученія. На это король съ обычнымъ увлеченіемъ выразилъ архіепископу неумѣстность вмѣшательства его въ дѣла государственныя и затѣмъ на разсвѣтъ другого дня уѣхалъ въ Ноттингамъ. Архіепископъ послѣдовалъ за нимъ туда и съ твердостью объявилъ, что если онъ будетъ упорствовать въ намѣреніи, то онъ, архіепископъ, наложитъ проклятіе на всѣхъ тѣхъ, которые подняли-бы оружіе противъ

кого-бы-то нибыло. Король принужденъ былъ уступить и ограничиться позывомъ виновныхъ бароновъ къ суду.

Понятно, на сколько такой успѣхъ, такая энергія характера увеличила популярность Лангтона и придала силы національному дѣлу. Черезъ нѣсколько дней, 23 августа 1213 года, состоялось большое собраніе въ Лондонѣ въ церкви св. Павла. Хотя причина созванія была не большой важности — рассмотрение нѣкоторыхъ каноническихъ правилъ, но въ тайномъ засѣданіи главныхъ государственныхъ особъ архіепископъ высказалъ слѣдующее: Вы знаете, что въ условіяхъ снятія съ короля отлученія отъ церкви заключалось уничтоженіе дурныхъ законовъ и возстановленіе добрыхъ законовъ короля Эдуарда во всемъ государствѣ. Теперь найдена хартія Генриха I, короля Англіи и представляется возможность возстановленія первобытныхъ вольностей, такъ часто нарушаемыхъ! И онъ прочелъ ее. Въ то время, небогатое идеями, постоянно ссылались на законы Эдуарда, объ нихъ горевали, но ихъ никто не зналъ. Открытіе Лангтона принято было съ энтузіазмомъ. Смутныя требованія, мало беспокоившія Іоанна, теперь получили точныя и опредѣленныя выраженія, англійская нація приобрѣла права, которыхъ бароны готовы были защищать до послѣдней капли крови.

Іоаннъ не зналъ этого событія или, покрайней-мѣрѣ притворялся незнающимъ. Таковъ былъ его характеръ. Чуждый труда, онъ не хотѣлъ и видѣть никакой опасности, а когда наступала она, то избавлялся униженіемъ, о которомъ всякое напоминаніе топилъ въ винѣ и развратѣ. Съ удивительной быстротой онъ переходилъ отъ крайняго упадка духа къ чрезмѣрной гордости. Въ настоящее время онъ праздновалъ, какъ побѣду, смерть Готфрида Фицъ-Петера, главнаго судьи. Это была, говоритъ лѣтописецъ, великая потеря для государства, потеря самой твердой опоры. Законовѣдъ высokaго происхожденія, богатый, связанный узами крови и дружбы почти со всѣми значительными баронами Англіи, онъ казался королю самымъ опаснымъ и въ сущности онъ болѣе короля держалъ бразды правленія. При извѣстїи о его смерти король откровенно высказался, что теперь только онъ начинаетъ быть ко-

ролемъ Англіи. Іоаннъ ненавидѣлъ вообще всѣхъ бароновъ, но изъ нихъ въ особенности Соэра-де-Кеней, Роберта Фицъ-Вальтера и архіепископа канторберійскаго. Съ цѣлью погубить ихъ онъ прибѣгнулъ, въ качествѣ вассала и данника, къ содѣйствію папы и старался навлечь на нихъ церковное отлученіе, такъ-какъ при этомъ случаѣ онъ получилъ-бы право грабить ихъ, заключать въ темницы, мучить и убивать.

Въ Англію прибылъ Николай, епископъ тускулумскій, въ качествѣ легата святаго престола, съ порученіемъ снять интердиктъ, устранивъ предварительно всѣ несогласія между королемъ и сторонниками Стефана Лангтона. Для привлеченія на свою сторону этого вліятельнаго лица, король вновь повторилъ передъ нимъ ту-же унизительную церемонію, какую сыгралъ передъ Пандольфомъ. Передъ тѣмъ-же алтаремъ церкви св. Павла, въ присутствіи духовенства и народа, онъ снова передалъ легату королевскую корону; онъ даже сдѣлалъ болѣе: хартія Пандольфа была съ восковою печатью, хартія же епископа тускулумскаго скрѣпилася золотою, Пандольфъ получилъ только клятву въ вѣрности, епископъ-же тускулумскій получалъ вѣрноподданническую присягу, какъ самому святѣйшему папѣ. Зато въ продолжительныхъ спорахъ, возникшихъ по поводу вознагражденій въ дѣлѣ канторберійцевъ, пристрастіе легата оказалось очевиднымъ и даже возбудило упреки послѣднихъ. Кромѣ того, его обвиняли въ равнодушіи къ привилегіямъ англійской церкви и въ несправедливомъ распредѣленіи бенефцій. Наконецъ, всѣ эти споры перенесли въ Римъ. Пандольфъ, по убѣжденію короля, поддерживалъ дѣйствія епископа тускулумскаго, обвинялъ въ глазахъ папы канторберійскаго архіепископа и, наоборотъ, отзывался съ особенной похвалою о королѣ. Никогда, по его словамъ, не было еще государя, болѣе скромнаго и болѣе преданнаго. Такимъ образомъ Іоаннъ приобрѣлъ полнѣйшее расположеніе первосвященника. Напрасно Симонъ Лангтонъ, братъ архіепископа, возражалъ Пандольфу, царская хартія съ золотою печатью говорила краснорѣчивѣе убѣжденій Симона и дѣло епископовъ проигралось. Въ срединѣ слѣдующаго года вопросъ о вознагражденіяхъ былъ рѣшенъ окончательно папой

и торжественно снятьъ интердиктъ со всего государства. Это было въ день святыхъ Апостоловъ въ церкви св. Павла. Интердиктъ продолжался шесть лѣтъ, три мѣсяца и четырнадцать дней.

Въ это время король Іоаннъ находился на континентѣ. Союзники его, императоръ германскій Оттонъ и Фердинандъ, графъ фландрскій, вторгнулись во Францію съ сѣвера, а Іоаннъ, высадившійся въ ла-Рошели, изъ Гіени и Пуату, единственныхъ его французскихъ владѣній, должень былъ угрожать Анжу и Бретани. Но бувниская битва разрушила всѣ надежды. При извѣстїи объ этомъ рѣшительномъ пораженіи, Іоаннъ выразился окружавшимъ его: „видите, какое несчастіе! Съ тѣхъ поръ какъ я примирился съ Богомъ и съ римской церковью, меня преслѣдуютъ несчастія и неудачи“. Не надѣясь на многочисленную армію, онъ спѣшилъ заключить перемиріе на 5 лѣтъ и возвратился въ Англію, гдѣ ожидали его новыя волненія и смуты.

Едва истекъ мѣсяць по его возвращеніи, т. е. 20 ноября 1214 г., англійскіе бароны собрались въ Сентъ-Эдмундсбери, съ цѣлью, говорить лѣтописецъ, условиться о средствахъ осуществленія привилегій, заключающихся въ хартіи Генриха I. Въ общемъ собраніи рѣшились твердо домогаться своихъ правъ. Поочередно, въ іерархическомъ порядкѣ, бароны клялись у подножія алтаря, въ случаѣ отказа короля добровольно предоставить имъ тѣ законы и привилегіи, требовать вооруженной рукой формальной хартіи, скрѣпленной печатью. Единодушно условились съ этимъ требованіемъ явиться къ королю послѣ праздника Рождества, а до того времени запастись лошадьми и оружіемъ. Такимъ образомъ, еслибъ король, по свойственному ему двоедушію, рѣшился бы нарушить свои обѣщанія, они могли бы тотчасъ-же осадить его замки и силой принудить къ исполненію.

По обычаю, въ праздникъ Рождества во дворѣ короля являлись бароны и получали награды; въ этотъ-же годъ Іоаннъ оставался въ Ворчестерѣ совершенно одинокимъ. Вслѣдствіе такой серьезной демонстраціи, король спѣшилъ уѣхать въ Лондонъ, гдѣ и скрылся подъ стѣнами Темпла.

Нѣсколько дней спустя, 5 января 1215 г., бароны явились къ королю въ полномъ воинственномъ вооруженіи. Они потребовали введенія законовъ короля Эдуарда и признанія привилегій, дарованныхъ знатному сословію и английской церкви въ томъ видѣ, какъ находилось въ хартіи Генриха I. Они напомнили королю обѣщаніе, данное имъ въ день разрѣшенія интердикта, возстановить и строго наблюдать древніе законы и вольности. При такой настойчивой рѣшительности бароновъ, король, опасаясь насилія, прибѣгнувъ къ обычному своему оружію—изворотливой хитрости: онъ отвѣчалъ, что обсужденіе такого важнаго и труднаго дѣла требуетъ времени и что онъ можетъ дать положительный отвѣтъ не ранѣе слѣдующаго праздника св. Пасхи, въ вѣрномъ-же исполненіи обѣщаній выставилъ за себя поручителей Стефана Лангтона, епископа Ели и Вильгельма Маршала, графа пемброкскаго.

Король хорошо воспользовался отсрочкой; онъ употребилъ всѣ средства къ выходу изъ затруднительнаго положенія. По всей Англии отбиралась новая присяга въ вѣрности, замки снабжались припасами, укрѣпленія исправлялись, гарнизоны подкрѣплялись отрядами рыцарей и наемниковъ изъ Фландріи и Пуату. Одновременно онъ пытался поселить раздоръ въ рядахъ враговъ. Для привлеченія духовенства на свою сторону, онъ обезпечилъ хартіей свободу выборовъ, обѣщаясь не вмешиваться, не имѣть никакого вліянія при избраніяхъ епархій въ пользу того или другого кандидата.

Съ обѣихъ сторонъ отправились въ Римъ депутаты,—Вильгельмъ Маклеръ отъ короля, Евстафій Вели отъ бароновъ. Рѣшеніе папы не могло быть сомнительнымъ. Въ письмѣ къ Лангтону, папа, обвинивъ его въ возбужденіи неудовольствій, поручалъ употребить всю свою власть и вліяніе на возстановленіе добрыхъ отношеній между королемъ и благороднымъ классомъ. Въ другомъ письмѣ къ баронамъ, папа соединялъ и ласки, и угрозы, обѣщалъ добровольное удовлетвореніе королемъ ихъ ходатайства, если оно будетъ кротко и покорно и угрожалъ отлученіемъ отъ церкви всѣмъ предпочитавшимъ вынудить милость насиліемъ. Угрозы и обѣщанія оказались бесплодными: бароны сознавали свою силу и свое право. Не

имѣло вліянія и обѣщаніе короля, высказанное 2 февраля въ день праздника Свѣтленія Господня предпринять походъ въ Палестину, съ цѣлью стать подъ охрану креста. Но это обѣщаніе, говорилъ Матѣе Пари, было плодомъ страха, а не возможности.

Между тѣмъ, на праздникъ Пасхи, въ Стамфордѣ, собралось двѣ тысячи рыцарей изъ цвѣта англійской аристократіи, съ огромной толпой конюховъ и хорошо вооруженныхъ воиновъ. Въ понедѣльникъ, послѣ Пасхи, они направились къ городку Браблей. Король, бывшій въ Оксфордѣ, послалъ къ нимъ архіепископа канторберійскаго, Вильгельма Марсала, графа пемброкскаго, графа Варенна и нѣсколько другихъ вліятельныхъ лицъ спросить: какихъ законовъ и привилегій они требуютъ, на что бароны, представивъ посланнымъ хартію, содержащую древніе законы и государственные обычаи, объявили, что если король не утвердитъ хартію своей королевской печатью, то они принудятъ его къ тому силой.

Архіепискомъ передалъ королю хартію бароновъ и прочелъ ему всѣ статьи ея. Король насмѣшливо улыбался: «какъ мало требуютъ они! Почему они не потребуютъ моей королевской власти? Ихъ домогательства высокомѣрны, жживы, несправедливы и неосновательны». Потомъ, съ клятвой и ругательствомъ, онъ прибавилъ: „никогда не дамъ я имъ этихъ привилегій, отъ которыхъ король становится рабомъ“. Но такъ какъ онъ не чувствовалъ себя въ силахъ выдержать борьбу и не очень много надѣялся на поддержку своего сюзерена-папу то немедленно-же приступилъ къ уничтоженію различныхъ злоупотребленій и вредныхъ обычаевъ, вкравшихся въ царствование его и Ричарда. Съ своей стороны, Пандольфъ съ епископомъ эстерскимъ, сторонники короля, просили архіепископа канторберійскаго отлучить отъ церкви мятежниковъ, согласно рѣшенію папы, что Лангтонъ рѣшительно отказался исполнить. Наконецъ, король, для окончанія споровъ, предложилъ обратиться къ посредничеству папы и отправить къ нему восемь депутатовъ, выбранныхъ по равному числу съ той и другой стороны.

На это предложеніе, какъ на насмѣшку, бароны изъ Вал-

Линфорта отвѣчали торжественнымъ отреченіемъ отъ вѣрно-подданнической присяги и провозглашеніемъ Роберта Фиц-Вальтера своимъ предводителемъ, съ наименованіемъ вождемъ армии Бога и святой его церкви. Открылись военныя дѣйствія. Въ теченіи 15 дней бароны безуспѣшно осаждали Сутамтонъ; не имѣя осадныхъ машинъ, они должны были отступить, потерявъ многихъ рыцарей изъ среды своей и, между прочими, знаменосца, главнаго вождя. Впрочемъ, эта первая неудача скоро вознаградилась занятіемъ Гедфорда, отданнаго барономъ Вильгельмомъ Бошаномъ безъ боя. Вскорѣ затѣмъ еще новое торжество увѣнчало дѣло мятежниковъ. Когда еще рыцари находились въ Бедфордѣ, получено было ими приглашеніе отъ Лондонскихъ гражданъ занять ихъ городъ; горожане сочувствовали баронамъ по ненависти къ наемникамъ, иностранцамъ, окружавшимъ короля. Конечно, бароны посѣдѣли сѣсть на коней и,—проѣхавъ всю ночь,—къ утру явились въ Лондонѣ. Ворота были отворены и они немедленно, безъ всякаго сопротивленія, заняли всѣ посты. Жители спокойно присутствовали при воскресномъ богослуженіи.

Владѣя столицей, вожди возставшей аристократіи тотчасъ же просили къ себѣ остальныхъ, еще непримкнувшихъ къ нимъ, бароновъ, подъ угрозой, что въ случаѣ дальнѣйшаго колебанія, считать ихъ врагами общественнаго дѣла, ихъ замки разрушить, а имущество истребить. Такая угроза не могла не имѣть серьезнаго вліянія. По всей Англіи прекратились за сѣданія казначейства и виконтовъ, такъ-какъ никто не хотѣлъ оставаться на службѣ короля.

Къ этому времени относится обвиненіе Іоанна въ составленіи посланія на континентъ, въ которомъ всѣ англичане назывались гнусными вѣроотступниками и предлагалось обладаніе ихъ землями и имуществомъ всѣмъ, вооружившимся за дѣло короля. Но, прибавляетъ лѣтописецъ, никто изъ иностранцевъ не вѣрилъ подобному обвиненію; всѣ считали англичанъ преданными дѣлу религіи.

ГЛАВА VIII.

Торжество бароновъ. Рюммингсмедская конференція. Великая хартія. Король скрывается на островъ Вагъ. Никокетій не признаетъ великой хартіи. Гражданская война. Бароны отлучены отъ церкви. Лангтонъ, устранимый отъ должности, отправляется въ Римъ.

Іоаннъ бѣжалъ отъ торжествующихъ бароновъ, отыскивая удобное мѣсто, гдѣ могъ-бы сосредоточить свои силы; но по мѣрѣ удаленія отъ Лондона ряды его свиты замѣтно рѣдѣли, такъ что по прибытіи въ Одигамъ у него осталось не болѣе семи рыцарей. Тогда-то, несмотря на ненависть, кипѣвшую въ груди его, онъ рѣшился быть милостивымъ и дать обманчивый миръ, надѣясь уничтожить враговъ по одиночѣ, не имѣя силъ уничтожить ихъ въ сплоченной массѣ. Онъ послалъ графа Пемброкскаго и другихъ уважаемыхъ лицъ къ баронамъ сказать о своей готовности для блага мира и чести своего царствованія добровольно даровать просимые ими законы и привилегіи. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предоставлялъ имъ выборъ времени и мѣста для конференцій. Бароны назначили для этого Рюммингсмедскій лугъ между Штекомъ и Виндзоромъ въ пятнадцатый день Іюня.

Въ назначенный день обѣ стороны находились на мѣстѣ, но въ отдѣльныхъ, непріязненныхъ лагеряхъ. Со стороны короля были: Стефанъ канторберійскій (хотя король не сомнѣвался въ его склонности къ баронамъ), архіепископъ дублинскій, епископы лондонскій, винчестерскій, линкольнскій, батскій, ворчестерскій, коventри и рочестерскій, отецъ Пандольфъ (сторонникъ папы), братъ Амори, начальникъ Тамплиеровъ въ Англии, Вильгельмъ, графъ Пемброкскій, графы Салисбери, Вареннъ, Арундель, Ананъ Галовой, Вильгельмъ, Фицъ Геральдъ, Пьеръ Фицъ Гербертъ, Томасъ Бинетъ, Матвѣй Фицъ Гербертъ, Гукъ Невильскій, Губертъ Бургскій, Сенешаль Пуату, Робертъ Рюклей, Жакъ Марсаль и Филиппъ Альбиной. Что-же касается до сторонниковъ бароновъ, то перечислить ихъ весьма трудно: все знатное сословіе состав-

ляло одного человѣка. Въ продолженіи первыхъ четырехъ дней длились споры не о главныхъ основаніяхъ, которыя не подлежали оспариванію, а объ нѣкоторыхъ предварительныхъ статьяхъ, какъ напр. о высылкѣ изъ государства иностранцевъ.

Наконецъ, 19 Іюня 1215 года, подписанъ былъ знаменитый актъ, извѣстный подъ названіемъ Великой Хартіи, на которую должно смотрѣть не какъ на полное государственное уложеніе, но какъ на основу, изъ которой искусное и умное послѣдующее примѣненіе составило настоящую конституцію. Эта хартія, болѣе полная и болѣе основательная всѣхъ предшествующихъ, заключаетъ въ себѣ три главныхъ отдѣла. Одинъ опредѣляетъ интересы духовенства, другой высшаго сословія и третій относится къ народу. Это логическое и естественное дѣленіе не содержится въ порядкѣ расположенія самихъ статей хартіи, но оно необходимо для подробнаго и отчетливаго разсмотрѣнія.

Хартія (Magna Charta) небогата опредѣленіями правъ духовенства. Эти права устанавливались прежними правительствами и потому не было необходимости въ новыхъ подробныхъ подтвержденіяхъ; достаточно было только одного упоминанія о ихъ признаніи, что и сдѣлано въ первой статьѣ хартіи. Привилегіи свѣтскихъ лицъ, напротивъ, были самыми неопредѣленными и самыми спорными, а потому относительно ихъ находится рядъ послѣдовательныхъ статей. Вся почти Великая хартія посвящена опредѣленію правъ свѣтскихъ лицъ.

Прежде всего положительнымъ образомъ разъясняется все темное и неясное въ законахъ феодальныхъ. Хартія перечисляетъ весь итогъ ленныхъ пошлинъ, лежащихъ на наследникахъ фьефовъ—непосредственныхъ и посредственныхъ. Затѣмъ исчисляются повинности, вытекающія изъ супружества несовершеннолѣтнихъ феодаловъ, а также повинности дѣтей и вдовъ вассаловъ. Право и образъ взиманія повинностей (*aides* и *escuages*) означаются въ слѣдующихъ двухъ статьяхъ.

Ст. 12 Въ государствѣ не можетъ быть устанавливаемо никакого налога или сбора, за исключеніемъ случаевъ нашего выкупа или возведенія въ достоинство рыцаря нашего первороднаго сына или выдачи въ замужество нашей первородной

дочери. И въ этихъ послѣднихъ случаяхъ размѣръ взносовъ долженъ быть умѣреннымъ и проч.

Ст. 14 Для составленія общаго государственнаго совѣта на предметъ опредѣленія сбора въ случаяхъ, за исключеніемъ трехъ предшествующихъ, мы обязываемся приглашать архіепископовъ, епископовъ, аббатовъ, графовъ и знатныхъ бароновъ помянуто и письменно лично отъ насъ, прочихъ же лицъ, непосредственно зависящихъ отъ насъ, приглашать общей повѣсткой чрезъ виконтовъ и баньи.

Наконецъ, нѣкоторыми статьями ограничивались права короля на земли его фермеровъ или оброчниковъ, уменьшались пошлины за нѣкоторыя преступленія, опредѣлялись случаи севистра земель за измѣну. Однимъ словомъ, предоставлялось баронамъ болѣе независимости, самостоятельности и безопасности, которыхъ они никогда не имѣли.

Таковы статьи Великой Хартіи относительно привилегій высшаго класса. Но опредѣляя права частныя, ограждая интересы извѣстныхъ классовъ общества, она вмѣстѣ съ тѣмъ заключаетъ въ себѣ положенія болѣе обширныя и общія, относящіяся къ интересамъ народа. Такъ, привилегіи, дарованныя баронамъ относительно короля, распространялись на васаловъ относительно ихъ синьоровъ. Съ этихъ поръ послѣдніе могли пользоваться въ своихъ владѣніяхъ только въ тѣхъ-же случаяхъ и въ томъ-же видѣ, какъ и король. Люди, принадлежавшіе частнымъ владѣльцамъ, вѣроятно, неимѣвшіе никакихъ правъ, не приобрѣли ихъ и теперь, но вообще число ихъ было не велико и постепенно уменьшалось соразмѣрно съ возрастаніемъ числа горожанъ, мелкихъ вассаловъ и свободныхъ земледѣльцевъ.

Правосудіе на будущее время облекалось въ болѣе твердую и однообразную форму. Вотъ главныя статьи, относящіяся къ этому предмету:

Ст. 17. Засѣданія суда общинъ не слѣдуютъ за нашимъ дворомъ, но отправляются въ опредѣленномъ мѣстѣ.

Ст. 18... Мы, или, въ случаѣ нашего отсутствія изъ государства, главный судья обязаны посылать четыре раза въ годъ въ каждое графство двухъ судей, которые съ участіемъ четы-

рехъ рыцарей, избранныхъ въ каждомъ графствѣ, составляютъ ассизы въ дни и въ главномъ городѣ графства.

Ст. 39. Никакой свободный человѣкъ не можетъ быть арестованъ, задержанъ, заключенъ въ тюрьму, лишенъ своего права, поставленъ внѣ закона, высланъ или подвергнутъ какому-либо взысканію, иначе какъ по суду себѣ равныхъ и по законамъ государства.

Ст. 40. Мы не можемъ продавать, отказывать или несправедливо примѣнять для кого-бы-то вибыло права и правосудіе.

Кромѣ того, король обѣщалъ назначать судей способныхъ и честныхъ, запретить составлять приговоры, невыслушавъ свидѣтелей, вознаградить каждого потерпѣвшаго отъ произвола, уничтожить несправедливости, возникшія при Генрихѣ II и Ричардѣ, сложить несправедливыя, отяготительныя натуральныя повинности и строго запретить всякаго рода поборы съ гражданъ, купцовъ и людей низшаго званія.

Онъ даруетъ и утверждаетъ за обывателями Лондона, равно какъ и другихъ городовъ, торговыхъ мѣстъ, мѣстечекъ и портовъ пользованіе всѣми ихъ древними обычаями и привилегіями.

Наконецъ ст. 41 говоритъ: пусть всякій торгующій пользуется полною и совершенною безопасностью пріѣзжать въ Англію, увѣзжать, оставаться и переѣзжать по сушѣ и по водамъ для покупки и продажи безъ всякой обиды и притѣсненія по древнимъ правамъ и привилегіямъ.

По мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, Великая Хартія истребована была баронами въ преслѣдованіи только своихъ личныхъ интересовъ. Это мнѣніе ошибочно. Могла-ли быть посвящена по крайней-мѣрѣ цѣлая третья часть всѣхъ статей обѣщаніямъ и гарантіямъ въ пользу народа, еслибъ аристократія преслѣдовала только свои личные интересы?

Но недостаточно жаловать права и расточать обѣщанія безъ гарантій ихъ вѣрнаго осуществленія и исполненія. Ст. 61 послѣдняя въ Великой Хартіи, даетъ эту гарантію. Въ ней говорится: бароны избираютъ изъ своей среды 25 человѣкъ, обязанныхъ наблюдать за поддержаніемъ и исполненіемъ

хартіи. Полномочіе избранныхъ бароновъ весьма широко. Еслибъ король или его подчиненные позволили себѣ нарушеніе какого-либо изъ положеній Хартіи, то они обязаны были представить о томъ королю и пригласить его къ немедленному возстановленію нарушеннаго права. Если-же король не обратилъ-бы вниманія на эти напоминанія, то бароны имѣли право черезъ сорокъ дней послѣ сдѣланнаго напоминанія преслѣдовать его, лишить земель и замковъ, съ сохраненіемъ лишь личной безопасности короля, королевы и ихъ дѣтей и преслѣдовать до тѣхъ поръ, пока допущенныя злоупотребленія не будутъ исправлены.

Хотя эта статья оберегала общественный миръ насиліемъ и хранила въ себѣ начала гражданской войны, тѣмъ не менѣе она была подписана королемъ съ видомъ веселымъ, съ лицомъ безоблачнымъ и яснымъ, улыбающимся однимъ и благосклоннымъ къ другимъ. Потомъ, когда все было подписано и скрѣплено, совершилась феодальная церемонія, въ которой бароны, считавшіе себя уже не связанными клятвами присяги и обязанностями къ сюзерену, вновь произвели обычныя формулы вассальной покорности. Съ своей стороны, король совершилъ имъ пожалованіе землями и почестями. Въ то-же время онъ разослалъ по всей Англіи привязаніе виконтамъ обязать клятвенно всѣхъ жителей ихъ округовъ повиноваться распоряженіямъ 25 бароновъ, охранителей народныхъ правъ, распоряженіямъ, направленнымъ непосредственно противъ него самого.

Нигдѣ не выказалось ни малѣйшаго сопротивленія; повсемѣстно радовались изгнанію иностранцевъ. Крестьяне оставались на дорогахъ всѣхъ подозрительныхъ лицъ и, если замѣчали въ ихъ выговорѣ акцентъ полуденной Франціи, били, грабили и задерживали. Во всемъ государствѣ носилась безпредѣльная радость. Вѣровами, говоритъ лѣтописецъ, что Богъ склонилъ наконецъ сердце короля къ милосердію, что онъ исторгнулъ отъ него сердце каменное и вложилъ туда добрыя пожеланія. Всѣ надѣялись видѣть Англію освобожденной по благодати Божіей отъ египетскаго ига, подъ которымъ она такъ долго томилась. Воспользовавшись почти одновременно

дарами свободы и благами религіи, всё вѣровали и надѣялись на лучшее мирное будущее, но общимъ народнымъ ожиданіямъ не суждено было осуществиться. Приближенные короля, гнусные разбойники, рутьеры, предпочитавшіе войну мирному благоденствію, стали внушать ему мысли раздора. Они преслѣдовали его дерзостями, насмѣшками и сарказмами, называли 25 королемъ Англіи, рабомъ, а не повелителемъ. Вслѣдствіе такихъ внушеній и наговоровъ безчестныхъ негодяевъ, король увлекся ими и сбросилъ съ себя маску.

Подъ полнымъ вліяніемъ раздраженія, король тайно отправилъ къ Филиппу Марку, констаблю замка Нотингама и преданнымъ иностранцамъ приказаніе снабдить замоки достаточнымъ количествомъ жизненныхъ припасовъ, исправить рвы, увеличить гарнизоны наемными войсками, приготовить воинскія орудія и машины, но все это дѣлать тихо, не возбуждая подозрѣній. Несмотря однакоже на всё предосторожности, переговоры, пересылки и передвиженія не могли не обратить на себя вниманія бароновъ. Они отправили къ королю депутатовъ изъ самыхъ уважаемыхъ лицъ, спросить о причинѣ дѣлаемыхъ приготовленій. Король принялъ депутатовъ съ спокойнымъ видомъ, старался обратить все въ шутку и клялся Престоломъ Всевышняго въ совершенномъ отсутствіи какого либо непріязненнаго намѣренія. Этими фальшивыми изворотами онъ думалъ утишить начинавшееся волненіе, но, какъ человѣкъ раздраженный, онъ не могъ постоянно выдерживать принятой роли, и депутаты не могли не замѣтить двуличія. Король пытался склонить ихъ на свою сторону, но безуспѣшно. Свиданія короля съ депутатами, бывшія сначала въ Винчестерѣ, а потомъ въ Оксфордѣ, только увеличивали взаимную недоувѣрчивость и обѣ стороны разстались еще болѣе раздраженными другъ съ другомъ.

Вдругъ пронесся слухъ объ исчезновеніи короля Іоанна; гдѣ онъ былъ и что съ нимъ сдѣлалось, — никто этого не зналъ. Не считая себя въ безопасности въ Англіи, онъ тайно скрылся на островѣ Ватѣ. Оттуда, окруженный близкими, преданными совѣтниками, онъ рѣшился поразить враговъ своихъ обоюдоострымъ мечомъ—духовнымъ и вещественнымъ. Онъ от-

правиль Пандольфа въ Римъ умолять о помощи Иннокентія III, просить его, въ качествѣ сюзерена Англїи, уничтожить уступки, исторгнутыя отъ него баронами насиліемъ. Съ другой стороны, онъ послалъ на континентъ епископовъ Норвича и Ворчестера Гуго де Бове и еще двухъ рыцарей съ должными полномочіями нанимать отъ его имени всѣхъ искателей приключеній, обѣщая въ награду обширныя удѣлы, плодородныя земли и богатныя сокровища. Сборнымъ мѣстомъ избранъ былъ Дувръ въ день праздника Св. Михаила.

Самъ-же король занялся ремесломъ пирата, съ цѣлью привлечь къ себѣ матросовъ пяти-портовъ. Такимъ образомъ, скрываясь на островѣ Ватъ безъ королевской вѣѣшности, безъ свиты, то на морѣ, то въ средѣ матросовъ, онъ обдумывалъ и подготавливалъ новое вѣвроломство. Появленіе его на островѣ хотя обратило на себя вниманіе населенія, но одни сочли его рыбакомъ, другіе купцомъ, нѣкоторые пиратомъ и вѣвроотступникомъ. Въ Англїи сначала всѣ чрезвычайно удивились продолжительному отсутствію; напрасно его повсюду искали; наконецъ стали считать его умершимъ, утонувшимъ или убитымъ. Король собиралъ всѣ эти слухи и нетерпѣливо ожидалъ возвращенія посланныхъ.

Въ первое время бароны мало беспокоились отсутствіемъ короля, они даже назначили турниръ въ Оксфордѣ, въ первыхъ числахъ Іюня. Но скоро стали распространяться неопредѣленные слухи о заговорѣ. Рассказывали, что какіе-то подозрительные люди только и ожидаютъ ихъ выѣзда изъ Лондона для овладѣнія столицей. Вслѣдствіе этого бароны поручили Вильгельму Альбеню быть особенно бдительнымъ. Не желая-же поселять въ государствѣ общаго безпокойства, они не отгѣнили турнира, но отложили его только на нѣсколько дней, выбравъ мѣсто ближе къ столицѣ. «Этотъ турниръ, писалъ Робертъ Фицъ-Валтеръ—глава арміи Христа и Св. Церкви, этотъ турниръ назначается на гитенскомъ дугу близъ Лондона. Мы переѣхали мѣсто для большей безопасности насъ и города. Мы настоятельно просимъ всѣхъ, желающихъ явиться на турниръ, быть хорошо вооруженными и на коняхъ.

Между тѣмъ послы Іоанна представили на усмотрѣніе на-

ны статьи Великой Хартии, въ которыхъ такъ сильно ограничивалась власть ихъ государя. Иннокентій спѣшилъ уничтожить хартію надменнымъ языкомъ Григорія VII. „Господь сказалъ устами пророка: я поставилъ тебя надъ народами и царствами, дабы ты истреблялъ и разрушалъ, устралялъ и насаждалъ,... и устами другого пророка: разорви связь нечестія и уничтожь тяжелыя цѣпи... Мы не желаемъ долѣе терпѣть дерзости нечестиваго дѣянія, презрѣвшаго нашъ Апостольскій Престолъ, поругавшаго права государя, унижившаго англійскій народъ и поправшаго интересы самого Христа. Именемъ нашей власти мы освобождаемъ великаго государя, государя крестоносца, отъ соблюденія вынужденныхъ условій, хотя-бы даже онъ самъ желалъ ихъ исполненія. А потому, во имя Бога Всемогущаго Отца и Сына и Св. Духа, властью Апостоловъ Петра и Павла и нашей властью, мы рѣшительно запрещаемъ и осуждаемъ эту хартію, запрещая вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ угрозой проклятія какъ исполненія ея со стороны государя, такъ и требованія исполненія со стороны бароновъ.... Мы объявляемъ ее уничтоженною на вѣчное время».

Теперь папа имѣлъ дѣло не съ королемъ трусливымъ, проклятымъ, малодушнымъ, не обладавшимъ для борьбы ни любовью подданныхъ, ни силою совѣсти, а съ цѣлымъ благороднымъ сословіемъ, духовенствомъ и съ цѣлымъ народомъ, тѣсно сплотившимся и ставшимъ грудью за свои права. Изреченіямъ пророка папской рѣчи бароны противопоставили другое изреченіе св. писанія: «горе вамъ, оправдавшимъ нечестіе».

Послѣ трехмѣсячнаго пребыванія на островѣ Вайтъ, король прибылъ въ Дувръ съ толпою авантюристовъ, вліятельныхъ и ничтожныхъ, привлеченныхъ обѣщаніями великихъ награды. Изъ Пуату и Гаскони явились знаменитые Савари де Молеонъ, два брата Готфридъ и Оливье де Бутвилъ; изъ Брабанта и Лувена Гольтье Бюркъ, Геральдъ де Сотенъ и Годшалль съ тремя отрядами вооруженныхъ воиновъ и стрѣлковъ, жаждавшихъ крови; кромѣ того, толпы изъ Фландріи и другихъ странъ, жадныхъ до чужого достоянія. Увидѣвъ себя въ недостаточныхъ силахъ, король предпринялъ осаду Рочестера, гдѣ за три дня передъ тѣмъ укрѣпился Вильгельмъ Альби-

ней съ 50 рыцарями и воинами. Хотя въ этой крѣпости находилось мало запасовъ и вовсе не было воинскихъ машинъ, тѣмъ не менѣе эта горсть храбрецовъ оказала чудеса храбрости. Еслибы оборонительныя средства осажденныхъ сколько нибудь соотвѣтствовали средствамъ осаждающихъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, всѣ усилія послѣднихъ оставались-бы безплодными. Въ это время король Іоаннъ получалъ извѣстіе, еще болѣе его раздражившее. Одинъ изъ самыхъ приближенныхъ его товарищей Гугъ де Бовъ, отважный рыцарь, посланный на континентъ для найма авантюристовъ, погивъ въ морѣ съ шайкой разбойниковъ.

Съ своей стороны, бароны находились въ крайнемъ смущеніи. Передъ тѣмъ какъ запереться Вильгельму Альбинену въ крѣпости, они клялись ему надъ Св. Евангелиемъ соединенными силами помочь ему и заставить снять осаду. И дѣйствительно, они снарядились въ походъ и достигли до Дортфорда; но здѣсь, вѣроятно испугавшись силъ короля, недоступности его позиціи, быстро повернули назадъ и возвратились въ Лондонъ. Отступленіе имѣло роковое вліяніе. Когда узнали, съ какою увѣренностью бароны отправлялись въ походъ и съ какимъ безславіемъ воротились, король осыпалъ ихъ насмѣшками, сравнивая съ горой, родившей мышъ. Онъ сдѣлался отважнымъ и разослалъ во всѣ стороны грабителей. А между тѣмъ въ это время осажденный гарнизонъ замка не зналъ покоя ни днемъ, ни ночью. Подъ непрерывнымъ градомъ всѣхъ родовъ метательныхъ снарядовъ, осаждающіе, не переставая, ходили на приступъ; когда утомлялись одни, свѣжія силы другихъ продолжали приступъ. Но не смотря на всю безнадежность своего положенія, лишеніе всякой помощи, на крайній недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, принудившій ихъ довольствоваться лошадинымъ мясомъ, осажденные рѣшились держаться твердо и дорого продать королю побѣду.

Храбро сражаясь на валахъ, отдавая ударъ за ударъ, стрѣлу за стрѣлу, камень за камень, осажденные стояли непоколебимо. Наконецъ, Іоанну удалось разрушить одну изъ окружающихъ стѣнъ! тогда гарнизонъ заперся въ башнѣ. Снова употребили подкопъ и разрушили одинъ изъ угловъ башни

осажденные все продолжали отрезать всё приступы. Наконецъ, голодъ сразилъ храбрецовъ и послѣ трехмѣсячной осады они сдались. Въ бѣшенствѣ за потерю столькихъ людей король приказалъ было повѣсить весь сдавшійся гарнизонъ; но рыцарь Савари де Молеонъ замѣтилъ королю, что бароны въ другомъ случаѣ могутъ отомстить тѣмъ-же и что при такихъ условіяхъ никто не останется у него на службѣ. Поэтому повѣсили только простыхъ воиновъ, а рыцарей размѣстили подъ сражей по различнымъ замкамъ.

Тогда какъ сторова бароновъ теряла одного изъ самыхъ лучшихъ своихъ защитниковъ, Иннокентій III объявилъ надъ ними общее отлученіе. Но когда Пандольфъ, епископъ вичестерскій и аббатъ Рединъ потребовали отъ Стефана Лангтона торжественнаго обнародованія отлученія, архіепископъ, собиравшійся въ то время въ Римъ, рѣшительно отказалъ, высказавъ, что подобное рѣшеніе могло быть не иначе какъ вслѣдствіе обмана, искаженія передъ Первосвященникомъ истины. За это посланные папы воспретили Лангтону входъ въ церковь и отправленіе богослуженія. Непреклонный въ интересахъ независимости отечества и полный смиренія лично для самого себя, Лангтонъ покорно преклонилъ голову и съ точностью исполнилъ произнесенный надъ нимъ приговоръ.

Не такими послушными оказались бароны. Въ отвѣтъ на объявленіе Пандольфа и епископа вичестерскаго объ отлученіи, они отозвались, что такое рѣшеніе не можетъ имѣть никакого дѣйствія, какъ выраженное вообще безъ указанія на кого-либо лично въ особенности. Само духовенство повидимому принимало ихъ сторону и даже рѣшилось на смѣлый и отважный шагъ. Давно уже оставалась вакантною іоркская кафедра, первая послѣ канторберійской. На это вакантное мѣсто братство выбрало Симона Лангтова, брата примаса и, слѣдуя установившемуся обычаю, выборъ этотъ представило на утверженіе короля. Можно представить неудовольствіе короля и смыслъ посланія его въ Римъ по этому поводу. Конечно, при такой обстановкѣ дѣла, рѣшеніе папы не могло быть сомнительнымъ. Архіепископомъ іоркскимъ назначенъ епископъ ворчестерскій, а Симонъ въ наказаніе за претен-

зю лишень права навсегда быть избраннымъ на какую-либо кафедру, безъ особаго разрѣшенія папы.

Въ это время Римъ представлялъ христіанскому міру величественный видъ. Иннокентій III, для возбужденія энтузіазма къ крестовому походу, созвалъ соборъ изъ всѣхъ странъ свѣта. Два патріарха, константинопольскій и іерусалимскій, 78 примасовъ и митрополитовъ, 412 епископовъ, болѣе 800 аббатовъ и пріоровъ, представители восточнаго императора, юнаго короля Сициліи, королей Франціи, Англіи, Венгріи, Іерусалима, Кипра, Арагоніи, толпа принцевъ и синьоровъ явились по его призыву.

Въ срединѣ этого многочисленнаго собранія появился Стефанъ Лангтонъ, печальный и грустный, но твердый въ своихъ убѣжденіяхъ. Не удостоивъ отвѣтомъ обвиненія противъ него аббата Булье, Томаса Гердингтона и Готфрида Крокумба, онъ смиренно умолялъ апостольское величество онять съ него наложенное лишеніе правъ. Говорили, будто-бы папа, раздраженный противъ него, отвѣчалъ слѣдующими словами: «Во имя Св. Петра, мой братъ, вы не получите такъ легко просимаго разрѣшенія за тотъ великій вредъ, который вы нанесли не только королю Англіи, но и всей римской церкви. Мы желаемъ обсудить съ нашими братьями, какого наказанія заслуживаютъ ваши дерзкіе поступки». Распоряженіе о лишеніи его правъ было утверждено, но самъ Иннокентій не могъ не отдать должной справедливости тому безропотному смиренію, съ какимъ Лангтонъ переносилъ немилость. Послѣ этого папа наложилъ отлученіе поименно на каждого барона и интродиктъ на Лондонъ:

Однакоже въ Англіи не боялись этихъ грозныхъ приговоровъ. Объясняя подобныя мѣры невѣдѣніемъ и заблужденіемъ папы относительно совершающихся фактовъ, тамъ не боялись высказывать, почему Св. Отецъ занимается свѣтскими дѣлами, тогда какъ Господь ввѣрилъ Св. Петру и его преемникамъ только управленіе церковью. Въ Лондонѣ, несмотря на интродиктъ, продолжалось совершеніе таинствъ, отправленіе богослуженія и обычный громкій звонъ церковныхъ колоколовъ.

ГЛАВА ІХ.

Опустошительная война. Бароны предлагаютъ корону Лудовику французскому. Быстрые успѣхи французскаго принца. Смерть короля Іоанна.

Пріятныя новости привезли королю изъ Рима его посланцы, Томасъ Гендрингтонъ и Готфридъ Краумбъ. Бароны отлучены, архіепископъ канторберійскій отрѣшенъ, избраніе его брата кассировано, Гольте де-Гре назначенъ на юрскую кафедру, Вильгельмъ Альбинеи захваченъ, замокъ Рочестеръ взятъ, все совершалось по его желанію. Въ монастырѣ Сентъ-Альбана Іоаннъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено раздѣлить армію на два корпуса. Первый изъ нихъ, подъ начальствомъ самого короля, состоя изъ отрядовъ Вильгельма, графа Альбермала, Филиппа Альбинеи, Іоанна Марсала, Геральда Сотена и Годшалъка, долженъ былъ направляться на сѣверъ къ границамъ Шотландіи; второй корпусъ, подъ начальствомъ Вильгельма Салисбері, брата короля, состоя изъ отрядовъ Фалькеса, Савари де Молеона, Вильгельма Бривера и Гольте Бурка, долженъ былъ опустошать полуденныя страны и беспокоить бароновъ, запертыхъ въ Лондонѣ.

Во всемъ государствѣ началась опустошительная война. Въ особенности на сѣверѣ, гдѣ былъ король, она имѣла характеръ, жестокостью превосходившій далеко времена завоеванія. Іоаннъ опьянѣлъ отъ крови. Онъ жегъ не только замки и жилища бароновъ, но даже деревни и поля. Всѣхъ, найденныхъ внѣ церкви или кладбища, безъ различія пола и возраста, передавали рутберамъ, которые поступали съ ними по своему произволу или назначали высокой выкупъ. Гнѣвъ короля обрушивался на бѣдныхъ; онъ наслаждался ихъ горемъ.

Все бѣжало при приближеніи короля; онъ шелъ въ своемъ государствѣ среди развалинъ. Разсказъ этого времени монаха Сентъ-Альбана полонъ трогательнаго краснорѣчія: «эти тѣлохранители сатаны, эти сподвижники дьявола, собранные изъ самыхъ отдаленныхъ странъ, какъ туча саранчи, покрыли всю

Англию. Несчастные поселяне, по одному только подозрѣнію въ достаткѣ, приговаривались къ смерти. Не имѣвшихъ ничего мучили самыми утонченными пытками, допрашивая объ имуществѣ. Повсюду являлись эти злодѣи, покрытые человѣческой кровью, эти ночныя, злобѣщія тѣни, эти поджигатели, эти сыны ваала, съ мечомъ въ рукѣ разрушавшіе все на земной поверхности, уничтожавшіе всякое созданіе отъ человѣка до животнаго. Они пробѣгали съ ножомъ деревни, дома, кладбища, церкви, все грабя, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей, ни старцевъ. Все, что не могли разрушить, они предавали огню. Тѣхъ, которыхъ нельзя было обвинять въ чемъ-либо, называли врагами короля, схватывали, заключали въ тюрьмы, обрѣзывали цѣпами и насиліемъ вынуждали выкупъ. Даже сами священники у подножія алтарей, съ крестомъ въ рукахъ или съ тѣломъ Господа, несмотря на уваженіе, внушаемое священными одѣяніями и видомъ алтаря, схватывались, мучились и грабились. Рыцари и люди всѣхъ другихъ классовъ терпѣли тѣ-же самыя насилія, если не могли откупиться. Однихъ вѣшали за ребра, за ноги, другихъ за руки, бросали въ глаза соль, разведенную уксусомъ, привязывали къ жѣлзнымъ рѣшеткамъ, положеннымъ надъ горячими угольями, потомъ полубожеженные тѣла ихъ вдругъ опускали въ ледяную воду. Такимъ образомъ заставляли переносить всѣ мученія ада. Въ этихъ страданіяхъ они отдавали Богу души свои. Между тѣмъ какъ испускались крики и хрипѣе, дикіе вопли, никто не обращалъ на это никакого вниманія; палачи только и требовали денегъ, денегъ и денегъ.

Вся Англія терпѣла пытку; отцы продавались дѣтьми, братья братьями, граждане гражданами. Ярмарки и рынки опустѣли, торговля утасла, земледѣліе исчезло.... А когда вѣстники со всѣхъ сторонъ передавали баронамъ объ этихъ бѣдствіяхъ, они недвигались изъ своихъ укрѣпленныхъ замковъ.

Король постепенно отбиралъ въ свою власть земли, замки и помѣстья бароновъ отъ моря полуденнаго до моря Шотландіи. Располагая по своему произволу захваченными владѣніями, онъ жаловалъ ими своихъ сторонниковъ. Такъ, онъ пожало-

валъ всѣ земли между рѣкой Тисомъ и Шотландіей Гуго Бальо и Филиппу Гюлекоту, назначивъ къ нимъ нѣкоторое число рыцарей и воиновъ для защиты территоріи. Въ юрскомъ графствѣ онъ поручилъ оборону замковъ и земель Роберту Вь-Пону, Бриелу де Шля и Готфриду де Люси. Вильгельму, графу Альбемарлю, онъ передалъ замки Рокингамъ, Савей и Бингамъ, принадлежавшія Вильгельму Колевилу. Фалькесу ввѣрилъ замки Оксфорда, Нортамптона, Бедфорда и Кембриджа; Рапульфу Тетону замокъ Беркамштеда, а замокъ Гартфордъ Вильгельму Гадервилу, рыцарю отряда Фалькеса.

Передавая замки, король обязывалъ владѣльцевъ опустошать владѣнія бароновъ, ихъ замки, жилища и помѣстья; однимъ словомъ, неизмѣнно продолжать его трудъ и они повинувались съ такимъ усердіемъ, что всякій, не сдѣлавшій всевозможнаго зла, считался добрымъ до слабости.

Затѣмъ король, за содѣйствіе шотландскаго короля Александра баронамъ, двинулъ противъ него свои войска и въ короткое время овладѣлъ сильноукрѣпленнымъ Бервикомъ и многими другими, считавшимися неприступными. Его передовые отряды уже достигли воротъ Эдинбурга, распространяя убійства и опустошенія, какъ вдругъ весьма важныя извѣстія заставили Иоанна воротиться. Покидая сѣверныя графства, король оставлялъ тамъ свою власть совершенно утвердившеюся, такъ-какъ у бароновъ оставалось только два города—Монсореель и еще одинъ, принадлежавшій Роберту де Росу въ провинціи Йорку.

Не менѣе успѣховъ имѣла и южная армія. Въ графствахъ Ессенса, Герфорда, Кембриджа, Гютингтона и Мидльсенса все было предано огню и мечу. Въ особенности островъ Ели служилъ главнымъ театромъ самыхъ ужасныхъ опустошеній, — сначала отъ брабансонцевъ Гольтье Бюрка, а потомъ отъ шаекъ графа Салисберя, Фалькеса и Савари де Молеона. Въ виду такихъ крайностей страннымъ представляется поведеніе бароновъ. Они допустили внезапно захватить себя, разединить, изолировать, рѣзать по одиночкѣ въ беззащитныхъ замкахъ, а когда отечество требовало защиты и мести, они искали, укрываясь за стѣнами Лондона, по словамъ Матье-Пари, въ

роскоши и утонченномъ развратѣ забвенія общественныхъ бѣдствій. Единодушные, твердые и рѣшительные въ предшествующихъ усобицахъ, они не могли удержать за собой приобретенный успѣхъ. Гордясь завоеваніемъ Великой Хартіи, завоеваніемъ, впрочемъ, не труднымъ, они не умѣли упрочить своего положенія. Вѣроятно недоставало имъ пункта соединенія, точки опоры, энергіи одного вождя.

И этого вождя бароны рѣшились избрать у народа непрязненнаго: они предложили корону Англій Лудовику, сыну Филиппа Августа, мужу Бланши Кастильской, племянницы Иоанна Безземельнаго. Такое рѣшеніе, оживившее въ памяти горькіе дни завоеванія, не могло не быть антипатичнымъ народному чувству. Это дѣйствительно было такъ. Приходя къ этому моменту, странная переменна замѣчается въ идеяхъ и языкѣ Сентъ-Альбанскаго монаха, его симпатіи и антипатіи вдругъ замѣняютъ другъ друга.

Робертъ Фицъ-Вальтеръ и Саеръ, графъ винчестерскій, отправились во Францію съ уполномочіями бароновъ. Прежде чѣмъ на что-либо рѣшиться, Филиппъ Августъ и его сынъ потребовали выдачи себѣ двадцати пяти заложниковъ изъ самыхъ благородныхъ фамилій. Заложники выданы и приняты въ Комнскѣ подъ надежную охрану. Послѣ того Лудовикъ послалъ въ Англію нѣкоторыхъ рыцарей съ многочисленной свитой, разузнать положеніе дѣлъ и въ благопріятномъ случаѣ предложить баронамъ и Лондонскимъ гражданамъ великодушныя обѣщанія. Эта первая помощь принята была избирателями съ живѣйшею радостью; но вскорѣ случилось происшествіе, хотя незначительное само по себѣ, но поразившее умы тоскливымъ предчувствіемъ. На турнирѣ, данномъ англійскими баронами въ честь прибывшихъ гостей, одинъ французъ имѣлъ несчастіе смертельно ранить Готфрида Мандевилля, графа Енекса.

Лудовикъ дѣлалъ обширныя приготовленія. Все уже было готово къ отплытію, какъ вдругъ явилось неожиданное препятствіе, по случаю прибытія легата Гюало, кардинала Сентъ-Мартеля, отъ папы къ королю Франціи и его сыну съ спеціальнымъ порученіемъ воспретить имъ вмѣшательство въ дѣла

Англии. Сначала Филиппъ выказалъ большую рѣшительность. — Нѣтъ, вскричалъ онъ, прочитавъ посланіе Иннокентія, англійское королевство не владѣніе св. Петра, оно никогда не было имъ и никогда не будетъ. Самъ король Іоаннъ еще прежде, за измѣну и вѣроломство къ Ричарду, своему брату, лишень былъ права наслѣдованія законнымъ судомъ, обнаруженнымъ Гугомъ де-Тоза, епископомъ Дургамскимъ. Поэтому онъ никогда не могъ быть законнымъ государемъ, а тѣмъ менѣе не имѣлъ права располагать судьбой государства. Но еслибъ даже предположить законность его царствованія, то онъ былъ лишень его судомъ нашего двора за убійство племянника Артура. Наконецъ, никакой король и принцъ не можетъ располагать судьбой своего государства безъ согласія своихъ бароновъ. И если папа рѣшится поддерживать подобное правонарушеніе, то этимъ подастъ народамъ самый пагубный примѣръ.

Но такъ-какъ въ то время Филиппъ Августъ имѣлъ нужду въ папѣ, то на другой-же день выказалъ менѣе твердости и рѣшительности. — Я всегда былъ, сказалъ онъ легату, набожнымъ и вѣрнымъ сыномъ святого отца и римской церкви и если сынъ мой Лудовикъ нанесетъ какой-либо вредъ римской церкви, то это будетъ безъ моего согласія и содѣйствія. Понимая значеніе подобныхъ уловокъ, легатъ не обратилъ на нихъ вниманія и подъ угрозой отлученія обоихъ, отца и сына, запретилъ имъ покушеніе на достояніе святого престола. Тогда Лудовикъ высказалъ королю: — государь, я вамъ обязанъ повиновеніемъ за владѣніе, которое имѣю въ отечествѣ, но вы сами не имѣете никакихъ правъ относительно Англии. Я подвергаю себя по этому вопросу суду перовъ, пусть они скажутъ, можете ли вы мѣшать мнѣ преслѣдовать мои права и притомъ-же такого существа, которое неподлежитъ вашему суду. Я васъ прошу, государь, не препятствовать мнѣ домогаться моего права, за которое я буду биться до послѣдней капли крови.

Нѣсколько дней спустя шесть-сотъ восемьдесятъ кораблей понесли къ Англии французскую экспедицію. Король Іоаннъ предполагалъ въ Дуврскомъ лагерѣ встрѣтить противника,

при высадкѣ его, но при одномъ видѣ громадной экспедиціи испугался и быстро отступилъ къ Бристолу, опустошая все на пути своемъ. Высадившись въ Сандвичѣ, Лудовикъ занялъ Рочестеръ и направился къ Лондону. Здѣсь бароны и граждане, въ торжественной процессіи, вышли къ нему на встрѣчу; сопровождаемый ими къ церкви св. Павла, онъ принялъ тамъ присягу въ вѣрности отъ новыхъ подданныхъ и самъ произнесъ клятву возстановить добрые законы и возвратить потерянные достоянія. Первымъ правительственнымъ дѣйствіемъ новаго короля было назначеніе канцлеромъ Симона Лагнтона.

Со всѣхъ сторонъ города и графы сѣдѣли признать Лудовика. Александръ, король Шотландіи, отнесся къ нему, какъ къ законному сюзерену; бароны, до-сихъ-поръ преданные сторонѣ короля Іоанна, графы Вареннъ, Арундель и Салисбери сѣдѣли къ новому государю. На сторонѣ Іоанна оставались только наемники въ Пуату, какъ слишкомъ скомпрометировавшіе себя предъ королемъ Франціи. Въ полуденной части государства оставались вѣрными Іоанну только два замка—Дувръ и Виндзоръ. Наконецъ, къ довершенію несчастія, умеръ его самый ревностный заступникъ и покровитель Иннокентій III.

Вскорѣ положеніе дѣлъ измѣнилось. Такъ-какъ избраніе Лудовика было дѣломъ только партіи, то въ самомъ торжествѣ побѣды проявилось народное противодѣйствіе. Въ лагерь побѣдителей проникли смущеніе и опасенія: французы и англичане не довѣряли и удалялись другъ отъ друга. Губертъ Вюркъ твердо держался въ Дуврѣ, въ Виндзорѣ также не было успѣха, въ чемъ бароны обвиняли графа Неверскаго, какъ измѣнника, а послѣдній обвинялъ бароновъ въ слабомъ содѣйствіи. Къ усиленію подозрительнаго настроенія, вѣроятно, не мало способствовала и неосторожность самого Лудовика, сѣдѣвшаго раздать приближеннымъ самыя значительныя домены: графство винчестерское графу Неверскому, графство ливольнское Жильберу де Ганду. Отъ подобныхъ мѣръ естественно выигрывала сторона Іоанна. Многіе изъ бароновъ открыто перешли подъ королевскія знамена, какъ національныя, но еще большее число колебалось. Народъ возмущался противъ иностранцевъ; жители пяти-портовъ перехватывали

коввои и подкрѣпленія, слѣдовавшія изъ Франціи, организовались ассоціаціи въ полуденной сторонѣ для поддержанія національной династіи. Но уже возстановленію народной самостоятельности не суждено было быть и возстановленіемъ тиранівъ.

На пути къ сѣверу, опустошая жатвы и обозначая дорогу пепломъ и кровью, Іоаннъ неожиданно серьезно захворалъ. При переходѣ арміи черезъ Веландъ, обозъ его, тяжело нагруженный золотомъ, посудой и драгоценностями, погибъ въ волнахъ морского прилива, высоко поднявшаго узкое ложе рѣки. Погибло все: люди, лошади и сокровища. Король получилъ это печальное извѣстіе въ аббатствѣ Швеншедѣ. Тогда, говорятъ лѣтописецъ, скорбь отъ потери такого богатства произвела въ немъ страшную лихорадку. Ядъ болѣзни усиливался еще крайнею неумѣренностью въ пищѣ. На другой день, на разсвѣтѣ, онъ отправился однакожь въ дорогу къ замку Шлефорду, но на пути принужденъ былъ лечь въ носилки. Въ слѣдующій день его едва могли перенести въ замокъ Новаркъ. Такъ-какъ болѣзнь все болѣе и болѣе усиливалась, то онъ пригласилъ аббата монастыря Крокестана и принялъ отъ него св. Причастіе: Затѣмъ, объявивъ наслѣдникомъ старшаго сына Генриха, потребовалъ отъ присутствующихъ присяги въ вѣрности и съ такимъ же требованіемъ отправилъ формальныя посланія ко всѣмъ вивонтамъ и высшимъ государственнымъ лицамъ. По окончаніи всѣхъ этихъ дѣлъ, крокестанскій аббатъ спросилъ умирающаго, гдѣ онъ желалъ-бы быть погребеннымъ?— „Я отдаю тѣло и душу мою Богу и св. Вульстану“— отвѣчалъ король.

Ночью на праздникъ св. Евангелиста Луки, 19 октября 1216 г., король Іоаннъ скончался. Аббатъ, бывшій вмѣстѣ съ тѣмъ медикомъ и присутствовавшій при послѣднихъ моментахъ жизни, вскрылъ тѣло покойнаго и внутренности почтено похоронилъ въ аббатствѣ Крестона; тѣло-же, одѣтое въ царское одѣяніе, перевезено въ Ворчестеръ, гдѣ съ должной торжественностью погребено епископомъ въ склепахъ кафедральной церкви. Вотъ эпитафія покойному, по словамъ Матѣе Пари: Въ этомъ саркофагѣ покоится тѣло короля. Его смерть окон-

чила великія распри міра, а его жизнь была непрерывною цѣпью притѣсненій. Ты, который прочтеть сіи слова, трепещи о кончинѣ своей, подумай о томъ, что тебя ожидаетъ за дверями гроба.

Г Л А В А X.

Коронованіе Генриха Ш. — Регентство графа Пемброкскаго. — Примирительная хартія. — Линкольнское сраженіе. — Гибель французскаго флота. — Бастилуція и отступленіе Людовика. — Смерть графа Пемброкскаго. — Совершеніе бароновъ.

Смерть Іоанна-Безземельнаго, можетъ быть, спасла англійскую націю и безъ сомнѣнія спасла Плантагенетовъ и Великую Хартію, такъ-какъ между ихъ судьбами установилась кровная, несокрушимая солидарность. Съ этого времени англійскіе короли стали сознавать необходимость признавать и уважать актъ, ограничивающій ихъ власть; въ прочности Великой Хартіи начали видѣть гарантію законнаго порядка и безопасности отъ внѣшняго насилія. Оттого при первомъ-же извѣстїи о счастливомъ событіи, освободившемъ страну отъ клятвопреступнаго государя, всѣ мятежники тотчасъ-же обратились къ ребенку, неотвѣтственному за злодѣйство отца.

Генриху винчестерскому было девять лѣтъ. Въ сопровожденїи графа Пемброкскаго, онъ явился въ Глочестеръ для коронованія и полученія вассальныхъ почестей и клятвы въ вѣрности. Но такъ-какъ королевская корона погибла вмѣстѣ съ другими сокровищами короля Іоанна, то легатъ Гюало ополсалъ чело молодого принца простымъ золотымъ кольцомъ. На другой день была обнародована прокламація, въ которой государь, осуждая раздоры, возникшіе между баронами и его отцомъ, обѣщалъ всѣмъ полную амнистію за прошедшее и твердое сохраненіе правъ въ будущемъ. Спустя пятнадцать дней графъ Пемброкскій собралъ въ Бристоль значительное число епископовъ, бароновъ и рыцарей и въ этомъ собранїи принялъ титулъ регента. Затѣмъ, чтобъ популизировать сто-

рону короля, онъ составилъ отъ его имени новую хартію. Эта хартія совершенно согласовалась съ хартіей короля Іоанна, съ опущеніемъ только нѣкоторыхъ статей, наиболѣе нарушавшихъ королевскіе прерогативы, а именно исключено запрещеніе въ назначеніи всякаго сбора безъ общаго согласія, а равно исключена статья, дававшая баронамъ право сопротивленія вооруженной рукой. Впрочемъ въ самой хартіи выражена мысль, опредѣлявшая значеніе ея только временнымъ характеромъ, впредь до болѣе подробнаго обсужденія.

Принужденный снять осаду Дувра, мужественно защищаемого Губертомъ Бюркомъ, ослабленный постоянно, то потерями отъ войскъ Генриха, то отпаденіями бароновъ, Лудовикъ принужденъ былъ воротиться на континентъ за новыми поддержаніями. По его отъѣздѣ даже самые преданные ему бароны, какъ напр. графы Салисбери, Арундель, Вареннъ и Вильгельмъ Альбинеи, спѣшили заявить преданность королю Генриху, такъ что, воротившись съ новыми силами, Лудовикъ нашель дѣла свои въ ненадежномъ положеніи. Но все еще его армія, поддержанная шестьюстами рыцарей и двадцатью тысячами простыхъ воиновъ, превосходила армію графа Пемброка. Подъ предводительствомъ графа Перша, графа винчестерскаго и Роберта Фицъ-Вальтера, французская армія выступила изъ Лондона къ Линкольну для нанесенія рѣшительнаго удара. Между тѣмъ армія Генриха сосредоточивалась въ Неваркѣ. Подъ вліяніемъ политическаго и религіознаго фанатизма, съ торжественнымъ разрѣшеніемъ отъ легата Гюало всѣхъ грѣховъ, армія Генриха бодро двинулась также къ Линкольну на выручку замка съ твердой рѣшимостью или побѣдить, или умереть за святое дѣло.

Осаждавшая замокъ Линкольнъ французская армія занимала городъ и такимъ образомъ при наступленіи англійской сама оказалась въ осажденномъ положеніи подъ перекрестнымъ дѣйствіемъ гарнизона, поддержаннаго отрядомъ Фалькеза, успѣвшаго тайнымъ ходомъ перебраться въ замокъ, и главнаго корпуса англичанъ. При такомъ невыгодномъ положеніи побѣда не могла быть сомнительной. Не смотря на отчаянное мужество французовъ и союзниковъ ихъ, англійскихъ

бароновъ, они потерпѣли полное пораженіе съ громадною потерей людей, погибшихъ въ битвѣ и при невыгодномъ отступленіи. Въ плѣнъ взяты четыреста рыцарей и почти всѣ вожди—графы Винчестеръ и Герфордъ, Робертъ фицъ-Вальтеръ, Жильберъ де Гандъ, Вильгельмъ Бошакъ, Оливье Гаркуръ и множество простыхъ воиновъ. Весь багажъ бароновъ и французовъ, драгоцѣнности, посуда золотая и серебряная, богатая одежды, — все это досталось побѣдителямъ. Печальная участь ожидала бѣглецовъ. Повсюду на дорогахъ ихъ встрѣчали крестьяне съ ножами и палками; ихъ били и рѣзали. Только двѣсти рыцарей достигли Лондона, куда принесли ужасъ и отчаяніе.

Лудовикъ требовалъ помощи отъ отца. При этомъ случаѣ жена его Бланка Кастильская выказала изумительную дѣятельность. Въ короткое время она снарядила триста рыцарей и значительное войско, помѣщенное въ Кале для переѣзда въ Англію на 80 корабляхъ, не считая небольшихъ боевыхъ галеръ. Предводителемъ избранъ знаменитый пиратъ Евстафій Моанъ. Съ своей стороны, и король Генрихъ дѣлалъ большія приготовленія. Хотя морскія силы противниковъ были далеко неравны,—всѣ морскія вооруженія пяти-портовъ не достигали и половины морскихъ французскихъ сооруженій, тѣмъ не менѣе воодушевленные недавней побѣдой при Линкольнѣ, англичане не колебались вступить въ неравный бой. Французы далеко уступали непріятелю въ умѣньи и ловкости управлять кораблями. Осыпаемые стрѣлами, непривыкшіе къ морскимъ битвамъ, ослѣпляемые известковымъ порошкомъ, бросаемымъ имъ прямо въ глаза, раздавливаемые англійскими кораблями, носовыя части которыхъ были окованы желѣзомъ, безопасно поражаемые на бордажѣ, французскій флотъ потерпѣлъ совершенное пораженіе. Часть экипажа погибла подъ ударами топора, другая бросилась въ море, предпочитая смерть въ волнахъ океана. Спаслось не болѣе пятнадцати кораблей, а изъ доставшихся побѣдителямъ способные еще къ движенію приведены были на буксирѣ въ Дувръ; въ плѣнъ взято 115 рыцарей и огромное число простыхъ воиновъ, въ числѣ которыхъ находился и самъ предводитель Евстафій Моанъ, оты-

сканнѣннѣ въ нижней части корабля. Послѣдняго, какъ измѣнника, убилъ Ричардъ Фицъ-рой, побочный сынъ короля Іоанна.

Морская катастрофа разрушила послѣдній ресурсъ Лудовика. Вскорѣ Лондонъ осажденъ былъ со всѣхъ сторонъ, какъ съ суши, такъ и съ моря. Въ такомъ отчаянномъ положеніи французскій принцъ вынужденъ былъ принять мирныя предложенія легата и графа Маршана. Переговоры начались на островѣ Темзы, близъ Штена, а 11 ноября 1217 г. заключенъ былъ мирный трактатъ, по которому Лудовикъ отказывался отъ всякихъ претензій на престолъ Англіи и разрѣшалъ англійскихъ бароновъ отъ данныхъ ими обѣщаній, а Генрихъ, съ своей стороны, обѣщалъ полную амністію и восстановленіе баронскихъ правъ и владѣній. Кромѣ того, онъ обязывался сохранять всѣ привилегіи, дарованныя его отцомъ всѣмъ государственнымъ сословіямъ. По подписаніи договора Лудовикъ и его приближенные получили церковное разрѣшеніе, впрочемъ съ обязательствомъ для свѣтскихъ присоединенія къ крестовому походу, а для духовныхъ исполненія обряда бичеванія. Бѣдность сына Филиппа Августа была до такой степени велика, что Генрихъ далъ ему десять тысячъ марокъ, а лондонскіе граждане презентовали пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ для уплаты его долговъ. Лудовикъ незамѣтно исчезъ изъ Англіи; но потерявъ корону одного государства, ему предстояла другая, не менѣ блестящая—корона Франціи.

Генрихъ остался государемъ безъ соперниковъ. Можно было бы опасаться, что съ освобожденіемъ отъ соперничества, служившаго уздой для произвола, власть его снова будетъ увлекаться къ деспотизму, но, къ счастью, въ главѣ правленія находилось лицо съ большими государственнымъ способностями и тактомъ. Ловкій и разумный политикъ, графъ Пемброкскій слѣдилъ успокоить общія опасенія. Обнародовались двѣ хартии: одна—одинаковая съ предшествующею, съ установленіемъ повинностей, какъ было во времена Генриха II, другая—содержащая лѣсной уставъ, уничтожавшая суровыя ограниченія правъ собственности на лѣса. Изъ несчастія, это были послѣднія услуги графа Маршана королю и народу. Онъ умеръ (1219 г.), оставивъ правленіе двумъ враждебнымъ партіямъ,

равно ненавистнымъ, партіи главнаго судьи Губерта Бюрга и партіи пугуанца Петра де-Рошъ, бывшаго рутьера, котораго капризь короля Іоанна возвелъ въ санъ епископа Винчестерскаго.

Въ воспоминаніе своего происхожденія и прежняго ремесла, Петръ де-Рошъ считалъ себя покровителемъ и другомъ этихъ жадныхъ иностранцевъ, этой стаи зловѣщихъ коршуновъ, опустившихся на почву Англїи. „Въ эти времена послѣдней войны, говоритъ Матъе Пари, много явилось людей, которымъ прїятно было жить грабежемъ и хищничествомъ. Когда установился миръ, трудно было этимъ людямъ удержаться отъ своего ремесла; руки ихъ зудѣли. Въ первомъ ряду этихъ закоренѣлыхъ злодѣевъ находился знаменитый рутьеръ Фалькезъ. Весьма интересенъ разсказъ лѣтописца о судьбѣ этой замѣчательной личности, разсказъ, вполне характеризующій бытъ того времени.

За какое-то преступленіе мѣстные судьи округа на ассизахъ въ Дюнстаплѣ присудили взискать съ Фалькеза три тысячи фунтовъ пени. Возбѣшенный такой дерзостью, Фалькезъ, бывший въ то время въ замкѣ своемъ Бедфордѣ, поскакалъ въ деревню, схватилъ одного изъ судей Генриха Брайброда и заключилъ его въ тюрьму. Жена несчастнаго бросилась къ ногамъ короля, съ мольбой о помощи и въ то-же время главный судья Рубертъ Бюргъ просилъ юнаго государя обратить вниманіе на такое дерзкое самоуправство. Къ замку Фалькеза, по приказанію Генриха III, двинулся отрядъ войска, но хотя самъ владѣтель и удалился въ Честерское графство, его сподвижники нагло отказались принять короля, отзвываясь свободой отъ всякихъ вассальныхъ обязанностей. Раздраженный король поклялся душой своего отца перевѣшать мятежниковъ. Начали правильную осаду, устроили стѣнобитныя машины и деревянную башню, съ высоты которой удобно было обстрѣливать всѣ укрѣпленія. Наконецъ, осаждающіе сбѣлали двѣ бреши, обрушили часть крѣпостной башни, вслѣдствіе чего замокъ не могъ уже укрывать своихъ защитниковъ и они всѣ, какъ рыцари, такъ и простые воины, согласно съ обѣщаніемъ короля, были повѣшены. Самъ Фалькезъ напрасно умолялъ

государя о помилованіи; въ уваженіе заслугъ, оказанныхъ имъ покойному королю Іоанну, ему даровали жизнь, но конфисковали всё его имущество и самого осудили къ вѣчной ссылке. Жена его, богатая владѣтельница Маргарита Редвьеръ, выданная замужъ насильно королемъ Іоанномъ, потребовала расторженія брака и такимъ образомъ онъ очутился одинокимъ, какъ пришелъ въ Англію съ одной походной сумой. Дальнѣйшая судьба его печальна: переправившись во Францію, онъ едва спасся отъ висѣлицы единственно заступничествомъ папы по обѣщанію присоединиться къ крестоносцамъ и наконецъ погибъ въ одномъ небольшомъ итальянскомъ городѣ.

Г Л А В А XI.

Конфирмація хартій. — Генрихъ III по совершеннѣйшимъ уничтожаетъ ихъ. — Паденіе Губерта Бюрга. — Возстаніе бароновъ. — Паденіе Петра Рошъ. — Существованіе Генриха III. — Вліяніе провансальцевъ. — Новая конфирмація хартій. — Попытки къ революціи. — Графъ Лейчестерскій. — Основаніе парламента. — Provisions d'Oxford. — Посредничество Лудовика святого. Смерть Генриха III.

Наказаніе Фалькеса, самаго гнуснаго изъ разбойниковъ, достойное воздаяніе иностранцу и грабителю, глазамъ англичанъ казалось справедливымъ наказаніемъ, но въ дѣйствительности оно было развязкой политической интриги партій, торжества Губерта Бюрга надъ Петромъ Рошъ. Но и побѣдитель, съ своей стороны, не ввухалъ представителямъ народной свободы большей довѣренности; напротивъ того, по ловкости и уму онъ казался имъ даже еще болѣе опаснымъ, — отчего естественно и общее нежеланіе применить къ преобладающей партіи. Замѣтно даже видимое стремленіе тѣснѣе соединиться между собой въ оппозиціонномъ духѣ.

Въ 1223 году Стефанъ Лантонъ, во главѣ бароновъ, потребовалъ отъ Генриха III новаго подтвержденія хартій, общяго и точнаго соблюденія которыхъ тотъ обѣщалъ. «Права, которыхъ вы требуете», сказалъ Вильгельмъ Бривернъ, одинъ изъ совѣтниковъ регентства, «по всей справедливости, не должны

быть наблюдаемы, такъ-какъ они были вынуждены насиліемъ». На это архіепископъ замѣтилъ съ горечью: «еслибы вы, Вильгельмъ, любили короля, то не старались бы нарушать мира въ государствѣ». Для успокоенія волненія король остановилъ дальнѣйшій споръ, высказавъ: «мы клялись въ охраненіи народныхъ правъ и мы готовы исполнять данныя нами клятвы». Кажется, слова эти остались только одними обѣщаніями и вліяніе совѣтниковъ превозмогло; по крайней-мѣрѣ, въ свѣдѣніяхъ, собранныхъ, по порученію короля, двѣнадцатью рыцарями въ каждомъ графствѣ о мѣстныхъ правахъ, упоминалось о народныхъ правахъ въ царствованіе Генриха II и Иоанна-Безземельнаго до распри послѣдняго съ баронами, т. е. упоминалось о существовавшихъ только въ ту эпоху, когда права не были изложены ясно и положительно. Однакожъ два года спустя, когда королевская казна оказалась совершенно пустой, а между тѣмъ угрожала внѣшняя война, король и совѣтники его принуждены были купить субсидію, налогъ на движимое имущество цѣною новаго утвержденія хартій.

Хотя Генрихъ III не былъ такъ низокъ и вѣроломъ, какъ его отецъ, но, къ несчастію, имѣлъ такихъ-же совѣтниковъ и руководствовался такими-же правилами: гнущія при случаѣ, поднимать голову при благоприятныхъ обстоятельствахъ, давать обѣщанія, клятвы и не держать ихъ. Такъ, послѣ достиженія совершеннолѣтія (собственно говоря полное совершеннолѣтіе должно-бы считаться съ наступленіемъ 21 года, но по ходатайству Губерта Бюрга, папа призналъ Генриха совершеннолѣтнимъ въ 1224 году, т. е. когда королю было 17 лѣтъ) Генрихъ поспѣшилъ въ присутствіи собравшихся въ Оксфордѣ бароновъ уничтожить Хартіи подъ предлогомъ подписанія ихъ въ возрастѣ, необладавшемъ полною правоспособностью.

Повсюду обнаруживалось общее волненіе и неудовольствіе, какъ противъ короля, такъ еще болѣе противъ его полномочнаго министра, вліянію котораго всѣ приписывали дѣйствія короля. Петръ Рошъ, сдѣлавшійся изъ разбойника либераломъ, по возвращеніи изъ Палестины, куда уѣзжалъ вслѣдствіе королевской немилости и преобладающаго вліянія Губерта Бюрга, присоединился къ друзьямъ народныхъ правъ противъ лич-

наго врага своего Бюрга. Началась упорная борьба, кончившаяся паденіемъ любимца. Изобличенный въ присвоеніи себѣ огромныхъ суммъ, съ насиліемъ собранныхъ отъ имени короля, Губертъ Бюргъ съ высоты величія вдругъ упалъ въ глубокую немилость. При этомъ случаѣ проявилось, какая страшная ненависть кипѣла противъ него въ Лондонѣ. Раннимъ утромъ собралось до двадцати тысячъ гражданъ съ оружіемъ и значками къ аббатству Мертонъ, куда тотъ скрылся. Гибель его была неизбѣжна, но, къ счастью для него, графъ Честерскій успѣлъ убѣдить короля, какъ опасно возбуждать народъ и какъ трудно потомъ положить предѣлъ его ярости. Къ великой досадѣ Петра Рошъ, вслѣдствіе вмѣшательства военной силы, народъ потерялъ свою жертву.

Расчитывая на охранную грамоту, Губертъ Бюргъ тотчасъ отправился въ Эдмундсбери повидаться съ женой и приготовиться къ защитѣ. Но ночью, когда онъ спалъ въ домѣ епископа Норвича, пріѣхали триста вооруженныхъ воиновъ, подъ предводительствомъ Готфрида Краумба, съ приказаніемъ короля захватить его и заключить въ лондонскую башню. Едва успѣлъ несчастный скрыться въ ближайшую церковь, съ крестомъ въ одной рукѣ и съ освященной просфорой въ другой, какъ стража ворвалась въ святое убѣжище, схватила его, связала веревками, за неизбѣннѣе цѣпей и, привязавъ къ лошади, воротилась въ Лондонъ. Государь, говорить глѣтописецъ, въ ожиданіи ихъ возвращенія, не ложился въ постель. Однакожь по настоянію лондонскаго епископа, грозившаго отлученіемъ отъ церкви за профанацію святого мѣста, Губерта на другой день возвратили въ ту же церковь, изъ которой былъ взятъ. Для того-же, чтобъ онъ не убѣжалъ оттуда, или не получилъ-бы какой-нибудь помощи или пищи, приняты были всевозможныя предосторожности. Устроилась совершенная блокада: широкій и глубокій ровъ, рядъ палисадовъ, многочисленное войско окружало со всѣхъ сторонъ и наблюдало днемъ и ночью. По истеченіи четырехъ дней страданія и отчаянія, несчастный добровольно сдался, предпочтя поручить себя милосердію короля, чѣмъ умереть съ голода. Его заключили въ Дувръ, гдѣ онъ и содержался до тѣхъ поръ, пока освобожденъ

быть тѣми же самими баронами. Впослѣдствіи онъ снова пользовался милостью государя и снова потерялъ ее.

Врагъ его Петръ Рошъ, епископъ винчестерскій, не долго наслаждался торжествомъ. Достигнувъ власти, онъ сбросилъ съ себя маску, отрекся отъ союза съ баронами, отъ народныхъ правъ и отъ самого народа; мало того — онъ предалъ его въ жертву хищнымъ и жаднымъ выходцамъ изъ Пуату, своимъ соотечественникамъ. Воротились дурныя времена короля Іоанна. Когда напоминали этимъ людямъ о законахъ Англіи, они отвѣчали: «намъ нѣтъ никакого дѣла до вашихъ законовъ; мы не имѣемъ ничего общаго съ вашими ассизами и съ народными обычаями». Въ несчастную страну выписано было до двухъ тысячъ рыцарей и другихъ лицъ, которымъ епископъ и племянникъ его Петръ Ориваль, казначей и главный начальникъ замковъ, передали почти всѣ крѣпости въ государствѣ и всѣ почти высшія административныя должности. Наглость этихъ иностранцевъ и неудовольствіе англичанъ вынудили сына славнаго графа Пемброка Ричарда, тоже графа Маршана обратиться къ королю, обязанному его отцу короной и воспитаніемъ, съ грознымъ и рѣшительнымъ словомъ.

Упреки и предостереженія раздавались и съ кафедръ духовныхъ. Одинъ доминиканецъ Робертъ Бэконъ, говоря проповѣдь въ присутствіи короля, откровенно и прямо высказался, что страна никогда не будетъ пользоваться продолжительнымъ миромъ, если изъ королевскаго совѣта не будетъ удаленъ Петръ, епископъ Винчестерскій. Громкіе аплодисменты поразили короля и онъ задумался. Тогда нѣкто Рожеръ Бэконъ смѣло добавилъ: извѣстно-ли монсиньору государю, что болѣе всего опасно для мореплавателей?—Извѣстно... началъ было король, производившій самъ морскую торговлю.—Я вамъ скажу монсиньоръ, перебилъ Бэконъ, это камни и скалы—намекая на имя епископа Петра де-Рошъ.

Въ виду общаго единодушнаго настроенія, бароны предложили королю изгнать, какъ можно поспѣшнѣе, изъ государства всѣхъ выходцевъ-иностранцевъ и предложили съ угрозой, въ случаѣ отказа сдѣлать, это самимъ отъ имени народа и затѣмъ приступить къ избранію новаго государя. Петръ де-Рошъ,

съ своей стороны, убѣждалъ короля въ преданности своихъ соотечественниковъ и въ легкости усмиренія измѣнниковъ англичанъ. Загорѣлась междоусобная война на границахъ Валлиса и Корнваллиса; не смотря на твердую увѣренность любимца, иностранцы повсюду терпѣли пораженія. Наученный примѣромъ отца, Генрихъ не желалъ терпѣнія подданныхъ доводить до конца. Онъ приказалъ епископу винчестерскому воротиться въ свою епархію, заниматься спасеніемъ душъ и не вмѣшиваться больше въ государственныя дѣла, Петру Оривалю сдать счеты и замки, а выходцамъ Пуату удалиться изъ государства. Графъ Маршалъ не увидѣлъ торжества народного дѣла,—онъ умеръ отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіи противъ ирландцевъ, поднятыхъ интригами Петра де-Рошъ.

Спокойствіе казалось установившимся, но скоро супружество Генриха съ Елеонорою, дочерью графа Прованскаго, навлекло на него новыя бури. Теперь провансалцы заняли мѣсто выходцевъ Пуату. Живой характеръ Прованскаго населенія, подвижной умъ, легкая и привлекательная манера не могли не имѣть преобладающаго вліянія надъ тяжелымъ, грубымъ складомъ англичанина вообще, а тѣмъ болѣе у такого слабохарактернаго государя, какимъ былъ Генрихъ III. Епископство винчестерское, сдѣлавшееся какъ-будто наслѣдственнымъ достояніемъ иностранцевъ и любимцевъ короля, досталось Вильгельму, дядѣ королевы, потомъ Эмару, сыну графа де-ла-Маршъ и королевы Изабеллы, вдовы Іоанна-Безземельнаго. Впрочемъ монахи этой епархіи вскорѣ получили отъ Папы специальную буллу на избраніе на свою епископскую кафедру англичанина. Два другіе дяди королевы Елеоноры, Петръ и Бонифаціи Савойскіе (послѣдній былъ даже епископомъ канторберійскимъ), пользовались также особымъ расположеніемъ короля до тѣхъ поръ пока бароны, введенные изъ терпѣнія произвольными и наглыми поступками этихъ любимцевъ, не заставили Генриха разстаться съ ними. Наглость любимцевъ породила въ Англіи не только скандалы и грабежи, но она потрясла въ умахъ даже чувство справедливости и честности. Матье Пари рассказываетъ, что онъ слышалъ не разъ отъ передовыхъ людей изъ своихъ соотечественниковъ подоб-

ныя выраженія: у насъ. теперь много королей и тирановъ; чѣмъ лучше, надобно пользоваться этимъ для своей выгоды.

Послѣдствіемъ такихъ беспорядковъ оказывался постоянный недостатокъ въ королевской казнѣ. Такъ-какъ недоставало поборовъ съ частныхъ лицъ, принужденныхъ займовъ съ монастырей и произвольныхъ взысканій, то два раза въ 1237 и 1253 годахъ король вынужденъ былъ обращаться къ помощи бароновъ и платить за каждую субсидію новымъ подтвержденіемъ хартій. Послѣдняя церемонія совершилась съ большою торжественностью. Всѣ прелаты, одѣтые въ парадныя одѣянія, держа въ рукахъ зажженные свѣчи, торжественно произносили анафему противъ кого-бы-то нибыло, кто-бы нарушилъ королевскія хартіи. Произнося проклятія, они бросали потушенные и курящіяся свѣчи съ словами: «да курятся и тухнуть въ адѣ души всѣхъ, кто нарушитъ клятву». Когда королю подали свѣчу, онъ отказался принять ее, высказавъ о неприличіи ему держать свѣчу, какъ не духовному. Потомъ, прижавъ руку къ груди, онъ добавилъ: «сердце мое — самое вѣрное свидѣтельство». Выслушавъ съ веселымъ и яснымъ видомъ чтеніе хартій, онъ приложилъ къ нимъ печать и высказала слѣдующее: «Да поможетъ мнѣ Богъ! Я буду строго соблюдать всѣ статьи этихъ хартій, во всей ихъ точности такъ-же вѣрно, какъ я человекъ, хрстіанинъ, рыцарь и коронованный король».

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ Генрихъ оказался клятвенно-преступникомъ и Англія снова испытала продолжительный кризисъ; но изъ этого скорбнаго дѣтства родилось твердое учрежденіе, младшая сестра великой хартіи, безъ которой всѣ другія, постоянно возобновляемая и нарушаемая, неминуемо погибли бы подъ тяжестью измѣнъ, отчаянія народа и проклятія королей. Въмѣсто великаго совѣта бароновъ, представителей феодальныхъ интересовъ, является истинное національное представительство—парламентъ.

Какъ дитя своего времени, парламентъ въ первыя времена своего существованія долженъ былъ носить на себѣ отпечатокъ современнаго ему распатавшагося общественнаго строя. Отличіе-же общественнаго положенія этого времени отъ ми

нущаго слишкомъ очевидно, какъ очевидно различіе характеровъ, пріемовъ и дѣйствій феодальныхъ вождей въ царствованіе королей Іоанна и Генриха III. При Іоаннѣ бароны вынудили великую хартію съ единственною цѣлью признанія и утвержденія правъ народа, старались организовать гарантіи въ видѣ законной охраны. При Генрихѣ-же III условія совершенно измѣнились и въ дѣятельности руководителей видно только стремленіе къ преслѣдованію личныхъ интересовъ. Власть королевская, ограниченная тѣсными предѣлами, лишилась характера единодержавія. Тщеславіе вождей революціи выходило изъ границъ и законные интересы еще болѣе нарушались тѣми же самими защитниками. Они обирали королевскую власть и на столько же усиливали свою. Стефанъ Лангтонъ и Вильгельмъ Пемброкъ, не упоминая другихъ, были великими гражданами; получивъ великую хартію, одинъ воротился къ мирнымъ церковнымъ обязанностямъ, другой къ защитѣ національной династіи; утвердивъ престолъ, послѣдній все свое вліяніе употребилъ къ сближенію короля съ народомъ, къ обезпеченію народныхъ правъ и къ сохраненію королевскихъ прерогативъ. Но ничего подобнаго нельзя сказать о графѣ лейчестерскомъ, смѣломъ заговорщикѣ, узурпаторѣ, подъ маской друга свободы.

Симону де Монфоръ, чужеземцу Англій, сыну знаменитаго графа де Монфоръ, прославившагося и обогатившагося въ крестовой войнѣ противъ альбигойцевъ, брату констабля Франціи, судьба передала наслѣдство его матери Алиціи графство лейчестерское и въ супруги сестру короля Генриха III. Смѣлый, предпримчивый, рѣшительный, не лишенный военныхъ и политическихъ дарованій, стоявшій далеко выше государя слабого, боязливаго и нерѣшительнаго, онъ самъ мечталъ о коронѣ и для овладѣнія ею сдѣлался вождемъ всѣхъ недовольныхъ, бойцомъ за дворянство, духовенство и народъ. Онъ пользовался громадною репутаціей и полнымъ успѣхомъ.

Въ 1258 году по вопросу о денежныхъ затрудненіяхъ созванъ былъ парламентъ, на который бароны явились въ полномъ вооруженіи, какъ на битву. Вслѣдствіе этого король распустилъ его и назначилъ новое собраніе въ Оксфордъ. На

этомъ-то послѣднемъ собраніи, извѣстномъ у древнихъ историковъ подъ названіемъ бѣшенаго парламента (*mad parliament*), выработана была баронами новая форма правленія, замѣнившая монархію олигархіей и извѣстная подъ именемъ оксфордской конституціи (*provisions d'Oxford*). Великая хартія вновь возстановлялась, но съ нѣкоторыми дополненіями, ограничивающими королевскую власть. Право назначенія должностныхъ лицъ предоставлено 24 лицамъ, избраннымъ отъ короля и бароновъ по равному числу, реформу судопроизводства и всего государственнаго строя поручено государственному совѣту изъ 15 членовъ, наблюдающему за дѣйствіями самого короля; въ каждомъ графствѣ для разбора жалобъ назначены особыя коммиссіи изъ 4 рыцарей и, наконецъ, созваніе парламента опредѣлено извѣстными сроками по 3 раза въ годъ, независимо отъ воли короля.

При всей непрактичности подобной правительственной организаціи, оксфордскія постановленія принесли не мало пользы: оставшіяся неразобранными жалобы разсмотрѣны и удовлетворены, законодательство и судопроизводство получили систему, должностныя лица сдѣлались отвѣтственными и подчинялись контролю. Но рядомъ съ этимъ конституція, вося въ себѣ новыя неестественныя по тому времени отношенія, должна была послужить поводомъ къ внутреннимъ раздорамъ. Назначеніе 24 рыцарей возбуждало неудовольствіе въ партіи короля, его родственникахъ и приближенныхъ, а равно и въ самомъ народѣ, сроднившимся съ идеей единой державы, а съ другой стороны преобладающее вліяніе высшаго богатаго дворянства отдалило отъ него дворянство средней руки. Неудовольствіе, сначала невыказывавшееся открыто, потомъ проявилось въ междоусобной войнѣ со времени разрѣшенія палой (1261 г.) короля отъ присяги въ вѣрности конституціи. Обѣ стороны прибѣгнули къ оружію. Борьба продолжалась съ перемѣннымъ успѣхомъ до 1264 года, когда въ сраженіи при Льюшѣ (*lewes*) войска короля, управляемая старшимъ сыномъ короля храбрымъ, но еще неопытнымъ Эдуардомъ, не смотря на свое численное превосходство надъ войскомъ бароновъ, состоявшимъ подъ начальствомъ графа лейчестерскаго, потер-

пѣли совершенное пораженіе, причемъ взяты были въ плѣнъ онъ самъ, братъ его и сынъ Эдуардъ. Королева со вторымъ сыномъ Эдмундомъ бѣжала во Францію для набора войска въ Гиени и Пуату. Генрихъ III просилъ у бароновъ свободы Эдуарду; просвѣщенный опасностью, онъ дѣйствительно былъ чистосердеченъ въ своихъ предложеніяхъ, но стремленія и виды бароновъ далеко уже выходили изъ разумныхъ предѣловъ хартій.

Въ это время во Франціи царствовалъ Лудовикъ IX святой. Къ нему-то, извѣстному прямотишiemъ и умомъ, обратился король Генрихъ III и дворянство съ просьбою о посредничествѣ. Лудовикъ святой находился тогда въ Аміенѣ и здѣсь были переданы на его рѣшеніе раздоры англійскаго короля съ вассалами. Генрихъ прибылъ лично, но Лейчестеръ, подъ предлогомъ болѣзни, прислалъ представителя. Выслушавъ доводы обѣихъ сторонъ и мнѣніе своего совѣта, Лудовикъ высказалъ рѣшеніе, по которому уничтожалъ оксфордскія положенія, какъ предосудительныя правамъ короля и интересамъ народа, возстановлялъ королевскіе замки и отдавалъ Генриху право назначенія совѣтниковъ и начальниковъ, но въ то-же время, охраняя права англійскаго народа, утверждалъ всѣ древнія привилегіи, хартіи и вольности. Это беспристрастное рѣшеніе не могло имѣть значенія въ страстномъ увлеченіи политической бури. Не смотря на данныя клятвы, бароны отказались подчиниться рѣшенію прежде даже, чѣмъ оно было формально объявлено. Партія графа Лейчестера, преслѣдовавшаго свои личные интересы, взяла верхъ. Не уваживъ достоинство государя, приглашеннаго ими самими въ посредники, не давъ даже себѣ труда обсудить смыслъ и сущность рѣшенія, Лейчестеръ и его сторонники съ перваго же взгляда объявили приговоръ противнымъ истинѣ и справедливости, обвиняли даже короля Франціи въ пристрастіи, подъ вліяніемъ королевы, его супруги, сестры Генриха III. Они тотчасъ взяли за оружіе и вновь страсти увлекли ихъ въ бѣдствія гражданской, междоусобной войны.

Послѣ нѣсколькихъ колебаній счастья, побѣда склонилась къ сторонѣ короля. Сраженіе при Ивлеймѣ (Evesham, августъ

1265), гдѣ со стороны короля начальствовали Эдуардъ, убѣжавшій изъ плѣна, знаменитый Рожеръ Мортимеръ и Глочестеръ, а со стороны бароновъ Симонъ де Монфоръ, графъ лейчестерскій, кончилось поражениемъ послѣдняго и смертью его какъ героя. Имя Симона лейчестерскаго, менѣе почетное и менѣе чистое, чѣмъ имена Лангтона и Пемброка, тѣмъ не менѣе заслуживаетъ храниться въ памяти англичанъ. Если одни укрѣпили народную свободу, то Лейчестеръ основалъ произвольно или непроизвольно, для своей выгоды или для пользы народа, правленіе представительное, болѣе правильное введеніемъ въ составъ парламента, кромѣ аристократіи и высшаго духовенства, двухъ депутатовъ отъ низшаго дворянства заждаго графства и нѣкотораго числа представителей отъ городовъ.

Вслѣдствіе ирлеймскаго пораженія, само собой, безъ всякаго стѣсненія для лицъ противной партіи, возстановился прежній порядокъ и къ чести короля Генриха III должнo сказать, что, уже не злоупотребляя болѣе своей властью, онъ самъ въ 1267 году открыто и свободно призналъ великую хартію, отказавшись отъ всѣхъ захватовъ, сдѣланныхъ его предками и имъ самимъ, но и отмѣнивъ всѣ новыя ограниченія королевской власти.

Генрихъ III умеръ въ 1272 году послѣ 56-лѣтняго царствованія. Хотя это долголѣтнее царствованіе и наполнено раздорами и періодическими войнами, но какъ эти войны не сопровождалось внѣшними столкновениями, то они и не препятствовали развитію духа торговой предпримчивости и народному богатству. Только, къ несчастію, слабость короля не могла обуздать хищничества римскаго двора, богатѣвшаго англійскими деньгами до такой степени, что все государство наполнилось итальянскими ростовщиками и мѣнялами, — и оставила государству долгъ въ 350 тысячъ марокъ. Къ этому же времени относится первый историческій документъ—народная пѣсня или баллада о плѣненіи брата короля Ричарда, избраннаго германскимъ императоромъ, написанный смѣсью языковъ сакскаго и французскаго, но въ которомъ однако еще не видно полного сліянія, т. е. языка англійскаго.

ГЛАВА XII.

Эдуардъ I.—Его пребываніе на востокѣ.—Характеръ короля.—
 Поборы.—Архіепископъ Робертъ Винчельскій, графы Герфордъ
 и Норфольскій.—Политическая борьба.—Рѣчь короля гражда-
 намъ Лондона.—Королевскій манифестъ и отвѣтъ графовъ.—
 Торжественное подтвержденіе хартій.

Эдуардъ I находился далеко отъ Англии, когда на его голову упала королевская корона. Увлеченный симпатіей, общей тогда въ Европѣ, къ Лудовику святому, онъ принялъ личное участіе въ послѣднемъ крестовомъ походѣ. Высадившись на берегъ Африки, Эдуардъ нашелъ лагерь крестовосцевъ въ плачевномъ положеніи. Святой и люблестный изъ королей Лудовикъ IX только что умеръ. Между тѣмъ какъ остатки арміи, потерпѣвшей отъ заразы, спѣшили повинуть убійственный берегъ, Эдуардъ, вѣрный клятвѣ посвятить себя служенію кресту, со всѣмъ усердіемъ пламенной вѣры старался поднять упавшій духъ палестинскихъ христіанъ. И другое еще чувство влекло къ святой землѣ юнаго плантагенета. Это было благородное тщеславіе выказать свое мужество въ мѣстахъ, гдѣ жило еще воспоминаніе о Ричардѣ-львиномъ-сердцѣ. Востокъ былъ полонъ славой Ричарда; чарующій блескъ его имени имѣлъ популярность легенды: «не увидѣлъ ли ты тѣнь короля Ричарда?» говорили рыцари, когда боевые кони ихъ подымались на дыбы; арабскія матери грозили своимъ дѣтямъ именемъ Ричарда. Когда Эдуардъ, одинъ безъ войска, присталъ къ Сент-Жанъ-д'арку, христіане считали себя спасенными, а мусульмане погибшими. Султанъ Бондокаръ, осаждавшій городъ, спѣшилъ собрать багажъ и удалиться въ Египетъ. Къ несчастію, Эдуардъ имѣлъ весьма мало ресурсовъ, далеко не соотвѣтствовавшихъ ни надеждамъ однихъ, ни опасеніямъ другихъ. Кромѣ лавръ, онъ не пріобрѣлъ ничего, если не считать тяжелыхъ страданій.

Однажды, когда онъ, по восточному обычаю, спалъ легко

одѣтый въ часъ наиболѣе палящаго жара, какой-то фанатикъ успѣлъ обмануть бдительность часовыхъ, проскользнуть въ палатку и ударилъ его отравленнымъ княжаломъ. Къ счастью, ударъ, направленный въ сердце, только оцарапалъ руку. Въ борьбѣ съ убійцей Эдуардъ получилъ еще нѣсколько ранъ, пока не успѣлъ вырвать княжала изъ рукъ фанатика. Наконецъ ему удалось опрокинуть злодѣя, придавить грудь его ногой и убить. Принцесса Элеонора прибѣжала при первомъ шумѣ борьбы. По одному весьма трогательному преданію, она спасла своего мужа, высосавъ кровь изъ ранъ, но другому прозаическому разсказу, отдающему впрочемъ справедливость нѣжной заботливости Элеоноры, излеченіе отнесено къ искусству одного англійскаго хирурга, оперировавшаго раны. Эдуардъ оставилъ святую землю, только добившись для христіанъ десятилѣтняго перемирія.

Послѣ несчастныхъ царствованій отца и дѣда Англія возлагала на него большія надежды и онѣ не были обмануты. Эдуарда I можно назвать великимъ государемъ. Военственный какъ Ричардъ, съ меньшимъ блескомъ, но съ большей основательностью, онъ покорилъ Валісъ и серьезно угрожалъ независимости Шотландіи. Какъ искусный политикъ, онъ былъ выше Ричарда; однимъ словомъ, болѣе походилъ на Генриха II, основателя династіи, съ которымъ у него много одинаковыхъ чертъ. Мудрыя улучшенія, введенныя имъ въ судъ и законодательствѣ, дали ему лестное названіе англійскаго Юстиніана; но для бароновъ и англійскаго народа великимъ счастьемъ было то, что великая хартія была уже завоевана. Правдивый и откровенный въ словахъ и поступкахъ, онъ не скрывалъ неудовольствія за уступки, вырванныя у слабыхъ его предшественниковъ и хотя въ первые двадцать четыре года часто собиралъ парламентъ, но во весь этотъ періодъ постоянно отклонялъ вопросъ о хартіяхъ.

Однако въ 1296 г. начали проявляться признаки волнений. Народъ находилъ для себя слишкомъ обременительными войны короля, поборы, сначала относившіеся только къ церквамъ и монастырямъ, наконецъ упали на свободныхъ фермеровъ, на товары привоза, на жителей городовъ и мѣстечекъ; даже

высшее сословіе не пользовалось изъятіемъ, а потому и волненіе, какъ во времена Іоанна-Безземельнаго, сдѣлалось общимъ. Образовалась лига, съ цѣлью привести королевскія прерогативы въ должныя границы, вытребовать во имя правъ народныхъ торжественнаго утвержденія хартій, чего Эдуардъ обѣщалъ, но медлилъ исполнить.

Во главѣ этой лиги находились канторберійскій архіепископъ Робертъ Винчестскій и два барона—Гумфрей Богуиъ, графъ герфордскій и Рожеръ Биго, графъ норфолькскій, первый—констабль, другой—маршалъ Англій. Народная благодарность освятила эти имена и поставила ихъ на ряду съ именами Стефана Ламгтона и бароновъ рюмингедскихъ. По плану кампаніи, противъ Филиппа Прекраснаго, короля Франціи, Эдуардъ предполагалъ одну армію лично вести во Фландрію, а другую предполагалъ отправить подъ предводительствомъ обоихъ графовъ. Послѣдніе, желая продать свое послушаніе цѣною народныхъ интересовъ, отвѣчали королю, что ихъ обязанности не позволяютъ имъ отлучаться отъ него и что поэтому они готовы слѣдовать за нимъ во Фландрію, но не въ другую мѣстность. Этотъ отказъ взумилъ Эдуарда. «Вы поѣдете, вскричалъ онъ, взбѣшенный отъ гнѣва,—буду-ли я съ вами или нѣтъ». Графъ Герфордъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. Клянусь Вѣчнымъ Богомъ, графъ, вы увидите или будете повѣшены». «Клянусь Вѣчнымъ Богомъ, государь», холодно отвѣчалъ Герфордъ, «я не поѣду и не буду повѣшенъ». Затѣмъ онъ съ Норфолькомъ тотчасъ же оставили Салисбери въ сопровожденіи полторы тысячи рыцарей.

Никогда еще вассалы не говорили такимъ самостоятельнымъ, надменнымъ языкомъ. Какъ-бы велико ни было раздраженіе Эдуарда, онъ никогда не увлекался до самозабвенія, какъ Іоаннъ Безземельный. Онъ понималъ, что Герфордъ и Норфолькъ не рѣшились-бы такъ дѣйствовать, еслибы не были увѣрены въ поддержкѣ духовенства, дворянства и всего англійскаго народа. Поэтому, скрывъ неудовольствіе и какъ будто забывъ случившееся, онъ сдѣлалъ распоряженіе о созваніи въ Лондонѣ общаго собранія всѣхъ оброчниковъ, обя-

занныхъ военной службой. Въ назначенный день констабль и маршалъ, подѣ предлогомъ строгаго исполненія законности, что впрочемъ характеризуетъ характеръ англичанъ XIII вѣка, отказались произвести перепись всѣхъ явившихся на томъ основаніи, что они получили общую повѣстку, а не именное и правильное приглашеніе, какъ-бы слѣдовало по обычаю. Тогда Эдуардъ назначилъ новыхъ констабля и маршала, а между тѣмъ, по неволѣ отказавшихся отъ похода въ Гиень, занялся приготовленіями къ войнѣ во Фландрію, чего онъ не могъ оставить, не компрометируя своей чести.

Но не примѣчать опасности — не значить уничтожить ее. Здравый смыслъ Эдуарда никогда не обманывался: наступало время поставить вопросъ лицомъ къ лицу. Эдуардъ обратился къ общественному мнѣнію. Въ 1297 году 14 іюля граждане Лондона тѣснились кругомъ возвышенной эстрады предъ Вестминстеромъ, куда вошелъ король, держа за руку юнаго сына, назначеннаго имъ регентомъ для управленія государствомъ во время своего отсутствія. Обращаясь къ народу, онъ сказалъ длинную рѣчь, въ которой признавалъ поборы дѣйствительно тягостными, но необходимыми по потребностямъ войны, составлявшей дѣло національное. «Вы знаете», заключилъ онъ воодушевляясь, «я самъ подвергаю себя всѣмъ опасностямъ за васъ. Если я возвращусь, вы примите меня и я вознагражу васъ за всѣ ваши жертвы; если я погибну, вотъ мой сынъ, возведите его на престолъ и его признательность вознаградитъ вашу вѣрность». Говоря это, онъ обнялъ сына, проливая слезы. Народъ плакалъ и согласіе свое выразилъ единодушнымъ рукоплесканіемъ. Въ графствахъ прочитывали прокламацію, изложенную еще болѣе ясно. Въ ней государь разъяснялъ причину своего несогласія съ двумя графами и въ заключеніи формально обѣщалъ, что было всего важнѣе, подтвердить хартіи.

Этой королевской прокламаціи Герфордъ и Норфолькъ отвѣчали манифестомъ, обнародованнымъ подѣ названіемъ возраженій (remontrances) отъ имени архіепископовъ, епископовъ, аббатовъ, пріоровъ, графовъ, бароновъ и всего англійскаго народа. Подробно исчисливъ всѣ личные обиды и все, на что

англійскій народъ могъ жаловаться, какъ, напримѣръ, безпрерывныя нарушенія хартій, они требовали удовлетворенія. Эдуардъ получилъ этотъ манифестъ въ Винчестерѣ, но не отвѣчалъ на него, отвѣчаясь занятіями по военнымъ приготовленіямъ, важностью вопросовъ, требующихъ участія его совѣта, изъ котораго нѣкоторые члены уже уѣхали во Фландрію. При этомъ онъ говорилъ, что если авторы манифеста будутъ сопровождать его на континентъ, то онъ будетъ этимъ очень доволенъ. Изъ этого видно, до какой степени Эдуардъ надѣялся на прочность политическаго спокойствія во время своего отсутствія.

Но едва только онъ сѣлъ на корабль, какъ оба графа съ значительными военными силами явились въ государственное казначейство и отъ имени англійскаго баронства рѣшительно запретили взыскаііе субсидій для короля, назначенныхъ въ прошедшемъ году, подъ предлогомъ незаконности наложенія послѣднихъ. Оттуда бароны отправились въ городской домъ, гдѣ съ большимъ успѣхомъ говорили рѣчь къ народу: тѣ-же крики энтузіазма, которыхъ вызвала рѣчь короля, сопровождали и рѣчи бароновъ. Затѣмъ, не сдѣлавъ ни малѣйшаго беспорядка, бароны удалились.

Наконецъ, послѣ шести недѣль томительнаго, безмолвнаго ожиданія новой гражданской бури, лорды, составлявшіе совѣтъ молодого принца-регента, вошли въ соглашенія съ вождями лиги и съ согласія ихъ созвали парламентъ въ Лондонѣ 10 октября 1297 года. На этотъ парламентъ констабль и маршалъ явились въ сопровожденіи 500 рыцарей и притомъ съ условіемъ, чтобы ворота Лондона были ввѣрены ихъ охраненію. Лига торжествовала. Не только были утверждены прежнія хартіи во всемъ ихъ смыслѣ, даже прибавлены были нѣкоторыя весьма важныя условія: запрещалось назначеніе всякаго налога безъ общаго согласія націи. Запрещеніе это впрочемъ существовало еще съ Рюмингегада, но не исполнялось съ первыхъ же лѣтъ царствованія Генриха III, подъ предлогомъ болѣе подробнаго его обсужденія. Торговля полотноми освобождена отъ пошлинъ. Хартіи, скрѣпленныя королевскою печатью, были положены въ кафедральную церковь

подъ наблюденіемъ епископовъ, которые обязывались два раза въ годъ прочитывать ихъ публично и торжественно, съ угрозою отлученія нарушителя отъ церкви.

Подписавъ актъ, регентъ отправилъ его, вмѣстѣ съ коллективнымъ письмомъ отъ бароновъ, къ королю, отцу своему, находившемуся въ то время въ Гандѣ. Три дня колебался Эдуардъ. Наконецъ страсти уступили и 5 Ноября 1297 года, повидимому, безъ всякаго враждебнаго чувства къ обомъ баронамъ и ихъ сторонникамъ, были подписаны обѣ хартіи. Въ доказательство полнаго удовлетворенія констабль и маршалъ тотчасъ-же вступили въ отправленіе своихъ обязанностей и отправились въ походъ въ Шотландію, которая старалась воспользоваться этими безпорядками.

По возвращеніи въ отечество Эдуарда, распространился слухъ будто онъ, подобно отцу и дѣду, ожидалъ только благоприятнаго момента уничтожить хартію, будто въ домашнемъ кругу онъ смѣялся надъ ними, называя недѣйствительными, какъ подписанными на чужеземной почвѣ. Такое подозрѣніе не согласно съ прямодушіемъ короля и, вѣроятно, несправедливо. Впрочемъ, когда сами противники подняли вопросъ о значеніи хартій, онъ воспользовался случаемъ, но только для того, чтобъ подвергнуть ихъ новому разсмотрѣнію, какъ частныя лица прибѣгаютъ къ апелляціи.

Это было любопытное зрѣлище: съ одной стороны Герфордъ и Норфолькъ, спокойные и настойчивые, неподкупные никакими обольщеніями, постоянно на сторожѣ противъ всякихъ изворотовъ, слѣдующіе за королемъ повсюду въ Йоркъ, Виндзоръ и Лондонъ, — съ другой стороны Эдуардъ, искусный, остроумный, развивающій ресурсы своего ума, чтобъ избѣгнуть ихъ бдительности, утомить безплоднымъ ожиданіемъ, откладывая въ Йоркѣ политику до конца войны въ Шотландіи, а послѣ войны отъиваясь крайнимъ утомленіемъ. Наконецъ, онъ принужденъ былъ уступить и ратификовать подписанныя хартіи, но впрочемъ съ одной весьма важной оговоркой, составляющей иногда сущность революціи «за исключеніемъ права нашей короны». Когда шерифы Лондона читали народу, собравшемуся на кладбищѣ св. Павла, новую конфир-

мацію хартій, крики радости раздались со всѣхъ сторонъ, но, когда прочтена была роковая оговорка, радостные крики смѣнились проклятіями. Горожане рассѣялись по городу, проклинаемая короля, бароны удалились въ свои замки, готовые приняться за оружіе. Еще одинъ шагъ и вновь вспыхнула-бы гражданская война.

Эдуардъ рѣшился. 28 Мая 1300 гола онъ подтвердилъ хартию безъ оговорокъ, всѣ гарантіи, требуемыя народомъ и даже присоединилъ статью весьма высокой важности. Эта добавочная статья опредѣляла, чтобы хартии были публично прочтываемы четыре раза въ годъ и чтобы въ каждомъ графствѣ избиралось по трѣ рыцаря для приѣма всѣхъ жалобъ на нарушеніе хартій и для преслѣдованія виновныхъ.

Таковъ знаменитый актъ, извѣстный подъ спеціальнымъ названіемъ конфирмаціи хартій, который историки и публицисты авглійскіе считаютъ новой коловой англійской констатупціи, значенія неменьшаго самой Великой Хартии. Съ этого момента права англійскаго народа окончательно признаны и утверждены. Происходили нѣкоторыя измѣненія и дополненія, смотря по требованіямъ времени, но основанія оставались несоврѣшными до настоящаго времени,

Нельзя сказать, чтобы государи добровольно мирились съ такимъ положеніемъ, но они чувствовали борьбу безполезной и опасной. Ихъ неудовольствіе таилось скрытнымъ, они видѣли, на сколько торжество націи сдѣлало ее крѣпкой, какъ политическое сознаніе переходило изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, не теряя ни энергіи, ни силы. Исторія передаетъ, что Эдуардъ имѣлъ въ своихъ рукахъ папскую буллу Климента V, разрѣшавшую его клятвы и уничтожавшую уступки, сдѣланныя будто-бы по принужденію. Фактъ, что такой разумный и искусный государь не сдѣлалъ никакого употребленія изъ этого оружія, служить положительнымъ доказательствомъ смерти неограниченнаго самодержавія въ Англии.

Въ срединѣ настоящаго столѣтія окончена въ Вестминстерѣ постройка новаго парламента. Это громадное зданіе на берегу Темзы совершенно гармонируетъ съ древними кон-

струкціями аббатства. Въ залѣ засѣданій лордовъ назначено четырнадцать мѣстъ для бюстовъ тѣхъ знаменитыхъ историческихъ дѣятелей, которыхъ труды дали имъ почетное мѣсто вѣчнаго предсѣдательства въ собраніи. До 1853 были поставлены только четыре бюста: архіепископа Стефана Лангтона, графовъ Варенна, Кента и Арунделя, имена которыхъ подписаны подъ Великою Хартіей.

для удобства своихъ подписчиковъ, Контора Германа Гоппе принимаетъ подписку и на всѣ русскіе и ино-
странные журналы и газеты.

О подпискѣ на 1880 годъ на

„ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ“

большой иллюстрированный журналъ

съ разными бесплатными приложениями.

Съ 1-го января 1880 г. журналъ „Всемирная Иллюстрація“ начнетъ XII годъ (т. е. томы XXIII и XXIV) своего существованія и будетъ выходить такъ-же аккуратно, какъ и въ прошлые года, *еженедѣльно* (т. е. 52 нумера въ годъ). въ увеличенномъ форматѣ *большого двойного мѣста самой лучшей бумаги*, и каждый нумеръ будетъ заключать въ себѣ *16—24 страницъ*, изъ которыхъ половина будетъ наполнена *роскошными рисунками* изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

„Всемирная Иллюстрація“, благодаря своей аккуратности и строгому выполненію программы, приобрѣла втеченіи одиннадцатилѣтняго своего существованія заслуженную репутацію и, служа вѣрнымъ отраженіемъ жизни, какъ русской, такъ и иностранной, соперничаетъ съ лучшими иллюстрированными и литературными журналами въ свѣтѣ.

Не ограничиваясь достигнутыми результатами, редація „Всемирной Иллюстраціи“ стремится къ улучшенію своего изданія, соображаясь съ желаніями подписчиковъ, не останавливается передъ расходами и всегда даетъ больше, чѣмъ обѣщала.

Убѣжденная, что втеченіи своей дѣятельности она достаточно заявила себя, редація считаетъ излишнимъ всѣ пышныя рекламныя и ограничивается только обѣщаніемъ, что употребить всѣ усилія, чтобъ оправдать возрастающее къ ней ежегодно довѣріе публики.

**Цѣна годовому изданію «Всемирной Иллюстраціи»
на 1880 годъ:**

Безъ дост. въ	Съ дост. въ
С.-Петербург. . 13 р. — к.	С.-Петербург. . 14 р. 50 к.
Безъ дост. въ	Съ перес. въ
Москва . . . 14 > 50 >	друг. города 16 > — >

Для удобства своихъ подписчиковъ, Контора Германа Гоппе принимаетъ подписку и на всѣ русскіе и ино-
странные журналы и газеты.

„ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ“

представляетъ политическія событія, войну, изящныя искусства, исторію, изящную словесность, географію, путешествія, естественную исторію, технологію, промышленность, морское и военное искусства, и пр., и пр., однимъ словомъ: цивилизацію, нравы и обычаи народовъ въ картинахъ.

Каждый томъ „ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ“ представляетъ собою

РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ

до 500 печатн. страницъ, съ 300—400 рисунками, и есть необходимое дополненіе каждой хорошей библиотеки, а также одно изъ лучшихъ настольныхъ украшеній каждой гостиной.

ПОКРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА «ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ»

изъ англійскаго коленкора, съ золотыми тисненіями по рисунку художника К. Брожа. Цѣна покрышки для переплета на каждый томъ: безъ пересылки 1 р. 75 к., съ пересылкою 2 р. 50 к.

Цѣна первыхъ 20 томъ: «Всемирной Иллюстраціи»:

1869 г. (томы I и II) 10 руб. безъ перес., въ англ. коленкор. перепл. 14 руб.; 1870 г. (т. III и IV), 1871 г. (т. V и IV), 1872 г. (т. VII и VIII) и 1873 г. (т. IX и X)—по 8 р. безъ пересылки, каждый годъ. Въ англ. тисненн. золотомъ переплетахъ, каждый годъ стоитъ по 12 руб. безъ пересылки. 1874 г. (т. XI и XII), 1875 г. (т. XIII и XIV), 1876 г. (т. XV и XVI), 1877 г. (т. XVII и XVIII) (безъ приложеній) и 1878 г. (т. XIX и XX) (безъ приложеній)—по 9 р. безъ перес., каждый годъ.

Въ переплетахъ безъ перес. по 13 р.

На пересылку каждою года слѣдуетъ прилагать 3 руб. сер.

Главная контора редакціи „Всемирной Иллюстраціи“ въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая, д. № 16.

Редакторъ-Издатель „Всемирной Иллюстраціи“

GERMANЪ ГОППЕ.

О подпискѣ на 1880 годъ

на

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

литературы, наукъ и искусствъ

„ОГОНЬКЪ“

съ бесплатными художественными приложениями

52 номера въ годъ.

ПРОГРАММА «ОГОНЬКА»:

1. Романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, драматическія произведенія, юмористическіе очерки, оригинальные и переводные (съ рисунками къ нимъ).
2. Историч. очерки, бытвыя картины изъ жизни древнихъ народовъ (съ рисунками къ нимъ).
3. Записки, мемуары, жизнеописанія великихъ людей и общественныхъ дѣятелей (съ портрет.).
4. Систематическій обзоръ (съ рисунками, по надобности замѣчательныхъ явленій въ области всѣхъ наукъ: Естествознанія, Археологіи, Географіи, Медицины, Механики и т. д., и искусствъ: Скульптуры, Живописи, Архитектуры, Музыки и т. д. Библиографія и замѣчательные процессы (безъ обсужденія судебныхъ рѣшеній).
5. Смѣсь, анекдоты, афоризмы и т. п.
6. Почтовый ящикъ; отвѣты редакціи.
7. Тиражи выигрышей 1-го и 2-го внутр. займовъ.
8. Частныя объявленія.

Громадный успѣхъ «ОГОНЬКА» (22 тысячи подписчиковъ), въ первый же годъ изданія, дѣлаетъ лишними всякія пышныя обѣщанія. Успѣху этому «ОГОНЬКЪ» обязанъ: 1) Объемомъ своимъ онъ равенъ большимъ литературнымъ журналамъ, но дешевле ихъ вчетверо. 2) Въ немъ принимаютъ участіе лучшія литературныя и художественныя силы.

Въ прошломъ году въ «ОГОНЬКЪ» принимали участіе, между прочимъ, слѣдующія лица: В. Г. Австенко, К. Алексѣевъ, К. П. Галлеръ, Д-ръ Е. Д. Гончаровъ, Г. М. Данилевскій, В. В. Крестовскій, В. Корниевскій (псевд.),

Для удобства своих подписчиков, Бюро
Герман Гоппе принимает подписку и на всё
русские и иностранные журналы и газеты.

К. Орловский, А. Н. Майковъ, Я. П. Полонский, П. Полевой,
Гр. Е. А. Салась, Н. К. Случевский, Д. М. Садовниковъ,
А. Фетъ, и др.

При томъ же составѣ редакціи, при стремленіи къ
улучшенію журнала съ каждымъ номеромъ въ 1880 г. съ
первыхъ номеровъ редація начнетъ печатать: «Масоны»,
романъ въ 5 част. А. Ф. Писемнаго, и «Ляхо», истори-
ческая повѣсть Д. В. Аверниева.

Годовая цѣна «ОГОНЬКА»: безъ доставки 4 руб.; съ
доставкою въ С.-Петербургъ и съ пересылкою во всё
города Россіи 5 руб.

Подписка принимается въ конторѣ издателя журнала
«ОГОНЬКА», въ С.-Петербургѣ, Большая Садовая ул.,
д. Коровина, № 16.

Редакторъ журнала «Огонекъ»
Н. П. Алевортъ.

Издатель журнала «Огонекъ»
Германъ Дмитр. Гоппе.

Въ книжномъ магазинѣ С. П. ГЛАЗЕНАПА (Поварской пер.,
№ 15, въ С.-Петербургѣ) поступили въ продажу слѣдующіе
отрывочные календари на 1880 годъ.

КАЛЕНДАРЬ - ТЕРМОМЕТРЪ

ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к., безъ термометра 75 к., съ пер. 1 р. 20 к.

СЕМЕЙНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

съ росписаніемъ 366 обѣдовъ, на каждый день. Ц. 75 к., съ
пер. 1 р. 20 к., съ термометромъ 1 р., съ пер. 1 р. 50.

ВОЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ

съ необходимыми свѣдѣніями для г. военныхъ; ц. 1 р., съ пер.
1 р. 20 к., съ термометромъ 1 р. 25 к. съ, перес. 1 р. 50 к. и
новая новаренная книга для молодыхъ хозяевъ
скоромный и постный

„ДОМАШНІЙ СТОЛЪ“

составл. А. Толиверовой и А. Сальниковой. Ц. 1 р., съ пер.
1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Въ книгѣ «ДОМАШНІЙ СТОЛЪ» кромѣ объясненія, какъ
приготавливать 366 обѣдовъ, помѣщенныхъ въ «Семейномъ Ка-
лендарѣ» находятся рецепты приготовленія куличей, пасокъ,
кваса, соленія и копченія рыбы и мяса, а также средства
предохраненія провизіи отъ порчи.

Покупающіе «Семейный Календарь» приобрѣтаютъ «До-
машній столъ» за 75 к., въ перепл. за 1 р. 25 к.

Всѣ требованія иногородныхъ исполняются немедленно.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1880 ГОДЪ

НА

Годъ третій.

ИЗУМРУДЪ

Годъ третій.

СБОРНИКЪ

РОМАНОВЪ, ПУТЕШЕСТВІЙ И НЕБОЛЬШИХЪ РАЗСКАЗОВЪ

ВЪ ПЕРВОДЪ

СЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКОВЪ НА РУССКІЙ.

ПРОГРАММА:

Сборникъ будетъ выходить, какъ и въ 1879 году, книгами большаго формата, между 10 и 20 января, марта, мая, іюля, сентября и ноября мѣсяцевъ.

Каждая книга будетъ, по возможности, вмѣщать въ себя одинъ совершенно законченный романъ и нѣсколько рассказовъ.

Каждое произведеніе, помѣщаемое въ Сборникѣ, будетъ имѣть особую нумерацію страницъ, каждый романъ особый заглавный листъ, а для рассказовъ будетъ одна общая обертка.

Подписная цѣна за годовое изданіе «Изумруда», состоящее изъ шести книгъ большаго формата, безъ доставки — 5 руб., съ доставкой — 5 руб. 50 коп.; а съ пересылкою 6 рублей.

На полгода подписка не принимается.

Кромѣ вышеупомянутыхъ шести книгъ, всѣ подписчики на 1880 годъ получаютъ безплатно, въ концѣ его, большой историческій или уголовный романъ, который отдѣльно будетъ продаваться не менѣе 2 или 3 рублей за экземпляръ.

Не желая прибѣгать къ рекламѣ, редакція однако, считаетъ необходимымъ познакомить, хотя отчасти, читающую публику съ характеромъ и направленіемъ «Изумруда», и помѣщаетъ здѣсь въ виду этого списокъ статей, помѣщенныхъ въ немъ, а именно: въ сборникѣ за 1878 г. помѣщены между прочимъ:

Вратубійца—Эли Бергъ.—Ленла—изъ турецкихъ нравовъ.—Король Англо-Саксовъ.—(изъ временъ завоеванія Англій Норманами) Э. Бувьера.—Обелискъ Нерона—изъ временъ папы Сикста V.—Пиръ Смерти—изъ временъ первой французской революціи.—Ночь въ Фонтенебло—изъ царствованія Людовика XVI.—Трагическая развѣтка—автора романа графъ де-Фуа.—Испорченная жизнь—Эли Бергъ.—Тайна индійскихъ офицеровъ—Миссъ Бредонъ. Поединокъ въ Гернейскомъ лѣсу—изъ слѣдственнаго дѣла Либела Варлейга.—Уилки Боллинза. Фрегатъ Аркона—Бера.—Опасная комната.—Почему я не сдѣлался адвокатомъ.—Подъ Вичемъ чужной заранъ. (описание чумы, опустошившей югъ Франціи). М. Лафонъ.—Игрушка Фертунъ.—Рассказіе мстителя.—изъ временъ короля Карла VI.—Кавалъ Королевы Анны.

и такъ даме, и такъ даме.

Въ вышедшихъ книгахъ за 1879 помѣщены *Авантюризмъ* — Тисье.— *Госпожа Аналитъ Додэ*.— *Книжкина Кастель-Франкъ*.— *Ночь подъ Рождество Кабалеро*.— *Заблужденіе*.— *Зима: Сознаніе преступника*.— *Амедей Моцартъ*.— *Погона за призракомъ*.— *Визитка Людовика XIV*—автора Луизы д'Аваре.— *Мѣсяцъ въ Калифорніи*.— *путешествіе*— *Проклятый домъ*.— *Жертвы честолюбія* — *Драма въ улицѣ Страдъ*.— Ю. Лакру

и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Иногородные подписчики, желающіе выписать который нибудь изъ этихъ годовъ, остающихся въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, могутъ еще получить ихъ изъ конторы редакціи по 6 руб. за экземпляръ.

Для новыхъ иногороднихъ подписчиковъ на 1880 годъ редакція считаетъ возможнымъ сдѣлать сбавку а именно: за 1878 годъ они могутъ получить за 4 руб. а сборникъ за 1879 за 4 р. 50 коп. то есть вмѣсто слѣдующихъ за эти года 12 рублей онѣ благоволятъ высылать только 8 руб. 50 коп.

(Пятьдесятъ копѣекъ можно, вмѣсто мелочи, высылать 5-копѣечными марками).

Примѣчаніе 1) Во избѣжаніе недоразумѣній, редакція считаетъ нужнымъ прибавить, что она уступаетъ сборникъ 1878 и 1879 годовъ вмѣстѣ или порознь, но только тѣмъ иногороднымъ подписчикамъ, которые пришлютъ за нихъ деньги одновременно съ подписною суммою, слѣдующею за сборникъ 1880 года. Гг. Московскіе подписчики пользуются также уступкою, но только въ такомъ случаѣ, если они внесутъ деньги за всѣ три года сразу.

2) Всѣмъ подписчикамъ „Изумруда“, кромѣ того, предоставляется отнынѣ право получать со сбавкою цѣну всѣхъ книги, которыя будутъ издавы редакціею независимо отъ сборника. Такъ, напримѣръ, въ настоящее время она предполагаетъ, въ недалекомъ будущемъ, приступить къ печатанію большого историческаго романа, подъ названіемъ: „Рыцарь Кроваваго Креста“, который будетъ въ отдѣльной продажѣ стоить съ пересылкою 3 руб. 50 коп., но для господъ подписчиковъ, которые пришлютъ за него деньги до выхода его въ свѣтъ предполагается уступать его по 2 р. 25 к.

Гг. подписчики просятъ покорнѣйше присылать свои адреса, написанные разборчивою рукою и съ точнымъ поименованіемъ губерніи и уѣзда, гдѣ находится ихъ жительство.

Примѣчаніе 3) Желающіе получить отъ конторы Сборника какія-либо свѣдѣнія благоволятъ присылать въ отвѣтъ 8 копѣечную марку.

Подписка принимается въ Москвѣ въ редакціи и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногородные благоволятъ обращаться исключительно только къ издателю сборника, адресуя требованія слѣдующимъ образомъ; въ г. Москву, въ контору редакціи сборника „Изумрудъ“ г. Редактору Издателю Михаилу Николаевичу Воронову.

(Болѣе подробный адресъ редакціи Московскому почтамту извѣстенъ).

Редакторъ-Издатель **Михаиль Вороновъ.**

Годъ II.

II Годъ

**О подпискѣ на 1880 годъ на большой
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ**

„ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ МІРЪ“

ЕДИНСТВЕННЫЙ ДЕНЕЖНЫЙ БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ВЪ РОССІИ.

Журналъ выходитъ въ форматѣ большихъ иллюстрацій со множествомъ художественно выполненныхъ гравюръ. Въ каждомъ номерѣ помѣщаются: романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія, біографіи, всемірное обозрѣніе, политика, современная хроника, новости изъ наукъ и жизни, популярно-научныя статьи, карикатуры, шахматы, заваши, и пр. Къ каждому номеру прилагается отдѣльно:

24 № въ годъ—НОВѢЙШІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ—въ годъ 24 №

Эти модныя приложенія, ни въ чемъ ни уступающія специально-моднымъ журналамъ, заключаютъ въ себѣ рисунки модъ, подробныя описанія къ нимъ и обстоятельную модную хроникку.

Всѣ подписчики, когда бы не подписались, получаютъ въ теченіи года:

ДВѢНАДЦАТЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРЕМІЙ

разныхъ ежемѣсячно и состоящихъ изъ прекрасно-выполненныхъ копій съ лучшихъ художественныхъ произведеній; эти преміи, отпечатанныя на хорошей толстой бумагѣ съ тономъ, составятъ къ концу году богатый альбомъ.

Кромѣ того, всѣмъ годовымъ подписчикамъ журнала разсылается главная большая премія.

„РОССІЙСКІЙ ИМПЕРАТОРСКІЙ ДОМЪ“

Эта роскошная картина представляетъ группу прекрасно-выполненныхъ портретовъ всѣхъ особъ нынѣ царствующей фамиліи. Величина картины въ длину 1 арш. 1½ вершка, и въ ширину 12 вершковъ. Картина отпечатана на толстой слоновой бумагѣ, съ фономъ, и стоитъ въ отдѣльной продажѣ 5 р., съ пер. 6 руб. (Желающіе получить главную премію въ сохранномъ видѣ досылаютъ къ подписной двѣв одинъ рубль).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ СЪ ПРАВОМЪ БЕЗПЛАТНАГО ПОЛУЧЕНІЯ:

24 номеровъ новѣйшихъ парижскихъ модъ,

12 ежемѣсячныхъ художественныхъ премій,

Главной преміи: „Россійскій Императорскій Домъ“,

На годъ: безъ доставки 4 (четыре) руб. съ доставкою въ Спб. и для иногородныхъ 5 (пять) руб. За границу во всѣ страны свѣта 7 (семь) р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С. Петербургѣ, въ Главной Конторѣ Редакціи „Иллюстрированнаго Мира“, по Фонтанкѣ, д. № 103 (близъ Измайловскаго моста), а также у всѣхъ извѣстныхъ въ Россіи и заграницей книгопродавцевъ.

Для удобства своихъ подписчиковъ, Контора Германа Гоппе принимаетъ подписку и на всѣ русскіе и иностр. журналы и газеты.

О ПОДПИСКѢ НА 1880 ГОДЪ НА

„МОДНЫЙ СВѢТЪ“

Самый полный и дешовый модный и семейный иллюстрированный журналъ въ Россіи.

Съ 1-го января 1880 г. „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ начнетъ XIII годъ своего существованія и будетъ издаваться съ прежнею со стороны издателя заботливостью о наружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

Журналъ „Модный Свѣтъ“ въ 1880 году будетъ выходить также **ВЪ ТРЕХЪ ИЗДАНИЯХЪ**

въ количествахъ 48 номеровъ въ годъ, т. е. четыре номера въ мѣсяцъ (два модныхъ и два литературныхъ) и будетъ заключать въ себѣ втеченіи года:

Болѣе 2,000 политич. рисунковъ модъ и рукодѣльн. текствъ. Рисунки канвовыхъ и тамбурныхъ работъ. Рисунки и выкройки бѣлья, мужскаго, дамскаго и дѣтскаго.

Раскрашенные рисунки канвовыхъ, тамбурныхъ и друг. работъ. Рисунки въ русскомъ вкусѣ.

Болѣе 300 выкроекъ на 12 большихъ листахъ.

24 вырѣзныхъ выкройки въ натуральную величину.

24 (или 12 для 1 изданія) модныхъ раскрашенныхъ парижскихъ картинокъ для II изданія, исполненныхъ лучшими иностранными художниками.

36 (24 раскрашенныхъ и 12 акварельныхъ) модныхъ парижскихъ картинокъ для III изданія.

Новѣйшія музыкальныя пьесы (ноты) любимыхъ композиторовъ.

Коллекцію рисунковъ: изъ семейной жизни, модъ стараго времени, характерныхъ костюмовъ для маскарадовъ, портреты, типы и проч.

Новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, фельетоны, стихотворенія, анекдоты, хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи.

Разныя отдѣльныя бесплатныя приложенія и „Почтовый ящикъ“ съ самыми разнообразными и полезными совѣтами.

Журналъ „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ имѣетъ гораздо болѣе подписчиковъ, чѣмъ всѣ модныя журналы, издающіеся въ Россіи, въ совокупности.

Цѣна годовому изданію „МОДНАГО СВѢТА“, на 1880 г.

I изданію, съ 12 раскрашен. париж. картинками и со всѣми приложеніями: въ С.-Петербургѣ безъ доставки—4 р.: съ дост. въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи 6 руб.

II изданію, съ 24 раскрашен. парижск. картинками и со всѣми приложеніями въ С.-Петербургѣ безъ доставки—5 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—6 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи 7 р.

III изданію, съ 24 раскрашен. парижск. картинками, 12 раскрашен. акварельными картинками и со всѣми приложеніями: въ С.-Петербургѣ безъ доставки—7 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—8 р. 50 к.; съ пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 9 руб.

Въ Москвѣ цѣна безъ доставки: I-му изданію 5 руб.; II изданію 6 р. 50 коп.; III изданію 8 р. 50 к.; съ пересылкою: I-му изданію 6 р., II-му изданію—7 р., III-му изданію 9 р.

Издатель „Моднаго Свѣта“, Германъ Гоппе.

Главная контора Редакціи „Моднаго Свѣта“ находится, въ СІБ., по Большой Садовой улицѣ, домъ Коровина № 16.

ОБЪ ИЗДАНИИ
ГАЗЕТЫ
„СОВРЕМЕННОСТЬ“

съ особымъ ежедѣльнымъ приложеніемъ
СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНІЕ
въ 1880 году.

Газета «Современность» издается безъ предварительной цензуры. Въ ней будутъ помѣщаться: I. Передовыя статьи по вопросамъ политическимъ, учебно-воспитательнымъ, церковно-общественнымъ, юридическимъ, литературнымъ и др. Обзорѣнія: внутреннее, имѣющее предметомъ обсужденіе болѣе крупныхъ фактовъ изъ современной общественной жизни,—иностранное и политическое. II. Правительственныя распоряженія, касающіяся всѣхъ вообще вѣдомствъ. III. Хроника, въ которую войдутъ разные слухи и свѣдѣнія о событіяхъ, преимущественно столичной жизни. IV. Журнальные и газетные толки, или выдержки изъ статей, заслуживающихъ почему-либо особеннаго общественнаго мнѣнія. V. Внутреннія извѣстія, гдѣ первое мѣсто будетъ предоставлено разнаго рода корреспонденціямъ, чуждымъ всякихъ личностей и провинціальныхъ дрягъ, а также интересныя, въ какомъ бы то ни было отношеніи, извѣстія, заимствованныя изъ другихъ газетъ. VI. Судебный отдѣлъ, въ которомъ будутъ печататься обстоятельныя отчеты о болѣе или менѣ замѣчательныхъ и поглощающихъ общественное вниманіе судебныхъ процессахъ. VII. Иностранныя извѣстія, касающіяся политической и внутренней жизни разныхъ чужеземныхъ народовъ. VIII. Разныя мелкія извѣстія изъ внутренней и иностранной жизни. IX. Фельетонъ, въ которомъ, между прочимъ, будетъ помѣщаться обзоръ текущей журналистики, какъ свѣтской, такъ и духовной, а равно и статьи ученаго и беллетристическаго характера. X. Биржевыя свѣдѣнія.

Въ будущемъ 1880 году «Современность» будетъ выходить пять разъ въ недѣлю, за исключеніемъ дней, слѣдующихъ за праздниками.

«Семейное Чтеніе» будетъ заключать въ себѣ: статьи о современныхъ событіяхъ, романы, повѣсти, рассказы и т. д., будетъ выходить разъ въ недѣлю въ объемѣ двухъ печатныхъ листовъ въ четвертую долю, въ три столбца.

Рѣшившись съ текущаго октября издавать при газетѣ «Современность» ежедѣльное прибавленіе, подъ названіемъ „Семейное Чтеніе“, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о цѣли и значеніи этого прибавленія.

«Семейное Чтеніе» не имѣетъ въ виду преслѣдовать педагогическую цѣль, а тѣмъ менѣе доставлять русскимъ небо-

гатымъ семействамъ матеріалъ для одного легкаго чтенія и развлеченія; назначеніе его несравненно серьезнѣе. Наше «Семейное Чтеніе» будетъ служить необходимымъ дополненіемъ газеты «Современность» и предназначается для того класса общества, — который не имѣетъ возможности подписываться на большую ежедневную газету и толстый журналъ, стоящіе вмѣстѣ болѣе 30 рублей серебромъ.

Теперь нѣсколько словъ о характерѣ «Семейнаго Чтенія».

У насъ еще не выработались серьезные взгляды на значеніе государства и общества, а также на обязанности наши относительно того и другого. Русская журналистика не должна оставлять безъ вниманія этотъ важный пробѣлъ въ нашемъ общественномъ пониманіи. Необходимо, по нашему мнѣнію, чтобы въ каждомъ грамотномъ семействѣ имѣлось такое изданіе, изъ котораго всѣ его члены могли-бы приобрѣтать вѣрные понятія о своихъ многообразныхъ обязанностяхъ и отношеніяхъ въ общественной жизни, могли бы набираться честныхъ убѣжденій и проникаться правильными взглядами на государственныя и общественныя интересы; — которое общало бы вѣрное освѣщеніе какъ текущимъ событіямъ, такъ и болѣе крупнымъ вопросамъ, въ данный моментъ занимающимъ и волнующимъ русское общество, — добросовѣстно и честно разъясняло бы дѣло и указывало, чего именно слѣдуетъ крѣпко держаться и чего избѣгать.

Русская семья, въ лицѣ старшихъ и младшихъ своихъ членовъ, должна знать, какъ для нея должна быть дорога судьба отечества и какой высокой интересъ должно представлять все то, что можетъ содѣйствовать нравственному и матеріальному благосостоянію Россіи.

Необходимо, чтобы каждый заѣзжій къ намъ иностранецъ и нашъ русскій пропагандистъ, попавшій въ нашу общественную среду, ясно видѣлъ, что русскаго человѣка нельзя отуманить ложными чужеземными ученіями, что онъ научился понимать и цѣнить свою вѣру, свой языкъ, свои завѣты и преданія и свою исторію, — и что наша родная почва неудобна для безразсудной дѣятельности разрушителей, созданнаго вѣками, общественнаго порядка.

Таковыя наши стремленія. Мы понимаемъ всю трудность предстоящей намъ задачи содѣйствовать русской семьѣ къ достиженію высокаго призванія ея въ обществѣ и государствѣ: по крайней мѣрѣ, мы не пожалѣемъ никакихъ усилій къ возможному достиженію.

Подписная годичная цѣна съ пересылкою и доставкою на домъ 6—руб. Подписка принимается въ редакціи газеты въ С.-Петербургѣ, ул. Ямской и Свѣчнаго пер., въ д. № 9 кв. № 18.

Редакторъ О. Е. Лозинскій. Издатель А. А. Старчевскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
 НА
 ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

„НОВОСТИ“

на 1880 годъ.

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ ПОДЪ НОВОЮ РЕДАКЦІЕЮ)

Подписная цѣна:

	на 1 г.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
Съ достав.												
въ С.-Петербур.	8	7 50	7 —	6 50	6 —	5 50	5 4 50	3 80	3	2	1	
Съ пересыл:	9	8 25	7 50	7 —	6 50	5 75	5 4 50	4 —	3	2	1	

Подписывающіеся сразу на всѣ послѣдніе мѣсяцы 1879 г. и на весь 1880 г., платятъ за время: съ 1-го сентября 1879 г. по 1-е января 1881 г., т. е. за 16 мѣсяцевъ 12 руб., съ 1-го октября 1881 г. по 1-е января 1881 г., т. е. за 15 мѣсяцевъ — 11 руб. 50 коп., съ 1-го ноября — всего 10 р. 50 к., и съ 1-го декабря 9 р. 50 к.

Подписывающіеся на весь 1879 г. получаютъ всѣ номера съ 1-го января.

Письма и деньги адресуются: въ С.-Петербургъ, въ редакцію газеты «НОВОСТИ» (Гороховая, 32).

Газета «НОВОСТИ» выходитъ, безъ предварительной цензуры, ежедневно, не исключая понедѣльниковъ, полными номерами, а въ дни, слѣдующіе за табельными праздниками, въ видѣ прибавленій или телеграфныхъ бюллетеней.

Редакція строго соблюдаетъ принятое ею съ самаго начала изданія правило—не оставлять ни одного болѣе или менѣе выдающагося явленія или событія безъ своевременной всесторонней оцѣнки и освѣщенія (отдѣлъ «Дневникъ»), не сообщать читателямъ ни одного извѣстія позже другихъ газетъ и не помѣщать въ газетѣ никакихъ статей, не представляющихъ общественно политическаго интереса для большинства ея читателей. Изъ многочисленныхъ же извѣстій административнаго характера газета отдастъ предпочтеніе такимъ,

въ которыхъ заключаются рѣшенія какихъ нибудь крупныхъ общественныхъ вопросовъ или отвѣты на различныя ходатайства мѣстныхъ обществъ, вынужденныхъ часто, для полученія подобныхъ свѣдѣнй, прибѣгать къ командировкѣ въ Петербургъ специальныхъ уполномоченныхъ или, по меньшей мѣрѣ, къ продолжительной канцелярской процедурѣ переписки. Наконецъ, прочитавшій внимательно даже одинъ или два номера газеты можетъ убѣдиться въ томъ, что газета совершенно чужда рутинѣ, господствующей въ старыхъ изданiяхъ; что общй характеръ газеты носить на себѣ печать оригинальности, заключающейся именно въ томъ, что ни одинъ, болѣе или менѣе выдающійся изъ ряда обыкновенныхъ, фактъ не оставляется безъ освѣщенiя; что, при огромномъ числѣ самыхъ разнообразныхъ извѣстiй, получаемыхъ редакцiей ежедневно отъ своихъ постоянныхъ репортеровъ и корреспондентовъ (рубрика: «Административныя Новости», «Русская Лѣтопись», «Внутренняя почта» и т. д.), она имѣетъ возможность заимствованiя изъ другихъ изданiй подчинять самому строгому критическому выбору и приурочивать къ текущимъ, наиболѣе популярнымъ вопросамъ. Такъ, напримѣръ, подъ рубрикою «Русская Печать», Редакцiя не только знакомитъ своихъ читателей со взглядами и сужденiями текущей периодической печати, но старается вкратцѣ освѣщать эти взгляды и сужденiя съ научной и общественной точекъ зрѣнiя. Также точно и подъ рубрикою „Свѣтъ и Тѣнь“ наиболѣе выдающiяся явленiя обще-государственной и мѣстной жизни приводятся не какъ простые факты, а какъ живой практическiй материалъ, почерпнутый изъ всесторонняго житейскаго опыта, регулирующаго нравственный и материальный уровень общественныхъ и гражданскихъ отношенiй. Наконецъ, справочный отдѣлъ газеты приуроченъ ко всевозможнымъ общественнымъ потребностямъ различныхъ классовъ («Справочный отдѣлъ»).

Содержанiе газеты „НОВОСТИ“

1) Политическiя телеграммы (доставляемыя «Международнымъ Агентствомъ» и собственными корреспондентами).—2) Дневникъ. До 1-го сентября напечатано: по внѣшнимъ вопросамъ: около 600 статей; по внутреннимъ—около 80 статей.—3) Административныя Новости. (Отъ нашихъ специальныхъ репортеровъ). По 1-е сентября помѣщено болѣе 700 извѣстiй.—4)

Русская Лѣтопись. (Отъ нашихъ специальныхъ репортеровъ). По 1-е сентября помѣщено болѣе 2,000 статей. Подъ этою же рубрикою, печатались: Всѣ важнѣйшія правительственныя распоряженія, сообщенія и телеграммы.—Отчеты о всѣхъ засѣданіяхъ с.-петербургской городской думы.—Отчеты о всѣхъ засѣданіяхъ ученыхъ и другихъ обществъ: географическаго, мореходства, промышленности и торговли, вольно-экономическаго, техническаго, педагогическаго, естественныхъ наукъ, минералогическаго, этнологическаго, юридическаго, общества русскихъ врачей, общества практическихъ врачей, общества взаимнаго кредита, благотворительныхъ обществъ, лѣсваго общества, общества сельскихъ хозяевъ, садоводства, коммисіи при педагогическомъ музеѣ. Кромѣ того, своевременно помѣщались всѣ, болѣе или менѣе важныя, распоряженія г. петербургскаго градоначальника и мелкія происшествія.—5) **Театръ и Музыка.** Подъ этою рубрикою помѣщено болѣе 1,000 извѣстій и отчетовъ, доставленныхъ нашими репортерами и рецензентами. Подъ этою же рубрикою печатаются собственныя и заимствованныя извѣстія о провинціальныхъ русскихъ и иностранныхъ театрахъ.—6) **Всемирный Калейдоскопъ,** печатающійся по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, заключаетъ въ себѣ самыя разнообразныя свѣдѣнія о выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ явленіяхъ, событіяхъ и фактахъ, совершающихся во всѣхъ частяхъ свѣта.—7) **Правительственныя распоряженія,** представляющія общій интересъ или касающіяся отдѣльныхъ національностей, классовъ и городскихъ или сельскихъ населеній печатаются цѣликомъ.—8) **Внутренняя Почта** (отъ нашихъ постоянныхъ и случайныхъ корреспондентовъ)—9) **Русская Печать** (ежедневное обозрѣніе газетъ и журналовъ).—10) **Литературный Отдѣлъ.** (Беллетристическія и публицистическія статьи); «Вчера и Сегодня». (Воскресныя бесѣды *Коломенскаго Кандида*. Еженедѣльно) — «Литературная хроника». (Обозрѣніе толстыхъ журналовъ. *Вл. Чуйко*. Два раза въ мѣсяцъ).—«Въ складахъ историческаго матеріала». (Изъ разсказовъ архивной крысы. Обозрѣніе историческихъ журналовъ и книгъ, *Коломенскаго Кандида*. Ежемѣсячно).—«Обозрѣніе педагогическихъ журналовъ» *Скромное Я*. Ежемѣсячно.—«Обозрѣніе духовныхъ журналовъ». *Скромное Я*. Ежемѣсячно.—«Обозрѣніе художественныхъ выставокъ». По поводу передвижной выставки 1879 г. *В Чуйко*.—Третья годовичная (1879 г.) выставка «Общества выставокъ художественныхъ произведеній». *Коломенскаго Кандида*.—11) **Библиографія:** отзывы о новыхъ книгахъ.—12) **Публицистическія и историческія статьи.** Экскурсія въ область житейской философіи. *Скром-*

ное Я.—Письмо къ ученому публицисту Н. Е. Михайловскому, В. Чуйко.—Женскій трудъ (паралели. Вниманію великоsvѣтскихъ дамъ).—Знаменія времени въ области судебной практики. *Серебренникова*.—По поводу священническихъ рясъ.—Воспоминанія о чумѣ, полковника Д. Н. Ганкевича.—Русская ученая экспедиція въ Египетъ для изученія чумы въ 1839—1844 гг. А. Скальковскаго.—Ученое легкомысліе. В. Никитина.—Шипы сѣверныхъ розъ (путешествіе американской мухи), П. Рачковскаго.—По поводу кутаисскаго дѣла, П. Рачковскаго.—Богѣвнн Астраханскаго населенія, Л. Бесина.—Экскурсія въ царство мертвыхъ.—Торговля рабами въ Турціи, ст. Паскаля Давида и т. д.—13) Беллетристика. «Русское Тайнобрачіе». роtscrіptum къ „Мелочавъ архіерейской жизни“. печатавшимся въ „Новостяхъ“ въ 1878 г. Н. Льскова.—«Бабушка и внучка», оригин. повѣсть Л. О. Леванды.—«Призраки», оригин. разсказъ Нила Адмирари (Л. Панютина).—«Страница изъ исторіи одного ребенка», оригин. этюдъ Сахаровой.—«Женщина, разрѣзанная на куски», сцены изъ соврем. «подземнаго Милана».—«Безъимянный замокъ», съ венгерскаго, романъ Йонаи.—«Зачумленный городъ», разсказъ.—«На Левантской эскадрѣ», разсказъ Литрова.—«Уголовныя драмы», романъ П. Закона и Э. Море.—«Местъ или тайны серала», романъ Лейлы Ханумъ.—«Изъ омута въ омутъ», романъ Максъ-Амессъ Флеминъ (изъ американской жизни).—«Около золотого тельца», оригин. романъ.—«Утесъ Почетнаго Легиона Барт. Ауэрбаха».—«Гиганты—полины».—«Дитя покойницы», ром. Ульбаха.—Разсказы Бретарта и т. д. Воскресные нумера печатаются въ форматѣ, удобномъ для переплета. Изъ печатающихся въ воскресныхъ нумерахъ беллетрическихъ произведеній, по истеченіи года, составятся объемистый томъ въ 26 листовъ газетнаго формата.—14) Справочный Отдѣлъ. Комерческія телеграммы (доставляемыя редакціи «Международнымъ Агентствомъ») —Хлѣбные и товарныя рынки (столичныя и провинціальныя).—Биржевыя курсы.—Тиражи процентныхъ бумагъ.—Минеральныя воды за границей (справочныя свѣдѣнія).—Желѣзныя дороги.—Указатель лечебницъ.—Указатель дѣлъ, назначаемихъ въ комерческомъ судѣ.—Репертуаръ.—Прибывшіе и выбывшіе и проч. и проч.—Свѣтъ и Тѣни.—16) Судебный Отдѣлъ. (Отъ нашихъ стенографовъ и изъ официальныхъ газетъ).—17) Объявленія и рекламны.

ВЪ 1880 ГОДУ

„СЕМЬЯ и ШКОЛА“

Годъ десятый.

иллюстрированный журналъ ДОМАШНЯГО И ОБЩЕСТВЕННАГО ВОСПИТАНІЯ

будеть издаваться по той-же программѣ, въ тѣ-же сроки и въ такомъ-же объемѣ, какъ и въ 1879 году.

Полное годовое изданіе двадцати двухъ книгъ и сорока номеровъ „Педагогической хроники“. Подписная цѣна на полный журналъ съ пересылкою **12** р. •

Полное изданіе состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, на которые допускается также отдѣльная подписка.

I. Семейное чтеніе (*отдѣлъ для дѣтскаго чтенія*) выходитъ ежемѣсячно, т. е. 12 книгъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. 10 р.

II. Воспитаніе и обученіе (*отдѣлъ для родителей и воспитателей*) выходитъ въ количествѣ 10 книгъ (т. е. ежемѣсячно, кромѣ іюня и іюля), съ добавленіемъ „Педагогической хроники“, выходящей въ количествѣ 40 номеровъ въ годъ. Подписная цѣна съ перес. 5 р.

Семейное чтеніе даетъ статьи религіозно-нравственнаго содержанія, разсказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописанія и пр., а также игры, работы, руководялья, мастерства и

проч. матеріалъ для физическаго умственнаго развитія. Всюду, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и картины.

Воспитаніе и обученіе съ „Педагогическою хроникомъ“ содержитъ въ себѣ: общія статьи педагогическаго содержанія, статьи по воспитанію и обученію домашнему и общественному (высшему, среднему и начальному), нравственному, умственному и физическому; критику и библиографію; биографическіе очерки педагоговъ и статьи по исторіи педагогики; отдѣлъ математической (самостоятельныя изслѣдованія въ области элементарной математики; разработка тѣхъ или другихъ частей курса учебныхъ заведеній на научно-педагогическихъ основаніяхъ, и т. п.). „Педагогическая хроника“ даетъ отчеты по текущимъ вопросамъ учебно-воспитательнаго дѣла какъ въ Россіи, такъ и за границею и полную библиографію вновь выходящихъ по воспитанію и обученію книгъ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С.-Пб. Васильевск. остр., 15-я линія, д. № 8, кв. № 20; или адресуется просто: Въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Семья и Школа“ (адресъ почтамту извѣстенъ),—съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отчества и фамиліи и того почтоваго учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

Редакторъ-Издатель Н. Краевичъ.

о подписитѣ на 1880 годъ

НА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ВЪ ДВУХЪ ОТДѢЛАХЪ

„СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА“

Журналъ этотъ удостоенъ Высочайшаго покровительства Государыни Императрицы Маріи Александровны; рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для гимназій, уѣздныхъ училищъ и начальныхъ школъ; состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи

учебнымъ Комитетомъ для чтенія воспитанницамъ женскихъ учебныхъ заведеній Императрицы Маріи, Духовно-Учебныхъ Управленій рекомендованъ начальствомъ духовныхъ семинарій и училищъ, и Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ заведеній рекомендованъ для библиотекъ Военныхъ Гимназій и Прогимназій, какъ изданіе, представляющее обильный матеріалъ для выбора статей, пригодныхъ для чтенія воспитанниковъ.

Съ нынѣшняго 1880 года наступаетъ второе десятилѣтіе редактированія нами журнала «Семейные вечера».

Въ теченіи этого времени, на сколько позволяла намъ сила, мы старались честно и добросовѣстно исполнять возложенную на насъ обязанность, и кажется частью достигли этого, судя по одобрительнымъ отзывамъ многочисленныхъ читателей нашихъ.

Не ограничиваясь достигнутыми результатами, редакция журнала «Семейные вечера» стремится къ улучшенію своего изданія, соображаясь съ желаніями подписчиковъ и строго слѣдуя программѣ cadaго отдѣла.

Мы старались Отдѣлъ для Семейнаго чтенія сдѣлать, по возможности, на столько разнообразнымъ, чтобы онъ, по своему содержанию и изяществу, могъ служить чтеніемъ для всего семейства, что намъ удобнѣе всего было сдѣлать сравнительно съ другими изданіями въ томъ же родѣ, потому что форматъ книжекъ и объемъ ихъ болѣе всего подходитъ для этой цѣли.

Въ отдѣлъ для дѣтей мы помѣщали такіа статьи и рассказы, что не только могли заинтересовать читателя, но и принести ему пользу, какъ нравственную, такъ научную.

Съ будущаго же 1880 года, мы нашли для себя возможнымъ давать, въ видѣ приложенія къ отдѣлу для Семейнаго Чтенія — *Образцы различныхъ рукодѣлій.*

Къ отдѣлу для дѣтей будутъ прилагаться *образцы занятій и шръ.*

Брошѣ того; *всѣмъ подписчикамъ на оба отдѣла «Семейныхъ Вечеровъ»* будетъ бесплатно разослана, въ видѣ *преміи, хромолитографированная картина.*

ПРОГРАММА СЕМЕЙНЫХЪ ВЕЧЕРОВЪ

Отдѣлъ для семейнаго чтенія.

- 1) Романы, стихотворенія, повѣсти, рассказы, оригинальные и переводные (съ картинами).
- 2) Биографіи замѣчательныхъ людей (съ картинами).
- 3) Межуары, историческія очерки и путешествія (съ карт.).

Отдѣлъ для дѣтей.

- 1) Повѣсти, стихотворенія, рассказы, какъ оригинальные, такъ и переводные (съ карт.).
- 2) Дѣтство замѣчательныхъ людей (съ картинами)
- 3) Путешествія въ разказахъ статьи по части исторіи, свя-

4) Популярныя чтенія извѣстныхъ писателей, статьи по части естествознанія, техническихъ искусствъ, музыки и т. д., съ рисунками.

5) Разборы замѣчательныхъ сочиненій, какъ по русской литературѣ, такъ и по иностранной, коши съ лучшихъ картинъ, современныхъ событій, новыя открытія библіографія, смѣсь, анекдоты и т. п.

ценной, отечественной и всеобщей, принаровленные для дѣтей отъ 8 до 14 лѣтъ (съ картин.).

4) Статьи по части естествознанія, техническихъ искусствъ, скульптуры, живописи, музыки, литературы и т. п. принаровленные для дѣтей (съ картинками).

5) Театральныя пьесы, задачи, ребусы, шарады, логаремы, изреченія замѣчательныхъ людей.

Въ отдѣлѣ для самыхъ маленькихъ дѣтей будутъ помѣщаться, какъ и прежде, рассказы для дѣтей отъ 5 до 8 лѣтъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	безъ дос.	съ дос.
Полный журналъ (въ 24 кн.) . . .	10 р.	11 р.
Отдѣлъ для дѣтей 12 кн.) . . .	5 >	5 > 50 к.
> > сем. чтен. 12 кн.) . . .	5 >	5 > 50 к.

Для всѣхъ учебныхъ заведеній, подписывающихся прямо въ редакцію на полный журналъ, уступается 1 р.

Для земскихъ школъ, подписывающихся не менѣе, какъ на 25 полныхъ экземпляровъ, уступается 2 р.

Кромѣ того, плата можетъ быть разсрочена: для лицъ, служащихъ въ казенныхъ заведеніяхъ, за ручательствомъ гг. казначеевъ: для воспитательныхъ и учебныхъ заведеній — за ручательствомъ ихъ начальствъ; для частныхъ лицъ, — не иначе, какъ по соглашенію съ редакціей.

Разсрочка допускается по третью впередъ.

За всѣ года, начиная съ 1874 т., имѣются полныя экземпляры въ изящныхъ переплетахъ, съ хромолитографированной картиной.

Ц Ѣ Н А :

Семейное чтеніе . . . . . 5 р. — к.

Пересылка за 4 фунта, смотря по разстоянію.

Отдѣлъ для дѣтей . . . . . 4 > 75 >

Пересылка за 4 фунта.

Отдѣлъ для самыхъ маленькихъ дѣтей . . . . . 1 > 50 >

Пересылка за 1 фунтъ.

Для всѣхъ, выписывающихъ 6 прежнихъ годовъ разомъ, уст. безъ пересылки:

Въ переплетѣ, вмѣсто . . . . . 67 р. 50 коп. за 54 р.

Безъ переплета, вмѣсто . . . . . 54 > > 40 >

За пересылку платять отдѣльно, смотря по разстоянію, за 8 фунтовъ каждый полный годъ.

Подписка принимается: Въ редакціи журнала „Семейные Вечера“, Семіоновскаго моста, на углу Караванной и Фонтанки. въ д. 1—2 кв.

Редакторъ-Издательница Софія Сергѣевна Камширева

О ПОДПИСКѢ НА (Ш-ой) 1880 ГОДЪ НА
Главный Вѣстникъ Русской Печати:

РОССІЙСКАЯ БИБЛОГРАФІЯ

УКАЗАТЕЛЬ НОВЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ

Литературныхъ, Ученыхъ и Художественныхъ,

Издаваемыхъ по официальнымъ свѣдѣніямъ, съ содѣйствіемъ
извѣстныхъ библіографовъ, важнѣйшихъ Книгопродавцевъ,

гг. библіотечарей ученыхъ учреждений и пр.

Книгопродавцемъ Емилемъ Гартве, въ С.-Петербургѣ.

„Россійская Библіографія“ будетъ выходить въ 1880 году, два
раза въ мѣсяцъ, по прежней программѣ, которая, какъ по-
казалъ опытъ 1879 г., вполне соответствуетъ цѣли журнала.
Нумера „Россійской Библіографіи“ будутъ содержать въ себѣ:

Указатель новыхъ изданій (разъ въ мѣсяцъ).

а) Списки книгъ, вышедшихъ въ Россіи на всѣхъ языкахъ,
музыкальныхъ сочиненій, географическихъ картъ, эстамповъ,
фотографій, учебныхъ пособій, съ показаніемъ формата, объ-
ема, мѣста изданія, имена издателя и цѣны.

б) Списки важнѣйшихъ иностранныхъ книгъ, на француз-
скомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ.

в) Списки книгъ, вышедшихъ изъ рассмотрѣнія Ученыхъ
Комитетовъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

г) Списки театральныхъ пьесъ, вышедшихъ изъ размот-
рѣнія драматической цензуры.

Указатель періодической печати (разъ въ мѣсяцъ).

а) Систематическіе списки статей всѣхъ русскихъ жур-
наловъ и газетъ, съ прибавленіемъ алфавитнаго указателя
именъ.

б) Алфавитные списки періодическихъ изданій, съ показа-
ніемъ цѣны, адресовъ редакціи и пр.

Хроника (два раза въ мѣсяцъ).

Статьи, посвященныя вопросамъ русскаго книжнаго дѣла.—
Новости по книжному дѣлу.—Правительственные распоряже-
нія и сообщенія по дѣламъ печати.—Конкурсы на сочине-
нія.—Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ обществъ.—Биографія и

Некрологи.—Корреспонденція.—Библиографическій листокъ, съ указаніемъ содержанія важнѣйшихъ новыхъ сочиненій.

Коммерческій отдѣлъ (два раза въ мѣсяцъ).

Объявленія Гг. издателей, авторовъ и др. о новыхъ изданіяхъ или о книгахъ, готовящихся къ выходу въ свѣтъ.—Объявленія разныхъ промышленностей, имѣющихъ связь съ печатнымъ дѣломъ.—Эпистолическія объявленія: Случайныя продажи и требованія рѣдкихъ или подержанныхъ книгъ и т. п.—Предложеніе и требованіе личныхъ услугъ.

Годовой каталогъ (бесплатное приложение).

Въ концѣ года Гг. подписчикамъ будетъ высланъ особый „алфавитный и предметный ключъ“, дающій возможность легко и скоро найти всѣ свѣдѣнія о требуемыхъ книгахъ и даже выбрать за весь годъ все, что было писано о какомъ нибудь предметѣ, въ отдѣльныхъ книгахъ, въ журналахъ и газетахъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА (П-ой) 1880 ГОДЪ.

На годъ съ достав. 4 р., съ перес. 5 р. — (съ годов. катал.)
На 6 м. " " 2 " " " 2 „ 50 к. (безъ год. кат.)
На 3 м. " " 1 " " " 1 „ 25 „ (безъ год. кат.)

Цѣна отдѣльныхъ номеровъ 25 к.; съ пересылкой 30 к.

КОНТОРА ЖУРНАЛА ПОМѢЩАЕТСЯ ПРИ

Книжномъ складѣ «Россійской Библиографіи» (Эмиль Гартъе)
27, Невскій пр., 27, (у Казанскаго моста) въ С.-Петербургѣ.

Книжный складъ Россійской Библиографіи (Эмиль Гартъе)
27, Невскій пр. 27 (у Казанскаго моста) въ С.-Петербур.

- 1) Принимаетъ подписку на всѣ журналы и газеты русскіе и иностранныя, по цѣнамъ «Ежегодника периодическихъ изданій Россіи», т. е. по цѣнамъ редакцій.
- 2) Высылаетъ по требованію всякія книги, музыкальныя ноты, геогр. карты, учебныя пособия и пр., какъ русскія, такъ и заграничныя изданія.
- 3) Принимаетъ на складъ провинціальныя изданія и пр. Местоположные почитатели получаютъ бесплатно «Ежемесячные каталоги» новыхъ русскихъ и иностранныхъ книгъ Книжнаго Склада „Россійской Библиографіи“.

(Для другихъ лицъ подписная цѣна за годъ 1 р. с.)

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1880 ГОДУ
ГАЗЕТЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ И ГИГИЕНЫ.

„ВРАЧЕБНЫЯ ВѢДОМОСТИ“

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

„Врачебныя Вѣдомости“ будутъ выходить въ 1880 году безъ предварительной цензуры.

Сообщеніе новостей изъ области медицины и гигиены, извѣстіе о событіяхъ въ медицинскомъ мірѣ, о ходѣ санитарнаго, земско-врачебнаго дѣла, разсмотрѣніе и обсужденіе профессиональныхъ и общественныхъ вопросовъ—вотъ, въ главныхъ чертахъ, задачи „Врачебныхъ Вѣдомостей“. Прошло уже четыре года, какъ начали выходить „Врачебныя Вѣдомости“, восполняя дѣйствительный пробѣлъ специальной прессы—отсутствіе такого періодическаго органа, который-бы имѣлъ своими задачами бытовые, корпоративныя и общественныя вопросы, и не уклонныя стремленія газеты дать мѣсто самостоятельнымъ, независимымъ мнѣніямъ, заботы о точности выходовъ газеты и объ удовлетвореніи существенныхъ потребностей врачей, разсѣдиненныхъ на огромномъ пространствѣ, не остались безслѣдны. Наши попытки образовать наконецъ органъ русскихъ врачей встрѣчены сочувственно и внимательно товарищами по наукѣ и профессіи. Это выразилось значительно увеличивающимся количествомъ самостоятельныхъ, научныхъ и бытовыхъ сообщений, большимъ участіемъ врачебныхъ силъ въ разсмотрѣніи многихъ вопросовъ жизни и быта, многими указаніями, направленными въ газетѣ, чѣмъ она пользовалась съ благодарностью въ видахъ дѣла, интереса и пользы читателей. „Врачебныя Вѣдомости“ не щадили усилія, чтобы дать читателямъ, въ возможно сжатой формѣ, безъ лишнихъ размазываній, какъ выводы современныхъ научныхъ изслѣдованій, такъ и заключенія, вытекающія изъ явленій жизни, руководясь главнымъ образомъ *практичностью* первыхъ и полезностью послѣднихъ. На сколько газета успѣла выполнить свои задачи, конечно, судить могутъ сами читатели; но тѣмъ не менѣе она вправѣ указать, что всегда и во всемъ преслѣдовала принципы свободы профессіи, улучшенія ея положенія въ смыслѣ улучшенія положенія ея членовъ, ратовала за свободу личности и труда, находя для того основы въ наукѣ и точныхъ ея указаніяхъ. Желанія ея и въ этомъ направленіи расширить свои отдѣлы получили наконецъ удовлетвореніе. „Врачебныя Вѣдомости“ ввели справочный отдѣлъ о свободныхъ врачебныхъ вакансіяхъ въ земст-

вахъ и пр., сдѣлавшійся впоследствии источникомъ для помѣщенія объявленій въ другихъ медицинскихъ изданіяхъ. Земскія и др. учрежденія отнеслись къ этому сочувственно и „Врачебныя Вѣдомости“ имѣли возможность сообщать *своевременно* о многихъ мѣстахъ для врачей. Въ виду удобства читателей газета на будущій годъ приняла мѣры къ большому расширенію и этого отдѣла.—Въ 1880 г. „Врачебныя Вѣдомости“ будутъ выходить по той же программѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ.	На полгода.	На 3 мѣсяца.
Съ пересылкой и доставкой	8 "	5 "	3 "
Безъ пересылки	6 р.	4 р.	2 р.

Подписка принимается: въ *Петербургѣ* — въ конторѣ редакціи, „Врачебныхъ Вѣдомостей“ Владимірская, 7 и въ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногородные адресуютъ подписку и иные требованія исключительно въ контору редакціи „Врачебныхъ Вѣдомостей“.

При конторѣ Редакціи открыты *иминный складъ* медицинскихъ изданій, который исполняетъ немедленно всѣ требованія Гг. заказчиковъ, и бюро для подписки на журналы и газеты, какъ русскіе, такъ и иностранные.

ВЪ КНИЖНОЙ ТОРГОВЛѢ И БИБЛИОТЕКѢ ДЛЯ ЧТЕНІЯ

И. О. ТИХОНОВА.

(Спб. зданіе литовскаго рынка, № 29).

Продаются слѣдующія изданія:

«Театральная Библиотека» (журналъ). Отдѣльными номерами по 2 р. (вышли №№ 1, 2. М. 1879 г.). Здѣсь же и контора «Театральной Библиотеки». Тутъ же принимается подписка на 1880 годъ на всѣ русскіе журналы и газеты.

Тимофѣевъ. Н. П. Изъ уголовной хроники: На совѣсти. Психологическій очеркъ. Лѣсовой. Очеркъ пароднаго суевѣрія М. 1879 года, цѣна 1 р. Изъ воспоминанія судебного слѣдователя. Очерки и рассказы. Одинъ томъ. М. 1878 года. Цѣна 2 руб. Осужденная. (Изъ уголовной хроники). М. 1878 года. Цѣна 75 коп.

Тамиственная невеста изъ гнѣзда червонныхъ валетовъ. Романическая повѣсть въ трехъ частяхъ. 1 томъ Спб. 1878 г. ц. 1 р. 25.

Современные романисты. Уида. Пара деревянныхъ башмачковъ. (романъ). Бретъ Гартъ. Дженн. Рассказъ изъ быта въ Калифорніи.— Эмиля Зола. Новые рассказы: Жакъ Гурдонъ. Кузнецъ. Проповѣдь о воздержаніи и постѣ.— Марлитъ. Синяя борода. (Рассказъ).— Уилъ. Боллинъ. Приведеніе Джанъ Джаго. (Романъ въ одномъ томѣ). Цѣна 1 р. 50 к. (Рекомендуется для дѣвщцъ).

Выписывающіе гг. иногородные за перес. прилаг. прибл. 10 к. на 1 р

ГОДЪ ТРЕТІЙ

1880 ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1880

„СВѢТЪ и ТѢНИ“

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
журналъ, съ карриатурами.

„МІРСКОЙ ТОЛКЪ“

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКІЙ
и литературный журналъ.

Годовая цѣна на оба изданія

съ доставкою и пересылкою—12 р.; полугодовая—7 р.

Въ будущемъ, 1880 году журналы „СВѢТЪ и ТѢНИ“ и „МІРСКОЙ ТОЛКЪ“ будутъ выходить, также какъ и въ настоящемъ, еженедѣльно, въ форматъ большихъ заграничныхъ иллюстрацій; по той-же программѣ, но въ увеличенномъ объемѣ и съ многими улучшениями, какъ въ рисункахъ, такъ и въ текстѣ,—первый исключительно преслѣдуя вопросы чисто-художественные, второй—политическіе, общественные, научные и литературные. Такимъ образомъ, оба эти изданія, составляя какъ бы одно цѣлое и обнима, въ совокупности, всѣ отрасли общественной жизни, политики, литературы, наукъ и искусства, въ состояніи замѣнить собой, для лицъ, не имѣющихъ средствъ подписываться на нѣсколько отдѣльныхъ изданій, одновременно и еженедѣльную политическую газету, и журналъ специально художественный, съ тремя дорогими преміями и массой отдѣльныхъ приложеній, и журналъ карриатурный и юмористическій, и, наконецъ, толстый еженеѣщный журналъ переводныхъ повѣстей и романовъ.

Согласно съ этой программой въ годовое изданіе журнала «СВѢТЪ и ТѢНИ» войдетъ: 1) Сто страницъ бол. формата карриатуръ, иллюминированныхъ красками.—2) Отъ четырехъ до пяти сотъ карриатуръ мелкихъ.—3) Пятьдесятъ, отпечатанныхъ въ нѣсколько томовъ, отдѣльныхъ картинъ.—4) Большой, снабженный изящной обложкой, альбомъ, заключающій въ себѣ шесть оригинальныхъ, исполненныхъ, по заказу редакціи, эскизовъ академика Н. А. Трутовскаго.—5) Такой-же альбомъ, составленный изъ оригинальныхъ работъ др. извѣстнѣйшихъ русскихъ художниковъ; и 6) бесплатная годовая премія—большая, исполненная заграницей, олеографія.

Въ журналъ „Свѣтъ и Тѣни“ примутъ участіе извѣстные русскіе художники: Г.г. С. И. Грибковъ, В. Н. Маков-

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ Главной конторѣ журналовъ „Мірской Толкѣ“ и „Свѣтъ и Тѣни“ (Петровка, д. Товарищества Петровскихъ линій, № 15), куда благоволятъ адресовать свои требованія и г. иногородные.

Съ 10 ОКТЯБРЯ НАСТОЯЩАГО года, для большаго удобства г. подписчиковъ, при Главной Конторѣ журналовъ „Мірской Толкѣ“ и „Свѣтъ и Тѣни“, открытъ **КНИЖНЫЙ и КАРТИННЫЙ МАГАЗИНЪ**, съ приѣмомъ объявленій и подписки и на всѣ другія русскія периодическія изданія, а при редакціи имѣется собственная **ТИПОГРАФІЯ и ХРОМОЛИТОГРАФІЯ**. Всѣ заказы и требованія г. иногородныхъ, какъ книжнымъ магазиномъ, такъ и типографіей, исполняются немедленно и аккуратно. Г. подписчики на „Мірской Толкѣ“ и „Свѣтъ и Тѣни“, при выпискѣ изъ магазина книгъ и картинъ, или заказовъ типографскихъ и литографскихъ работъ, за пересылку ничего не платятъ, а при помѣщеніи въ текстъ названныхъ журналовъ какихъ либо публикацій пользуются уступкой 20%.

Редакторъ-Издатель **Н. Л. Пушкаревъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1880 годъ.

НА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„СОБРАНІЕ КАРТИНЪ“.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1) Фотолитографированныя картины, научныя, историческія, жанровыя, пейзажныя и каррикатурныя, съ пояснительнымъ къ нимъ текстомъ.

2) Объявленія.

— Въ годъ 52 №№, т. е. 208 картинъ.

На первой страницѣ обертки—пояснительный текстъ къ картинамъ, на остальныхъ—объявленія.

Цѣна за годъ безъ доставки въ С.-Петербургъ—3 р.

Цѣна за годъ съ доставкою и пересылкою—4 р.

Цѣна отдѣльнаго № 15 коп.

Плата за объявленія 25 коп. за строку пята

Редакторъ-Издатель Р. Голине.

Адресъ Редакціи: С.-Петербургъ. Невскій, д. № 106.

1—3

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

99 ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ⁶⁶

Въ 1880 году (годъ двѣнадцатый) будетъ издаваться подъ редакціею В. П. Острогорскаго, ежемѣсячными книжками не менѣе семи печатныхъ листовъ, съ политипажами въ текстѣ, отдѣльными картинками и музыкальными приложеніями. Годовое изданіе составитъ четыре тома, болѣе 20 листовъ каждый.

Журналъ «Дѣтское Чтеніе» одобренъ: **Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія**, для библиотекъ начальныхъ и уѣздныхъ училищъ и женскихъ гимназій, Главн. Управленія Военно-Учебн. заведеній, для возрастныхъ библиотекъ младшихъ классовъ военныхъ гимназій и прогимназій, **IV отдѣленіемъ собственнаго Его Императорскаго Величества Канцеляріи** для классныхъ библиотекъ женскихъ учебн. заведеній и Учебнымъ Комитетомъ при С. Синодѣ для училищъ и фундаментальныхъ библиотекъ духовныхъ семинарій.

Въ журналѣ помѣщаются: Небольшія повѣсти и разсказы, очерки изъ народной жизни и быта промышленниковъ, биографіи, статьи по естественной исторіи, явленія природы, путешествія, техническія производства и промыслы, знанія, игры, задачи, и проч. Выборъ статей принаровленъ для чтенія дѣтей отъ 10 до 14 лѣтъ.

Приложеніе: Педагогическій Листокъ (для родителей и воспитателей). Большая часть статей посвящается начальному образованію и домашнему воспитанію. Разбору педагогическихъ и дѣтскихъ книгъ удѣляется значительное мѣсто.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1880 ГОДЪ ПРЕМІЯ:

Безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 5 р. 75 к.

За Педагогическій Листокъ прилагается особо 1 руб.

Марками Редакція проситъ не присылать.

Новые подписчики получаютъ журналъ съ № 1-го.

Подписка принимается: въ С.-Петербурѣ, въ Конторѣ Редакціи—на углу Знаменской и Басова пер., д. № 37—38

«Дѣтское Чтеніе» за прежніе года (1871, 1872, 1873, 1874 и 1875, продается: въ бумажной оберткѣ—3 р. за годъ, составляющій два тома; пересылка за 6 фунтовъ. За 1876 г.—5 руб. въ переплетѣ 6 р., пересылка за 8 фун. по разстоянію, за 1877, 1878, и 1879 г.—по 6 р.; въ тисненомъ золотомъ переплетѣ 7 р. 50 к. и пересылка за 8 ф. по разстоянію.

Контора Редакціи отвечаетъ за своевременную доставку журнала только предъ тѣми подписчиками, которые подписались въ Конторѣ Редакціи.

Дѣтское Чтеніе за 1869, 1870 года все распродано:

Редакторъ В. Острогорскій.

Издатель В. Воровинъ.

1—3.

Съ 1 Сентября 1879 года издается въ Москвѣ.

НОВЫЙ ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ:

ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

По утвержденной программѣ въ составъ его входятъ: 1) Праздничныя распоряженія, касающіяся театровъ; 2) Драматическія сочиненія, разрѣшныя цензурою къ представленію на сценѣ: драмы, трагедіи, комедіи, водевилы, сценны, либретто оперъ, опереттовъ и балетовъ, ежемѣсячно не менѣе трехъ полныхъ пьесъ; 3) Статьи научнаго содержания о театрѣ и драматическомъ искусствѣ; 4) Темы для сценическихъ сочиненій; 5) Театральная критика; 6) Биографія лицъ, извѣстныхъ въ театральномъ мѣрѣ; 7) Слѣбъ; мелкія извѣстія въ предѣлахъ программы изданія; 8) Стороннія сообщенія и отвѣты редакціи; 9) Театральная хроника; извѣстія объ иногороднихъ представленіяхъ; 10) Объявленія отъ артистовъ, желающихъ имѣть мѣста при театрахъ актеровъ, пѣвцовъ, канальмейстеровъ, музыкантовъ, декораторовъ, гримировъ и пр.; 11) Объявленія приглашеній помочутыхъ лицъ антрепренерами театровъ и 12) Объявленія частныя.

На основаніи этого, въ первой книгѣ, въ Сентябрѣ 1879 года, помѣщены: статьи отъ редакціи „НАША ПРОГРАММА“. Синоскъ Іоанновичъ Герднй Великій князь Московскій. Драма въ 5 дѣйствіяхъ и 9 картинкахъ, изъ временъ 1345—1353 г.—Г. Н. Новосельскій. Изъ Семейной Хроникѣ. Комдія въ 3 дѣйствіяхъ. — И. В. Самарина. Сколькимъ путемъ—на большую дорогу. Драматическая комедія въ 5 дѣйствіяхъ.—Князь Н. П. Урусова. Съ огнемъ не играй. Комедія въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ нѣмецкаго. Григорій Наумовичъ Новосельскій. (Биографическій очеркъ)—Н. Шаповалова Эмиль Золя какъ сценическій критикъ и драматургъ. Искусство чтенія. Эрнста Легуве, члена Французской Академіи. Переводъ съ французскаго съ предисловіемъ отъ редакціи.—Гл. I—IX. Заграничная школа. (Изъ упоминаемой русской).—Гл. I—XI. Записки Актера. Гл. I—III.—Н. Струженина. къ открытію сезона. (Записка о Маломъ театрѣ). Нашъ французскій театръ. (Письмо изъ Петербурга).—М. М. Замидиня сценны. („Французская комедія“ въ Лондонѣ). Синоскъ пьесъ, дозволенныхъ драматическою цензурою къ представленію безусловно и съ исключеніями, съ 1-го Іюля 1878 года по 1 Января 1879 года. Синоскъ пьесамъ Гг. членовъ Общества драматическихъ писателей, игравшимъ на провинціальныхъ театрахъ, за Январь 1878 года. Частныя объявленія.

Такимъ образомъ, журналъ „Театральная Библиотека“ будетъ доставлять публикѣ возможность всесторонне знакомиться съ драматическою литературою и научною стороною театральнаго дѣла; причемъ редакція озаботится помѣщеніемъ въ журналѣ, сверхъ оригинальныхъ пьесъ русскихъ авторовъ, — хорошихъ переводовъ, какъ древнихъ классическихъ, такъ и современныхъ иностранныхъ драматическихъ произведеній, а равно и научныхъ оригинальныхъ переводныхъ сочиненій, относящихся до драмы и сценны.

Издавая книгу въ виду еще и то, что спеціального журнала по драматургіи и сценическому искусству уже много лѣтъ въ Россіи не было, а всѣ существующіе журналы, кромѣ другихъ цѣли и задачи, весьма рѣдко открывали и открываютъ свои страницы для драматическихъ сочиненій и вслѣдствіе сего трудъ большинства пишущихъ для театра, оставался не оглашеннымъ въ печати, пропадають безслѣдно для исторіи драматической литературы и фактически для самихъ авторовъ, тогда какъ журналъ „Театральная бібліотека“ устраняетъ это неудобство.

Кромѣ того, помѣщеніе въ журналъ самокъ нѣсть, дозволенныхъ къ представленію драматической цензурою, значительно облегчить авторамъ и актерамъ провинціальныхъ и частныхъ театровъ получение отъ мѣстныхъ властей разрѣшеній на постановку пьесъ на сцену, такъ какъ при этомъ условіи журналъ „Театральная бібліотека“, за прекращеніемъ книгъ изданія Правительственнаго указателя, будетъ служить не только справочной книгой, но даже руководствомъ и для самихъ властей, дающихъ разрѣшеніе на устройство спектаклей.

Подписка на книгу:

Съ 1-го сентября 1879 по 1-е января 1880 года.

Въезъ доставки:	Съ доставкою въ Москвѣ:	Съ пересылкою изъ городовъ:
5 р.	5 р. 50 к.	5 р. 75 к.

Съ 1-го января 1880 г.

Въезъ доставки:	Съ доставкою въ Москвѣ:	Съ пересылкою изъ городовъ:
На 15 мѣс. 12 р.	На 12 мѣс. 13 р.	На 12 мѣс. 13 р. 50 к.
„ 6 „ 8 „ 50 „	„ 6 „ 7 „	„ 6 „ 7 „ 25 „
„ 3 „ 4 „	„ 3 „ 4 „ 50 „	„ 3 „ 4 „ 75 „

При годовой подпискѣ можетъ быть сдѣлана и разсрочка по третямъ со взносомъ за мѣсяць впередъ до истеченія оплаченной трети и со включеніемъ пересылочныхъ на весь годъ въ первый платежъ.

Подписка принимается:

Въ Москвѣ: въ Редакціи журнала, въ Бромѣй. въ Петѣйскомъ дворцѣ въ квартирѣ Николая Львовича Иванова, ежедневно отъ 10 часъ утра до 3 часовъ дня; въ книжныхъ магазинахъ М. Г. Соловьева и А. Вонюкова, на Огостномъ бульварѣ; при бібліотекѣ С. Ф. Гавсодкина, въ домѣ Шабомина, по газетному пер.; въ департаментской канторѣ объявленій для всѣхъ европейскіхъ газетъ, Большая Дмитровка, домъ Вучкова. Въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ И. О. Тихонова, по Мясному переулку, въ зданіи Литовскаго рынка. Въ Одессѣ при южномъ агентствѣ журналовъ и газетъ, д. Вагнера, на Ланжеронской улицѣ. Въ Казани: въ книжно-музыкальномъ магазинѣ „Восточная Лира“.

Д. шлюхродные благодарятъ адресоват., ; непосредственно въ Редакцію.

Редакторъ-Издатель И. Шабоминашъ.

Въ Редаціи „ИСТОРИЧЕСКОЙ БИБЛИОТЕКИ“ (Ф.-Петербургъ, Больш. Садовая, д. 121, кв. 12),

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Очерки древне-римской жизни. *Т. Симонса*
1879 г. Ц. 1 руб. 20 к.

Ното сит, романъ *Эберса.* С.-П.-Б., 1878 г. Цѣна
1 руб. 20 коп.

Россія и Турція отъ возникновенія политическихъ между ними отношеній до Лондонскаго трактата (включительно). Истор. очеркъ *Д. Бухарова.* С.-П.-Б. 1878 г. Ц. 1 руб. 20 коп.

Московское княжество въ I половинѣ XIV в. Историческій этюдъ *П. Полежаева,* С.-П.-Б. 1878 г. Ц. 1 руб.

Рыцарь или Дама Истор. повѣсть *Самарова*
1878 г. Ц. 1 руб.

Экономическій бытъ крест. населенія передъ крѣпостн. правомъ и колонизація юго-восточныхъ степей *П. Соколовскаго* 1878 г. Ц. 1 руб. 70 коп.

Изданія эти продаются и во всѣхъ извѣстныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ.

Выписывающіе прямо изъ Редаціи за пересылку не прилагаютъ.

1112-2437

„ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

въ 1880 г.

БУДЕТЬ ВЫХОДИТЬ ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ И ВЪ ТѢХЖЕ СРОКИ.

Цѣна годовому изданію 6 руб. 50 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб.

Подписка приимается въ С.-Петербургѣ въ Редакціи журнала (Больш. Садовая домъ 121 кв. 12) и въ книжномъ магазинѣ Я. Исакова, Невскій просп. Гостиный дворъ № 24.

Гг. Иногородные благоволятъ адресоваться: въ Петербургѣ въ редакцію журнала „Историческая Библиотечка“ (Больш. Садовая домъ 121, кв. 12).

1. Редакція отвѣчаетъ за доставку журнала подписавшимся только въ мѣстахъ, означенныхъ въ объявленіи.

2. Редакція проситъ гг. подписчиковъ точно обозначать свое имя, отчество и фамилію, а также и то почтовое учрежденіе, куда долженъ быть журналъ адресованъ; иначе редакція не отвѣчаетъ за правильную доставку.

3. Подписчики, желающіе перемѣнить адресъ, благоволятъ своевременно увѣдомить о новомъ мѣстѣ жительства, съ обозначеніемъ прежняго, при чемъ за всякую перемѣну уплачивается 50 коп.

4. Желающіе доставить свои произведенія въ Редакцію должны обозначать свой адресъ и подробныя условія, безъ обозначенія послѣднихъ, редакція не будетъ считать себя обязанною входить съ авторомъ въ какіе-либо расчеты.

Редакторъ-издатель П. В. Полежаевъ.

